

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2014 № 3 (59) Т. 1

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (г. Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (г. Новосибирск, Россия).
Бабич М. – д-р юр. наук, проф. Баян-Лукского университета (г. Баян Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (г. Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Weltrends» (г. Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. – проф. природно-математического факультета Приштинского университета (г. Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – д-р филол. наук, Сеульский национальный университет (г. Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (г. Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (г. Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. ред., председатель.
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф.
Бибило В. Н. – д-р юр. наук, проф. (Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф.
Гудов А. М. – д-р ф.-м.н., доцент.
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф.
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф.
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф.
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф.
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки.
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф.
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор.
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф.
Соколова Я. – канд. филол. наук, проф. (Словакия).
Черненко Т. Г. – д-р юр. наук, проф.
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф.
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф.
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф.
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф.

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – *В. А. Шерина*

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2014 № 3 (59) Vol. 1

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-in-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Prof. at the Faculty of Science and Mathematics of the University in Pristina, President of Impex Company (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair.
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof.
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof. (Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof.
A. M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof.
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof.
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof.
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof.
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Associate Prof.
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof.
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor.
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof.
Ya. Sokolova – Candidate of Philology, Prof. (Nitra, Slovakia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof.
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof.
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof.
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof.
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof.

Issue editor:

N. S. Yakimova, L. S. Starikova, V. P. Dolgikh
Computer layout – *V. A. Sherina*

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации:
ПН ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес издателя:

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписные индексы:

Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration:
ПН ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Publisher Address:

650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:

42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Li-brary. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index".

<http://elibrary.ru>

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 8 *Савченко Я. А., Минина В. И.* Хромосомные aberrации и полиморфизм генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК у рабочих теплоэнергетики

ИСТОРИЯ

- 14 *Абдусаламов М.-П. Б.* Шамхальство Тарковское в политике России на Кавказе в конце XVI – первой половине XVII в.
- 21 *Звягин С. П., Ликстанов И. М.* Кадровый состав тюрем антибольшевистских правительств в Восточной Сибири (1918 – 1919 гг.)
- 26 *Звягин С. П., Ликстанов И. М.* Численность и состав заключенных в тюрьмах антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири (1918 – 1919 гг.)
- 31 *Тышита Е. В.* Деятельность руководства Республики Алтай по борьбе с экономическим кризисом в 1992 – 1993 гг.
- 36 *Хряков А. В.* В поисках могилы короля. Немецкий историк Карл Эрдман против одного нацистского мифа

МАТЕМАТИКА

- 41 *Семыкина Н. А.* Исследование устойчивости системы, моделирующей распространение вредоносного кода
- 46 *Степанов А. В.* Счетчики с выключаемыми разрядами и изменяемым основанием системы счисления в компьютерных процедурах, реализующих метод простого перебора

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- 51 *Шальнев В. А., Ляшенко Е. А., Неведова М. В.* Учение о территориальной рекреационной системе: утраченные иллюзии или новые возможности

ПЕДАГОГИКА

- 55 *Абросимова И. Н.* К вопросу о структуре и компонентном составе профессиональной иноязычной компетентности студентов энергетического профиля
- 60 *Барина Л. В.* Проблемы взаимодействия школы и семьи в трудах отечественных педагогов в XIX веке
- 65 *Галиахметова А. Т., Артамонова Е. В.* Инновационное развитие вуза на основе интеграции контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников
- 68 *Градусова Т. К., Жукова Т. А.* Управление методической работой вуза на основе педагогической модели деятельности методической службы вуза

BIOLOGY

- 8 *Ya. A. Savchenko, V. I. Minina.* Chromosomal aberrations and polymorphism of genes of xenobiotics biotransformation and DNA repair enzymes in heat power industry workers

HISTORY

- 14 *M.-P. B. Abdusalamov.* Shamkhalate of Tarky in the Russian Caucasian politics in the late 16th – first half of the 17th centuries
- 21 *S. P. Zvyagin, I. M. Likstanov.* Personnel of prisons of anti-bolshevik governments in eastern Siberia (1918 – 1919)
- 26 *S. P. Zvyagin, I. M. Likstanov.* Number and composition of prisoners in prisons of anti-bolshevik governments in eastern siberia (1918 – 1919)
- 31 *E. V. Tyshta.* Activities of the Altai republic authorities aimed at fighting the economic crisis in 1992 – 1993
- 36 *A. V. Khryakov.* In search of the King's grave. German historian Carl Erdmann against one of Nazi myths

MATHEMATICS

- 41 *N. A. Semykina.* Analysis of the stability of the malware propagation model
- 46 *A. V. Stepanov.* Counters with switched-off categories and changeable basis of numeral system in computer procedures realizing the method of simple search

EARTH SCIENCE

- 51 *V. A. Shalnev, E. A. Lyashenko, M. V. Nefedova.* Doctrine of territorial recreational system: lost dreams or new opportunities

PEDAGOGICS

- 55 *I. N. Abrosimova.* To the problem of the structure and components of the professional foreign language competence of engineering students
- 60 *L. V. Barinova.* Problems of interaction between school and family in the works of Russian teachers of the 19th century
- 65 *A. T. Galiakhmetova, E. V. Artamonova.* Innovative development of the university based on the integration of control and additional professional education of academic staff
- 68 *T. K. Gradusova, T. A. Zhukova.* Management of methodical work in the university on the basis of the pedagogical model of work the university's Methodical Department

- 75 **Касаткина Н. Э., Брыксина Е. С.** Возрастные особенности подростков и методы организации образовательного процесса
- 79 **Кожина Е. В., Мартынова Т. Н.** Теоретические аспекты проблемы формирования направленности старшеклассников на здоровый образ жизни
- 85 **Симкин М. Л., Ланина Е. М.** Теоретико-методологический анализ изучения монологической речи младших школьников с задержкой психического развития

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 88 **Аюпова А. Х.** Особенности самореализации российской молодежи: социокультурный анализ
- 92 **Казаков М. А., Лысцев М. С.** Национальные интересы России и Финляндии в Арктике: реальность перспектив сотрудничества
- 97 **Кисляков М. М.** Внедрение технологий политического маркетинга в регионах России
- 100 **Ланге О. В.** К вопросу о специфике современных подходов к природе манипулятивных технологий в политике
- 105 **Мамаев И. Е.** К вопросу о структурном анализе в исследованиях властно-политической проблематики Н. Лумана
- 109 **Пугачев А. В.** Экологическая политика в некоторых европейских странах: различные подходы

ПСИХОЛОГИЯ

- 113 **Аргентова Т. Е., Колотилина В. В.** Семья повторного брака как феномен современной социальной жизни
- 118 **Бубарева В. Е.** Проблемы психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха
- 122 **Кузнецов Д. И.** Разработка эмпирического исследования развивающего потенциала системы деятельностей личности
- 127 **Кулакова М. В.** Особенности использования методов психокоррекции с целью оптимизации процесса психологической адаптации военно-служащих, проходящих службу по призыву
- 131 **Морозова И. С., Белогай К. Н., Отт Т. О.** Социально-психологическая поддержка семей, воспитывающих дошкольников с особыми потребностями
- 135 **Неяскина Ю. Ю.** Взаимосвязь личностных ресурсов и субъективной оценки качества жизни (на примере осмысленности жизни и жизнестойкости)
- 143 **Сокольская М. В., Олифер О. О.** Личность преподавателя как модель профессионального становления личности студента
- 148 **Фризен М. А.** Саморазвитие как форма экзистенциальной ответственности личности

- 75 **N. E. Kasatkina, E. S. Bryksina.** Age peculiarities of teenagers and methods of educational process organization
- 79 **E. V. Kozhina, T. N. Martynova.** Theoretical aspects of the of problem forming senior school students' orientation at healthy lifestyle
- 85 **M. L. Simkin, E. M. Lanina.** Theoretical and methodological analysis of studying monologues of primary school students with mental retardation

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 88 **A. Kh. Ayupova.** Characteristics of Russian young people's self-realization: social and cultural analysis
- 92 **M. A. Kazakov, M. S. Lystsev.** National interests of Russia and Finland in the arctic: reality prospects of cooperation
- 97 **M. M. Kislyakov.** Implementation of political marketing technologies in the regions of Russia
- 100 **O. V. Lange.** To the question of specifics of modern approaches to the nature of manipulative technologies in politics
- 105 **I. E. Mamaev.** On structural analysis in the study of Nicklas Luhmann's power-political perspective of
- 109 **A. V. Pugachev.** Environmental policies in some european countries: different approaches

PSYCHOLOGY

- 113 **T. E. Argentova, V. V. Kolotilina.** Step-family as a phenomenon of modern social life
- 118 **V. E. Bubareva.** Problems of psychological readiness for school education of children with hearing impairment
- 122 **D. I. Kuznetsov.** Designing empirical methods for studying the developmental potential of a personality's system of activities
- 127 **M. V. Kulakova.** Special aspects of using psycho-correctional methods to optimize the process of conscripts' adaptation
- 131 **I. S. Morozova, K. N. Belogay, T. O. Ott.** Psychological support for families raising preschool children with special needs
- 135 **Yu. Yu. Neyaskina.** Personal resources and subjective life quality appreciation interrelation research (on the example of life conciseness and hardiness)
- 143 **M. V. Sokolskaya, O. O. Olfier.** Lecturer's personality as a model of professional formation of student's personality
- 148 **M. A. Frizen.** Self-development as a form of personality's existential responsibility

ФИЗИКА

- 153 **Муратов Т. Т.** Вклад резонансного рассеяния квазидвух- и трехмерных носителей заряда в уширение кривой классического циклотронного резонанса

ФИЛОЛОГИЯ

- 162 **Ащеулова И. В.** Труд души человека как сохранение исторической памяти рода в романах В. Шарова
- 167 **Ковалева Е. К.** Контекстуальная синонимия в дискурсе информационно-технических блогов как средство реализации ключевых концептов
- 171 **Колмакова О. А.** Поэтика деструкции в прозе М. Шишкина
- 174 **Косоногова О. В., Малащенко М. В.** Словообразовательные модели онимических терминов англоязычной юридической терминологии
- 181 **Синегубова К. В.** Специфика инициации в монодраме Е. Гришковца «Как я съел собаку»
- 184 **Хованская Е. А.** Исследование языковой способности: психолого-педагогический и методические аспекты
- 188 **Шурупова О. С., Коротина Г. И.** «Юные и невинные...» (ребенок как устойчивый тип героя в лондонском тексте английской литературы)

ФИЛОСОФИЯ

- 192 **Воронина М. В.** Понятие духовного сердца в философии Шри Чинмоя
- 199 **Грицкевич Т. И.** Управляемость в социальных изменениях: возможности реформирования и неопределенность
- 203 **Жукова О. И., Жуков В. Д.** Антиномичный характер науки в условиях современного социума
- 206 **Казаков Е. Ф.** Образ Богородицы как архетип русской души
- 210 **Нуриев Б. Д.** Терминологический инструментарий лингвофилософии аль-Фараби
- 214 **Чжан Фань.** Осмысление феномена «духовная культура» в современной китайской философской мысли

ХИМИЯ

- 218 **Каленский А. В., Зыков И. Ю., Кригер В. Г., Никитин А. П., Адуев Б. П.** Спектральная зависимость критической плотности энергии инициирования тэна, содержащего наночастицы золота
- 224 **Лисков И. Ю., Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р., Никитин А. П., Ковалев Р. И.** Влияние размера включений на порог взрывчатого разложения смесевых составов на основе тэна и включений NI и AL при лазерном воздействии

ЭКОНОМИКА

- 227 **Бондарев Н. С.** К вопросу об оценке влияния факторов производства на сельское хозяйство промышленного региона

PHYSICS

- 153 **T. T. Muratov.** Contribution of the resonance scattering of quasi-two- and three-dimensional mobile carriers to dissipation of classical cyclotron resonance curve

PHILOLOGY

- 162 **I. V. Asheulova.** Work of person's soul as preservation of family's historical memory in V. Sharov's novels
- 167 **E. K. Kovaleva.** Contextual synonymy of Information Technology blogs discourse as a way of concept representation
- 171 **O. A. Kolmakova.** Poetics of destruction in M. Shishkin's prose
- 174 **O. V. Kosonogova, M. V. Malashchenko.** Word-formation models of proper name-based terms in Legal English
- 181 **K. V. Sinegubova.** Specificity of initiation in E. Grishkovets's monodrama «How I ate a dog»
- 184 **E. A. Khovanskaya.** Study of the language ability: psycho-pedagogical and methodical aspects
- 188 **O. S. Shurupova, G. I. Korotina.** 'The innocent and young...' (a child as a certain type of character in London text of English literature)

PHILOSOPHY

- 192 **M. V. Voronina.** The concept of spiritual heart in Sri Chinmoy's philosophy
- 199 **T. I. Gritskovich.** Controllability in social changes: possibilities of reforming and uncertainty
- 203 **O. I. Zhukova, V. D. Zhukov.** Antinomic nature of science in present-day society
- 206 **E. F. Kazakov.** Theotokos as the archetype of the Russian soul
- 210 **B. D. Nuriev.** Terminological tools of al-Farabi's linguophilosophy
- 214 **Zhang Fan.** Understanding the concept of "spiritual culture" in contemporary Chinese philosophical thought

CHEMISTRY

- 218 **A. V. Kalenskiy, I. Yu. Zykov, V. G. Krieger, A. P. Nikitin, B. P. Aduyev.** Spectral dependence of critical density of energy for initiation of PETN (pentaerythrityl tetranitrate) containing nanoparticles of gold
- 224 **I. Yu. Liskov, B. P. Aduyev, D. R. Nurmukhametov, A. P. Nikitin, R. I. Kovalev.** Influence of the size of inclusions on the threshold of explosive decomposition of mixture compositions on the basis of PETN (pentaerythrityl tetranitrate) and inclusions of Ni and Al under laser influence

ECONOMICS

- 227 **N. S. Bondarev.** To the question of assessing the influence of production factors on agriculture in an industrial region

232 Васильева Л. Б. Направления повышения инвестиционной привлекательности промышленного региона 236 Глотина И. М. Современная архитектура исследования категории «экономическая безопасность» 239 Долгих Т. В. Практические аспекты учета готовой продукции и пути его совершенствования в отечественной практике в условиях перехода на МСФО 244 Дружкова В. Н. Анализ и оценка финансовой стратегии организации с позиции применения различных подходов и методов их проведения на основе материалов конкретного хозяйствующего субъекта 248 Скрипникова Г. В., Ширманова Г. С. Трудовая мотивация и ее влияние на качество жизни работников 253 Чупрякова А. Г. Проблемы финансового обеспечения деятельности местного самоуправления региона: пути решения ЮРИСПРУДЕНЦИЯ 258 Гааг И. А., Разыграева Е. Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных со злоупотреблением и превышением должностных полномочий 262 Гулиева Н. Б. Уголовно-правовая защита чести, достоинства и репутации от незаконного распространения сведений о частной жизни лица 265 Терентьева В. А. Исторический аспект развития освобождения от уголовного наказания в период становления советского государства 269 Правила для авторов журнала 271 Подписка на «Вестник КемГУ»	232 L. B. Vasilieva. Courses of increasing investment attractiveness of industrial regions 236 I. M. Glotina. Modern architectonics of studying the category of economic safety 239 T. V. Dolgikh. The practicalities of accounting of finished goods and the ways of its improving in the domestic practice in the conditions of a transition to the IFRS 244 V. N. Druzhkova. Analysis and assessment of an organization's financial strategy from the position of applying different approaches and methods of their conducting as exemplified by a particular economic subject 248 G. V. Skripnikova, G. S. Shirmanova. Labour motivation as life quality estimation factor 253 A. G. Chupryakova. Problems of financial security of the region's local government's activities: ways of solution JURISPRUDENCE 258 I. A. Gaag, E. N. Razygraeva. Problems of qualification of criminal offences connected with abuse of office and exceeding official power 262 N. B. Gulieva. Criminal law protection of honour, dignity and reputation from illicit dissemination of information about the private life of an individual 265 V. A. Terentieva. Historical aspect of exemption from criminal punishment during the rising of the Soviet state 269 Information and instructions for authors 271 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 575.224.23:616:575.17

ХРОМОСОМНЫЕ АБЕРРАЦИИ И ПОЛИМОРФИЗМ ГЕНОВ ФЕРМЕНТОВ БИОТРАНСФОРМАЦИИ КСЕНОБИОТИКОВ И РЕПАРАЦИИ ДНК У РАБОЧИХ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИКИ

Я. А. Савченко, В. И. Минина

CHROMOSOMAL ABERRATIONS AND POLYMORPHISM OF GENES OF XENOBIOTICS BIOTRANSFORMATION AND DNA REPAIR ENZYMES IN HEAT POWER INDUSTRY WORKERS

Ya. A. Savchenko, V. I. Minina

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ №13-06-98014 р-Сибирь-а, соглашения №19 с АКО, программы «УМНИК» по Кемеровской области, государственного задания Минобрнауки РФ №2014/64.

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи частоты хромосомных aberrаций с полиморфными вариантами генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК у работников теплоэнергетического производства. Показано, что в опытной группе частота метафаз с aberrациями составила $3,91 \pm 0,15 \%$, что статистически значимо выше, чем в группе контроля $2,06 \pm 0,17 \%$. Установлено, что цитогенетические нарушения не зависели от пола, возраста и стажа. Проведенный сравнительный анализ полиморфных локусов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК в группах рабочих основных производственных цехов и контрольных доноров выявил статистически значимые отличия в частоте встречаемости мажорного *TT* и гетерозиготного *TG* генотипов гена *APE1*. Частота хромосомных нарушений была значимо выше у обладателей генотипов *GSTM1* «0/0», *GA* гена *XRCC1*, *TG* гена *APE1* – в опытной группе; *GSTM1* «0/0», *GA* гена *XRCC1*, *TC* гена *ADPRT* – в группе контроля. Было установлено, что уиндивидуумов с комбинацией *GSTM1* «0/0» и *GSTT1* «0/0» уровень хромосомных aberrаций достоверно выше, чем у испытуемых с «защитной» формой этих генов.

The paper presents the results of researching the connection between frequency of chromosomal aberrations and polymorphic variants of genes of xenobiotics biotransformation and DNA repair enzymes in heat power industry workers. The authors show that in the experimental group the frequency of metaphases with aberrations was $3,91 \pm 0,15 \%$, which was statistically significantly higher than in the control group: $2,06 \pm 0,17 \%$. Cytogenetic disorders did not depend on sex, age and working experience. The comparative analysis of polymorphic loci of genes of xenobiotics biotransformation and DNA repair enzymes in groups of major production facilities workers and control donors showed statistically significant differences in the incidence of the major *TT* and heterozygous *TG* genotypes of the *APE1* gene. The frequency of chromosomal abnormalities was significantly higher in holders of *GSTM1* «0/0», *GA* genotypes of the *XRCC1* gene, *TG* genotype of the *APE1* gene – in the experimental group; *GSTM1* «0/0», *GA* of the *XRCC1* gene, *TC* of the *ADPRT* gene – in the control group. It has been established, that in individuals with the combination of *GSTM1* «0/0» and *GSTT1* «0/0» levels chromosomal aberrations are significantly higher than in the the examinees with the «protective» form of these genes.

Ключевые слова: теплоэнергетика, хромосомные aberrации, гены ферментов биотрансформации ксенобиотиков, гены ферментов репарации ДНК.

Keywords: heat power industry, chromosomal aberrations, genes of xenobiotics biotransformation enzymes, genes of DNA repair enzymes.

Современное производство характеризуется многообразием контактов работающих с потенциальными мутагенами и канцерогенами, действие которых проявляется различными генотоксическими эффектами [11, с. 33 – 36; 14 с. 10 – 14]. Одна из наиболее неблагоприятных в экологическом отношении отраслей промышленности – теплоэнергетика. Согласно литературным данным рабочие, занятые на предприятиях теплоэнергетического комплекса (ТЭК), подвержены воздействию целого комплекса негативных химических (ПАУ, сернистый ангидрид, окислы азота, едкий натр, аммиак и др.) и физических (шум, вибрация, загазованность) факторов [15, с. 56 – 62; 3, с. 158 – 163; 6, с. 1525 – 1530], следст-

вие чего могут появляться нарушения в генетическом аппарате человека [19, с. 857 – 862].

Важнейшую роль в защите генома клетки от воздействия генотоксикантов вносят системы ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК. В настоящее время накоплен определенный экспериментальный материал о значимости роли отдельных аллельных вариантов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК в формировании индивидуальной чувствительности к широкому спектру наиболее распространенных мутагенов [17, с. 32 – 37; 16, с. 275 – 279; 12, с. 43 – 51; 13, с. 34 – 38].

В связи с вышесказанным, целью исследования явилось изучение хромосомных aberrаций (ХА) у рабочих ТЭК г. Кемерово в сочетании с оценкой генетического полиморфизма по отдельным ферментативным системам, определяющим особенности метаболизма ксенобиотиков (процессы активации, детоксикации) и генов ферментов репарации ДНК.

Материалы и методы

Для анализа ХА в соматических клетках рабочих данного производства было обследовано 421 рабочий ТЭК г. Кемерово. Опытную группу составили 280 работников основных производственных цехов со стажем работы во вредных условиях труда $14,4 \pm 0,5$ лет. Средний возраст составил $40,4 \pm 0,6$ лет. В качестве группы контроля было обследовано 141 человек, не занятых на основном производстве (работники заводоуправления и Центра здоровья «Энергетик») со стажем работы $14,8 \pm 0,7$ лет (средний возраст составил $43,8 \pm 0,7$ лет).

Анализ генотоксических эффектов у рабочих в зависимости от генотипов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков (*CYP1A1*2A*, *CYP1A2*1F*, *GSTM1*, *GSTT1*) был проведен у 308 человек (опытная группа – 197 человек; группа контроля – 111 человек).

Анализ генотоксических эффектов у рабочих в зависимости от генотипов генов ферментов репарации ДНК (*XRCC1*, *APEX1*, *hOGG1*, *ADPRT*, *XPB*) был проведен у 190 человек (опытная группа – 95 человек; группа контроля – 95 человек).

Сбор анамнестических данных проводили путем устного анкетирования и анализа медицинских карт. Учитывали наличие хронических и инфекционных заболеваний, курение, прием лекарственных препаратов и рентгенодиагностические процедуры за 3 месяца до сбора материала. Все обследованные заполнили информированное согласие на участие в исследовании. Материалом для исследования послужила цельная периферическая кровь, забиравшаяся в период медицинских осмотров. Культивирование клеток крови осуществляли по стандартному полумикрометоду [5, с. 333 – 338]. Препараты анализировали под микроскопом Axioskop 2 plus (CarlZeiss).

Для анализа полиморфизма генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и генов ферментов репарации ДНК выделяли геномную ДНК из периферической крови с помощью метода фенол-хлороформной экстракции. Протяженные делеции в генах *GSTT1* и *GSTM1* анализировали с помощью наборов реактивов ООО «СибДНК» (г. Новосибирск) методом мультиплексной ПЦР с флуоресцентной детекцией результатов в режиме реального времени (Real-time PCR). Для генов *GSTM1* и *GSTT1* определяли два генотипа – гомозиготный по делеции («0/0») и положительный, т. е. несущий функциональную аллель в гомозиготном («+/+») либо гетерозиготном состоянии («+/0»). Полиморфизм локусов *3801 T>C* гена *CYP1A1*2A* и *-163 C>A* гена *CYP1A2*1F* проводили с помощью методов ПЦР – ПДРФ с использованием наборов ООО «СибДНК» (г. Новосибирск). Для рестрикции использовали рестриктазу Bst2U. Полиморфизм локусов *839 G>A* гена *XRCC1*, *444 T>G* гена *APEX1*, *977 C>G* гена *hOGG1*, *2285 T>C* гена *ADPRT*

и *2251 A>C* гена *XPB* определяли методом аллель-специфической ПЦР с использованием наборов «SNP-экспресс» (НПФ «Литех», г. Москва). ПЦР проводили на амплификаторах ТЕРЦИК (НПФ «ДНК-Технология», Россия) по программе, рекомендованной производителем набора. Амплифицированные фрагменты ДНК разделяли электрофоретически в горизонтальном 3 %-ном агарозном геле. После окончания электрофореза гель окрашивали раствором бромистого этидия и визуализировали в проходящем ультрафиолетовом свете на трансиллюминаторе.

Статистическую обработку данных проводили с использованием пакетов прикладных программ для Windows Statistica 6.0. Для показателей частоты и спектра хромосомных aberrаций рассчитывали средние значения и их стандартные ошибки ($M \pm m$). Распределение всех использованных показателей сравнивалось с нормальным (методом Шапиро-Уилкса). По результатам анализа установлено, что распределение всех изучаемых цитогенетических параметров отличалось от нормального. На основании этого в дальнейшем для сравнения групп использовали ранговый U-тест Манна-Уитни (U_{M-W}). Сравнение частот генотипов проводили с помощью четырехпольной таблицы сопряженности с поправкой Йетса на непрерывность вариации (χ^2). Нулевую гипотезу отвергали при $p \leq 0,05$. Соответствие распределения частот генотипов равновесию Харди-Вайнберга оценивали с помощью сравнения ожидаемых (рассчитанных по уравнению Харди-Вайнберга) и наблюдаемых частот генотипов (<http://www.genes.org.uk/software/hardy-weinberg.shtml>).

Результаты исследования и обсуждение

В результате проведенного исследования было установлено, что частота ХА в опытной группе рабочих, непосредственно занятых на производстве составила $3,91 \pm 0,15$ %, что статистически значимо выше, чем в группе контроля – $2,06 \pm 0,17$ % ($U_{M-W} = 10810,00$; $p < 0,001$).

В опытной группе общее увеличение частоты хромосомных aberrаций достигается за счет одиночных фрагментов – $3,30 \pm 0,14$ % ($U_{M-W} = 11680,00$; $p < 0,001$) и нестабильных обменов хромосомного типа, представленных дицентрическими хромосомами – $0,17 \pm 0,02$ % ($U_{M-W} = 17969,50$; $p < 0,05$). Увеличение частоты встречаемости маркерных для облучения ХА (дицентриков) является характерным для контингентов работников предприятий, связанных с переработкой каменного угля и других полезных ископаемых [9, с. 21 – 23].

Анализ основных цитогенетических показателей в изученных группах показал, что такие параметры обследуемых, как пол и возраст, не являются факторами, существенно модифицирующими уровень хромосомных нарушений, так как ни в одной из изученных групп половозрастные особенности не влияли на частоту ХА.

В отношении способности курения влиять на уровень хромосомных нарушений в исследуемых группах выявляется односторонняя закономерность – увеличение частоты aberrантных метафаз среди курящих по сравнению с некурящими (таблица 1).

Тот факт, что в изученных производственных выборках различия по частотам цитогенетических повреждений между курящими и некурящими не достигают порога достоверности, позволяет заключить, что фактор курения не является ведущим; отмечается

лишь способность несколько модифицировать частоту хромосомных aberrаций.

Далее мы анализировали влияние стажа работы на частоту ХА в исследуемых группах. Результаты представлены в таблице 2.

Таблица 1

Уровень метафаз с aberrациями в исследуемых группах в зависимости от курения

Группа		Опытная группа		Группа контроля	
		n	частота aberrаций на 100 клеток	n	частота aberrаций на 100 клеток
Курение	«Да»	150	3,97 ± 0,22*	26	2,11 ± 0,19
	«Нет»	130	3,84 ± 0,21*	115	1,81 ± 0,31

Примечание: * – достоверно отличается от группы контроля, $p < 0,05$.

Таблица 2

Уровень aberrантных метафаз в зависимости от стажа

Стаж, лет	Опытная группа		Группа контроля	
	n	частота aberrаций на 100 клеток	n	частота aberrаций на 100 клеток
до 10	107	3,89 ± 0,25*	57	1,89 ± 0,23
от 10 до 20	123	3,61 ± 0,19*	50	2,22 ± 0,26
более 20	58	4,58 ± 0,41*	30	2,07 ± 0,43

Примечание: * – достоверно отличается от группы контроля, $p < 0,05$.

Анализ частот хромосомных нарушений у рабочих основных профессий теплоэнергетического комплекса, дифференцированных по времени работы на предприятии, показал, что минимальное значение числа aberrантных метафаз ($3,61 \pm 0,19\%$) отмечается в группе с продолжительностью стажа от 10 до 20 лет; максимальное ($4,58 \pm 0,41\%$) – среди лиц, проработавших на ТЭК в среднем более 20 лет. Сравнение в частоте aberrантных метафаз между различными стажевыми группами рабочих ТЭК не выявило статистически значимых различий. В то же время было установлено, что уровень ХА в опытной группе достоверно отличался от группы контроля во всех стажевых группах.

Для выявления роли различных аллельных вариантов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК в формировании хромосомных нарушений у рабочих теплоэнергетического производства был проведен анализ полиморфных локусов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК в исследуемых группах.

Было установлено, что распределения частот аллелей и генотипов изученных генов в исследуемых группах не имели отклонений от равновесия Харди-Вайнберга ($p > 0,05$), что свидетельствует о сбалансированности состава изученных выборок.

Проведенный сравнительный анализ изученных полиморфных локусов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков и репарации ДНК в группах рабочих основных производственных цехов и контрольных доноров выявил статистически значимые отличия в частоте генотипов гена *APE1*.

Исследование полиморфизма гена *APE1* в исследуемых группах выявило статистически значимые отличия в частоте встречаемости мажорного *TT* и гетерозиготного *TG* генотипов гена *APE1*. Частота генотипа *TT* в группе контроля достигала 37,89 %, что статистически значимо выше по сравнению с частотой данного генотипа в опытной группе – 23,16 % ($\chi^2 = 4,19$; $p = 0,0406$). В то же время в опытной группе наблюдалось значимое повышение частоты встречаемости гетерозигот *TG* – 63,16 %; в группе контроля частота гетерозиготного генотипа *TG* составила – 43,16 % ($\chi^2 = 6,85$; $p = 0,0089$).

Результаты связи хромосомных aberrаций с полиморфными вариантами генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков представлены в таблице 3.

В результате анализа частоты ХА в зависимости от различных генотипов генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков было установлено, что в опытной группе большую частоту aberrантных метафаз имели рабочие с генотипом *GSTT1* «0/0» ($4,83 \pm 0,41\%$) по сравнению с генотипом *GSTT1* «+» – $3,59 \pm 0,19\%$ ($U_{M-W} = 3168,00$; $p = 0,0137$). В группе контроля у доноров с генотипом *GSTM1* «0/0» частота ХА составила $2,44 \pm 0,27\%$ и была статистически значимо выше по сравнению с донорами с генотипом *GSTM1* «+» – $1,73 \pm 0,22\%$ ($U_{M-W} = 1194,00$; $p = 0,0445$).

Результаты связи хромосомных нарушений с полиморфными вариантами генов ферментов репарации ДНК представлены в таблице 4.

Таблица 3

Частота хромосомных aberrаций у доноров с различными генотипами генов ферментов биотрансформации ксенобиотиков

Ген	Генотип	Опытная группа		Группа контроля	
		n	M±m	n	M±m
CYP1A1*2A	C/C	2	2,00 ± 1,00	1	2,00
	C/T	61	4,11 ± 0,35*	39	1,87 ± 0,28
	T/T	134	3,93 ± 0,22*	71	2,17 ± 0,23
CYP1A2*1F	C/C	10	4,40 ± 0,45*	8	1,50 ± 0,57
	C/A	90	3,92 ± 0,29*	55	1,91 ± 0,23
	A/A	97	3,96 ± 0,26*	48	2,33 ± 0,29
GSTM1	«0/0»	95	4,17 ± 0,28*	52	2,44 ± 0,27**
	«+»	102	3,77 ± 0,25*	59	1,73 ± 0,22
GSTT1	«0/0»	59	4,83 ± 0,41*#	23	2,40 ± 0,47
	«+»	138	3,59 ± 0,19*	88	1,98 ± 0,18

Примечания: * – достоверное отличие от группы контроля, $p < 0,05$;

** – достоверное отличие от доноров с генотипом *GSTM1* «+» в группе контроля, $p < 0,05$;

– достоверное отличие от доноров с генотипом *GSTT1* «+» в опытной группе, $p < 0,05$.

Таблица 4

Частота хромосомных aberrаций у доноров с различными генотипами генов ферментов репарации ДНК

Ген	Генотип	Опытная группа		Группа контроля	
		n	M ± m	n	M ± m
XRCC1	GG	76	2,53 ± 0,17*	74	1,53 ± 0,18
	GA	18	4,61 ± 0,71*#	20	2,80 ± 0,46**
	AA	1	4,00	1	3,00
APE1	TT	22	2,05 ± 0,23	36	1,42 ± 0,20
	TG	60	3,27 ± 0,28*®	41	2,22 ± 0,29
	GG	13	2,92 ± 0,62*	18	1,67 ± 0,50
hOGG1	CC	50	2,86 ± 0,23*	62	1,58 ± 0,18
	CG	40	3,03 ± 0,39*	30	2,17 ± 0,39
	GG	5	3,00 ± 0,63	3	3,00 ± 1,53
ADPRT	TT	45	2,93 ± 0,33*	54	1,35 ± 0,18
	TC	44	3,02 ± 0,29*	37	2,32 ± 0,33***
	CC	6	2,33 ± 0,56	4	3,25 ± 1,11
XPD	AA	33	2,64 ± 0,27*	35	1,71 ± 0,23
	AC	47	3,28 ± 0,36*	42	1,76 ± 0,29
	CC	15	2,53 ± 0,31	18	2,11 ± 0,48

Примечания: * – достоверное отличие от группы контроля, $p < 0,05$;

** – достоверное отличие от доноров с генотипом *GG* гена *XRCC1* в группе контроля, $p < 0,05$;

*** – достоверное отличие от доноров с генотипом *TT* гена *ADPRT* в группе контроля, $p < 0,05$;

– достоверное отличие от доноров с генотипом *GG* гена *XRCC1* в опытной группе, $p < 0,05$;

® – достоверное отличие от доноров с генотипом *TT* гена *APE1* в опытной группе, $p < 0,05$.

В результате анализа частоты ХА в зависимости от различных генотипов генов ферментов репарации ДНК было установлено, что в опытной группе на частоту хромосомных нарушений оказывали влияние гены *XRCC1* и *APE1*. Доля aberrантных метафаз у носителей генотипа *GA* гена *XRCC1* составила – 4,61 ± 0,71 %, что статистически значимо выше по сравнению с донорами с генотипом *GG* гена *XRCC1* – 2,53 ± 0,17 % (UM-W = 372,50; $p = 0,0027$). Частота ХА у рабочих с генотипом *TG* гена *APE1* составила – 3,27 ± 0,28 %, что статистически значимо выше по сравнению с донорами с генотипом *TT* гена *APE1* – 2,05 ± 0,23 % (UM-W = 385,50; $p = 0,0041$).

В группе контроля на частоту ХА оказывали влияние гены *XRCC1* и *ADPRT*. Частота ХА у лиц с генотипом *GA* гена *XRCC1* составила – 2,80 ± 0,46 %, что статистически значимо выше по сравнению с донорами с генотипом *GG* гена *XRCC1* – 1,53 ± 0,18 % (UM-W = 460,50; $p = 0,0098$). У носителей гетерозиготного генотипа *TC* гена *ADPRT* доля aberrантных метафаз составила – 2,32 ± 0,33 % и была достоверно выше по сравнению с индивидуумами с генотипом *TT* гена *ADPRT* – 1,35 ± 0,18 % (UM-W = 726,50; $p = 0,0276$). Наибольшая частота ХА была у доноров с генотипом *CC* гена *ADPRT* – 3,25 ± 1,11 %. Однако статистически значимых отличий зарегистрировано не было, что может быть связано с малочисленностью выборки при невысо-

кой частоте встречаемости данного генотипа в популяции европеоидов.

В результате анализа ассоциаций различных комбинаций генотипов генов ферментов биотрансформации

ксенобиотиков и репарации ДНК с частотой ХА у рабочих теплоэнергетического производства были установлены достоверно значимые отличия для генов *GSTM1* и *GSTT1* (таблица 5).

Таблица 5

Частота хромосомных aberrаций у доноров с различной комбинацией генов *GSTM1* и *GSTT1*

Генотип	Опытная группа		Группа контроля	
	n	ХА, %	n	ХА, %
<i>GSTM1</i> «+» / <i>GSTT1</i> «+»	73	3,52 ± 0,25*	48	1,77 ± 0,25
<i>GSTM1</i> «0/0» / <i>GSTT1</i> «+»	65	3,68 ± 0,29*	40	2,23 ± 0,26
<i>GSTM1</i> «+» / <i>GSTT1</i> «0/0»	29	4,41 ± 0,58*	11	1,55 ± 0,43
<i>GSTM1</i> «0/0» / <i>GSTT1</i> «0/0»	30	5,23 ± 0,58*#	12	3,17 ± 0,76**

Примечания: * – достоверное отличие от группы контроля, $p < 0,05$;

** – достоверное отличие от доноров с комбинацией генотипов *GSTM1* «+»/*GSTT1* «+» в группе контроля, $p < 0,05$;

– достоверное отличие от доноров с комбинацией генотипов *GSTM1* «+»/*GSTT1* «+» и *GSTM1* «0/0»/*GSTT1* «+» в опытной группе, $p < 0,05$.

Как видно из таблицы, у индивидуумов с комбинацией генотипов *GSTM1* «0/0» и *GSTT1* «0/0» частота ХА достоверно выше, чем у испытуемых с «защитной» формой этих генов как в опытной группе ($U_{M-W} = 727,50$; $p = 0,0075$), так и группе контроля ($U_{M-W} = 167,50$; $p = 0,0259$). Кроме того, в опытной группе у доноров с комбинацией генотипов *GSTM1* «0/0» и *GSTT1* «0/0» уровень хромосомных нарушений был статистически значимо выше, чем у индивидуумов с сочетанием генотипов *GSTM1* «0/0» и *GSTT1* «+» ($U_{M-W} = 684,00$; $p = 0,0198$).

Было опубликовано значительное количество работ по выявлению связи генетического полиморфизма с цитогенетическими нарушениями у лиц, контактирующих с потенциальными мутагенами и канцерогенами окружающей среды. Так, Sorsa с соавторами (1996) выявили увеличение хромосомных нарушений в два раза у рабочих с генотипом *GSTT1* «0/0», подвергшихся воздействию 1,3-бутадиена в производстве мономеров. В то же время генотип *GSTM1* не имел никакого влияния на уровень ХА [1, с. 77 – 83]. Взаимосвязь между частотой ХА и наличием *GSTM1* «0/0» генотипа обследованных была установлена в исследовании Sram с соавторами (1998), причем у таких индивидуумов, если они курят, мутагенный и канцерогенный риски были выражены особенно сильно [8, с. 231 – 239].

Литература

1. Sorsa M., Osterman-Golkar S., Peltonen K., Saarikoski S.T., Šram R. Assessment of exposure to butadiene in the process industry // *Toxicology*. 1996. Vol. 113. С. 77 – 83.
2. Hoyos-Giraldo L. S., Carvajal S., Cajas-Salazar N., Ruiz M., Sánchez-Gómez A. Chromosome aberrations in workers exposed to organic solvents: Influence of polymorphisms in xenobiotic-metabolism and DNA repair genes // *Mutation Research / Fundamental and Molecular Mechanisms of Mutagenesis*. 2009. Vol. 666.
3. Celik M., Donbak L., Unal F., Yüzbaşıoğlu D., Aksoy H., Yılmaz S. Cytogenetic damage in workers from a coal-fired power plant // *Mutation Research / Genetic Toxicology and Environmental Mutagenesis*. 2007. Vol. 627, Issue 2, P. 158-163
4. Vodicka P., Kumar R., Stetina R., Sanyal S., Soucek P., Haurfroid V., Dusinska M., Kuricova M., Zamecnikova M., Musak L., Buchancova J., Norppa H., Hirvonen A., Vodickova L., Naccarati A., Matousz Z., Hemminki K. Genetic polymorphisms in DNA repair genes and possible links with DNA repair rates, chromosomal aberrations and single-strand breaks in DNA // *Carcinogenesis*. 2004. Vol. 25(5). Pp. 757-763
5. Hungerford P. A. Leukocytes cultured from small inocula of whole blood and the preparation of metaphase chromosomes by treatment with hypotonic KCl // *Stain Techn.* 1965. Vol. 40.

Norppa (2004) отмечает, что у лиц с генотипом *GSTM1* «0/0», имеющих контакт с органическими растворителями, наблюдается значительно более высокий уровень ХА [7, с. 309 – 334]. Hoyos-Giraldo с коллегами (2009), напротив, выявили протективное значение генотипа *GSTM1* «0/0» в способности индуцировать ХА [2, с. 8 – 15].

Vodicka P. с соавторами (2004) зарегистрировали увеличение доли aberrантных метафаз у носителей генотипа CC гена *XPB* [4, с. 757 – 763].

Григорьева с соавторами (2007) выявили, что "нулевые" генотипы *GSTM1* и *GSTT1* ассоциированы с более высоким уровнем ХА, индуцированных *in vitro* химическими мутагенами [10, с. 62 – 63]. В работе Ильинских с коллегами (2011) было установлено, что у рабочих-нефтяников повышенный уровень хромосомных поломок регистрировался у носителей с гомозиготными "нулевыми" генотипами генов *GSTM1* и *GSTT1* [18, с. 323 – 329].

В данном исследовании получены свидетельства значимости полиморфизма генов биотрансформации ксенобиотиков (*GSTM1*, *GSTT1*) и репарации ДНК (*XRCC1*, *APE1*, *ADPRT*) в формировании ХА в результате комплексного воздействия неблагоприятных факторов условий труда теплоэнергетического производства.

6. Jayasekher T. Aerosols near by a coal fired thermal power plant: Chemical composition and toxic evaluation // *Chemosphere*. 2009. Vol. 75. № 11.
7. Norppa H. Cytogenetic biomarkers and genetic polymorphisms // *Toxicol. Lett.* 2004. Vol. 149.
8. Sram R. J. Effect of glutathione S-transferase M1 polymorphisms on biomarkers of exposure and effects // *Environ. Hlth. Perspect.* 1998. Vol. 106(1).
9. Дружинин В. Г., Волков А. Н., Мокрушина Н. В., Минина В. И. Генотоксические эффекты у работников горно-обогатительного производства // *Медицина труда и промышленная экология*. 2003. № 12.
10. Григорьева С. А., Никитина В. А., Ревазова Ю. А. Связь аллельных вариантов генов детоксикации ксенобиотиков с цитогенетическим ответом на действие мутагена // *Гигиена и Санитария*. 2007. № 5.
11. Дружинин, В. Г. Сравнительная оценка кластогенного потенциала промышленных предприятий разного профиля // *Гигиена и санитария*. 2003. № 5.
12. Кочетова О. В., Гайнуллина М. К., Викторова Т. В. Полиморфные варианты генов репарации ДНК (XRCC1, XRCC3, XPD, XPC) и риск развития миомы матки у работниц нефтехимического комплекса // *Экологическая генетика человека*. 2011. Т. IX. № 4.
13. Минина В. И. Вклад полиморфизма генов ферментов репарации ДНК в хромосомный мутагенез в лимфоцитах крови человека (обзор литературы) // *Вестник КемГУ*. 2013. № 1(53).
14. Измеров Н. Ф., Кузьмина Л. П., Коляскина М. М., Лазарашвили Н. А. Молекулярно-генетические исследования в медицине труда // *Гигиена и санитария*. 2011. № 5.
15. Панаиотти Е. А., Суржиков Д. В. Комплексная оценка условий труда и риска для здоровья работающих в основных цехах тепловых электростанций // *Бюллетень Сибирского отделения Российской академии медицинских наук*. 2007. № 1.
16. Викторова Т. В., Макарова О. В., Корытина Г. Ф. [и др.] Полиморфизм генов биотрансформации ксенобиотиков у рабочих нефтехимических производств // *Медицинская генетика*. 2004. Т. 3. № 6.
17. Ахмадишина Л. З., Корытина Г. Ф., Кочетова О. В. Полиморфизм генов семейства цитохрома P450 (CYP1A1, CYP1A2, CYP2E1) и риск развития профессионального хронического бронхита // *Медицинская генетика*. 2007. Т. 6. № 7(61).
18. Ильинских Н. Н., Ильинских И. Н., Ильинских Е. Н., Ямковая Е. В., Семенов А. Г. Разработка новых генетических критериев профессионального отбора трудовых ресурсов для работы на нефтепромыслах Сибири // *В мире научных открытий*. 2011. № 4 (16).
19. Савченко Я. А., Дружинин В. Г., Минина В. И., Глушков А. Н., Ахматьянова В. Р., Остапцева А. В., Шабалдин А. В., Ветрова И. В. Цитогенетический анализ генотоксических эффектов у работников теплоэнергетического производства // *Генетика*. 2008. Т. 44. № 6.

Информация об авторах:

Савченко Яна Александровна – младший научный сотрудник ИЭЧ СО РАН, yasavchenko@ya.ru.

Yana A. Savchenko – junior researcher at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Минина Варвара Ивановна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики КемГУ, заведующая лабораторией цитогенетики ИЭЧ СО РАН, vminina@mail.ru.

Varvara I. Minina – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University; Head of Cytogenetics Laboratory at the Institute for Human Ecology of the Siberian branch of the RAS.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.67)

**ШАМХАЛЬСТВО ТАРКОВСКОЕ В ПОЛИТИКЕ РОССИИ НА КAVKAZE
В КОНЦЕ XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.**

М.-П. Б. Абдусаламов

**SHAMKHALATE OF TARKI IN THE RUSSIAN CAUCASIAN POLITICS
IN THE LATE 16TH – FIRST HALF OF THE 17TH CENTURIES**

М.-P. B. Abdusalomov

В статье рассматривается самое большое и могущественное образование Дагестана – шамхальство Тарковское. Это феодальное образование характеризовалось высоким для своего времени уровнем экономического развития и отличалось сложной социальной структурой общества. В конце XVI – первой половине XVII в. шамхальство Тарковское играло ключевую роль в политических событиях Дагестана. Тарковские шамхалы проводили политику, направленную на сохранение самостоятельности и независимости в отношении трех соседних держав – России, Ирана и Турции, и политику, направленную на доминирование своей роли в политической жизни дагестанских государственных образований.

The paper studies the largest and mightiest estate of Dagestan – the Shamkhalate of Tarki. This feudal foundation could be characterized with highly developed economics and social structure of the society. In the late 16th – first half of 17th centuries the Shamkhalate of Tarki played the main part in politic events in Dagestan. The Tarki shamhals pursued the policy directed on the Shamkhanate' remaining indepent from the three neighbouring empires (Russia, Turkey and Iran), and on dominating in the political life of Dagestan state foundations.

Ключевые слова: Северный Кавказ, шамхальство Тарковское, Эндирей, Султан-Мут, междоусобица, Кумыкская плоскость, коалиция, Москва, шерть, аманаты.

Keywords: North Caucasus, Shamkhalate of Tarki, Andirey, Sultan-Mut, civic strives, Kumyk plain, coalition, Moscow, chert, amanat.

Наиболее крупным феодальным владением Дагестана в конце XVI – начале XVII вв. было шамхальство Тарковское. Границы его простирались с севера на юг – от Кабарды и р. Терек вдоль Каспия до владений Аварского ханства [8, с. 292].

Шамхальство располагало большими для того времени военными силами: могло выставить до 15 тысяч воинов со всей подвластной ему территории [7, с. 307].

Являясь сложным по своему этническому составу объединением, в условиях роста сепаратистских устремлений удельных князей шамхальство во второй половине XVI в. Начало обнаруживать тенденции к распаду. «Смутным было положение в Дагестане, – писал А.-К. Бакиханов. – Чубан-шамхал (*Чопан* – М.-П. А.), владевший всем краем от границ Кайтага, Кюринского округа, Аварии, Черкесии и реки Терека до моря Каспийского, умер в Буйнаке в 982 (1574 г.). Его сыновья разделили между собою все владения. Эльдар избрал своим местопребыванием Буйнак и Тарки; Мухаммад остался в Казанище, Андий – в Кафир-Кумыке, Гирей – Гили и управляли они своими уделами независимо друг от друга. Однако общий правитель или шамхал избирался поочередно из этих четырех домов» [4, с. 108].

После смерти Чопан-шамхала в 1574 г. в ходе междоусобной борьбы один из его сыновей – Султан-Мут, рожденный от кабардинки из узденского рода

Анзоровых, с помощью своих родственников утвердился в Засулакской Кумыкии, избрав своей резиденцией сел. Эндирей [8, с. 292].

По этому поводу А.-К. Бакиханов писал: «...сыновья Чубан-шамхала, ... не дали никакого удела брату своему Султан-Буту, рожденному от дочери Узун-Черкеса (черкесского узденя), почитая его джанкой. Султан-Бут... отправился просить помощи к черкесам. Собрав там войско, он возвратился в Дагестан и принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между реками Сулак и Терек, нижнюю часть Мичикича и Салатовского округа, до горы Керхи, что на границе Гунбета» [4, с. 108 – 109].

В первой половине XVII в. власть шамхалов над удельными владетелями была номинальной. Последние действовали совершенно самостоятельно. Вопрос о замещении престола всегда стоял остро и приводил к кровавым столкновениям. В междоусобицы претенденты не раз вовлекали правителей других феодальных владений [8, с. 292].

Обособление земель с центром в Эндирее привело к разногласиям среди владетелей шамхальства, к образованию соперничавших между собой группировок, чем в XVII в. пытались воспользоваться Иран, Турция и Россия.

Во второй половине XVI – начале XVII в. шамхальству Тарковскому пришлось вести борьбу за независимость от царской России. Россия повела насту-

пление на юго-восток, чтобы реализовать планы проникновения из Астрахани на Северный Кавказ, в Дагестан, а далее – в страны Закавказья. Несомненную роль играло при этом и стремление Москвы взять под свой контроль трассу международного торгового пути, шедшего из Европы через Москву по Волге, Каспию через Дагестан в страны Закавказья и Иран [7, с. 382].

Русское правительство, заинтересованное в укреплении своих юго-восточных границ, охотно шло на сближение с кумыкскими феодальными владельцами. Кумыкские владения благодаря своему выгодному географическому положению играли важную роль в политических процессах, происходивших в Дагестане, так как через их территорию пролегал значительный отрезок транскавказского Прикаспийского пути [1, с. 3 – 4].

По мере обострения международных отношений вокруг Кавказа политическое значение дорожных магистралей, проходивших через Северный Кавказ, постоянно возрастало. Поэтому Россия принимает все меры, чтобы установить свой контроль над северокавказскими торговыми путями. Важную роль в этом сыграла система военных крепостей России на Восточном Кавказе (8, с. 316).

«С этих пор мысль о господстве на Кавказе становится как бы наследственным в русской истории», – писал В. А. Потто [17, с. 8].

В 1588 г. был построен город на месте слияния Терека и Тюменки. Этот город получил название Терского, или Терки. Строительство этого городка-крепости встревожило шамхала Тарковского. Антирусские настроения шамхала усилились и в связи с тем, что уже в 1589 – 1590 гг. терский воевода Хворостинин открыто теснил его на р. Сулаке, отнял у него рыбные ловли и всякие угодья. В результате этого похода было выбрано место для строительства еще одной российской крепости в регионе. Для реализации этого плана весной 1591 г. из Москвы были направлены на Терек воеводы Гр. О. Засекин и П. М. Шаховской. Они должны были повести 100 волжских и 500 яицких казаков на шамхала. Целью похода была объявлена необходимость привода под царскую руку шамхала Тарковского, ориентировавшегося в своей политике на Порту (7, с. 384). Поводом к организации похода против шамхала были использованы неоднократные обращения кахетинского царя Александра к Москве «посадить» в Тарках «государевых людей», чтобы обеспечить сообщение с Кахетией через кумыкскую землю [6, с. 285 – 286].

Царские войска из Терского города направились к Эндирею, захватили его после кровопролитного боя и сожгли. В сражении самого «шамхала ранили и многих людей его побили», некоторых захватили в плен [5, с. 251 – 251]. Закрепившись на берегу реки Койсу, царские воеводы стали планировать строительство крепости на Койсу. Они возобновили также городок у впадения Сунжи в Терек [13, с. 276]. Однако этот поход вызвал отрицательный для России политический резонанс, вызвал острое недовольство Порты и ее вассала – Крыма, которым за помощью и обратился

шамхал. Султан и крымский хан стали требовать снесения российских крепостей и вывода русских войск из занятых ими мест Дагестана, поскольку занятие ими основных стратегических позиций по берегам рек Койсу и Терек лишало Турцию возможности распространить и закрепить свое влияние на Северном Кавказе (7, с. 384). Однако царское правительство, учитывая внутривосточные трудности Османской империи, не стало реагировать на угрозы султана, стало решительнее проводить свою политику на Северном Кавказе.

Следует отметить, что воеводе Засекину не удалось подавить сопротивление шамхала Тарковского, продолжавшего проводить независимую от Москвы политику. Поход его не дал желаемых и царем Кахетии Александром результатов. Поэтому он стал добиваться у Москвы организации нового похода против шамхала. По этому поводу С. А. Белокуров писал: «В грамоте, присланной в 1592 г. с послами кн. Арамом и архим. Кириллом, он (*кахетинский царь* – М.-П. А.) снова бил челом о присылке на Шевкала большой рати, так как ранее рать была не великая, чтобы она пошла к Таркам, и, взяв их, сидели бы в них государевы люди и оттуда воевали Кумыкскую землю, привели Шевкала под царскую руку и очистили дорогу в Кахетию через Кумыкскую землю» [5, с. 253].

По сообщениям С. А. Белокурова, «грузинские послы Авраам и Кирилл в июне 1593 г. были отпущены с известием, что посылает на Шевкала большую рать с кн. Андр. Хворостининым – оборонить Александра от Шевкала и Кумыков и засесть Тарки, посадив в них Крым-Шевкала свата царя Александра» [5, с. 5].

«В 1594 г., вследствие просьбы Кахетинского царя Александра – «учинить шавкалу утеснение великое» из Астрахани был отправлен отряд войска под начальством князя А. Хворостинина. В нем на стороне Хворостинина приняли участие и отдельные мурзы Больших ногаев, кабардинские отряды. Проводником им служил некий дербентский житель Аллага, который хорошо знал «тамошние места, Тарки и иные городки и места горских и кумыкских людей». Первоначально события развивались в пользу царских войск. Хворостинину удалось построить сильную крепость при устье Сулака и разместить в ней 1000 стрельцов во главе с князем Вл. Т. Долгоруким. В. А. Потто писал: «Шамхал с тарковцами, кумыками и ногаями, встретил русских на реке Койсу, но не удержал переправы и отступил к Таркам. Город Тарки, ... не имел особенно сильных укреплений и взять его не стоило особого труда. Но удержаться в нем было трудно. Шамхал был сторонником выжидательного способа ведения войны и следовал дагестанскому правилу: «ловить скорпиона за хвост» [17, с. 9]. «Между тем тарковцы подняли соседей, окружили Тарки, лишили подвоза продовольствия для русского отряда», – отмечал П. И. Ковалевский [11, с. 15]. «Шамхал держал русских в блокаде, – писал В. А. Потто, – сперва широкой, а потом более и более тесной. Встревоженный Дагестан каждый день высылал к нему новые, и наибольшую поддержку давал

при этом сильный аварский хан, находившийся в родстве с тарковскими шамхалами. Осажденные изнурялись в постоянных битвах, и все ждали прибытия грузинской рати, но она не приходила...» [17, с. 9]. По свидетельству Н. М. Карамзина, князь А. Хворостинин «... не встретил ни сына, ни свата Александра, ждал их тщетно, непрестанно бился с горными жителями, ежедневно слабел в силах и должен был, разорив Тарки, бежать назад в Терскую крепость...» [10, с. 113 – 114]. «Экспедиция Хворостинина окончилась плачевно: он взял Тарки, но, будучи осужден в ней шамхалом и горцами, пришедшими к нему на помощь, принужден был покинуть город, и в низовьях Озени потерпел такое поражение от шамхала, что с трудом спасся с остатками своего отряда на Терек», – писал Е. И. Козубский [12, с. 172].

Трагедию отступления войск воеводы А. Хворостинина детально описывает В. А. Потто: «Отступавших стали настигать толпы неприятельской конницы, которая с разных сторон завязывала бой с визгом и криком, а вдали, позади ее, в грозном безмолвии поднимались облака пыли от тяжело двигавшихся главных сил шамхаловой рати. Отбивая наседавшую конницу, русские ускоряли ход и бросали тяжелый наряд и повозки. Бросали и трудно больных и раненых. Тарковцы и аварцы накидывались на них, ... и их отчаянные вопли надрывали сердца московских ратников. ... Русские упорно отбивались, то останавливаясь и стоясь «в кольцо», то вновь двигаясь и устилая путь каждого перехода телами убитых и раненых своих и неприятельских. Только на закате солнца русским удалось добраться до Койсу, где наступившая ночь и обоюдное истощение сторон прекратили битву. Воевода Хворостинин пережил свое несчастье и привел обратно на Терек едва четвертую часть своего отряда» [17, с. 10].

По сообщениям С. А. Белокурова, «тогда убили Ив. Вас. Измайлова, Ив. Петр. Федорова и иных многих дворян и голов стрелецких, ратных же людей на том бою пало яко 3,000» [5, с. 5 – 6].

Ни крым-шамхал, ни кахетинский царь Александр, просившие о походе на шамхала, не оказали содействия А. Хворостинину. Поражение царских войск в шамхальстве в 1594 г. имело серьезные последствия. Оно на десять лет нейтрализовало политику царизма в Дагестане. Его наступательный порыв на Дагестан получил серьезный отпор [7, с. 385]. Но Россия и после этого продолжала сохранять за собой, хотя и с большим трудом, стратегические пункты в бассейнах рек Терек и Койсу, о чем свидетельствует сообщение секретаря, а потом и главы посольств императора Рудольфа II в Иран Текандера, посетившего эти места в 1603 г. по пути из Персии. Он писал, что «городок Койс (*Койсинский острог* – М.-П. А.) выстроен недавно, несколько лет тому назад, ... чтобы москвиты имели безопасный от черкесов и кумыков проезд по морю в Персию, а также ради полосы земли в этом месте, из-за которой москвиты ежегодно ведут войну и которая им уже стоила много тысяч людей» [18, с. 128].

В конце XVI в. русское правительство попыталось договориться с шамхалом об урегулировании пограничных споров и приведении его к присяге. Но эти переговоры не дали положительных результатов. Шамхал в категорической форме требовал сноса Койсинского острога [8, с. 341 – 342].

В начале XVII в. политическая ситуация на Кавказе обострилась: Иран и Турция в 1603 г. возобновили войну за господство на Кавказе и каждая из этих стран вынашивала идею захвата Тарковского шамхальства, как и Дагестана в целом [7, с. 385]. Воспользовавшись занятостью Ирана и Турции в войне за господство на Кавказе, царское правительство сделало еще одну попытку утвердиться на Кумыкской плоскости.

Необходимо отметить, что национальные интересы России в тот период не требовали проведения активной политики на Кавказе. Но сам Борис Годунов, чье положение было шатким, вследствие разрухи государства был заинтересован во внешнеполитических успехах для упрочения своего правления. С другой стороны, к подобным действиям толкали обязательства, неосторожно данные «христианской» Грузии. И, в третьих, Москва не желала усиления на Северном Кавказе позиций своего вчерашнего союзника – шахского Ирана [3, с. 282].

«Царь Борис не хотел оставить дела, начатого Федором Ивановичем и, ... в 1604 г., вновь двинул на Терек сильные полки из Казани и Астрахани с воеводами Бутурлиным и Плещеевым», – писал В. А. Потто [17, с. 10].

В состав этого сильного отряда вошли, по словам С. А. Белокурова, «стрельцы из Москвы, Чебоксар, Свияги, Казани и Астрахани, Ногайские князи и мурзы, Терские ратные люди и др.» [5, с. 6 – 7]. Кроме того, в походе участвовали и войска кабардинского мурзы Сунчала Янглычева и чечено-ингуши под начальством Батая Шихмурзина. Царские войска заняли Эндирей, заложили крепость на Тузлуке. Они вели себя как настоящие завоеватели [9, с. 160].

«Тем временем русские воеводы с десяти тысячным отрядом выступили от устьев Терека и, продвигаясь твердым шагом на Тарки, поставили крепостцы на Сулаке и Акташе, – писал В. А. Потто. – Отдельные части отряда производили поиски к Эндери, Исти-су и по другим направлениям, забирая у жителей хлеб, скот и конские кормы. Кумыкская плоскость, казалось, была вся во власти русских, но более воинственное население уходило к шамхалу под Тарки, с враждою и злобой за причиненное ему разорение. Тогдашний шамхал, этот Митридат для московских воевод, уклонялся от полевых действий и сосредоточивал свои силы в Тарках, оборона которых была приведена им в лучшее положение...» [17, с. 10 – 11].

У Тарков произошло решающее сражение между ратью шамхала Тарковского и царскими войсками. Бутурлин занял Тарки, но это не принесло ему желаемых результатов, так как грабительская политика царских воевод в отношении местных жителей вызвала в Кумыкии подъем освободительной борьбы. К Таркам

стали стягиваться вооруженные отряды горцев со всего Дагестана [18, с. 131].

Инициативу в борьбе с царскими войсками проявляли эндиреевский владетель Султан-Махмуд и шамхал Гирей Тарковский, которые перед этой опасностью на время оставили свои разногласия и направили все свои силы на изгнание царских войск из Дагестана. Как писал А.-К. Бакиханов, «в 1012 (1604) г. Султан-Бут (*Султан-Махмуд – М.-П. А.*) привел 13 тыс. черкесов, которые были подкреплены крымскими татарами и Гирей-хан шамхалом, сыном Чубан-шамхала (*Чопан-шамхала – М.-П. А.*) [4, с. 110]. По свидетельству С. А. Белокурова, «соединившись вместе, «Шевкал, Крым-Шевкал, Кумыцкие мурзы, а с ними Турского салтана паша из Шамахи и с ними Турские люди и енычя», осадили Койсу, где сидел воевода кн. Вл. Тим. Долгорукий. Он, «видя, что ему не отсидеться», покинул Койсу и морем «отошел на Терек». Тогда осаждавшие, оставив Койсу, перешли к Таркам» [5, с. 10].

«Неприятельской рати собралось из кумыцких владений, аварских и других лезгинских обществ, более двадцати тысяч...», – писал В. А. Потто [17, с. 12].

В условиях начавшейся зимы из-за отсутствия фуража и продовольствия войска Бутурлина теряли боеспособность. Кроме того, болезни, постоянные нападения горцев наносили им значительный урон. Войскам Бутурлина пришлось выдержать тяжелую зимовку в блокадных условиях без поддержки из России, так как Борис Годунов, борясь с самозванцем Лжедмитрием I, отвлекся от дагестанских дел. Смерть же царя Годунова в апреле 1605 г. вовсе лишила воеводы Бутурлина поддержки из Москвы [18, с. 132].

Создавшееся критическое положение вынудило Бутурлина пойти на переговоры с шамхальской коалицией и договориться с ее лидерами о предоставлении его войскам свободного отхода из Тарков за Койсу. Бутурлин потребовал от шамхала в заложники его сына на время до ухода из Тарков за Сулак всех оставшихся в Тарках русских воинов. Шамхал, Султан-Махмуд Эндиреевский и шемахинский паша дали согласие на это [7, с. 387]. Но слово не было сдержано. Когда царские войска выступили из Тарков и направились в сторону Сулака, внезапно они были атакованы крупными силами горцев. Обстоятельно картину этой битвы описывает В. А. Потто: «Случилось, что в тот же день шамхал праздновал свой брак с дочерью аварского хана. К свадьбе, по обычаю, приготовлены были сотни тулуков бузы, которой стало угостить всю 20-ти тысячную рать, стянувшуюся к Таркам на выручку шамхала. Вся эта сила, разделенная на несколько частей, двинулась скрытными местами вслед за русскими и неожиданно ринулась на них со всех сторон, когда они, перейдя речку Озень, расположились нестройно на привал... Неприятельские наездники врзались в русские ряды, не дав им устроиться и воспользоваться преимуществом, которое давал им «огненный бой». Смятение увеличивали все новые и новые неприятельские толпы, стремившиеся одна за другой с длинными кинжалами в руках. Бой

был рукопашный; русские сбивались в кучу, не сдавались на делаемые им предложения и резались отчаянно...» [17, с. 13 – 14]. О героизме царских войск свидетельствует и А. А. Неверовский: «Русские защищались отчаянно: с обеих сторон было ужасное кровопролитие, пока наконец все наши не пали с оружием в руках» [15, с. 12].

С. А. Белокуров писал: «Ратные люди на том ста-ша, что ни единому человеку живу в руки не даться и бияхуся с ними, якоже всем поганым дивиться их мужеству и храбрости. Все побиены быша от поганых, малых же взяша в плен, которые от ран изнемогоша... Яко быти всем побиенным числом более 7,000 кроме людей боярских». Бутурлин с сыном и другие воеводы были убиты, только некоторые из них были взяты в плен [5, с. 10].

«Сия битва на 118 лет изгладила следы российского владения в Дагестане», – отмечал Н. М. Карамзин [10, с. 37]. Результаты похода 1604 – 1605 гг. царских войск в Тарковское шамхальство, обошедшегося царской казне более 300 тыс. руб. серебром, оказались практически равными нулю [10, с. 37].

Таким образом, этот поход царских войск оказался неудачным, не привел к усилению позиций царской России в землях шамхальства Тарковского, как и Дагестана в целом. Основными причинами поражения царских войск в походе можно считать как военно-стратегические просчеты воеводы Бутурлина, далеко оторвавшегося от основных баз снабжения и оставшегося зимовать во враждебном окружении в Тарках с незначительным контингентом войск, так и отсутствие поддержки со стороны грузинского царя Александра.

Главная же причина этого поражения заключалась в решительности горцев бороться за независимость от царизма. Поход вызвал новый подъем освободительной борьбы горцев, обеспечивший успех шамхальской коалиции. Эта борьба приобрела общedaгестанский характер.

В разгроме царских войск несомненно, главную роль сыграли кумыки, которыми руководили тарковский и эндиреевский владетели. Это ясно отразилось в сообщении воеводы Бутурлина в Москву из Тарков, где говорится, что «как приходили шефкаловы дети (*кумыцкие князья – М.-П. А.*), собравшись со всеми кумыцкими и горскими людьми всех земель на государевых людей, которые шли назад на Терку ис Тарков, и бой был во весь день...» [5, с. 480].

Что касается вмешательства Порты в этот конфликт, следует отметить, что в 1605 г. она никак не могла оказать серьезной помощи тарковскому шамхалу в борьбе с войсками Бутурлина, так как вела тяжелую и изнурительную войну с Сефевидским Ираном, перешедшем еще в 1603 г. в успешное наступление по всему Закавказью.

Стоит признать, что вмешательство султанской Турции в русско-шамхальский конфликт объяснялось ее опасениями навсегда лишиться влияния на Дагестан, в частности и Тарковское шамхальство [18, с. 135].

Итак, попытки царизма в конце XVI – начале XVII в. утвердиться силой оружия в Дагестане, в частности в шамхальстве Тарковском, окончились неудачей. России не удалось добиться в этом направлении успеха из-за отдаленности театра действий от центра России, отвлечения от дагестанских дел начавшейся иностранной интервенцией, а также консолидации сил кумыкских феодальных владетелей перед лицом внешней агрессии.

Царское правительство в дальнейшем изменило тактику борьбы за влияние в Дагестане. Оно стало на путь привлечения кумыкских владетелей на свою сторону торгово-экономическими привилегиями. Такая политика царского правительства способствовало улучшению взаимоотношений шамхальства Тарковского с Россией [18, с. 136]. Царь высылал кумыкским князьям, в том числе и шамхалу Тарковскому, богатые подарки, предоставлял им право беспошлинной торговли в России или снижал пошлины с их товаров. В 1627 г. были отменены пошлины с товаров Эльдара Тарковского, привезенных в Москву, а в 1630 – 1631 гг. он добился от царя грамоты об освобождении его товаров стоимостью в 600 руб. от пошлины в Астрахани. Эти торгово-экономические акции со стороны царского правительства в отношении кумыкских феодальных владетелей объективно способствовали усилению влияния России в Дагестане [5, с. 535].

Еще сильнее сказывалось их влияние на установление военно-политических связей между царскими властями и феодальными владетелями Дагестана, в частности с кумыкскими, которые, опасаясь агрессии персидских шахов, один за другим стали обращаться к Москве с просьбами о военной помощи и покровительстве, выражая при этом готовность вступить в подданство России. Уже в 1610 г. терские воеводы через посредничество кабардинского князя Хорошая Шолохова добились принятия присяги на верность царю кумыкских владетелей: шамхала Тарковского Гирея, Сурхая Карабудахкентского, Казаналипа Эндиреевского, сына шамхала Альбирю, Будайчи Эрпелинского и др. Также поступил Султан-Махмуд Эндиреевский после изгнания его на время царскими воеводами из Эндирея в «Окоцкие кабаки» [7, с. 404 – 405].

В 1614 г. шерть была повторена, и тогда же из Дагестана в Москву прибыл посол шамхала Томулдук, который официально подтвердил акт вступления тарковского владетеля Гирея Сурхаева в русское подданство. По сообщению посла, «Гирей-князь за свою братью и за детьми... великому государю... шерть учинил, что ему, Гирею... великому государю... служить во веки и прямити и ни к которым государям не приставати» [5, с. 532 – 533].

За 28 лет, с 1614 по 1642 г., в Москве побывало 13 посольств от тарковских шамхалов [6, с. 289]. Такая активность кумыкских феодальных владетелей была вызвана опасением нашествия иранских войск, о чем они уже знали [7, с. 405]. В 1615 г., когда ожидался поход шахских войск на кумыкские владения, из Москвы к шаху Аббасу I был послан специальный гонец Г. Шахматов с грамотой, где писалось о том,

«чтоб нд кумыцкимим людьями от шах-Баса какая поруха не учинилась» [16, с. 533].

Иранские шахи не могли открыто отказать Москве в этом в условиях длительных войн с Турцией за господство на Кавказе. Это еще более повысило авторитет России в глазах дагестанских владетелей, в том числе и кумыкских, которые выразили в 20 – 30-х гг. XVII в. готовность вступить в подданство России, служить царю [7, с. 405]. Так, в 1630 г. шамхал Эльдар Тарковский в письме царю Михаилу Федоровичу писал: «...учинился мы с вами в дружбе и любви, так же как наперед сего с вами отцы наши были в дружбе и впред хотим с вами быть в дружбе свыше того нерушимо... И я ныне учинился под царскою рукою в прямом холопстве, прямее всей своей братьи и что будет государское повеленье, на том я и стану стоять, и великого государя другу буду другом, а недругу недругом, и никому с вами драки чинить будет невозможно» [14, с. 90].

В эти же годы шло соперничество за власть в шамхальстве между тарковскими и эндиреевскими владетелями, которые стремились заручиться поддержкой Москвы, прекрасно использовавшей все это в своих целях. Сначала царское правительство покровительствовало тарковским шамхалам. Это покровительство продолжалось до 1635 г., пока проиранская ориентация претендента на шамхальский престол Сурхая Тарковского не привела к непризнанию Москвой его шамхалом. В силу этого шамхалом Тарковским оставался до его гибели в 1641 г. сын Султан-Махмуда Эндиреевского Айдемир, наладивший связи с Москвой [7, с. 405].

Царское правительство проводило в целом гибкую политику в отношении кумыкских феодальных владетелей. Оно учитывало их межфеодальные усобицы, привлекая каждого из них в отдельности на свою сторону, поддерживая их противоречия. Таким способом, Россия претворяла в жизнь древнеримский принцип: «Разделяй и властвуй!». Так, было дано указание терским воеводам «Ильдару-мурзу с Салтан Магмутом-мурзою ссорити тайным обычаем», чтобы им про это было «не ведомо» и не дать им «помиритьца» [18, с. 140]. В отписке терских воевод А. Н. Головина и др. от 15 декабря 1632 г. в Польский приказ о взаимоотношениях между шамхалом Эльдаром и Султан-Махмудом Эндиреевским, царское правительство выразило недовольство Эльдару Тарковскому за его попытку через посредничество уцмья Рустам-хана помириться с Султан-Махмудом: «... посылали де Илдар-шевкал и Салтан-Магмут к уцмею кайдацскому для того, чтоб он, уцмей кайдацкой, их мирил. И по их, государь, присылке и по письму уцмей кайдацкой приехал в Тарки к Илдар-шевкалу при нем Ондрее. И, видевся де уцмей с шевкалом и говоря, поехал в Ондрееву деревню к Салтан-Магмуту для того, чтоб Салтан-Магмута помирить с шевкалом. А держит де, государь, Илдар-шевкала, чтоб не миритьца с Салтан-Магмутом...» [14, с. 97 – 98]. Эта двойственность политики царского правительства тормозила установление доверия к нему кумыкских феодальных владетелей, понимавших ее смысл, о чем свидетельствуют

слова Мамет-хана таркаловского терскому воеводе П. Головину в 1615 г.: «Лутче бы де государь в Кумыцкой земле учинил владельца одново князя, любо Салтан-Магмута велел разорити или, дав своих государевых ратных людей Салтан-Магмуту, нас велел повоевати и под царскою де высокую рукою Кумыцкая земля тверда будет и одномышленна» [14, с. 51].

Однако царское правительство продолжало вести свою двойственную политику, давая обещание каждому из кумыкских владетелей защищать их от «недругов» и выплачивая жалованье и т. д. [7, с. 405 – 406].

В 1641 г., после смерти шамхала Айдемира, когда между кумыкскими князьями разгорелась междоусобная борьба за титул шамхала, шах Аббас II решительно стал на стороне Сурхая Тарковского, выдал ему грамоту на шамхальство и оказал военную помощь против «недругов».

Планы шаха заставили русское правительство изменить своей традиционной политике поддержки тарковских шамхалов против эндириевских владетелей. Самодержавие стало на путь привлечения к себе на службу эндириевских князей. Уже в 1641 г. эндириевский владетель Казаналип дал присягу на подданство России. В ней указывалось: «мне, Казаналпу, и детям моим, и братьям, и дядям и племянникам, и всему роду моему, и нам, мурзам, и роду нашему со всею своею землею нашего владенья под его царскою высокую рукою в вековом холопстве неотступно... мне, Казаналпу, и детям моим, и роду моему, и племянникам, и мурзам государева повеленья слушать, и служить ему, государю... Царю Михаилу Федоровичу и ... кн. Алексею Михайловичу... впредь... служите и прямите и во всем добра хотети против сей шертовальной записи» [14, с. 154 – 156]. В 1642 г. царское правительство послало грамоту к Султан-Махмуду с предложением помощи и покровительства в случае военного столкновения с шамхалом Тарковским: «... ты, Салтан-Магмут-мурза, з детьми наши царского величества неотступные холопи. ... И ты б, Салтан-Магмут-мурза, нам, великому государю, з братьею своею, и з детьми, и с племянники, и со всеми своими людьми и вперед служил, и в нашем царское жалованье под нашею царскою высокую рукою был неотступен, и на наших непослушников с своими ратными людьми, где наше царское повеленье будет, ходил... А мы, великий государь, будем к тебе, ... наше царское жалованье держать, смотря по вашей службе. И вперед бы еси на нашу царскую милость был надежен» [14, с. 159].

Тем временем, в 1642 г. Сурхай Тарковский вновь обратился в Москву с просьбой выдать ему грамоту, утверждавшую его шамхалом. На этот раз настойчивые просьбы Сурхая были удовлетворены. В грамоте царя Михаила Федоровича от 25 мая 1643 г. Сурхаю Тарковскому об утверждении его шамхалом говорилось: «И пожаловали есмя по твоему челобитью, учинили тебя в Кумыках к большому чину в шевкальстве... И ты б шевкал Суркай, будучи в Кумыках на шевкальстве, нам, великому государю, нашему царскому величеству, з братьею своею, и з детьми, и с

племянники, и со всеми людьми о нашем государском деле радел, и в нашем царском жалованье под нашею царскою высокую рукою был навеки неотступен, и на наших недругов и непослушников с своими ратными, где тебе наше царское повеленье будет, ходил и под нашу царскую высокую руку их приводил» [14, с. 160 – 161].

В основном, кумыкские феодальные владетели обращались к России с просьбой оказать им помощь, принять их в русское подданство и с предложением своих услуг. Все укреплявшиеся взаимоотношения Кумыкии с Россией привели к тому, что в первой половине XVII в. в подданство России вошли кумыкские владетели Гирей Тарковский, Султан-Махмуд Эндириевский, его сын Казаналип, Багомет Кафыр-Кумухский, Эрпелинский князь Будаичиев и др. [6, с. 292].

Следует отметить, что в общей политике, проводимой царской Россией на Кавказе, немаловажную роль играло заложничество – так называемая система аманатов, которая в руках кавказской администрации была надежным средством политического воздействия и подчинения горских владетелей в той внешней политике, которая проводилась вплоть до покорения Кавказа [1, с. 89]. Как писал С. А. Белокуров, «Гирей мурза, ... государю, даст оманаты, ого ты, государь, велишь у него взяти. И ныне, государь, в Терском городе Суркай-Шевкаловых детей Гиреева брата Илдара мурзы сын Амирхан мурза с уздени сидят в оманатах» [5, с. 535]. В грамоте царя Алексея Михайловича от 9 марта 1646 г. Казаналипу Эндириевскому сказано: «... приехал ты в Терской город и правду нам, великому государю, дал на куране шертовал, чтоб тебе нам, великому государю, служить и быть под нашею царскою величество высокую рукою со всеми своими людьми, и в оманаты в Терской город дал сына своего Хан-мурзу...» [14, с. 177 – 178].

Таким образом, шамхальство Тарковское в политике России на Кавказе в конце XVI – первой половине XVII в. занимало видное место. Повышенный интерес царизма к шамхальству был обусловлен тем, что оно являлось самым могущественным феодальным владением Дагестана и занимало весьма важное стратегическое положение. Раздробленность, междоусобицы в Тарковском шамхальстве всячески использовали в интересах колонизации Дагестана Иран, Турция и Россия. Царская Россия стремилась использовать территорию шамхальства как стратегический плацдарм в борьбе с шахским Ираном и султанской Турцией, а также для распространения своего влияния на весь Дагестан. Взаимоотношения шамхальства с Россией были многогранными. В конце XVI – начале XVII в. в политике царизма доминирует военный аспект. Россия стремилась утвердиться в землях шамхальства Тарковского силой оружия. Однако, такая политика обернулась для нее катастрофой. Объединенные силы кумыкских феодальных владетелей нанесли России серьезное поражение. Из-за попыток великих соседних держав создать укрепленные базы на дагестанских землях, в частности на Кумыкской плоскости, вспыхивала самая упорная, отчаянная

борьба и в XVI, и в XVII вв. Учитывая свои просчеты и ошибки, Россия радикально меняет свою политику на Кавказе. Она торгово-экономическими мерами привлекает кумыкских феодальных владетелей на свою сторону, выдавая им подарки и денежные

вознаграждения, а также снижая им торговые пошлины. Такая гибкая политика принесла свои плоды: уже в первой половине XVII в. подданными России признали себя шамхал Сурхай Тарковский и другие кумыкские владетели.

Литература

1. Абдусаламов М.-П. Б. Кумыкские феодальные владения в политической жизни Дагестана в первой половине XVIII века. Махачкала: Народы Дагестана, 2008. 192 с.
2. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан (Исторические сведения о Дагестане). Махачкала: Юпитер, 1994. 173 с.
3. Ахмадов Я. З. Очерк исторической географии и этнополитического развития Чечни в XVI – XVIII веках. М.: Благотворительный фонд поддержки чеченской литературы, 2009. 423 с.
4. Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку: Элм, 1991. 304 с.
5. Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом // Материалы, извлеченные из Московского главного архива Мин. ин. дел. Вып. 1 (1578 – 1613 гг.). М., 1889. 582 с.
6. История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т. I. 431 с.
7. История Дагестана с древнейших времен до наших дней. Т. I: История Дагестана с древнейших времен до XX века. М.: Наука, 2004. 627 с.
8. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. Т. I.
9. История Чечни с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. Грозный: Книжное издательство, 2008. 828 с.
10. Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. III. Т. X. М., 1989.
11. Ковалевский П. И. Кавказ. Т. I: Народы Кавказа. СПб.: Тип. М. И. Акинфиева, 1914. 344 с.
12. Козубский Е. И. Дагестанский сборник. Вып. 1. Темир-Хан-Шура: Тип. В. М. Сорокина, 1902. 443 с.
13. Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во АН СССР, 1963. 372 с.
14. Маршаев Р. Г. Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.: документы и материалы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. 336 с.
15. Неверовский А. А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб.: Тип. воен.-уч. завед., 1848. 42 с.
16. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией: в 3 т. / сост. Н. И. Веселовский. 1890 – 1898. Т. II. СПб.: Тип. «Лештуковская Наровая Скоропечатня П. О. Яблонского», 1892. 445 с.
17. Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. Вып. 1: С древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. В. А. Березовского, 1887. 702 с.
18. Умаханов М.-С. К. Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке. Махачкала: Изд-во ДагФАН СССР, 1973. 250 с.

Информация об авторе:

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович – доцент Дагестанского государственного института народного хозяйства, Россия, vikingpasha@mail.ru.

Mahomed-Pasha B. Abdusalamov – Assistant Professor at Dagestan State Institute of National Economy.

Статья поступила в редколлегию 09.06.2014 г.

УДК 94 (571.1/5):343.81

КАДРОВЫЙ СОСТАВ ТЮРЕМ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1918 – 1919 гг.)

С. П. Звягин, И. М. Ликстанов

PERSONNEL OF PRISONS OF ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN EASTERN SIBERIA (1918 – 1919)

S. P. Zvyagin, I. M. Likstanov

В статье анализируется кадровый состав тюрем на территории Восточной Сибири в период пребывания у власти антибольшевистских правительств. Обращено внимание на преемственность у императорской России нормативной базы, структуры и, в основном, руководства и персонала мест заключения.

The paper analyzes the personnel of prisons on the territory of Eastern Siberia in the period of anti-Bolshevik governments. Attention is drawn to the continuity of the Imperial Russia's standard legal base, structure and mostly the managing executives and personnel of prisons.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточная Сибирь, тюрьма, тюремный персонал, руководство пенитенциарной системой.

Keywords: Civil war, Eastern Siberia, prison, personnel of prisons, managing executives of penitentiary system.

Сразу же после свержения Советской власти весной – летом 1918 г. началось воссоздание пенитенциарной системы. В соответствии с российской традицией она входила в состав министерства юстиции. Здесь вопросами мест заключения занимался 3-й (тюремный) отдел.

20 июня 1918 г. в Красноярск прибыл уполномоченный Западно-Сибирского комиссариата Временного Сибирского правительства Н. В. Фомин. По его инициативе был создан Енисейский губернский комиссариат. Этот орган власти состоял из 11-ти отделов. Среди них был и 4-й – инспекторский отдел. Он курировал врачебные, тюремные, строительные дела, вопросы зрелищ и печати [27, с. 88].

Важный для строительства пенитенциарной системы белой Сибири шаг был сделан в последний день января 1919 г. Тогда указом Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака начальником Главного управления мест заключения министерства юстиции был назначен действительный статский советник П. К. Гран. Он руководил этим ведомством в императорской России (1913 – 1917 гг.).

Постепенно формировался руководящий состав ведомства. Постановлением Совета министров от 18 марта 1919 г. действительный статский советник Сергей Иванович Новаков был назначен помощником начальника ГУМЗ [21, 10 апр., 23, 21 марта]. Начальником одного из отделов ГУМЗ стал бывший вице-губернатор Иркутской губернии, а теперь чиновник при МВД 4-го класса, действительный статский советник Михаил Иванович Измайлов [19, 23 июля; 17, с. 44].

Ведомственным органом, непосредственно надзиравшим за местами лишения свободы, были губернские (областные) тюремные инспекции. Летом 1918 г. была возобновлена работа такой инспекции при Иркутском губернском управлении [14, с. 206]. 13 июля 1918 г. приказом Иркутского губернского комиссара П. Д. Яковлева в должности Иркутского губернского тюремного инспектора был восстановлен статский советник В. И. Степанов [11, л. 260; 9, л. 57].

Приказом управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого от 9 сентября 1919 г. Пермский губернский тюремный инспектор, действительный статский советник В. А. Блохин получил назначение временно исполняющего обязанности Енисейского тюремного инспектора [4, л. 93].

Повседневной работой занимался штат ГУМЗ, утвержденный 20 февраля 1919 г. [6, л. 4]. В таблице 1 приведен штат этого ведомства на начало 1919 г.

Таблица 1
**Штат Главного управления мест заключения
по состоянию на 20 февраля 1919 г.
[составлено по: 6, л. 4]**

<i>Должность</i>	<i>Число должностей</i>	<i>Класс должности</i>
Начальник	1	III-й класс
Помощник начальника	1	IV-й класс
Начальник отдела	2	V-й класс
Инспектора	3	V-й класс
Правитель канцелярии	1	V-й класс
Старший делопроизводитель	9	VI-й класс
Делопроизводитель	9	VII-й класс
Помощник делопроизводителя	9	VIII-й класс
Итого:	36	

Постановление Административного совета Временного Сибирского правительства от 25 октября 1918 г. содержало напоминание тюремным инспекторам и их помощникам категорическое «веление» закона о еженедельном посещении ими мест заключения (Примечание 2 к ст. 23 Уложения содержащихся под стражей) и наблюдении за благоустройством (ст. 24). На разъезды тюремных инспекторов и их помощников ассигновалось по 600 и 360 руб. в год соот-

ветственно. Деньги поступали в их безотчетное распоряжение.

4 апреля 1919 г. увидел свет циркуляр ГУМЗ. В нем говорилось, что с мест поступают сведения о непонимании чинами тюремного надзора своих обязанностей. В частности, они «не прекращают сношения (заключенных – С. З., И. Л.) с внешним миром и даже помогают этому. Начальник ГУМЗ призвал начальников мест заключения «широко» пользоваться правом очищения от преступных, недостойных и распущенных подчиненных.

Начальник тюремного ведомства указал управляющим губерниями (областями) на необходимость два раза в неделю посещать подведомственные тюрьмы. В крайнем случае, это могли делать их помощники [22, 9 июля]. Содержание циркуляра газеты сделали доступным сибирякам.

П. К. Гран постоянно уделял внимание разным вопросам жизнедеятельности вверенного ему ведомства, в частности, кадрового обеспечения. 1 сентября 1919 г. постановлением Совета министров начальнику ГУМЗ было предоставлено право принимать на службу и увольнять чиновников V-го и VI-го классов [21, 3 окт.].

П. К. Гран был не только требовательным начальником. Он не упускал возможностей отметить отличившихся подчиненных. Заслуживает внимания приказ начальника ГУМЗ от 17 декабря 1919 г. П. К. Гран писал: «Ознакомившись с результатами проводимой помощником начальника ГУМЗ С. И. Новаковым ревизии Иркутской губернской тюрьмы, я усмотрел, что, несмотря на невероятные трудности в управлении тюрьмой и особенно ее снабжении при населении около 2500 арестантов:

1) пища и хлеб хорошего качества и выдается по установленным раскладам;

2) к поддержанию тепла во всех зданиях приняты все меры; ...

4) со стороны губернского тюремного инспектора, администрации и надзора к интересам заключенных проявляются должное внимание и забота.

Поэтому считаю, – продолжал П. К. Гран, – своим нравственным долгом выразить за добросовестное выполнение обязанностей службы начальнику Иркутской губернской тюрьмы Федорову, всем его помощникам и чинам надзора от лица службы мою благодарность». П. К. Гран поручил срочно представить ему к денежной награде особо выдающихся надзирателей [3, л. 17].

Ключевой фигурой в пенитенциарной системе, по нашему мнению, являлся начальник тюрьмы. Один из теоретиков и разработчиков пенитенциарной реформы в России профессор права И. Я. Фойвицкий верно отмечал, что «вопрос о лицах, руководящих тюремной деятельностью, есть коренной вопрос тюремной реформы» [Цит. по: 12, с. 62].

Должностные обязанности тюремного смотрителя (так тогда называлась эта должность – С. З., И. Л.) были определены «Общей тюремной инструкцией» 1912 г. В документе говорилось: «Он руководит всеми действиями тюремной администрации и стражи вверенного ему тюремного учреждения...». В его обязанности входил контроль за соблюдением правил тюремного распорядка, он отвечал за прием и распределение арестантов по камерам, их «окарауливанием» и содержанием.

стантов по камерам, их «окарауливанием» и содержанием.

По существу инструкция наделяла его правами полного хозяина и распорядителя жизни тюремного заведения. Составители инструкции подчеркивали, что персонал учреждения «во всем «подчиняется тюремному смотрителю». На нем лежали прием арестантов, соблюдение сроков освобождения, организация охранной службы.

Хозяйственные обязанности касались весьма широкого круга вопросов связанных с обеспечением жизни тюремного персонала и осужденных. Они включали в себя ремонт тюремных зданий и помещений, их освещение и отопление, организация питания и медицинского обслуживания.

Начальник пенитенциарного учреждения нес персональную ответственность за правильное расходование бюджетных ассигнований. Наконец, на него были возложены и воспитательные функции. Они распространялись, с одной стороны, как на персонал тюрьмы в плане соблюдения им правил и норм несения службы, поведения и взаимоотношения с осужденными. С другой стороны речь шла и о воспитательной работе с арестантами [19, с. 6–8].

Постепенно сложилась практика назначения руководителей тюремных учреждений. Начальники тюрем, расположенных в губернских и областных центрах, назначались приказами по министерству юстиции. Так приказом министра юстиции от 29 апреля 1919 г. исполняющим обязанности начальника Иркутской губернской тюрьмы был назначен начальник Владивостокской тюрьмы Н. К. Никитин [14, 11 мая]. Начальники уездных тюрем назначались приказами управляющих губерниями (областями) [7, л. 28].

Некоторое представление о профессиональной подготовке и опыте начальников тюрем на территории Сибири может дать стаж их службы в тюремном ведомстве. По состоянию на ноябрь 1918 г. – январь 1919 г. из 53 руководителей 5 человек имели стаж свыше 20 лет, 20 человек от 10 до 20, 11 от 5 до 10, 17 от 1 до 5 лет. В то же время 10 (18,8 %) начальников тюрем служили в этой системе первый год.

С этими данными вполне корреспондируются и сведения о прохождении службы. Так, чин коллежского советника (VI-й класс по «Табели о рангах») имел 1 человек, надворного советника (VII-й класс) 5 человек, коллежского асессора (VIII-й класс) 4 человека, титулярного советника (IX-й класс) 4 человека, коллежского секретаря (X-й класс) 10 человек, губернского секретаря (XII-й класс) 10 человек, прапорщика (XIII-й класс) и коллежского регистратора (XIV-й класс) по 5 человек. Кроме этого было 8 начальников тюрем, не имевших чина. Отсутствовали соответствующие данные на трех человек [Подсчитано по: 8, л. 6–306].

Определенным кадровым резервом стали чиновники тюремного ведомства, служившие на территории, уже занятой Красной армией. Приказом управляющего Енисейской губернии П. С. Троицкого от 9 сентября 1919 г. исполнявшие обязанности начальников Пермской тюрьмы VI-го класса титулярный советник Г. В. Ширев и Осинской тюрьмы VIII-го класса коллежского регистратора А. Н. Кисельников были назначены исполняющими обязанности помощников

Енисейского губернского тюремного инспектора [4, л. 93].

Некоторые назначения вызывают сомнения в их целесообразности. Например, приказом управляющего Иркутской губернии от 21 февраля 1919 г. начальник Киренской тюрьмы С. Б. Гриднев был назначен начальником Иркутской губернской тюрьмы. В свою очередь начальник последней Д. Т. Левченко «для пользы службы» занял место С. Б. Гриднева [14, 16 марта]. Учитывая совершенно несоизмеримую разницу в объеме работы, трудно признать, что интересы службы в этом случае не пострадали.

Властям приходилось избавляться от тех сотрудников, которые скомпрометировали себя службой у большевиков. Осенью 1918 г. был арестован начальник Красноярской губернской тюрьмы поручик А. В. Винтер. Оказалось, что он служил в этой должности и при Советской власти [1, 8 окт.].

Трудности переживаемого времени вынуждали доверять руководство тюрьмами людям, по прежней службе, весьма далеким от тюремного ведомства. В начале октября 1918 г. исполнявший обязанности районного начальника Ляхович получил назначение начальником тюрьмы в Бодайбо [17, 17 окт.].

9 мая 1919 г. приказом управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого начальником Енисейской тюрьмы, согласно прошению, был назначен М. П. Фукс. До этого он состоял на службе в Красноярской почтово-телеграфной конторе [13, 11 мая]. По воспоминания П. Н. Петрова, начальником Минусинской тюрьмы служил бывший начальник почтового отделения села Усть-Абаканское [2, с. 25].

Не всегда кадровые назначения были как следует обдуманы. 11 января 1919 г. в прессе было опубликовано сообщение о назначении начальником Красноярской губернской тюрьмы П. П. Башуров. Он долгое время служил помощником начальника этого учреждения [22, 11 янв.]. Между тем, 13 января 1919 г. Енисейский губернский тюремный инспектор известил прокурора Красноярского окружного суда Д. Е. Лаппо о встречах помощника начальника Красноярской губернской тюрьмы П. П. Башурова с какой-то дамой. Он ей передавал сведения о службе. В итоге чиновник был снят с должности [5, л. 176].

Каждый начальник места заключения руководил коллективом, который был призван изолировать заключенных от общества. В решении кадровых вопро-

сов приходилось сталкиваться с «наследием прошлого». Еще в 1917 г. Временное правительство распорядилось о том, что должность помощника Минусинской тюрьмы не должна быть установлена до особого распоряжения, а его все не было. Поэтому 29 января 1919 г. управляющий Енисейской губернией П. С. Троицкий обратился в тюремное отделение министерства юстиции с просьбой разрешить установить названную должность. По его словам, тюрьма большая – 450 заключенных. Более того, учреждение находилось вдалеке от города и за протокой Енисея [10, л. 195]. 13 февраля 1919 г. такое разрешение наконец-то было получено [11, л. 249].

Сотрудникам тюремного ведомства приходилось решать и другие кадровые вопросы. Так 5 сентября 1918 г. Иркутский губернский тюремный инспектор обратился в тюремное отделение министерства юстиции с просьбой вернуть штатное расписание к тому, которое установило в 1917 г. Временное правительство. Дело в том, что к осени 1918 г. наблюдалась тенденция к уменьшению численности персонала [11, л. 251].

Своеобразным ответом на это обращение стал следующий документ. 18 января 1919 г. тюремное отделение министерства юстиции известило управляющего Енисейской губернией П. С. Троицкого о том, что постановлением Совета министров от 29 ноября 1918 г. с 1 января 1919 г. в губернии учреждены следующие должности: один помощник начальника тюрьмы VII-го класса с окладом 450 руб., два старших и 14 младших надзирателей [11, л. 248].

Не будет большим преувеличением заявить, что самым приближенным к осужденным представителем тюремного персонала являлся надзиратель. Ведомственные нормативные документы предъявляли достаточно высокие профессиональные и нравственные требования к кандидатам на эту должность.

Начальник Главного тюремного управления министерства юстиции Российской империи А. П. Соломон еще в 1898 г. отметил, что тюремный надзиратель, наряду с отменным здоровьем, должен обладать выносливостью, уравновешенным характером и выдержкой. В качестве особого требования к личности тюремного надзирателя А. П. Соломон выделял «умение подчиняться» [25, с. 6].

Некоторое представление о тюремном персонале дает таблица 2.

Таблица 2

Численность надзирателей в тюрьмах Енисейской губернии (по состоянию на 1 ноября 1918 г.)
[составлено по: 11, л. 246 об.]

<i>Название тюрьмы</i>	<i>Число старших надзирателей / жалование в год</i>	<i>Их жалование за год</i>	<i>Число младших надзирателей / жалование в год</i>	<i>Их жалование за год</i>
Красноярская	5 / 3300	16500	16 / 3000	48000
Ачинская	1 / 3300	3300	16 / 3000	48000
Канская	1 / 3300	3300	21 / 3000	63000
Енисейская	1 / 3300	3300	15 / 3000	45000
Минусинская	1 / 3300	3300	22 / 3000	66000
Всего	9 / 3300	29700	90 / 3000	270000
Итого:				299700

С одной стороны речь идет о значительных бюджетных ассигнованиях. С другой стороны младший надзиратель получал 250 руб. в месяц. Совсем недавно это были немалые деньги, но инфляция резко сни-

зила их покупательную способность. О жизненном уровне тюремного персонала можно судить по таблице 3.

Таблица 3

Стоимость отдельных видов товаров народного потребления в Иркутске в 1914 и 1918 гг. [16, с. 124]

<i>Наименование товара</i>	<i>Цена в 1914 г. / руб.</i>	<i>Цена в 1918 г. / руб.</i>	<i>% подорожания</i>
Хлеб, фунт	0,04	1,4	350
Соль, фунт	0,02	0,5	250
Сахар, фунт	0,2	10,0	500
Мука, фунт	0,1	2,5	250
Мясо, фунт	0,1 – 0,14	1,5 – 2,0	143 – 150
Чай, фунт	2,0	20,0	100
Молоко, четверть	0,5	6,0	120
Масло, фунт	0,4	5,0	125
Ботинки, пара	10,0	150,0	150
Галоши, пара	3,0	150,0	500
Дрова, воз	3,0	150,0	500
Мыло, фунт	0,2	2,0	100

Нельзя не заметить, что больше всего подорожали привозные продукты (особенно сахар), а также галоши. Поражает воображение подорожание дров на 500 % и это в Иркутске, окруженном тогда лесами. В таблице нет сведений о тарифах на воду, электрический свет, покупку лекарств и лечение.

Что касается такой очень важной стороны жизни человека как жилье, то нам известно следующее. 14 октября 1919 г. Красноярская городская дума приняла обязательное постановление. Квартирная плата устанавливалась в размере 4,5 руб. за квадратную сажень (*чуть больше квадратного метра* – С. З., И. Л.). Таким образом, за комнату в 22 м² квартиросъемщик должен был платить 90 руб. в месяц [25, с. 119]. Даже по этим неполным данным можно догадаться, что жизнь надзирателей, особенно с неработающими женами и детьми, не была сладкой.

Нехватка служебного жилья и отсутствие средств на съем квартир волновали министерство юстиции. 30 сентября 1918 г. Иркутский губернский тюремный инспектор В. И. Степанов доложил в тюремное отделение министерства юстиции об отсутствии служебных квартир. В то же время тюремный персонал вынужден жить в арендуемом жилье. Например, в Иркутской губернской – 55 младших, в Александровском центре – 3 старших и – 87 младших, в Нижнеудинской – 2 старших и – 38 младших, в Балаганской – 25 младших, в Киренской – 20 младших надзирателей жили в съемном жилье. В. И. Степанов просил выделить в таком случае деньги на съем жилых помещений [11, л. 255]. В этой связи можно вновь обратиться к таблице 3, и понять насколько это было накладно для семейных надзирателей.

13 марта 1919 г. Совет министров принял постановление по тюремному ведомству министерства юстиции. Оно касалось денежных выплат. По этому документу предусматривалось казенные квартиры освободить. Вместо этого предполагались выплаты на найм частного жилья.

Правительство распорядилось:

1) выдать всем чинам ГУМЗ, чинам тюремного надзора, служащим по тюремному ведомству (как призванным, так и добровольным) взамен получаемых на службе казенных квартир денежное квартирное довольствие. Одновременно их семьи были обязаны «очистить» казенные квартиры в месячный срок;

2) размер довольствия зависел от местности и определялся министром юстиции, министром финансов и государственным контролером [21, 16 марта; 21, 27 авг.].

В силу этого власти принимали некоторые меры по материальному стимулированию службы надзирателей. 25 октября 1918 г. было принято постановление Административного совета Временного Сибирского правительства об утверждении расписания окладов содержания служащих по тюремному ведомству министерства юстиции в Сибири [24, с. 15 – 19].

13 января 1919 г. Совет министров принял постановление о распространении окладов содержания младших надзирателей каторжных губернских (областных) тюрем и исправительных отделений на младших надзирателей уездных тюрем. В результате эта категория тюремного ведомства стала получать вместо 225 руб. – 275 руб. [21, 4 февр.].

Даже в сложнейших условиях, вызванных мировой, а затем Гражданской войнами, антибольшевистские режимы сохранили не только нормативно-правовую базу, созданную императорской Россией, немного дополненной Временными правительствами в 1917 г. Был сохранен принцип деления государства на губернии и области. Было воссоздано Главное управление мест заключения в прежней структуре. Места заключения по-прежнему находились под двойным контролем по вертикали и горизонтали: ГУМЗ через губернских (областных) тюремных инспекторов и руководителей губерний (областей). Более того, в подавляющем большинстве случаев руко-

водящие посты в этом ведомстве получили чиновники, прошедшие соответствующую школу ранее.

Министерство юстиции, ГУМЗ, руководство местами заключения предприняли целый ряд шагов, направленных на нормальное функционирование этих учреждений. Однако суровые реалии Гражданской

войны (недостаточное финансирование, нехватка кадров, их невысокая профессиональная квалификация и т. д.) не дали этим мерам оказать благоприятное воздействие на функционирование пенитенциарной системы.

Литература

1. Воля Сибири (Красноярск). 1918.
2. Воспоминания участников гражданской войны в Минусинском уезде. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1957. 275 с.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 34. Оп. 7. Д. 4807.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 149. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАРФ. Ф.Р. 3331. Оп. 1. Д. 5.
6. ГАРФ. Ф.Р. 4369. Оп. 1. Д. 123.
7. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 185.
8. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 3.
9. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 32.
10. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 1. Д. 5.
11. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 4. Д. 39.
12. Дамешек Л. М. Организация охраны каторжан и кадровый состав тюремной администрации Восточной Сибири // Проблемы истории государственного управления и местного управления Сибири XVI – XX веков: материалы VII Всерос. научной конференции. Новосибирск, 6 – 8 июня 2011 г.; отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Nonparel, 1998.
13. Енисейский вестник (Красноярск). 1919.
14. Звягин С. П. Участие гражданских властей в управлении тюрьмами на территории «белой» Сибири // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XXвв.: материалы III регион. науч. конф. 19 – 20 ноября 1998 г. Новосибирск, 1998.
15. Иркутские губернские ведомости (Иркутск). 1919.
16. Кокоулин В. Г. Повседневная жизнь горожан Сибири в военно-революционные годы (июль 1914 – март 1921 г). Новосибирск: Сибирь – наука: XXI век, 2013. 385с.
17. Куликов, В. С. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времени. СПб., 1995. Вып. 5.
18. Ленский край (Бодайбо). 1918.
19. Наша Заря (Омск). 1919.
20. Общая тюремная инструкция. СПб., 1912. 64 с.
21. Правительственный вестник (Омск). 1919.
22. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919.
23. Сибирская речь (Омск). 1919.
24. Собрание узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 31 октября 1918 г. № 21. Отдел № 1.
25. Соломон А. П. Тюремное дело в России. СПб., 1898. 163 с.
26. Сосновская Н. В. Уровень жизни в Енисейской губернии в период Гражданской войны // Гражданская война в Сибири: сб. докладов и ст. науч. конф. Красноярск, ноябрь 1999 г. Красноярск: КрасГУ, 1999.
27. Шекшеев А. П. Власть и крестьянство: начало Гражданской войны на Енисее (октябрь 1917 – конец 1918 гг.). Абакан: Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2007. 160 с.

Информация об авторах:

Звягин Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Sergey P. Zvyagin—Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo state University.

Лукстанов Иван Михайлович – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, narodovlastie@gmail.com.

Ivan M. Likstanov—post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo state University.

Статья поступила в редколлегию 19.07.2014 г.

ЧИСЛЕННОСТЬ И СОСТАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТЮРЬМАХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1918 – 1919 гг.)

С. П. Звягин, И. М. Ликстанов

NUMBER AND COMPOSITION OF PRISONERS IN PRISONS OF ANTI-BOLSHEVIK GOVERNMENTS IN EASTERN SIBERIA (1918 – 1919)

S. P. Zvyagin, I. M. Likstanov

В статье анализируется весьма актуальная тема о численности заключенных в тюрьмах антибольшевистских режимов на территории Восточной Сибири. Авторы считают, что оценки советских историков были явно завышены. Однако еще предстоит разобраться с точным числом заключенных в этом регионе. В статье анализируется социальный, гендерный состав заключенных. В публикации делается вывод о том, что мнение отечественной историографии о том, что колчаковские тюрьмы были местом массового уничтожения, не подтверждается фактами.

The paper analyzes the topical issue of the number of prisoners in prisons of anti-Bolshevik regimes in Eastern Siberia. The authors believe that the evaluations of Soviet historians were clearly overestimating. However, the exact number of prisoners in the region remains to be counted. The paper analyzes the social and gender composition of prisoner. The authors conclude that Russian historiographers' opinion that Kolchak's prisons were sites of mass destruction is not supported by facts.

Ключевые слова: Гражданская война, Восточная Сибирь, тюрьмы, численность и состав заключенных, причины ареста.

Keywords: Civil war, Eastern Siberia, prisons, number and composition of prisoners, reasons for arrest.

Функционирование мест заключения антибольшевистских правительств на территории Восточной Сибири в условиях Гражданской войны давно привлекает внимание историков. Безусловно, важными являются два вопроса: общее количество заключенных и причины их ареста. К сожалению, нам не удалось найти официальной статистики. Когда-то молодой исследователь Б. И. Копеев просто заявил, что число заключенных при А. В. Колчаке выросло в Сибири во много (!? – С. П., И. Л.) раз [39, л. 70].

Есть лишь одно указание современника на численность заключенных в тюрьмах региона. По сведениям известного социалиста-революционера К. Бурвого, в сибирских тюрьмах и лагерях в конце 1918 г. содержалось 75 тыс. человек [3, с. 30]. По мнению томских историков, к осени 1918 г. в Сибири под арестом находилось около 75 тыс. человек [4, с. 150 – 151]. Увы, никто из авторов не называет источника своей информированности. Поэтому трудно считать это число правдоподобным.

Действительно, аресты были массовыми. В июле 1918 г. шадринская газета сообщила, что Временное правительство автономной Сибири в первые дни после свержения советской власти бросило в тюрьму более 5 тыс. рабочих [36, 10 июля]. Официального опровержения данных сведений не последовало.

Однако если мы будем сравнивать число заключенных по разным тюрьмам, то столь значительного числа мы не получим. Так, летом и в начале осени 1918 г. в тюрьмах Омска, Иркутской и Томской губерний, по нашим подсчетам, находилось около 14 тыс. заключенных [18, л. 109; 28, л. 14; 6, л. 1].

Что касается Восточной Сибири, то 10 марта 1919 г. управляющий Иркутской губернии П. Д. Яковлев сообщил в департамент милиции МВД о 4700 заключенных. Из них содержалось: в Иркутской губернской тюрьме – 1950, в уездных – 600, Заиркут-

ском военном городке – 800 человек. Остальные находились в Александровском центральном и пересыльной тюрьме [19, л. 214]. Примечательно, что в середине июля 1918 г., по сведениям одной из газет, в Иркутской губернской тюрьме находилось 640 арестованных [45, 18 июля].

Общее число заключенных в Красноярской губернской, Ачинской, Канской, Енисейской и Минусинской уездных тюрьмах летом 1919 г. достигло 3200 человек [10, л. 11]. Таким образом, общее число находившихся в местах заключения на территории Восточной Сибири не превышало 9 тыс. человек.

В этом случае на тюрьмы Западной Сибири должно было приходиться из 75 тыс. – 66 тыс. заключенных. Если принять это число, то чем тогда объяснить патологическое стремление властей Западной Сибири к арестам, если число заключенных превышало их количество в Восточной Сибири в шесть раз.

Можно предположить, что власти превышали нормативы по численности заключенных в тюрьмах. Действительно, места заключения были переполнены. 13 августа 1918 г. начальник Александровского централа Калашник доложил в тюремное отделение министерства юстиции о том, что в учреждении, рассчитанном на 1010, содержится 1362 человек [23, л. 281]. К декабрю 1919 г. здесь находилось на 404 заключенных больше нормы [8, л. 292]. В этой связи вызывают сомнения свидетельства бывших его узников. Одни считают, что в учреждении содержалось более 2 тыс. человек [29, с. 48]. По словам И. Марьина, к августу 1919 г. в Александровском центральном содержалось 3 тыс. человек [40, 11 нояб.]. Переполнена была и Иркутская губернская тюрьма. По сведениям Н. В. и В. Н. Дворяновых, здесь в камеры, рассчитанные на 15 – 18, помещали до 35 человек [32, с. 48; 29, с. 50].

Омские власти об этом знали. В январе 1919 г. министерство юстиции признало, что «Места заклю-

чения Западной и Восточной Сибири переполнены. Свободных мест нигде нет» [25, л. 66]. Принимая во внимание переполненность тюрем, все равно общее число арестантов было около 10 тыс. человек.

В силу того, что штатные места заключения были переполнены, арестованные содержались в приспособленных помещениях. В Минусинске это были дома доктора Анисимова и купцов Савельева, Вильнера и др. [41, с. 26]. По сведениям И. Ф. Плотникова, вновь принял арестантов концлагерь в военном городке Иркутска [42, с. 299]. Однако вряд ли и здесь мог содержаться контингент числом в 10 – 15 тыс. человек. На наш взгляд, число, названное К. Буревым, сильно завышено. Хотя, конечно, еще предстоит выяснить реальный размах репрессий.

Чтобы разгрузить тюрьмы в первую очередь прифронтовых городов, сибирское правительство решило устроить концлагеря на Дальнем Востоке, в частности, на необитаемом Русском острове в 15 километрах от Владивостока. По мнению большевиков, это был план истребления ни в чем не повинных людей, которых даже не было предъявлено какое-либо обвинение [29, с. 39]. С этим предположением трудно согласиться, т. к. концлагеря антибольшевистских правительств не предполагали массового уничтожения.

Более достоверны воспоминания Н. С. Пугачёва. По его словам машинистка Александровского центра-ла Лучших проболталась ему на свидании о шифрограмме. В ней говорилось об эвакуации заключенных в Забайкалье [15, л. 4].

Значительный научный и политический интерес представляет состав заключенных. Власти разного уровня пытались в этом разобраться. 27 марта 1919 г. начальник штаба Верховного Главнокомандующего Генерального штаба генерал-майор Д. А. Лебедев приказал всех пленных красных, направленных в тыл, «разделить» по четырем категориям: добровольцы из рабочих и бывших моряков, добровольцы из крестьян и хлебопашцев. В именных списках указать наиболее «вредный элемент», который направить в тюрьмы и лагеря. Они должны были предстать перед военно-полевым судом. Оправданных надлежало поместить в лагеря военнопленных, находящиеся вне театра военных действий [49, л. 9].

31 июля 1919 г. начальник ГУМЗ П. К. Гран обратился к управляющим губерниями (областями) с просьбой сообщить точные сведения о числе заключенных в соответствующих губерниях (областях). Руководителя ведомства интересовало сколько арестовано: 1) красноармейцев, 2) красногвардейцев и 3) лиц, лишенных свободы в связи со свержением советской власти [31, л. 3].

Анализ доступной нам информации позволяет сделать следующий вывод: большая часть заключенных было арестована по политическим мотивам.

Судя по воспоминаниям, среди 75 тыс. заключенных – около 30 тыс. человек были арестованы по политическим мотивам [17, л. 4].

В 1959 г. томские историки не только повторили известный нам факт, что к осени 1918 г. в Сибири под арестом находилось около 75 тыс. человек, они уточнили, что среди них большинством были обвиняемые в причастности к «большевистской узурпации власти». В основном это были представители рабочего

класса [4, с. 150 – 151]. Правда, авторы вновь не привели источник своей осведомленности.

Через двадцать с небольшим лет после окончания Гражданской войны сибирские историки ввели в оборот даже юмористический оборот. В годы Гражданской войны, писали они, в быту появилась не далекая от истины мрачная шутка: в «свободной белой Сибири тюрьма стала вторым домом для людей с мозолистыми руками – рабочих» [44, с. 83]. Конечно, это не может быть научным аргументом.

Тем не менее архивные данные подтверждают, что большая часть арестованных попала в места заключения по политическим мотивам. Летом 1919 г. в Красноярской губернской, Ачинской, Канской, Енисейской и Минусинской уездных тюрьмах более 60 % заключенных составляли лица, арестованные в несудебном порядке в связи с приверженностью к советской власти [10, л. 11]. Что касается Иркутской губернской тюрьмы, то в 1918 – 1919 гг. из более чем 1600 заключенных 966 (60 % – С. З., И. Л.) были арестованы по обвинению в большевизме [подсчитано по: 14, л. 1 – 80].

Трудно спорить с тем, что политические противники составляли большинство контингента тюрем Восточной Сибири. Однако есть неустраимые сомнения в социальном происхождении узников. Было ли в то время в регионе столько рабочих, сколько было арестовано? По подсчетам В. А. Кадейкина, в 1917 г. в Сибири было 565 – 570 тыс. рабочих [37, с. 57]. Если число арестованных равнялось 75 тыс. человек и большинство из них были рабочими, то в тюрьмах региона находился примерно каждый девятый из них.

Более достоверными нам представляются данные красноярского историка Ю. В. Журова. По его подсчетам, на 15 августа 1919 г. из 1058 заключенных по политическим мотивам в Красноярской губернской тюрьме 2/3 составляли крестьяне [20, л. 344; 34, л. 148].

До сих пор не уточнены две позиции. Во-первых, сколько из арестованных по политическим мотивам было реальных противников антибольшевистского режима, а сколько мнимых. О том, как произвольно сотрудники правоохранительных органов антибольшевистской Сибири трактовали понятие «большевик», убедительно доказал кемеровский историк С. П. Звягин [35].

Во-вторых, следует помнить о том, что в тюрьмах Восточной Сибири содержались и уголовные преступники, удельный вес которых среди арестантов еще предстоит уточнить. Некоторое представление об этом дают архивные сведения по Александровскому централу. К декабрю 1919 г. в нем содержалось 1204 заключенных. Среди них: 158 человек отбывали срок по обвинению в большевизме, 90 – за уголовные преступления, 525 являлись ссыльно-каторжными и 431 заключенный не имели документов. Они были из числа эвакуированных с Поволжья и Урала тюрем [8, л. 292]. В этом случае политические заключенные составляют очевидное меньшинство.

Самостоятельный интерес представляет анализ гендерного состава заключенных. Для анализа можно привлечь официальные данные. 18 августа 1918 г. начальник Иркутской губернской тюрьмы Соколов

доложил в тюремное отделение министерства юстиции о том, что его учреждение рассчитано на 1303 мест для мужчин и 142 для женщин. Фактически содержалось 1303 мужчины и 142 женщины. По режиму содержания картина складывалась следующая: 1198 мужчин находилось в общих камерах и 105 в одиночках. Что касается женщин, то 124 из них со-

держались в общих камерах и только 18 в одиночных [24, л. 267]. На 13 сентября 1918 г. в Красноярской губернской тюрьме было 1088 заключенных, в том числе мужчин – 1009, женщин – 67, детей – 12 [24, л. 202]. Динамика изменения мужского контингента в двух местах заключения Иркутской губернии дана в таблице.

Таблица

Рост заключенных-мужчин в Александровском центральном и Балаганской уездной тюрьме
[сост. по: 24, л. 31, 33 – 34, 36 – 39, 41, 61, 63, 65, 67, 69, 71, 73, 75, 78, 80, 82, 84]

Название места заключения	01.11	01.12	01.01	01.02	01.03	01.04	01.05	01.06	01.07
Александровский централ	230	231	116	136	129	197	269	521	
Балаганская уездная тюрьма	55	48	68	60	64	61	68	73	89

Очевиден вывод: львиную долю заключенных составляли мужчины, причем их число неуклонно росло.

Власти принимали меры по форме и по существу к снижению загруженности тюрем. Ряд мер были формальными. Во-первых, делались шаги по более равномерному распределению контингента среди тюремных учреждений. 14 марта 1919 г. был опубликован циркуляр министерства юстиции. В нем содержалось предложение управляющим губерниями (областями) подать в Омск сведения о числе камер и мест в них. Министерство предлагало «разрядить» заключенных по тюрьмам «пропорционально» [51, 14 марта].

Во-вторых, заключенных перевозили из одного региона в другой. Это в какой-то мере уменьшало их количество в Восточной Сибири, но от этого их общее количество не менялось. 7 декабря 1918 г. «Правительственный вестник» сообщил о том, что из-за перегруженности тюрем и лагерей недавно арестованные женщины и дети возвращаются обратно на запад из Владивостока [43, 7 дек.].

12 мая 1919 г. ГУМЗ направило управляющим губерниями (областями) распоряжение о том, чтобы в целях разгрузки мест заключения предпринять следующее: 1) каторжных направить в Александровский централ; 2) арестованных – в Томское исправительно-арестное отделение № 2; 3) красноармейцев и красногвардейцев отправить в Соколовский стан Амурской области [12, л. 96].

Я. Е. Фаерман вспоминает, что 10 – 12 декабря 1919 г. из Красноярской губернской тюрьмы было эвакуировано 250 человек [46, л. 3].

Вместе с тем власти принимали меры и по существу, стремясь реально сократить число содержащихся в местах заключения. Например, 7 и 8 ноября 1918 г. Иркутский губернский комиссар П. Д. Яковлев посетил одиночные камеры Иркутской губернской тюрьмы. Он отметил перегруженность учреждения следственными арестованными. Руководитель губернии распорядился всех «срочных» арестованных и тех, о ком следствие закончено, переправить в Александровский централ [45, 10 нояб.].

2 июля 1919 г. начальник ГУМЗ П. К. Гран еще раз указал управляющим губерниями (областями) о том, что тюрьмы переполнены. Причем 65 % аресто-

ванных числилось за следственными комиссиями. П. К. Гран попросил «озаботиться» ускорением рассмотрения следственных дел [26, л. 60].

В этом процессе принимали участие и военные. 19 августа 1919 г. начальник отдела контрразведки и военного контроля полковник Злобин доложил второму генерал-квартирмейстеру о том, что большое количество арестованных продолжает длительное время находится под следствием, переполняя тюрьмы. «Всякая репрессия тем действеннее, – считал офицер, – чем скорее следует за преступлением». Для разгрузки тюрем он предлагал привлечь прифронтовой военнопольной суд [27, л. 275].

По понятной причине большое значение для арестованных и их родственников имела длительность заключения. Можно указать на три возможных срока. Во-первых, 3 августа 1918 г. Временное Сибирское правительство приняло решение о том, что опасные деятели советской власти должны оставаться в тюрьме до созыва Учредительного собрания. По мнению А. Гана, такой же срок был установлен и при А. В. Колчаке [13, с. 162]. Н. В. и В. Н. Дворяновы тоже придерживались мысли о том, что белогвардейцы намеревались держать всех арестованных в тюрьмах до созыва Учредительного собрания. Оно должно было решить их судьбу [32, с. 39].

Во-вторых, был приказ министра внутренних дел А. Н. Гаттенбергер не выпускать арестованных из тюрем до 1 октября 1919 г. [47, л. 11 – 13].

В-третьих, лица, которые, по мнению белых, «угрожали» государственному строю или общественной безопасности, было приказано вообще не выпускать из тюрем, если даже они отбыли срок заключения [48, л. 11].

Отмечены примеры «долгожительств» в тюрьмах региона. Тому есть две причины. Во-первых, арестанта могли сколько угодно долго перевозить из тюрьмы в тюрьму. Об этом можно узнать из воспоминаний. В июне 1918 г. в Щегловске был арестован Е. Д. Вдовин. До освобождения в январе 1920 г. он «побывал» в Новониколаевской, Томской губернской, Томской пересыльной, Иркутской тюрьмах и в Александровском центральном [11, л. 23]. И. Иванов в воспоминаниях от 22 марта 1950 г. вспомнил свой арест и заключение

в Омской тюрьме, Александровском центре. Из-за переполненности Никольск-Уссурийской тюрьмы его этапировали в Хабаровскую тюрьму [9, л. 74].

Л. Колина арестовали 5 ноября 1918 г. в Уфе. За 30 дней его через Иркутск довели до Читы, а потом вернули в Иркутск [5, л. 26 об.]. Г. А. Лихачёва арестовали в городе Боготол Енисейской губернии, а затем этапировали во Владивосток [29, с. 39].

Во-вторых, был реальный шанс уцелеть, сидя в одном месте. В ночь на 31 декабря 1919 г. были освобождены Политцентром из Иркутской тюрьмы видные большевики: А. М. Краснощёков, В. В. Рябиков, Я. Б. Шумяцкий, В. Л. Букатый, И. Н. Бурсак и другие [1, с. 42; 2, с. 14]. По воспоминаниям А. А. Семенова, в сибирских тюрьмах уцелел и И. М. Горохов, арестованный в Иркутской губернии [16, л. 3].

Кроме этого уцелело несколько сотен других заключенных. Поэтому мнение группы историков о том, что колчаковцы планомерно истребляли сторонников Советской власти в тюрьмах [30, с. 108], не совсем верно.

Нами выявлено, что в местах заключения находились не только взрослые, но и дети. Это были не только сыновья и дочери арестованных, но и родившиеся в тюрьме. Так в 1919 г. в Иркутской губернской тюрьме А. П. Третьякова родила дочку [38, с. 34]. В Красноярской губенской тюрьме матерью стала А. Е. Яковлева [50, л. 3 – 4].

Дети содержались в обычных камерах. Из воспоминаний Д. С. Жарковой можно узнать, что в Иркутской тюрьме были и женские камеры. Вот описание одной из них. Вместо обычных дверей в проёме стены, подъёмный щит. К стенам привинчено 8 железных коек (на 20 заключённых), на середине стол, у дверей параша. Маленькие окна на высоте двух метров от пола. В камере темно и душно. Вместе с женщинами несколько ребят, в возрасте от 4 до 8 лет. Среди них сироты, матери которых умерли в тюрьме [33, с. 66 – 67].

По отношению к этому необычному контингенту отношение властей было различным. Их судьбу определял возраст. Малолетние подлежали освобождению. Нами выявлены два списка малолетних арестантов Иркутской губернской тюрьмы, которые подлежали освобождению. В первом были фамилии 18 человек в возрасте 14 – 17 лет, в т. ч. 3 – 14 летние. Во втором –

фамилии 5-х малолетних, которые подлежали высылке к родителям [21, л. 93, 145].

Для тех детей, которые не подлежали освобождению, при Иркутской губернской тюрьме был приют для арестантских детей. Там находилось 18 детей и 5 служащих [7, л. 1 – 4]. 30 апреля 1919 г. ГУМЗ запросил подведомственные учреждения о наличии воспитательно-исправительных заведений для несовершеннолетних. Только 21 июня 1919 г. Иркутский губернский тюремный инспектор известил главное управление о существовании одного приюта, рассчитанного на 30 детей при 10 сотрудниках [22, л. 62].

В Красноярской губернской тюрьме с родителями содержалось 11 подростков, в том числе дети видных большевиков Я. Ф. Дубровинского 6-ти и 8-ми лет, А. Перенсона – 2-х и 4-х лет, Г. И. Пекарав – 8-ми и 12-ти лет, Е. Л. Фаерман – 8-ми лет. К. И. Адасинская находилась в заключении с двумя детьми – 5-ти и 3-х лет [46, л. 3 – 4].

Нам удалось установить, что численность заключенных, содержащихся в тюрьмах Восточной Сибири, не подтверждается достоверными данными и еще нуждается в уточнении. Одно очевидно, их число в этом регионе было намного меньше, чем долгие годы утверждали отечественные авторы и мемуаристы. Требуется более подробного изучения социальный и гендерный состав тюремного контингента. Вопреки устоявшемуся в советское время мнению о преобладании среди заключенных рабочих, нам представляется возможным в этом усомниться. Более половины людей, содержащихся в тюрьмах, были крестьянами.

Что касается деления заключенных на политических и уголовных, то первых насчитывалось больше. Здесь следует помнить о том, как широко в то время трактовали «принадлежность к большевизму».

Подавляющее большинство среди тюремного контингента составляли мужчины. Однако в заключение находились женщины и несовершеннолетние.

Суровость, даже жестокость режима содержания также не находит подтверждения. Упоминания советских авторов о массовых расправах в местах заключения не находят соответствующих доказательств. Имевшие место эксцессы являлись не правилом, а исключением. Однако это не означает, что здоровье и жизнь, человеческое достоинство в тюрьмах региона были защищены надлежащим образом.

Литература

1. Агалаков В. Т. Рабочие Иркутска в борьбе с колчаковщиной // Рабочие Восточной Сибири в борьбе за власть Советов (1917 – 1922 гг.). Иркутск: изд-во Ирк. ун-та, 1985.
2. Агалаков В. Т. Валентин Рябиков – историк Октябрьской революции и Гражданской войны в Сибири // Сибиряки в борьбе за власть Советов, за защиту социалистического Отечества: тез. Всесоюз. науч. конф. г. Новосибирск, 4 – 7 июня 1990 г. Новосибирск, 1990.
3. Буревой К. Колчаковщина. М., 1919.
4. Вопросы истории Сибири. Томск, 1959. Вып. 4.
5. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. П. 596. Оп. 1. Д. 342.
6. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 157. Оп. 1. Д. 14.
7. ГАИО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 7.
8. ГАИО. Ф. 873. Оп. 1. Д. 6.
9. Государственный архив историко-партийных документов Курганской области (ГАИПДКО). Ф. 5857. Оп. 1. Д. 274.
10. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 1763. Оп. 1. Д. 84.
11. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П. 483. Оп. 1. Д. 8.
12. Государственный архив Курганской области ГАКурО). Ф. 253. Оп. 1. Д. 48.

13. Ган А. Два восстания // Белая идея: летопись белой борьбы. Т. 3. Берлин: Медный всадник, 1927.
14. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 694.
15. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 477.
16. ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 306.
17. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф.П. 5. Оп. 2. Д. 646.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р. 130. Оп. 2. Д. 446.
19. ГАРФ. Ф.Р. 147. Оп. 1. Д. 19.
20. ГАРФ. Ф.Р. 19. Оп. 1. Д. 25.
21. ГАРФ. Ф.Р. 3352. Оп. 1. Д. 1366.
22. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 4. Д. 216.
23. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 4. Д. 39.
24. ГАРФ. Ф.Р. 827. Оп. 5. Д. 15.
25. ГАРФ. Ф.Р. 874. Оп. 5. Д. 24.
26. ГАРФ. Ф.Р. 149. Оп. 1. Д. 1.
27. ГАРФ. Ф.Р. 236. Оп. 1. Д. 20 б.
28. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 11. Оп. 4. Д. 13.
29. Годы огневые, годы боевые // Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918 – 1920 годы). Красноярск, 1962.
30. Гражданская война // История Сибири. Т. 4. Л.: Наука, Лен. отделение, 1968.
31. Государственный архив Тюменской области в Тобольске (ГАТОТ). Ф. 722. Оп. 2. Д. 9.
32. Дворянов Н. В., Дворянов В. Н. В тылу Колчака. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1966.
33. Жаркова Д. С. Воспоминания // Годы огневые, годы боевые. Сб. воспоминаний участников Красноярского большевистского подполья и партизанского движения Енисейской губернии в борьбе за власть Советов (1918 – 1920 годы). Красноярск, 1962.
34. Журов Ю.В. Енисейское крестьянство в годы гражданской войны. Красноярск, 1972.
35. Звягин С. П. Правоохранительная политика А.В. Колчака. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. 352с.
36. Земля и труд (Курган). 1918.
37. Кадейкин В. А. Рабочие Сибири в борьбе за власть Советов и осуществление первых социалистических преобразований (ноябрь 1917 – август 1918 гг.). Кемерово: Кем. кн. изд-во, 1966.
38. Кожевин В. Е. Легендарный партизан Сибири. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1987.
39. Копеев Б. И. Восстания рабочих и солдат против колчаковщины в городах Сибири 1918 – 1919 гг.: дипломная работа /науч. рук В. Т. Агалаков. Иркутск, 1960 г. // ГАИО. Ф.Р. 71. Оп. 4. Д. 81.
40. Марьин И. В колчаковских застенках // Советская Сибирь (Новосибирск). 1969.
41. Обухов Н. К. Минусинское вооруженное восстание крестьян // Записки сибирских партизан. Новосибирск: кн. изд-во, 1961.
42. Плотников И. Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы Гражданской войны (1918 – 1920 гг.). М.: Мысль, 1968.
43. Правительственный вестник (Омск). 1918.
44. Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917 – 1937 гг.) / Отв. ред. А. С. Московский. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1982.
45. Свободный край (Иркутск). 1918.
46. Фаерман, Я. Е. Эшелон смерти / Я. Е. Фаерман // ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 136.
47. Центральный государственный архив Дальнего Востока (ЦГАДВ). Ф. 1005. Оп. 1. Д. 84.
48. ЦГАДВ. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 89.
49. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 41. Оп. 1. Д. 124.
50. Центр хранения исторических документов новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Ф. 42. Оп. 10. Д. 221.
51. Эхо (Владивосток). 1919.

Информация об авторах:

Звягин Сергей Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, whitesiberia@narod.ru.

Sergey P. Zvyagin – Doctor of History, Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo state University.

Ликстанов Иван Михайлович – соискатель кафедры новейшей отечественной истории КемГУ, narodovlastie@gmail.com.

Ivan M. Likstanov – post-graduate student at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 19.07.2014 г.

УДК 94(470+571.513)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУКОВОДСТВА РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ ПО БОРЬБЕ С ЭКОНОМИЧЕСКИМ КРИЗИСОМ В 1992 – 1993 ГГ.

Е. В. Тышута

ACTIVITIES OF THE ALTAI REPUBLIC AUTHORITIES AIMED AT FIGHTING THE ECONOMIC CRISIS IN 1992 – 1993

E. V. Tyshuta

Статья посвящена исследованию деятельности руководства Республики Алтай в годы экономического кризиса. Рассматривается экономическое положение региона, анализируются основные меры правительства по борьбе с кризисом, взаимоотношения Республики Алтай с федеральным центром. Автор акцентирует внимание на новых формах хозяйствования, появившихся в экономике региона в начале 1990-х гг.

The paper is devoted to the activities of the Altai Republic authorities in the years of the economic crisis. The author examines the economic situation of the region, analyses the major Government measures to combat the crisis, explores the relationship of the Altai Republic and the Federal Center. The paper focuses on new forms of management that emerged in the economy of the region in the early 1990s.

Ключевые слова: Республика Алтай, экономический кризис, новые формы хозяйствования, федеральная помощь.

Keywords: Altai Republic, economic crisis, new forms of management, federal assistance.

Один из основных законов экономики гласит, что развитие любой экономической системы циклично. Кризисы – это её естественное состояние, без которого невозможен последующий экономический рост. Причины, вызывающие падение экономического роста могут быть различными. Например, внутренние факторы (физический срок службы основного капитала, личное потребление, инвестирование, экономическая политика государства) или внешние (политические потрясения: войны, революции, освоение новых территорий, миграция, рост численности населения). Распад СССР, нарушение экономических связей, введение в действие новой экономической политики государства привело к возникновению в стране глубокого экономического кризиса, который поразил различные регионы России в первой половине 1990-х гг. Наиболее остро от него пострадали субъекты федерации, не имеющие значительной производственной базы. Тяжелое экономическое положение также сложилось в новых субъектах федерации, которые недавно приобрели данный статус. Одним из таких регионов была Республика Алтай, которая только в 1991 г. вышла из состава Алтайского края, тем самым образовав самостоятельную политику.

Целью данной статьи является анализ деятельности руководства Республики Алтай по борьбе с экономическим кризисом в первой половине 1990-х гг.

Основным источником для исследования являются фонды Государственной архивной службы Республики Алтай. В частности, были использованы различные отчеты, статистические данные, информация о деятельности основных отраслей экономики и социальной сферы, выступления руководителей региона на сессиях регионального парламента, переписка руководства республики с федеральным центром. В большинстве своем, это делопроизводственные документы, которые представляют собой широкий пласт не опубликованных, и часто не введенных в научный оборот архивных материалов. Для исследуемой проблемы наибольший интерес представляют собой до-

кументы, характеризующие деятельность руководства республики: протоколы, выступления лидеров региона, статистические данные.

Вторая группа исторических источников – это различные нормативно-правовые акты, принимаемые в рассматриваемый нами период. Данный тип источников обладает особенностью: с одной стороны, это строгий юридический документ, с другой – исторический памятник. Он позволяет проанализировать те меры, которые предпринимало правительство Республики Алтай для того чтобы вывести регион из кризиса.

Традиционно к историческим источникам по изучению истории новейшего времени относят периодическую печать, с помощью которой исследователь объективно может исследовать общественное мнение. По форме это могли быть газеты, журналы и т. д. Специфическим свойством периодики является её многоплановый характер. Газеты и журналы могут содержать в себе: официальные сообщения и документы, законодательные акты, публицистику, письма, отчеты, репортажи и интервью. Научное исследование периодической печати позволяет выявить механизм формирования общественных стереотипов и идеологического влияния на каждого конкретного человека, что позволяет проводить микросистемный анализ исторической реальности. Деятельность правительства субъекта Федерации это объект макроисследований, для которого на наш взгляд более подходящим является анализ документооборота органов государственной власти. К тому же объем журнальной публикации не позволяет в должном объеме использовать данный тип исторического источника.

Одним из самых авторитетных исследователей экономического развития Республики Алтай является И. Ф. Медведев. Сфера его научных интересов – структура и динамика основных показателей экономического развития сибирских регионов в XX в. Большинство его работ посвящены промышленному и сельскохозяйственному развитию Горного Алтая [16;

17; 18]. По времени его исследования охватывает период с конца XIX в. по 2000-е гг. включительно. Для нас наибольший интерес представляют последние главы обеих монографий, посвященные развитию экономики Республики Алтай в постсоветское время. Рассуждая об макроэкономических показателях развития экономической системы, автор приходит к выводу о том, что в начале 1990-х гг. наблюдался начальный этап процесса становления первоначального накопления капитала, в котором главную роль принадлежала партийно-государственному аппарату [2, с. 197]. В своих работах автор весьма критически относится как к экономической политике российского государства, так правительства Республики Алтай. «15 лет реформ и перестроек не только не привели к взлёту производственных сил Республики Алтай, которая как была, так и остается дотационным регионом. Все это заставляет задуматься о напрасной трате времени, средств, сил, здоровья. Нервов абсолютного большинства населения Горного Алтая, да и страны в целом в процессе преобразования социализма в капитализм» [17, с. 206]. Данные высказывания идеологически выдержаны. Поэтому представляется актуальным проанализировать деятельность руководства Республики Алтай в годы экономического кризиса.

Новое поколение исследований представляет статья Е. В. Мердешевой, В. В. Рудского «Трансформация системы сельского расселения Республики Алтай в конце XX в. – в начале XXI в.». В данной работе авторы рассматривают вопросы трансформации сельского населения Республики Алтай на фоне современных процессов, происходящих в сельской местности, с учетом историко-географических и историко-экономических факторов [19]. Отдельные аспекты экономического развития Республики Алтай в 1990-е гг. освещены в работах Е. А. Марковой [15] и С. И. Зубакина [1], в которых авторы акцентируют своё внимание на взаимосвязи политического и экономического развития южно-сибирской республики.

Экономическое развитие Горно-алтайской автономной области в последние годы существования СССР было стабильно. За 1990 г. в Горном Алтае сверх плана было мобилизовано доходов на сумму свыше 14,5 млн руб. [2, л. 44]. Основной отраслью экономики региона традиционно оставалось сельское хозяйство. Но и в нем появлялись новые формы хозяйствования. В 1990 г. в личных подсобных хозяйствах граждан было произведено около 18 тыс. тонн скота и птицы или 70 % от общественного аграрного производства, в том числе крупнорогатого скота соответственно 9,3 тыс. тонн или 90 % [2, л. 52]. Таким образом, основным производителем сельскохозяйственной продукции являлся общественный сектор. В этот период времени, когда исчезает монополия совхозов и колхозов, значительная часть сельскохозяйственной продукции стала производиться в личных приусадебных хозяйствах. Эффективность производства в частном секторе была значительно выше. Так, личные хозяйства граждан, имевшие лишь 46 % крупнорогатого скота от общественного, производили около 90 % мяса, то есть практически в 2 раза больше, чем в колхозах и совхозах [2, л. 52].

Внеочередной съезд депутатов РСФСР принял законы о трех важнейших реформах: земельной, эконо-

мической и социальной. В Горном Алтае была создана Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов. Делегаты крестьянских хозяйств приняли участие в работе съезда крестьянских (фермерских) хозяйств России. В феврале 1991 г. на первой сессии Верховного Совета народных депутатов Горно-Алтайской автономной советской социалистической республики был принят республиканский закон о земельной реформе. В качестве цели провозглашаемой в преамбуле закона было указано следующие: исполнение Закона РСФСР с целью перераспределения земли для её более эффективного использования и охраны. Данный закон предусматривал коллективам колхозов, совхозов, подсобных хозяйств в соответствии с законом РСФСР «О крестьянском (фермерском хозяйстве)» определить варианты по условному разделу земли на количественно определенные паи (доли) на каждого члена колхоза (работника совхоза) или установлению денежной оценки (акций) земельных участков с тем, чтобы при выходе из хозяйства его члена определить долю на земельный участок; удовлетворить к маю 1991 г. все обоснованные заявления граждан и предприятий на выделение земель для личного подсобного хозяйства, садоводства, огородничества и пчеловодства [2, л. 92].

Развитие элементов рыночного хозяйства в аграрном секторе первоначально носило стихийный характер. Экономически эффективным являлось введение личного подсобного хозяйства. Впоследствии произошло его законодательное закрепление. Интересен факт, что в отчете по основным показателям экономического и социального развития Горно-Алтайской автономной ССР за 1990 г. вообще отсутствует пункт «Деятельность кооперативов и малых предприятий» [3, л. 58]. Несмотря на то, что в своих отчетах руководство региона неоднократно говорило о рыночных преобразованиях, на момент распада СССР экономика Горного Алтая была традиционна. Никаких подтверждающих аргументов о развитии элементов рыночного хозяйства нами не было обнаружено. В докладах различного уровня содержались лишь голословные утверждения, а анализ экономического развития региона производился согласно традиционных для советской экономики показателей.

Наиболее заметно изменения в экономической системе Горного Алтая стали проявляться в 1991 г., сразу после повышения политико-правового статуса региона. Так, особенностью бюджета 1991 г. Горно-Алтайской автономной республики стал отказ от централизованного планирования, лимитирования и распределения материальных ресурсов, переход к выдаче кредитов на коммерческой основе. Но весьма поспешный выход из состава Алтайского края не позволил определить структуру экономики региона. В ходе повышения политико-правового статуса не были формально определены взаимоотношения с центром (в том числе и в сфере экономики). Принятые декларации не были подкреплены реальными действиями и механизмами.

Экономическая ситуация в регионе резко обострилась в 1992 г., когда повсеместно в стране, в том числе и в Республике Алтай, наблюдался процесс либерализации цен. Как следствие резко ухудшились показатели налично-денежного обращения. В течение

года денежная эмиссия увеличилась в 7 раз. Несмотря на это реальных денег в экономике региона не хватало. Появились случаи несвоевременной выплаты заработной платы, пенсий, стипендий, пособий. Часто нарушалась финансовая дисциплина предприятий. Органы государственной власти отмечали случаи продажи наличных денег с целью получения прибыли. Некоторые юридические и физические лица, которые занимались коммерческой деятельностью, с целью уклонения от уплаты налогов не производили оприходование выручки в кассу, пускали наличные в оборот, который не фиксировался документально, и как правило не контролировался налоговой инспекцией.

В ответ на сложившуюся ситуацию Президиум Верховного Совета Республики Алтай принял постановление «О мерах по нормализации налично-денежного обращения в Республике Алтай», в котором предполагалось проведение мер административного характера. В частности, городскому и районным главам администрации при регистрации предприятий любых организационно-правовых форм, видами деятельности которых являлась торговля, торговло-посредническая, закупочная, сбытовая деятельность и создание оптово-розничных торговых подразделений предприятий предполагалось предусмотреть в качестве обязательного условия регистрации сдачу сверхлимитной денежной наличности в учреждения банков, а при неисполнении этого условия – предполагалось его закрытие [3, л. 38]. Пункт 3 вышеуказанного постановления рекомендовал всем коммерческим банкам республики производить выдачу средств, предназначенных для закупа сельхозпродукции только чеками «Россия». Активно внедрять чековую форму взаиморасчетов между предприятиями, организациями, фермерскими хозяйствами, торгующими организациями. Особое внимание привлекает п. 8, в котором устанавливалась правовая норма, согласно которой «наличные денежные знаки, полученные юридическими и физическими лицами от реализации на территории Республики Алтай продукции, товаров, работ услуг, подлежат сдаче в местные (Республика Алтай) учреждения банков для обмена на чеки или проведения безналичных операций» [3, л. 38].

Данное постановление является примером, когда руководство региона пыталось решить экономические проблемы, в данном случае нехватку наличных финансов, с помощью административного ресурса. Подобная политика руководства Республики Алтай обусловливается следующими факторами. С одной стороны отсутствием опыта экономических преобразований, с другой стороны максимальной степенью федерализации страны, когда в Российской Федерации еще не сложился экономический федерализм, и многие регионы стремились максимально использовать недавно полученную политическую и экономическую самостоятельность. Так, 29 июля 1992 г. Указом Президиума Верховного Совета Республики Алтай было принято решение запретить всем коммерческим банкам, фирмам, совместным предприятиям вывоз и выдачу сторонними организациями и лицам наличных денег за пределы республики [2, л. 79]. Другой мерой административного принуждения стало обязательство, что все наличные деньги, вырученные от торговли товарами и оказания услуг, сдаются в местные учреж-

дения банков или отделения связи [4, л. 79]. Данные решения руководства Республики Алтай не только противоречили законам экономического развития, но и федеральным законам тоже.

Помимо методов административного принуждения, Правительство Республики Алтай в годы кризиса проводило действенные меры по поддержке местного товаропроизводителя. Так, в 1992 г. была разработана программа «Молоко», которая предусматривала комплекс мер по обеспечению стабильного и достаточного снабжения населения республики молоком и продукцией ее переработки за счет стимулирования производства, сокращения непроизводственных расходов, внедрения передовых технологий. Но финансовое положение региона не позволило полностью реализовать данную программу. В 1992 г. Правительство Республики Алтай приняло решение о дотировании производства молока за счет бюджета и внебюджетных фондов в пределах необходимых для обеспечения конкурентоспособности производимой молочной продукции на формирующемся рынке. Так же предусматривалась возможность создания ассоциаций хозяйств и предприятий, производящих и перерабатывающих молоко [5, л. 80].

В 1992 г. был открыт центр занятости и трудоустройства населения г. Горно-Алтайска, разрабатывалась программа по обеспечению населения республики продовольствием, в частности было подписано соглашение с руководством Алтайского края и города Бийска. Руководство республики активно боролось за дальнейшее действие указания Министерства торговли РСФСР о сохранении объемов поставок продовольственных товаров на уровне первого квартала 1991 г.

Экономическое положение Республики Алтай в 1992 – 1993 гг. было весьма плачевно. В 1993 г. руководство республики признавало тот факт, что Республика Алтай обладает неразвитой экономической системой. Основными отраслями которой являлись малорентабельные – отгонное животноводство и лесозаготовка в труднодоступных местах. Перерабатывающая промышленность практически отсутствовала. В производственной сфере основные фонды были в 2 – 3 раза меньше, чем в среднем по России. Практически отсутствовала собственная строительная база. В неудовлетворительном состоянии находилась единственная транспортная артерия Горного Алтая – Чуйский тракт [6, л. 5].

Ассортимент товаров, выпускаемых предприятиями Республики Алтай, был весьма ограничен. Это либо производство продовольственных товаров, главным образом в сфере переработки продуктов сельскохозяйственного производства: сыр, масло сливочное, мёд, мясо, орех кедровый, бальзам «Панта», панкреотин, либо производство товаров легкой промышленности. Но объем данного вида производства был не значительный. Так, в 1994 г. ткацкая фабрика производила продукции всего лишь на 21,42 тыс. рублей в ценах 1994 г., швейная фабрика – на 56 тыс. рублей [7, л. 63]. Данный объем производства, не мог обеспечить должного развития экономики региона.

В подобных условиях руководство республики приняло решение обратиться за помощью к федеральному центру. В 1993 г. Горно-Алтайский ресис-

полком и Горно-Алтайский рессовет обратились с письмом к Вице-президенту РФ по вопросу оказания помощи в сфере капитального строительства, в котором просили «изыскать возможность и выделить Горно-Алтайской республике из централизованных капиталовложений» [6, л. 6]. Республика Алтай получала финансовую помощь из федерального центра. Так, в августе 1994 г. Правительству Республики Алтай были выделены целевые кредитные ресурсы на закуп зерна для продовольственных нужд республики в сумме 4,2 млрд рублей [8, л. 74].

Помимо прямой финансовой поддержки, руководство Республики Алтай изыскивало иные способы привлечения финансовых потоков федерального центра. В связи с постановлением Правительства РФ от 9 апреля 1992 г. № 239 «Об отнесении районов республики Горный Алтай к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера, и установлении коэффициентов», правительство Республики Горный Алтай разработало меры по социально-экономическому развитию Кош-Агачского и Уланского районов. Данное постановление предусматривало введение повышающего коэффициента к заработной плате на данной территории, выделение материально-технических ресурсов и товаров народного потребления по утвержденным нормативам для районов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей [9, л. 56]. Но вопросы финансирования предполагалось возложить на Министерство финансов России. Приравнивание отдельных районов республики к районам Крайнего Севера, и их финансирование из федерального бюджета, это один из механизмов привлечения денежных ресурсов в регион, но выделение отдельных территорий, и проживающих на ней этносов, может привести к росту межнациональной напряженности в Республике Алтай. Так, В. Я. Кыдыева считает, что распад единого алтайского этноса стал возможен только после того как в 1992 г. кумандицы получили статус коренного малочисленного народа Российской Федерации [10, с. 59]. Таким образом, для борьбы с социально-экономическим кризисом власти региона шли на крайние меры, обеспечив дополнительное федеральное финансирование отдельных территорий, что приводило к нарастанию нетерпимости в обществе.

Регулярная поддержка региона со стороны федеральной власти, а в частности Президентом РФ объясняется тем что, на начальном этапе существования российского государства, когда в Москве шло противостояние законодательной и исполнительной власти, каждый из субъектов данного противостояния пытался закрепиться поддержкой регионов. В некоторых случаях, это были использованы политические механизмы. Например, в Республике Тыва в 1992 – 1993 гг. с согласия федерального центра значительно усилилась исполнительная власть. Что касается Республики Алтай, администрация Президента РФ старалась привлечь руководство региона на свою сторону в борьбе с Верховным Советом РФ, используя экономические бонусы. Так в письме первого заместителя министра экономики Российской Федерации № 1769-П Правительству Республики Алтай о выполнении Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1993 г. № 306 перечисляются следующие экономические преференции региона: (В тексте докумен-

та они имеют название «О мерах государственной поддержки социально-экономического развития Республики Горный Алтай»):

- принятие Советом Министров – Правительством РФ постановления от 29 мая 1993 г. «О районном коэффициенте к заработной плате на территории Республики Горный Алтай»;

- федеральная поддержка по обеспечению развития эколого-экономической зоны «Горный Алтай»;

- выделение на текущий год из федерального продовольственного фонда 120 тыс. тонн зерна для продовольственного обеспечения населения и нужд животноводства;

- финансирование агропромышленного комплекса Республики Алтай было в объеме 2,5 млрд руб.;

- Национальному банку Республики Алтай были выделены централизованные кредитные ресурсы в сумме 9,7 млрд рублей, в том числе в 1993 г. – 5,7 млрд руб. [8, л. 29].

Тем не менее, депутаты алтайского парламента основную первопричину развития кризисных явлений в экономике видели в ошибках правительства, в частности «Правительство Республики Алтай не обеспечило организацию проведения реформ на уровне республики, ограничивалось полумерами, недостаточно жестко контролировало выполнение намеченных мер и принятых законодательных актов по формированию и регулированию рыночной структуры экономики» [11, л. 5]. В Постановлении Верховного Совета Республики Алтай, посвященном социально-экономическому положению республики в 1993 г, отмечалось, что наблюдаются серьезные трудности в работе хозяйственного комплекса республики, продолжается спад производства, в сельском хозяйстве за отчетный период сократилось поголовье всех видов животных, уменьшился приплод телят, ягнят, козлят. Отмечалось значительное снижение объемов закупок молока, мяса шерсти, пуха. Сократился на 70 % ввод основных производственных и непроизводственных фондов. Товарооборот уменьшился к уровню предыдущего года на 41 % [11, л. 5]. Несмотря на то, что народные избранники требовали от правительства республики формирование и юридическое закрепление рыночной экономической системы, лексика, используемая ими во время выступлений, скорее относилась к периоду развитого социализма. То есть само руководство республики, как органы исполнительной власти, так и парламентарии, не понимало сущности необходимых для региона преобразований.

Попытки развития новых форм хозяйствования были не очень удачными. Так в докладе заместителя председателя правительства РА «Об итогах социально-экономического развития Республики Алтай в 1995 году», отмечалось, что в республике доля продукции, произведенная малыми предприятиями, в общем объеме промышленной продукции составляет – 8,7 %, доля строительных работ, выполненных малыми предприятиями – 22,9 %, доля малых предприятий в общем объеме розничного товарооборота в республике – 15,5 %. Таким образом, новые формы хозяйствования в первой половине 1990-х гг. не давали ожидаемых результатов насыщения рынка товарами [12, л. 15].

Еще один из источников пополнения республиканского бюджета – это проведение приватизации. Из 287 государственных предприятий с начала процесса перехода государственной собственности в частные руки в республике было приватизировано 221 предприятие. За это время проведено 44 аукциона, в том числе 14 – чековых, на которые выносились акции 36 АООТ. За период с 1992 по 1996 гг. получено средств от приватизации в сумме 1576 млн рублей, в том числе 845 млн рублей – за 1995 г. [13, л. 16].

Республика Алтай в период экономических преобразований столкнулась с серьезными социальными проблемами. Наблюдалось снижение уровня жизни подавляющей части населения, произошло дальнейшее изменение структуры потребления материальных благ и услуг в зависимости от денежных доходов. Радикальные экономические преобразования, направленные на построение основ рыночной экономики, привели к резкому снижению уровня жизни подавляющей части населения и усилению социальной поляризации. В первой половине 1990-х гг. в Республике Алтай наблюдался острый экономический кризис. Помимо общероссийских тенденций, в регионе он

усугублялся низкой эффективностью материального производства, отсутствием новых отраслей промышленности, аграрной направленностью экономики региона, что являлось мощным дестабилизирующим фактором социальной устойчивости региона. Руководство республики в сложившихся обстоятельствах было вынуждено бороться с назревающими тенденциями. Для этого помимо мер административного характера (запрет вывозить наличность за пределы республики и т. д.), использовались методы реальной поддержки жизненно важных отраслей экономики региона. Но главным методом борьбы с кризисом являлась помощь федерального центра, как в форме прямых финансовых вливаний, так и форме передачи ответственности за финансирование отдельных районов Республики Алтай федеральному центру. В качестве вывода, так же хотелось бы отметить, что тяжелое экономическое положение региона было обусловлено как слабостью развития экономики Республики Алтай, её зависимостью от Алтайского края, так и недостаточным уровнем проводимых рыночных преобразований, которые в большей степени носили голословный характер.

Литература

1. Зубакин С. И. Социально-экономическое положение и перспективы развития Республики Алтай в свете реформ 1990-х гг. // Дневник алтайской школы политических исследований. №13/4. Барнаул: Азбука, 2001. С. 198 – 212.
2. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 1014а.
3. КПДА РА. Ф. Р-33. Оп. 6. Д. 1014.
4. КПДА РА. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 169.
5. КПДА РА. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 173.
6. КПДА РА. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 76.
7. КПДА РА. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 141.
8. КПДА РА. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 62.
9. КПДА РА. Ф. Р-695. Оп. 5. Д. 35.
10. КПДА РА. Ф. Р-689. Оп. 1. Д. 56.
11. КПДА РА. Ф. Р-689. Оп. 3. Д. 15.
12. КПДА РА. Ф. Р-690. Оп. 1. Д. 92.
13. КПДА РА. Ф. Р-689. Оп. 2. Д. 78.
14. Наш дом – Республика Алтай // Материалы учредительного собрания Ассамблеи народов Республики Алтай. Горно-Алтайск, 2004.
15. Маркова Е. А. Проблемы социально-экономического развития горных регионов (на примере Республики Алтай) // Исторический вестник: сборник научных трудов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2007. С. 70 – 77.
16. Медведев И. Ф. Основные недостатки развития сельскохозяйственного производства в последние годы советской власти на примере национальных республик Сибири // Вопросы истории: сборник материалов конференций, посвященной памяти профессора Р. А. Малькова. Вып. 3. Бийск: НИЦ БиГПИ, 2000. С. 92 – 97.
17. Медведев И. Ф. Промышленное развитие Горного Алтая в XX века. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 210 с.
18. Медведев И. Ф. Структура и динамика основных показателей сельскохозяйственного производства национальных автономий Сибири во второй половине XX века. Горно-Алтайск, 2013. 100 с.
19. Мердешева Е. В., Рудский В. В. Трансформация системы сельского расселения Республики Алтай в конце XX в. – в начале XXI в. // Экономика сельского хозяйства. 2012. № 1. С. 140 – 147.

Информация об авторе:

Тышта Елена Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры Теории и истории государства и права Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, tyshita@mail.ru.

Elena V. Tyshita – Candidate of Political Science, Assistant Professor at the Department of Theory and History of State and Law, N. F. Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 28.05.2014 г.

**В ПОИСКАХ МОГИЛЫ КОРОЛЯ. НЕМЕЦКИЙ ИСТОРИК КАРЛ ЭРДМАН
ПРОТИВ ОДНОГО НАЦИСТСКОГО МИФА***А. В. Хряков***IN SEARCH OF THE KING'S GRAVE. GERMAN HISTORIAN CARL ERDMANN
AGAINST ONE OF NAZI MYTHS***A. V. Khryakov*

Статья посвящена творчеству немецкого медиевиста Карла Эрдмана (1898 – 1945). Эрдман был одним из немногих немецких историков, открыто заявивших о своем неприятии национал-социалистической идеологии. Он не побоялся поставить под сомнение результаты раскопок могилы короля Генриха I в Кведлинбурге, проводимых под контролем всемогущего руководителя СС Генриха Гиммлера. Являясь одним из самых одаренных медиевистов своего времени, Эрдман в итоге из-за своего несогласия с политикой нацистов так и не смог стать профессором университета.

The paper is devoted to the scientific work of the German historian Carl Erdmann. Erdmann was one of the several historians who declared their disagreement with nationalistic ideology in the Third Reich. He had doubt in the results of the excavations of Henry I's grave in Quedlinburg. That excavation was done under the personal control of the strong chief of the Nazi security service Heinrich Himmler. As a result, Erdmann never became a university professor, although he was one of the most talented German specialists in the sphere of the Middle Ages.

Ключевые слова: средневековье, К. Эрдман, Monumenta Germaniae Historica, немецкая историография, национал-социализм, Генрих I.

Keywords: Middle Ages, C. Erdmann, Monumenta Germaniae Historica, German historiography, national socialism, Henry I.

В ходе острых дебатов, развернувшихся в немецкой исторической науке в конце прошлого столетия, центральным стал вопрос о поведении немецких историков в годы Третьего рейха. По своей значимости для самой историографии и всего немецкого общества, сегодняшняя дискуссия вполне сопоставима со знаменитым «спором историков» 80-х гг. XX в. и является логическим продолжением непрекращающегося в послевоенной Германии процесса «преодоления прошлого». В своем большинстве немецкие профессора-историки с воодушевлением восприняли приход нацистов к власти и первые мероприятия правительства Гитлера. После Съезда немецких историков во Франкфурте в 1998 г. жизненный путь и творчество многих историков стали объектами многочисленных исследований. Внимание современных ученых приковано, прежде всего, к различным формам сотрудничества немецких историков с властью, мотивам их соглашательского поведения, а также последующей практике замалчивания отдельных моментов собственной биографии. Один из активных участников современного спора, немецкий историк Петер Шёттлер, имея в виду неспособность исторического сообщества Германии к сопротивлению нацистской идеологии и практике, неутоительно констатировал: «немецкого Марка Блока не существовало» [18, с. 11].

Тем удивительно практически полное отсутствие интереса со стороны профессионального сообщества к имевшимся немногочисленным случаям духовного сопротивления, продемонстрированным представителями немецкой исторической науки. Практически все известные нам примеры открытого выражения немецкими историками своего несогласия с преступной политикой нацистов относятся к поведению молодых

ученых, слабо инкорпорированных в структуру немецкого научного истеблишмента. Сама структура немецкого университета, практика воспроизводства академического сословия и занятия профессорских должностей способствовали достаточно быстрой и безболезненной «унификации» этих «бастионов немецкого духа». Но помимо разветвленной сети университетов, существовали и другие возможности для организации собственной карьеры, позволявшие профессионально заниматься историей и не требовавшие от ученых сделок с собственной совестью.

Одной из таких организаций являлась Monumenta Germaniae Historica («Исторические памятники Германии») или «Общество для изучения ранней немецкой истории», основанное в 1819 г. с целью поиска и публикации средневековых немецких источников. В научно-политическом ландшафте Германии MGH стала флагманом средневековых исследований, хотя выделявшиеся ей финансовые средства и принципы набора сотрудников скорее говорили о ее низком, по сравнению с университетами, статусе. И если немецкой университетской исторической традиции посвящено бесчисленное количество исследований, то внеуниверситетским учреждениям и, прежде всего, MGH уделялось удивительно мало внимания [3; 14]. Кроме того, существование MGH в годы гитлеровской диктатуры до сих пор находится вне поля зрения специалистов. Вместе с тем, деятельность ученых в рамках данного общества не только отразила основные организационно-политические тенденции развития науки в тоталитарном государстве, но и продемонстрировала нам, такие редкие в те годы, примеры личного мужества, интеллектуальной честности и научной добросовестности.

Мы обратимся к одному эпизоду творческой биографии историка Карла Эрдмана (1898 – 1945), известного немецкого медиевиста, многолетнего сотрудника MGH, о котором Фридрих Бэтген, возглавивший после войны обновленное «Общество», с удивлением констатировал: «чтобы молодой ученый без университетской должности и профессорского звания, занимающий скромное место сотрудника научного института приобрел... огромный авторитет в своей специальности – это в Германии нечастое явление» [6, s. 505].

Карл Эрдман, родившийся в 1898 г. в Дерпте (Тарту), был типичным представителем сословия немецких «мандаринов» – сословия, чья жизнь и социальный статус были напрямую связаны с университетским образованием. Его отец, профессор юриспруденции местного университета умер незадолго до рождения собственного сына. Будущий историк учился в университетах Берлина, Мюнхена, Вюрцбурга. В отличие от своих сверстников, Эрдман по причине слабого здоровья не участвовал в сражениях Первой мировой войны. После трехлетнего пребывания в Лиссабоне в качестве домашнего учителя, немецкий историк защитил в 1925 г. свою первую диссертацию, посвященную распространению идей крестовых походов в Португалии [8]. Одним из первых, заслуги Эрдмана в качестве первооткрывателя средневековой Португалии для исторической науки Германии, отметил Пауль Кер (1860 – 1944) – многолетний президент Monumenta Germaniae Historica, предложивший молодому ученому место в Прусском историческом институте в Риме.

Летом 1932 г. Эрдман защитил в Берлинском университете свою вторую диссертацию, представив в качестве текста часть своей будущей книги о крестовых походах [9]. Защита дала ему право преподавать в университете и открывала широкие возможности для продолжения академической карьеры. Но с приходом в следующем году к власти в Германии Гитлера и национал-социалистов, все кто знал К. Эрдмана, с уверенностью могли предсказать, что это лишь вопрос времени, когда историк столкнется с чуждым ему движением. Эрдман никогда не делал тайны из своих убеждений, и о них было хорошо известно не только его друзьям, но и властям.

Эрдман не раз демонстрировал свою независимость и нежелание поступаться принципами, даже когда речь шла о материальном благополучии и общественном положении. Так, в 1934 г. он был приглашен занять кафедру в университете Франкфурта, освободившуюся после отстранения от преподавания Эрнста Канторовича (1895 – 1963). Но когда К. Эрдман узнал о причинах увольнения автора знаменитого «Императора Фридриха II», то выдвинул руководству университета условие – он согласится занять освободившуюся кафедру только в том случае, если ему дадут возможность поддержать еврейского историка и высказать студентам свое мнение об их бойкоте, устроенном в отношении заслуженного историка [20, s. 86]. Начальство сочло данное требование невоз-

можным, после чего дорога к профессорскому званию во Франкфурте для Эрдмана была закрыта.

С 1934 г. К. Эрдман работал в Monumenta Germaniae Historica в отделе «epistola». Работа в MGH оплачивалась очень скромно, а большинство исследований выполнялось на грантовой основе, что делало службу в стенах этого уважаемого учреждения совершенно не престижной среди выпускников университетов и молодых докторов, стремившихся, прежде всего, к университетской карьере. Это привело к тому, что данная организация могла принять под свое крыло многих из тех, кому была закрыта дорога в университеты, в том числе евреев, женщин и политических оппонентов власти.

Главные работы Эрдмана, вышедшие во второй половине 30-х – начале 40-х гг. XX в. и привлекающие внимание современных специалистов соединением «патриотических убеждений с научной честностью» [19, s. 205] были посвящены такой политически актуальной фигуре немецкого прошлого как король Генрих I [11; 12; 13]. Еще до прихода к власти, нацисты активно проводили процесс приватизации немецкого прошлого, используя его для легитимации собственных властных притязаний. Как и многие другие члены нацистской верхушки, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер крайне чутко и заинтересованно относился к истории и, прежде всего, первобытной и раннесредневековой. Он рассматривал исторические занятия как важное средство для историзации национал-социалистического настоящего, стремился пропитать его древностью, придать ему историческое достоинство. Современные авторы отмечают присущее Гиммлеру «циклическое понимание истории», в основе которого лежала теория «вечного возвращения». Согласно ей прошлое, настоящее и будущее не являются самостоятельными периодами мировой истории, а связаны между собой настолько, что теряют свою индивидуальность и становятся принципиально неразличимыми и взаимозаменяемыми [16, s. 18; 17, s. 245 – 251]. Прошлое в таком случае должно служить целям настоящего, которое в свою очередь, само должно стать образцом для последующих поколений.

В отличие от соратников по партии, интерес Гиммлера к истории был ориентирован практически, он не только интересовался германскими древностями, но и сам «изобретал традиции», используя для этого как символы и образы настоящего, так и исторические реликвии, и памятные места. Помимо установления новых общегерманских памятных дат 9 ноября и 30 января и 20 апреля, призванных увековечить память о героическом прошлом национал-социалистического движения, Гиммлер обратился к формированию новой орденской мифологии, подчинявшихся ему охранных отрядов (СС).

Для подразделений СС, Гиммлер намеревался создать квазирелигиозные священные места поклонения, используя в качестве основы разнообразные германские погребения – доказательства величия немецкого прошлого. В связи с этим он придавал большое значение изучению немецкой древности и осуществлению археологических раскопок в исторически зна-

чимых для Германии местах. Шеф СС находился под влиянием таких скандально известных археологов, псевдоученых, не обладавших ни соответствующими знаниями, ни научной репутацией как Карл Мария Вилигут из Австрии, марбургский историк Герман Вирт и германист Вильгельм Тойдт [5]. В эсесовском журнале «Das Schwarze Korps» регулярно сообщалось о результатах раскопок и публиковались развернутые сообщения по общим вопросам истории и археологии.

В историософских представлениях Гиммлера, немецкий король Генрих I (919 – 936) занимал одно из центральных мест, наряду с Арминием и Видукиндом. Эти личности воплощали для него непрерывный континуитет германского образа жизни и мировосприятия, кроме того, они же воплощали собой и борьбу немецкого народа с чужеродной римской католической церковью, выступая против ее вмешательства во внутренние дела Германии. Генрих I являлся для нацистов безупречной исторической фигурой, с помощью которой можно было легитимизировать собственные экспансионистские устремления, прежде всего, на Востоке Европы. По мнению современного историка Франка Лотаря Кролла, немецкий король Генрих I был для рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера «самым ранним сторонником немецкой ориентации на Восток» [16, s. 239]. К тому же, его образ в качестве «основателя первого немецкого национального Рейха» очень удачно коррелировался с образом Гитлера как «основателя Третьего рейха», связывая тем самым древность и современность воедино.

Летом 1936 г. в рамках проводимых мероприятий, посвященных празднованию тысячелетней годовщины смерти Генриха I, в городе Кведлинбург начались раскопки с целью отыскать могилу короля. Но празднование 2 июля 1936 г. смогли провести лишь на месте предполагаемого захоронения, так как к моменту торжеств останки короля так и не были найдены. Сам рейхсфюрер в своем выступлении признал: «Останки великого немецкого вождя больше не покоятся в месте их захоронения. Где они, мы не знаем» [15, s. 17 – 18]. Но уже через год в июне 1937 г. руководитель раскопок оберштумфюрер СС, доктор Рольф Хёне через нацистскую печать сообщил о собственном успехе. Царственные скелеты были найдены под местом предполагаемого захоронения, которое было пустым. Их местонахождение позволило предположить, что это и есть кости короля. По словам Г. Вэзера, который опрашивал после войны сотрудников местного музея, доктор Хёне в ходе своих поисков раскопал довольно много гробниц вблизи предполагаемого места захоронения и в одной из них обнаружил два черепа, один из которых он и идентифицировал как останки короля Генриха I [21, s. 53].

Охранные отряды контролировали проводимые в Кведлинбурге археологические изыскания и все торжественные мероприятия. Город был превращен не в национальное, а исключительно в эсесовское «место памяти», церковная община города была изгнана из храма, а церковные службы прекратились. «Праздник Генриха» стал проводиться регулярно. Обычно в ночь с 1 на 2 июля на могиле короля, охраняемой почет-

ным караулом СС, проходил митинг и факельное шествие. Могилу использовали в том числе, и для посвящения в «орден» новых членов [7].

Вне всякого сомнения, эсесовский миф о Генрихе I носил ярко выраженный антихристианский характер. Почитание германских предков и проведение манифестаций в местах их погребения были призваны стать атрибутами новой псевдорелигии, а главной заповедью бы являлось сохранение расовой чистоты, доставшейся современным немцам в наследство от германцев. И фигура короля Генриха была здесь очень кстати. Его национал-социалистический образ носил в себе не только экспансионистские черты первооткрывателя восточной немецкой политики. В глазах Гиммлера женитьба короля на Матильде, правнучке саксонского вождя Видукинда, делала его духовным и биологическим наследником великого дела борьбы с засильем расово чуждой католической религии. Антихристианский характер деятельности Генриха I подкреплялся также его отказом в момент своей коронации в 919 г. принять помазание от католического епископа [15, s. 13].

В 1937 г. К. Эрдман, нашел в собрании одного антиквара документ XVI столетия с названием «Кведлинбургская хроника», приобретенный в последующем государственной библиотекой в Берлине. Среди прочего хроника сообщала о погребении короля Генриха I. Заинтересовавшись этим вопросом, немецкий медиевист встретился в Кведлинбурге с доктором Р. Хёне, который сообщил ему о своих планах представить результаты раскопок в печати. Несмотря на то, что археолог лишь отчасти был знаком с письменными источниками, Эрдман подтвердил его первенство в данном вопросе и передал ему свои материалы. Он также просил не ссылаться на него, так как он уже подвергался нападкам со стороны нацистской прессы. «Его публикацию я жду с большим скепсисом, – написал он своему другу историку Телленбаху, – я был ненавязчив и не спросил об останках Генриха I, но мое общее впечатление не очень приятное» [20, s. 90].

В отличие от нацистских археологов, немецкий историк целиком и полностью основывался на письменных средневековых источниках, а также описаний уже проводившихся поисков в XVIII и XIX вв. В самом начале своей работы Эрдман предупреждает, что его работа выполнена независимо от раскопок, проводимых в Кведлинбурге. Надо сказать, что сохранилось несколько упоминаний об изначальном месте погребения германского короля Генриха I, его жены Матильды и их внучки аббатисы Матильды. Титмар Мерзебургский пишет: «Проявив на протяжении своей жизни многочисленные достоинства, в 16-й год своего правления, на 60-м году жизни, 2 июля в Мемлебене, он (Генрих) умер, был похоронен в основанном им самим Кведлинбурге, и заслуженно оплакан всей знатью» [4, с. 14]. Более точное свидетельство оставил Видукинд Корвейский: «Правил [Генрих] в течение 16 лет, а прожил 60. Сыновья перенесли останки его в город под названием Кведлинбург и похоронили в церкви св. Петра перед алтарем под стенами и плач многочисленной толпы» [1, с. 151 – 152].

Через тридцать два года, в 968 г. рядом с королем была погребена его супруга Матильда: «Вслед за этим 14 марта ушла из жизни святая Матильда, доверчиво вернув обратно Богу, своему творцу, дух свой. Похоронили ее перед алтарем епископа Христова Сервация, рядом с ее супругом, ибо при жизни она его очень любила и с ним же постоянно, пока была жива, умоляла соединить ее и в смерти» [4, с. 24]. Наконец «Кведлинбургские анналы» сообщают о погребении аббатисы Матильды: «Под горький плач и рыдания своих людей она была погребена посреди базилики святых Петра и Стефана, рядом с могилами королей, своих деда и бабки, Генриха и Матильды, чтобы счастливо ожидать там дня будущего воскресения» [2, с. 56]. «Ее похоронили в церкви в изголовье ее дедушки короля Генриха» – уточняет Титмар [4, с. 62].

Нацистские археологи буквально дословно следовали этим свидетельствам. Эрдман же впервые обратил внимание на тот факт, что собор неоднократно перестраивался и, современное здание было воздвигнуто, хоть и на старом месте, но значительно позже в промежутке между 1070 и 1129 гг. В это время саркофаги с царственными телами могли перенести в специально построенный склеп и, кроме того, согласно канонам того времени в церкви была построена так называемая «confessio» – крипта под алтарем с реликвиями святого, небесного покровителя храма. Эрдман даже удивляется, почему на тот факт, что саркофаги были перенесены, никто не обратил внимания [10, s. 81].

Кроме того, на этом строительные работы в храме не прекратились, причиной чему послужила напряженная религиозная история Германии, связанная с реформой Лютера. Опираясь на обнаруженный текст хроники XVI в., немецкий историк заявил, что в ходе, развернувшейся в годы Реформации борьбы с культом святых мощей, «confessio» была засыпана вместе со всеми погребениями, а все кости были собраны и помещены в один из сохранившихся саркофагов. Кроме того алтарь был переставлен на новое место, как раз на место погребения одного из местных святых. Наконец, в завершение всего этого, как бы издеваясь над будущими археологами, в XVIII в. на место перед новым алтарем, была перенесена мраморная плита, прежде указывавшая на место королевского погребения. Вся запутанность и сложность картины стала понятна в ходе раскопок 1869 г. и 1878 г., с этого момента как пишет Эрдман: «никто не сомневался, что гроб короля потерян» [10, с. 96]. В заключение своей работы, не скрывая иронии, берлинский историк пишет: «Что же здесь на самом деле найдено, надо надеяться покажет публикация о раскопках 1936 г.» [10, с. 96 – 97].

Из рассуждений немецкого историка следовало, что почетный караул эсесовцев был выставлен, совсем не там где изначально находились царственные останки. Получается, что свои ритуалы поклонения члены «Ордена СС» проводили на могиле... христианского святого. Не понятно, насколько публикация К. Эрдмана способствовала отказу Хёне от обнародования результатов собственного исследования, но

так или иначе в 1942 г. археологические изыскания в Кведлинбурге были полностью прекращены.

Плодотворная научная деятельность Эрдмана была прервана в 1943 г., когда он, несмотря на слабое здоровье, был призван в действующую армию. Немецкий историк в отличие от большинства своих коллег по историческому цеху никогда не питал иллюзий относительно перспектив войны, развязанной Гитлером, считая ее несправедливой и бесперспективной, понимая еще в самом начале, к какой катастрофе она приведет. К. Эрдман был направлен в Албанию, в качестве переводчика с итальянского. Он умер во время отступления германской армии с Балкан 5 марта 1945 г. после тяжелой болезни, по всей видимости, от воспаления легких [6, s. 518].

В своем последнем письме сестре он писал: «Я завершил свой удел и все еще остающийся остаток жизни воспринимаю без страха и надежды. Я больше не рассчитываю на возвращение в Германию... Но одновременно, я могу быть уверенным, что осознание этого возвысило и освободило меня. Я более чем прежде открыт для всех переживаний и благодарен за все, что день мне приносит. Как настоящий гуманист нужно и конец жизни приветствовать и философски уметь умереть... Так как судьба дала мне возможность добиться того, на что я теперь с удовлетворением могу взирать, я не противлюсь такому концу. В конечном итоге, только в сравнении со смертью обнаруживается, действительно ли мы верим в свои идеалы или нет...» [6, s. 518].

Лежащая в основе немецкого историзма, гуманистическая идея проявилась ярко не только в научных трудах К. Эрдмана, но и в его поступках. Философия историзма предполагала, что именно точное объективное знание, опирающееся не на фикции и мифы, а на источники, должно играть главную роль в становлении гуманистически образованного человека. Следуя своим гуманистическим убеждениям, немецкий историк ратовал за общественно-активный и как следствие политически-ответственный и открытый вариант поведения человека науки. И своей задачей ученый-медиевист считал защиту средневековья от притязаний со стороны многочисленных любителей и псевдоученых, стремившихся с одной стороны, преуменьшить роль античности и христианства в истории средневековой Европы, а с другой, подчеркнуть ее германскую сущность, якобы сохранившуюся вплоть до современности. Конечно, нельзя назвать К. Эрдмана немецким вариантом Марка Блока, но любовь к истинному, а не «изобретенному» средневековью, любовь к своему Отечеству и верность собственным гуманистическим идеалам ставят его в один ряд с великим французским историком.

Литература

1. Корвейский В. Деяния саксов / вст. ст., пер. и ком Г. Э. Санчука. М.: Наука, 1975.
2. Кведлинбургские анналы // Немецкие анналы и хроники X – XI столетий. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012.
3. Мэртль К. Monumenta Germaniae Historica: взгляд изнутри // Средние века. Вып. 58. 1995. С. 95 – 111.
4. Титмар Мерзебургский. Хроника: в 8 кн. 2-е изд., исправл.; пер. с лат. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2009.
5. Ackermann J. Heinrich Himmler als Ideologe. Göttingen, Zürich, Frankfurt: Musterschmidt, 1970.
6. Baethgen F. Carl Erdmann. 1898 – 1945 // Baethgen F. Mediaevalia. Aufsätze. Nachrufe. Besprechungen. – Stuttgart: Hiersemann, 1960.
7. Bulach D. Quedlinburg als Gedächtnisort der Ottonen. Von der Stiftgründung bis zur Gegenwart // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 48. 2000. P. 101 – 118.
8. Erdmann C. Der Kreuzzugsgedanke in Portugal // Historische Zeitschrift. Bd. 141. 1930. P. 23 – 53.
9. Erdmann C. Die Entstehung des Kreuzzugsgedankens. Stuttgart, 1935.
10. Erdmann C. Das Grab Heinrichs I. // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 4. Jg. 1940.
11. Erdmann C. Beiträge zur Geschichte Heinrichs I. (I–III) // Sachsen und Anhalt. 16. 1940. S. 77–106.
12. Erdmann C. Beiträge zur Geschichte Heinrichs I. (IV–VI) // Sachsen und Anhalt. 17. 1941–1943. S. 14–61.
13. Erdmann C. Die Burgenordnung Heinrichs I. // Deutsches Archiv für Geschichte des Mittelalters. 6. Jg. 1943. S. 59–101.
14. Fuhrmann H. «Sind eben alles Menschen gewesen». Gelehrtenleben im 19. und 20. Jahrhundert. Dargestellt am Beispiel der Monumenta Historica Germaniae und ihrer Mitarbeiter. München: Beck, 1996.
15. Himmler H. Rede des Reichsführers SS im Dom zu Quedlinburg. Am. 2. Juli 1936. Berlin: Nordland Verlag, 1936.
16. Kater M. Das „Ahnenerbe“ der SS 1935 – 1945. Ein Beitrag zur Kulturpolitik des Dritten Reiches. – Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt, 1974.
17. Kroll F.-L. Utopie als Ideologie. Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich. Paderborn: F. Schoeningh, 1999.
18. Schöttler P. Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918 – 1945. Einleitende Bemerkungen // Geschichtsschreibung als Legitimationswissenschaft 1918–1945. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1997.
19. Schreiner K. Führertum, Rasse, Reich. Wissenschaft von der Geschichte nach der nationalistischen Machtegreifung // Wissenschaft im Dritten Reich. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1985.
20. Tellenbach G. Aus erinnerter Zeitgeschichte. Freiburg im Br.: Wagner, 1981.
21. Wäscher H. Der Burgberg zu Quedlinburg. Geschichte seiner Bauten bis zum ausgehenden 12. Jahrhundert nach den Ergebnissen der Grabungen von 1938 bis 1942. Berlin: Henschelverlag, 1959.

Информация об авторе:

Хряков Александр Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского, alexchryakov@yandex.ru.

Alexander V. Khryakov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of World History, Omsk State University.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2014 г.

МАТЕМАТИКА

УДК 004.942

ИССЛЕДОВАНИЕ УСТОЙЧИВОСТИ СИСТЕМЫ,
МОДЕЛИРУЮЩЕЙ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ВРЕДНОСНОГО КОДА

Н. А. Семькина

ANALYSIS OF THE STABILITY OF THE MALWARE PROPAGATION MODEL

N. A. Semykina

В статье исследована устойчивость нелинейной системы обыкновенных дифференциальных уравнений, которая моделирует процесс распространения вируса в компьютерной сети. Анализ проводился с помощью первого и второго методов Ляпунова. Получены условия существования устойчивого положения равновесия. Приведены результаты численных экспериментов, подтверждающие аналитические выводы.

The paper focuses on the stability of nonlinear system of differential equations. The system simulates the process of computer virus propagation into the network. The Lyapunov methods are used for analysis. The research revealed the conditions of the stability of virus infection equilibrium. Numerical simulations are provided to support the theoretical conclusions.

Ключевые слова: математическая модель, компьютерный вирус, устойчивость системы, нелинейная система дифференциальных уравнений, метод Ляпунова.

Keywords: mathematical model, computer virus, stability of the system, nonlinear system of differential equations, Lyapunov method.

Введение

С помощью математических моделей распространения компьютерных вирусов и последующего исследования эволюции системы можно изучить динамику численности зараженных узлов и условия распространения эпидемии вредоносного кода. Большинство математических моделей описано с помощью управляемых систем дифференциальных уравнений с ограничениями. Анализируя устойчивость стационарных точек данных систем, можно сделать выводы о характере развития эпидемии и способах ее погашения. Это позволяет оценить эффективность и скорость различных мер противодействия.

Построение модели

Процесс защиты сети от распространения вредоносного кода на фиксированном промежутке времени $[0, T]$, будем описывать с помощью эпидемиологической модели в следующих предположениях [1, 2]:

- 1) $N(t)$ – общее количество машин в сети;
- 2) произвольный узел локальной сети может находиться в трех состояниях: уязвимом $S(t)$, инфицированном $I(t)$ и невосприимчивом $R(t)$;
- 3) вирус самопроизвольно размножается по сети без участия пользователя;
- 4) распространение копии вредоносной программы происходит с постоянной частотой, характеризуемой коэффициентом β . В общем случае данный коэф-

фициент можно рассматривать как функцию от времени $\beta(t)$;

5) количество компьютеров в сети является переменным числом и параметр b , характеризует скорость прироста новых уязвимых узлов;

6) в реальных условиях «лечение» происходит за счет установки антивирусного программного обеспечения или межсетевых экранов. При этом иммунитет приобретают не только инфицированные компьютеры, но и уязвимые со средней скоростью иммунизации u для восприимчивых узлов и v для инфицированных компьютеров;

7) часть компьютеров отключаются от сети, при этом отключение не связано с вирусной атакой. μ – коэффициент, характеризующий скорость отключения;

8) на практике антивирусная защита работает для определенного вредоносного ПО. При появлении нового вида вируса узел опять становится уязвимым с частотой заражения σ .

Схематичное представление этой модели отражено на рисунке 1.

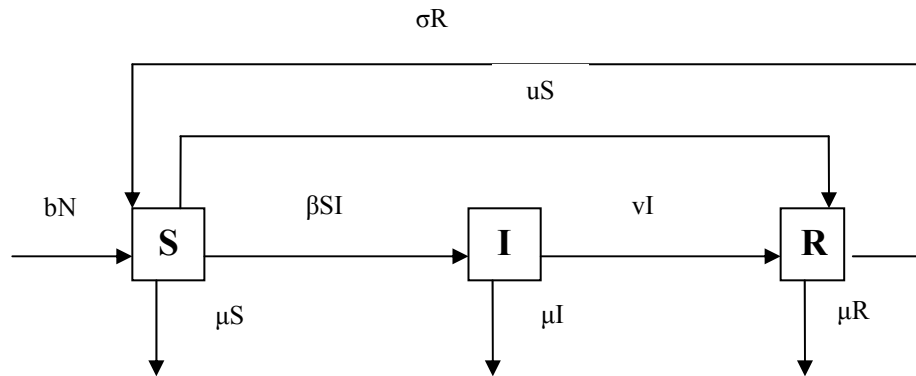

Рис. 1. Представление модели

В соответствии с вышеперечисленными предположениями имеем следующую систему дифференциальных уравнений с начальными условиями:

$$\begin{cases} \frac{dS}{dt} = -\beta S(t)I(t) + bN(t) - \mu S(t) - uS(t) + \sigma R(t), & S(0) = S_0, \\ \frac{dI}{dt} = \beta S(t)I(t) - \mu I(t) - vI(t), & I(0) = I_0, \\ \frac{dR}{dt} = uS(t) + vI(t) - (\mu + \sigma)R(t), & R(0) = R_0. \end{cases} \quad (1)$$

Здесь $N(t) = S(t) + I(t) + R(t)$, тогда $\frac{dN}{dt} = (b - \mu)N(t)$.

Для описания модели использованы следующие переменные и постоянные величины, приведенные в таблице.

Таблица

Параметр	Описание
$N(t)$	Общее количество машин в сети
$S(t)$	Количество уязвимых узлов в момент времени t
$I(t)$	Количество инфицированных узлов в момент времени t
$R(t)$	Количество невосприимчивых узлов в момент времени t
β	Коэффициент, характеризующий скорость заражения уязвимых узлов
b	Коэффициент, характеризующий скорость прироста новых уязвимых узлов
μ	Коэффициент, характеризующий скорость отключения узлов от сети, независимая от вируса
σ	Коэффициент, характеризующий скорость, с которой невосприимчивые хосты вновь становятся уязвимыми
u	Параметр, характеризующий скорость «иммунизации» уязвимых узлов
v	Параметр, характеризующий скорость лечения инфицированных узлов

Функции $S(t)$, $I(t)$, $R(t)$ будем считать фазовыми переменными. Если коэффициенты u и v рассматривать как управляющие параметры, то задача (1) представляет собой систему с обратной связью (замкнутую систему). Замкнутые системы при своей деятельности стремятся к состоянию равновесия. С помощью обратной связи модель адаптируется к изменениям при внешних воздействиях, т. е. реализуется механизм автокоррекции системы.

Управляющие параметры удовлетворяют условиям (2), которые характеризуют ограничения в технических и экономических возможностях:

$$0 \leq u \leq U_{\max} \leq 1, \quad 0 \leq v \leq V_{\max} \leq 1. \quad (2)$$

Исследуем динамику и устойчивость системы (1).

Исследование устойчивости

Пусть существуют положения равновесия, которые обозначим через $x_i^* = (S_i^*, I_i^*, R_i^*)$, $i = 1, 2, \dots, y$ системы (1). Предполагая, что $u = \text{const} \in [0, U_{\max}]$ и $v = \text{const} \in [0, V_{\max}]$, удовлетворяющие условию (2), найдем стационарные точки. Для этого требуется решить следующую систему нелинейных уравнений:

$$\begin{cases} -\beta SI + (b - \mu - u)S + (b + \sigma)R + bI = 0, \\ (\beta S - \mu - v)I = 0, \\ uS + vI - (\mu + \sigma)R = 0. \end{cases} \quad (3)$$

Рассматривая различные варианты равенства нулю множителей второго уравнения системы (3), можно найти различные стационарные решения.

В результате получаем следующие нетривиальные точки равновесия:

$$x_1^* = (S_1^*, I_1^*, R_1^*) = \left(\frac{\mu + v}{\beta}, I_1^*, \frac{u(\mu + v) + v\beta I_1^*}{\beta(\mu + \sigma)} \right),$$

при условии $b = \mu$;

$$x_2^* = (S_2^*, I_2^*, R_2^*) = \left(S_2^*, 0, \frac{uS_2^*}{\mu + \sigma} \right),$$

при условии $b = \mu$;

$$x_3^* = (S_3^*, I_3^*, R_3^*) = \left(\frac{\mu + v}{\beta}, \frac{-(\mu + v)(\mu + \sigma + u)}{\beta(\mu + \sigma + v)}, \frac{(\mu + v)(u(\mu + \sigma + v) + v(\mu + \sigma + u))}{\beta(\mu + \sigma)(\mu + \sigma + v)} \right).$$

Из физического смысла задачи следует, что точка равновесия неотрицательна, т. е.:

$$S_i^* \geq 0, I_i^* \geq 0, R_i^* \geq 0, i = 1, 2, \dots$$

Точка x_3^* не удовлетворяет этому условию и далее рассматриваться не будет.

Для анализа устойчивости полученных стационарных состояний нелинейной системы (1) используем метод Ляпунова по первому приближению – метод линеаризации системы в окрестности точек равновесия [3] – [5]. В нашей задаче матрица коэффициентов линеаризованной системы будет иметь следующий вид:

$$J(x_i^*) = \begin{pmatrix} -\beta I_i^* + b - \mu - u & -\beta S_i^* + b & b + \sigma \\ \beta I_i^* & \beta S_i^* - \mu - v & 0 \\ u & v & -\sigma - \mu \end{pmatrix}.$$

Исследуем состояние системы в окрестности точки равновесия $x_1^* = (S_1^*, I_1^*, R_1^*)$. Матрица системы первого приближения для данной точки будет иметь вид:

$$J(x_1^*) = \begin{pmatrix} -\beta I_1^* - u & -v & \mu + \sigma \\ \beta I_1^* & 0 & 0 \\ u & v & -\sigma - \mu \end{pmatrix}.$$

Собственные числа матрицы с постоянными коэффициентами являются решением уравнения третьего порядка

$$\lambda^3 + (\beta I_1^* + \sigma + u + \mu)\lambda^2 + \beta I_1^* (\mu + v + \sigma)\lambda = 0.$$

Решая данное характеристическое уравнение, находим собственные числа матрицы устойчивости

$$\lambda_{J(x_1^*)} = \left\{ \lambda_1 = 0, \lambda_2 = \frac{1}{2}(-\beta I_1^* - \mu - \sigma - u - \sqrt{D}), \right.$$

$$\left. \lambda_3 = \frac{1}{2}(-\beta I_1^* - \mu - \sigma - u + \sqrt{D}) \right\},$$

где

$$D = \beta^2 I_1^{*2} + 2\beta I_1^* (u - 2v - \mu - \sigma) + (\mu + \sigma + u)^2.$$

Здесь один корень равен нулю, а другие отрицательны. Например, если $u = v$, то

$$\lambda_{J(x_1^*)} = \left\{ \lambda_1 = 0, \lambda_2 = -\mu - \sigma - u, \lambda_3 = -\beta I_1^* \right\}.$$

Следовательно, система (1) будет находиться на границе аperiodической устойчивости. А. М. Ляпуновым было установлено, если линейная система первого приближения находится на границе устойчивости, то доказать устойчивость или неустойчивость исходной нелинейной системы по уравнениям первого приближения нельзя. Необходимо исследовать исходную нелинейную систему другими методами.

Применим второй метод Ляпунова [3] – [5]. Для этого рассмотрим знакопостоянную функцию:

$$V(S, I, R) = \frac{1}{2}(S + I + R)^2.$$

Функция $V(S, I, R)$ положительно определена для всех фазовых переменных, одновременно не обращающихся в нуль и непрерывна по всем своим частным производным первого порядка.

Производная от функции Ляпунова $V(S, I, R)$ по времени в силу системы нелинейных дифференциальных уравнений (1) записывается в виде:

$$\begin{aligned} \frac{dV}{dt} &= \frac{\partial V}{\partial t} + \frac{\partial V}{\partial S} \dot{S} + \frac{\partial V}{\partial I} \dot{I} + \\ &+ \frac{\partial V}{\partial R} \dot{R} = (b - \mu)(S + I + R)^2. \end{aligned}$$

Из последнего равенства видно, что если $b \leq \mu$, то производная функции Ляпунова будет определена условием $\frac{dV}{dt} \leq 0$. А это указывает на устойчивость по Ляпунову системы (1).

Заметим, что точки равновесия существуют при выполнении условия $b = \mu$. Данное равенство удовлетворяет условию устойчивости, полученного выше.

Анализируя вид точек равновесия, можно заметить, что количество узлов сети находящихся в невосприимчивом состоянии R будет больше числа уязвимых узлов S , т. е. на начало эпидемии большинство компьютеров должно быть обеспечено антивирусной защитой ($u > \mu + \sigma$). В этом случае распространение вредоносного ПО возможно остановить. Если защиту обеспечить не удалось, то в начальный период большая часть узлов будет уязвима ($\mu + \sigma > u$). Тогда для погашения эпидемии должно быть выполнено условие – количество зараженных компьютеров I не должно превышать определенного числа восприимчивых узлов: $I < \frac{\mu + \sigma - u}{v} S$.

Данные рассуждения можно проиллюстрировать численными экспериментами. Параметры выбраны

таким образом, чтобы условие $b = \mu$ выполнялось и число зараженных узлов I не превышает 5 % уязвимых S . На рис. 2 представлено численное решение. Рассмотрен случай, когда $b = \mu = 0,00001$. Точка равновесия определяется начальными условиями:

$$S_1^*(0) = \frac{\mu + \nu}{\beta}, I_1^*(0) = 2, R_1^*(0) = \frac{u(\mu + \nu) + \nu\beta I_1^*}{\beta(\mu + \sigma)}.$$

При построении решения использованы следующие параметры: $\beta = 0,000034$, $\sigma = 0,002$, $u = 0,001$, $\nu = 0,02$.

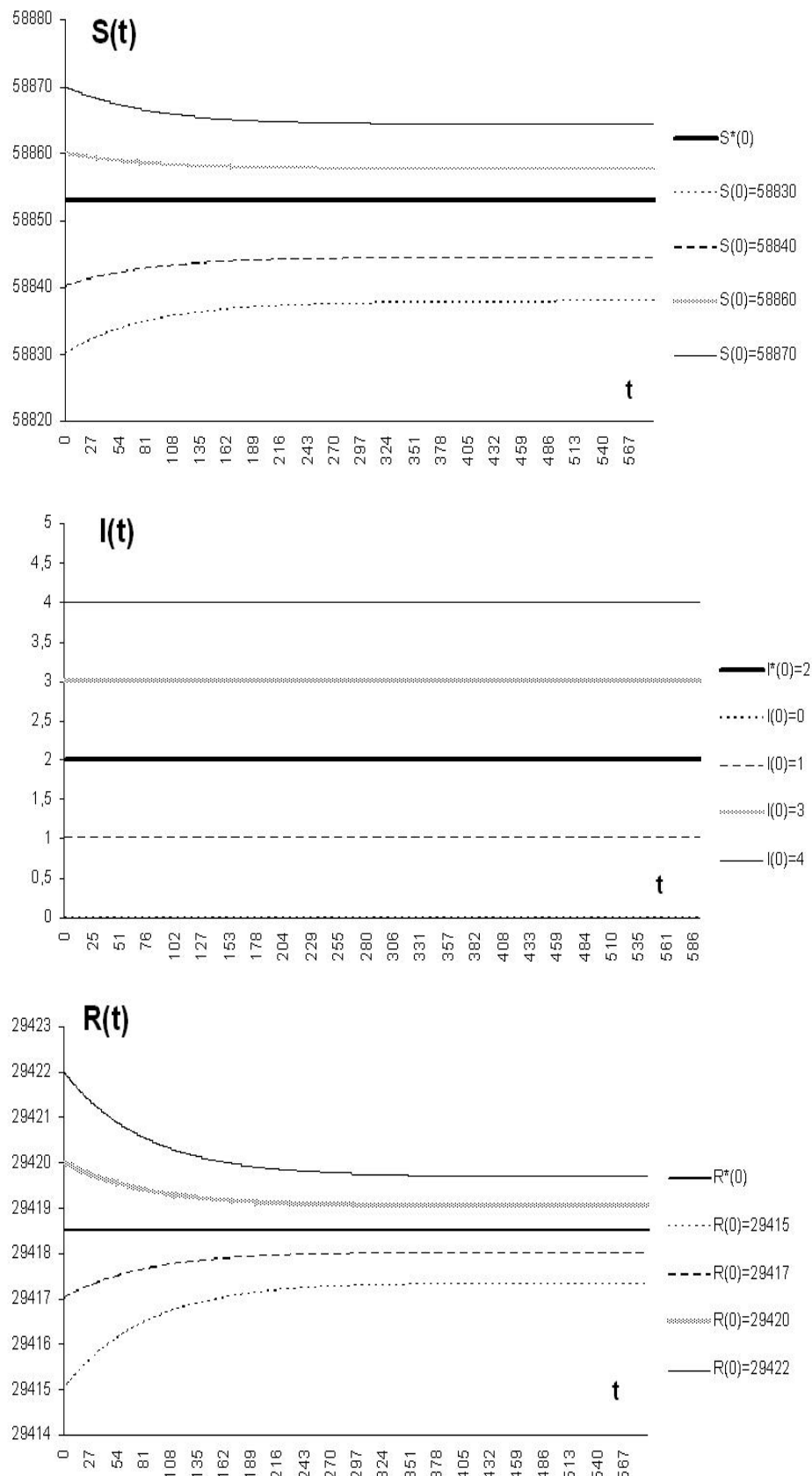

Рис. 2. Динамика системы (I) в окрестности точки равновесия $x_1^* = (S_1^*, I_1^*, R_1^*)$

Заметим, что траектория функции $S(t)$ и $R(t)$ асимптотически сходится к равновесному состоянию, а траектории функций $I(t)$ устойчивы.

Особо можно рассмотреть частный случай, когда компьютерная сеть не заражена вирусом, т. е. $I(t) = 0$, $t \in [0, T]$. Точка равновесия имеет вид

$$x_2^* = (S_2^*, I_2^*, R_2^*) = \left(S_2^*, 0, \frac{uS_2^*}{\mu + \sigma} \right).$$

На рисунке 3 представлены результаты численных экспериментов

при следующем наборе параметров: $S_2^*(0) = 1000$, $I_2^*(0) = 0$, $R_2^*(0) = \frac{uS_2^*}{\mu + \sigma}$, $\beta = 0,000006$, $\sigma = 0,00002$, $u = 0,001$, $v = 0,02$.

Из полученных графиков видно, что траектории функций $S(t)$ и $I(t)$ асимптотически сходятся к равновесному состоянию, а траектории функции $R(t)$ устойчивы.

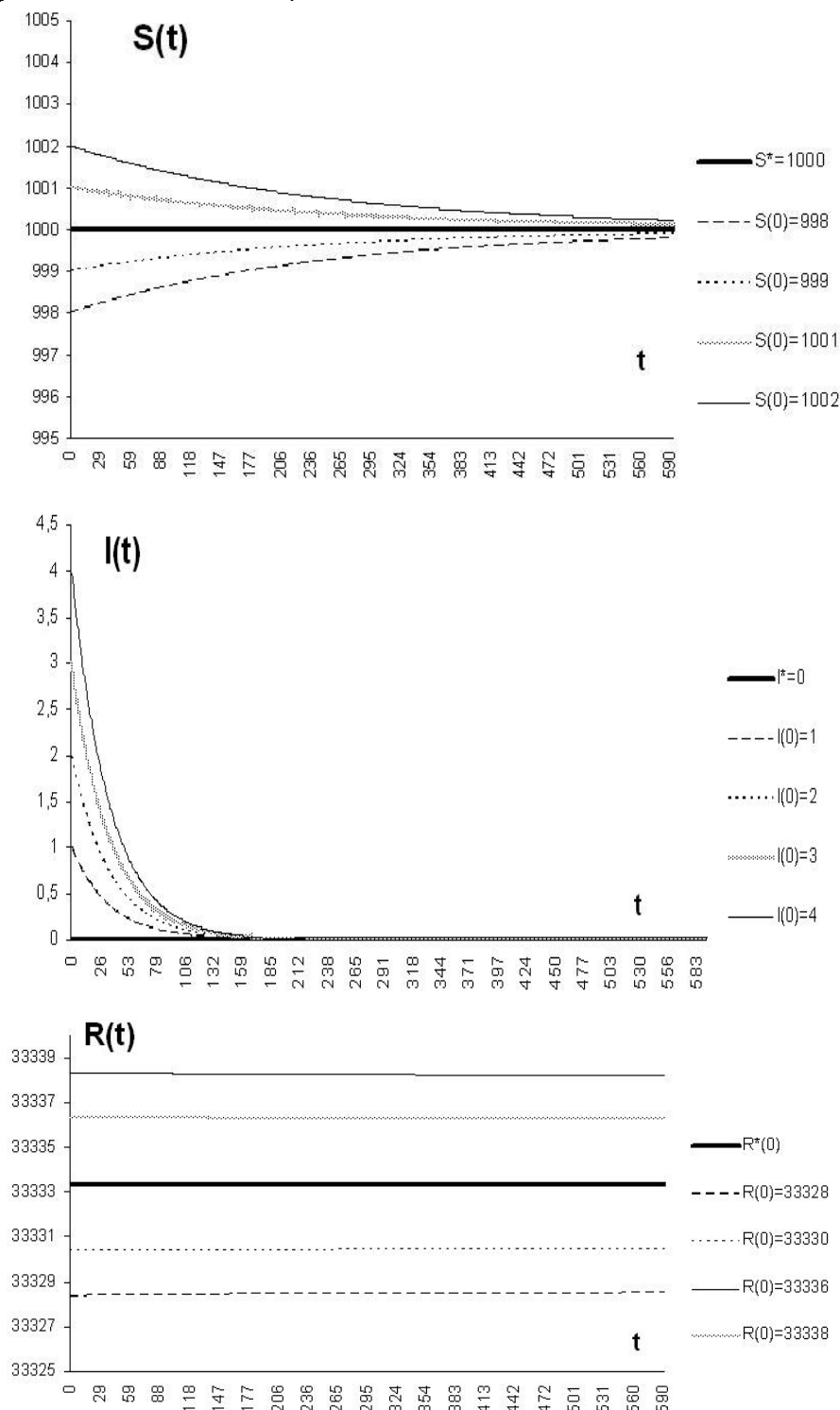

Рис. 3. Динамика системы (1) в окрестности точки равновесия x_2^* при параметрах $\beta = 0,0034$, $\mu = b = 0,001$, $\sigma = 0,002$, $u = 0,2$, $v = 0,2$

Заключение

В данной статье найдены точки равновесия нелинейной системы дифференциальных уравнений. С помощью второго метода Ляпунова показана устойчивость этих точек при соответствующем условии. Если скорость прироста новых уязвимых узлов будет

равна скорости отключения компьютеров от сети, то возмущение, вызванное воздействием вредоносного ПО на сеть, затухает и эпидемия может быть остановлена. Результаты подтверждены численными экспериментами.

Литература

1. Воронцов В. В., Котенко И. В. Аналитические модели распространения сетевых червей // Труды СПИИ-РАН. Вып. 4. СПб.: Наука, 2007. С. 208 – 224.
2. Zhang C., Zhao Y., Wu Y. An impulse model for computer viruses // Discrete Dynamics in Nature and Society. – Vol. 2012, Article ID 260962, 2012. – URL: <http://dx.doi.org/10.1155/2012/260962>
3. Бесекерский В. А., Попов Е. П. Теория систем автоматического регулирования. М.: Наука, 1975.
4. Демидович Б. П. Лекции по математической теории устойчивости. СПб.: Лань, 2008.
5. Молчанов А. М. Об устойчивости нелинейных систем. Пущено: ИМПБ РАН, 2013.

Информация об авторе:

Семыкина Наталья Александровна – кандидат физико-математических наук, доцент математического факультета кафедры компьютерной безопасности и математических методов управления Тверского государственного университета, semykina.tversu@yandex.ru.

Natalia A. Semykina – Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Computer Security and Mathematical Methods of Control, Tver State University.

Статья поступила в редколлегию 03.06.2014 г.

УДК 681.3:621.01

**СЧЕТЧИКИ С ВЫКЛЮЧАЕМЫМИ РАЗРЯДАМИ И ИЗМЕНЯЕМЫМ ОСНОВАНИЕМ СИСТЕМЫ
СЧИСЛЕНИЯ В КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОЦЕДУРАХ,
РЕАЛИЗУЮЩИХ МЕТОД ПРОСТОГО ПЕРЕБОРА**

А. В. Степанов

**COUNTERS WITH SWITCHED-OFF CATEGORIES AND CHANGEABLE BASIS OF NUMERAL SYSTEM
IN COMPUTER PROCEDURES REALIZING THE METHOD OF SIMPLE SEARCH**

A. V. Stepanov

Рассмотрены вопросы программной реализации счетчиков с изменяемым основанием системы счисления и выключаемыми разрядами в компьютерных процедурах, реализующих метод простого перебора. Их использование позволило создать метод расчета состава кинематических цепей для заданного числа звеньев, основанный на поиске целочисленных решений системы трех уравнений. Одно из уравнений представляет собой развернутую сумму звеньев различной сложности, необходимых для создания цепи, второе – сумму кинематических пар, привносимых звеньями в цепь, а третьим уравнением является формула В. В. Добровольского, связывающая подвижность цепи с номенклатурой кинематических пар.

The paper considers some issued of program realization of counters with the changeable basis of a numeral system and switched-off categories in the computer procedures realizing the method of simple search. Their use allowed to create a method of calculating the structure of kinematic chains for a set number of links, based on search of integer decisions of a three equations system. One of the equations represents the developed sum of links of various complexity necessary for creation of a chain, the second – the sum of kinematic couples introduced by links in a chain, and the third equation is V. V. Dobrovolsky's formula connecting the mobility of a chain with nomenclature of kinematic couples.

Ключевые слова: счетчик, система счисления, кинематическая цепь, звено, кинематическая пара, компьютерная процедура.

Keywords: counter, basis of a numeral system, kinematic chain, link, kinematic couple, computer procedure.

Счетчиком называют техническое устройство, предназначенное для подсчета числа механических или электрических импульсов, подаваемых на его вход. С точки зрения элементной базы они могут быть механическими и электронными. Конструктивно счетчик состоит из набора однотипных элементов, называемых разрядами. Количество разрядов

определяет максимальное число, до которого может производиться подсчет. Каждый из разрядов счетчика может находиться в различных состояниях. Количество таких состояний соответствует основанию системы счисления. Основание системы счисления, в которой работает счетчик, и количество

во разрядов определено его конструкцией и не может изменяться в процессе его эксплуатации.

В данной статье речь идет о программных модулях, имитирующих работу технических устройств – счетчиков. Принципиальным отличием программных счетчиков от технических устройств является то, что основание системы счисления и количество разрядов может оперативно изменяться в соответствии с предъявляемыми требованиями, а его “конструкция” остается неизменной. Программные счетчики могут применяться в качестве генераторов полного набора вариантов, артефактов, ситуаций при решении различных задач с помощью компьютерных средств. В качестве простейшего примера можно привести задачу выбора приемлемого варианта при поставке предприятию фиксированного количества транспортных средств заданной номенклатуры и выделенного объема финансирования. При решении такой задачи количество разрядов программного счетчика устанавливается равным количеству выделяемых транспортных единиц, а основание системы счисления – на единицу большим числа моделей предлагаемой номенклатуры.

Реальное использование программных счетчиков позволило создать метод расчета состава кинематических цепей при заданных исходных данных: подвижности, общего числа наложенных на систему связей, максимальной сложности применяемых звеньев и состава классов кинематических пар, разрешенных к применению.

В теории механизмов считается, что каким бы сложным ни был механизм, структурно он состоит из звеньев и кинематических пар, с помощью которых звенья соединяются друг с другом. Обычно структура механизма отображается с помощью кинематической цепи, представляющей собой графическое изображение многоугольников, соединенных друг с другом определенным образом своими вершинами. Сложность многоугольника или количество его геометрических элементов соответствует сложности реального звена. Точка соединения вершин является центром геометрического образа кинематической пары того или иного класса (всего имеется пять классов кинематических пар).

Профессор Л. Т. Дворников для определения состава кинематических цепей предложил так называемую универсальную структурную систему [1], которая более двадцати лет не решалась с помощью компьютерных средств из-за отсутствия соответствующих методов. Это система трех уравнений, первое из которых представляет собой развернутую сумму числа кинематических пар цепи, второе – сумму звеньев различной сложности, не превышающей заданную, а третьим уравнением системы является формула В. В. Добровольского:

$$\begin{cases} \sum_{k=m+1}^5 p_k = \tau + (\tau-1)n_{\tau-1} + \dots + i n_i + \dots + 2n_2 + n_1, \\ n = 1 + n_{\tau-1} + \dots + n_i + \dots + n_2 + n_1, \\ W = (6-m)n - \sum_{k=m+1}^5 (k-m)p_k, \end{cases}$$

Сложность звена в этой системе отождествляется с числом кинематических пар, привносимых звеном в кинематическую цепь. Исходными данными для расчета состава цепи являются: подвижность – W , число общих связей, наложенных на систему – m , максимально допустимая сложность звеньев – τ и общее их число n . Целочисленные решения этой системы представляют собой числа звеньев различной сложности – n_i и числа кинематических пар различных классов – p_k . В этой системе уравнений всего три, а количество неизвестных, чаще всего значительно больше.

Для простейших плоских пятизвенных одноподвижных кинематических цепей, в которых используются звенья не сложнее треугольных (трехпарных) и одноподвижные кинематические пары, система имеет вид:

$$\begin{cases} \sum p_5 = 3 + 2n_2 + n_1, \\ 5 = 1 + n_2 + n_1, \\ 1 = 15 - 2p_5. \end{cases}$$

В ней всего три неизвестных: n_1 , n_2 и p_5 . Решения системы находятся исключительно просто. Однако для девятизвенных пространственных кинематических цепей, в которых могут применяться, в том числе, пятипарные (пятиугольные) звенья и кинематические пары всех возможных классов она имеет число неизвестных, второе превышающее число уравнений системы:

$$\begin{cases} \sum_{k=1}^5 p_k = 5 + 4n_4 + 3n_3 + 2n_2 + n_1, \\ 9 = 1 + n_4 + n_3 + n_2 + n_1, \\ 1 = 54 - p_1 - 2p_2 - 3p_3 - 4p_4 - 5p_5. \end{cases}$$

Классические методы целочисленного решения системы уравнений оказываются здесь неработоспособными. При небольшом количестве звеньев цепи решения системы могут быть получены вручную путем несложных математических преобразований. При увеличении количества звеньев и максимально допустимой их сложности ручные расчеты становятся уже непосильными. Для автоматизации процесса поиска целочисленных решений системы был разработан метод, алгоритм и компьютерные программы, позволяющие определять состав структурных схем любых механических систем [2]. Основой метода является поисковая процедура, осуществляющая направленное движение по узлам двух дискретных пространств (пространства звеньев и пространства кинематических пар). Первое из пространств имеет размерность, на единицу меньшую максимально допустимой сложности звеньев. Размерность второго пространства равна числу разрешенных к применению классов кинематических пар. Структура поискового алгоритма была получена на основе объектно-ориентированного подхода и представлена на рисунке 1.

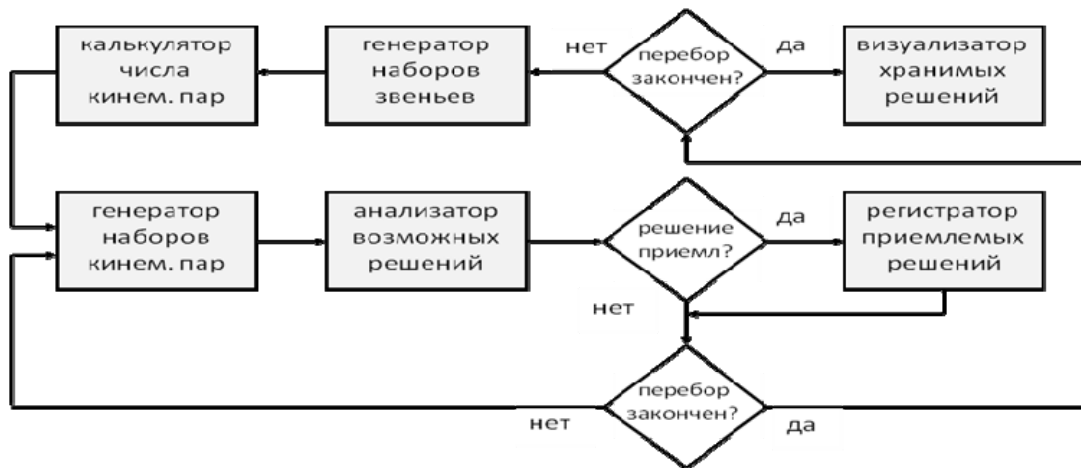

Рис. 1. Структурная схема поисковой процедуры

В качестве генераторов вариантов наборов звеньев и наборов кинематических пар использованы счетчики с изменяемым основанием системы счисления. Основание системы счисления генератора наборов звеньев устанавливается на единицу меньшим их общего числа, а количество разрядов – на единицу меньшим максимальной сложности звеньев. Основание системы счисления генератора наборов кинематических пар устанавливается равным их числу, полученному калькулятором числа кинематических пар, а число разрядов – равным числу классов кинематических пар, разрешенных к применению.

С точки зрения программной реализации обычный счетчик с последовательным переносом представляет собой одномерный массив, каждый элемент которого представляет собой соответствующий разряд счетчика. Количество элементов массива определяется максимально необходимым числом разрядов счетчика (из практических соображений). Функциональность счетчика для генератора наборов звеньев обеспечивается следующим исходным кодом на языке C#:

```

ni[1]++; // добавление единицы в младший разряд
счетчика,
for (int i = 1; i <= tau; i++)
{
    if (ni[i] == n)
    {
        ni[i] = 0;
        ni[i+1]++;
    }
}

```

реализация переносов

В данном примере исходного кода в качестве счетчика с основанием системы счисления $n + 1$ используется массив ni , содержащий τ разрядов.

Реальные расчеты состава кинематических цепей с помощью компьютерных программ, подобных описанным в [3], показали, что при имеющейся структурной классификации пространство получаемых решений может быть достаточно велико. Деление механизмов на семейства оказалось гру-

бым, особенно это касается механизмов нулевого, первого и второго семейств. Профессором Л. Т. Дворниковым было предложено разбивать семейства на подсемейства [3]. В качестве отличительного признака подсемейств было предложено принять совокупность классов кинематических пар, разрешенных к применению. Кроме того, желание обойтись без использования аппарата виртуализации, изложенного в [4], привело к необходимости изменения системы уравнений, которая приняла следующий вид:

$$\left\{ \begin{array}{l} n = \sum_{i=2}^{\tau} n_i \\ \sum_{k=1}^5 p_k = (\sum_{i=2}^{\tau} i \cdot n_i + vix) / 2 \\ W = (6 - m)n - \sum_{k=1}^{5-m} (6 - m - k)p_k \end{array} \right.$$

В этой системе:

n_2 – число двухпарных звеньев,
 n_3 – число трехпарных звеньев и т. д.;
 p_1 – число одноподвижных пар,
 p_2 – число двухподвижных пар и т. д.;
 vix – число выходов цепи.

Принимая во внимание тот факт, что номенклатура звеньев, также как и номенклатура кинематических пар, может быть определена пользователем, возникла необходимость использования счетчиков с изменяемыми параметрами – количество разрядов и их вес должны изменяться при каждом конкретном расчете. Для того, чтобы структура счетчика оставалась неизменной, была предусмотрена возможность выключения некоторых разрядов счетчика. При выключении разряда счетчика реализуется операция сквозного переноса в более старший разряд. Для этого используется специальная маска, представляющая собой другой одномерный массив, количество элементов которого равно числу разрядов счетчика. В начальный момент времени все разряды маски устанавливаются в единичное со-

стояние. При инициализации счетчика, разряды маски, соответствующие рабочим разрядам счетчика, обнуляются. Разряды маски, соответствующие выключаемым разрядам остаются в единичном со-

стоянии, что позволяет игнорировать выключаемые разряды счетчика, организовав сквозной перенос в ближайший старший рабочий разряд.

Функциональность такого счетчика для генератора наборов звеньев обеспечивается следующим исходным кодом на языке C#:

```
int nom = 0;
ni[2]++; // добавление единицы в младший разряд счетчика
for (int i = 2; i <= tau; i++)
if (ni[i] == n + 1)
{
    ni[i] = 0; nom = i;
    do nom++; while (mzv[nom] == 0);
    ni[nom]++;
}
```

реализация сквозного переноса

Здесь используется дополнительная переменная *nom*, значение которой определяет номер ближайшего рабочего старшего разряда для организации сквозного переноса.

На рисунке 2 представлен вариант рабочего окна счетчика, выполненного в виде самостоятельного приложения.

Практическое использование счетчиков с выключаемыми разрядами осуществлено при разработке компьютерных программ для определения состава кинематических цепей. Рабочее окно одной из них представлено на рисунке 3.

В этом окне пользователь вводит исходные данные: количество подвижных звеньев цепи и число общих, наложенных на систему связей. При вводе значения *m* формируется линейка возможных классов кинематических пар для заданного семейства. Затем пользователь может задать конкретное подсемейство и определить набор звеньев заданной сложности, необходимых для построения цепи. Результаты работы программы отображаются в отдельном окне, вид которого показан на рисунке 4. На этом же рисунке показан вид основного окна при вводе исходных данных для конкретного расчета.

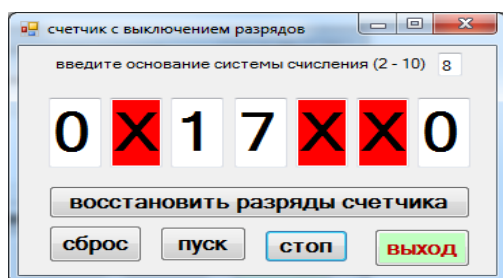

Рис. 2. Вид рабочего окна счетчика

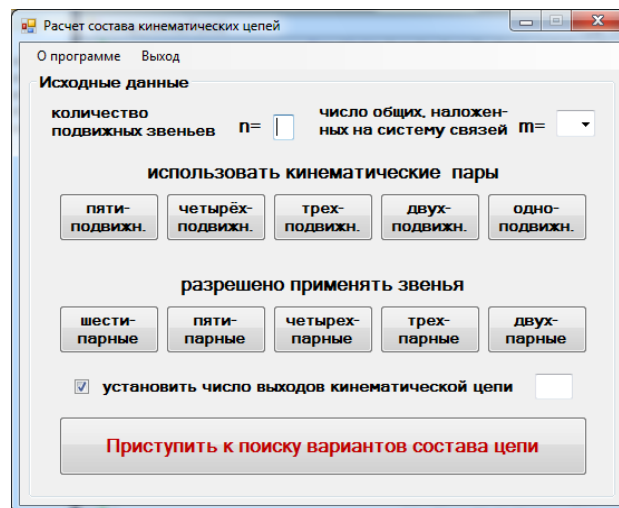

Рис. 3. Вид основного окна рабочей программы, использующей счетчики с выключаемыми разрядами для определения состава кинематических цепей

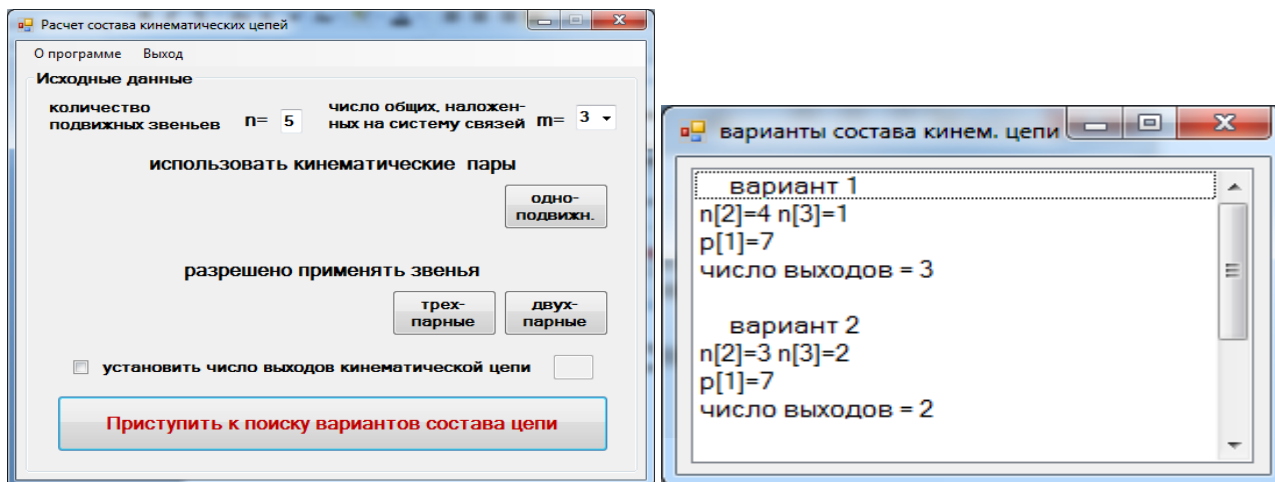

Рис. 4. Вид окон программы при расчете состава пятизвенных плоских кинематических цепей с одноподвижными вращательными парами

Литература

1. Дворников Л. Т. Начала теории структуры механизмов. Новокузнецк: СибГГМА, 1994. 102 с.
2. Степанов А. В. Решение универсальной структурной системы проф. Л. Т. Дворникова // Вестник КузГТУ. 2007. № 3(61). С. 43 – 47.
3. Дворников Л. Т., Степанов А. В. К вопросу о классификации механизмов // Известия ТПУ. Математика и механика. Физика. 2009. Т. 314. № 2. С. 31 – 34.
4. Степанов А. В. Виртуализация в задачах компьютерного синтеза структур механизмов // Вестник КузГТУ. 2007. № 3(61). С. 47 – 50.

Информация об авторе:

Степанов Александр Васильевич – доктор технических наук, доцент, профессор кафедры систем автоматизации управления Новокузнецкого института (филиала) КемГУ, stepal@rdtc.ru.

Alexander V. Stepanov – Doctor of Technical Science, Associate Professor, Professor at the Department of Systems of Administration Automation, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 15.07.2014 г.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 911.5

УЧЕНИЕ О ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ РЕКРЕАЦИОННОЙ СИСТЕМЕ: УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ ИЛИ НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В. А. Шальнев, Е. А. Ляшенко, М. В. Нефедова

DOCTRINE OF TERRITORIAL RECREATIONAL SYSTEM: LOST DREAMS OR NEW OPPORTUNITIES

V. A. Shalnev, E. A. Lyashenko, M. V. Nefedova

В статье рассмотрены вопросы истории становления и развития рекреационной деятельности, опыт разработки фундаментальных теоретических основ и форм организации отдыха в России. Современные проблемы организации рекреационной деятельности на примере Северо-кавказского федерального округа. Методологической основой работы является кластерный подход, как ведущий в организации туристской деятельности. Предложена модель рекреационного кластера, состоящая из трех уровней. Дана характеристика существующих видов территориально-рекреационных систем в СКФО и разработаны предложения для формирования эффективной кластерной структуры туристской деятельности в регионе.

The paper considers some issues of history of formation and development of recreational activity, as well as experience of developing the fundamental theoretical bases and forms of the organization of rest in Russia. Modern problems of organizing recreational activity are revealed with the example of North Caucasus federal district. Methodological basis of the work is cluster approach, as the leading in the organization of tourist activity. The model of a recreational cluster consisting of three levels is suggested. The characteristic of existing types of territorial and recreational systems in North Caucasus federal district is given along with some suggestions for formation of an effective cluster structure for the tourist activity in the region.

Ключевые слова: рекреационная география, рекреационная деятельность, туристская деятельность, территориально-рекреационная система, рекреационный (туристический) кластер, модель кластера.

Keywords: recreational geography, recreational activity, tourist activity, territorial and recreational system, recreational (tourist) cluster, cluster model.

Во второй половине XX века в СССР отмечался бурный рост рекреационной деятельности. Десятки миллионов людей вовлекались в этот процесс, так как была создана мощная техническая база, обеспечивающая разные виды этой деятельности. Обеспечивалось санаторно-курортное лечение, оздоровительный приморский и спортивно-туристский отдых, экскурсионно-познавательная деятельность. Только на Северном Кавказе было создано 170 тыс. мест отдыха за счет капитальных вложений государства и строительства ведомственных баз отдыха. Здесь находились около 10 % всех санаториев СССР, 15 % домов отдыха и пансионатов и 25 % туристических баз и альплагерей. В летний сезон в Сочи ежедневно прибывало до 6 тыс. человек самолетом и более 8 тыс. поездом; в Минеральные Воды около 2,5 тыс. человек самолетом и до 1,5 тыс. человек поездом. Такой большой поток отдыхающих определялся низкой ценой путевок и стоимостью транспортных расходов. При этом низкий уровень сервиса домов отдыха и турбаз не вызывал больших нареканий. Кроме семейного вида отдыха [2].

С другой стороны, такое массовое явление в социально-экономической жизни страны требовало своего научного осмысления. В связи с этим на базе Института географии АН СССР была организована рекреационная лаборатория под руководством

проф. В. С. Преображенского. В ней работали Ю. А. Веденин, Л. И. Мухина, И. В. Зорин, Л. С. Филиппович. Была создана и сеть региональных филиалов, которые размещались в Прибалтике (Каунас), Белоруссии (Минск), Крыму (Симферополь) и на Северном Кавказе (Ставропольский пединститут). Был накоплен уникальный мировой опыт разработки фундаментальных теоретических основ и форм организации отдыха в стране. Издана первая в мире коллективная монография «Теоретические основы рекреационной географии» (1975), в которой было разработано учение о территориально-рекреационной системе (ТРС), ее модели включавшей в себя подсистемы: группы отдыхающих, рекреационных ресурсов, технических систем и обслуживающего персонала. Плюс к этому выходили издания в регионах: «Исследование Кавказской территориально-рекреационной системы» (1976), «Рекреационные ресурсы» (1982) и др.

В 90-е годы XX в. с переходом экономики в России на рыночные отношения существующая парадигма рекреационной географии и учение о ТРС в государственной политике оказались, мягко говоря, забытыми. В условиях новых экономических реформ происходит изменение структуры рекреационных потребностей ориентированных на обеспеченный слой населения и начинается сегмен-

тация туристического рынка. Интенсивное развитие коммерческого туризма, не обеспеченность его правовой, экономической и управленческой базами приводит к некоторым перекосам в индустрии туризма (огромное количество турфирм, преобладание выездного туризма, высокие цены на внутреннем рынке и др.). Рекреационная деятельность в научных публикациях заменяется туристкой деятельностью, туризмом. Под влиянием идей международного туризма и по его подобию в России стали возникать новые научные направления – *туристика*, географическая туристика, страноведческий туризм, экотуризм и т. д.

«Отец» туристики В. А. Квартальный (2007) включает в ее структуру такие понятия как индустрия туризма, экономика туризма и геотуристика. Т. В. Комиссарова (2010) предпочтение отдает географической туристике как науке о *географической туристкой среде*. А. Н. Дунец (2009) делает попытку объяснить суть туристско-рекреационного кластера для горных территорий, в структуру которого включает региональные органы управления, правоохранительные органы, туристические бизнес – структуры региона, туристический комплекс и др.

Современные проблемы организации рекреационной деятельности можно рассмотреть на примере региона Северо-Кавказского федерального округа (СКФО), где существуют свои сложности. Во-первых, требуется разработка единого генерального плана развития рекреационной отрасли для всех субъектов региона, который следовал бы не точечному принципу застройки и большой концентрации отдыхающих в одном месте, а системному характеру их размещения на всей территории субъектов, чтобы диверсифицировать потоки отдыхающих, сохранить традиционное природопользование и малые поселения в горных территориях. В последние 20 лет восстановление и строительство рекреационных предприятий велось бессистемно, хаотично. Примером может служить Домбайский рекреационный район Карачаево-Черкесской Республики. В начале XX в. здесь началась бессистемная застройка Домбайской поляны за счет частного капитала. На площади одного квадратного километра было построено 93 гостиницы и еще два элитных жилых комплекса – «Спутник» (Москва) и «Крокус-Инвест» (Ставрополь). Единовременная емкость этих сооружений с учетом жителей поселка достигает 4500 мест. Если к этому добавить экскурсантов выходного дня, то плотность населения на Домбайской поляне может достигать показателей Москвы – 10 тыс. человек/км². Аналогичное «перенаселение» происходит и в Приэльбрусском районе КБР.

В настоящее время основная заполняемость гостиниц Домбая приходится на зимний сезон горнолыжного туризма (январь-март). Летом их занятость – не более 10 – 20 %. Весной и осенью – «мертвый сезон». Поэтому рентабельность гостиничного сервиса низкая и прибыльность решается за счет высоких цен. Стоимость одного места в сутки колеблется в пределах 1,5 – 3,0 тыс. рублей, в частном секторе – 500 рублей. Десятидневный отдых зимой обходится в 50 – 80 тыс. рублей, т. е.

близок к показателям затрат на отдых за границей, но при более низком качестве обслуживания.

Во-вторых, требуется разработка современной научно-обоснованной концепции организации рекреационной деятельности. В последнее время пишут о кластерном подходе в организации туристкой деятельности. Однако единства в понимании сущности этого понятия нет. Одни называют кластером туристический комплекс СКФО. Другие пишут, что строятся кластеры в республиках округа (Маатлас в Дагестане, Армхи в Ингушетии, Мамисон в Северной Осетии и др.). В Сочинском олимпийском образовании выделяются два кластера – прибрежный и горный, а в горном кластере выделяется еще и кластер «Лаура», где проходят соревнования по биатлону и лыжным гонкам. Можно встретить и экзотические названия: кластер Ачикулакского района Ставропольского края.

Кластерный подход начал формироваться в сфере промышленного производства. Кластер (с англ. – скопление) в экономике – это концентрация на некоторой территории группы взаимосвязанных компаний. Основоположниками этого направления были А. Маршалл (1993), Б. С. Ястремский (1937) и Майкл Портер (2001). По мнению М. Портера, помимо традиционных факторов (конкурентной среды, условий спроса и наличия поддерживающих производств) на конкретной территории должны быть созданы (а не унаследованы) специализированные факторы – квалифицированные кадры, инфраструктура и капитал. Создание последних требует длительных и устойчивых инвестиций, которые сложно повторить. Это и создает кластеру конкурентное преимущество над другими регионами за счет более высокой производительности, развития инноваций и новых видов бизнеса. Ни один из ранее названных кластеров СКФО не соответствует этим требованиям.

Рекреационный (туристический) кластер – это идеальная система глобального или регионального уровня, которая решает проблемы повышения конкурентной способности рекреационной отрасли и представляет собой совокупность территориально-рекреационных систем (ТРС) разного функционального назначения (лечебных, оздоровительных, туристско-спортивных и др.) сосредоточенных в одном или разных регионах мира, но сохраняющих единую систему управления по организации работы сопутствующих предприятий и организаций, занимающихся строительством, разработкой, производством и продажей туристического продукта, изучением ресурсов, а также деятельностью смежной с туризмом и рекреационными услугами (транспортное обслуживание, экскурсии, производство сувениров, выпуск буклетов и т. д.).

Современное видение кластерного образования можно представить в виде модели, состоящей из трех уровней:

– верхний уровень представлен системой управления, которая, в свою очередь, серьезно зависит от финансирования и занимается пространственной и территориальной организацией рекреационной деятельности;

– средний уровень состоит из *подсистем гостиничного сервиса* (средства размещения, питания и другие специализированные предприятия, а также квалифицированные кадры), *хозяйственного обеспечения* (изготовление материалов для строительства туристических объектов, предприятия, обеспечивающие оборудование, топливо, энергию), *научно-информационного обеспечения* (физико-географические и экономические исследования, на которых базируется экскурсионная деятельность), *экскурсионной подсистемы, транспортной*, которая пронизывает все уровни и является основой взаимодействия всех подсистем, и *комплекса природных условий и ресурсов*, которые составляют основу туристско-рекреационной деятельности в кластере;

– нижний уровень базируется на комплексе природных условий и рекреационных ресурсов. Здесь возникают и функционируют территориально-рекреационные системы определенной направленности. По выполняемым функциям среди ТРС можно выделить 4 основных типа: лечебный, оздоровительный, познавательный и спортивный. Строительство разных типов ТРС определяется конкурсной средой, а не привязкой к определенному субъекту.

Озвученная модель туристического кластера требует серьезного и длительного подготовительного этапа для решения ранее озвученных проблем, которая учитывала бы интересы местного населения в сохранении их традиционных культур, природного и этнокультурного наследия, а также внутренние факторы, определяющие самобытность каждого субъекта округа. Это должно быть основой фундамента туристического кластерного образования.

Интересный опыт сложился в советское время, когда создавались три мощные кластерные структуры централизованного финансирования и управления: Центральный Совет по туризму с республиканскими и областными Советами; всероссийский Центральный Совет профсоюзов, управляющий лечебно-курортной отраслью и зарубежным туризмом, и «Спутник» ЦК ВЛКСМ, организующий молодежный туризм в стране и зарубежные поездки.

Существующие в настоящее время в структуре СКФО территориально-рекреационные системы можно классифицировать по их структуре, выделяя следующие виды:

«Моно» ТРС – это гостиничный комплекс как часть «поли» ТРС и индивидуального местоположения, использующий местные рекреационные ресурсы и техническую инфраструктуру рекреационного или административного района для удовлетворения потребностей отдыхающих. Такие ТРС укладываются в классическую схему (Теоретические основы ..., 1975) с выделением четырех подсистем: группа отдыхающих (сформировавшаяся исторически с учетом потребностей в уникальных природных ресурсах), рекреационные ресурсы (альпинистские, горнолыжные, пейзажные и т. п.), технические сооружения (преобладают спальные корпуса), система обслуживания (коммунальное обеспечение,

торговля, общественное питание, транспорт, бытовое обслуживание, связь).

«Поли» ТРС – это сложное структурное образование одной системы управления (совокупность различных по сервису «моно» ТРС), формирующееся на базе однородных уникальных рекреационных ресурсов, но в разных регионах. Здесь выделяется гостиничное ядро, как техническая подсистема, которая характеризуется высоким уровнем комфорта, и периферия (прилегающая территория) с экскурсионными рекреационными ресурсами (в том числе и других регионов). Примером может служить кластер с фирмами «Пегас Туристик», «моно» ТРС которого размещаются на побережьях Турции, Египта, Туниса и др.

Третий тип – ТРС «экономкласса» имеет упрощенную структуру, состоящую из трех подсистем: технической (сооружения для ночлега), отдыхающих (самостоятельные туристы) и бесплатных природных ресурсов. Как правило, этот вид семейного бизнеса для людей с ограниченными доходами. В рамках этого типа следует развивать экологический туризм, совмещающий экологические требования по охране природы и способствующий ее защите, повышающий экологическую культуру путешественников, выполняющий просветительскую функцию, бережно относящийся к традиционным культурам и местным сообществам [12].

В третьих, следует разобраться с приоритетностью ведущих отраслей хозяйства – животноводческим комплексом с летним выпасом скота в среднегорных и высокогорных лугах и рекреационно-туристической. Содержание здесь большого количества скота уже привело к деградации до третьей критической стадии дигрессии луговых сообществ днищ долин и субальпийских лугов. В районе наиболее популярных туристических маршрутов выпас скота должен быть прекращен или проводится с выполнением строгих санитарных норм и норм охраны природы. Вряд ли отдыхающий, тем более иностранный турист, получит удовольствие и эстетическое наслаждение во время экскурсии, продираясь сквозь заросли колючего бояка высотой 30 – 50 см. При этом арендаторы, использующие эти пастбища, не вкладывают даже малых средств по сохранению и восстановлению растительного ресурса этих пастбищ. Есть проблемы и с вырубкой лесов, которая здесь ведется в последние 20 лет [10].

Существующий набор видов ТРС в СКФО образует только низкий уровень модели кластера. Для формирования эффективной кластерной структуры необходимо создать полную его систему с наличием единого центра финансово-управленческой деятельности (верхний уровень) и сервисной подсистемы среднего уровня.

Литература

1. Дунец А. Н. Территориальная организация горных туристско-рекреационных систем (на примере Алтай-Саянского региона). Барнаул: АЛТГТУ, 2009. 176 с.
2. Исследование Кавказской территориально-рекреационной системы // Сб. науч. тр.; под ред. В. А. Шальнева. Ставрополь: СГПИ, 1976. 158 с.
3. Квартальнов В. А. Туризм. М.: Финансы и статистика, 2007. 320 с.
4. Комиссарова Т. С. Представление о геотуристике и туристической дистанции // Страноведение и регионоведение в решении проблем устойчивого развития. СПб.: ВВМ, 2010. 628 с.
5. Маршалл А. Принципы экономической науки. М.: Прогресс, 1993. 594 с.
6. Портер М. Конкуренция: учеб. пособие / пер. с англ. М.: Вильямс, 2001. 495 с.
7. Рекреационные ресурсы. Ч. 2: Условия и ресурсы отдыха и туризма. Ростов н/Д.: РГУ, 1982. 273 с.
8. Севостьянова Д. В. Основы страноведения и международного туризма. М.: Академия, 2008. 255 с.
9. Теоретические основы рекреационной географии / под ред. В. С. Преображенского. М.: Наука, 1975. 260 с.
10. Шальнев В. А., Ляшенко Е. А. Ландшафты Архыза и их рекреационное значение // Вестник СКФУ. Ставрополь: СКФУ, 2013. № 3. С. 81 – 85.
11. Ястремский Б. С. Труды по статистике. М.: Ред.-изд. упр. ЦУНХУ Госплана СССР и В/О "Союзоргучет", тип. им. Фрунзе в Харькове, 1937. 532 с.
12. Ceballos-Lascurain H. The Future of Ecotourism // Mexico journal. 1988. 17 January.

Информация об авторах:

Шальнев Виктор Александрович – доктор географических наук, профессор, профессор кафедры физической географии и ландшафтоведения Института математики и естественных наук СКФУ, phisgeo@yandex.ru.

Viktor A. Shalnev – Doctor of Geography, Professor, Professor at the Department of Physical Geography and Landscape, Institute of Mathematics and Natural Sciences, North Caucasus Federal University.

Ляшенко Екатерина Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и ландшафтоведения Института математики и естественных наук СКФУ, ljashenko_ekaterina@mail.ru.

Ekaterina A. Lyashenko – Candidate of Geography, Assistant Professor at the Department of Physical Geography and Landscape, Institute of Mathematics and Natural Sciences, North Caucasus Federal University.

Нефедова Мария Викторовна – кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и ландшафтоведения Института математики и естественных наук СКФУ, nefedova_m@mail.ru.

Maria V. Nefedova – Candidate of Geography, Assistant Professor at the Department of Physical Geography and Landscape, Institute of Mathematics and Natural Sciences, North Caucasus Federal University.

Статья поступила в редколлегию 27.03.2014 г.

ПЕДАГОГИКА

УДК 811.11:378:004.9

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРЕ И КОМПОНЕНТНОМ СОСТАВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ*И. Н. Абросимова***TO THE PROBLEM OF THE STRUCTURE AND COMPONENTS OF THE PROFESSIONAL FOREIGN LANGUAGE COMPETENCE OF ENGINEERING STUDENTS***I. N. Abrosimova*

Предметом статьи является вопрос о профессиональной иноязычной компетентности. Целью работы является рассмотрение структуры и компонентного состава профессиональной иноязычной компетентности студентов технического вуза энергетического профиля.

Во время работы были проанализированы различные позиции и точки зрения исследователей по данному вопросу и проведен структурный анализ результатов их исследований. Рассмотрев несколько позиций и точек зрения по данной проблеме, были сделаны логические заключения по вопросу содержания профессиональной иноязычной компетентности в различных сферах деятельности будущих специалистов.

В результате рассмотрения данной проблемы была выявлена структура и компонентный состав профессиональной иноязычной компетентности студентов энергетических специальностей технических вузов, в соответствии с которыми осуществляется процесс формирования профессиональной иноязычной компетентности студентов энергетической отрасли.

В рамках современного развития атомной энергетики в мировом пространстве рассмотрение вышеуказанного вопроса является крайне важным и актуальным.

The author addresses the problem of professional foreign language competence and researches its structure and components in engineering students.

Different positions and points of view on the stated problem are analyzed to provide the structural analysis of the research results. Taking into account some positions and issues on this problem several conclusions on the professional foreign language competence in different kinds of future specialists activity were made.

As a result of scanning this problem, the structure and components of professional foreign language competence were revealed for engineering students of technical universities. In accordance with this structure, the process of forming foreign language competence is implemented for engineering students.

In the frames of modern nuclear power development in the Space the mentioned consideration of the problem is supposed to be very important and actual nowadays.

Ключевые слова: профессиональная иноязычная компетентность, структура, компонентный состав, энергетический профиль, атомная энергетика, структурный анализ.

Keywords: professional foreign language competence, structure, components, engineering profile, nuclear power, structural analysis.

В последнее десятилетие отечественная система высшего профессионального образования стала принимать характеристики, адекватные тенденциям развития постиндустриального общества. В связи с этим стали востребованы: высокий уровень профессионализма, академическая и социальная мобильность, готовность к самообразованию и самосовершенствованию, ориентация на запросы рынка труда. По этой причине современный рынок труда предъявляет весьма жесткие требования к выпускникам технических вузов, желающим занять достойное место в социальной и технократической иерархии нашего общества. В условиях контактов отечественных промышленников и предпринимателей с зарубежными партнерами работодатель предпочитает выпускников не только с хорошей профессиональной подготовкой, но и с достойным знанием иностранного языка. Преимущества имеют те выпускники, которые ориентируются не

только в своей предметной области, но и уверенно себя чувствуют в иноязычной среде, а также обладают навыками общения с иностранными коллегами в контексте своей профессиональной деятельности. Поэтому языковая подготовка студентов становится в один ряд со специальной подготовкой профессионала и существенно влияет на конкурентоспособность выпускника вуза на рынке труда. Знание иностранного языка из сугубо личной потребности вырастает до поистине государственных масштабов, становится национальным капиталом. Приходит осознание того, что нужды производства и иноязычная подготовка и грамотность специалистов энергетической отрасли неотделимы. Иностраный язык постепенно интегрируется с техническими науками и материальным производством.

Таким образом, формирование высококвалифицированного конкурентоспособного специалиста с

достаточной иноязычной компетентностью, умеющего творчески подойти к решению стоящих перед ним проблем, является целью современного отечественного технического образования. Будущий инженер – специалист атомной энергетики, должен знать достижения науки и техники, передовой отечественный и зарубежный опыт в сфере организации производства, труда и управления. Однако решение подобных задач для него невозможно без анализа зарубежных публикаций и обмена информацией на иностранном языке. В связи с этим образовательные стандарты третьего поколения требуют учета профессиональной специфики при изучении иностранного языка, его нацеленности на будущую профессиональную деятельность выпускников. По этой причине иностранный язык выходит за рамки чисто учебной дисциплины и становится связующим компонентом структуры личности профессионала. Он рассматривается как средство профессионального роста и повышения активности будущего специалиста, в частности, энергетической отрасли, как необходимый компонент профессиональной культуры.

В связи с этим считаем целесообразным определить конечной целью обучения иностранному языку в технических вузах формирование профессиональной иноязычной компетентности.

В нашем понимании *профессиональная иноязычная компетентность* (ПИК) представляет собой *способность и готовность специалиста, осознающего себя языковой личностью, к эффективному осуществлению иноязычного общения и взаимодействия в ситуациях профессионального и бытового характера в межкультурном пространстве*.

Проведение анализа исследуемого понятия и собственный опыт профессиональной подготовки по иностранному языку на неязыковых факультетах профессионального вуза, а так же изучение научных позиций широкого спектра специалистов по данной проблеме (Г. И. Богин, Н. И. Гез, И. А. Зимняя, Дж. Равен, Н. Хомский), позволили исследователям Т. А. Костюковой и А. Л. Морозовой охарактеризовать *структуру* профессиональной иноязычной компетентности студентов неязыкового вуза как ситуативную категорию, отражающую способность будущего специалиста реализовывать *знания – профессиональные и лингвистические* (грамматики, лексики, фонетики), *иноязычные коммуникативные умения* (осуществлять эффективное общение); *профессионально-личностные качества* студента (коммуникативность, толерантность, способность к преодолению психологического барьера при иноязычном общении) и *опыт иноязычного профессионального общения*, способствующую креативному решению различных практико-ориентированных задач, возникающих в процессе обучения [5, с. 11].

Важно отметить, что установление структуры профессиональной иноязычной компетентности позволяет перейти к уточнению ее уровней в связи с осознанием необходимости индивидуального подхода, который учитывает склонности, особые способности и мотивы студентов, изучающих иностранный язык на неязыковых факультетах вообще.

Г. И. Богин и Н. И. Гез полагают, что на разных этапах обучения по предмету «Иностранный язык» указанная компетентность проявляется на следующих *уровнях*:

- *уровень правильности* (способность человека использовать имеющийся активный лексический запас в сочетании с корректным применением элементарных правил слово- и формо-употребления языковых единиц иностранного языка);

- *уровень интериоризации* (наличие у коммуниканта целостного представления о совершаемом высказывании);

- *уровень насыщенности* (предполагает широкое использование разнообразных языковых средств, отсутствие в употреблении примитивной лексики и синтаксиса);

- *уровень адекватного выбора* (уверенное владение разнообразными языковыми средствами в соответствии с контекстом и с конкретной ситуацией);

- *уровень адекватного синтеза* (отражает развитие отдельно взятой языковой личности) [2, с. 9; 3, с. 13].

Следует отметить, что изучение развития профессиональной иноязычной компетентности будущего специалиста изучала О. Е. Кушнарева, которая восприняв идеи Г. И. Богина и Н. И. Геза, считает обоснованным выделение ряда ее компонентов: *лингвистический* (знание словарных единиц и грамматических правил, позволяющих осуществлять профессионально-ориентированную коммуникацию); *социолингвистический* (способность адекватно конкретной ситуации профессионального общения выбирать и применять языковые формы и средства); *речевой* (использование языковых знаний в речи) [6, с. 95 – 96].

Однако в ходе разработки уровней профессиональной иноязычной компетентности студента вышеуказанные авторы склонны ограничиваться лингвистическими, социолингвистическими аспектами, не уделяя должного внимания профессиональной направленности языковой подготовки специалистов, что в процессе перехода на ФГОС третьего поколения признается более чем востребованным.

Обратимся к позиции структуры и компонентного состава ПИК, предложенной В. Ф. Аитовым.

Ученый предлагает свою индивидуальную трактовку:

1. Компетенции первой группы (лингвистическая и речевая) определяют владение устным и письменным иноязычным общением.

2. Вторая группа компетенций включает компетенции социолингвистического уровня. Они представлены социокультурной компетенцией, лингвокультурологической компетенцией, которая рассматривается автором как «способность к эффективному общению при помощи иностранного языка на базе аутентичных текстов, которые отражают социальные и культурные концепты иной социальной общности, включающие фоновые знания, безэквивалентную лексику, правила этикета, принятые в стране изучаемого языка, а также образцы литературы, песенного и поэтического творчества».

3. Третью группу – группу компетенций прагматического уровня, составляют предметная, инфор-

мационная и самообразовательная компетенции [1, с. 18 – 19].

В целом, соглашаясь с исследователем по вопросу групп компетенций, мы полагаем, что в определении структуры ПИК должна обязательно учитываться квалификационная характеристика обучаемых специалистов. Третий блок должен быть представлен компетенциями, являющимися базовыми для специалистов определенного профиля, отражающими специфику специальности. В нашем случае – должна учитываться специфика специальности «Атомные станции: проектирование, эксплуатация и инжиниринг».

Особо подчеркнем, что важное значение в наши дни в профессиональном образовании и профессионально ориентированном обучении иностранным языкам, в частности, приобретает готовность и способность личности к **самообразованию**. Это связано прежде всего со все более нарастающими динамическими изменениями на рынке труда, стремительным потоком информации, требующими от современного специалиста готовности меняться, повышать свою квалификацию, осваивать новые знания и навыки. В сложившейся ситуации способность человека к самообразованию оказывается одним из главных условий его дальнейшей успешности в выбранной им профессии. Помимо этого, повышение роли самообразования связано и с небольшим объемом времени, отводимым на изучении иностранных языков на неязыковых факультетах в условиях перестройки российской высшей школы и в соответствии с требованиями ФГОС-3, когда количество аудиторных часов на занятия иностранным языком уменьшается при увеличении доли самостоятельной работы студента. Поэтому способность пополнять знания и доучиваться в процессе самостоятельной поисковой и творческой деятельности становится реальной необходимостью для каждого специалиста.

Следует также отметить, что студенты первых курсов технических вузов, вчерашние школьники, как правило, не обладают опытом самостоятельной работы, а без умений самостоятельно работать с информацией, а также организовывать и планировать свою учебно-познавательную деятельность, осуществлять ее самоконтроль, невозможно успешное овладение иностранным языком.

Рассмотрим проблему определения *структуры профессиональной иноязычной компетентности* с позиции Искандаровой Ольги Юрьевны.

По мнению ученого, при рассмотрении вопроса формирования профессиональной иноязычной компетентности студента неязыкового университета основным ценностным компонентом будет стремление к овладению профессиональными знаниями через достижение знаний иностранного языка, а также знаний о профессиональной интеракции. То есть направленностью личности студента является овладение знаниями, умениями и навыками иностранного языка для профессионального общения. Более того, крайне важно овладение знаниями и техникой делового общения будущего специалиста. Показателями критериального модуля оценки профессиональной иноязычной компетентности студента неязыкового университета будут вышеперечисленные знания, умения и навыки, а

также навыки профессионального поведения будущего специалиста неязыкового профиля и эффективность коммуникации в деловом контексте [4, с. 145].

Автор подчеркивает, что исследуемое качество «профессиональная иноязычная компетентность» может быть разделено на три компонента: *иноязычная компетентность, профессиональная компетентность и коммуникативная компетентность* [4, с. 146].

Ученый выделяет, что исходя из гуманистических представлений о задачах профессиональной деятельности, желательности в качестве профессионала, возникает актуальность ориентировки студента как творческого профессионала. Следовательно, **самосознание** является системообразующим и регулирующим фактором к профессиональному росту и творческой активности. Интегрирующим способом самосознания является «Я»-концепция. Исходя из этого, направленность личности для достижения профессиональной компетентности будет способствовать целеобразованию и целедостижению к иноязычной профессиональной компетентности на основе личностно-деятельностного или субъектного подхода. **Профессионализм** выступает главным условием в реализации индивида. Более того, системообразующим и регулирующим фактором профессионального роста и творческой активности студента, по мнению автора, является самосознание. Уже в стенах вуза следует создавать условия реализации профессионального целеобразования и целедостижения [4, с. 167 – 168].

Таким образом, проанализировав позицию О. Ю. Искандаровой, мы прослеживаем, что наиболее важными **структурными компонентами** при формировании иноязычной профессиональной компетентности студентов неязыкового университета являются: *мотивационно-ценностный, содержательный компонент и поведенческо-деятельностный компонент*.

Рассмотрим некоторые моменты, обозначенные в Федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки (специальности) 141403.65 «Атомные станции: проектирование, эксплуатация и инжиниринг» (квалификация «специалист»).

Как было упомянуто ранее, выпускник – будущий инженер энергетической отрасли, в нашем случае инженер – атомщик, должен обладать рядом общекультурных компетенций (ОК).

Следует особо отметить **ОК-4**, согласно которой будущий инженер атомной энергетики должен обладать свободным владением литературной и деловой письменной и устной речью на родном языке, навыками публичной и научной речи, умением создавать и редактировать тексты профессионального назначения, владением одним из иностранных языков как средством делового общения.

Согласно **ОК-5**, выпускник должен обладать знанием методов, которые демонстрируют уважение к историческому наследию и культурным традициям, а также толерантность к другой культуре.

ОК-12 определяет, что должно быть сформировано умение работать с информацией в глобальных компьютерных сетях, в том числе с информацией на иностранном языке.

Итак, рассмотрев ряд общекультурных компетенций, мы наблюдаем, что они учитывают общее изучение иностранного языка будущими инженерами энергетического профиля, в частности, инженерами атомной энергетики.

Подчеркнем, что ОК-4, 5, 12 подразумевают общее изучение иностранного языка, не учитывая узкой специализации инженеров-атомщиков и без учета их профессиональной направленности. Анализируя профессиональные компетенции будущих атомщиков (ПК), согласно ФГОС ВПО по направлению подготовки 141403.65, мы не наблюдаем *компетенции узкопрофессионального изучения иностранного языка*, которые бы способствовали подготовке специалистов-атомщиков с высоко-профессиональным знанием иностранного языка в сфере именно атомной энергетики. Отметим, что общекультурных компетенций (ОК) недостаточно для обучения иностранному языку в профессиональной сфере будущих специалистов-атомщиков.

Необходимо подчеркнуть, что суммируя результаты анализа внешних факторов – требований, предъявляемых обществом, государством и самими работодателями к профессиональной иноязычной подготовке современных инженеров атомной энергетической отрасли, и результаты изучения желаний и потребностей студентов в иноязычной подготовке, сформулируем *цель профессиональной иноязычной подготовки как формирование профессиональной иноязычной компетентности*, являющейся способностью и готовностью будущих специалистов решать различного рода коммуникативные задачи в сфере профессиональной деятельности. Более того, выполнять поиск и анализ информации, необходимой для изучения зарубежного опыта, а также работать с технической литературой и документацией на иностранном языке в области выбранной специализации. В нашем случае, в области атомной энергетики.

Проанализируем позицию Н. И. Патяевой в отношении компонентного состава профессиональной иноязычной компетентности студентов инженерно-строительных специальностей.

Ученый полагает, что *профессиональная иноязычная компетентность* должна рассматриваться как совокупность трех компонентов: *мотивационно-ценностного, когнитивно-деятельностного и эмоционально-волевого* [7, с. 33].

Следует подчеркнуть, что наша научная позиция совпадает с мнением исследователя Н. И. Патяевой. Рассмотрим подробнее составляющие компоненты профессиональной иноязычной компетентности будущих специалистов энергетической отрасли.

1. *Мотивационно-ценностный компонент*, с нашей точки зрения, включает в себя:

- общий интерес к профессионально-иноязычной подготовке и четкое осознание ее значимости для будущей карьеры инженера энергетической отрасли, в частности инженера атомной энергетики;

- понимание студентами необходимости использования иностранного языка для эффективного функционирования и ориентации в различных ситуациях будущей профессиональной деятельности инженера-атомщика;

- желание повысить свой языковой уровень и, более того, приобрести новые навыки в профессионально-важных видах речевой деятельности для дальнейшей успешной производственной деятельности на атомных электрических станциях РФ и зарубежных объектах;

- интерес к творческим видам деятельности на занятиях по профессиональной иноязычной подготовке.

2. *Когнитивно-деятельностный компонент*, в свою очередь, объединяет иноязычную коммуникативную компетенцию в сфере профессиональной деятельности, как предметную компетенцию в овладении профессионально-ориентированным иностранным языком, и общие компетенции, которые представляют собой профессионально-важные качества, способности и умения современного высококвалифицированного инженера атомной энергетики.

Целесообразно подчеркнуть, что иноязычная компетенция в сфере узкопрофессиональной деятельности может быть представлена как совокупность лингвистических, социолингвистических и прагматических компетенций.

В отношении *лингвистических компетенций* отметим, что они включают знание общей и профессиональной лексики, определенной специфики иноязычного произношения, а также грамматических структур, характерных для языка специальности по атомной энергетике. Указанный язык специальности весьма специфичен в силу большого количества специализированной терминологии в сфере атомной промышленности и энергетики. В лингвистическую компетенцию также входят знание профессионализмов, клише в контексте специальности, а также владение умениями и навыками применения всех этих знаний в ситуациях профессионально направленного общения.

Социолингвистические компетенции непосредственно связаны с социокультурными условиями использования иностранного (в частности, английского) языка. Данная компетенция представляет собой осведомленность о том, как языковые формы и способ выражения детерминируются социальной средой, отношениями между партнерами, контекстуальным или ситуативным значением, умения правильного употребления социально маркированных лингвистических единиц в определенной ситуации общения. Сюда можно отнести понятие о различных стилях речи: литературном стиле, официально-деловом, научном; также сюда включаются правила речевого этикета; общее представление о культуре и традициях стран изучаемого языка, включая лингвострановедческую информацию, которая относится к сфере профессиональной деятельности будущего инженера-атомщика.

Особо следует прокомментировать *прагматические компетенции*, которые связаны с использованием языковых средств в речевой деятельности и они включают в себя связность текста, точность в выражении мыслей и идей на иностранном языке и беглость речи, а также умение выполнять коммуникативные функции, связанные с областью профессиональной деятельности, с помощью иностранного языка. Сюда же включается, с нашей точки зрения, *профессиональная компетенция*, представляющая со-

бой способность специалиста к успешной профессиональной и производственной деятельности.

3. Выделим следующий компонент профессиональной иноязычной компетентности будущих специалистов энергетической отрасли. Это *эмоционально-волевой компонент*, который непосредственно связан с адекватной оценкой своих способностей, как будущих работников атомной энергетической отрасли, и выработкой чувства ответственности за успехи в учебной и будущей профессиональной деятельности. Он заключается в себе: самооценку подготовленности выпускника специальности 141403 «Атомные станции: проектирование, эксплуатация и инжиниринг» к будущей профессионально-иноязычной коммуникации; уверенность при участии в профессионально-важных видах речевой деятельности на иностранном языке: чтении специализированной литературы (подчеркнем, что вся производственная документация по эксплуатации ядерных энергетических установок на АЭС – на английском языке), беседе на профессиональные темы, написании деловых бумаг и прочее. Все это требует обладание будущим специалистом профессиональной иноязычной компетентностью; осознание своих текущих и будущих потребностей в образовании; желание использовать дополнительные ресурсы в процессе профессиональной иноязычной подготовки; понимание необходимости и желание управлять своим собственным процессом обучения.

Таким образом, профессиональную иноязычную компетентность студентов технического вуза энергетических специальностей в обобщенном виде можно определить как интегральную характеристику деловых и личностных качеств будущего инженера энер-

гетического профиля, в которой отражается уровень усвоенных знаний, умений и навыков в области иностранного языка, достаточных для формирования профессионального мышления на иностранном языке, способности отстаивать свою точку зрения в различных социальных и лингвистических условиях.

Добавим, что высокое качество изучения иностранного языка способствует конкурентоспособности и профессиональной мобильности в сфере своей деятельности и общения будущего специалиста. Приобретение студентами профессиональной иноязычной компетентности заключается в овладении иностранным языком на таком уровне, который позволит использовать его для удовлетворения профессиональных потребностей, реализации деловых контактов и дальнейшего профессионального самообразования и самосовершенствования.

Известно, что главной задачей реализации системы формирования профессиональной иноязычной компетентности в техническом (в нашем случае – энергетическом) университете является способствование решению стратегических задач развития университета, в частности вхождению в мировое образовательное пространство. А решение такой глобальной задачи возможно только при наличии в университете высококвалифицированных кадров, способных и обладающих соответствующим уровнем профессиональной компетенции в области иностранного языка, что позволяет свободно ориентироваться в мировом информационном потоке, а также продвигать собственные востребованные разработки и результаты исследований в области атомной энергетики на международном уровне.

Литература

1. Аитов В. Ф. Проблемно-проектный подход к формированию иноязычной профессиональной компетентности студентов (на примере неязыковых факультетов педагогических вузов): автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. СПб., 2007. 48 с.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 13.00.02. Л., 1984. 45 с.
3. Гез Н. И. Формирование коммуникативной компетентности как объект методологического исследования // Иностранные языки в школе. 1996. № 2. 18 с.
4. Искандарова О. Ю. Проблемы теории и практики формирования профессиональной иноязычной компетентности специалиста. Уфа, 2004. 259 с.
5. Костюкова Т. А., Морозова А. Л. Развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов неязыковых вузов: монография. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. 119 с.
6. Кушнарева О. Е. Роль коммуникативных технологий // Проблемы гуманитарного образования в техническом вузе: сборник статей научно-методической конференции. Новосибирск: НГТУ, 2003. 139 с.
7. Патяева Н. И. Формирование иноязычной профессиональной компетентности студентов инженерно-строительных специальностей: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02. СПб., 2009. 45 с.

Информация об авторе:

Абросимова Ирина Николаевна – аспирантка Шуйского филиала Ивановского государственного энергетического университета им. В. И. Ленина, доцент кафедры иностранных языков, filatova@iya.ispu.ru.

Irina N. Abrosimova – Assistant Professor at the Department of Foreign Languages, post-graduate student at Shuya Branch of V. I. Lenin Ivanovo State Power University.

Статья поступила в редколлегию 08.05.2014 г.

**ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ
В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ПЕДАГОГОВ В XIX ВЕКЕ**

Л. В. Барина

**PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN SCHOOL AND FAMILY
IN THE WORKS OF RUSSIAN TEACHERS OF THE 19TH CENTURY**

L. V. Barinova

Статья посвящена проблеме взаимодействия школы и семьи. Автор, анализируя труды отечественных педагогов XIX века, рассматривает пути выстраивания взаимодействия школы и семьи: вовлечение родителей в учебно-воспитательный процесс и участие родителей в управлении школы, педагогическое просвещение родителей, содействие родителей педагогам в осуществлении контроля за поведением и успеваемостью ребенка.

The paper is devoted to the problem of interaction between school and family. Analyzing the works of Russian teachers of the 19th century, the author examines the ways of interaction of school with family, involving parents in the teaching and educational process and participation of parents in school's management; pedagogical education of parents, their assistance to teachers in realization of control over child's behavior and progress is considered.

Ключевые слова: взаимодействие, воспитание, гимназия, педагоги, родители, школа.

Keywords: interaction, upbringing, high school, teachers, parents, school.

Произошедшие в стране в конце XX – начале XXI вв. политические и рыночные преобразования привели к деформации нравственно-эстетических ценностей, разрушению системы воспитания и, как следствие, к кризису основных институтов воспитания: семьи и образовательных учреждений. Со всей очевидностью проявилось ослабление взаимодействия семьи и школы в вопросах воспитания детей, отчуждение родителей от школы.

По мнению М. Н. Недвецкой. «Изменилась семья как педагогическая система: ценности семьи, социокультурная среда, родители, дети, происходит процесс разрушения семьи в её традиционном понимании», – отмечает педагог в своих исследованиях [5]. Причин отчуждения семьи от образовательных учреждений много, и они весьма разнообразны.

Реальность современной жизни такова, что родители вынуждены большую часть времени посвящать основному виду деятельности – профессиональному труду. Нередки случаи, когда родители не понимают ответственности, возлагаемой на них в воспитании ребенка, не проявляют внимания к ним. А ведь известно, что именно в семье закладываются те первые ростки мировосприятия, нравственности, мышления, физических и трудовых навыков. Дальнейшее развитие эти качества получают в школе. В этот период важно усилить методы и формы взаимодействия родителей и педагогов. Совместные усилия, взаимодействие и сотрудничество семьи и школы способны эффективно реализовать воспитательные цели.

Желание добиться устойчивых результатов в развитии и воспитании подрастающего поколения побуждает ученых и практиков к поиску новых моделей социально-педагогического взаимодействия отечественных институтов школы и семьи, к созданию условий конструктивного и продуктивного сотрудничества.

Об актуальности и важности взаимодействия семьи и школы, ответственности родителей в вопросах воспитания детей свидетельствует принятие

Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон). «Родители несовершеннолетних обучающихся обязаны заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка», – читаем мы в статье 44 Закона [12].

Более того, в Профессиональном стандарте педагога, вступающего в силу в 2015 г., роль педагога определена как ключевая в вопросах воспитания ребенка, уделяется важное место умению педагога поддерживать конструктивные воспитательные усилия родителей учащихся и привлекать семью к решению вопросов воспитания ребенка (ч. 4.2, п. 14). Документ указывает на необходимость овладения методами и средствами психолого-педагогического просвещения родителей детей дошкольного и школьного возраста, на важность сформированного умения выстраивать партнерское взаимодействие с ними для решения образовательных задач (ч. 4.5, п. 10). Огромную роль в выстраивании взаимоотношений должна сыграть профессиональная компетенция педагога, в которую входит «знание основных закономерностей семейных отношений, позволяющих эффективно работать с родительской общественностью» (ч. 4.3, п. 20) [9; 10].

В образовательной политике государства законодательно закреплено направление на взаимодействие семьи и школы в воспитании подрастающего поколения. Ответственность за воспитание личности ребенка ложится не только на родителей, но и на школу.

Школа должна развить те лучшие качества, ростки будущей личности, которые заложила в ребенке семья, и оказать содействие родителям в воспитании детей. Учителям нужно помнить, что с приходом в школу дети вступают во второй период своей жизни. «Этот период очень важен, считает В. Я. Стоюнин, т. к. продолжается физическое развитие и начинается преобладание развития рассудочного, образование идей и высших понятий» [11].

Поэтому ключевую роль здесь играет школа, которая должна помочь этому развитию разъяснением и разделением понятий путем научным. «Школа является только на помощь семье, у которой не оказывается всех средств, нужных для дальнейшего правильного и многостороннего развития ребенка», – считает педагог [11].

В настоящее время все острее чувствуется потребность срочной корректировки воспитания подрастающего поколения. Обращение к передовому опыту отечественной школы, наследию выдающихся теоретиков и практиков, позволит использовать научный потенциал, накопленный педагогической мыслью России, решить современные задачи в области образования и воспитания, поможет избежать повторения ошибок, совершенных в прошлом.

С целью изучения взаимодействия образовательного учреждения и семьи нами был исследован XIX век. Обращение к педагогическому опыту XIX века отнюдь не случайно. Состояние системы образования и воспитания подрастающего поколения, уровень взаимодействия семьи и школы в вопросе нравственного воспитания в современных образовательных учреждениях, по своему характеру близки тому, что происходило в XIX веке. Бурные экономико-политические преобразования, развитие культуры и науки привели к необходимости реформ в вопросах образования и воспитания подрастающего поколения в указанный период времени.

Фундаментальные труды педагогов, мыслителей XIX в. П. Ф. Каптерева, П. Ф. Лесгафта, М. М. Манасеиной, К. Д. Ушинского составили важнейшие вехи педагогического обновления теории и практики воспитания в семье и школе. О влиянии семьи на развитие личности ребёнка в философии образования высказывались В. П. Вахтеров, К. Н. Вентцель, В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев, Л. Н. Толстой и др. Обобщить мысль высказанных идей можно словами В. Я. Стоюнина: «Школа должна искать себе помощи в семье, призывать ее на свои совещания, выслушивать ее требования; семья же должна смотреть на школу как на свою помощницу в деле, которое ей ближе всего, но которого она одна не может выполнить» [11]. В. Я. Стоюнин выразил в данной мысли ту позицию, которую поддерживали все прогрессивные слои общества.

Просветители XVIII – XIX вв. утверждали, что именно «род жизни родителей, их ежедневный пример наиболее важны: ничто не действует в младых душах детских сильнее всеобщей власти примера, а между всеми другими примерами ничей другой в них не впечатляется глубже и тверже примера родителей», – гласит новиковская программа воспитания, опубликованная в «Московских ведомостях» в 1783 г. [3].

Иную точку зрения высказал видный ученый и педагог В. П. Кащенко. Он отмечал: родители вряд ли могут предложить определенную продуманную систему воспитательных мер. По его мнению, вначале родителям необходимо дать хотя бы элементарные представления о воспитании в семье [3]. Он понимал, что невысокий общий культурный уро-

вень русского общества и, в частности, слабое развитие педагогического просвещения препятствовали взаимодействию семьи и школы.

О необходимости повышения уровня знаний родителей в вопросах воспитания работники просвещения, ученые писали в педагогических журналах XIX в.: «Учитель», «Ясная поляна», «Русский педагогический вестник», «Журнал для воспитания», «Библиотека для воспитателя» и др. Основная проблематика публикаций касалась обучения. Также в журналах культивировалась идея о том, что «грамотные родители более заботятся о грамотности своих детей, а следовательно, и вообще о школьных делах, чем неграмотные» [4].

В связи с вышесказанным уместным будет привести воспоминания великого русского педагога В. Острогорского. Ученый вспоминает, как «отец, прекрасно читавший, заставлял его выучивать по одной басне в день и всегда спрашивал выученное сам, не оставляя в покое до тех пор, пока басня не была прочитана с выражением». А чтобы приучить ребенка к чтению хороших книг, он очень часто читал вслух стихи и прозу, ... выслушанное заставлял пересказывать и о прочитанном беседовал с сыном. «Эти чтения, рассказы и беседы имели на меня, ребенка, огромное влияние. Они незаметно обогатили меня словами и выражениями, прирастили к чтению..., обогатили духовно», – вспоминает В. Острогорский [7]. Как видим, педагог отмечает, что образованность, постоянное внимание, настойчивость, терпение и контроль со стороны родителей способствуют развитию интеллектуальных и духовных качеств ребенка.

Напротив, отсутствие контроля со стороны родителей за развитием и поведением ребенка могут привести к нежелательным последствиям. Примером служат воспоминания И. А. Бунина о годах, проведенных в гимназии. Душевный дискомфорт, отсутствие контроля со стороны родителей за успеваемостью и поведением мальчика привели к тому, что он стал неуспевающим учеником [2]. Лишь одно обстоятельство помогло ему избежать исключения из гимназии на первом году обучения: директор гимназии процесс обучения и поведение ребенка взял под свой личный контроль [2].

В похожей ситуации был и М. М. Пришвин, другой знаменитый писатель, обучающийся в гимназии г. Ельца. Нельзя не согласиться с профессором В. П. Кузовлевым, что отсутствие семейного контроля, нежелание трудиться, преодолевать трудности сделали из М. М. Пришвина равнодушного к учебе ученика. Это привело к тому, что педагогический совет Елецкой гимназии принял решение «об увольнении» Михаила Пришвина из гимназии «без права поступления в учебные заведения г. Ельца» [2]. В. П. Кузовлев считает, что гимназические неудачи И. А. Бунина и М. М. Пришвина объясняются, в первую очередь, исключительными обстоятельствами, связанными с вынужденной оторванностью юных гимназистов от дома, привычного уклада жизни, отсутствием контроля со стороны семьи и, конечно же, личностными чертами характеров [2].

О необходимости приблизить к жизни семейной школьную жизнь, чтобы ребенок безболезненно адаптировался в непривычных для него условиях, чтобы школьная жизнь не нанесла вреда его психологическому состоянию, говорит В. Я. Стоюнин [11, с. 55]. Поддерживая его точку зрения и пытаясь разрешить проблему оторванности детей от дома, привычного уклада жизни, многие учебные заведения всячески старались создать семейную, домашнюю обстановку (гимназии Ф. И. Креймана и Н. П. Хвостовой, школа С. А. Рачинского, немецкая школа К. Шмидта и др.), что положительно сказывалось на успеваемости и поведении воспитанников. Однако необходимо отметить, что, лишь приближая к жизни семейной школьную жизнь и поддерживая привычный уклад жизни, педагогам не удалась бы попытка воспитания образованного школьника. На наш взгляд, контроль со стороны родителей, взаимодействие семьи и школы в воспитании ребенка играют ключевую роль в решении данной проблемы.

В данном аспекте очень важным является мнение немецкого педагога, основателя антропологическо-педагогической школы, Карла Шмидта, который считал, что в воспитании человечества самое важное условие принимают три главных фактора: семья, школа и церковь, между которыми, как членами одного организма, должна быть тесная связь. «Ни один из них не может действовать успешно без содействия двух остальных; последствием такой исключительности было бы самое нестройное, уродливое развитие», – говорит К. Шмидт [4]. Исследованиями И. Ф. Плетенёвой доказано, что в XIX в. взаимодействие семьи и школы имело место при выборе молодыми людьми будущей профессии [8].

Следует заметить, что педагоги стремились найти пути взаимодействия с родителями в воспитании детей. Меры по привлечению родителей к воспитанию, контролю за своими «чадами» были достаточно разнообразными. К примеру, в отчете Смоленской гимназии отмечаем, что гимназия, желая привлечь внимание родителей к воспитанию детей, к необходимости осуществления контроля за поведением и успеваемостью своих сыновей, обязала родителей «расписаться в прочтении ими дисциплинарных правил, напечатанных в аттестационных листах, равным образом во всяком проступке, совершенном их детьми» [13]. В результате этого требования родители, прежде отговаривавшиеся незнанием всего, что касается учебного заведения: правил поведения, требований к успеваемости учащихся и т. д., не только зачитывали детям правила, но и сами знакомились с требованиями данного учебного заведения. Данные меры, как свидетельствуют отчеты гимназии, «принесли свой положительный результат: поведение учащихся заметно улучшилось» [13].

Привлекает внимание опыт Московской гимназии по сближению педагогов и родителей в воспитании учащихся. Педагогический совет гимназии не только систематически рассматривал и контролировал вопросы успеваемости и поведения гимнази-

стов, но и «при помощи классных наставников постоянно извещал родителей об успехах и поведении их детей и старался установить близкие отношения между лицами педагогического персонала и родителями учащихся, исходя из той мысли, что успешное ведение учебно-воспитательного дела невозможно без полной солидарности между школой и семьей», – читаем в одном из отчетов (п. 9 Постановления совета гимназии) [1]. Факты неуспешности или неподобающего поведения учащихся сообщались своевременно родителям, «кои приглашались оказать гимназии свое содействие в ее стремлении исправить провинившихся так или иначе их детей». Таким образом, совет придавал особенное значение сближению школы с семьей [1].

Небезынтересен опыт Елецкой гимназии в утверждении взаимодействия. Педагоги, стремясь вовлечь родителей в воспитательную работу, разделили с ними ответственность за результат воспитания. Они «предоставили возможность родителям ежедневно следить за школьной жизнью своих детей, вникая в мельчайшие детали, отмечая едва уловимые нюансы их участия в ней, помогая таким образом учебному заведению в достижении учебно-воспитательной цели» [2]. Но «контроль над учениками не ограничивался только стенами гимназии: надзиратели и помощники классных наставников следили за поведением воспитанников на улицах города, в общественных местах. К тому же помощникам классных руководителей вменялось в обязанность посещать квартиры гимназистов, не явившихся на уроки, для выяснения причин их отсутствия. Не приходится удивляться тому, что пропуск занятий без уважительной причины считался в гимназиях большой редкостью» [2].

Показателен опыт Тамбовской гимназии взаимодействия с родителями. Привлекая родителей к осуществлению контроля за детьми, предпринимались шаги, аналогичные Елецкой гимназии. Одно из правил, принятых Тамбовской гимназией, гласит: «Родители, родственники или опекуны учащихся должны быть обязаны подпискою наблюдать за ними в домашней жизни и, кроме того, каждый ученик должен получать от заведения годичный билет с прописанием главнейших его обязанностей» [14].

Невозможно обойти вниманием опыт решения вопроса взаимодействия семьи и школы 4-й московской гимназии, где утвержденные педагогическим советом правила поведения для учеников гимназии были отпечатаны в отдельных тетрадях и розданы ученикам гимназии, а экземпляры вместе с циркулярами разосланы родителям от имени директора. Такими действиями гимназия не только сообщала родителям и родственникам учеников о правилах, которые касаются поведения их детей, но и «брала с родителей подписку в том, что они будут требовать от своих детей точного исполнения всех требований гимназии» [13]. Подобные действия со стороны педагогов нашли положительный отклик, правильное понимание и адекватное реагирование родителей, не преминули положительно сказаться на детях.

Отметим еще один немаловажный фактор, влияющий на сближение образовательного учреждения и семьи, – это личное отношение родителей к директору и педагогам учебного заведения. Безусловно, личность директора, любовь к детям, внимание к родителям – ключ к взаимопониманию педагогов и родителей практически во всех ведущих школах и гимназиях. В этой связи внимание заслуживает директор 1-й московской гимназии П. Н. Погорельский. В книге, посвященной столетию гимназии, И. О. Гобза описывает такой случай, произошедший с П. Н. Погорельским. Сын небогатых родителей-купцов, очень способный и прилежный мальчик, получив начальное образование, по настоянию родителей оставил гимназию и сел за прилавок. П. Н. Погорельский, узнав, что гимназия лишилась хорошего ученика, убедил родителей в необходимости вернуть мальчика в гимназию, чтобы он продолжил обучение. Родители согласились. Мальчик возвратился в гимназию, кончил курс, поступил в университет на медицинский факультет. Это был А. Г. Тарасенков, будущий домашний врач Н. В. Гоголя [1]. Анализируя данную историю, мы еще раз убеждаемся в том, что внимание к детям, взаимопонимание и взаимодоверие педагогов и родителей помогают сформировать личность, дать должное воспитание и образование.

Интересный опыт взаимодействия семьи и педагогов складывается в Рязанской гимназии. Об этом свидетельствуют отчеты Рязанской гимназии: «Родители, следуя советам классных наставников, принимали живое участие в деле воспитания детей. Результаты таковой деятельности выразились в успехах и поведении учеников за 2-ю переписку сравнительно с 1-й. Так, успеваемость всей прогимназии за 1-ю переписку – 3,27; за 2-ю – 3,38. Снизилось значительно количество проступков» [13]. Безусловно, эти меры могли принести пользу только при условии, что сами родители оказывали гимназии должное содействие, что они относились к гимназии с полным доверием (из журнала совещаний 09.11.1869 г.) [13].

К примеру, елизаветградское земское училище решило, что одним из способов выстраивания взаимодействия педагогов и родителей могут стать их доверительные отношения. Обращаясь к воспоминаниям великого русского педагога В. Я. Стоюнина, отмечаем, что этот путь сыграл, без сомнения, положительную роль. «Гласное обсуждение в земском собрании дел училища, свободное посещение уроков родителями сроднили общество с училищем, приобрели ему уважение родителей, которое перенеслось и на детей, – пишет педагог, – дети – ученики охотно подчинялись даже строгим мерам дисциплины и приучались гордиться именем своего училища» [11]. Поэтому исключение ученика – редкий случай в жизни этого училища. Особое чувство вызывают доверительные отношения родительского общества к педагогам, которые особенно проявились в тяжелое время «брожения» среди молодежи. «Родители, опекуны, замечая за своими детьми даже малейшее увлечение пагубными идеями, не страшась за последствия, обращались непо-

средственно к училищу за помощью и общими усилиями охраняли детей от разных веяний времени, отвлекая их от вредных и сомнительных знакомств. Усилия эти не остались бесплодными: ни один воспитанник реального училища не был даже косвенно привлечен к политическим процессам. Итак, благотворность правильных взаимных отношений школы и семьи доказана уже на деле», пишет В. Я. Стоюнин [11].

Приведенные материалы о деятельности гимназий XIX в. по привлечению родителей к сотрудничеству показывают, что каждое учебное заведение находило собственные пути выстраивания взаимодействия с семьей для достижения главной цели – воспитания образованного молодого человека.

Но, к сожалению, не всегда родители с пониманием и отзывчивостью относились к требованиям педагогов. Это негативно сказывалось на поведении и успеваемости детей. Как свидетельствуют архивные материалы, на заседании педагогического совета московской гимназии (14 августа 1832 г.), было рассмотрено «неприличное поведение трех гимназистов, делающее бесчестие всем учащимся». В соответствии с § 205 Устава, гимназистов надлежало исключить из учебного заведения. Но так как родители Соколова, одного из учеников, приняли меры, предложенные педагогами (наказали розгами сына), его оставили в гимназии, исключив двух других учеников, так как их родители «остались безразличными к требованиям педагогов» [1]. Из рассмотренных материалов протокола видно, что педагоги данного учебного заведения, отмечая понимание со стороны родителей, стремление и желание содействовать педагогам в вопросе воспитания, исправления ребенка, «находили возможным ограничиться мерами, принятыми со стороны родителей учеников для улучшения их поведения» [1]. Кроме того, дети, видя единство требований со стороны родителей и учителей, становились более дисциплинированными не только в стенах гимназии, но и вне ее.

Накопленный положительный опыт взаимодействия 1-я Московская гимназия успешно применяла в своей деятельности, о чем свидетельствуют протоколы заседаний педагогического совета гимназии. «Обсудив вопрос о мерах, содействующих улучшению дисциплины среди учащихся, педсовет признал, безусловно, необходимым, чтобы все члены педагогической корпорации возможно чаще беседовали с родителями менее надежных учеников о мерах, которыми могли бы быть устранены замеченные в них недостатки, и чтобы они каждый раз подтверждали родителям, что надзор гимназии за поведением их детей вне школы не будет достигать цели, если они сами не будут принимать деятельного участия в воспитании детей и в надзоре за ними» [1].

Анализируя вышесказанное, необходимо отметить, что в течение всего XIX в. осуществлялась работа по сближению семьи и школы, привлечению родителей к воспитанию и осуществлению контроля за успеваемостью и поведением детей.

Следовательно, вопрос взаимодействия семьи и образовательного учреждения в воспитании был в центре внимания педагогов на протяжении всего XIX века. Изученные и рассмотренные материалы и документы со всей очевидностью говорят о том, что вопрос взаимодействия семьи и школы начинает активно себя утверждать в системе образования именно в XIX в., что во многом обусловлено новым пониманием роли семьи в воспитании подрастающего поколения. Именно в этот период начинает

складываться система взаимодействия, получившая свое развитие в XX в.

Таким образом, взаимодействие утвердилось по следующим направлениям: вовлечение родителей в учебно-воспитательный процесс и участие родителей в управлении школы, педагогическое просвещение родителей, установление доверительных отношений между педагогами и родителями, содействие педагогам в осуществлении контроля за поведением и успеваемостью ребенка, постоянного внимания за его развитием.

Литература

1. Гобза И. О. Столетие Московской гимназии (1804 – 1904 гг.). М.: Синодальная типография, 1903. 403 с.
2. Кузовлев В. П., Перцев В. В., Саввина О. А. Развитие гимназического образования в Орловской губернии: монография. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2006. 236 с.
3. Лебедев П. А. Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в.. М.: Педагогика, 1990. 608 с.
4. Модзалевский Л. Н. Очерки истории воспитания и обучения с древнейших до наших времён. Для педагогов и родителей. СПб: Изд. Н. Г. Мартынова, 1899. Т. 2. 605 с.
5. Недвецкая М. Н. Основы педагогического взаимодействия школы и семьи. М.: АПК и ППРО, 2006. 148 с.
6. Новая школа. М.: Синод. Тип., 1898. 120 с.
7. Острогорский В. Из истории моего учительства. Как я сделался учителем (1851 – 1864). СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1895. 296 с.
8. Плетенева И. Ф. Социально-профессиональная адаптация студентов в отечественной высшей школе в XIX в. Елец, 2007. 250 с.
9. Профессиональный стандарт педагога (проект, февраль 2013 г.). URL: <http://www.sklost-narod.ru/doc/stped13.doc>
10. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 октября 2013 г. № 544н "Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)» ИА "ГАРАНТ". URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70435556>
11. Стоюнин В. Я. Педагогические сочинения. СПб.: Типография Училища глухонемых, 1892. 568 с.
12. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (редакция от 23.07.2013) "Об образовании в Российской Федерации". URL: <http://sudact.ru/law/doc>
13. Центральный государственный исторический архив г. Москвы. Фонд 371. Оп. 1. Д. 64. 1-ая Московская мужская гимназия. Годовой отчет гимназии за 1871 г.
14. Холодный Г. М. Историческая записка Тамбовской гимназии 1786 – 1886. Тамбов: Типо-литография Д. С. Семенова, 1887. 328 с.

Информация об авторе:

Барина Лариса Владимировна – аспирант кафедры педагоги начального обучения Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, заместитель директора по УВР МБОУ СОШ № 21 г. Липецка, barinovalora@mail.ru.

Larisa V. Barinova – post-graduate student at the Department of Primary Education Pedagogics, I. A. Bunin Elets State University, Assistant Director for educational work at School № 21, Lipetsk

Статья поступила в редколлегию 16.06.2014 г.

**ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ВУЗА НА ОСНОВЕ ИНТЕГРАЦИИ КОНТРОЛЯ
И ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ**

А. Т. Галияхметова, Е. В. Артамонова

**INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE UNIVERSITY BASED ON THE INTEGRATION
OF CONTROL AND ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION OF ACADEMIC STAFF**

A. T. Galiakhmetova, E. V. Artamonova

В статье представлены результаты исследования деятельности высших учебных заведений по решению актуальной проблемы – проблемы перехода на инновационное развитие. Одним из важных условий инновационного развития вузов является интеграция контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников (НПР). Целью исследования является разработка и теоретическое обоснование системы интеграции контроля и дополнительного профессионального образования НПР, ориентированной на инновационное развитие образовательной организации. Были использованы такие методы, как анализ существующих систем контроля и дополнительного профессионального образования преподавателей, моделирование, эксперимент и др. Результаты. Предложен подход перехода на инновационное развитие вуза на основе интеграции контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников. Предлагаемый подход может быть применен как в вузах, так и других образовательных организациях.

The paper presents the results of researching activities of higher educational institutions regarding the urgent problem of transition to innovative development. One of the important conditions for the development of innovative high schools is to integrate control and additional professional education of academic staff. The purpose of this study is the development and theoretical basis of integration system of control and additional professional education focused on innovative development of the educational organization. The methods of analysis, modeling, experimenting, etc. were used. As the result, the authors suggest an approach of transition to innovative development of the university based on the integration of control and additional professional education of academic staff. The proposed approach can be applied both at universities and other educational organizations.

Ключевые слова: интеграция, интеграция контроля и дополнительного профессионального образования, инновационное развитие вуза, управление качеством вузовского образования.

Keywords: integration, integration of control and additional professional education, innovative development of the university, management of the quality of high school education.

Решение основных задач модернизации российского образования невозможно без повышения качества и эффективности управления вузом и его подразделениями, повышения качества контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников.

Качество и эффективность контроля и дополнительного профессионального образования педагогических работников во многих образовательных организациях остаются невысокими. Вскрываемые в ходе контроля недостатки в дальнейшем часто не устраняются, они отмечаются и в процессе последующих проверок [1]. Проводимый в настоящее время контроль не реализует своей основной функции – не стимулирует профессорско-преподавательский состав на повышение квалификации, совершенствование профессиональной деятельности. Система дополнительного профессионального образования не всегда полностью удовлетворяет профессиональные потребности и интересы педагогических работников. Об этом свидетельствует также и невысокий уровень конечных результатов работы значительной части образовательных организаций (профессиональная компетентность выпускников), а также не изменяющиеся в положительную сторону условия преподавательского труда. Работа образовательных организаций осущест-

вляется в режиме функционирования, некоторой части – в режиме экстенсивного развития.

Одной из основных причин такого положения является отсутствие необходимой взаимосвязи между такими взаимообусловленными направлениями управленческой деятельности, как контроль и дополнительное профессиональное образование научно-педагогических работников.

Контрольно-оценочная функция работников образования часто рассматривается изолированно от их основных задач, связанных с обеспечением результативности работы и формирования необходимого уровня профессиональной квалификации преподавателя [3].

Система дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников не развивается, функционирует без достаточного учета данных контроля. Научно-методическая работа, повышение квалификации в вузах в основном организуются фронтально, без учета индивидуальных профессиональных затруднений и уровня профессиональной квалификации преподавателя. Слаба практическая направленность научно-методической работы. В основном она проводится в теоретической форме. Отсутствует связь между теоретической и практической формами научно-методической работы.

Значительная часть научно-педагогических работников не заинтересована в фактическом повышении своего профессионализма, ибо труд преподавателя оценивается далеко не по уровню профессиональной квалификации и конечным результатам работы. В процессе контроля не анализируются ход и эффективность практической реализации изучаемых в процессе научно-методической работы и курсовой подготовки достижений педагогической науки и передовой практики.

Исследование подтвердило, что одним из важных направлений повышения эффективности управления, создания вузом и его подразделениями системы устойчивого инновационного развития образовательного учреждения является интеграция контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников.

Интеграция, как общенаучное понятие, рассматривается нами как процесс и результат становления целостности, сопровождаемый уплотнением связей между её составляющими [3]. Общими принципами интеграции являются:

- а) единство информативности (интеграция основана на единстве информационной базы подсистем);
- б) принцип интегрированного целого («выход одной подсистемы является «входом» другой»);
- в) единство методов (общность методов на всех уровнях системы);
- г) многоаспектность и комплексность (интеграция элементов системы осуществляется на всех уровнях управления и по нескольким направлениям деятельности с учетом всех составляющих факторов системы (технологических, материальных, технических, трудовых, финансовых);
- д) гомеостатичность (обеспечение постоянства, сохранности процесса реализации функций системы с учетом обратных связей) и др.

Основой создания любой системы является построение её модели. Построенная нами модель единой системы контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников опирается прежде всего на взаимообусловленность этих процессов (явлений). Контроль работников образования ни в коем случае нельзя рассматривать отдельно от системы их непрерывного профессионального образования (вне системы повышения квалификации), ибо профессиональная квалификация преподавателя, оцениваемая в ходе контроля, формируется в процессе получения профессионального образования (в том числе, и в системе повышения квалификации). В то же время система дополнительного профессионального образования профессорско-преподавательского состава может успешно функционировать лишь в том случае, если она опирается на данные, полученные в ходе контроля. В процессе контроля выявляются профессиональные затруднения и потребности НПП.

В центре этих явлений находится модель основных характеристик профессиональной квалификации преподавателя, основными составляющими которой являются:

- а) требования к профессиональной компетентности научно-педагогического работника (т. е. требова-

ния к его конкретным профессиональным компетенциям);

- б) требования к профессиональной деятельности НПП (требования к эффективности учебного процесса, организуемого преподавателем);

- в) требования к конечным результатам работы преподавателя (к компетенциям студентов).

Для выявления квалификации специалиста необходимо оценивать все три её составляющие. В настоящее время очень важно привести в соответствие требования, предъявляемые при оценке в процессе: а) контроля; б) дополнительного профессионального образования НПП вузов.

Под моделью профессиональной квалификации научно-педагогического работника мы понимаем аппроксимированное (сокращенное) представление таких его значимых характеристик, как:

- а) профессиональная компетентность (профессиональные компетенции);
- б) эффективность профессиональной деятельности;
- в) качество конечных результатов работы.

Основой интеграции является единство информационной базы составляющих компонентов системы [4]. Поэтому моделирование единой системы контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников целесообразно начать с приведения в соответствие требований, предъявляемых при оценке в процессе контроля и повышения квалификации НПП. С этой целью строится модель профессиональной квалификации преподавателя.

В соответствии с данными критериями в процессе контроля заполняется база данных на преподавателя. Обобщение данной информации позволяет в целом определить квалификацию научно-педагогического работника.

Выявленные в процессе контроля пробелы и «западающие» элементы в профессиональной компетентности и деятельности можно дифференцированно устранять в процессе: а) научно-методической работы на уровне структурного подразделения или в целом вуза; б) научно-методической работы на уровне межвузовской работы; в) курсов повышения квалификации.

Интеграция любых объектов ведет к появлению в интегративной системе новых качеств, свойств [5]. Исследование показало, что единая система контроля и повышения квалификации научно-педагогических кадров, кроме традиционных, реализует новые интегративные функции:

- а) маркетинговую (диагностика и формирование образовательных потребностей и профессиональных потребностей педагогов, реклама и пропаганда образовательных возможностей вуза);
- б) мотивационно-целевую (комплексное определение целей в учебном процессе и работе с педагогическими кадрами, комплексная мотивация деятельности по достижению данных целей);
- в) адаптационного развития (реализация ориентационной, коммуникативной, реабилитационной, профилактической функций);

г) инновационного развития (исследовательская, внедренческая функции, функции моделирования и проектирования, концептуализации);

д) регулятивно-коррекционную (установление логико-корреляционных связей между связанными блоками, коррекционная функция).

Реализация интегративных функций способствует повышению качества и эффективности реализации каждой из составляющей.

Обновление организационной структуры управления вузом в условиях единой системы работы с научно-педагогическим кадрами направлено на реализацию интегративных возможностей системы по обеспечению адаптивного и инновационного развития образовательного учреждения. Оно представляет собой создание матрично-полифункциональной структуры, сочетающей вертикальные и горизонтальные связи управления, структуры, включающей в свой состав центры, отвечающие за реализацию конкретной интегративной функции.

В вузе и его структурных подразделениях создаются центры: информационно-аналитический, маркетинга образовательных услуг и профессиональных потребностей педагогов, дополнительного профессионального образования НПП, адаптивного и инновационного развития и т. п.

Содержание, методы и формы работы центров определяются его целями и задачами.

Активная деятельность администрации и научно-педагогического коллектива вуза, ведущая к резким изменениям структуры, функций образовательной организации, определяющих его сущность, способствует переходу на качественно другой уровень развития – инновационный.

Под инновационным развитием вуза мы понимаем качественное изменение образовательной организации на основе реализации инноваций (проведения исследований, внедрения достижений психологической и педагогической науки). Создание механизмов инновационного развития обеспечивает становление системы управления качеством вузовского образования (т. е. управления, обеспечивающего необходимое качество).

Первый уровень характеризует систему работы с научно-педагогическими кадрами по экстенсивному повышению качества образования. Второй уровень системы управления обеспечивает интенсификацию роста показателей качества вузовского образования.

Результаты опытно-экспериментальной работы показали положительное влияние интеграции контроля и дополнительного профессионального образования НПП на основные характеристики развития вуза.

Таким образом, интеграция контроля и дополнительного профессионального образования научно-педагогических работников является важным условием инновационного развития вуза.

Литература

1. Андреева Т. П. Развитие образования в XXI веке. М: РАГС, 2010. 254 с.
2. Безрукова В. С. Педагогическая интеграция: сущность, состав, механизмы реализации и интеграционные процессы в педагогической теории и практике // сб. науч. трудов. Свердловский пед. институт, 1990.
3. Лукичева Л. И. Управление организацией. М: Омега-Л, 2005. 360 с.
4. Теория управления / под ред. А. Л. Гапоненко, А. П. Панкрухина. М: РАГС, 2008. 556 с.
5. Яхонтова Е. С. Эффективные технологии управления персоналом. СПб.: Питер, 2003. 272 с.

Информация об авторах:

Галиахметова Альбина Тагировна – доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук, доцент Казанского государственного энергетического университета, alta261@rambler.ru.

Albina T. Galiakhmetova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages Department, Kazan State Power Engineering University.

Артамонова Екатерина Валерьевна – доцент кафедры «Иностранные языки», кандидат педагогических наук, доцент Казанского государственного энергетического университета, Artamonova_ek@mail.ru.

Ekaterina V. Artamonova – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Foreign Languages Department, Kazan State Power Engineering University.

Статья поступила в редколлегию 05.05.2014 г.

УПРАВЛЕНИЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ РАБОТОЙ ВУЗА НА ОСНОВЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕТОДИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ВУЗА

Т. К. Градусова, Т. А. Жукова

MANAGEMENT OF METHODOLOGICAL WORK IN THE UNIVERSITY ON THE BASIS OF THE PEDAGOGICAL MODEL OF THE WORK OF THE UNIVERSITY'S METHODOLOGICAL DEPARTMENT

T. K. Gradusova, T. A. Zhukova

Статья посвящена проблеме совершенствования системы управления методической работой вуза на основе педагогической модели деятельности методической службы вуза. Описана педагогическая модель деятельности методической службы вуза. Представлены основные результаты использования данной модели при организации методической работы в вузе: повышение методической компетентности преподавателей вуза и готовности студентов к профессиональной деятельности.

The paper is devoted to the problem of improving management system of methodical work in the university on the basis of the pedagogical model of the work of the university's Methodical Department. The model of the work of the university's Methodical Department is described. The main results of using this model for organizing methodological work in the university are: improvement of teachers' methodical competence and students' readiness for professional activity.

Ключевые слова: высшее профессиональное образование, методическая работа в вузе, управления методической службой вуза, модель деятельности методической службы вуза, деятельность преподавателей.

Keywords: higher professional education, methodical work at the University, management of the university's Methodical Department, working model of the university's Methodical Department, teachers' activities.

Основной задачей российской системы высшего профессионального образования является обеспечение качества образования, что предполагает уточнение подходов к управлению педагогическими системами. Сегодня особую значимость приобретает методическая работа в вузе, которая берет на себя функции по реализации инновационных процессов: разработка новых образовательных программ, учебных планов, рабочих программ дисциплин; написание учебной литературы и подготовка методической документации в соответствии с новыми принципами организации учебного процесса и др.

Управление методической работой вуза – далеко не новая научно-практическая проблема. Реформирование системы высшего профессионального образования выявило факты, подтверждающие необходимость создания систем управления качеством образования и педагогических структур, ориентированных на проведение мероприятий, связанных с выполнением методической работы, так как методическая составляющая присутствует во всех ключевых факторах качества образования: качество образовательных программ; качество информационно-методического обеспечения образовательного процесса; качество профессорско-преподавательского состава; качество технологий обучения; качество технологий тестирования и проверки знаний, умений и навыков студентов; качество системы повышения квалификации. Необходимость осмысления и решения проблемы управления методической работой вуза с целью достижения прогнозируемого результата – качества обучения студентов – обусловлена тем, что теория управления образовательными процессами в высшем профессиональном образовании разработана недостаточно, а понятие «управление» для использования в практике образовательных учрежде-

ний требует дальнейшего уточнения (В. П. Симонов, Т. И. Шамова и др.).

В педагогической науке, как показывает анализ научной литературы, сложились предпосылки, позволяющие создавать систему управления методической работой в условиях реализации инновационных методических задач. Разработаны следующие управленческие аспекты: философские проблемы управления (В. Г. Афанасьев); контроль и регулирование внутришкольного управления (Ю. А. Конаржевский, Т. И. Шамова и др.); управление профессиональным ростом учителя (М. М. Поташник); управление методической работой в школе (Н. В. Немова); управление учебно-воспитательным процессом в средней школе на основе системного подхода (В. П. Симонов); управление качеством образовательного процесса в колледже (О. Л. Назарова и др.); управление инновациями в школе (В. С. Лазарев, А. М. Моисеев и др.); управление образовательным процессом в условиях информационного общества (И. С. Бусыгина; Ф. И. Семяшкин и др.); адаптивное управление педагогическими системами (В. С. Кукушин, П. И. Третьяков и др.); обратные связи в управлении педагогическими системами (Л. И. Фишман); управление и мониторинг качества в вузах (Н. К. Горшкова, И. В. Жуковский, В. И. Круглов, В. Ю. Огвоздин, В. С. Соболев, С. А. Степанов и др.); организация и управление учебным процессом вуза при переходе на ФГОС ВПО (Ю. Б. Васенев).

Однако теоретический анализ научной литературы позволяет утверждать, что отсутствуют научные исследования по разработке методологических подходов к управлению методической работой в учреждениях высшего профессионального образования. Среди теоретиков (О. С. Анисимов, Б. М. Бим-Бад, В. П. Бездухов, Н. В. Бордовская, А. Л. Бусыгина, А. А. Вер-

бицкий, С. Л. Гусев, Т. Н. Гущина, Н. В. Зеленко, А. Л. Зубков, И. Ю. Ковалева, Н. В. Кузьмина, А. Н. Леонтьев, М. К. Мамардашвили, А. К. Маркова, А. В. Петровский, Т. И. Руднева, О. А. Тимкина и др.) нет единого мнения относительно сути методических понятий, отсутствует традиция толкования методической компетентности преподавателя вуза как педагогической категории.

В связи с этим требуют более глубокого изучения вопросы организации управления методической службы вуза, в частности на основе создания научно обоснованной нормативной модели целостной системы обучения, обеспечивающей органическую интеграцию вузовского преподавания с наукой и практикой. Фундаментом такой интеграции является учебный процесс,

построенный на основе нормативной модели и принципа взаимной заинтересованности вуза, науки и практики.

Модель деятельности методической службы вуза (автор модели Т. К. Градусова), представлена в таблице, где по горизонтали расположены четыре основных звена, непосредственно занятые в процессе профессионального становления преподавателя вуза: учебно-методическое управление и научно-методический совет, деканаты и кафедры, преподаватели и курсы преподавателей высшей школы. В каждой из вертикальных граф системы выделены цели, функции направления, организационные формы, технологии, методы, программно-методические средства, критерии эффективности профессионального становления.

Таблица

Модель деятельности методической службы вуза

<i>Компоненты системы организационно-методического обеспечения</i>	<i>Научно-методический совет, учебно-методическое управление</i>	<i>Учебно-методические комиссии факультетов, деканаты, кафедры</i>	<i>Преподаватели</i>	<i>Курсы преподавателей высшей школы</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Цели:</i> – социальные,	Формирование учебных планов, отвечающих запросам личности и общества	Формирование личности, соответствующей социальным требованиям	Формирование готовности студентов к профессиональной деятельности, соответствующей социальному статусу	Формирование профессионального мышления, воспитание гражданственности, направленных на гуманизацию общества
– психологические,	Координация действий психологической службы по адаптации студентов к избранной профессиональной деятельности	Создание условий для профессионального становления студента как будущего специалиста	Формирование профессионально значимых качеств личности	Создание творческой атмосферы образовательного процесса
– дидактические,	Обеспечение интеграции всех учебных предметов соответственно конечным целям обучения	Организация образовательного процесса в соответствии с требованиями государственного образовательного стандарта	Формирование профессиональных знаний, умений и навыков	Выявление взаимосвязей научно-исследовательского и учебного процессов в высшей школе, разработка и применение современных образовательных технологий
– воспитательные	Разработка и реализация программ развития личности и коллектива	Формирование ответственного отношения к работе по избранной профессии	Воспитание положительного эмоционального отношения к профессии	Выбор оптимальной стратегии преподавания и целей обучения
<i>Функции:</i> – обучающие,	Координация деятельности факультетов и кафедр по реализации учебных планов	Осуществление деятельности по реализации учебных планов	Обучение специальным знаниям, умениям профессионального труда	Использование результатов научных исследований для совершенствования образовательного процесса
– развивающие,	Внедрение в образовательный процесс передовых педагогических технологий	Организация мероприятий по изучению новых педагогических технологий	Использование на занятиях оптимальных педагогических технологий	Проведение исследований частных и общих проблем высшего профессионального образования

– воспитывающие	Стимулирование и пропаганда передовых педагогических технологий	Поддержка и развитие новых педагогических технологий	Коррекция ценностных ориентаций	Развитие системы ценностей, смысловой и мотивационной сфер личности преподавателя вуза
<i>Содержание деятельности по этапам:</i> 1-й этап – поисковый,	Координация работы факультетов и кафедр по программе профессионального становления творческого специалиста	Обеспечение реализации программы вхождения студента в профессию, успешной адаптации его на этапе вхождения	Ориентация студентов на приобретение навыков творческой работы на занятиях и в самостоятельной работе	
2-й этап – констатирующий,	Изучение и анализ динамики изменений в процессе становления творческого специалиста	Изучение изменения отношения к профессии, стимулирование творчества студентов в процессе учебы	Внедрение, обобщение и использование творческих навыков студентов на аудиторных занятиях и в самостоятельной работе	
3-й этап – формирующий	Руководство разработкой программ становления будущего творческого специалиста	Разработка программ становления будущего специалиста, организация практик по обретению профессии	Семинары, консультации	
<i>Формы:</i> – организация воспитательно-образовательного процесса в университете,	Организация и поддержка повышения педагогического мастерства преподавателей (стажировки, ФПК, ИПК, семинары школы)	Формирование специализаций, проведение практикумов по педагогическому мастерству, экспедиций, педагогических практик	Лекции, семинарские, лабораторные и практические занятия, индивидуальная работа со студентами	
– организация научно-исследовательского процесса,	Организация и поддержка научных школ научно-практических конференций, обобщение опыта и др.	Олимпиады по профессии, защита курсовых и дипломных работ на месте будущей работы, НИРС	Педагогические чтения, творческие отчеты, работа на экспериментальных площадках, проблемные семинары и т. д.	
– организация деятельности во внеурочное время	Совершенствование программы по руководству самостоятельной работой студентов преподавателей	Развитие института кураторов, клубы по интересам, творческие объединения, экспедиции и т. д.	Индивидуальная и групповая работа со студентами в творческих объединениях преподавателей	
<i>Педагогические технологии:</i> – диагностики,	Методы изучения психолого-педагогических условий развития творческих способностей будущего специалиста	Методы изучения качеств, необходимых для креативного профессионала и динамики формирования этих качеств	Методы изучения личности, анализа динамики развития и самосовершенствования	
– формирования качеств личности,	Подготовка сквозных программ профессионального становления творческого специалиста	Проведение имитационных игр, научных и педагогических конференций студентов, аспирантов и преподавателей	Беседы и консультации об особенностях профессии преподавателя, привитие интереса к этой профессии	

– организа- ция позна- вательной деятельно- сти,	Внедрение сквозных программ становле- ния творческого спе- циалиста в практику работы факультетов	Организация и про- ведение просемина- ров, практик по месту будущей ра- боты как метода формирования творческих навыков специалиста	Проведение учеб- ных занятий раз- личных форм с целью формиро- вания профессио- нальных навыков творческого спе- циалиста	
– контроля	Социологическое исследование и ана- лиз уровня сформи- рованности творче- ских способностей студентов	Постановка и реше- ние творческих за- дач, направленных на совершенствова- ние технологии обу- чения студентов и выполнение государ- ственного образова- тельного стандарта	Помощь в осуще- ствлении индиви- дуальных планов становления сту- дента как творче- ского профессио- нала, анализ и кор- рекция деятельно- сти студентов	
<i>Средства обучения:</i>	Интегрированные программы становле- ния студента как творческого профес- сионала	Технологические программы станов- ления творческого профессионала	Новые педагогиче- ские технологии обучения	
<i>Критерии:</i> – познава- тельный компонент,	Владение методами, средствами, приема- ми педагогической деятельности	Овладение инфор- мацией о новых педагогических технологиях	Наличие компо- нента педагогиче- ского мастерства	
– эмоцио- нальный компонент,	Положительное от- ношение к препода- вательской деятель- ности в вузе	Устойчивое поло- жительное отноше- ние к преподава- тельской деятельно- сти в вузе	Полное удовле- творение педаго- гической деятель- ностью	
– деятель- ностный компонент,	Активная позиция в овладении новыми педагогическими и информационными технологиями	Активная позиция в овладении знаниями по дидактике педа- гогических и ин- формационных тех- нологий	Активное стрем- ление к повыше- нию профессио- нального мастер- ства	
– волевой компонент	Наличие волевых усилий при овладе- нии педагогическими технологиями	Уверенность в пре- одолении трудностей в профессиональной деятельности	Стремление к со- вершенствованию профессионально значимых качеств	

При построении модели деятельности методиче-
ской службы вуза Т. К. Градусова определила социаль-
ные, психологические, дидактические и воспитатель-
ные цели для трех основных субъектов, обеспечиваю-
щих педагогический процесс: учебно-методическое
управление (УМУ) и научно-методический совет
(НМС), деканаты и кафедры, преподаватели.

УМУ и НМС, деканаты и кафедры, преподаватели,
находясь на своем уровне влияния на воспитательно-
образовательный процесс вуза, должны определять
цели деятельности по-разному. Характер деятельности
НМС: координация работы всех подразделений вуза,
деканатов и кафедр – обеспечивающий работу факуль-
тетов, преподавателей – формирования профессио-
нальные творческие умения и навыки студентов. Цели
(а далее и другие компоненты системы организацион-
но-методического обеспечения) сформулированы нами
в соответствии с характером деятельности, ориентиру-

ванной на конечные результаты – подготовку творче-
ского специалиста в вузе.

Социальные цели: разработка учебных планов, от-
вечающих запросам личности и общества; формиро-
вание личности, соответствующей социальным требова-
ниям; формирование готовности студентов к профес-
сиональной деятельности, соответствующей социаль-
ному заказу.

Психологические: координация действий психоло-
гической службы по адаптации студентов к избранной
профессиональной деятельности: создание условий для
профессионального становления студента как будуще-
го профессионала; формирование профессионально
значимых качеств личности.

Дидактические: обеспечение интеграции всех
учебных предметов относительно конечных целей обу-
чения; организация образовательного процесса в соот-
ветствии с требованиями государственного образова-

тельного стандарта; формирование профессиональных знаний, умений и навыков.

Воспитательные: разработка и реализация программ развития личности и коллектива; формирование ответственного отношения к работе по избранной профессии; воспитание положительного эмоционального отношения к профессии.

Для реализации поставленных целей были определены функции, имеющие свое проявление в деятельности всех звеньев системы.

Обучающие: координация деятельности факультетов и кафедр по разработке учебных планов; осуществление деятельности по реализации учебных планов; обучение специальным знаниям, умениям профессионального труда.

Развивающие: внедрение в образовательный процесс передовых педагогических технологий; организация мероприятий по изучению новых педагогических технологий; использование на занятиях оптимальной педагогической технологии.

Воспитывающие: стимулирование и пропаганда передовых педагогических технологий; поддержка и развитие новых педагогических технологий; коррекция ценностных ориентаций.

Содержание деятельности определялось поэтапно:

1-й этап. Поисковый: координация работы факультетов и кафедр по программе профессионального становления специалиста; обеспечение реализации программы вхождения студента в профессию, успешной адаптации его на этапе вхождения; ориентация студентов на приобретение навыков творческой работы на занятиях и в самостоятельной работе.

2-й этап. Констатирующий: изучение и анализ динамики изменений в процессе становления специалиста; изучение изменений отношения к профессии, стимулирование творчества студентов в процессе учебы; внедрение, обобщение и использование творческих навыков студентов на аудиторных занятиях и в самостоятельной работе.

3-й этап. Формирующий: руководство разработкой программ становления будущего творческого специалиста; разработка программ становления профессионала, организация практик в выбранной профессиональной области; семинары, консультации.

В соответствии с целями, функциями и содержанием деятельности, были определены формы организации воспитательно-образовательного и научно-исследовательского процессов и самостоятельной работы студентов и преподавателей.

Организация воспитательно-образовательного процесса включала организацию и поддержку повышения педагогического мастерства преподавателей (стажировки, ФПК, ИПК, семинары, школы); формирование специализаций, проведение практикумов по педагогическому мастерству, экспедиций, педагогических практик; лекции, семинарские, лабораторные и практические занятия, индивидуальная работа со студентами.

Организация научно-исследовательского процесса включала организацию и поддержку научных школ, научно-практических конференций, обобщение педагогического опыта и др.; олимпиады по профессии, защита курсовых и дипломных работ на месте будущей работы, НИРС; педагогические чтения, творческие

отчеты, работа на экспериментальных площадках, проблемные семинары и т. д.

Организация деятельности во внеучебное время включала совершенствование программы по руководству самостоятельной работой студентов и преподавателей; развитие института кураторов, клубы по интересам, творческие объединения, экспедиции и т. д.; индивидуальная и групповая работа со студентами в творческих объединениях преподавателей.

Педагогические технологии делятся на группы: диагностики, формирования качеств личности, организации деятельности и контроля. К соответствующим группам были отнесены:

К технологиям диагностики – методы изучения психолого-педагогических условий развития творческих способностей будущего профессионала; методы изучения качеств, необходимых для специалиста и динамики формирования этих качеств; методы изучения личности, анализа динамики развития и самосовершенствования и др.

К технологиям формирования качеств личности – подготовка сквозных программ профессионального становления специалиста; проведение имитационных игр, научных и педагогических конференций студентов и аспирантов; беседы и консультации об особенностях будущей профессии, привитие интереса к этой профессии и др.

К технологиям организации деятельности – внедрение сквозных программ становления специалиста в практику работы факультетов; организация и проведение просеминаров, практик по месту будущей работы как метода формирования творческих навыков специалиста; проведение учебных занятий различных форм с целью формирования профессиональных навыков специалиста др.

К технологиям контроля – социологические исследования и анализ уровня сформированности творческих способностей студентов; постановка и решение творческих задач, направленных на совершенствование технологии обучения студентов и выполнение государственного образовательного стандарта; помощь в осуществлении индивидуальных планов становления студента как специалиста, анализ и коррекция деятельности студентов и др.

Обобщенными средствами достижения цели становления специалиста являются интегрированные программы обучения и воспитания студента в вузе, которые разрабатываются на факультетах, рассматриваются и утверждаются научно-методическим советом и внедряются в практику под руководством учебно-методического управления. Деканаты и кафедры в свою очередь детально разрабатывают технологию внедрения интегрированных программ становления специалиста, корректируют содержание и формы обучения и воспитания. Преподаватели факультета и межкафедрских кафедр, используя технологии обучения, на аудиторных занятиях и в индивидуальной работе, формируют у студентов необходимые профессиональные умения и навыки специалиста.

Как показала практика применения, разработанная Т. К. Градусовой модель методической службы вуза отвечает потребностям практической деятельности профессорско-преподавательского коллектива вуза для

реализации основной задачи: подготовка, становление и развитие специалиста. Эффективность решения этой задачи обусловлена комплексностью мероприятий по методическому обеспечению воспитательно-образовательного процесса. В частности, в процессе реализации модели методической службы вуза был создан комплект из методических и учебного пособий, отражающих опыт управления методической работой вуза на основе педагогической модели деятельности методической службы вуза в условиях реализации ФГОС третьего поколения в него вошли:

1) методическое пособие «Современные образовательные технологии в учебном процессе вуза», которое даёт систематизированное и полное представление о новой отрасли знания в системе наук об образовании – технологии обучения студентов. В методическом пособии рассматриваются теоретико-методологические вопросы организации деятельности методической службы вуза, использование педагогических технологий в контексте стандартов третьего поколения: суть, структура, функции, принципы, условия успешного функционирования в воспитательно-образовательном процессе вуза [2];

2) методическое пособие «Педагогические технологии и оценочные средства для проведения текущего и промежуточного контроля успеваемости и итоговой аттестации студентов», в котором представлены актуальные педагогические технологии в образовательном процессе высшей школы. Охарактеризованы особенности применения активных и интерактивных форм учебных занятий в аудиторной учебной работе, особенности современных вузовских средств оценивания результатов обучения, формы текущего и промежуточного контроля знаний по дисциплине. Опираясь на опыт КемГУ, даны рекомендации по применению конкретных педтехнологий при формировании основных компетенций [3];

3) учебное пособие «Педагогические технологии и оценочные средства для проведения текущего и промежуточного контроля успеваемости и итоговой аттестации студентов», в котором раскрывается компетентностный подход в современном российском образовании; охарактеризованы педагогические технологии и формы проведения занятий, используемые в аудиторной и самостоятельной учебной работе, особенности применения активных и интерактивных форм учебных занятий; представлены основные формы контроля и оценивания [1].

Основные преимущества комплекта пособий, отражающих опыт управления методической работой вуза на основе педагогической модели деятельности методической службы вуза в условиях реализации ФГОС третьего поколения заключаются в том, что:

- представленный в комплекте пособий теоретический материал в полной мере ориентирован на реализацию принципа научности, что выражается прежде всего в том, что предлагаемый материал отражает современные подходы к анализу и характеристике явлений педагогической действительности, разные точки зрения по рассматриваемым вопросам. Содержание теоретического материала направлено также на повышение уровня теоретического мышления преподавателей, студентов и во

многом связано с овладением понятийным аппаратом педагогической науки на достаточно высоком уровне теоретического обобщения;

- предлагаемые в комплекте теоретический и практический материалы носят практико-ориентированный характер,

- методика работы с данными пособиями ориентирована на организацию самостоятельной работы – один из приоритетов педагогического процесса в современном образовательном учреждении.

- в небольшом объеме учебного пособия, четкой структуре работы, соответствующую содержанию и требованиям, предъявляемым к методическим и учебным пособиям;

- работа с данным комплектом пособий позволяет реализовать ряд психолого-педагогических функций: стимулирующую, побуждающую каждого магистра к достижению более высокого учебного результата; обучающую, связанную с самостоятельным изучением материала, поиском правильного ответа на предложенное задание; воспитывающую, направленную на развитие таких качеств как самостоятельность, способность к адекватной самооценке, рефлексии и др.; коррекционную, направленную на определение и устранение пробелов в знаниях магистра; констатирующую, позволяющую определить и объективно оценить уровень знаний магистра.

Представленная модель и комплект пособий, отражающий опыт управления методической работой в вузе позволили оптимально организовывать методическую работу в образовательном пространстве вуза и повысить квалификацию преподавателей. Пособия, входящие в комплект были использованы преподавателями высших учебных заведений при чтении лекционных курсов и проведении практических занятий на факультетах повышения квалификации, в подготовке и профессиональной переподготовке преподавателей и специалистов методических служб вузов с целью повышения уровня их методической компетентности, руководителями вузов с целью организации и управления методической работой вуза. Данные модель и комплект пособий были положены в основу разработки ряда методических мероприятий, проведенных в КемГУ. Среди них:

Серия внутриуниверситетских методических семинаров по проблемам организации перехода на ФГОСы:

- «Особенности ФГОСов 3-го поколения»;
- «Нормативно-методические и технологические аспекты перехода на уровневое образование»;
- «Технологические аспекты реализации модели уровневого ВПО»;
- «Технологии сопровождения самостоятельной работы студентов» и др.

Проблемы перехода на уровневую систему ВПО в повестках научно-методического совета:

- О разработке вузовской нормативно-правовой базы внедрения уровней системы ВПО по разделу «Оценка качества освоения ООП»;
- О реализации программ подготовки магистров (организация учебного процесса, научно-исследовательской работы, практик, итоговой государственной аттестации);
- О ходе подготовки к аккредитации ООП:

- магистратуры: «Экономика», «Менеджмент», «Филология», «Психология», «Социальная работа», «Математика», «Прикладная математика и информатика», «Биология»;
 - бакалавриат: «Социология», «Юриспруденция»;
 - разработка и внедрение модульно-рейтинговой оценки знаний (по материалам семинаров на историческом, физическом, химическом факультетах);
 - результаты мониторинга подразделений факультетов и кафедр университета по переходу на уровневую систему ВПО;
 - анализ внедрения новых форм, методов и опыта по итогам повышения квалификации сотрудниками кафедр факультетов;
 - опыт развития процессов социального партнерства университета и работодателей на математическом факультете, факультете политических наук и социологии, физической культуры и спорта;
 - осуществление компетентного подхода и применение интерактивных форм и технологий обучения в воспитательно-образовательном процессе вуза (по результатам учебно-методического семинара преподавателей кафедры педагогики).
- Научно-методические семинары факультетов:
- «Разработка и внедрение кредитно-модульной формы обучения и преподавания; модульно-рейтинговая оценка знаний» (ФИИМО);
 - «Оценочные средства в условиях компетентного подхода» (ЭФ);
 - «Электронные образовательные ресурсы и информационные технологии в образовательном процессе» (кафедра информационных технологий в образовании);
 - «Применение Интернет-технологии «веб-квест» как средства организации самостоятельной работы студентов в условиях перехода на ФГОС» (ФРГФ);
 - «Осуществление компетентного подхода и применение интерактивных форм и технологий обуче-

ния в воспитательно-образовательном процессе вуза» (межвузовская кафедра общей и вузовской педагогики);

- «Технологии руководства самостоятельной работой студентов» (БФ);
- «Качество образования на физическом факультете – пути решения проблемы» (ФФ)
- «Инновационные методы в учебном процессе» (ЮФ).
- Перспективная программа учебно-методического обеспечения ФГОС:
- разработка УМК по всем дисциплинам;
- обеспечение учебных дисциплин учебными и учебно-методическими материалами, разработанными ППС вуза;
- подготовка ЭОР для обеспечения учебного процесса по курсам и дисциплинам.

В целом, практика организации управления методической работой вуза на основе педагогической модели деятельности методической службы вуза позволило повысить:

- методическую компетентность преподавателей вуза;
- готовность студентов к освоению и разработке инноваций в профессиональной сфере, к продуктивному профессиональному взаимодействию в коллективе, к принятию решений в ходе выполнения нестандартных профессиональных задач, к профессиональной деятельности.

Отмечено увеличение числа студентов, освоивших все дидактические единицы содержания дисциплин циклов образовательных программ и реализующих возможность обучения с целью получения дополнительной профессиональной квалификации и развития способностей к проведению научных исследований.

Литература

1. Градусова Т. К., Жукова Т. А. Педагогические технологии и оценочные средства для проведения текущего и промежуточного контроля успеваемости и итоговой аттестации студентов: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2013. 100 с.
2. Современные образовательные технологии в учебном процессе вуза: методическое пособие / авт.-сост. Н. Э. Касаткина [и др.]; отв. ред. Н. Э. Касаткина. Кемерово, «КРИПО», 2011. 184 с.
3. Педагогические технологии и оценочные средства для проведения текущего и промежуточного контроля успеваемости и итоговой аттестации студентов: методическое пособие; тексто-графические учебные материалы / сост. Т. К. Градусова, Т. А. Жукова, О. В. Семендяева. Текстовое электронное издание (39 Мб). Кемерово: КемГУ, 2013. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM)

Информация об авторах:

Градусова Тамара Константиновна – кандидат педагогических наук, доцент, начальник учебно-методического управления КемГУ, tkgradusova@kemsu.ru.

Tamara K. Gradusova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Head of the Educational and Methodical Department, Kemerovo State University.

Жукова Татьяна Александровна – кандидат педагогических наук, доцент межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, Arik_00@list.ru.

Tatiana A. Zhukova – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Inter-University Department of General and Higher Education Pedagogics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.03.2014 г.

ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВ И МЕТОДЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Н. Э. Касаткина, Е. С. Брыксина

AGE PECULIARITIES OF TEENAGERS AND METHODS OF EDUCATIONAL PROCESS ORGANIZATION

N. E. Kasatkina, E. S. Bryksina

Рассмотрены основные проблемы, связанные с возрастными особенностями подростков. Задачей нашего исследования являлось рассмотрение эффективных методов организации образовательного процесса.

В ходе исследования были выявлены основные возрастные особенности подростков. На основании исследования были предложены педагогические методы, направленные на повышение уровня мотивации школьников. В качестве педагогических методов выступили дидактические игры, организация внеурочной деятельности разновозрастного характера.

Предложенные педагогические методы позволяют эффективно решать проблему организации образовательного процесса подростков, учитывая возрастные особенности.

The paper focuses on age peculiarities of teenagers and effective methods of educational process organization. Basing on the research that revealed the main age peculiarities of teenagers, the authors suggest some pedagogical methods aimed at increasing the students' motivation, such as didactic games and organization of different extracurricular activities.

The proposed pedagogical methods allow to solve the problem of organizing educational process for teenagers, taking into account their age peculiarities.

Ключевые слова: Возрастные особенности подростков, учебная деятельность, устойчивость и продуктивность внимания школьников подросткового возраста, педагогические технологии, дидактические игры, внеурочная деятельность, разновозрастная группа, познавательная активность школьников.

Keywords: age peculiarities of teenagers, educational activity, productivity and sustainability of attention in teenage students, educational technology, educational games, extracurricular activities, mixed-age group, cognitive activity of students.

Учет возрастных особенностей – один из основополагающих педагогических принципов. Опираясь на него, учителя распределяют нагрузку для школьников, координируют распорядок дня.

Актуальность заявленной темы обусловлена: во-первых, необходимостью учета возрастных особенностей школьника, для грамотного построения учебного процесса, во-вторых, необходимостью нововведений в процесс воспитания и обучения с целью повышения эффективности преподавания.

Особенности, характерные для подросткового возраста

Детство принято делить на периоды, характеризующиеся качественным своеобразием психофизиологических признаков в том или ином возрасте:

- младенческий – от рождения до 1 года, причем в нем выделяется специально первый месяц – период новорожденности;
- преддошкольный возраст – от 1 года до 3 лет;
- дошкольный возраст – от 3 до 7 лет;
- младший школьный возраст – от 7 до 11 – 12 лет;
- средний школьный возраст (подростковый) – от 12 до 15 лет;
- старший школьный возраст (юношеский) – от 15 до 18 лет.

Определение границ этих периодов является условным, так как наблюдается большая вариативность в этом отношении [1, с. 347].

Предметом нашего исследования послужил средний школьный возраст, который, как известно, характеризуется своей избирательностью. Подросток находится на рубеже возрастов. Он уже не в детстве, но еще не вступил в юность. Сама пограничность положения носит неустойчивый характер, что влечет за собой массу противоречий и трудностей. То, что побуждало учащегося активно учиться и познавать новое уже не актуально, а дальнейшие перспективы еще не доступны. Увеличивается нагрузка на подростка, изучаемых предметов становится больше, коллектив педагогов растет. Соответственно растут и требования, предъявляемые к ученику. Эти факторы могут способствовать отчуждению ребенка от познавательного процесса [1, с. 136].

Увлеченность – одна из особенностей, характерных данному возрасту. Подросток в этот период очень активно проявляет себя во внеурочной деятельности. У него масса интересных для него дел, что оставляет мало времени для подготовки к учебной деятельности. Это, естественно, вредит обучению и воспитанию. В этот период подросток все чаще задает вопросы «Зачем?», «Почему?». Он уже не принимает на веру те знания, которые дает ему учитель и требует объяснений. Ему интересна глубина вопроса, что свидетельствует, с одной стороны об увлеченности, с другой – о неумении воспринимать теоретический материал, который он трактует с точки зрения своих практических узких целей [2, с. 234].

Ярко проявляет себя подросток в играх. Подвижные игры с элементами соперничества становятся излюбленным занятием школьников. Также важное место занимают и интеллектуальные игры, такие как шахматы и т. д.

Проведенное нами исследование показало, что в школьном обучении учебные предметы начинают выступать для подростков как особая область теоретических знаний. Они знакомятся со множеством фактов, готовы рассказать о них или даже выступить с короткими сообщениями на уроке. Однако подростков начинают интересовать не факты сами по себе, а их сущность, причины их возникновения, но проникновение в сущность не всегда отличается глубиной. Образы, представления продолжают занимать большое место в мыслительной деятельности подростка. Часто детали, мелкие факты, подробности мешают выделить главное, существенное и сделать необходимое обобщение. Для подростков, как и для младших школьников, характерна установка скорее на запоминание материала, чем на обдумывание и глубокое осмысливание.

Как отмечает Л. С. Выготский, для подростков характерно формирование идеала. Идеал для подростка это образ, которому школьник стремится подражать как внешне, так и внутренне. Чаше это герой из какого-нибудь кинофильма, реже – реальный человек. Это обусловливается тем, что, несмотря на взросление, подросток продолжает жить в иллюзорном придуманном мире, что может привести к замыканию и отчуждению [1, с. 167].

На эмоционально-волевом «фронте» подросток проявляет себя бурно и страстно. На малейшую критику или замечание может последовать очень эмоционально-негативная реакция. Раздраженность, недоверие, слабость самоконтроля сопутствуют подростковому возрасту. У кого-то это проявляется ярче, у кого-то слабее. Это приводит к обрывочности действий. Но с другой стороны, если деятельность вызывает у школьника бурные положительные эмоции, то он может долго и сосредоточенно заниматься данной деятельностью. Очень хорошо развита самостоятельность в этом возрасте, ученик на занятии чаще старается сделать сам, нежели списать с доски, старается понять и запомнить не только алгоритм действий, но и выяснить причину, почему данный алгоритм организован так, а не иначе.

Дружба в подростковом возрасте носит более длительный характер, которая может сохраниться на всю жизнь. Коллектив, общество, в котором находится школьник является для него всем, мнение товарищей становится важным. У подростков начинают складываться относительно устойчивые и независимые от случайных влияний моральные взгляды, суждения, оценки, убеждения. Причем в тех случаях, когда моральные требования и оценки ученического коллектива не совпадают с требованиями взрослых, подростки часто идут за моралью, принятой в их среде, а не за моралью взрослых. У подростков возникает своя система требований и норм, и они могут упорно их отстаивать, не боясь осуждения и наказания со стороны взрослых. Этим объясняется, видимо, стойкость некоторых «моральных установок», которые из

года в год существуют в среде школьников и почти не поддаются педагогическому воздействию, например, осуждение тех учащихся, которые не дают списывать или не хотят подсказывать на уроке, и вполне добродушное, даже поощрительное отношение к тем, кто списывает и пользуется подсказкой. Но вместе с тем мораль подростка оказывается еще недостаточно стойкой и может меняться под влиянием общественного мнения товарищей. Это особенно заметно, когда ученик переходит из одного класса в другой, где существуют иные традиции, требования, общественное мнение, которое он и принимает.

Таким образом, проведенное нами исследование позволило выделить некоторые особенности характерные для подросткового возраста: избирательность деятельности; увлеченность; самостоятельность; сильное влияние общественного мнения, коллектива; слабость самоконтроля; подражание; замкнутость; трудность применения теоретических знаний на практике; подвижность и др.

Учитывая выше перечисленные особенности, нами было проведено исследование, которое отразило устойчивость и продуктивность внимания школьников подросткового возраста (рис. 1).

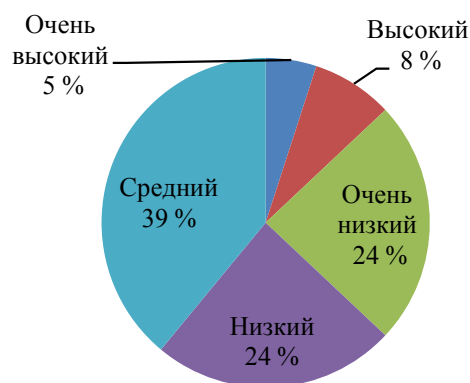

Рис. 1. Уровень продуктивности и устойчивости внимания школьников подросткового возраста

Из рисунка видно, что подавляющее большинство подростков обладают средним уровнем устойчивости внимания – 39 %, низким и очень низким уровнем обладают по 24 % испытуемых, высоким – 8 %, очень высоким – 5 %. Можно сделать вывод, что, действительно, уровень устойчивости и продуктивности внимания у школьников подросткового возраста очень нестабилен, следовательно, строя процесс обучения и воспитания, мы считаем целесообразным учитывать эти данные. Организовывать занятия таким образом, чтобы внимание подростков не рассеивалось, а было направленно на предмет исследования. Этого можно было добиться, только заинтересовав учащегося процессом и результатом обучения. Дать правильную положительно настроенную мотивацию, пойти навстречу ребенку. Исследование показало, что добиться этого можно используя различные педагогические технологии. Рассмотрим дидактические игры.

Дидактическая игра как педагогическая технология

«Без игры нет и не может быть полноценного умственного развития. Игра – это огромное светлое окно, через которое в духовный мир ребенка вливается живительный поток представлений, понятий. Игра – это искра, зажигающая огонек пытливости и любознательности», так писал В. А. Сухомлинский – талантливый педагог и человек большой душевной щедрости, посвятивший свою жизнь детям и раздумьям об их воспитании [6, с. 234].

Игра по своей природе синтетична, она органично объединяет эмоциональный и рациональный виды мотивации познавательной деятельности. Дидактическая игра является одной из уникальных форм, позволяющих сделать интересной и увлекательной не только работу учащихся на творческо-поисковом уровне, но и будничные шаги по изучению материала, которые осуществляются в рамках воспроизводящего и преобразующего уровней познавательной деятельности – усвоение фактов, дат, имен и др. В своем исследовании мы использовали следующую классификацию игр:

– *репродуктивные игры*, в которых обучаемые воспроизводят известную им информацию, припоминают, узнают знакомые явления, разгадывают или угадывают, применяя неспецифические игровые действия (кроссворды, ребусы, загадки, мозаики);

– *манипуляционные игры*, в которых играющие осуществляют действия по определенной схеме, алгоритму; с помощью таких игр отрабатываются умения и навыки (домино, шашки, лото, карты по различным учебным предметам);

– *частично-поисковые (эвристические) игры*, в которых ученики вырабатывают собственный способ решения, создать свой алгоритм, комбинируя известные алгоритмы или создавая нечто субъективно новое, в этих играх возможно не только логическое решение, но и решение методом проб и ошибок, возврат к исходному пункту и рефлексия. Конечный результат однозначен (игры расследования, моделирования, некоторые ролевые, деловые и логические игры);

– *креативные игры*, особенность деятельности в этих играх заключается в том, что конечный результат неоднозначен, вообще никому не известен, оригинален, нет готовых средств для решения игровой задачи, решений множество (метод генерации идей, ситуативные игры, проектирование) [3, с. 67].

Также нами было проведено исследование усвояемости материала данного в форме традиционного урока (рис. 2) и в форме игры (рис. 3).

Таким образом, из рисунка видно, что процент усвоенных знаний, данных в форме игры, выше на 13 %, следовательно, проведение таких уроков будет эффективным средством повышения уровня продуктивности и устойчивости внимания.

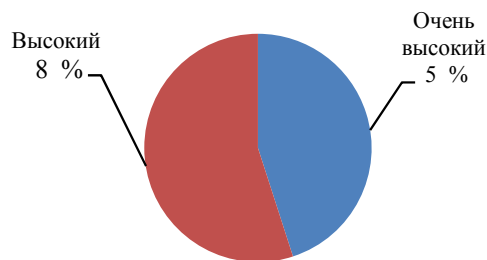

Рис. 2. Оценка усвоенности знаний учащимися в условиях традиционного урока

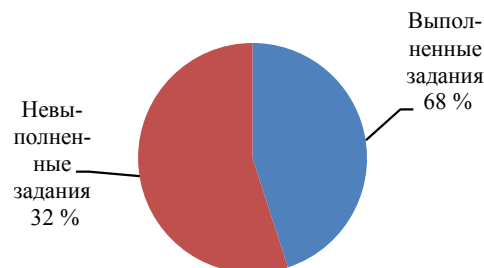

Рис. 3. Оценка усвоенности знаний учащимися в условиях урока, проведенного в форме игры

Организация внеурочной деятельности разновозрастного характера

Важное место мы отводим организации учебной и внеурочной деятельности. Кружки, клубы, группы и т. д., которые формируются по интересам, помогают педагогам направить энергию подростка в полезное русло. Причем организация такого сообщества носит разновозрастной характер, что вносит разнообразие и новшество в коммуникацию между детьми. В такой группе подросток может примерить на себя роль наставника, товарища, ученика и открыть для себя новые ощущения и впечатления, что поможет удержать внимание учащегося.

Попадая в разновозрастную группу, подросток видит то, к чему он реально может стремиться, понимает, что если другие ученики это делают, то значит, и он сам может этого достичь сейчас, или когда чуть-чуть постареется. У подростка появляется стимул к действиям, его деятельность начинает носить целенаправленный характер. Если сообщество организовано на основе глубокого изучения какого-либо школьного предмета, то неизменно идет повышение успеваемости по этому предмету. Нередко возникает цепная реакция, и подросток начинает подтягивать остальные дисциплины, так сказать для «соответствия». Дети тянутся за старшими, учатся у них, перенимают правила поведения, способы решения конфликтов, а так же, конечно, хотят повторить то, чем занимаются старшие – например, интересуются более сложным материалом. Старшие, объясняя что-то младшим, сами лучше понимают суть излагаемого, кроме того, тренируются доносить свои мысли, развивая при этом речь, терпение, умение объяснять.

Также полезно пребывание в разновозрастной группе с точки зрения эмоционального фона. Роль педагога в таком сообществе нередко сводится к организаторской, нежели к руководящей. А это значит, подросток не будет испытывать давление авторитета педагога, навязывания мнения и суждения учителя. В такой группе подросток чувствует себя вольным и раскованным, что способствует развитию творческого начала. Вольность мыслей и неприятие авторитета признанных ученых и исследователей, нередко осуждается педагогами. Боязнь получить плохую отметку, заставляет подростка держать свое мнение при себе, что недопустимо. Талантливые и одаренные дети нередко страдают застенчивостью, что не дает им возможности отстаивать свое мнение, доказывать верность своих суждений. Разновозрастная группа, организованная во внеурочной деятельности отличное решение для полета фантазии таких детей.

Общение детей разных возрастов, объединенных общей целью явление интересное и уникальное. На-

блюдая за развитием такой группы, можно увидеть будущих педагогов, руководителей, хороших исполнителей, истинных лидеров и т. д. Увидев это, педагог может лучше проникнуть в сущность каждого ребенка, понять его стремления и желания, что приведет к более эффективной организации обучения и воспитания.

В разновозрастной группе ребенок видит как своё «будущее» – старших, самостоятельных детей, так и «прошлое» – школьников, которые нуждаются в помощи, поддержке. Возможно, это учит ребёнка мыслить более глубоко, искать связи в окружающем мире.

Таким образом, исследование, проведенное нами, позволило нам рассмотреть возрастные особенности познавательной активности школьников, присущие подростковому возрасту, а также пути организации воспитания и обучения с учетом этих особенностей.

Литература

1. Выготский Л. С. Педагогическая психология. М., 1996. 340 с.
2. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Педагогика, 1968. 321 с.
3. Люблинская А. А. Детская психология. М.: Просвещение, 1971. 415 с.
4. Маркова А. К., Матис Т. А., Орлов А. Б. Формирование мотивации учения: книга для учителя. М.: Просвещение, 2000. 192 с.
5. Подласый И. П. Педагогика: учебник для студ. пед. вузов: в 2 кн. М.: ВЛАДОС, 2001. Кн. 1: Общие основы. Процесс обучения. 576 с.
6. Сухомлинский В. А. Сердце отдаю детям. М.: Педагогика, 1983. 318 с.

Информация об авторах:

Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ, kasatkina@kemsu.ru.

Natalia E. Kasatkina – Doctor of Pedagogics, Professor, Head of the Inter-University Department of General and Higher Education Pedagogics, Kemerovo State University.

Брыксина Екатерина Сергеевна – аспирантка межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, koshk-ekaterina@yandex.ru.

Ekaterina S. Bryksina – post-graduate student at the Inter-University Department of General and Higher Education Pedagogics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.05.2014 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАПРАВЛЕННОСТИ СТАРШЕКЛАССНИКОВ НА ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Е. В. Кожина, Т. Н. Мартынова

THEORETICAL ASPECTS OF PROBLEM FORMATION OF DIRECTIVITY SENIOR PUPILS ON A HEALTHY LIFESTYLE

E. V. Kozhina, T. N. Martynova

Статья посвящена обзору научных идей и подходов в исследовании феномена здорового образа жизни. В статье обосновываются существенные характеристики, компоненты, критерии, показатели и уровни сформированности направленности на здоровый образ жизни у старшеклассников.

Article reviews the scientific ideas and approaches in the study of the phenomenon of a healthy lifestyle. The article substantiates the essential characteristics, components, criteria, indicators and levels of the formation of directivity on a healthy lifestyle the senior pupils.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, направленность на здоровый образ жизни, формирование направленности на здоровый образ жизни у старшеклассников.

Keywords: healthy lifestyle, directivity on a healthy lifestyle, formation of directivity on a healthy lifestyle among senior pupils.

Здоровье народа – важнейший индивидуальный и общественный ресурс, и поэтому общество должно быть заинтересовано в увеличении числа здоровых граждан. Однако в настоящее время наблюдается ухудшение здоровья современного человека. Это актуализирует проблему формирования здорового образа жизни как интегративного феномена.

Подростающее поколение является наиболее уязвимой группой населения и служит своеобразным «барометром» социального благополучия общества и изменений в здоровье населения в последующие годы. По данным официальной статистики в 2010 году среди детей, которые обучались в школах, в целом не разделяя на возрастные группы, т. е. с начальной школы до окончания, абсолютно здоровы были только 20,7 % [6].

Наиболее неблагоприятная ситуация сложилась среди школьников возрастных групп 10 – 14 лет и 15 – 17 лет: только 2 – 2,5 % детей могут быть признаны здоровыми, 28,5 % имеют функциональные нарушения, 69 % детей страдают хроническими заболеваниями. Среди болезней, имеющих очень высокую медико-социальную значимость, следует отметить нарушения органов репродуктивной сферы у девушек. В целом, показатели общей заболеваемости среди детей старшего подросткового возраста (15 – 17 лет) увеличились вдвое за последние десять лет [1].

Сложившаяся ситуация усугубляется недостатком у школьников знаний о здоровье, представлений о ЗОЖ, недостаточным уровнем организации работы в образовательных учреждениях по сохранению здоровья обучающихся.

Модернизация в сфере российского образования, происходящая в последнее десятилетие, в первую очередь затрагивает проблемы формирования человека и гражданина, интегрированного в современное общество, а следовательно, успешного в различных областях жизнедеятельности. Таким может быть здо-

ровый человек, который ориентирован на здоровый образ жизни (ЗОЖ).

На государственном уровне признается, что главным направлением внутренней политики государства должно стать сохранение, укрепление и развитие здоровья подрастающего поколения и молодежи, формирование у них здорового образа жизни и сознательного отношения к нему. Эта идея нашла отражение в важнейших государственных документах, определяющих стратегию развития образования: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» (утверждена Президентом Российской Федерации 4 февраля 2010 года № Пр-271) и т. д.

В ходе реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа» определено одно из основных направлений этого плана – сохранение и укрепление здоровья школьников. Данное направление должно обеспечить решение всего спектра вопросов, касающихся здоровья школьников. К каждому ученику должен быть применен индивидуальный подход, минимизирующий риски для здоровья в процессе обучения.

Приказом Минобрнауки Российской Федерации определены требования к образовательным учреждениям, которые включают: системность деятельности по вопросам здоровьесбережения – отражение в основной образовательной программе образовательного учреждения, уставе и локальных актах образовательного учреждения направлений деятельности, обеспечивающих сохранение и укрепление здоровья, безопасный образ жизни обучающихся, воспитанников; преемственность и непрерывность обучения здоровому и безопасному образу жизни (здоровью) на различных ступенях, уровнях образования; комплексный подход в оказании психолого-педагогической, медико-социальной поддержки различных групп обучающихся, воспитанников [4].

Значительная доля ответственности за сохранение здоровья подрастающего поколения и ведение здорового образа жизни сегодня в России возложена на образовательные учреждения всех типов, прежде всего на общеобразовательные школы [7]. Школа является критически важным элементом в этом процессе, главными задачами которой являются: воспитание здоровой личности, ориентированной на здоровый образ жизни; организация такого образовательного и воспитательного процессов, которые будут способствовать формированию ценности здоровья.

Целью настоящего исследования является анализ теоретических аспектов формирования направленности на здоровый образ жизни учащихся старших классов (10–11 классы) общеобразовательной школы. Особое внимание к этой проблеме объясняется тем, что на данном этапе развития актуализируется жизненное самоопределение личности, формируется образ жизни и мировоззрение, под влиянием которого возникает достаточно устойчивая иерархическая структура мотивационной сферы. Именно с этим периодом онтогенеза связан тот уровень развития смысловых, ценностных ориентаций, который обеспечивает их функционирование как особой системы, оказывающей определяющее воздействие на направленность личности, ее активную социальную позицию. На данном этапе развития личности направленность старшеклассников на здоровый образ жизни становится интегральным личностным новообразованием.

Педагогическая наука способствует решению проблемы сохранения, укрепления и формирования здоровья детей, подростков и молодежи, на протяжении более чем двух десятилетий разрабатывая теоретико-методологические основы данного процесса.

Значимость здоровья в жизни человека и здорового образа жизни предопределила множество подходов к осмыслению данных категорий.

Ряд философов и мыслителей (Дж. Локк, А. Смит, К. Гельвеций, М. В. Ломоносов и др.), психологов, социологов и педагогов (Н. М. Амосов, В. М. Бехтерев, М. М. Буянов, И. И. Брехман, Л. С. Выготский, В. П. Казначеев, Ю. П. Лисицын, Л. Г. Татарникова, Б. Н. Чумаков и др.) внесли значительный вклад в разработку проблемы здоровья и формирования здорового образа жизни человека, начиная с раннего возраста.

Представители философско-социологического и медико-социального направлений рассматривают здоровье и здоровый образ жизни как глобальную социальную проблему, составную часть жизни общества в целом (А. В. Андрейчикова и Т. В. Коробицина, А. Л. Ильин, Г. М. Мелюхин), как деятельную сущность человека, представленную через его самореализацию и самоопределение (А. В. Решетников).

Для исследуемой нами проблемы представляются значимыми психолого-педагогические исследования, в рамках которых разработаны подходы к пониманию сущности ЗОЖ (Г. К. Зайцев, В. В. Колбанов, Т. А. Берсенева, Л. Г. Татарникова, С. В. Васильев); определены содержание и структура (И. Ю. Глинянова, Э. Н. Вайнер, Е. Е. Мамаева, А. М. Митяева), принципы и условия формирования ЗОЖ, их реализа-

ции в системе образования (Н. К. Иванова, Л. И. Уткина).

В теории педагогики проблема формирования здорового образа жизни школьников, как в целом, так и по его составляющим, представлена достаточно широко. В последние десятилетия разработаны концепции формирования здорового образа жизни и здоровьесформирующего образования, ориентированные на решение проблем воспитания и формирования культуры здоровья (Р. И. Айзман, В. П. Горашук, С. Н. Горбушина, Ю. П. Лисицын, А. Г. Маджуга, Н. Н. Малярчук, Н. А. Рыбанчук, О. Л. Трещева и др.), готовности к оптимизации жизнедеятельности (Ю. В. Науменко), ценностного отношения к здоровью (Т. В. Белинская, О. А. Бутакова, И. А. Дидук, Л. Н. Овчинникова) и т. д.

Теоретико-методологические основы приобщения школьников к здоровому образу жизни, различные аспекты формирования у них направленности на здоровый образ жизни нашли отражение в работах отечественных авторов: Н. П. Абаскалова, Н. В. Биттер, Е. В. Витун, Э. М. Казин, В. Л. Кондакова, Т. М. Кравченко, Ф. А. Курбонов, Т. Ю. Никифорова, Л. Г. Татарникова, В. С. Тубчинова и др.

Анализ предметного поля, теоретико-методологических основ и основных положений предлагаемых концепций по формированию ЗОЖ обучающихся разных возрастных групп позволил сделать следующие заключения.

Авторы исходят из разных методолого-теоретических подходов и предпосылок, сформировавшихся как в философской, социологической, так и в специальной (медицине, физиологии, гигиене, валеологии и др.) и психолого-педагогической науке, что обусловлено неодинаковым уровнем развития этих наук в определенное время и замыслом ученых. Общим для всех теорий является использование системного, личностно ориентированного и деятельностного подходов.

Каждая из теорий вносит определенный вклад в развитие образования в сфере здоровья подрастающего поколения и молодежи и может служить теоретическим базисом построения педагогической практики в сфере здоровья и определения перспектив развития теоретического знания в этой области.

Если рассуждать о понятийном, семантическом значении ЗОЖ, следует сказать, что данную категорию можно охарактеризовать как:

- совокупность форм и способов повседневной жизнедеятельности личности, основанную на культурных нормах, ценностях, смыслах деятельности, на гармоническом единстве физиологических, психических и социальных функций;

- проявление ценностного отношения к здоровью, инструмент достижения здоровья, где здоровый образ жизни – это одновременно и терминальная (инициирует становление потребностей в здоровой жизни), и инструментальная ценность (служит средством сохранения здоровья);

- позитивную мотивацию, определенную ориентированность деятельности личности в направлении сохранения и развития личного и общественного здоровья.

Современные подходы к анализу проблемы здорового образа жизни личности содержат три основные идеи: исключение причин (обстоятельств, мотивов, факторов) деструктивного, в том числе зависимого поведения; создание факторов внешней среды для воспитания социальной зрелости и проявления духовных, психологических качеств личности; создание условий для развития, совершенствования возможностей человека и их проявления на всех возрастных этапах жизни. Особенно важным здесь является, на наш взгляд, то, что здоровый образ жизни не складывается сам по себе в зависимости от обстоятельств, но формируется в течение жизни человека целенаправленно и постоянно.

Теоретическое осмысление данной проблемы, обобщение передового педагогического опыта воспитательной, педагогической, оздоровительной и коррекционной деятельности общеобразовательных школ в данной области и результатов собственных исследований авторов позволили выявить следующие проблемы:

- современная социально-педагогическая ситуация характеризуется девальвацией у подрастающего поколения ценностей здорового образа жизни;

- наряду с такими видами *«саморазрушающего поведения»*, как употребление алкоголя, наркотиков, табакокурения и других психоактивных веществ, получили широкую распространенность новые виды зависимостей (компьютерная, интернет, игровая и др.) и девиаций (ранний «дебют» сексуальных отношений, родительство несовершеннолетних и отказ от родительства и т. д.), отрицательно сказывающихся на здоровье обучающихся;

- ценность здоровья и здорового образа жизни зачастую лишь декларируется в обществе, конкретные реалии современной жизни, условия образовательных учреждений не позволяют не только *материально* (отсутствие материальных возможностей в большинстве российских семей, имеющих детей; отсутствие должной спортивной базы для укрепления здоровья и занятий спортом и др.), *содержательно* (несовершенство учебных программ и методик организации по обеспечению сохранения здоровья в образовательном учреждении, основанных на возрастных, индивидуальных и гендерных особенностях, физическом состоянии ребенка и др.), но и *концептуально* организовать здоровьесформирующий учебно-воспитательный процесс в образовательном учреждении;

- в образовательных учреждениях применяются недостаточно эффективные формы работы по охране здоровья обучающихся, слабо используется имеющийся потенциал для сохранения и укрепления здоровья детей, формирования у них ответственного отношения к здоровью и здоровому образу жизни;

- отсутствуют целенаправленность, систематичность и оперативность в педагогическом управлении процессом формирования у учащихся старших классов направленности на ЗОЖ; учителя, родители, руководители образовательных учреждений теоретически и методически недостаточно подготовлены для осуществления этого процесса;

- процесс формирования направленности старшеклассников на здоровый образ жизни организуется в школе без учета процессов внутренней жизни школьника, актуализации его самовоспитания и саморазвития;

- в формировании направленности учащихся старших классов на ЗОЖ недостаточно используется потенциал урочных и внеурочных форм организации учебно-воспитательной работы, не стимулируется выполнение старшеклассниками норм здорового образа жизни на основе самосохранительного поведения, в том числе репродуктивного;

- недостаточно организовано взаимодействие школы с другими заинтересованными организациями по формированию у подрастающего поколения оптимальной направленности на здоровый образ жизни (медицинские учреждения, центры медицинской профилактики, центры социальной реабилитации несовершеннолетних и др.); отсутствует систематическая взаимосвязь в решении данного вопроса в семьях школьников;

- в теории педагогической науки не получили должной разработки модели формирования направленности старшеклассников на здоровый образ жизни и педагогические условия их реализации.

В связи с этим все более ясной становится необходимость целенаправленной и организованной работы в образовательном учреждении по формированию сознательного отношения к здоровью и обеспечению направленности школьников на здоровый образ жизни.

Формирование здорового образа жизни – сложный системный процесс, охватывающий множество компонентов образа жизни современного общества и включающий основные сферы и направления жизнедеятельности людей. Исходя из этого, формирование здорового образа жизни, в частности у школьников, предусматривает создание системы преодоления факторов риска в форме активной жизнедеятельности, направленной на сохранение и укрепление здоровья.

Проблема направленности является одной из важнейших в формировании личности и выделяется в качестве ведущей личностной характеристики.

Основные концепции личности, в которых впервые в отечественной педагогической и психологической науках раскрыто понятие «направленность личности», относятся к 40 – 50 гг. XX века. В разных концепциях эта характеристика раскрывается по-разному. В теории С. Л. Рубинштейна (1976) направленность личности определяется как динамическая система основных интересов, потребностей, установок, склонностей, идеалов, устремлений человека, находящихся во взаимосвязи и взаимоотношениях, включая иерархические. А. Н. Леонтьев (1975) предложил рассматривать направленность личности как совокупность устойчивых, иерархизированных, смыслообразующих мотивов, среди которых можно выделить сложившиеся жизненные отношения, интересы-отношения. В концепции Б. Г. Ананьева (1968, 1980) эта характеристика раскрывается как «основная жизненная направленность». По мнению Б. Ф. Ломова (1984), направленность выступает как системообра-

зующее свойство личности, определяющее ее психологический склад. Социально-психологические качества личности особенно отчетливо проявляются в ее направленности. Реализация направленности осуществляется, прежде всего, ее мотивационной сферой.

Под направленностью личности Л. И. Божович (1968) понимала иерархическую структуру ее доминирующих мотивов, где основные, ведущие мотивы подчиняют себе все остальные. Она считала именно этот феномен основой структуры личности, ее обобщенной характеристикой. Выдвижение ею на первый план проблемы направленности позволило реализовать исходный принцип – рассматривать каждое отдельное свойство в аспекте личности в целом.

На наш взгляд целесообразно рассматривать направленность личности с точки зрения теории отношений. Именно отношения, как отмечают Н. В. Кузьмина, В. А. Сластенин, интегрируют в себе мотивы личности, а в своей системе определяют ее направленность. Проявление направленности связано с отношением личности к здоровью и здоровому образу жизни, подготовленность к данной самосохранительной деятельности.

Направленность личности определяет избирательность отношений и активности человека и как подструктура личности включает в себя различные побуждения (интересы, желания, склонности и т. д.). Все эти побуждения взаимосвязаны в мотивационной сфере личности, то есть представляют собой систему. Данная система является индивидуальной, она формируется в процессе развития личности. Направленность личности, ее качественные характеристики и уровень сформированности, является основанием психологической устойчивости, играет роль вектора развития и саморазвития личности (А. А. Бодалев, И. В. Дубровина, Е. А. Климов, Л. С. Колмогорова и др.).

В зарубежной психологии используются понятия, близкие понятию «направленность личности», но не тождественные ему. К. Левин, рассматривая вопрос о динамических тенденциях и порождаемых ими напряжениях как необходимый компонент подлинного объяснения психических процессов, использует термин «побудительность» для обозначения понятия, сходного по содержанию с понятием «направленность личности». Г. Олпорт формулирует понятие «собственные стремления». Р. Мэй определяет «интенциональность» как структуру, в которой человек осуществляет свой прошлый опыт и будущее. Такая трактовка учитывает не только отрефлексированные данные опыта, но и все аспекты бессознательной ориентации личности [3].

В современной словарной литературе термин «направленность личности» определяется как высший уровень личностного развития, представляющий собой комплекс наиболее устойчивых и значимых мотивов, ценностных ориентаций, идеалов, склонностей, мировоззренческих и нравственных позиций. Направленность личности проявляет себя в различных сферах жизнедеятельности в виде целей, намерений, перспектив, интересов. Она позволяет личности целеустремленно сосредотачиваться на какой-либо идее, деле [2, с. 31 – 32].

Направленность личности выражается в гармоничности и непротиворечивости знаний, отношений и господствующих мотивов поведения и действий личности; проявляется в духовных потребностях и практических действиях [5, с. 261 – 262].

Как видно из приведенных определений направленности личности, исследователи в его содержании наиболее часто выделяют следующие структуры: влечение, желание, стремление, интерес, склонность, потребность, мотивы, ценности, идеал, убеждения и мировоззрение. Таким образом, психологическими механизмами направленности личности могут выступать сложная многоуровневая структура мотивов, ценностей, личностных смыслов и способностей, определяющих важные качества личности.

Влечение – это особое состояние, часто отражающее неосознанную потребность индивида в поддержании и сохранении жизни и здоровья.

Желание представляет собой мысли о возможности что-то иметь или что-то сделать. Желание отличается от влечения тем, что это вполне осознанная потребность и влечение к чему-либо вполне определенному, причем осознается не только то, что именно хочет человек, но и то, как этого достичь. На основе своих желаний человек определяет цели, строит планы.

Стремление тесно связано с эмоциями, которые вызывают у человека удовольствие или неудовольствие в зависимости от того, достигнута или не достигнута цель.

Необходимым условием существования человека являются *потребности* (биологические, социальные, духовные). Потребности лежат в основе возникновения интересов и склонностей. *Мотив* как «опредмеченная потребность» – динамический процесс, управляющий поведением человека, определяющий его направленность, организованность, активность и устойчивость.

Наиболее исследована учеными такая форма направленности личности, как *интерес*. *Интерес* – это целенаправленное отношение человека к какому-либо объекту его потребности. Человека интересует то, что может удовлетворить его потребность. Интересы имеют тенденцию развиваться. Удовлетворение одного интереса обычно ведет к появлению новых. Интересы бывают непосредственные, напрямую связанные с какой-либо потребностью, и опосредованные, при которых потребность прослеживается неявно. В зависимости от длительности сохранения интересы бывают устойчивые и неустойчивые. Люди с устойчивыми интересами чаще добиваются успеха в деятельности, чем личности с неустойчивыми интересами.

Если интерес соединяется с волей, он становится *склонностью*. Применительно к теме нашего исследования учет этого структурного компонента направленности личности представляется достаточно важным, т. к. помимо позитивных склонностей встречаются и вредные, и даже опасные для здоровья человека.

Идеалом применительно к социальному поведению называют образец, представление о наилучшем воплощении цели. Благодаря идеалам человек способен не только отражать окружающий мир, но и изме-

нять его в соответствии с идеалами. Идеалы конкретного человека тесно связаны с системой его ценностей и, в частности, с ценностью здоровья и здорового образа жизни.

Высшей формой направленности личности выступают *убеждения*. В словарной литературе убеждения определяют как осознанную потребность личности, побуждающую ее действовать в соответствии с ценностными ориентациями. Основу убеждений составляют глубокие знания, окрашенные сильными чувствами и особым отношением к действительности. Действенная природа убеждений чаще всего проявляется в поведении. Именно убеждения делают поведение целеустремленным и последовательным.

Убеждения, сложившиеся в целостную, упорядоченную систему, выступают как *мировоззрение* человека. Мировоззрение – это система взглядов человека на окружающий мир и его место в нем. Наличие мировоззрения – существенный показатель зрелости личности.

Рассмотренные нами теоретические вопросы исследования направленности на ЗОЖ легли в основу разработки авторской модели формирования направленности школьников старших классов на здоровый образ жизни, в которую включены, в частности, цели и задачи; принципы, составляющие методологическую основу модели; компоненты и этапы формирования ЗОЖ, основные здоровьесформирующие технологии, формы и методы работы со школьниками, субъекты этой деятельности; критерии и показатели сформированности направленности, уровни направленности на ЗОЖ.

В контексте нашего исследования, выявленные сущностные характеристики, позволили уточнить содержание феномена «направленность на здоровый образ жизни школьников» как педагогической категории. Направленность школьников на ЗОЖ представляет собой стержневое личностное новообразование, определяющее динамичную систему отношений, проявляющихся в духовных потребностях, познавательных установках, мотивах, ценностных ориентациях, побуждающих ее к активному мотивированному выполнению деятельности по сохранению здоровья.

При моделировании процесса формирования направленности старшеклассников на здоровый образ жизни мы стремились обосновать не только структурную, но и динамическую его составляющие. Динамическая природа процесса определяется нами как переход из одного состояния в другое, от одного элемента к другому. Каждый переходный этап (стадия) отличается своими функциями в решении разнообразных задач ЗОЖ.

При формировании направленности школьников на здоровый образ жизни, по нашему мнению, следует учитывать ряд этапов (стадий) этого процесса.

Первый этап (начальный). Учащийся внешне принимает позицию здорового образа жизни, имея эмоциональный настрой, эпизодический, ситуативный интерес, предметную установку, некоторые знания о здоровье и здоровом образе жизни, а также о негативном воздействии ряда факторов (например, вредные привычки), однако у него недостаточно самостоя-

тельности и инициативы в использовании этих знаний.

Второй этап. Учащийся имеет фиксированную установку на здоровый образ жизни и более устойчивые интересы; у него проявляются склонности к самосохранительному поведению как позитивной жизненной стратегии, которая выражается в понимании влияния вредных привычек и девиантных форм поведения на здоровье; формируется чувство ответственности.

Третий этап. Учащийся имеет твердую установку на ведение здорового образа жизни, устойчивый интерес и склонность к этому.

Четвертый этап (высший). На данном этапе направленность формируется при наличии у учащегося ярко выраженной склонности к ведению здорового образа жизни, устойчивых убеждений и сформированности личной ответственности за здоровье, понимании его общественной значимости, а также осознании позитивного влияния здорового образа жизни на все аспекты жизнедеятельности.

Формирование направленности школьников на здоровый образ жизни обеспечивается за счет воспитания и учета таких качественных характеристик направленности, как широта, интенсивность, устойчивость, ориентиры, действенность и ее уровень. При этом *широта направленности* характеризует осведомленностью и интересом к данным вопросам; *интенсивность направленности* связана с эмоциональным отношением школьников к проблеме здоровья и ведению здорового образа жизни; *устойчивость направленности* характеризуется длительностью и сохранностью побуждений к здоровому образу жизни; *действенность направленности* личности – определяет активность реализации целей направленности в жизнедеятельности; *уровень направленности* определяется общественной значимостью для человека здоровья и здорового образа жизни, степенью подготовленности к деятельности по сохранению своего здоровья.

В направленности школьников на ЗОЖ нами выделены *ценностно-смысловой, когнитивно-целевой, эмотивно-рефлексивный, регуляционный* компоненты. Указанные компоненты находятся между собой в определенной взаимосвязи. Системообразующим компонентом направленности на здоровый образ жизни является ценностно-смысловой, поскольку именно смысловые механизмы регуляции задают логику поведения человека.

Каждый из компонентов характеризуется комплексом критериев: *ценностно-смысловой* – доминирование здоровьесберегающих мотивационных тенденций, отношение к здоровью как к одной из жизнеутверждающих ценностей, присвоение личностного смысла здоровому образу жизни, сохранению и укреплению здоровья; *когнитивно-целевой* – сформированность представлений о здоровом образе жизни, способность анализировать, соотносить результаты своей деятельности с целевыми ориентирами сохранения, умение планировать образ жизни в здоровьесберегающем аспекте; *эмотивно-рефлексивный* – способность к эмоциональной рефлексии действий и по-

ступков в аспекте сохранения и укрепления здоровья, управление эмоциями в процессе здоровьесберегающей деятельности, эмоциональная отзывчивость на положительную динамику здорового образа жизни; *регуляционный* – адекватность оценки образа жизни в аспекте его здоровьесбережения, сформированность регуляторной гибкости образа жизни, умение корректировать образ жизни в направлении самосохранения.

На основе указанных критериев и показателей направленности на здоровый образ жизни мы выделили уровни сформированности здорового образа жизни старшеклассников: *оптимальный, индифферентный, критический уровни*.

Оптимальный уровень характеризуется наличием потребности в ведении здорового образа жизни, сформированностью представлений о специфике укрепления и сохранения здоровья, позитивным эмоциональным фоном ведения здорового образа жизни, владением здоровьесберегающими технологиями; *индифферентный* уровень характеризуется наличием ситуативной потребности в ведении здорового образа жизни, частичной сформированностью представлений о специфике сохранения здоровья, зависимостью

эмоционального фона ведения здорового образа жизни от внешних факторов и условий, фрагментарным или бессистемным владением здоровьесберегающими технологиями; *критический* уровень характеризуется отсутствием потребности в ведении здорового образа жизни, несформированностью представлений о специфике сохранения здоровья, стабильно отрицательным эмоциональным фоном ведения здорового образа жизни, несформированностью представлений о здоровьесберегающих технологиях.

Дальнейшее углубленное изучение научного представления о феномене направленности старших школьников на ЗОЖ позволит обосновать психолого-педагогические условия ее формирования, разработать схемы взаимодействия всех участников образовательного процесса (администрации образовательного учреждения, педагогических работников, обучающихся, их родителей (законных представителей), социальных партнеров образовательного учреждения (учреждений культуры, здравоохранения, правоохранительных органов) по организации здоровьесберегающей для обучающихся среды.

Литература

1. Баранов А. А. Каждый ребенок в стране должен расти здоровым и счастливым. 25 декабря 2012 г. // Профессионалы России 25 декабря 2012 г. URL: <http://www.profrussia.ru/levoe-menyu/zdravooxranenie/aleksandr-baranov-kazhdyj-rebyonok-v-strane-dolzhen-rasti-zdorovym-i-schastlivym.html>
2. Безрукова В. С. Основы духовной культуры (энциклопедический словарь педагога). 2000.
3. Верховая Ю. Л. Направленность личности: определение понятия, сущность и структура феномена // Актуальные проблемы психологического знания. 2006. № 1. С. 31 – 39.
4. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 2106 «Об утверждении федеральных требований к образовательным учреждениям в части охраны здоровья обучающихся, воспитанников».
5. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1997. С. 261 – 262.
6. Совещание по вопросам сохранения и укрепления здоровья детей в учреждениях дошкольного и общего образования. 16 мая 2011 г. URL: www.kremlin.ru/news/11246
7. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) общего образования (10 – 11 классы) / Приказ Минобрнауки от 17.05.2012 № 413.

Информация об авторах:

Кожина Елена Владимировна – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, психолог поликлинического отделения МУЗ ДГКБ № 5 г. Кемерово, zamdir-csm@mail.ru

Elena V. Kozhina – postgraduate intercollegiate department of general and university pedagogy, Kemerovo State University; psychologist, City Children's Hospital No. 5, Kemerovo.

Мартынова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы и менеджмента социальной сферы КемГУ, marynova@kemsu.ru.

Tatiana N. Martynova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Social Work and Social Management, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИЗУЧЕНИЯ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

М. Л. Симкин, Е. М. Ланина

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF STUDYING MONOLOGUES OF PRIMARY SCHOOL STUDENTS WITH MENTAL RETARDATION

M. L. Simkin, E. M. Lanina

В статье анализируются выявленные в процессе логопедического обследования особенности монологической речи младших школьников с задержкой психического развития, определяются критерии оценки уровня развития монологической речи. Определяется влияние уровня развития монологической речи на усвоение требований воспитательно-образовательного процесса в классах коррекционно-компенсирующего обучения.

The paper analyzes the features of monologues of primary school students with mental retardation that were revealed in the process of speech therapy survey, the authors define the criteria for assessing the level of monological speech development. The paper reveals the influence of the level of monological speech development on mastering the requirements of educational process in classes of correctional and compensatory education.

Ключевые слова: задержка психического развития, монологическая речь, логопедическое обследование, коррекционно-компенсирующее обучение, вербальная активность, речевое недоразвитие.

Keywords: mental retardation, monologues, logopedic survey, correctional and compensatory education, verbal activity, speech hypoplasia.

Требованиями, предусмотренными к дошкольникам, поступающим в общеобразовательную школу, определено, что уровень их речевого развития должен быть таковым, чтобы позволять ребенку освоить новые формы речи, не препятствовать адекватной коммуникации со сверстниками и учителем [3].

Ребенок при поступлении в школу должен уметь составлять структурированный рассказ повествовательного или описательного содержания, на заданную или свободную тему, по сюжетной картине и серии сюжетных картин, по опорным словам или заранее предъявленному плану, передавать содержание литературного текста и т. д. Перечисленные требования являются показателями уровня развития (состояния) монологической речи [1].

Одной из основных задач коррекционно-воспитательной работы в дошкольных образовательных учреждениях с группами для детей с задержкой психического развития и начальных классах коррекционно-компенсирующего обучения является формирование умений монологической речи, под которыми понимаются умения логически верно, коммуникативно-мотивированно и с соблюдением основных правил родного языка излагать свои мысли в устной форме. К функциям монологической речи относятся: информативная (сообщение новой информации в виде знаний о предметах и явлениях окружающей действительности, описание); эмоционально-оценочная (отражение и сообщение личной позиции); воздейственная (убеждение, побуждение к действию). Для каждой из перечисленных функций характерны специфические психологические стимулы, языковые и невербальные средства.

Для младшего школьного возраста, вне зависимости от уровня интеллектуального развития, наиболее актуальной является информативная функция, требующая от ребенка умения последовательно и связно излагать свои мысли.

Если рассматривать монологическую речь как один из компонентов, определяющих возможность формиро-

вания личности в процессе школьного обучения, как основы последующей полноценной адаптации и реализации потенциальных возможностей. Так, если рассматривать формирование монологической речи как обязательное условие социализации младших школьников, как условие осмысления им социального опыта и участия в учебной и внеурочной деятельности, которая имеет коллективный характер, что и создает благоприятные условия для развития чувства партнерства и освоения способов позитивного взаимодействия. Наконец, владение монологической речью является средством самовыражения и самореализации [2] ребенка, то становится очевидной актуальность проведенного исследования монологической речи младших школьников с задержкой психического развития.

Исследование проведено с целью определения специфических трудностей, с которыми сталкивается ребенок на занятиях по «Развитию речи» и «Окружающему миру», поскольку именно на этих занятиях от ребенка требуют наиболее развернутого высказывания.

При изучении научной и методической литературы по проблеме исследования выявлено, что многими авторами отмечаются следующие особенности овладения монологической речью младших школьников с задержкой психического развития: трудности речевого оформления высказывания, неполноценность спонтанного и отраженного высказывания, речевая инактивность, неструктурированность высказывания, упрощенность фраз, трудности в понимании и оперировании рядом логико-грамматических структур, рассогласованность речевой и предметной деятельности [4].

В проведенном нами обследовании детей младшего школьного возраста с задержкой психического развития, обучающихся в первых классах коррекционно-компенсирующего обучения, мы использовали помимо заданий, предусмотренных логопедическим обследованием, задания из методики нейропсихологического обследования А. Р. Лурия: устное сочинение на заданную тему; рассказ по сюжетной картине, стимульный мате-

риал и темы, предлагаемые для обследования, выбраны в соответствии с программой первого класса коррекционно-компенсирующего обучения по учебным предметам «Развитие речи» и «Окружающий мир».

Устное сочинение на заданную тему и рассказ по сюжетной картине выбраны с целью оценки комплекса показателей развития монологического высказывания: психологической и языковой основы, а так же свойства речевой продукции, обеспечивающие эффективность коммуникации и характеризуют уровень речевой культуры.

Под оценкой психологической основы подразумевается оценка эмоционального побуждения, возможности осмысливать и оценивать личный опыт, уровень самостоятельности, активности, увлеченности, реализации эмоционально-волевых возможностей в процессе монологического высказывания. С точки зрения языковых характеристик, дается оценка выбору лексики, грамматических и синтаксических конструкций, обдумыванию композиции рассказа, отбору невербального материала.

К основным качествам речи принято относить: уместность (соответствие стилистики и структуры условиям осуществления коммуникации); точность (соответствие коммуникационного замысла и смысловой стороны отражаемой реальности); выразительность (выбор адекватных вербальных и невербальных средств, позволяющих усилить впечатление от высказывания, поддержать интерес и внимание адресата); логичность (соотнесенность высказываний друг с другом); чистота (отсутствие «лишних» слов, умение избегать многократных повторов и длительных пауз); ясность (производство речевой продукции в доступных формах для восприятия собеседником).

Оценка возможности сочинения на заданную тему предполагает понимание ребенком вербальной инструкции, определение им схемы высказывания и самостоятельное программирование речевого сообщения. В качестве заданных тем были предложены темы «Мое любимое животное» (программа «Развитие речи»), «Город, в котором я живу» (программа «Окружающий мир»).

Анализ выполнения задания, предусматривающего составление рассказа по сюжетной картине, дает возможность оценить возможность и умение «перерабатывать» сенсорную информацию в связное речевое высказывание. В качестве экспериментального материала были выбраны сюжетные картины по темам «Дикие животные» (программа «Развитие речи») и «Профессии» (программа «Окружающий мир»).

В результате проведенного нами исследования, было выявлено, что у всех детей с ЗПР отмечается снижение уровня речевой активности, в частности, большинство детей при первоначальном предъявлении инструкции к заданию либо отказывались от его выполнения, либо ограничивались ответом из одной-двух фраз. Однако любое эмоциональное побуждение к дальнейшему вербальному взаимодействию приводило к увеличению объема речевой продукции.

При анализе выполнения заданий по составлению рассказа на заданную тему нами были выявлены следующие особенности: переход от заданной темы к более знакомой теме; включение в рассказ побочных ассоциаций и стереотипных данных; частое использование одних и тех же фраз, слов; возвращение к уже высказанной мысли. Перечисленные особенности свидетельствуют о

наличии трудностей в построении речевого высказывания, его планирования и представления.

Словесное описание сюжетной картинки определяет условия когнитивной и коммуникативной ситуации, так результаты экспериментальной деятельности указывают на то, что в условиях «неподготовленной» речи при описании сюжетных картин имеется целый ряд нарушений синтаксической структуры: «упускание» ранее начатого, переосмысление главных членов суждения, замена слов, «неудержание» логико-синтаксической структуры, «отступления» в процессе высказывания. Все рассказы младших школьников с задержкой психического развития можно условно разделить на 4 группы: перечисление изображенного на картинке; объединение изображенных предметов не выходит за рамки показанного; на основе изображенного, но с отклонениями в смысловом плане; картинка служит лишь исходным моментом для продуцирования известных стереотипных фактов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что описание даже простой по содержанию сюжетной картинки представляет для детей с ЗПР значительные трудности.

Во всех рассказах (по сюжетной картине и на заданную тему) детей отмечалось значительное количество разнообразных аграмматизмов. При этом, стоит отметить, что, чем больше был объем высказывания, тем чаще в нем наблюдались «грамматические сбои». Наиболее характерными для детей с ЗПР были следующие виды аграмматизмов: пропуск или избыточность членов предложения («Дядя – музыкантом, работает музыкант», «В Кемерово живут много есть люди», «Она дает тетя лекарство»); структурная неформальность высказывания («Там есть дядя и похож он, на евона такая шапка одета»); ошибки в употреблении служебных слов («Зубы страшно растут на рту»); ошибки в управлении и согласовании («В городе магазин, там много конфеты и хлебу»); ошибки в употреблении времени глагола («Тетя несет лекарства и давала их детям»); трудности словообразования («Тетя продавальная конфеты», «Он работает красильником, красит стену»).

Сложноподчиненные предложения, используемые детьми очень пространны, создается впечатление, будто ребенок, начав высказывание, никак не может его закончить, часто использует прямую речь. Анализ текстов показывает, что для данной категории детей характерно увеличение объема употребляемых существительных, личных и указательных местоимений и наречий с обобщенным недифференцированным значением.

Все указанные особенности монологической речи младших школьников с задержкой психического развития позволяют нам сделать выводы о том, что для данной категории детей характерны динамические нарушения речевой деятельности, которые характеризуются несформированностью внутреннего программирования и грамматического структурирования речевой продукции. Незрелость операции программирования проявляется в речевой инактивности, трудностях планирования речевого высказывания, незрелость операции структурирования проявляется в большом числе аграмматизмов. Программирование и грамматическое структурирование – есть те аспекты, которые, по мнению Л. С. Выготского, позволяют отнести речь к познавательным процессам, а овладение контекстной монологической речью тесно связано с познавательным разви-

тием ребенка, определяет его продвижение в познавательном развитии.

Так, содержание заданий, предлагаемых в эксперименте, было хорошо знакомо детям, но у детей с ЗПР все равно не наблюдался контекстного характера. Монологическая речь младших школьников «привязана» к ситуации и не выходит за ее пределы, что подтверждается следующими фактами: использование местоимений, прямой речи, многократные повторы, постоянное применение жестов, мимики.

По нашему мнению, выявленные в процессе изучения особенности речевого развития являются проявлением одной из сторон недостаточности познавательной деятельности детей с задержкой психического развития и без целенаправленного коррекционно-компенсирующего обучения не могут быть скоррегированы.

Так, исходя из полученных данных, можно говорить о том, что непосредственными задачами занятий по формированию и развитию монологической речи у младших школьников в условиях воспитательно-образовательного процесса должны быть: формирование представлений об явлениях окружающей действительности; повышение мотивации к речевой коммуникации; планомерное развитие всех сторон устной речи (фонетико-фонематической, лексико-грамматической) с целью формирования адекватной языковой базы; организация и поощрение связных высказываний.

На учебных и внеурочных занятиях в классах коррекционно-компенсирующего обучения с целью формирования связной монологической речи необходимо создавать условия для повышения речевой мотивации. В связи с этим на данных занятиях целесообразно использовать различные виды деятельности, близкие по характеру к повседневному опыту детей: игра, рисование, конструирование, предметно-практическая деятельность. Использование перечисленных видов работ помогает привлечь внимание учащихся к изучаемому предмету и активизировать их речевую деятельность.

Результат любых выполненных заданий на учебных занятиях – это правильно сформированная и сформулированная в предложениях мысль, следовательно, любая деятельность ребенка на уроках должна сочетаться с его речевыми высказываниями. Сопровождение всех зада-

ний речью приводит к расширению сферы употребления младшими школьниками с задержкой психического развития словарных средств, формированию навыков их точного употребления в структуре предложения. Таким путем осуществляется подготовка речевой базы, необходимой для организации связного монологического высказывания: уточняется, обогащается, активизируется словарь. Усвоение младшими школьниками различных языковых средств обеспечивает более четкое и полное освещение темы.

Закономерным итогом работы является организация связного высказывания по теме, с этой целью на всех занятиях должны использоваться различные виды работ: составление рассказов, пересказ текстов, описание предметов, разучивание стихотворений. Применение наглядных, практических и вербальных средств помогает последовательно и логично развить тему связного высказывания, обеспечить ее смысловую законченность. Исходя из задач, стоит отметить, что на занятиях по «Окружающему миру» и «Развитию речи» программой предусмотрены ежедневные наблюдения за погодой, сезонными изменениями в природе, деятельностью человека и т. д. Систематически проводимые наблюдения способствуют расширению представлений об окружающем мире не только на уроке, но и во внеурочное время. Организованные наблюдения обеспечивают основу для развития речи и мышления, дают материал для словарных упражнений, составления словосочетаний и предложений, рассказов, кроме того способствуют развитию восприятия, внимания, памяти детей, что, в свою очередь, является необходимым условием для развития компенсаторных возможностей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что полученные результаты могут иметь определенное значение для понимания структуры дефекта при задержке психического развития, а что правильная организация занятий (с учетом выявленных особенностей), использование специфических методов и приемов обучения способствуют не только исправлению речевых недостатков школьников с задержкой психического развития различного генеза, но и развитию и совершенствованию их психических функций.

Литература

1. Блинова Л. Н. Диагностика и коррекция в образовании детей с задержкой психического развития. М.: НЦ ЭНАС, 2003.
2. Иванов М. С., Яницкий М. С. Модель напряжений самореализации и ее эмпирическая валидизация // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 20 – 28.
3. Лебедева П. Д. Коррекционная логопедическая работа со школьниками с задержкой психического развития. М.: Коррекционная педагогика, 2004.
4. Коненкова И. Д. Обследование речи дошкольников с задержкой психического развития. М.: Гном, 2012.

Информация об авторах:

Симкин Михаил Липович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, simlogo@mail.ru.

Mikhail L. Simkin – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Ланина Екатерина Михайловна – кандидат психологических наук, ассистент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, ekaterina-lanin@mail.ru

Ekaterina M. Lanina – Candidate of Psychology, Assistant Lecturer at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 11.06.2014 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.6/053.6:13(470)

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕАЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ*А. Х. Аюпова*CHARACTERISTICS OF RUSSIAN YOUNG PEOPLE'S SELF-REALIZATION:
SOCIAL AND CULTURAL ANALYSIS*A. Kh. Ayupova*

В статье рассматривается проблема самореализации российской молодежи, ее особенности и новые формы ее социокультурной идентификации в условиях современного процесса глобализации. Автор обосновывает ту мысль, согласно которой само стремление молодого поколения к самореализации предполагает постановку и осуществление долговременных целей, а также задач, адекватных требованиям и условиям трансформации современного российского общества. Обосновано, что факторы, сдерживающие развитие современного образования (некритическое отношение к предложениям по вестернизации российского образа жизни, процесс деинтеллектуализации, управленческое невежество, боязнь принять на работу сотрудников умнее себя, относительная отдаленность самих последствий реформы образования, бессистемный характер реформ в образовательной и духовной сфере и т. д.), сталкиваются с самим становлением подлинного человеческого начала в человеке, которое связано с развитием гуманитарной культуры самой личности. Современная российская молодежь находится в поисках духовности, но духовность означает признание духа как структурообразующего нравственного «ядра» человека. Вместе с тем, само духовное находится зачастую вне физического плана бытия. Молодежь России охвачена сегодня отрицанием «вечных», абсолютных непреходящих ценностей. Плодами научно-технического прогресса, которым привержена молодежь, пользуются олигархи, бюрократы, но далеко не бедные слои населения. Современный молодой человек, тем не менее, находится в поисках идеалов и «вечных» ценностей с целью выживания в обществе потребления, где ощущается экономический и культурный разрыв между «золотым миллиардом» и остальным человечеством; при этом возникает углубление старых и возникновение новых форм отчуждения. При этом жизнеспособное поколение молодежи, с одной стороны, определяется традиционными ценностями, а с другой – требованиями к личности не только собственно переходного периода, но и того будущего состояния общества, согласно которому предстоит создать молодому поколению новый мир духовных ценностей. В процессе социокультурного становления молодежи, при этом, учитываются традиционные ценности российского общества, такие как «дух» коллективизма, дух «альтруизма», самостремление к высоким идеалам, к духовности.

The paper addresses the problem of Russian young people's self-realization, its features and new forms of young people's social and cultural identification in the context of present globalization process. It is established that it is the younger generation's pursuit of personal fulfillment that brings about setting and achievement of long-term goals and tasks appropriate to the requirements and conditions of social transformation in the modern Russian society. The author proves that the following factors slow down development of contemporary education: 1) lack of criticism to the westernization of lifestyle in Russia, 2) deintellectualization process, 3) management ignorance, 4) fear to accept more intelligent employees to work, 5) relatively remote effects of reforms in the education system, 6) unstructured character of the reforms in the education system and so on. It is stressed that these factors confront the real process of man's becoming a humane being connected with the personality's humanitarian culture development. Today's Russian young people are looking for spiritual non-material benefits which presuppose that the spiritual is the structural moral "core" of the individual. However, often the spiritual is beyond the physical of existence. Russian young people are denying "eternal", true imperishable values. Progress in science and technology has resulted in numerous material benefits which are extensively used not only by young people but oligarchs, bureaucrats and the upper social class. It is stressed that today's young man is in search of higher ideals and "eternal" values in order to survive in consumer society which features a gap between a "golden multi-millionaire" and the rest of people. This gap produces new forms of disposal and makes old ones deeper. The author notes that traditional values make up the healthy younger generation, on the one hand. On the other hand, the transition stage and the pattern of a future society the younger generation have to build specify the requirements necessary to make the younger generation healthy. The following traditional values of the Russian society are taken into account in the process of social and cultural make up of the younger generation: team spirit, spirit of altruism, striving for high ideals and nonmaterial benefits.

Ключевые слова: особенности самореализации молодежи, социокультурная идентификация, молодое поколение и его жизнеспособность, долговременная нравственная цель.

Keywords: characteristics of young people's self-realization, social and cultural identification, healthy younger generation, long-term moral goal.

Самосознание, как социальная, духовная и культурная ценность, обладает потенциалом самореализации. Эта «потенция», или возможность, проявляется прежде всего в том, что чем более идеологизированным оказывается само общество, тем меньше правовых свобод оно предоставляет для развития самой молодежи, личности человека, тем в меньшей степени оно само нуждается в формировании человеческой индивидуальности и свободы человека, самоопределении последнего (в том числе и молодого человека). В данном отношении, целью настоящего исследования выступает исследование особенностей самореализации российской молодежи как интегрированного социального организма, связанного с достижением единства личности как целого.

Тенденцию к самореализации молодежи в этом плане можно проследить в историческом развитии многих стран различного общественно-политического устройства. Так, например, в традиционном обществе социализация личности молодого человека, как правило, направлена на усвоение религиозных ценностей и на соответствующее духовное поведение. При этом, идеалом социокультурного развития личности выступает сама ориентация молодого человека на подчинение власти традиции. Вся «жизнедеятельность» человека в таком обществе строгим образом оказывается регламентированной, а сами проявления индивидуальности в социальной среде сведены к минимуму (ведь индивидуальность, оказывается как бы пропитанной духом моральной регламентации).

Современное общество, устремленное, в конечном счете, к «всечеловеческим ценностям» предъявляет свои требования к личности, формируя духовный мир и индивидуальные способности молодого человека. При этом особенностью самореализации молодежи выступает само ее стремление к самосознанию как переживанию единства и специфичности «Я». Это «Я» представляет собой автономную отдельную сущность, наделенную мыслями, чувствами, самой способностью к действию.

Особенностью самореализации молодежи выступает социализация личности, которая заключена в освоении прошлого культурного опыта. При этом, социализация индивидуума, как субъекта деятельности, перехода от монолога общения к диалогу, обращена к самому становлению в человеке образа его «Я» [4, с. 9]. Воспитательный, а, в сущности, культурный процесс, направлен на становление личностных качеств человека. Эти качества направлены на диалоговое общение и социальное творчество.

Однако сам диалог молодого человека с государством и обществом предполагает несколько иной моральный облик молодежи, предполагающий преодоление равнодушного отношения к жизни людей. Молодые люди призваны «снимать» свою раздражительность нравственными и социальными проблемами. Они должны стремиться к «духу» самостоятельности, который практически несовместим с «духом» материальности, характерным для нестабильного «рыночного» общества.

Социальная активность молодого человека поощряется при этом лишь в направлении, определяемом уверенностью в себе «завтрашнем дне», при этом, сама свобода выбора молодого человека осуществляется в

границах «всечеловеческой» парадигмы, а проявление индивидуальности допускается в границах установленных норм жизнедеятельности общества и соответствующих социальных групп [3].

Особенностью самореализации российской молодежи выступает понятие «отчуждение», которое оказывается задействованным в критике наличной социальной действительности и действительного опыта приобретения молодежью ценностей. Но данная действительность не сопряжена с идеей социального конструирования реальности. Это конструирование не остается на уровне морального негодования, а как бы поднимается до выработки положительной, позитивной программы дальнейшего движения в сторону духовного прогресса. В результате, сама значимость понятия «отчуждения» начинает носить не только теоретический, но и практический характер.

Авторская позиция по определению самого понятия «самореализация российской молодежи» связана с выявлением такой сущностной характеристики последней как самосознание молодой человек как бы «выносит себя» и свое сознание вовне, а тем самым обращается на самого себя, т. е. «вовнутрь» своего духовного мира.

Сама жизнедеятельность молодого человека только в том случае характеризуется стабильностью, если оказывается ориентированной на свой собственный «внутренний мир», на сами духовные потребности общества, на надежду его граждан, обрести социальную защищенность и «потенции» к новому развитию связанные с такими тенденциями, одна из которых характеризует развитие духовности за счет новаций, при сохранении традиционной идеи справедливости и спасения мира от зла.

Самореализация российской молодежи связана с преодолением «омертвления» свободолубивой идеи, причем за счет консервации самой социальной формы (например, славянофинская программа осуществления «православия», «самодержавия» постепенно превращалась в реакционное орудие государственной власти, этот «урок» мы не должны забывать).

Идея самоопределения, самореализации российской молодежи состоит в ее жизненности. Например, идея «народности» вполне может существовать в двух основных формах – природной и культурно-исторической. Но истинная «русская народность», – пишет Л. А. Белоусова – проявляется в наклонности к безусловному, субстанциальному, целостности, в отказе от господствующего у нас стремления к подражательности» [1, с. 12].

Сама по себе идея самореализации российской молодежи зависит от целевой ориентации на будущее, но это будущее свершается именно там, где простое «вызывание» давно минувшего не подвергается сомнению историческая и социальная память, таким образом, есть главные «константы» культуры. Заметим, что общество может характеризоваться достаточно высокой социально-экономической и политической стабильностью, но, тем не менее, оно может оказаться в ситуации, когда наблюдается относительно невысокий уровень жизни, а также темпы развития за счет «усреднения» молодой личности в обществе, за счет ограничения ее инициативы и проявления ее индивидуальности. Это

противоречие относится к воспоминанию о несохранившемся духовном совершенстве, в сравнении с которым все последующее является лишь искажением духовной сущности молодого человека, который, в принципе, не может остаться не наделенным социальной и нравственной памятью.

Идея «самореализации» современной российской молодежи находит свое отражение в реализации идеи «разнообразия» культурных форм. Демократичное общество обеспечивает реализацию принципа «разнообразия», поскольку не отменяет свободы проявления самой «индивидуальности» человека. Если человек может реализовать свои духовные задатки и свою свободу, то и само общество выступает творчески продуктивным и перспективным. Целостность общества, стабильность его неуклонного развития вперед, обеспечивается, за счет благополучия каждого из его членов. Чем выше уровень духовного, нравственного развития каждого члена общества, тем выше уровень его материального и духовного, нравственного благосостояния, тем существеннее само общество.

Сама система требований, предъявляемых к молодому человеку, определяется исходя из социально-экономического уклада хозяйственной, экономической и духовной деятельности. Эта система, явно или неявно, задаваемая обществом, основывается на том факте, что молодое поколение может адаптироваться к социальным условиям, которые способствуют дальнейшему самоопределению общества на основе ценностных установок во всех сферах деятельности. Общество, включая и современное российское, обнаруживает себя сегодня в самой «удивительности человеческого становления» [2, с. 313].

Совсем с иной стороны к этому была обращена философская мысль Нового и новейшего времени; сначала, сама «философия возникновения», позднее «философия процесса», которая соответствовала все возрастающему раскрепощению производительных сил» [2, с. 313].

Современная российская молодежь, в этом плане, конечно, может соскальзывать в состояние «индифференции» своих духовных сил, но она отталкивается от идеи процессуальности и продуктивности самого творческого процесса развития своих производительных, духовных и нравственных сил.

Сегодня, жизнеспособное поколение молодежи, с одной стороны, определяется традиционными ценностями, а с другой – требованиями к личности не только собственно переходного периода, но и того будущего состояния общества, которое предстоит молодому поколению создать и воссоздать. В данном случае в процессе социокультурного становления молодежи следует учитывать традиционные ценности самого российского общества, такие как дух «коллективизма», дух «альтруизма», «самостремление» к высоким моральным идеалам, к духовности, а с другой – ценности демократического общества, преломленные в личностные качества и установки. Но, если посмотреть глубже, то возникает вопрос о том, что складывающееся в целом гуманитарное образование не успевает за бурным развитием материального производства и людей лишенных способности к анализу целей, идеалов, которые не способны сегодня рефлексировать над происхо-

дящими событиями и осознанно решать цивилизационные задачи. У молодых людей, в настоящее время, оказалась разрушенной сама смысловая структура бытия, а тем самым, и сама возможность «Я», т. е. самосознания.

В нашей стране на сегодняшний день нет значительного количества субъектов позитивного развития, которые обладали бы способностью к духовному самоопределению, а, самое главное, к «самоочищению».

Диалектика взаимодействия личности молодого человека и общества требует становления такого социокультурного типа личности, который бы обеспечивал свои личностные интересы и саму потенцию к «самоорганизации». Тем самым, обеспечивалась бы устойчивость самого общества, реализация интересов общества и государства в отношении гармоничного, положительного развития.

Духовная устойчивость общества проявляется в полноте возможностей его членов. Эта «полнота» находит свое обнаружение в ожидании более счастливого времени, которое, в свою очередь, сопротивляется непостижимому единству абсолютных, «всечеловеческих» ценностей. Это, на первый взгляд, кажется, парадоксальным, но гуманистический дух всегда находился в оппозиции к «духу», который прославляет господство абсолютных ценностей, всегда заканчивается тоталитарным духом. Молодежь, в данном смысле, открыта миру ценностей, но данное стремление есть, в принципе, некий «образ» уже иной, организующейся социальной реальности, которая постепенно находит свое обнаружение в нравственном самосознании.

Соответственно этому должна быть, в конечном счете, преобразована и сама модель такого культурного типа личности, которая обеспечивается ее жизнеспособностью. Данная модель связана с повышением морального статуса самой личности в обществе. Но молодой личности все же не хватает эвристического потенциала для реализации своих интересов.

Исследователями справедливо подчеркивается мысль о том, что «кризис цивилизации и кризис человека может быть решен только исключительно на путях формирования нового исторического типа личности в рамках новых культурных форм» [5, с. 27]. При этом необходимо заметить, что факторы, определяющие образ современной молодежи, состоят в увеличении самого периода социализации, обучения на путях к достижению экономической и духовной независимости [6, с. 9].

В отечественной литературе наиболее дискуссионными являются вопросы о моделировании личности, молодого человека, которая должна быть положена в основу самой концепции морального воспитания человека. Значительные трудности в создании «идеальной модели» личности вызывает полное отсутствие общей стратегии развития российского общества и то, что оно, по своей сути, разнородно по своему социальному составу. Вместе с тем, нам представляется возможным выделить некие «единые» концептуальные основы модели воспитания человека, приемлемой практически для становления всех социальных слоев нашей страны, хотя по данному вопросу в настоящее время имеются весьма значительные разногласия среди ученых, разра-

батывающих проблемы воспитания и духовного становления молодежи, как некой социальной общности.

При этом сам принцип «гуманизма» по отношению к молодому поколению становится в настоящее время ведущим в процессе создания современных концепций права, морали, духа и нравственности.

Выводы, к которым приходит автор, состоят в следующем: 1) особенности формирования стремления молодежи к «самореализации» происходит в системе социальных институтов общества, при этом сам пафос духа иррациональности становится весьма губительным для молодых людей; 2) одним из наиболее действенных факторов социализации может выступать поколение жизнеспособной, самореализующейся молодежи, сформированной на основе нового социокультурного типа личности, соответствующего целям и задачам современного этапа формирования гуманного общества; 3) осуществление намеченных преобразований российского общества возможно лишь при условии становления новых поколений молодежи, сочетающих в своем единстве традиционные духовные ценности и особенности духовной культуры, способствующие эффективной жизнедеятельности самого молодого человека в условиях становления саморазвивающейся экономики, ориентированной на моральный, нравственный дух, без этого «духа» самореализация молодежи состояться не может; 4) само стремление молодежи к самореализации, в свою очередь, предполагает постановку и реализацию долговременных целей, а также ситуативных задач, адекватных «духу» общества, обеспокоенного моральными и социокультурными проблемами. Поэтому становится возможным создание системы социализации российской молодежи, направленной на дух ее самореализации, сопряженный с нравственными проблемами.

При этом речь идет о духовных качествах личности, которые обуславливают ее нравственную самореализацию, имеющую выход в сферу неизвестного, творческого начала, освещенного духом человечности. При этом задается не только общая модель, но и сам социокультурный тип молодой личности; тем самым, обеспечивается целостный подход к социокультурному,

духовному становлению личности молодого человека, к освоению ценностей «всечеловеческой» культуры.

Особенности самореализации российской молодежи, сопряженные с неспособностью субъекта мыслить самостоятельно, с усилением процесса нивелирования личности, с ослаблением интеллектуальной составляющей личностной культуры, с понижением роли творческого коллектива в реальном жизненном пространстве, где формируются возможности подлинно гуманной реальности, основанной на развитии существенных сил человека, которые связаны, в свою очередь с актуальностью идеи самореализации молодежи, упираются в сам дух самореализации, который, как известно, связан с формированием личностных ценностей, являющихся отражением внутренней, духовной сущности самого человека, его богатого внутреннего мира.

Все тайное в существовании молодежи, оказывается овеванным «далеко». Люди ищут место молодого поколения там, где выше и соразмернее находится само решение молодых людей казаться выше «изначальной загадки» в каждом проживаемом мгновении [2, с. 277].

Молодежь, в связи с этим, приподнимает в человеке мечты, пробные образы самоосуществления человека. Российская молодежь, воспроизводя картины, пробные образы человека, выступает неким образом еще далеко не распространившимся в необозримые дали. Этот образ влечет за собой беспокойные следствия проживаемых мгновений по пространственно-временным «линиям» всех «вещей». Молодежь, в этом плане, несмотря на всю свою духовную обеспокоенность, означает нечто, еще не открывшееся, и как бы останавливается сегодня на одном месте. Молодежь не может, соотносить с каким-то «точечным» мгновением, а на самом деле проявляет себя как процесс еще не полностью реализовавшийся во времени.

Молодежь, как некая жизненная «потенция», или «сила бытия», реализует соблазн о лучшей жизни, а, следовательно, имеет мечту о лучшей жизни существования в «желаемом конце» [2, с. 278]. Молодежь всегда соотносима с теми прекрасными мгновениями, относительно которых можно сказать, что сказал И. В. Гете – «остановись мгновение, ты прекрасно».

Литература

1. Белоусова Л. А. Духовные традиции и новации // Философия в современном мире: диалог мировоззрений: материалы VI Российского философского конгресса 27 – 30 июня 2012. Н. Новгород, 2012.
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 1997.
3. Гурченко В. Н. Активная жизненная позиция – характерная черта советского человека. Киев, 1978.
4. Кон И. Открытие «Я». М., 1978.
5. Кризис образования в контексте глобальных проблем // Философия образования для XXI века. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов: Изд. фирма «Лотос», 1991.
6. Молодежь Республики Башкортостан: состояние, тенденции, перспективы. Уфа: Гилем, 2005. 149 с.

Информация об авторе:

Аюпова Альбина Хабибзяновна – старший преподаватель кафедры социальной работы Уфимского филиала Российского государственного социального университета в г. Уфе, Республика Башкортостан, г. Уфа, albinaaupova@mail.ru.

Albina Kh. Ayupova – Senior Lecturer at the Department of Social Work, Ufa branch of Russian State Social University.

Статья поступила в редколлегию 29.04.2014 г.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ В АРКТИКЕ: РЕАЛЬНОСТЬ ПЕРСПЕКТИВ СОТРУДНИЧЕСТВА

М. А. Казаков, М. С. Лысцев

NATIONAL INTERESTS OF RUSSIA AND FINLAND IN THE ARCTIC: REALITY PROSPECTS OF COOPERATION

M. A. Kazakov, M. S. Lystsev

В статье рассматриваются национальные интересы России и Финляндии в Арктическом регионе и возможные перспективы сотрудничества государств в Арктике. На основе системного анализа рассматриваются и анализируются арктические доктрины России и Финляндии, а также стратегии реализации своих интересов в политической, экономической, научной и других сферах.

Авторы приходят к выводам, что арктическая стратегия Финляндии отличается глубокой проработкой, чёткой ориентацией на национальные интересы и продуманной их увязкой с участием Финляндии в ЕС. Финляндия рассчитывает усилить своё присутствие в Арктике на основе её признания в ЕС экспертом по арктической проблематике, сотрудничеству с Россией, по вопросам северного судоходства и т. д.

Для России принципиально социально-экономическое развитие приграничных приарктических регионов. Приграничные субъекты Федерации превращаются в непосредственные «инструменты» взаимодействия государства с зарубежными партнерами, в том числе и с Финляндией. В этой связи полноценное сотрудничество России и Финляндии на современном этапе важно не только для самих стран, но и для планирования долгосрочных стратегий развития арктических территорий.

The article deals with the national interests of Russia and Finland in the Arctic region and the possible prospects of cooperation between states in the Arctic. On the basis of the system analysis are described and analyzed Arctic doctrine of Russia and Finland, as well as strategies for the realization of their interests in the political, economic, scientific and other spheres.

In conclusion, the author concludes that the Arctic strategy of Finland differs deep study, a clear focus on national interests and sophisticated linking them to Finland's participation in the EU. Finland expects to strengthen its presence in the Arctic based on its recognition of the EU expert on Arctic issues, cooperation with Russia, on the northern shipping, etc.

For the Russian Federation is fundamentally socio-economic development of the border regions of the Arctic. Border regions of the Federation converted to direct "tools" of the interaction of the state with foreign partners, including Finland. In this regard, the full cooperation of Russia and Finland at the present stage, it is important not only for the countries themselves, but also for the planning of long-term strategies for the development of the Arctic territories.

Ключевые слова: Арктический регион, государственные доктрины, национальные интересы, арктические организации, стратегии и тактики освоения.

Keywords: Arctic region, state doctrine, national interests, arctic organization, strategy and tactics development.

Источником внешней политики любой страны являются внутренние потребности:

а) осознанные как национальные интересы и приоритеты;

б) четко и сбалансированно определенные руководством государства;

в) соотнесенные с обстановкой, выявляющей «потенциальных» противников и «вероятных» союзников в процессе их реализации.

В начале XXI века внимание к Арктике как территории, способной преумножить благополучие целого ряда стран, резко возросло со стороны мирового сообщества. В нем актуальность заявленной темы определяется в первую очередь растущей активностью Российской Федерации и Финляндии в области международного арктического сотрудничества.

С 2006 по 2011 гг. все восемь стран, входящих в Арктическую зону, а также Европейский Союз (ЕС), разработали свои арктические стратегии. Начало этому процессу положила в 2006 году Норвегия, а Швеция в 2011 году его закончила. Россия (также как Дания и ЕС), со своей стратегией определилась в 2008 г. Вкупе с другими факторами это послужило для Хельсинки

стимулом для разработки собственной арктической доктрины.

В конце 2009 года финский парламент опубликовал доклад по Арктике. В нём были изложены основные подходы страны к решению ключевых проблем региона. В феврале 2010 г. была создана межведомственная рабочая группа, которая занялась подготовкой арктической стратегии Финляндии. 8 апреля 2010 г. правительство сформировало Консультативный совет по вопросам Арктики во главе с государственным секретарём кабинета министров Ристо Воланеном. Основной задачей совета стала координация арктической политики различных правительственных ведомств.

Сама арктическая доктрина Финляндии была принята в начале июня 2010 года. Чуть промедлив с опубликованием своей арктической стратегии, чем другие арктические государства, страна учла уроки их притязаний на арктические пространства и, соответственно, природные ресурсы. Финская стратегия отличается исключительно глубокой проработкой, чётко выраженной ориентацией на национальные интересы и продуманной их увязкой с участием Финляндии в ряде региональных организаций, а также в ЕС, где страна

имеет немалый опыт в налаживании многостороннего арктического сотрудничества.

Ещё в 1960-х гг. началось взаимодействие стран Северной Европы в районе «Северного Калотта», где соприкасаются границы Финляндии, Норвегии и Швеции. В 1993 году Финляндия была одним из учредителей Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). Однако активный интерес к Арктическому региону Финляндия стала проявлять со второй половины 90-х гг. прошлого века. Во многом благодаря ей, в рамках проекта Северного измерения общей внешней политики и политики в области безопасности ЕС (1997 г.) Арктике стало уделяться значительное внимание со стороны Евросоюза. В 2002 году по инициативе Финляндии и ряда других стран появилось «Северное измерение Евросоюза» (СИЕ) – совокупность программ и проектов, реализуемых Евросоюзом в Арктическом регионе.

В арктической доктрине Финляндии 2010 г. правящие элиты определили национальные интересы страны в Арктике, какие угрозы и вызовы финской и глобальной безопасности существуют в регионе, а также инструменты, которые Хельсинки может использовать для достижения поставленных целей [7]. В соответствии с этим документом, национальные интересы Финляндии в регионе состоят в следующем.

Во-первых, страна является частью Арктического региона (треть её территории пересекается Северным полярным кругом), поэтому все процессы, протекающие в Арктике, непосредственно касаются её. Во-вторых, Финляндия обладает уникальным опытом и технологиями освоения Арктики, которые могут быть востребованы другими странами. В-третьих, Хельсинки заинтересован в решении проблем коренных народов Севера по всему Арктическому региону. В-четвертых, Финляндия заинтересована в решении экологических проблем в регионе, так как она сама непосредственно страдает от негативных последствий изменения климата и хозяйственной деятельности человека в Арктике. В-пятых, Финляндия заинтересована в освоении энергетических ресурсов Арктики, так как зависит от импорта энергоносителей из России и Норвегии. Хельсинки недоволен позицией этих и других (из пяти) официальных *арктических государств*, которые не допускают посторонних к эксплуатации природных ресурсов региона.

Своей стратегической задачей Финляндия считает – сформировать у международного сообщества представление о себе как о ключевом игроке, который имеет право на участие в освоении региона, в том числе и его ресурсов. Для этого Хельсинки пытается закрепить термины «арктические» и «прибрежные» государства. К прибрежным странам, по мнению финских экспертов, относятся государства, имеющие выход к арктическим морям (Россия, Норвегия, Дания, Канада и США). Термин «арктические государства», по мнению финской стороны, включает кроме указанных пяти стран, ещё три – Финляндию, Швецию и Исландию, так как они имеют территории в Заполярье или расположены близко к Полярному кругу [3, с. 103]. По этой причине Хельсинки уделяет большое внимание членству в Арктическом совете (1996 г.), где все восемь государств имеют полноценное представительство.

Именно стремлением позиционировать себя как арктическую державу объясняется небывалая дипломатическая активность последних лет Хельсинки в этой области. Министр иностранных дел Финляндии Александр Стубб в речи, произнесённой в июне 2010 г. сказал, что Арктика – это *регион кооперации и здесь нет альтернативы международному сотрудничеству*. В свою очередь стратегия Финляндии по реализации своих интересов в Арктическом регионе включает в себя три уровня.

Первый уровень – это двусторонние отношения с приграничными государствами – Россией, Норвегией и Швецией. Сотрудничество с ними включает в себя проекты по эксплуатации природных ресурсов Арктики, а также рассчитанные на развитие приграничных регионов. В отношениях с Россией Хельсинки считает перспективным развитие транспортной и пограничной инфраструктуры по всей границе. У ряда финских компаний существует сотрудничество с Россией в области строительства ледокольного и танкерного флотов. Активно развивается сотрудничество между странами в сфере метеорологического мониторинга в Арктике.

Второй уровень представляет собой сотрудничество между североευропейскими странами. Активно Финляндия работает в рамках арктического сотрудничества Совета министров Северных стран и Арктического консультативно-экспертного комитета. С усердием участвует в работе ведущих североευропейских финансовых институтов – Северном инвестиционном банке, Северном фонде экологического развития (NEFCO), Северном проектном фонде. Кроме этого, нельзя забывать, что управляющие органы этих институтов находятся в Хельсинки, а президентом Северного инвестиционного банка является представитель Финляндии.

Третий уровень относится к участию в различных международных организациях. Основной акцент делается на участии в Арктическом совете и СБЕР, в которых Финляндия представлена и может влиять на принятие их решений. Участвуя в работе этих организаций, Хельсинки стремится повысить их роль в решении ключевых арктических проблем и наделить их дополнительными полномочиями. Ключевой проблемой, по мнению финских экспертов, являются пробелы в международных соглашениях, распространяющихся на Арктику. Поэтому финская сторона предлагает выявить их и по возможности решить противоречия, которые возникли, для чего Финляндия предлагает время от времени проводить саммиты Арктического совета на уровне глав правительств и государств. Также она выступает за создание постоянного секретариата Совета.

Кроме этого, Финляндия как член ЕС активно использует институты ЕС для достижения своих целей в регионе. Одним из каналов влияния Финляндии на арктическую политику ЕС, как уже отмечалось, стало «арктическое окно» СИЕ. Политика Северного измерения была пересмотрена в 2006 году в период финского председательства. Политика ЕС, первоначально направленная на европейский Север, была трансформирована в общую политику четырёх равноправных партнёров: ЕС, России, Норвегии и Исландии. Теперь

этот инструмент служит важным звеном стратегического партнерства между данными странами. Всего было создано четыре партнёрства: по экологии в 2001 году, в области здравоохранения и социального благополучия в 2003 году, по транспорту и логистике в 2009 году, по культуре в 2010 году [1, с. 72 – 73].

С 2009 г. работает Институт Северного измерения – это система сотрудничества между 15 университетами стран-участниц, а также Беларуси, которые занимаются исследованиями, важными для реализации региональной политики.

Финляндия, а также Швеция и Дания, были инициаторами принятия Евросоюзом собственной арктической стратегии в 2008 году. Роль ЕС финское правительство видит следующим образом: ЕС должен глубже учитывать специфику Арктического региона; ЕС следует принять в Арктический совет в качестве постоянного члена; Северное измерение должно стать главным инструментом проведения Европейским Союзом арктической политики.

Ключевой для решения некоторых международно-правовых проблем в Арктике Хельсинки считает Конвенцию ООН по морскому праву. Эта конвенция, как считают многие эксперты, создаёт определенные ограничения амбициям «прибрежных» государств по разделу морских пространств и континентального шельфа в Арктике.

В последнее время Финляндия выдвигает различные инициативы в сфере арктической политики, которые включают в себя следующие предложения.

Во-первых, активизация научных исследований по проблемам Арктики на междисциплинарной основе в таких сферах, как изменение климата и его последствия для экологии и деятельности в регионе; совершенствование технологий по безопасному плаванию в арктических водах; создание устойчивых местных сообществ в арктических условиях и т. д.

Во-вторых, развитие транспортной инфраструктуры в северной части Финляндии. Здесь проекты должны выполняться в сотрудничестве с приграничными государствами.

В-третьих, продолжение усилий по линии МИДа, направленных на включение нынешних наблюдателей в Арктическом совете (ЕС, а также некоторых его стран) в состав полноправных членов.

В-четвертых, повышение степени торгово-экономического присутствия Финляндии на Севере России.

Развитие научных междисциплинарных исследований по проблемам Арктики (сегодня без преувеличения) невозможно без Финляндии. «Страна тысячи озер» обладает значительными научно-экспертными возможностями в развитии сотрудничества в полярных и приполярных районах. При Лапландском университете в Рованими, к примеру, создан Арктический центр, на базе которого предполагается создать Арктический информационный центр ЕС. В Оулу существует научный центр по проблемам медицины и здравоохранения в арктических условиях.

Особое внимание в Финляндии уделяется проблемам малочисленных коренных народов Севера, прежде всего, саамов (лопарей). Финляндия ставит целью улучшение условий жизни этой народности и её полного вовлечения в устойчивое развитие Арктики. Финны

активно участвуют в деятельности Саамского совета, где также представлены Норвегия, Швеция и Россия. В целом Финляндия полагает, что необходимо улучшать координацию работы Арктического Совета, Северного измерения, региональных программ ЕС и СБЕРА.

Совет Баренцева/Евроарктического региона существует (как отмечалось) с 1993 г. и организует сотрудничество приграничных государств. Особенностью структуры является работа одновременно на уровне центральных, региональных и местных властей. В работе СБЕР, как и в Арктическом Совете, участвуют представители коренных народов. В рамках организации работает Региональный совет, куда входят руководители административных единиц стран, образующих Баренцев регион. От России в него входят главы Мурманской, Архангельской областей, Ненецкого автономного округа, Республик Карелия и Коми; от Финляндии руководство губернии Лапландия и союзов коммун Кайнуу и Северной Остроботнии [5].

В работе этой структуры, таким образом, участвуют не только представители от федеральных властей России и других стран, но и региональных, а это значит, что в рамках функционирования этой организации можно увидеть разные явления, непосредственно представленные в сфере развития приграничного сотрудничества. Например, к кризисным явлениям можно отнести нарастающую «рутинность» ПГС, недостаток новых идей и форм партнерства, дефицит информации сторон о практиках приграничного сотрудничества других стран. Поэтому актуальной для решения возникающих проблем является выработка механизмов «модернизации» целей и принципов приграничного взаимодействия. Их адаптация к современным особенностям трансграничных региональных интеграционных процессов, ставших важной и неотъемлемой частью механизма реализации общегосударственных внешнеполитических и внешнеэкономических интересов РФ.

Ныне приоритетными для нашей страны являются национальные интересы, которые прописаны в Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу [4].

Согласно документу основными национальными интересами Российской Федерации в Арктике являются:

- использование Арктики в качестве стратегической ресурсной базы России, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны;
- сбережение уникальных экологических систем Арктики;
- использование Северного морского пути (СМП) в качестве национальной единой транспортной коммуникации РФ в Арктике;
- сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества.

На первом месте в стратегии стоят экономические интересы государства. Однако, многое в механизме их осуществления, особенно в международной сфере меняется, и документ нуждается в постоянном уточнении, обновлении доктринальных принципов, а также практических подходов к решению проблем региона.

Высокая значимость экономических интересов России определяется тем, что в настоящее время Арк-

тический регион обеспечивает около 10 % национального дохода, притом, что здесь проживает около 3 млн. чел. Большая часть производимой здесь продукции не имеет альтернативы с точки зрения их возможного производства в других регионах страны или закупки за рубежом.

Именно здесь добывается значительное количество полезных ископаемых, имеющих стратегическую важность для РФ. Около 2/3 нефтегазовых ресурсов приходится на Арктические территории, которыми уже владеет или на которые претендует Россия. Освоение ресурсов Арктического региона требует, прежде всего, проведения геологоразведочных работ, создания инфраструктуры, овладения безопасными для окружающей среды технологиями бурения, переработки, хранения и доставки сырья.

Сегодня почти две трети извлекаемых в России углеводородов находятся на шельфе Баренцева и Карского морей. Однако, перспективными районами добычи эксперты считают шельфы Восточно-сибирского, Чукотского морей и моря Лаптевых. В будущем шельф указанных морей может стать основным источником нефти и газа для России. Кроме того, в Арктике находится более половины российских месторождений редких и редкоземельных металлов, минералов, руд и другого сырья, имеющего стратегическое значение.

В Арктике при прямой поддержке государства на протяжении нескольких десятилетий прошлого столетия создавалась мощная промышленная инфраструктура. В этот период были построены многочисленные объекты нефтегазового комплекса, магистральные трубопроводы протяженностью в тысячи километров, электростанции, в том числе Билибинская АЭС, шахты, железные дороги, аэродромы, морские и речные порты. В российской Арктике расположено 46 городов с населением свыше 5 тыс. чел., из них 4 города с населением свыше 100 тыс. чел.: Мурманск, Норильск, Новый Уренгой и Ноябрьск. Вся эта инфраструктура в большей степени была направлена на извлечение дорогостоящих ресурсов и их транспортировку на мировые рынки.

Однако нынешняя экономическая деятельность в Арктике не должна иметь целью преимущественно добычу и транспортировку энергоносителей в другие страны. В первую очередь энергетические ресурсы региона следует поставить на службу экономике самой России. Здесь имеется в виду следующее: во-первых, развитие современной нефте- и газоперерабатывающей промышленности, которая должна выпускать на российских предприятиях продукцию глубокой переработки. Во-вторых, необходимо развивать местные сектора экономики, улучшать гидрометеорологическое обеспечение хозяйственной деятельности, обновлять транспортную инфраструктуру, системы связи и коммуникаций.

В случае наметившегося технологического отставания России следует ожидать серьезных негативных последствий в среднесрочной и долгосрочной перспективе. Поэтому дальнейшее развитие трансграничных региональных интеграционных процессов «в Арктике и на Севере» как противодействие тому требует создания единого (сначала по определенным параметрам)

информационного, экспертно-интеллектуального сетевого пространства.

Первостепенную значимость в деле обеспечения интересов России в Арктике приобретают комплексные научные исследования региона. Их результаты (включая порой неоднозначные выводы статей аналитического характера), должны учитываться в принятии решений российской элитой в Арктике по всем направлениям и на всех уровнях. Без успеха в социально-экономическом возрождении приарктических территорий, как и без более глубокого понимания специфики приграничного сотрудничества в регионе, Россия не будет иметь должных ресурсов ни для потенциала развития последнего, ни для конкурирования с другими государствами по Арктике уже в мировом масштабе.

В этом отношении «дружить» надо со всеми восемью государствами, территории которых пересекаются Северным полярным кругом, но неоднократно взвешивая тот факт, что именно Финляндия формально и фактически является проводником политики ЕС в сфере развития регионального сопредельного сотрудничества.

Арктика имеет и важное военно-политическое значение для России. В «ней и вокруг нее» накопилось немало проблем, связанных с нерешенными территориальными спорами, организацией совместной хозяйственной деятельности государств и эффективных механизмов взаимодействия. Пока этот регион является скорее предметом соперничества, чем сотрудничества между различными государствами и международными организациями. Различные стороны часто решают проблемы импульсивно, реактивно-наступательным, потенциально конфликтным, а не политико-правовым путем.

В условиях повышения геополитического статуса Арктики явно намечается опасная тенденция к милитаризации региона. Это выражается в усилении военного присутствия и активности ряда стран, наличии в Арктике и ВС РФ, и НАТО [6]. Не удивительно, что усилилось давление на Россию по таким вопросам, как определение внешних границ континентального шельфа, раздел морских территорий, разработка нефтегазовых ресурсов.

Россия заинтересована в укреплении авторитета Арктического совета (АС). Превращение АС из консультативного форума в полноценно значимую международную организацию [2, с. 24], принимающую обязательные для исполнения решения, позволит не допустить дальнейшей милитаризации Арктики. Однако эта же тенденция связана и с активностью США, ряда европейских государств. Они стремятся, чтобы НАТО стала главным арбитром и одновременно инструментом в решении любых споров. Дальновидный учет особенностей этой ситуации представляет собой важный аспект стратегического планирования ее развития уже к ближайшему будущему.

Россия имеет существенные и разнообразные национальные интересы в Арктике. По отношению к ней они выражаются в совокупности экономических и политических интересов государства, которые, различаясь по степени своей важности для его жизнедеятельности, имеют не конъюнктурный, а долговременный характер. Неизменная его часть включает задачу обес-

печения внешней и внутренней безопасности РФ. Каждая из них требует внимания и учета особенностей изменения не только со стороны государства, но и общества.

В числе его современных полезных функций – регулярное всенародное обсуждение этих интересов, передача своих уточнений ветвям власти, разработка и постоянная корректировка ими концептуальной и нормативно-правовой базы российской стратегии в Арктическом регионе. В русле общей тенденции «экологизации» общественного сознания также поступают и финны. Финляндия в сфере отстаивания своих (и европейских) национальных интересов в Арктике значительно оживила свою международную деятельность на рубеже веков. Это лишний раз подчеркивает уместность и необходимость «перекрестного» исследования возникающих новых арктических инициатив России и Финляндии.

Таким образом, правительство Финляндии не намерено отступать от участия «в дележе арктического пирога», хотя оно и не имеет в своём распоряжении таких серьёзных историко-юридических аргументов и политико-правовых инструментов, которые есть у стран «первой пятерки» арктических государств. Страна стремится компенсировать данную брешь путём активного использования различных региональных и субнациональных институтов, являясь проводником политики ЕС в сфере развития регионального сопредельного сотрудничества. Финская арктическая стратегия отличается глубокой проработкой, чётко выраженной ориентацией на национальные интересы и продуманной их увязкой с участием Финляндии в прогрессивном развитии Европейского союза.

Основой стратегии Финляндии является её соединение с политикой Северного измерения. Эта особенность даёт дополнительные возможности для использования средств и возможностей ЕС для реализации целей регионального значения. Финские элиты весьма последовательно используют участие страны в ЕС для вывода своих национальных и региональных целей на коммунитарный уровень. Этот же алгоритм был в своё время удачно использован при разработке концепции и начальной стадии реализации Северного измерения.

Финским козырем является нарастающий интерес ЕС к Арктике. Финляндия поддерживает деятельность его руководства по включению Евросоюза в Арктический совет в качестве постоянного наблюдателя, благодаря чему Финляндии, вполне вероятно, сможет до-

биться увеличения финансирования Северного измерения.

Финская политика отличается инициативным характером, который, в частности, проявился в её предложениях по налаживанию международного сотрудничества в рамках Северного измерения и Арктического совета. Финляндия рассчитывает усилить своё присутствие в Арктике на основе её признания в ЕС экспертом по арктической проблематике, сотрудничеству с Россией, по вопросам северного судоходства; ледокольного судостроения и судоходства в арктических водах; технологий строительства в полярных условиях. С точки зрения национальных интересов Российской Федерации, важно, что Финляндия признаёт за Россией право контроля над СМП, что не противоречит действующему международному праву.

Для РФ принципиально социально-экономическое развитие приграничных приарктических регионов. Приграничные субъекты Федерации превращаются в непосредственные «инструменты» взаимодействия государства с зарубежными партнерами и даже в своеобразные площадки, на которых «оттачиваются» разнообразные формы сотрудничества. В этой связи понимание логики реализации полноценного сотрудничества России и Финляндии на современном этапе представляется важным не только для анализа перспектив развития отношений этих стран, но и для планирования долгосрочных стратегий социально-экономического развития арктических территорий.

Деятельность российских элит разного уровня в Арктике, участвующих в работе соответствующих международных организаций, не должна иметь целью только ту или иную прагматику, будь то улучшение условий добычи и транспортировки природных ресурсов или демонстрация иных приоритетов. Эффективное культурно-экономическое присутствие России в Арктике – ключ к долгосрочному успеху. Несмотря на конфронтационный курс некоторых арктических государств и наличие блока НАТО, север России обязан являть собой «связующую» зону, способную, вопреки растущим противоречиям, хранить конструктивность диалога между разными партнерами.

Политика России в Арктическом регионе должна и может основываться на качественном уровне международного сотрудничества, признании и взаимном учёте интересов друг друга. Подобный курс более предпочтителен, чем ответное в духе холодной войны усиление жесткого противостояния в Арктике, значение которой является базовым в XXI веке.

Литература

1. Антюшина Н. М. Арктический вызов для национальной и международной политики. М.: Ин-т Европы РАН; Рус. сувенир, 2012.
2. Васильев А. А. Арктика: новый вектор развития // Арктика. Экология и экономика. 2011. № 1.
3. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Арктика в международной политике: сотрудничество или соперничество? М.: ИСИ, 2011.
4. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу. URL: <http://www.rg.ru/2009/03/30/arktika-osnovy-dok.html>.
5. Совет Баренцева/Евроарктического региона. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Совет_Баренцева/Евроарктического_региона.
6. Современное присутствие военных структур НАТО в Арктике. URL: http://library.narfu.ru/sites/arctic/rus/info/gosud_politika_v_arktike/Pages/Современное-присутствие-нато-и-россии.aspx

7. Finland's Strategy for the Arctic Region. URL: <http://www.vnk.fi/julkaisukansio/2010/j07suomen-arktinen-08-finlands-strategy/pdf/en.pdf>.

Информация об авторах:

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладной политологии факультета международных отношений ННГУ им. Н. И. Лобачевского, kazakov_mihail@list.ru.

Michael A. Kazakov – doctor of political sciences, professor of the faculty of international relations of Nizhny Novgorod State University in the name of N. I. Lobachevsky.

Лысцев Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки ННГУ им. Р. Е. Алексеева, MLystsev@gmail.com.

Michael S. Lystsev – candidate of political Sciences, associate professor of Department of methodology, history and philosophy of science of the Nizhny Novgorod state technical University in the name of R. E. Alekseeva.

Статья поступила в редколлегию 03.07.2014 г.

УДК 353

ВНЕДРЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В РЕГИОНАХ РОССИИ

М. М. Кисляков

IMPLEMENTATION OF POLITICAL MARKETING TECHNOLOGIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

M. M. Kislyakov

В статье автором рассматриваются этапы, проблемы внедрения технологий политического маркетинга в регионах России. В статье выделены три этапа внедрения технологий политического маркетинга в регионах нашей страны. Сделан вывод о том, что необходим комплексный подход к внедрению и использованию технологий политического маркетинга на отдельных территориях России.

The paper examines the stages and problems of implementing political marketing technologies in the regions of Russia. The paper identifies three stages of implementing political marketing technologies in this country. The author concludes that an integrated approach to the implementation and use of political marketing technologies is necessary in some areas of Russia.

Ключевые слова: региональный политический маркетинг, этапы, подходы, эффективность внедрения.

Keywords: regional political marketing, stages, approaches, effectiveness of implementation.

В современной научной литературе обсуждается вопрос об активности и темпах внедрения политического маркетинга в политическую деятельность. Отмечаются две тенденции: первая – активное внедрение технологий политического маркетинга в США, менее активно это происходит в современной России; вторая – ослабление в современной «политической игре» роли политических партий, гораздо большую роль в победе на выборах играют политические консультанты и политтехнологи. В связи с этим важно выяснить, как происходит внедрение технологий политического маркетинга на региональном уровне.

Пока приходится констатировать, что в современной политологической литературе вопросам внедрения технологий политического маркетинга в регионах России внимания уделяется недостаточно.

Политические технологии – это совокупность приемов, методов, способов, процедур, которые используют субъекты политики для решения политических проблем. Технологии политического маркетинга используются в маркетинговой деятельности и являются разновидностью политических технологий. Специфика технологий политического маркетинга состоит в том, что они могут использоваться

только для решения проблем в области политического рынка и политического маркетинга.

Технологии политического маркетинга подразделяются на избирательные и политико-управленческие. В свою очередь, избирательные технологии разделяются на прозрачные, манипулятивные и технологии по дискредитации политических противников.

Процесс внедрения технологий избирательного маркетинга имеет три этапа.

Первый этап предполагает получение полной и объективной информации о политических настроениях и интересах населения, о тенденциях рыночной конъюнктуры, состоянии политического спроса и степени его удовлетворения, о действиях конкурентов, степени поддержки со стороны населения. Важно иметь представление о мнении экспертов, а также о мнении общественности. С этой целью проводятся опросы экспертов и населения. В ходе проведенных опросов определяются те группы и слои населения, поддержка со стороны которых вызывает сомнения у организаторов выборов, выделяются проблемы, волнующие отдельные группы и все общество в целом, определяются качества политических лидеров, содержание идей, программ политических партий, ко-

торые больше всего соответствуют ожиданиям избирателей.

На втором этапе реализации избирательного маркетинга разрабатывается предвыборная программа, в которой определяются пути решения основных проблем региона, формируется имидж кандидата, отвечающий представлениям большинства избирателей. При составлении предвыборной программы главное, как считают многие исследователи, – учесть интересы всех социальных слоев и групп общества. Предвыборная программа должна завершаться призывом к избирателям проголосовать за кандидата или политическую партию.

На третьем этапе применения технологий политического маркетинга в регионе основное внимание должно быть сосредоточено на продвижении политического товара на региональный политический рынок. Продвижение политического товара может быть осуществлено с помощью таких технологий, как проведение митингов, шествий («крещение толпой»), посещение кандидатом мест массового скопления народа – рынков, больниц, церквей.

Особо важную роль в продвижении политического товара призваны сыграть региональные средства массовой информации, позволяющие одновременно охватить широкую аудиторию и разные социальные слои и группы.

Основные задачи, решаемые региональными СМИ: формирование положительного имиджа кандидата, политической партии; разъяснение сути предвыборной программы, создание желаемой психологической установки, предопределяющей направление чувств, симпатий, а затем и действий человека.

В конце третьего этапа избиратели морально и психологически должны быть готовы к тому, чтобы проголосовать за того кандидата или политическую партию, которые смогут предложить реальные пути и способы решения актуальных проблем в развитии региона. К сожалению, на практике избиратели, как правило, голосуют за тех, кто, с одной стороны, много обещает, и только отчасти за тех, кто предлагает реальные программы и пути.

Политический маркетинг нельзя сводить только к организации и проведению избирательных кампаний – технологии политического маркетинга могут быть использованы и при проведении политико-административной реформы.

Процесс внедрения технологий политического маркетинга имеет внутреннее и внешнее содержание. Внутреннее содержание включает в себя все то, что непосредственно относится к реализации технологий политического маркетинга, т. е. к выбору типа технологий, времени и месту их применения. Внешнее содержание – это соприкосновение с внешней средой: предвыборные технологии, имиджевые технологии, информационно-аналитические, информационно-прогностические.

Процесс внедрения технологий политического маркетинга проходит в определенной социально-экономической, социально-политической обстановке региона. Результатом внедрения технологий политического маркетинга в политическую практику регионов должны стать подготовка и проведение эффек-

тивных избирательных кампаний, а также изменение политического поведения и менталитета граждан региона.

При внедрении технологий политического маркетинга в ходе проведения избирательных кампаний в регионе необходимо учитывать его взаимодействие с социальным пространством при выработке предвыборной программы и формировании имиджа кандидатов, политических партий, при организации маркетинговой деятельности.

Как считают исследователи Т. Юрасова и О. Селиванова, в социальном пространстве политического маркетинга выделяются несколько сегментов: управляемые и неуправляемые факторы, система обратных связей и адаптация [1, с. 69]. В числе управляемых факторов авторы называют те, которые зависят от действий кандидатов и инициативных групп, а также специалистов политического маркетинга. К числу неуправляемых факторов авторы относят те явления социальной действительности, которые не зависят от деятельности кандидата, его штаба и службы политического маркетинга.

Успешное проведение избирательных кампаний в регионе коррелирует с полнотой учета управляемых и неуправляемых факторов.

Основные задачи политических маркетологов состоят в том, чтобы своевременно проанализировать социальную стратификацию округа, т. е. выявить основные социальные параметры социальных групп: их доходы, возрастную и профессиональную структуру, национальные особенности, характер собственности, объем власти, культурно-психологические традиции и т. д. Маркетологи должны ответить на два вопроса, а именно:

1) что влияет на электоральное поведение граждан региона – характер профессиональной деятельности, уровень образования, традиции и привычки голосования, религия, ориентированность на определенный авторитет (мнение, общественная атмосфера);

2) как граждане принимают решение голосовать за того или иного кандидата – на какого рода информацию и СМИ ориентируются, какой образ политика для них является наиболее привлекательным, что может стимулировать их избирательную активность.

В задачу маркетологов входит также выяснить, какие существуют избирательные объединения в регионе. Кроме того, важно знать сильные и слабые стороны конкурентов.

На основе собранной информации о состоянии политического спроса в регионе, о составе конкурентов разрабатывается предвыборная платформа, определяется тактика действий. Главное в ходе реализации тактики – переоценить возможности противников, но ни в коем случае нельзя недооценить их.

Организаторы избирательных кампаний должны наладить систему обратной связи между кандидатом и избирателями. Обратная связь – это наличие информации о том, какова реакция граждан региона на планы и деятельность претендентов и их команд.

Политические маркетологи должны получить полную информацию об удовлетворенности граждан положениями предвыборной платформы, о поддержке этой платформы, изучить тенденции взаимоотноше-

ний кандидатов с населением, официальные и неофициальные масс-медиа, оценить отношения с властями.

Собранная и проанализированная информация должна позволить выработать корректирующие рекомендации, с тем, чтобы адаптировать стратегию к влияниям социального пространства и спросу политического рынка. В случае несогласованности стратегии с реальным положением дел маркетологам следует изыскать новые возможности, которые бы соответствовали общему плану ведения предвыборной кампании. Как показывает политическая практика, иногда полезно на основе анализа влияния социальной среды пересмотреть стратегию ведения предвыборной кампании.

При выработке предвыборной платформы и формировании имиджа важно обращать внимание на содержание маркетинговой деятельности. Для этого необходимо, как считают исследователи Т. Юрасова и О. Селиванова [1, с. 69], придерживаться следующих правил.

Во-первых, необходимо четко сформулировать цель, которая могла бы служить выражением значимых интересов наибольшей части электората.

Во-вторых, должны быть указаны конкретные средства, пути и механизмы достижения цели с учетом социально-экономических и культурных особенностей региона.

В-третьих, предвыборная программа должна отвечать на вопрос, что конкретно получат избиратели региона от реализации программы.

В-четвертых, важно выделить в предвыборной программе основное положение, которое волнует всех граждан региона.

В-пятых, предвыборную программу должна отличать оригинальность, т. е. новые, глубокие и значимые взгляды для избирателей.

В-шестых, очень важна подача предвыборных обещаний. В предвыборной платформе должны быть определены положения, которые бы выражали личное отношение кандидата к нуждам людей, его заинтересованность в поддержке каждого из них.

При формировании имиджа у избирателей должен возникнуть максимально привлекательный для избирателей образ кандидата.

Организация маркетинговой деятельности предусматривает составление стратегического плана. План должен дать ответы на все основные вопросы, а именно: какие маркетинговые действия должны быть предприняты, почему необходимы именно эти действия, кто отвечает за их реализацию, где они будут предприняты и как завершены.

Непосредственно организация маркетинговой деятельности, считают Т. Юрасова и О. Селиванова, включает в себя семь основных этапов:

- 1) определение задач предвыборной кампании;
- 2) функциональное распределение обязанностей членов команды претендента;
- 3) установление целей политического маркетинга;
- 4) ситуационный анализ;
- 5) разработка стратегии политического маркетинга;
- 6) реализация тактики;
- 7) слежение за результатами.

В современной научной литературе существуют разные точки зрения относительно того, какие этапы должна включать в себя маркетинговая деятельность и что – каждый этап маркетинговой деятельности. Так, например, А. И. Ковлер выделяет пять этапов избирательного маркетинга, которые включают: определение стратегии, целей и задач избирательной кампании, выдвижение кандидатур, выбор плана кампании, формулирование основных направлений кампании, осуществление намеченной стратегии: организация, планирование, контроль ведения кампании [2, с. 20]. По мнению И. Н. Гомерова, маркетинговая деятельность должна быть направлена на изучение политического спроса, выявление различных политических интересов, удовлетворение политического спроса, анализ итогов выборов [3, с. 17].

Несколько иной позиции придерживаются Е. Г. Морозова и И. Л. Недяк. Так, исследователь Е. Г. Морозова утверждает, основная цель политического маркетинга – реализация маркетинговых задач, а именно в зависимости от конкретной ситуации либо повышение политического спроса, либо наоборот снижение политического спроса, либо поддержание политического спроса на определенном уровне [4, с. 11].

По мнению И. Л. Недяк, можно выделить два альтернативных видения главных задач и целей политического маркетинга: адаптивный маркетинг – ориентация на потребности граждан и воздействующий маркетинг – убеждение граждан [5, с. 43].

Если обобщить существующие точки зрения относительно того, что должна включать в себя маркетинговая деятельность и как должен проходить процесс внедрения технологий политического маркетинга, можно сделать вывод, что маркетинговая деятельность имеет три основных этапа. Первый этап включает мероприятия, направленные на изучение состояния регионального политического рынка, выявление адресных групп, их политических интересов. Второй этап связан с продвижением на региональный политический рынок политического товара, который должен быть востребован на этом рынке. Третий этап включает процесс анализа проводимых маркетинговых мероприятий.

Об эффективности регионального политико-избирательного маркетинга, считает исследователь М. С. Холодилин, можно судить на основе следующих критериев: как реализованы основные цели, полнота реализации функций маркетинга, как осуществляется позиционирование и продвижение политического «продукта», как обеспечивается информационно-аналитическое сопровождение избирательного процесса, насколько выборный процесс обеспечен кадрами, финансами, разнообразием технических приемов [6].

Таким образом, можно констатировать, что в регионах России существуют проблемы, связанные с адаптацией политического маркетинга. Политическая практика показывает, что решить проблемы адаптации можно только при условии комплексного подхода. Этот подход требует, чтобы одновременно решались социально-экономические, политические, духовные проблемы в регионе. После того как в регионах

будет адаптирован политический маркетинг, далее необходимо осуществить внедрение его технологий, которое должно проходить в соответствии с этапами

проведения избирательного процесса и политико-административной реформы.

Литература

1. Юрасова Т., Селиванова О. Предвыборная борьба и политический маркетинг // Политика. 1991. № 10.
2. Ковлер А. И. Основы политического маркетинг. М., 1993.
3. Гомеров И. Н. Архитектура выборов: маркетинговый подход. Новосибирск, 1993.
4. Морозова Е. Г. Политический маркетинг: концепции развития, модели функционирования (компаративный анализ): дис. ... д-ра полит. наук. М., 2000.
5. Недяк И. Л. Политический маркетинг. Основы теории. СПб.: Весь мир, 2008.
6. Холодилин М. С. Проблемы становления политико-избирательного маркетинга в России: региональный аспект: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2007.

Информация об авторе:

Кисляков Михаил Михайлович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Mikhail M. Kislyakov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Humanities, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 01.07.2014 г.

УДК 32.019.51

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ К ПРИРОДЕ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОЛИТИКЕ

О. В. Ланге

TO THE QUESTION OF SPECIFICS OF MODERN APPROACHES TO THE NATURE OF MANIPULATIVE TECHNOLOGIES IN POLITICS

O. V. Lange

В статье определяется оптимальный подход к исследованию феномена политической манипуляции: объектом исследования является феномен политической манипуляции, предметом – методология его изучения. В работе показано, что понимание манипуляции как мотива политического поведения, дает основание для применения к ее изучению методологии исследования политического поведения: бихевиоралистского, психологического, социологического методов, теории рационального выбора и когнитивного подхода. В статье доказывается, что целостное представление о причинах выбора определенного действия политическим актором дает когнитивный подход, так как мотивами политической активности в нем признаются как факторы внешней информационной среды, так и психологические особенности человека. Когнитивный подход как единое методологическое основание исследования феномена политической манипуляции дает возможность объединения в единой плоскости имеющихся в науке представлений о манипулятивных техниках и технологиях и их классификации.

The paper determines the optimal approach to studying the phenomenon of political manipulation. It shows that in the case where manipulation is understood as motive of political behavior, the following methodologies of studying political behavior can be used: behavioral, psychological, sociological methods, rational choice theory and the cognitive approach. It's been proved that the optimal approach to the study is a cognitive approach, because reasons of political activity in it are factors of information environment and psychological characteristics of a person. Using cognitive approach to study political manipulation one can unite in a single plane all manipulative techniques and technologies available in the science and classify them.

Ключевые слова: манипулятивные технологии, методология, политическое поведение, мотивация, когнитивный анализ.

Keywords: manipulative technologies, methodology, political behavior, motivation, cognitive analysis.

Манипулятивные технологии используются в политической практике на протяжении веков, однако история изучения теоретических основ этого феномена насчитывает всего несколько десятков лет. Теоретическая база вопроса на сегодняшний день достаточно слаба: не сформированы единые подходы к его изучению со стороны различных гуманитарных

наук, не выработана объяснительная модель манипулятивного воздействия, не приведена классификация манипуляций.

Цель данной работы – продвинуться в решении этих вопросов: определить оптимальный подход к исследованию феномена манипуляции, который бы позволил объединить и классифицировать имеющие-

ся техники и формы манипуляции, а также объяснить принципы манипулятивного воздействия.

В современном научном дискурсе предпринимаются попытки представить подходы к изучению. Обычно их целью признается «скрытое влияние на совершение выбора» [44, с. 53], или «управление и контроль, эксплуатация другого, использование в качестве объектов, вещей» [31, с. 50], или «скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения» [30, с. 64].

Принимая тезис Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, которые считали конечной целью любого субъекта влияния коррекцию, изменение поведения объекта этого влияния [7, с. 46] можно заключить, что перечисленные цели информационно-психологического воздействия являются промежуточными. Конечная цель такого воздействия – коррекция поведения объекта влияния. Таким образом, манипуляция является информационно-психологическим воздействием, мотивирующим объект на политическое действие, задуманное манипулятором. Такое понимание феномена все чаще встречается в современных научных статьях [8, с. 77; 26, с. 19]. В этом случае методология исследования данного феномена будет аналогична методологии изучения политического поведения.

Фундамент современных исследований политического поведения был заложен представителями Чикагской школы, в лице Ч. Мэрриам «Новые аспекты политики» [15], Г. Госнелла «Политическая машина. Модель Чикаго» [36] и Г. Лассуэлла «Пропаганда и продвижение» [9, с. 115], «Психопатология и политика» [10] и т. д.

В рамках классической бихевиоралистской схемы манипулятивные технологии рассматриваются как однонаправленное воздействие субъекта на пассивный объект. Политическая среда воздействует на личность через систему организованных общественных институтов и ценностей. Инструментами манипуляции выступают PR, пропаганда и СМИ.

Во многом благодаря теоретико-методологическому фундаменту, заложенному Чикагской школой, в 1950-е гг. появились три основные теоретические модели политического поведения: социально-психологическая, социологическая и модель рационального выбора.

Успешное применение Г. Лассуэлом психологических концепций для объяснения поведения политиков привело к тому, что и другие ученые стали использовать психологические теории мотивации для создания объяснительных моделей политического поведения: Р. Лейн [38], Е. Б. Шестопал [29], А. И. Юрьев [32], Е. В. Егорова-Гантман [6] и т. д. Большинство классификаций потребностей в этих теориях создавалось по разработанной А. Маслоу [14] схеме, но некоторые авторы стремились выделить дополнительно потребность во власти.

Этот подход в основном показывает различия между манипуляторами и манипулируемыми и объясняет выбранную модель поведения исключительно психологическими особенностями личности. Так Э. Шостром считает противоположенными психологические типы манипулятора и актуализатора [31,

с. 29]. По мнению К. Хорни, манипулирование объясняется потребностью невротической личности в доминировании, обладании властью [28, с. 137].

Психологический подход при объяснении политического поведения является иной крайностью бихевиорализма, в которой все внимание уделяется внутренним потребностям индивида, а внешние стимулы имеют значение лишь в той мере, в которой повлияли на формирование этих потребностей.

Помимо выявления специфики типов личности объекта и субъекта манипуляции, в рамках психологического подхода описываются особенности индивидуального и массового сознания. Работы Г. Тарда [24], Г. Лебона [11], В. Вундта [4], С. Московиси [16], С. Сигеле [37], В. М. Бехтерева [1] и др. составляют основу теории манипулятивных технологий и активно используются в политической практике.

Представители «социологической модели» считают, что политическое поведение определяется социальными структурами. Работы П. Лазарсфельда [38], П. Бурдьё [3] основываются на аксиоматическом допущении, что в обществе есть устойчивые, существующие помимо воли и сознания людей, социальные структуры: группы, общности, статусы, роли. Они объединяют людей, определяют их политическое поведение.

В русле исследования политического манипулирования специфика «социологической модели» заключается в том, что само современное общество признается манипулятивным. В рамках этой модели основным субъектом влияния на индивидуальность человека признаются социальные роли и общественное мнение.

Примером такого подхода является работа Г. Маркузе «Одномерный человек», в которой развитая индустриальная цивилизация называется «царством комфортабельной несвободы» [13, с. 11]. Несвобода достигается за счет того, что индустриальное общество диктует человеку потребности, и «удушает» те из них, которые могли бы привести к освобождению. Само существование в таком обществе является манипулятивным, так как индивиды отождествляют себя с называемым им способом бытия. Агентами распространения манипуляций являются СМИ, так как именно они доносят информацию о социальных потребностях. Однако основным манипулятивным механизмом здесь является стирание контраста между удовлетворяемыми и неудовлетворяемыми потребностями, уравнивание классовых различий.

Х. Ортега-и-Гассет в работе «Восстание масс» [19] также утверждает, что решения в политической жизни всецело зависят «от характера общества, его склада». Он констатирует манипулирующий характер цивилизации, в которой человек зависит от социального факта, отбирающего его спонтанность и свободу. Современная цивилизация сконструировала «человека – массу», инертного человека, «отторгающегося» от своей ответственности и выбора, передоверяющего свою свободу государству. Автор считает, что противодействие массовой манипуляции может заключаться в противопоставлении такой навязываемой человеку социальности, для этого

действие должно формироваться согласно воле субъекта: «Стало быть, когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения; и так как именно это она сейчас и делает, я и говорю, о восстании масс. Ибо единственное, что можно с полным правом и по существу назвать восстанием, это неприятие собственной судьбы, восстание против самого себя» [19, с. 110].

Другим примером «социологического» подхода могут служить работы Э. Ноэль-Нойман. Исследовательница с одной стороны не отрицает, наличие иных (помимо социальных) факторов, способных оказывать влияние на человека: «Боязнь изоляции, — пишет она, — является только одной из причин формирующих общественное мнение, ибо в ряде случаев она выступает как следствие, а не как причина» [17, с. 4]. Но с другой стороны она не считает, что эти иные причины влияют на политическое поведение человека: «Осознание свободы, откровенность, индивидуализм... — все эти сознательно принимаемые, осознаваемые как выражение собственной сущности ценности не сочетаются с принимаемыми для самого себя способами поведения» [17, с. 79].

Манипуляция в рамках «социологической модели» предстает как система глобального давления социальной системы на человека. Однако такой подход не предназначен объяснить, почему на разных людей одинаковое воздействие оказывает различный эффект.

Критика «социологической модели» политического поведения высказывается уже со времен А. Лейпхарта. Он отмечает, что сложная структура современного общества затрудняет понимание того, какая именно группа оказала влияние на политическое поведение конкретного индивида [39]. Р. Далтон [5, с. 338], С. Московиси [41, с. 103] так же приходят к выводу об ослаблении влияния социальной дифференциации на выбор избирателя.

Сторонники этой модели не считали рассматриваемые ими факторы единственными, влияющими на электоральное поведение. Это привело к тому, что А. Кэмпбелл [32] и А. Лансело [36] предложили теоретическую модель, в которой факторы, оказывающие влияние на поведение человека выстроены в причинно-следственной последовательности. Однако входящие в их модели факторы не совсем совпадали. Этот факт говорит о том, что проблема релевантности причин политического поведения, так и не была решена. Еще одним значимым недостатком этих методов можно назвать то, что они отражают только однонаправленный характер связей между компонентами модели, что неправдоподобно упрощает систему.

Сторонники теории рационального выбора (Э. Даунс [33], П. Ордежук [18], О. Уильямсон [24] и др.) вышли за пределы рассмотрения политического объекта как пассивного реципиента. Они добавили к имеющимся моделям способность человека рационально мыслить и принимать решение самостоятельно. Вся эта совокупность факторов, влияющих на политическое поведение, позволила им строить

сложные конструкции возможного развития ситуации, прогнозировать результаты действий.

Манипулятивные технологии, рассматриваемые в рамках подобного подхода, противоречат логике, если только они не предполагают использование откровенной лжи. Здесь подчеркнем, что в данной работе манипуляция не приравнивается к обману. Ложь означает состояние противоречащее истине [2, с. 911]. Манипуляция не так однозначна, что хорошо проиллюстрировал Дж. Рудинов: «Кто-то спрашивает у нас дорогу на Минск, а мы его направляем ложно на Пинск — это лишь обман. Манипуляция будет иметь место в том случае, если тот, другой, собирался идти в Минск, а мы сделали так, чтобы он захотел пойти, в Пинск» [44, с. 4].

Итак, если бы человек мог мыслить вполне рационально, обладать всей полнотой информации, и не зависеть от своего эмоционального состояния, то манипуляции бы мгновенно распознавались и, соответственно, либо блокировались, либо переводились в другое русло коммуникации. Однако основа критики теории рационального выбора (К. Оффе [20], М. Олсон [42] и др.) как раз и состоит в сомнении относительно способности актора действовать вполне рационально.

Эту проблему исследователи политического поведения пробовали решить с помощью идей об ограниченной рациональности. Так, Г. Саймон указывает на разницу между реальными условиями принятия решений и тем, как воспринимает их человек, находящийся в гуще этих событий. На его решение во многом влияет источник информации, интеллектуальные (умение просчитывать и анализировать) и когнитивные (внимание, обучаемость, восприятие) способности. Таким образом, процесс рационализации во многом зависит от самого актора, который, как правило, не обладает всей полнотой информации, необходимой для чисто рационального, максимизирующего выгоду решения [22, с. 16 — 37].

Итак, социологический, психологический подходы и теория рационального выбора оказались недостаточными как для исследования политического поведения, так и для исследования политического манипулирования. Несмотря на ряд противоречий между теоретиками этих подходов, значение информации в принятии политических решений никогда не ставилось под сомнение. Таким образом, новый подход должен был учесть особенности информационного влияния на человека политической средой и объяснить механизмы индивидуального восприятия политической информации.

Этим требованиям отвечает появившийся в начале 1990-х гг. когнитивный подход. В его рамках выстроена теория мотивированного политического рассуждения М. Лоджа и Ч. Тейбера [40], а так же работы Дж. Заллера [45], Ж. Жерстле [34] и др.

Принципы когнитивного подхода значимые для рассмотрения манипулирования как мотивации к определенной политической активности можно выделить в нескольких постулатах:

— во-первых, он рассматривает психику человека как открытую систему, функционирующую и изменяющуюся под воздействием внешней информации;

– во-вторых, политическая реальность существует благодаря постоянным процессам коммуникации и является по сути символической;

– в-третьих, индивид воспринимает и интерпретирует символы политической реальности соответственно особенностям своих ментальных процессов и своему опыту [21, с. 219 – 246].

К когнитивному подходу можно отнести понимание природы манипуляции Э. Фромма изложенное в работе «Бегство от свободы». В ней манипулятивным называется уклад современного демократического общества. Ответственность за это автор возлагает с одной стороны на экономические, идеологические и, главным образом, на социальные факторы, с другой – на психологические особенности человека. «Мы не должны, – пишет он, – впасть в столь же серьезную ошибку социологического релятивизма, который рассматривает человека как простую марионетку, управляемую нитями социальных условий. Неотъемлемое право человека на свободу и счастье основано на внутренне присущих ему свойствах: на его стремлении к жизни, развитию и реализации способностей, возникших у него в процессе исторической эволюции» [26, с. 117]. Манипулятивный механизм функционирует благодаря псевдомыслям и псевдочувствам воспитываемым в человеке обществом. И в тоже время, это навязывание шаблонов мышления становится возможным благодаря психологическим страхам человека: «Значительная часть наших страхов фактически навязана нам со стороны; нам удается убедить себя, что это мы приняли решение, в то время как на самом деле мы подстраиваемся под желания окружающих, гонимые страхом изоляции или даже более серьезных опасностей, угрожающих нашей жизни» [26, с. 87].

В общем виде теоретическая модель манипуляции с позиции когнитивного подхода выглядит так: искомое политическое действие объекта является реакцией на результат интерпретации информации, полученной из внешней среды. Полученная информация оказывает воздействие на человека, однако, и он, являясь частью системы, постепенно меняет ее. «Мы видим, – писал Э. Фромм, – что экономические, психологические и идеологические факторы взаимодействуют следующим образом: человек реагирует на изменения внешней обстановки тем, что меняется сам, а эти психологические факторы в свою очередь способствуют дальнейшему развитию экономического и социального процесса» [26, с. 120]. У. Липпман также отмечает: «Между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде» [12, с. 18].

Таким образом, когнитивный подход ориентирует исследователя политического манипулирования на комплексное изучение внешней информационной среды, в которой находится политический актор, а также его представлений об этой среде.

Под внешней информационной средой здесь понимается все окружающее индивида многообразие социально-политической информации: политические

институты, отношения и связи, политические статусы и роли, общепринятые знания о политике, политические мифы и оценки, идеологии, суждения и ценности.

Субъективные представления людей о политике неизбежно отражают процессы, происходящие во внешней информационной среде, но характер этого отражения существенно отличается у разных индивидов. В основе этого творчества лежат врожденные способности запоминать информацию, приобретенные навыки понимать и усваивать социальную информацию, интерес к политике, опыт спонтанного или осознанного участия в политической деятельности.

У. Липпман в труде «Общественное мнение» выражает эту мысль следующим образом: «...мы не можем как следует понять действия других людей, пока не узнаем, что, по их мнению, они знают... мы должны оценить не только известную им информацию, но и сознание, через которое они ее отфильтровали» [12, с. 42]. По У. Липпману, общественное мнение подвержено разным манипулятивным воздействиям, которые стали возможными благодаря психологическим особенностям индивидов по усвоению, восприятию и интерпретации получаемой информации, т. е. манипулятивным характером обладает сознание самого индивида. «Мы убедились, – писал он, – что доступ к информации затруднен и неопределен, что понимание контролируется стереотипами, что факты, имеющиеся в нашем распоряжении, фильтруются иллюзиями самозащиты, престижа, нравственности, пространства и способами выборочного исследования» [12, с. 67].

Таким образом, когнитивный подход предполагает, что результат манипуляции обеспечен рядом факторов. Так, для обеспечения внимания реципиентов и запуска ментальных процессов по пути автоматической или углубленной обработки информации манипулятором задействуются знания об общих особенностях сознания человека. Уточним, что в зависимости от того, по какому каналу (автоматической или углубленной обработки) запущены ментальные процессы, зависит то, совершит ли объект рациональное или нерациональное действие. Для обеспечения «узнавания» кода и выбора оптимального канала передачи сообщения манипулятором учитываются особенности знаний и представлений о политике конкретных объектов.

Описанные выше принципы обеспечения эффективного результата манипуляции содержат необходимые точки отчета для объединения в единой плоскости имеющихся представлений о манипулятивных воздействиях, техниках и технологиях.

Такая классификация будет дифференцировать виды манипуляции по результату воздействия (рациональное или нерациональное действие), уровню сознания, на которое это воздействие ориентировано (индивидуальное, групповое, массовое), по интенсивности воздействия (учет или изменение установок) и этапа передачи информации (кодировка, способ передачи). Каждый вид манипуляции реализуется с помощью определенных техник (искажение, утаивание информации, расстановка нужных акцен-

тов, повторение, трансляция легкой и востребованной информации, «подпороговая передача данных» и т. п.). Политические манипулятивные технологии сочетают в себе комбинации из нескольких видов манипулятивного воздействия, и соответственно реализуются посредством нескольких техник. Они воплощаются в различных формах социальных коммуникаций: маркетинг, реклама, PR, идеология, пропаганда.

Итак, понимание феномена манипуляции как мотива к политическому действию дает основания для исследования его с помощью подходов, применяемых к изучению политического поведения. Мотивами политической активности в рамках когнитивного

подхода признаются как факторы внешней информационной среды, так и психологические (когнитивные и интеллектуальные) особенности человека, что дает более целостное представление о причинах выбора политическим актором определенного способа действия.

Когнитивный подход дает основания для объединения, классификации и объяснения всех известных манипулятивных техник. Кроме того, он позволяет не только объяснить особенности ориентации людей в политическом информационном пространстве, но и сформулировать принципы оптимизации информационного политического влияния.

Литература

1. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб: Питер, 2001. 256 с.
2. Большой энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона Брокгауза и Ефрона в 86 тт. (82 тт. и 4 доп. тт.). Т. 17А (34): Ледье – Лопарев. М.: Терра, 1896.
3. Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 576 с.
4. Вундт, В. Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010. 144 с.
5. Далтон Р. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект / под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999.
6. Егорова-Гантман Е. В. Игры в солдатики. Политическая психология президентов. М.: Никколо-М, 2003. 336 с.
7. Зимбардо Ф., Лайппе М. Социальное влияние / под ред. А. Свенцицкого. СПб.: Питер, 2011. 448 с.
8. Козлов И. В. Особенности манипуляции массовым сознанием на современном этапе общественного развития // Вестник Гуманитарного факультета ИГХТУ. 2007. № 2.
9. Лассуэл Г. Пропаганда и продвижение // Психология масс. Самара, 1998.
10. Лассуэл Г. Психопатология и политика: монография / пер с англ. Т. Н. Самсоновой, Н. В. Коротковой. – М.: РАГС, 2005. 352 с.
11. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 320 с.
12. Липпман У. Общественное мнение / пер. Т. В. Барчуновой. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2004. 384 с.
13. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: АСТ, 2003. 336 с.
14. Маслоу А. Мотивация и личность / пер. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
15. Мерриам Ч. Новые аспекты политики / пер. Т. Н. Самсоновой // Антология мировой политической мысли: в 5 т. Т. 2: Зарубежная политическая мысль, XX в.. М.: Мысль, 1997. С. 175 – 184.
16. Московиси С. Век толп. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 480 с.
17. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М.: Прогресс-Академия, 1996. 352 с.
18. Ордешук П. Эволюция политической теории Запада и проблемы институционального дизайна // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 24 – 36.
19. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс: сб.; пер с исп. М.: АСТ, 2002.
20. Оффен К. Политэкономия: социологические аспекты // Политическая наука: новые направления / под ред. Р. Гудина, Х.-Д. Клингемана. М., 1999. С. 667.
21. Пушкарева Г. В. Политическое поведение: теория, методология и практические возможности когнитивного подхода: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.01. М., 2004. 369 с.
22. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. 1993. Вып. 3.
23. Сигеле С. Преступная толпа: опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М.: Инс-т псих. РАН, КСП+, 1999. 320 с.
24. Тард Г. Мнение и толпа // Психология толп. М.: Институт психологии РАН; Издательство КСП+, 1999. 416 с.
25. Уильямсон О. Современные поведенческие предпосылки экономического анализа // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 39 – 49.
26. Федотова М. Г. Манипулятивный потенциал коммуникативных технологий в транзитивном обществе // Теория и практика общественного развития. 2013. № 7.
27. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя. М.: АСТ, 2004. 268 с.
28. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М.: Академический проект, 2006. 208 с.
29. Шестопал Е. Б. Политическая психология. М.: Инфра-М, 2002. 448 с.
30. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980. 325 с.

31. Шостром Э. Человек-манипулятор: внутреннее путешествие от манипуляции к актуализации. 2-е изд. М.: Психотерапия, 2008. 192 с.
32. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во: СПбГУ, 1992. 232 с.
33. Campbell A. A. A la recherche d'un modèle en psychologie électorale comparative // Revue française de sociologie. 1966. Vol. 7. P. 579 – 597.
34. Downs A. An economic theory of democracy. N.Y.: Harper, 1957. 310 p.
35. Gerstlé J. Effets des médias et transformations de l'espace public // La Communication du politique. Sous la dir. de Dragan J. Paris: L'Harmattan, 1999. 406 p.
36. Gosnell H. F. Machine Politics. Chicago Model. Chicago: University of Chicago Press, 1937. 279 p.
37. Lancelot A. Orientation du comportement politique // Traité de science politique / Sous la direction de M. Grawitz et J. Léga. V. 3. L'action politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1985. 378 p.
38. Lane R. Political Life, 2-ed. / R. Lane. N. Y.: the Free Press, 1965. 102 p.
39. Lazarsfeld P. F., Berselson B., Gaudet H. The people's choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. N. Y.: Columbia University Press, 1944. –178 p.
40. Lijphart A. Language, Religion, Class and Party Choice. Belgium, Canada, Switzerland and South Africa // Electoral Participation comparative analysis; ed. by Rose R. Beverly Hills; L.: Sage publ., 1988. 358 p.
41. Lodge M., Taber Ch. Three steps toward a theory of motivated political reasoning // Elements of Reason. Cognition, Choice and the Bounds of Rationality / ed. by Lupia A., Popkin S. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
42. Moscovici S. Passion révolutionnaire et passion éthique // Wieworika M. Pasion et conviction: l'engagement. Paris, Les Editions Textuel, 1998. P. 87 – 109.
43. Olson M. The Logic of collective action. Cambridge: Harvard University Press, 1971. 208 p.
44. Proto L. Who's pulling your strings? How to stop being manipulated by your own personalities. – Wellingborough, Thorsons, 1989. 144 p.
45. Rudinow J. Manipulation // Ethics, 1978. Vol. 88. № 4. P. 338 – 347.
46. Zaller J. The Nature and origins of mass opinion. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. 265 p.

Информация об авторе:

Ланге Ольга Владимировна – аспирантка факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, lange_ov@mail.ru.

Olga V. Lange – post-graduate student at the Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 15.05.2014 г.

УДК 32.11.07

К ВОПРОСУ О СТРУКТУРНОМ АНАЛИЗЕ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЛАСТНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ Н. ЛУМАНА *И. Е. Мамеев*

ON STRUCTURAL ANALYSIS IN THE STUDY OF NICKLAS LUHMANN'S POWER-POLITICAL PERSPECTIVE *I. E. Mamaev*

Статья посвящена анализу теоретико-концептуального подхода в исследовании социально-политической проблематики в работах немецкого социолога и политолога Н. Лумана. В данной статье автор подвергает исследовательской оценке особенность функционального структурализма как методологического приема исследования властно-политической проблематики. Проводится разграничение структурного функционализма Н. Лумана и функционального структурализма Т. Парсонса. Вместе с тем, автор демонстрирует специфику применения подобной методологии исследования к таким феноменам как политическая подсистема, понятие и механизмы функционирования власти. Автор приходит к выводам, что теоретико-методологические основания Н. Лумана могут быть использованы в качестве инструментария для оценки политических процессов происходящих в современном обществе.

The paper is devoted to the analysis of the theoretical and conceptual approach to the study of socio-political problems in the works of the German sociologist and political scientist N. Luhmann. In this study, the author considers the peculiarity of the functional structuralism as a methodological reception of studying power-political problems and differentiates N. Luhmann's structural functionalism from T. Parsons's functional structuralism. However, the author demonstrates the specifics of the application of such methodology in the study of such phenomena as the political subsystem, the concept and mechanisms of power. The author comes to the conclusion that N. Luhmann's theoretical and methodological bases can be used as a tool for evaluation of political processes in the modern society.

Ключевые слова: функциональный структурализм, система, окружающая среда, структура, процесс, коммуникация.

Keywords: environment, system, communication, functional structuralism, framework, process.

Структурный анализ является одним из основных теоретико-методологических подходов в современной политологии. Его теоретический арсенал помогает по-новому взглянуть на понимание ряда основополагающих моментов политической теории. В силу этого, он может быть использован в качестве инструментария для познания сложной социально-политической проблематики, как в современном западном, так и в современном российском обществе. С целью исследования данного феномена необходимо коснуться рассмотрения теоретического арсенала представителей данного теоретико-методологического подхода, одним из которых является Н. Луман.

Творчество данного автора проходило в 70 – 80 гг. XX столетия в Германии под определенным влиянием со стороны Т. Парсонса. Вместе с тем, его концептуальная модель исследования социально-политической проблематики имеет собственные отличительные особенности, в силу чего его можно отнести к числу европейских системных теоретиков.

Специфика методологического приема, применяемого Н. Луманом, в его исследованиях социальной и политической сфер общества, состояла в проведении различия между структурой и процессом. Свой подход к исследованию общества и политической сферы Н. Луман именует функциональным структурализмом, противопоставляя ему традиционный вариант структурного функционализма, широко представленного в американской социологии и политологии 60 – 70 гг.

Как полагает исследователь Н. Лумана Поскони-на О. В.: “Критика Лумана состоит в том, что Т. Парсонс полностью подчиняет понятие функции понятию структуры. Структурно-функциональная теория рассматривает любую структуру как выполняющую отведенную ей функцию, какой бы “экзотичной” она ни казалась. Однако, при такой постановке вопроса становится невозможным рациональное исследование тех или иных общественно-политических структур, что оказывает простор “метафизическому” теоретизированию” [1, с. 7]. Это заключается в том, что Н. Луман пытается рассматривать социологию и политологию в качестве самостоятельных, в методологическом плане научных дисциплин, противопоставляя данному пониманию позицию, исходящую из укоренившейся традиции, настаивающей на очень широком металингвистическом обосновании социальных наук.

Характеризуя особенность структурного анализа в разработках Н. Лумана, следует отметить, что полемизируя с основателем структурного анализа Парсонсом, он выступает против упрощенного восприятия структур как вневременных, а процессов как временных. Различие структуры и процесса, в значительной степени, служит реконструкции первоначальной дифференциации между обратимостью и необратимостью в пространственном времени. В

структурах время остается обратимым, поскольку в них сохраняется ограниченный выбор возможностей.

Внутренне присущие системе структурные компоненты обретаются ею постепенно лишь в процессе социокультурной эволюции.

Понятие структура, используемое в исследовании социальной и политической проблематики, в трактовке Н. Лумана имеет собственные отличительные особенности, что может свидетельствовать об определенной эволюции метода структурного анализа в его теоретических разработках. Структура в интерпретации данного автора отличается от подобной интерпретации, как основателя структурализма Леви-Стросса, так и от адепта американского структурного функционализма Т. Парсонса.

Как он пишет: “Понятие структуры уточняет соотношение элементов во времени. Таким образом, мы должны исходить из отношения между элементами и связями и рассматривать его как конститутивное для квалификации элементов, а в случае социальных систем – для квалификации смысла действий. Согласие состоит в том, что структуры абстрагированы от конкретного статуса элементов. Это не означает, что любая структура может быть воплощена в любых видах элементов, но, наверное, означает, что структуры могут продолжать существовать и реактуализоваться и при замене элементов” [2, с. 130].

Характеризуя отличительную особенность структурного анализа Н. Лумана необходимо коснуться рассмотрения проблематики структуры и изменения. Так, он пишет: “Об изменении можно говорить лишь в отношении структур. События не могут меняться. Процессы, напротив, зависят от внешней интерференции или от недостатка возможностей новых структурных образований. Они не могут завершаться сами, так как вообще не способны учесть свой конец. Они имеют тенденцию к неожиданным скачкам в развитии, к застою, деструкции” [2, с. 130].

Вместе с тем, специфика теоретико-методологических оснований Лумана состоит в том, что он пытается разрушить “онтологическое предубеждение” о том, что системы существуют как объекты. Структура, по Луману, перестает быть фактором устойчивости системы: она становится фактором ее обновления. Как он полагает: “Структура является проектом содержания в неопределенное, т. е. скорее селективно-избирательной работой, нежели директивными предначертаниями. Именно селекция привносит информативный и одновременно направляющий смысл. Тогда как свой смысл она получает посредством того, что раскрывает неопределенность мира и определяет объем возможностей, который соответствует горизонту времени и вместимости человеческого сознания” [2, с. 115].

Далее, как он пишет: “структурные изменения происходят либо *ad hoc* как приспособления, либо бесконтрольно морфогенетически; и можно лишь

предположить, что повышенная телеологизация процессов структурных изменений приводит к постоянному прекращению попыток, так как мимоходом становится очевидным, что невозможно достичь целей, во всяком случае в пределах предусмотренных затрат и побочных эффектов.” [2, с. 117].

Использование подобных методологических установок в разработках Н. Лумана позволяет рассматривать те или иные социальные и политические явления в качестве процесса общей взаимосвязи и взаимопревращений. Они трактуются им не как нечто завершенное, а как развертывающийся процесс. Особенность подобных методологических установок состоит в том, что система постоянно поддерживает необходимое множество и разнообразие элементов и их отношений. Как полагает его исследователь: “в системе имеются защитные механизмы, которые не позволяют “кристаллизоваться” структуре. Поэтому, с данной точки зрения, система всегда отличается некоторой “недоразвитостью” [1, с. 117].

Применение подобной методологии исследования используется Н. Луманом при изучении феномена демократии. Так, в процессе эволюции демократия наследует традиции исторически предшествующих форм, при этом приобретая новые черты. Процессы демократизации в его трактовке связываются с процессами становления суверенности политических систем и конституционности их устройств.

Как отмечает Н. А. Баранов: “Так поиск наиболее эффективного народного правления с течением времени привел к созданию представительных органов власти, которые, с одной стороны, формируют правила игры, с другой – контролируют правительство. Именно такое изменение было отобрано селекционной функцией и закреплено в практике демократических систем. Теперь возникают новые требования, ответы на которые демократией еще не найдены” [3, с. 80].

Характеризуя демократическую систему, Н. Луман приходит к выводам о внутрисистемной адаптации, происходящей в рамках быстроразвивающегося дифференцированного общества. С его точки зрения она происходит постоянно, являясь необходимым условием существования и эффективного функционирования системы.

Исследование политической системы в трактовке Н. Лумана, связывается с функцией интеграции общества. Политика формулирует условия совместности дифференцированных общественных подсистем. Роль политической подсистемы сводится к осуществлению коммуникации между разными системами общества. Здесь мы можем встретить определенное развитие идей М. Фуко и П. Бурдьё об атрибутивности как свойстве политики в противовес сферному подходу, доминирующему в советском и российском общественном знании в течение долгого времени.

Подобная трактовка политической подсистемы в рамках интерпретации функционалистского структурализма Н. Лумана может свидетельствовать об отказе от редукционистской трактовки политики и рассмотрение данного феномена в наиболее широком понимании подчеркивая инклюзивность и атри-

бутивность политической подсистемы. Так, Н. Луман пытается обосновывать идею о всепроницаемости и взаимосвязи политики с другими сферами общественной жизни. В трактовке данного автора имеется представление о равноправии взаимозависимости и взаимовлиянии политической и экономической сфер общества, в противовес марксистскому пониманию о главенстве экономики над политикой. Как полагает исследователь Н. Лумана Б. А. Куркин: “Политика должна перестать быть выражением определенных социально-экономических интересов и превратиться в нечто само для себя существующее” [4, с. 116].

Функциональная специализация политической подсистемы заключается в выработке обязательных решений и создании политической власти. Наряду с этими функциями, политическая система имеет и ряд других: образование консенсуса, создание властных позиций и т. д., осуществление политических решений.

Это описывается им следующим образом: “Политическая система представляется как частная система общества, функция которой состоит в том, чтобы решать проблемы обязательным образом” [5, с. 139]. “Целевые задачи политической системы стали в этом смысле позитивными: они определяются программирующими решениями, которые должны приниматься и в самой политической системе” [5, с. 143].

Исходя из собственных теоретико-методологических установок, Н. Луман считает возможным «определение политики через ограничение решений, так как всегда может быть задан вопрос: кому выгодно данное (политическое) действие. Именно в этом заключены спецификации, в отношении которых политическая система должна быть дифференцирована» [6, р. 80].

Как отмечает А. В. Назарчук: “Для политики такой системообразующей функцией, по Луману, является способность к коллективно связывающим решениям. Решение образует ключевое звено политической коммуникации, где каждое отдельное решение оказывается, с одной стороны, следствием, а с другой – предпосылкой иных решений” [7, с. 139].

Особую роль отводит Н. Луман политической власти. Как он пишет: “власть представляет собой жизненно мировую универсалию осуществления общества” [5, с. 130]. Власть может быть понята как символически гиперболизированное коммуникативное средство. Подобным образом демонстрируется дальнейшая проработка концепции власти, разработанной М. Фуко и П. Бурдьё о ее рассредоточенности по всему полю социального (политического) пространства. Власть, в трактовке Н. Лумана, предстает в качестве атрибута общества в целом. В подобном качестве политическая власть осуществляет непосредственный процесс коммуникации в рамках общественных подсистем.

Как отмечает исследователь Н. Лумана Назарчук: “Ядром системных отношений, позволяющих обозначить границы политической системы, выступает понятие власти. Значение власти для политической коммуникации определяется тем, что она вы-

ступает «символически генерализующим медиумом», обеспечивающим непрерывность процесса принятия или отклонения сообщений. Ее роль аналогична роли языка в социальной коммуникации, денег в экономике, истины в науке, сексуальности в любви и т. д. Подобно языку, власть генерализует многообразное содержание политических коммуникаций, придавая им простую бинарную форму». [7, с. 146].

По мере дифференциации и усиления всякого коммуникативного средства происходит его обезличивание. В сфере власти это выражается в том, что происходит дифференциация должности и лица и формируется связь между властью и должностью, а не между властью и личностью. Здесь, показателем ее силы с его точки зрения может являться способность власти осуществлять функцию общественной коммуникации, отстраняясь от конкретного субъекта власти, т. е. ее носителя.

«Функция власти состоит в том, что власть устанавливает возможные сцепления собственной независимости от воли подчиненного этой власти» [5, с. 194].

Показатель силы власти состоит в отказе от принуждения, так как принуждение означает умножение конструктивного признака власти, а именно наличие выборки из ограниченного ряда возможностей. Вместе с тем, сильная власть в трактовке Н. Лумана характеризуется способностью власти к постоянной селекции ограничению возможности действий. Как он пишет: «высокий рационализм сильной власти заключается не в преследовании форсируемых и тем

не менее всегда остающихся проблематичными хороших целей, но в том, что все большее число возможностей подвергается все большему числу ограничений» [5, с. 125].

Рассматривая проблему политической власти, через призму методологии функционалистского структурализма, следует отметить, что феномен власти приобретает формально-универсальный характер бинарной оппозиции, притязающей на то, чтобы «конституировать» [5, с. 70]. Подобным образом, как наука охватывает способность познания через истинное-ложное; так политическая власть, функционирующая в рамках метакommunikation, имеет возможность определять любую политическую тему как прогрессивную или консервативную. Использование этой оппозиции всегда дает возможность нахождения контрпозиции для любой политической позиции.

Преимущество данной концептуальной модели состоит в понимании того факта, что исследования политических процессов может происходить на основе изучения структурных изменений, при сохранении определенной устойчивости оснований.

Характеризуя теоретические разработки данного автора, следует отметить, что представленная им концептуальная модель власти и функционирования политической подсистемы может служить инструментарием для познания политических явлений и процессов, происходящих как в современном западном, так и в российском обществе.

Литература

1. Посконица О. В. Никлас Луман. О политической и юридической подсистемах общества. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1997. 124 с.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
3. Баранов Н. А. Современная демократия в контексте эволюционного подхода Н. Лумана // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 4.
4. Куркин Б. А. Политическая философия в ФРГ (Критика буржуазных и реформистских концепций). Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1987. 122 с.
5. Луман Н. Власть / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с. (Серия: Образ общества).
6. Luchman N. Political theory in the Welfare State? Transl. a. introd. by Bednarz J. B. N.Y.: De Gruyter, 1990.
7. Назарчук А. В. Теоретико-политические воззрения Никласа Лумана // Полис. 2006. № 3.

Информация об авторе:

Мамаев Илья Евгеньевич – аспирант кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета, ilyam691979@mail.ru.

Илья Е. Мамаев – post-graduate student at the Faculty of Political Science, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 30.04.2014 г.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В НЕКОТОРЫХ ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ: РАЗЛИЧНЫЕ ПОДХОДЫ

А. В. Пугачев

ENVIRONMENTAL POLICIES IN SOME EUROPEAN COUNTRIES: DIFFERENT APPROACHES

A. V. Pugachev

Цель данной работы – рассмотрение экологической политики европейских государств. В работе определен следующий круг задач: дать анализ основных экологических проблем европейских стран; определить основные подходы, механизмы реализации экологической политики в европейских странах.

The main purpose of the article – examination of the environmental policy of the European states. In this paper we define the following terms of reference: to analyze the major environmental problems of European countries; identify the main approaches mechanisms of implementation of environmental policies in European countries.

Ключевые слова: политика, экологическая политика.

Keywords: policy, environmental policy.

Данная статья посвящена исследованию опыта экологической политики в некоторых европейских странах.

Сложная междисциплинарная проблема охраны окружающей среды как важнейшего фактора, определяющего качество жизни населения, стоит сегодня перед большинством развитых стран мира. Сохранение среды обитания – главный интерес человечества. Современная экологическая ситуация грозит всему человечеству приобрести черты, схожие с катастрофическими. И именно сохранение здоровья и жизни на Земле должно быть главным общечеловеческим лозунгом начавшегося XXI в.

По мнению Н. Н. Лукьянчикова и И. М. Потравного, для России этот лозунг мог бы стать знаменем нового объединения всех слоев ныне разъединенного общества, и, успешно сыграв роль инициатора этого движения, Россия смогла бы вернуть себе статус действительно великой державы [3]. Проживая на одной маленькой планете, имея единое небо над головой, используя единый природоресурсный «котел» и оказавшись перед всеобщей громадной угрозой, население всех стран имеет единственную возможность более или менее благополучно выбраться из данной ситуации – объединиться.

Общий для всех жителей Земли лозунг элементарного выживания мог бы соединиться с конкретными мерами в каждом государстве.

Ю. Кольер и Дж. Голуб отмечают, что Великобритания осуществляет экологическую политику по принципу «рассеивания и абсорбции» – введение контроля и санкций за загрязнение окружающей среды. С 1990 г. в стране действует Акт о защите окружающей среды. Этот документ оказывает влияние на политические круги Великобритании, способствуя включению в политические документы отдельных положений об экологии [9]. Впоследствии принятие различных нормативных актов государственными властями дало развитие для реализации законов об охране окружающей среды, при этом активными стали советы графств и округов, создающие местные природные

резервации – их сегодня порядка двухсот. Правительство Великобритании, взаимодействуя с фондом «Экологически чувствительных областей» (Environmental Sensitive Areas, ESA), стимулируют ведение сельского хозяйства в традиционных формах там, где современные агротехнические подходы могут нанести урон окружающей среде. Среди государственных организаций можно выделить следующие: Лесная комиссия и Агентство по охране окружающей среды. Лесная комиссия отвечает за воспроизводство древесины. Взаимодействие с государственными и общественными организациями помогает вести работу по воссозданию типичных лесных местообитаний Британии. Агентство по охране окружающей среды несет ответственность за качество вод. Качество окружающей среды и охрана природы в Великобритании – сфера деятельности различных организаций, таких как: друзья Земли и Советы по охране сельской среды Англии, Шотландии и Уэльса, которые проводят различные проекты в сфере экологии. Британское правительство стимулирует развитие проектов в альтернативной энергетике (солнечная, из биомассы и др.). Власти видят в этих проектах реальную пользу для окружающей среды, ведь при использовании этих видов энергии не происходит выброса парниковых газов [1].

На высшем уровне подтверждается стремление властей страны развивать возобновляемые источники энергии (ВИЭ). Государство предлагает субсидирование частного бизнеса в существенных объемах (600 млн ф.), при этом планируется создать около 1 тыс. рабочих мест в строительстве. Этот объявленный план финансирования охватывает 2013 – 2017 гг. и обеспечивает выполнение обязательств, взятых Великобританией, по которым к 2020 г. страна сократит выбросы углекислого газа, и, что важно, уже 15 % электроэнергии будет вырабатываться на основе ВИЭ [1].

Но и при этом состояние окружающей среды в Великобритании все больше вызывает беспокойство у ее жителей в городах и сельских населенных

пунктах. Осознание британцами экологических проблем совпало с усилением внимания и поддержки движения «зеленых». Это повлияло на включение в свои программы партиями различных эколого-ориентированных пунктов.

Однако государственные меры по охране окружающей среды имеют изъяны, позволяющие недобросовестным организациям, природопользователям обходить законы или нивелировать штрафы. Поэтому давление властей на компании, производство которых загрязняют окружающую среду, не всегда действенно. Ведь сегодня объемы выбросов и уровень загрязненности моря превосходят установленные Евросоюзом максимальные значения.

В европейских странах по-своему реализуется экологическая политика. Это связано со многими причинами, в том числе и со специфическими экологическими проблемами этих стран, и разным уровнем заинтересованности населения в решении этих проблем.

Финляндия – яркий представитель здоровой экологической политики. В ней накоплен интересный опыт по вопросам утилизации мусора и отходов. Для многих жителей новые правила стали своего рода выражением их гражданской позиции, действенным желанием внести свою лепту в дело охраны окружающей среды. Это подразумевало собой сортировку бытового мусора по разным емкостям. Необходимо отметить, что правительством были установлены штрафы за несоблюдение предписаний. При больших универсальных магазинах в Финляндии устроены точки сбора вторсырья. С помощью местных СМИ население оповещается об устраиваемом муниципальными органами сборе так называемых проблематичных отходов (батарейки, аккумуляторы и др.). В настоящее время на муниципальные органы власти возлагаются обязанности по вывозу, обработке и переработке отходов. В Финляндии имеются также Закон о воде, Закон об охране воздуха, Закон о защите от шума и Закон о химических веществах. Охрана окружающей среды и забота о ней является общим делом всех граждан страны [9].

В Швеции вследствие реформ налоговой политики (1991 г.) увеличились налоги за загрязнение окружающей среды. В таких странах, как Норвегия, Швеция, Дания, экологические налоги стали большой статьей бюджета. И правительства этих стран отменили субсидии в отношении «экологически грязных» производителей. Практика этих стран показывает, что снижение загрязнений часто зависит от величины налогов и сборов за выбросы и природопользование [7]. Необходимо отметить особое внимание этого государства к проблеме загрязнения атмосферы общественным транспортом. Здесь наиболее жестко, по сравнению со всей Европой, этот вопрос был поставлен на уровне государственной власти, были приняты законы, благодаря которым была проведена реформа дорожного движения, и теперь пользователи личного транспорта вносят вклад в бюджеты на экологические затраты городов. Таким образом, в Швеции экологическая политика проводится на государственном и общественном уровнях. Также введена система эко-

номии энергии, поощряется использование безопасных для окружающей среды источников энергии (биомасса, альтернативные источники энергии).

Во Франции решение вопросов, связанных, например, с выбросом парниковых газов, происходит параллельно с решением проблем энергетики. Страна стремится к 2020 г. на 20 % снизить объем выбросов парниковых газов, при этом правительство планирует это сделать путем увеличения на 20 % использования сектора возобновляемых энергоресурсов. Сегодня, по мнению Н. Саркози, необходимо придумать новую модель устойчивого развития, чтобы избежать крайностей: или экономический рост и загрязнение окружающей среды, или стагнация и консервативная экологическая политика. При этом необходимо отметить, что экологическая сознательность населения Франции весьма выражена [6]. Однако обеспокоенность населения состоянием окружающей среды не явилась достаточным условием для поддержки «зеленых» партий в ходе предвыборных кампаний в стране [8].

Сегодня можно отметить стремление властей Франции в направлении экологического благополучия. Государство инвестирует в охрану окружающей среды 7 млрд. евро, при этом ежегодно до 2020 года. Также необходимо отметить большое внимание к проблеме загрязнения атмосферы транспортом – на экологизацию общественного транспорта в городах выделен 1 млрд евро [10].

В свою очередь активное участие населения и организаций по защите окружающей среды в Германии привели к созданию национального экологического законодательства. Правительством страны были предприняты большие усилия по снижению загрязнения. Были выделены средства и внесены пункты об экологии в политические решения. Созданные министерства по вопросам окружающей среды грамотно укомплектованы и финансируются в достаточных объемах. Германская экологическая политика базируется на законодательных мерах, в основе которых лежат два принципа. Это применение передовых технологий и превентивных мер [8]. Необходимо отметить успехи экологической политики Германии в области утилизации отходов. Во многом это результат целенаправленной политики государства, включающей не только законодательные (Федеральный Закон о кругообороте экономики и об отходах, нормы вторичного использования отходов, Положение об отходах ремесленного производства и др.), но также финансовые (целевые займы, дотации, льготное налогообложение) и организационные меры (проблема бытовых отходов носит, как известно, в большой степени социальный характер). Содействие научным исследованиям и создание прогрессивных методов переработки отходов, информированность населения, образовательные программы внесли огромный вклад в решение проблемы. Сегодня, начиная с детского сада и школы, дети знают как, например, правильно рассортировать бытовые отходы для их дальнейшей переработки на производствах [5].

В том числе, благодаря и этой работе, была претворена в жизнь большая природоохранная программа, в рамках которой модернизировано около

2000 промышленных и других объектов, осуществлявших грязное производство. В стране утилизируется 98 % корпусов отработавших автомобилей и 90 % сельскохозяйственных отходов. Благодаря взаимодействию субъектов экологической политики на различных уровнях, сегодня в стране работает крупнейшая в Европе экологическая сеть, в которой работает более 1 млн человек. В стране экологическая политика выстроена по уровням: федеральный, земельный и местный. В Германии уделяется внимание и формированию особо охраняемых территорий.

Около 90 % побережья Испании подверглось большим изменениям. При этом, по оценкам Гринпис, только 0,3 % муниципальных образований в прибрежной зоне имеют очистные сооружения канализации, остальные же производят сбросы напрямую в море. Орган, отвечающий за охрану природы в Испании, – Министерство окружающей среды – совместно с правительством страны намерены скупать земельные участки на побережье, чтобы препятствовать его разрушению. Испанское отделение Гринпис отмечает необходимость в изменении закона о прибрежной полосе, введения моратория на новое строительство в прибрежной зоне, а также координации деятельности всех служб в вопросах управления. В стране происходит ужесточение экологического законодательства, например, относительно угольной промышленности. В последние годы особое внимание в Испании стали уделять использованию возобновляемых источников энергии (ветровая, солнечная, а также из биомассы и отходов). Правительство Испании осознает, что за этими энергоисточниками будущее [2].

В Нидерландах большую работу ведет общественная экологическая организация «Дети Земли», которая осуществляет научно обоснованное планирование в сфере рационального природопользования. Это стало возможным благодаря расширению деятельности инициативных групп в области улучшения качества экологической ситуации в стране.

Таким образом, можно сказать, что сегодня экологическая политика ЕС в первую очередь направлена на обеспечение высокого уровня защиты населения и строится на определенных принципах, в соответствии с которыми принимаются профилактические меры:

- превентивность действий, учет возможных последствий принятия решения (на ранних стадиях);
- исключение чрезмерной нагрузки на природу;
- платит тот, кто загрязняет;
- деятельность ни одного государства не должна приводить к ухудшению состояния окружающей среды, должны учитываться интересы развивающихся стран;
- государства должны совместно действовать в международных организациях и содействовать реализации международных и глобальных экологических программ;
- необходимость совершенствования экологического образования;
- экологические программы не должны препятствовать прогрессу на национальном уровне [6].

Также стоит отметить, что в странах ЕС произошла реструктуризация налоговой системы в сторону

увеличения налогов за загрязнение среды. Платежи за шум, налоги на использование пластиковых пакетов, налоги на некоторые продукты и др. сегодня является нормой. И стоит признать, что существующие партии «зеленых» с момента образования не явились движущей силой, однако в некоторых европейских государствах они поспособствовали тому, что ведущие партии стали гораздо больше уделять внимания экологическим проблемам.

Ведущие западноевропейские страны вплотную ощущают необходимость уделять экологической политике большое внимание, совершенствовать технологии взаимодействия субъектов в экологической сфере. При этом каждое государство осуществляет свой путь к успеху в защите окружающей среды, предотвращении разрушения экосистем, улучшению качества жизни населения. Все страны ЕС, исходя из их практик, используют командно-контрольные функции в данной сфере управления. Например, в Великобритании система действует, опираясь на уголовное и общее право, а контролирующим органом выступает Агентство по окружающей среде. В других странах, входящих в ЕС, на основании его директив, являющихся дополнениями к законам, применяется система штрафов. В экологической политике Европейского союза с 2010 г. можно выделить основные направления:

- улучшение исполнения действующего экологического законодательства;
- соблюдение интересов стран в области окружающей среды;
- адаптация экономик стран к изменяющимся рынкам;
- расширение экологических прав граждан;
- ведение учета состояния окружающей среды с целью рационального использования земельных ресурсов.

В течение этого периода страны ЕС разрабатывали меры по поддержке соблюдения экологического законодательства и его гармонизации с законодательствами в странах, которые были ассоциированы членами Евросоюза. Это активизировало инвестиционную деятельность международных организаций, банков, пенсионных, венчурных и других фондов в природоохранной сфере Великобритании и ведущих странах Европы. Но до сих пор большой проблемой является, несмотря на массу предпринимаемых мер, – строительный мусор. Ряд стран добились успеха в этом вопросе, среди них: Норвегия, Голландия и Дания, они справляются с 90 % таких отходов.

Научные разработки, их поддержка бизнес-структурами в области переработки и ликвидации бытовых отходов позволили выстроить эту работу в фабричных условиях.

Уязвимость экономик Великобритании и стран Европы, обнажившаяся в связи с природными катаклизмами, обусловила создание новых и повышение эффективности национальных экологических институтов. Можно отметить увеличение различных партнерских соглашений между экологическими организациями. Европейский тематический центр по качеству воздуха и изменению климата, объединивший

14 национальных института, установил взаимодействие с Европейским агентством по защите окружающей среды – European Environment Agency (EEA), по вопросам выбросов в окружающую среду и качества воздуха. Следом ЕЕА и Институт исследования систем окружающей среды (Environmental Systems Research Institute) – ESRI, американская компания – производитель геоинформационных систем пошли на более широкие связи, подписав меморандум о взаимопонимании-взаимодействии (MOU – Memorandum of Understanding). При этом утвержден замысел и

разработка путей совместного использования и доступа к важным географическим данным об окружающей среде, предоставляемым 38 европейскими государствами – членами этого агентства [1].

Каждое государство выбирает те меры и способы контроля, которые помогут лучше выбрать функцию сохранения окружающей среды. И эта стратегия опирается на принцип субсидиарности, согласно которому в экологической политике ряд вопросов решается на самых низах, где решение наиболее эффективно.

Литература

1. Иванов С. А. Эффективность экологических мероприятий Великобритании и ведущих континентальных странах Европы в условиях кризиса // Актуальные проблемы Европы. 2014. № 1: Экологическая политика Европы и России в современных условиях.
2. Испания. Анфас и профиль. М., 2007.
3. Лукьянчиков Н. Н., Потравный И. М. Экономика и организации природопользования. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011.
4. Соколов Л. И., Кабардина С. М., Фламме С., Хазенкамп П. Селективный сбор отходов // Экология и промышленность России. 2009. № 7.
5. Федоров С. Европейская политика Н. Саркази // Международная жизнь. Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности. 2008. № 8 – 9.
6. Харченко С. Г. Ананьева Р. В. Стратегия управления рисками для окружающей среды научно-производственных комплексов // Экология и промышленность России. 2009. № 4.
7. Barde J.-Ph., Owens J. The evolution of eco-taxes // OCEC Observer. 1996. № 198. P. 12.
8. Collier U., Golub J. Environmental policy and politics // Developments in west Europ. politics. Houndmills etc.: Macmillan press. 1997. P. 230.
9. Orlov I. Ekologista ajattelu jokaiseen kotiin // Rajalehti. 2003. № 4. P. 10 – 11.
10. Investissement d' Avenir // MESR: enseignementsup – reshershe. URL: [http:// investissement-avenir.gouvernement.fr](http://investissement-avenir.gouvernement.fr)

Информация об авторе:

Пугачев Александр Валерьевич – соискатель кафедры политических наук КемГУ, alexbio@yandex.ru.
Alexander V. Pugachev – Competitor Chair of political sciences Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 23.06.2014 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

СЕМЬЯ ПОВТОРНОГО БРАКА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Т. Е. Аргентова, В. В. Колотилина

STEP-FAMILY AS A PHENOMENON OF MODERN SOCIAL LIFE

T. E. Argentova, V. V. Kolotilina

Статья посвящена проблеме повторного брака в нашей стране, представлению авторской типологии и характеристикам повторных браков разного типа, социально-демографическим характеристикам супругов, вступающих в повторные браки, анализу семейных ситуаций респондентов до вступления их в повторный брак, мотивам вступления в повторный брак.

The paper addresses the problem of step-families in Russia. The authors suggest an original typology and approaches to characterizing step-families of different types, suggest social and demographic characteristics of step-family couples, and analyze the surveyed couples' social and family situation before a step-family creation.

Ключевые слова: повторный брак, проблемы, типология, социально-демографические характеристики супругов, семейная ситуация до вступления в повторный брак, мотивы вступления в повторный брак.

Keywords: step-family, step-family problems, typology, social and demographic characteristics of a couple, family situation before step-family creation, motivation for step-family creation.

Повторный брак, под которым понимается союз, заключенный человеком, ранее состоявшим в брачных отношениях, является распространенным явлением, как за рубежом, так и в нашей стране [1; 4; 9]. В зарубежной практике для обозначения такого брака используется термин «смешанная семья» или, так называемая, «вторая семья» (букв. «step family») [9; 16; 17; 20].

На сегодняшний день, по мнению американских авторов, около 50 % мужчин и 33 % женщин вновь выходят замуж после года со времени официального развода, 75 % женщин и 83 % мужчин – после 3 лет [19]. Что касается женщин, то более половины разведенных женщин, имеющих детей, вновь выходят замуж в течение пяти лет после развода и более 3/4 из них выходят замуж в течение 10 лет. Высокий уровень разводов и повторных браков означает, что почти половина браков являются вторыми браками для одного или двух супругов [10]. Средний возраст супругов в таких парах составляет немногим больше 30 лет, а их дети в этот момент находятся в дошкольном или младшем школьном возрасте [22].

Распространенность повторных браков в Америке сильно отличается от подобной ситуации в России [3; 4; 6]. В России для женщины с детьми, рожденными в предыдущем браке, шансы создать новую семью значительно снижаются в силу неблагоприятной демографической ситуации. По данным В. А. Беловой, через 10 лет после прекращения первого брака вступают в повторный брак примерно 2/3 тех, чей брак распался в возрасте до 25 лет, немногим более половины прекративших его в возрасте 25 – 29 лет и только 1/3 прекративших первый брак в возрасте 30 – 39 лет. Всего же в течение 20 лет после прекращения первого брака вступает в новый брак

меньше половины разведенных и овдовевших женщин [4].

Несмотря на широкую распространенность семей повторного брака в РФ, в отечественной психологической науке этот феномен остается недостаточно изученным. Семьи повторного брака попадают в поле зрения психологов в связи с ростом числа обращений за психологической помощью родителей и детей из таких семей. Изучение этого феномена крайне важно для практики личностного и семейного консультирования в связи с большой востребованностью для решения проблем супругов и детей из таких семей. В западной психологии имеется ряд исследований, посвященных этому феномену семейно-брачных отношений, в том числе, причинам его появления, супружеским и детско-родительским взаимоотношениям в нем [9; 16; 17; 20].

Семья, образующаяся в повторном браке, характеризуется более сложной картиной развития, чем семья первого брака. В случае повторного брака имеют место другие этапы развития семьи: сепарации/развода; неполной семьи; ухаживания и повторного брака [4].

Согласно данным статистики, более половины повторных браков заканчивается разводом, что несколько выше, но ненамного, чем у тех, кто женится впервые. А потому нередко дети переживают не один развод родителей, а с ними не одних мачех (отчимов) и сводных братьев (сестер) [13].

Причин тому много. Это и трудности установления детьми отношений с новыми супругами родителей, и чувство ревности ребенка к новому супругу (супруге), матери (отца), претендующему на любовь и внимание родителя, и непринятие невестки/зятя с ребенком родителями неродного и родного родителя. А еще есть родители оставленного родителя, ко-

торые также имеют свой интерес и могут настраивать внуков против неродного родителя. Супругам в новой семье приходится многое преодолеть, чтобы быть вместе, выстроить отношения друг с другом и друг с другом по поводу воспитания ребенка (детей).

Также одной из причин неустойчивости повторных браков, является сходство нового избранника (как правило, по личностным качествам) с бывшим супругом, негативный опыт предыдущих отношений, скоропалительность заключения повторного брака с целью избежать одиночества или желания доказать бывшему супругу и себе свою ценность и привлекательность [3; 6; 8; 11].

С другой стороны, отмечается и устойчивость повторных браков, которая связана с тем, что они заключаются людьми, как правило, зрелыми, имеющими опыт брачной, семейной жизни, более трезво оценивающими людей, их поступки, лиц противоположного пола, ориентирующимися на вечные общечеловеческие ценности: доброту, порядочность, надежность [1; 6; 19; 14; 16].

Устойчивость повторного брака, благополучие членов семьи также зависит от пола, возраста детей на момент вступления родителя в повторный брак и отношений ребенка с оставленным родителем, живущим отдельно [6; 9].

Повторный брак неоднороден. Мы полагаем, что тип брака также имеет немаловажное значение. Е. П. Арнаутова в своих работах, посвященные практике работы педагогов с родителями и детьми из семей повторного брака предложила классификацию повторных браков в зависимости от:

- 1) характера прекращения предыдущих брачных отношений;
- 2) наличия или отсутствия опыта брачных отношений;
- 3) числа детей, рожденных в предыдущем браке;
- 4) разницы в возрасте между партнерами.

Наш профессиональный опыт личностного, семейного консультирования, свидетельствует о большом влиянии на супружеские и детско-родительские отношения *наличие/отсутствие у супругов совместно проживающих детей от предыдущих браков и появление в новой семье общих детей*. Эти признаки и были положены в предлагаемую нами типологию повторного брака. Таким образом, мы выделяем 4 типа повторного брака:

Тип 1. Брак, в котором один из супругов не имеет ребенка (детей) от предыдущих браков и при этом совместных детей у них нет. Это ситуации типа: 1) мужчина, который ранее не состоял в браке и не имел детей, женится на женщине с детьми, находящейся в разводе, вдове, одинокой матери, но общих детей у них нет. *Вариант: муж, жена, ребенок (дети) жены от предыдущих браков*; 2) мужчина, который ранее состоял в браке и имеет ребенка (детей), женится на женщине, ранее не состоявшей в браке и не имеющей детей. Это может быть вдовец, или мужчина, которого жена оставила в силу разных причин, и тогда новая жена (мачеха) помогает ему воспитывать его детей. *Вариант: муж, жена, ребе-*

нок (дети) мужа от предыдущих браков; 3) супружеская пара, где мужчина состоял в браке, имел ребенка (детей) оставил свою семью и стал жить в новом браке. *Вариант: вдвоем с супругой, без детей*.

Тип 2. Брак, в котором у обоих супругов есть дети от предыдущих браков, но при этом совместных детей у них нет. Это могут быть ситуации типа: 1) супруги соединили детей и вместе их воспитывают (когда мужчина – вдовец или мужчина, которого жена оставила с детьми по разным причинам, и он женился на вдове с ребенком (детьми) или женщине в разводе с ребенком или одинокой матерью). *Вариант: муж, жена, дети жены и мужа от предыдущих браков*; 2) мужчина оставил свою семью с детьми и стал жить с женщиной и ее ребенком (детьми). *Вариант: муж, жена, ребенок (дети) жены от предыдущих браков*. В новом браке наличие ребенка от предыдущего брака у супруги является для них удовлетворяющим обстоятельством семейной жизни, особенно, когда воспитание еще одного ребенка по разным причинам не входит планы семьи.

Тип 3. Брак, в котором у обоих супругов есть дети от предыдущих браков, и у них появились совместные дети, рожденные уже в новом браке. Это характерно для ситуаций: 1) супруги соединили детей и вместе их воспитывают (когда мужчина – вдовец или жена оставила его с детьми) и у пары родились совместные дети. *Вариант: муж, жена, дети жены и мужа от предыдущих браков + общий ребенок (дети)*; 2) мужчина оставил свою семью с детьми и стал жить с женщиной и ее ребенком (детьми) и у них родились общие дети. *Вариант: муж, жена, ребенок (дети) жены от предыдущих браков + общий ребенок (дети)*.

Тип 4. Брак, в котором один из супругов не имеет ребенка (детей) от предыдущих браков и при этом у них есть совместные дети, рожденные в новом (повторном) браке. Это могут быть ситуации: 1) мужчина, который ранее не состоял в браке и не имел детей, женится на женщине с ребенком (детьми) и у них родились общие дети. *Вариант: муж, жена, ребенок (дети) жены от предыдущих браков + общий ребенок (дети)*; 2) мужчина, который ранее состоял в браке и имеет ребенка (детей), женится на женщине, не имеющей детей, и у них появляются общие дети. Это может быть вдовец, или мужчина, которого оставила жена и тогда новая жена (мачеха) приходит жить к нему и у них появляются общие дети. *Вариант: муж, жена, ребенок (дети) мужа от предыдущих браков + общий ребенок (дети)*; 3) супружеская пара, где мужчина оставил семью и детей и стал жить в новом браке с женщиной, не имеющей детей от предыдущих отношений и у них появляются общие дети. *Вариант: муж, жена, общий ребенок (дети)*.

Результаты проведенного нами исследования социально-демографических характеристик супругов и детей из повторных браков разного типа в Центре помощи семье и детям г. Кемерово представлены в таблице 1.

Социально-демографические характеристики представителей повторного брака

Тип брака	М (чел/%)	Ж (чел/%)	Всего (чел/%)	Мч (чел/%)	Дв (чел/%)	Возраст супругов и детей на момент создания семьи (ср. знач.)				Стаж в повторном браке (лет)
						М	Ж	Мч	Дв	
Тип 1	8(53)	7(47)	15(13)	6(40)	9(60)	31	27	4	6	6
Тип 2	14(67)	7(33)	21(18,5)	11(52)	10(48)	36	33	10	7	3
Тип 3	10(44)	13(56)	23(20,5)	6(26)	17(74)	33	31	5	4	6
Тип 4	32(59)	22(41)	54(48)	35(65)	19(35)	32	29	5	4	6

Наиболее часто встречающимся в нашей выборке оказался 4 тип брака (48 % выборки), в котором один из супругов (муж) не имеет детей от предыдущих браков и при этом у них есть совместные дети, рожденные уже в повторном браке. *Это вариант: муж, жена, ребенок (дети) жены от предыдущих браков + общий ребенок (дети).* Возраст супругов на момент вступления в повторный брак около 30 лет. Неродной родитель (муж) в этом браке воспитывает ребенка (детей) супруги в основном с возраста до 5 лет. Стаж совместной жизни исследуемых семей более 3х лет и отмечается улучшение взаимоотношений со временем совместного проживания в диадах «неродной родитель – ребенок супруги».

Вторым по частоте встречаемости является третий тип повторного брака: это брак, в который вступают люди, имеющие детей от предыдущих браков, и общих, рожденных уже в новом браке. *Вариант: муж, жена, дети жены и мужа от предыдущих браков + общий ребенок (дети).* Здесь правомернее, говорить о расширенной, смешанной семье. Это эмоционально нагруженная ситуация. Отношения ребенка с родным родителем в такой семье осложняются отношениями со сводными сиблингами, особенно с появлением совместного ребенка родителя с новым супругом, ревностью к нему, возможным ощущением заброшенности и нелюбви у детей от предыдущих браков родителей [6; 17].

Первые два типа повторного брака характеризуются отсутствием совместных детей у супругов,

возможно, правомерно говорить об их появлении в будущем.

Анализ семейного статуса респондентов до вступления их в повторный брак показал, что:

1. Основную долю вступивших в повторные браки всех типов составляют люди, пережившие развод (73,9 – 53,8 %), особенно в браках 3-го типа (73,9 %), в котором у обоих супругов есть дети от предыдущих браков, и у них появились совместные дети, рожденные уже в новом браке.

2. В нашем исследовании 1-й тип брака был представлен, в основном, овдовевшими отцами и одинокими матерями. Это наиболее «молодой» брак с позиции среднего возраста супругов, состоящих в нем (27 лет для женщин и 31 год для мужчин), и вполне вероятно, этот тип брака со временем станет 4 типом (с общими детьми).

3. 2 тип повторного брака в нашем исследовании был представлен, в основном, мужчинами, имеющими детей, в том числе, внебрачных, и находящимися в разводе женщинами и одинокими матерями.

3. Семейный статус участников в браках 3-го типа составили, в основном, находящиеся в разводе мужчины и женщины, имеющие детей от предыдущих отношений.

4. В браках 4-го типа одинокие матери составили достаточно большую долю (35,2 %), где мужчина, который ранее не состоял в браке и не имел детей, женится на женщине с ребенком (детьми) и у них появляются общие дети.

Таблица 2

Семейный статус супругов до вступления в повторный брак

Семейный статус, чел (%)	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
Одинокие матери	2(13)	5(23,8)	4(17,4)	19(35,2)
Состоящие в разводе мужчины и женщины	10(66,6)	15(71,4)	17(73,9)	29(53,8)
Овдовевшие супруги с детьми	3(20)	1(4,8)	2(8,7)	6(11)

Научный и практический интерес представляют также мотивы вступления супругов в повторный брак. С этой целью была разработана авторская анкета

«Мой новый брак». Результаты данных анкеты представлены в таблице 3.

Мотивы вступления супругов в повторный брак

Мотивы вступления в брак (чел/%)	1 тип	2 тип	3 тип	4 тип
Любовь	6(40)	7(33,3)	9(39,2)	26(48,2)
Желание иметь семью	2(13,3)	10(47,6)	7(30,4)	6(11,2)
Желание избавиться от одиночества	1(6,7)	6(28,6)	0(0)	3(5,6)
Необходимость финансовой поддержки	2(13,3)	2(9,5)	6(26,1)	8(14,8)
Осознание необходимости матери ребенку (у вдовцов) и жалость к ребенку супруга, оставшегося без матери (у мачех)	3 (20,0)	0(0)	0(0)	5(9,8)
Встреча «идеального» супруга, «идеальной» супруги	2(13,3)	0(0)	1(4,4)	9(16,7)

Результаты исследования показали, что:

1. Основным мотивом вступления в повторный брак у представителей всех типов брака была **любовь** (от 33,3 до 48,2 %) в сочетании с мотивами, отражающими характерные для данной категории проблемы.

2. В повторных браках 1-го типа основными мотивами вступления в повторный брак наряду с любовью, как основным мотивом, присутствуют и рациональные мотивы: осознание вдовцом необходимости матери ребенку (в сумме 20 %), необходимость финансовой поддержки (у одиноких матерей) (13,3 %); желание иметь семью (13,3 %); встреча «идеального» супруга, «идеальной» супруги; желание избавиться от одиночества (6,7 %).

3. В браках 2-го типа мотивами вступления в брак в первую очередь было: желание иметь семью (47,6 %); любовь (33,3 %); желание избавиться от одиночества (28,6 %).

4. В семьях 3-го типа мотивами вступления в повторный брак были: любовь (39,2 %), желание иметь семью (30,4 %) и необходимость финансовой поддержки (26,1 %).

5. В семьях 4-го типа основными мотивами вступления в брак были: любовь (с большим отрывом от других мотивов) (48,2 %); нахождение «своего» идеала в супруге (16,7 %); необходимость финансовой поддержки (14,8 %); желание иметь семью (11,2 %).

Можно сделать **вывод**, что повторный брак – достаточно распространенное, но малоизученное явление нашей социальной жизни. В нем воспитываются дети, что делает особенно актуальным их изучение. Повторный брак неоднороден. Нами предложена типология повторных браков, в основу которой положены 2 критерия: наличие детей от предыдущих браков у одного или обоих партнеров и наличие/отсутствие общих детей в новом браке.

Анализ семейных ситуаций и мотивы вступления в повторный брак супругов в зависимости от типа повторного брака позволил охарактеризовать эти браки следующим образом.

Тип 1. Брак, в котором один из супругов не имеет ребенка (детей) от предыдущих браков и при этом совместных детей у супругов нет. В нашем исследовании этот тип брака представляли, в основном, овдовевшие отцы и одинокие матери. Средний возраст состоящих в нем женщин составил 27 лет и 31 год для мужчин. Это наиболее «молодой» брак с позиции среднего возраста супругов, состоящих в нем. Моти-

вами вступления в этот тип брака наряду с любовью, как основным мотивом, присутствуют и рациональные мотивы: осознание вдовцом необходимости матери ребенку и жалости к ребенку, оставшемуся без матери со стороны одинокой женщины (мачехи); получение финансовой поддержки в браке (у одиноких матерей); желание иметь семью и избавиться от одиночества у представителей обоего пола.

Тип 2. Брак, в котором у обоих супругов есть дети от предыдущих браков, но при этом совместных детей у них нет. В нашем исследовании 2 тип повторного брака был представлен в основном мужчинами, имеющими детей, в том числе, внебрачных, и женщинами с детьми, находящимися в разводе. Как правило, данный тип брака наиболее неустойчив и недолговечен. Мотивами вступления в брак этого типа в первую очередь были: бегство от одиночества, желание иметь семью и любовь.

Тип 3. Брак, в котором у обоих супругов есть дети от предыдущих браков, и у них появились совместные дети, рожденные уже в новом браке. Это тип расширенной, смешанной семьи с эмоционально нагруженной ситуацией, которая характеризуется переживаниями каждым из участников утраты своего прежнего места как в семье, так и вне её. Отношения ребенка с родителем осложняются с появлением совместного отпрыска родителя с новым супругом, ревности к нему, ощущением заброшенности у ребенка. Основными мотивами вступления в повторный брак этого типа были: любовь, желание иметь семью и необходимость финансовой поддержки.

Тип 4. Брак, в котором один из супругов не имеет ребенка (детей) от предыдущих браков и при этом у них есть совместные дети, рожденные в новом (повторном) браке. В нашем исследовании этот тип брака был представлен, в основном мачехами, вышедшие замуж за вдовцов, и отчимами, взявшими в жены женщин – одиноких матерей. Возраст супругов на момент вступления в повторный брак около 30 лет. Неродной родитель в этом браке воспитывает ребенка супруга с раннего возраста (в основном до 5 лет ребенка). Основные мотивы вступления в брак у представителей этого типа брака были: любовь (с большим отрывом от других мотивов), нахождение «своего» идеала женщины, жены и матери (мужчины, мужа и отца), необходимость финансовой поддержки и желание иметь семью. Отмечается улучшение взаимоотношений в диадах «неродной родитель – ребенок супруга» со временем совместного проживания.

Еще ждут своего исследования важные для практики семейного консультирования супружеские отношения в повторном браке, отношения неродных

родителей с пасынками, отношения родителей с оставленными в прежней семье детьми.

Литература

1. Андреева Т. В. Семейная психология: учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004. 244 с.
2. Аргентова Т. Е., Колотилина В. В. Особенности детско-родительских отношений в семьях повторного // Вестник КемГУ. 2013. Вып. № 4(56). Т. 1. С. 102 – 106.
3. Арнаутова Е. П. Стабильность семьи, основанной на повторном браке // Семейная психология и семейная психотерапия. 1997. № 2.
4. Белова В. А. Повторные браки и рождаемость: в кн.: Социально-демографические исследования брака, семьи, рождаемости и репродуктивных установок. Ереван, 1993. С. 13 – 15.
5. Браун Дж., Кристенсен Д. Семейная психотерапия и семейное консультирование. М., 2001. 352 с.
6. Карабанова О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: уч. пос. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
7. Колотилина В. В. К проблеме адаптации ребенка в условиях повторного брака одного из родителей // Психология – наука будущего: мат. V Международной конференции молодых ученых. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 293 – 295.
8. Кратохвил С. Психотерапия семейно-сексуальных дисгармоний. М.: Просвещение, 1991. 196 с.
9. Лофас Ж., Сова Д. Повторный брак: дети и родители [Пер. с англ.]. СПб.: Питер-пресс, 1996. 319 с.
10. Олифирович Н. И., Зинкевич-Куземкина Т. А., Велента Т. Ф. Психология семейных кризисов. СПб.: Речь, 2006. 360 с.
11. Повторный брак. Опять на те же грабли? URL: <http://www.woman.ru/relations/marriage/article/43452/>
12. Сысенко В. А. Устойчивость брака: проблемы, факторы и условия. М.: Финансы и статистика, 1981. 210 с.
13. Тюгашев Е. А. Семейведение: уч. пос. Новосибирск: СибУПК, 2006. 194 с.
14. Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи. М.: Владос, 2006. 212 с.
15. Шнейдер Л. Б. Семейная психология: уч. пос. для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 768 с.
16. Cartwright C., Gibson K. The effects of co-parenting relationships with ex-spouses on couples in step-families // Australian Institute of Family Studies. 2012.
17. Cartwright C. Preparing to repartner and live in a stepfamily: An exploratory investigation // Journal of Family Studies. 2010. № 16(3). С. 237 – 250.
18. Bramlett M. D., Mosher W. D. Cohabitation, Marriage, Divorce, and Remarriage in the United States. Vital and Health Statistics Series 23, Number 22, 2002.
19. Hetherington E. M. Coping with Divorce, Single-Parenting, and Remarriage: A Risk and Resiliency Perspective. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. 1999.
20. Papernow P. L. Becoming a stepfamily: Pattern of Development in Remarried Families. Hillsdale, NJ: Analytic Press. 2002.

Информация об авторах:

Аргентова Татьяна Евгеньевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, argentovat@gmail.com.

Tatyana E. Argentova – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University.

Колотилина Виктория Васильевна – соискатель кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий КемГУ, психолог отделения МКУ «Центр социальной помощи семье и детям города Кемерово» по Заводскому району, ykolotilina@yandex.ru.

Victoria V. Kolotilina – post-graduate student at the Department of Social Psychology and Psycho-Social Technologies, Kemerovo State University; the psychologist at the Center for Social Help to Families and Children, Kemerovo.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2014 г.

**ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЬНОМУ ОБУЧЕНИЮ ДЕТЕЙ
С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА***В. Е. Бубарева***PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL READINESS FOR SCHOOL EDUCATION
OF CHILDREN WITH HEARING IMPAIRMENT***V. E. Bubareva*

В связи с распространением инклюзивного и интегрированного обучения детей с ограниченными возможностями возникает большое количество проблем в организации образовательного процесса. Поэтому в настоящее время является актуальным изучение психологических особенностей и формирование готовности к школьному обучению детей данных категорий. В статье представлены результаты констатирующего эксперимента, целью которого являлось выявление психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха. Диагностика психологической готовности к школьному обучению осуществлялась по трем основным компонентам (умственному, эмоционально-волевому, мотивационному). В результате эксперимента выявилось, что дети с III и IV степенями сенсомоторной тугоухости отстают в развитии от детей без нарушений слуха по всем исследуемым компонентам. Имплантированные дети приближены к выборке дошкольников без нарушений слуха в развитии эмоционально-волевого и умственного компонентов. Данные результаты имеют практическую значимость при формировании психологической готовности к школьному обучению и выборе учебного заведения для детей с нарушениями слуха.

Due to the distribution of the inclusive and integrated education of handicapped children there is a large number of problems in the organization of the educational process. Therefore studying of psychological features and formation of readiness for school education of children of these categories becomes urgent. The paper presents the results of the stating experiment whose purpose was to reveal the psychological readiness for school education of children with a hearing impairment. Diagnostics of psychological readiness for school education was accomplished within three main components: intellectual, emotional and volitional, motivational. As a result the children with the III and the IV degrees of sensory motor bradyacusia lag behind the children without hearing impairment in development in all studied components. The implanted children are approached to the selection of preschool children without hearing impairment in development of emotional, volitional and intellectual components. These results have the practical importance for forming the psychological readiness for school education and for the choice of educational institution for children with a hearing impairment.

Ключевые слова: психологическая готовность к школьному обучению; дети с нарушениями слуха; умственный компонент; эмоционально-волевой компонент; мотивационный компонент; сенсомоторная тугоухость; имплантированные дети.

Keywords: psychological readiness for school education; children with a hearing impairment; intellectual component; emotional and volitional component; motivational component; sensory motor bradyacusia; implanted children.

В российской системе образования, на сегодняшний день, мы наблюдаем процесс активной интеграции и инклюзии в общеобразовательных школах детей с особенностями в развитии. Дети с нарушениями слуха не являются исключением. Об этом свидетельствует мировая и отечественная статистика. Процесс внедрения таких детей в общеобразовательные школы реализуется в порядке эксперимента или стихийно. В связи с этим становится актуальным изучение психологических особенностей детей данной категории и формирование их готовности к обучению в школе.

Целью нашего исследования является изучение особенностей психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха.

Психологическая готовность ребенка к школьному обучению – это один из важных этапов психофизического развития в период дошкольного возраста, который выступает комплексным показателем уровня успешного обучения в школе. Рассматривая случаи недостаточного психологического развития ребенка, отечественные и зарубежные исследователи отмечают

наличие проблемы в усвоении такими детьми школьной программы [1; 2; 7].

На сегодняшний день не существует единого мнения о составляющих структуры психологической готовности к школьному обучению. Среди основных компонентов, отмеченных большинством ученых, занимающихся данной проблемой, выделяются: мотивационный, интеллектуальный, личностный, социально-психологический (коммуникативный), эмоционально-волевой. На наш взгляд, при анализе уровня психологической готовности к школьному обучению важно учитывать произвольность психологических процессов и степень сформированности предпосылок к учебной деятельности.

Готовность детей с нарушениями слуха к процессу школьного обучения в своих работах рассматривают Е. Г. Речицкая, Е. В. Пархалина, Н. Я. Семаго и М. М. Семаго. По мнению Е. Г. Речицкой, Е. В. Пархалиной при изучении особенностей психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха целесообразно осуществлять диагностику умственной, мотивационной и эмоционально-воле-

вой сфер личности ребенка. Н. Я. Семаго и М. М. Семаго критериями готовности к школьному обучению считают сформированность предпосылок к учебной деятельности, а именно: возможность работать в соответствии с фронтальной инструкцией, умение самостоятельно действовать по образцу и осуществлять контроль, владение определенным уровнем работоспособности, произвольное переключение внимания [4; 5].

Для определения умственной готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха нами были использованы несколько методик. Методика Л. А. Венгера «Лабиринт» предназначена для диагностики наглядно-образного мышления. Методика «Четвертый лишний» Н. Л. Белопольской позволяет осуществить диагностику мыслительных операций. Эмоционально-волевая сфера личности ребенка (волевые действия, произвольность внимания) исследовалась при помощи методики Б. Бурдона «Корректирующая проба». Для изучения мотивационного компонента психологической готовности к школьному обучению была использована методика М. Р. Гинзбурга, позволяющая выявить уровень мотивации к обучению, ведущие мотивы, общее эмоциональное отношение к предстоящему обучению [3; 6].

Констатирующий эксперимент проводился нами в течение двух лет (2012 – 2014 г.). В исследовании принимали участие дети подготовительных групп

дошкольного образовательного учреждения компенсирующего типа для детей с нарушениями слуха. Численность общей выборки составила 45 человек. Выборка дошкольников с III степенью сенсомоторной тугоухости составила 13 человек. Детей с нарушениями слуха IV степени – 14 человек. Выборка имплантированных детей составила 18 человек.

В нашем эксперименте сложность диагностического процесса детей с нарушениями слуха обуславливалась неоднородным составом данных групп. Особенности психического развития ребенка и его готовность к школьному обучению зависят от степени снижения слуха, времени повреждения слуха (период онтогенеза) и продолжительности комплексной психолого-педагогической помощи.

Для выявления особенностей психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха целесообразно сравнить результаты их психологического развития к концу дошкольного возраста с результатами детей без нарушений в развитии. Выборка детей без нарушений в развитии составила 45 человек.

Анализируя результаты диагностики умственного компонента, всю выборку дошкольников можно разделить на пять групп по степени развития мыслительных операций и наглядно-образного мышления (таблица 1).

Таблица 1

**Результаты диагностики умственной готовности к школьному обучению
(в процентном соотношении)**

<i>Степень снижения слуха</i>	<i>III степень</i>	<i>IV степень</i>	<i>Имплантированные</i>	<i>Норма</i>
<i>Уровень готовности</i>				
Высокий	-	7	5	27
Выше среднего	-	-	22	25
Норма	15	7	16	22
Ниже среднего	31	28	35	13
Низкий	54	58	22	13

Первая группа – высокий уровень умственной готовности к школьному обучению. Выявлено 7 % детей от выборки дошкольников с IV степенью сенсомоторной тугоухости, 5 % детей от выборки имплантированных дошкольников и 27 % от выборки детей без нарушений слуха. Дети в данной группе в хорошем темпе и с легкостью выполняли задания. Они показали высокий уровень развития мыслительных операций и наглядно-образного мышления.

Уровень умственной готовности выше среднего (вторая группа) показали 22 % имплантированных детей и 25 % детей без нарушений в развитии. Дошкольники данной группы характеризуются достаточно высоким уровнем развития мыслительных операций и наглядно-образного мышления. В процессе выполнения заданий на развитие наглядно-образного мышления дети этой группы используют две руки: одна рука воспроизводит движение по дорожке, вторая рука движение по схеме. В большинстве случаев они используют речь, как вспомогательное средство

при выполнении заданий. Детей с III и IV степенями сенсомоторной тугоухости не показали данного уровня умственной готовности к школьному обучению.

Средний уровень (норма) развития умственной готовности был выявлен во всех исследуемых выборках. Дети этой группы показывают средний уровень развития мыслительных операций. Они объединяют и исключают предметы на основе существенных и несущественных признаков. У них отмечается средний уровень развития наглядно-образного мышления. Данный уровень сформированности умственной готовности показали: 15 % детей с III степенью тугоухости, 7 % детей с IV степенью тугоухости, 16 % имплантированных детей и 22 % детей без нарушений в развитии.

Уровень умственной готовности ниже среднего был зарегистрирован у 31 % детей с III степенью тугоухости, 28 % детей с IV степенью тугоухости, у 35 % имплантированных детей и 13 % детей без нарушений в развитии. Дети в этой группе постоянно

нуждались в обучающей помощи со стороны педагога. Они допускали большое количество ошибок и не были заинтересованы в положительном результате своей деятельности.

Низкий уровень развития умственной готовности отмечается у большей части детей с нарушениями слуха: у 54 % детей с III степенью тугоухости, 58 % детей с IV степенью тугоухости, у 22 % имплантированных детей, 13 % детей без нарушений в развитии. У детей этой группы очень низкий уровень развития активного словарного запаса, отмечаются большие трудности в обобщении и исключении предметов. Испытуемые с нарушениями слуха в большинстве случаев не усваивали инструкцию и повторяли движения за экспериментатором. Это позволяет сделать вывод, что дети с низким и ниже среднего уровня развитием умственного компонента будут испытывать трудности в усвоении школьной программы.

С целью выявления различий между выборками детей с нарушениями слуха и детей без нарушений

слуха нами был использован критерий U – Манна-Уитни. Достоверные различия в развитии мыслительных операций и наглядно-образного мышления были выявлены между выборками детей с III степенью сенсомоторной тугоухостью и детьми без нарушений в развитии, где $U_{эмп} = 75,6$, попадает в зону значимых различий ($p \leq 0,01$). А также между детьми с IV степенью сенсомоторной тугоухостью и детьми без нарушений в развитии, где $U_{эмп} = 154$, попадает в зону значимых различий ($p \leq 0,01$). Между выборками детей без нарушений в развитии и имплантированными детьми достоверных различий в умственном развитии психологической готовности к школьному обучению выявлено не было.

Перейдем к рассмотрению результатов диагностики эмоционально-волевого компонента психологической готовности к школьному обучению (таблица 2).

Таблица 2

**Результаты диагностики эмоционально-волевой готовности к школьному обучению
(в процентном соотношении)**

<i>Степень снижения слуха</i>	<i>III степень</i>	<i>IV степень</i>	<i>Имплантированные</i>	<i>Норма</i>
Уровень готовности				
Выше среднего	7	-	39	29
Средний	25	50	39	53
Ниже среднего	61	43	11	16
Низкий	7	7	11	2

При изучении развития волевых действий и произвольности внимания всех испытуемых разделили на четыре группы в зависимости от успешности выполнения задания и от особенностей поведения в момент тестирования.

Дети, имеющие выше среднего уровень развития эмоционально-волевого компонента, внимательно слушали инструкцию, подчинялись системе требований, показывали высокий уровень объема внимания и концентрации. Данный уровень отмечается у 7 % детей с III степенью сенсомоторной тугоухости, 39 % имплантированных детей и 29 % детей без нарушений в развитии.

Испытуемые со средним уровнем развития эмоционально-волевого компонента характеризуются начальным этапом формирования сознательного подчинения требованиям. Данный уровень показали 25 % от выборки детей с III степенью сенсомоторной тугоухости, 50 % детей с IV степенью тугоухости, 39 % имплантированных и 53 % детей без нарушений слуха.

Ниже среднего уровень развития эмоционально-волевого компонента зарегистрирован у 61 % детей с III степенью сенсомоторной тугоухости, 43 % с IV степенью тугоухости, 11 % имплантированных детей и 16 % детей без нарушений слуха. У данной группы дошкольников отмечается потребность в многократном повторении инструкции с демонстрацией зачеркивания элементов. Прослеживается большое

количество ошибок и маленький объем просмотренных элементов.

Низкий уровень отмечается у 7 % детей с III степенью сенсомоторной тугоухости, 7 % детей с IV степенью тугоухости, 11 % имплантированных и 2 % детей без нарушений слуха. Данная группа нарушает выполнение инструкции, отмечается низкая степень регуляции поведения, отсутствует произвольность внимания и речевая регуляция действий.

При изучении различий между изучаемыми выборками мы отметили, что в развитии эмоционально-волевого компонента отстают дети с III – IV степенями сенсомоторной тугоухости. Были выявлены существенные различия между данными выборками, где $U_{эмп} = 155$, $U_{эмп} = 128$, попадает в зону значимых различий ($p \leq 0,01$). Между выборками имплантированных детей и детей без нарушений в развитии существенных различий выявлено не было, $U_{эмп} = 354$ находится в зоне не значимости.

Следующим этапом эксперимента является рассмотрение развития мотивационного компонента психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха (таблица 3).

Анализируя полученные в ходе эксперимента данные по изучению мотивационного компонента, мы разделили выборку на пять групп в зависимости от ведущих мотивов обучения и сформированности представлений о процессе обучения в школе.

Очень высокий уровень сформированности мотивационного компонента психологической готовности к школьному обучению показали только дети без нарушений слуха – 35 %. У детей данной группы преобладают учебные мотивы, сформирован широкий круг

представлений о школе, о социальном положении школьника, об обучении как сложном и важном процессе. Так же можно отметить, что у детей из данной группы сформирована внутренняя позиция школьника.

Таблица 3

**Результаты диагностики мотивационной готовности к школьному обучению
(в процентном соотношении)**

<i>Степень снижения слуха</i>	<i>III степень</i>	<i>IV степень</i>	<i>Имплантированные</i>	<i>Норма</i>
<i>Уровень готовности</i>				
Очень высокий	-	-	-	35
Высокий	7	-	11	35
Норма	31	50	83	20
Сниженный	62	28	6	10
Низкий	-	22	-	-

Высокий уровень готовности к школьному обучению отмечается у детей с III степенью сенсомоторной тугоухостью – 7 %, у имплантированных детей – 11 % и у 35 % детей без нарушений слуха. Данная группа характеризуется наличием познавательных мотивов и присутствием позиционного мотива (он пойдет в школу, потому что уже взрослый, стремясь занять новую позицию в отношениях с окружающими).

У детей со средним уровнем развития мотивационного компонента среди ведущих мотивов обучения занимают позиционный, оценочный и социальный мотивы. Таким образом, дети данной группы имеют несколько ограниченное представление о деятельности школьника и учителя. Данный уровень развития мотивации имеют 31 % детей с III степенью сенсомоторной тугоухости, 50 % детей с IV степенью тугоухости, 83 % имплантированных и 20 % детей без нарушений слуха.

Четвертый уровень развития мотивационного компонента (сниженный) у дошкольников характеризуется фрагментарным представлением о процессе обучения в школе. У данных детей на месте ведущих мотивов находятся игровой, позиционный и оценочный, т. е. мотивация, связанная с внешней атрибутикой школы. Данный уровень мотивации отмечен у 62 % детей с III степенью сенсомоторной тугоухости, 28 % с IV степенью тугоухости, 6 % имплантированных детей и 10 % детей без нарушений слуха.

Низкий уровень развития мотивационного компонента был зарегистрирован только у испытуемых с IV степенью тугоухости – 22 %. Как выяснилось, дошкольники данной группы не имеют представлений о процессе обучения в школе, ведущими мотивами являются внешние и игровые.

При сравнении результатов развития мотивационного компонента в исследуемых выборках в каждом случае были выявлены существенные различия. При сравнении выборки детей с III степенью сенсомоторной тугоухости и детей без нарушений в развитии $U_{\text{эмп}} = 55,5$, попадает в зону значимых различий ($p \leq 0,01$). При сравнении выборки детей с IV степенью сенсомоторной тугоухости и детей без нарушений в развитии $U_{\text{эмп}} = 64,5$, попадает в зону значимых различий ($p \leq 0,01$). А так же были выявлены

значимые различия при изучении выборки имплантированных детей и детей без нарушений слуха $U_{\text{эмп}} = 160,5$ при ($p \leq 0,01$). Они заключаются в наличии недостаточного уровня сформированности познавательных мотивов и представлений о процессе обучения у детей с нарушениями слуха.

Таким образом, при анализе результатов эксперимента по выявлению особенностей психологической готовности к школьному обучению у детей с нарушениями слуха можно выделить наличие таких проблем, как недостаточный уровень развития наглядно-образного мышления и умственных операций, волевого компонента и произвольности поведения у детей с III и IV степенями сенсомоторной тугоухости. Кроме того, у детей с разными степенями нарушения слуха отмечается проблема недостаточного уровня развития мотивационного компонента психологической готовности к школьному обучению.

Выводы

1. Как показал эксперимент, основной сложностью выявления уровня психологической готовности к школьному обучению детей с нарушениями слуха является неоднородность детей данной категории.

2. В развитии умственного компонента психологической готовности к школьному обучению были выявлены существенные различия между выборками детей с III – IV степенью сенсомоторной тугоухости и детей без нарушений слуха.

3. Уровень умственного развития имплантированных детей приближен к уровню развития детей без нарушений слуха, т. к. значимых различий между данными выборками выявлено не было.

4. Имплантированные дети по уровню развития эмоционально-волевого компонента приближены к выборке детей без нарушений слуха. Испытуемые с более серьезными нарушениями слуха (III и IV степенями сенсомоторной тугоухости) отстают от детей без нарушений слуха в развитии эмоционально-волевого компонента.

5. Дети с нарушениями слуха в развитии мотивационного компонента психологической готовности к

школьному обучению отстают от детей без нарушений слуха.

6. По итогам проведенной коррекционно-развивающей работы по формированию психологической готовности к школьному обучению имплантированным детям может быть рекомендовано обучение в общеобразовательной школе.

7. Дошкольники с III и IV степенями сенсомоторной тугоухости в значительной степени отстают от развития своих сверстников без нарушений слуха, поэтому для комплексной коррекционной работы им могут быть рекомендованы специальные коррекционные образовательные учреждения.

Литература

1. Кравцова Е. Е. Психологические проблемы готовности детей к обучению в школе. М.: Педагогика, 1991. 150 с.
2. Кузина В. М. Проблемы деятельности психологической службы в психолого-педагогической литературе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 3. С. 40 – 48.
3. Марцинковская Т. Д. Диагностика психического развития детей. М.: ЛИНКА-ПРЕСС, 1997. 176 с.
4. Речицкая Е. Г., Пархалина Е. В. Готовность слабослышащих детей дошкольного возраста к обучению в школе. М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
5. Семаго Н. Я., Семаго М. М. Проблемные дети: основы диагностической и коррекционной работы психолога. М.: АРКТИ, 2000. 165 с.
6. Чередникова Т. В. Тесты для подготовки и отбора детей в школы: рекомендации практического психолога. СПб.: Стройлеспечат, 1996. 64 с.
7. Mulder H., Nicola J., Pitchford N. M. Inattentive behaviour is associated with poor working memory and slow processing speed in very pre-term children in middle childhood // British Journal of Educational Psychology. 2011. Vol. 81. № 1. P. 147 – 160.

Информация об авторе

Бубарева Виктория Евгеньевна – аспирант кафедры психологии образования и развития личности Восточно-сибирской государственной академии образования, vikal15221@list.ru.

Viktoriya E. Bubareva – post-graduate student at the Department of Psychology of Education and Personal Development, East-Siberian State Academy of Education.

Статья поступила в редколлегию 02.06.2014 г.

УДК 159.947, 159.922, 159.9:331.101.3

РАЗРАБОТКА ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РАЗВИВАЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА СИСТЕМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ

Д. И. Кузнецов

DESIGNING EMPIRICAL METHODS FOR STUDYING THE DEVELOPMENTAL POTENTIAL OF A PERSONALITY'S SYSTEM OF ACTIVITIES

D. I. Kuznetsov

В настоящее время разрабатывается эмпирическое исследование развивающего потенциала системы деятельности личности на разных стадиях профессионализации. Актуальность исследования связана с необходимостью дальнейшего выявления ресурсов развития личности профессионала, повышения эффективности его трудовой деятельности при условии сохранении психологического здоровья (и в целях определения путей профилактики его нарушений). Целями данной статьи работы является операционализация теоретического конструкта «развивающий потенциал системы деятельностей», описание метода изучения системы деятельностей с возможностью определения места профессиональной деятельности в индивидуальной иерархии, а также обоснование критериев и методов оценки развивающего потенциала системы деятельностей личности.

Методологической основой является полидеятельностный вариант культурно-деятельностного подхода.

Предлагаемый нами комплекс критериев оценки развивающего потенциала системы деятельностей содержит объективные критерии, такие как уровень самоактуализации личности, и субъективные критерии, такие как уровень субъективного благополучия и удовлетворенность трудом.

В работе приводятся результаты исследования системы деятельностей студентов с разным уровнем самоактуализации. Исследование показало эмпирическую валидность предложенного нами метода исследования системы деятельностей, а также адекватность использования уровня самоактуализации в качестве критерия оптимального развития личности и гармоничности системы деятельности.

At present, we are developing an empirical study of the developmental potential of system of personal activities at different stages of professionalization. Relevance of research bases on the need for further detection of resources for the professional's personal development, and improving the efficiency of the professional's work under the condition of

preserving psychological health (and to identify ways of preventing their violations). The aims of the article are: operationalization of the theoretical construct of “developmental potential of activities”; description of the method of studying the system of activities arranged to determine the place of professional activity in the individual hierarchy of activities; justification criterias and methods for evaluating developmental potential of the system of personal activities. Methodological basis is the poly-activities version of cultural-activity approach. We suggest a complex of criteria to assess the developmental potential of the system of activities. It contains objective criteria such as the level of self-actualization, and subjective criterias such as the level of subjective well-being and job satisfaction. The paper presents the results of researching the system of activities in students with different levels of self-actualization. Empirical research has shown the validity of our method for researching the system of activities, as well as the value of the level of self-actualization as a criterion for the optimal development of the personality and harmony of the system of activities.

Ключевые слова: Личность, система деятельностей, развивающий потенциал системы деятельностей, полидеятельностный подход, самоактуализация, субъективное благополучие, удовлетворенность трудом.

Keywords: personality, system of activities, developmental potential of the system of activities, poly-activities theory, subjective and objective criteria of estimating developmental potential, self-actualization.

В настоящее время разрабатывается эмпирическое исследование развивающего потенциала системы деятельности личности на разных стадиях профессионализации. Под развивающим потенциалом системы деятельностей мы понимаем возможность обеспечения оптимального функционирования и развития личности. Актуальность исследования связана с необходимостью дальнейшего выявления ресурсов развития личности профессионала, повышения эффективности его трудовой деятельности при условии сохранении психологического здоровья (и в целях определения путей профилактики его нарушений). Целями данной работы являются операционализация теоретического конструкта «развивающий потенциал системы деятельностей», описание метода изучения системы деятельностей с возможностью определения места профессиональной деятельности в индивидуальной иерархии, а также обоснование критериев и методов оценки развивающего потенциала системы деятельностей личности.

Методологической основой работы является складывающийся в настоящее время подход, основы которого заложены в работах Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, А. Г. Асмолова, Б. С. Братуся, Н. Н. Вересова, К. В. Карпинского, Е. А. Климова, В. В. Столина и других. Мы дали ему условное название «полидеятельностный подход». Основная идея этого подхода может быть выражена словами А. Н. Леонтьева: «...реальным базисом личности человека является совокупность его общественных отношений к миру, но отношений, которые реализуются ... совокупностью его многообразных деятельностей. Имеются в виду именно деятельности субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность» [5, с. 201]. А. Г. Асмолов, обобщая представления Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, М. М. Бахтина, утверждает: «Человек в обществе – полидеятельностное, диалогичное, пристрастное существо» [1, с. 161]. Необходимо отметить, что эмпирических исследований в рамках полидеятельностного подхода практически не проводилось.

Проблема операционализации понятия «система деятельностей».

Разработка метода его изучения

Приведем краткое описание опыта разработки метода изучения системы деятельностей. Изучение системы деятельностей предполагает определение их количественного и качественного состава, их иерархического соподчинения, выделение наиболее важной, системообразующей («ведущей») и т. д. Для определения количественного и качественного состава деятельностей мы использовали прямой опрос респондентов о «занятиях» («сферах жизни», социальных ролях), которыми наполнена его жизнь. После получения перечня основных занятий, респонденту предлагается ответить на открытые вопросы о каждом занятии, о времени, которое хотелось бы уделять этому занятию (больше – меньше), и об основных результатах активности в указанной сфере деятельности. По нашим данным, в среднем, пяти занятий бывает достаточно. Меньшее количество может указывать как на бедность системы деятельностей у конкретного испытуемого, так и, наоборот, на уже выстроенную крепкую иерархию с четкими приоритетами.

Для определения иерархии деятельностей, в том числе, ведущей деятельности, респонденту предлагается проранжировать указанные им занятия по трем показателям: важности, эмоциям и интересу. Так как именно ведущая деятельность определяет основную линию развития личности, теоретически она должна субъективно расцениваться испытуемым как самая важная. Однако на этот показатель может оказывать сознательное или неосознаваемое влияние и усвоенная социальная оценка данной деятельности, то есть, социальная желательность.

«Эмоция является производной от мотива (потребности) и выполняет следующие функции: а) отражения в сознании мотивационного состояния; б) сигнала об успешности выполнения деятельности; в) оценки степени реализации мотива (степени соотношения желаемого и действительного)... Эмоции сигнализируют о личностном смысле событий» [8, с. 162].

При реализации любая мотивированная деятельность, следуя концепции А. Н. Леонтьева, ведет к позитивным эмоциям, а негативные эмоции возникают в случае препятствий в ее реализации. Эмоции

тем сильнее, чем выше в иерархии находится деятельность, чем сильнее ее мотив. Ведущая деятельность должна вызывать у человека самые сильные переживания, независимо от успешности ее реализации. Так как эмоции отражают неосознаваемую иерархию мотивов, для более точного определения иерархического соподчинения деятельности и снижения влияния социальной желательности при оценке занятия по важности, мы ввели параметр эмоциональной насыщенности независимо от полюса эмоций. Иерархия мотивов соответствует иерархии деятельности, поэтому наибольшие переживания должна вызывать та деятельность, которая соответствует высшему в иерархии мотиву у данного человека. Положительный или отрицательный полюс эмоций, в данном случае, говорит лишь об успешности/ неуспешности реализации этих мотивов. Для нас важна именно сила эмоции по модулю. Частая несогласованность важности и эмоциональной насыщенности занятия говорит о существующих противоречиях между «знаемыми» мотивами, отражающими интересы общества, и реально действующими мотивами конкретного человека.

Интерес отчасти совпадает с эмоциями (в положительной части), определяет непосредственную вовлеченность в деятельность, а также автоматическую оценку возможного успеха в деятельности. Он указывает на успешность в каком либо занятии, при этом реализующем какую либо потребность. «Деятельность человека... структурно охватывается и упорядочивается целостными динамическими тенденциями, стремлениями и интересами» [2, с. 14]. Интерес может вызывать как сложное профессиональное действие, так и регрессивные занятия. Ключевым является то, что занятие должно быть по силам данной личности, иначе при завышенных требованиях и не успешности интерес быстро падает.

В идеале, оценка по всем трем параметрам (важность, эмоциональность, интерес) по каждому занятию должна совпадать, однако существует достаточно много социально- и индивидуально-обусловленных психологических противоречий, нарушающих иерархию деятельности. Согласованность по этим параметрам для находящейся на вершине иерархии деятельности является в нашей методике одним из критериев обозначения деятельности в качестве «ведущей», но одного этого недостаточно.

Результатом развития в каждом возрасте являются психологические новообразования. Новообразования проявляют себя и как изменение всей структуры личности в целом, так и в изменении отдельных ее сторон. По аналогии с двумя основными сферами развития в онтогенезе (по теории Д. Б. Эльконина [10]), мы разделили результаты активности в разных сферах деятельности на когнитивные (знания, умения навыки) и личностные (характер, мировоззрение, жизненные цели). Вопросы, направленные на получение этих данных, также входили в предложенную нами методику. Кроме этого, респондентов просили указать количество времени, которое они хотели бы уделять этому занятию: больше, меньше или столько же.

Еще одним важным параметром, который необходимо учитывать, является продуктивность деятельности. Б. Д. Эльконин определяет продуктивность, как действие по построению предмета, меняющего обстоятельства своего же построения [9, с. 141]. Как показало наше предыдущее исследование, продуктивность занятий положительно связана с высоким уровнем самоактуализации и осмысленности жизни студентов [4].

Итак, проведенный анализ позволил нам предложить обоснованный вариант операционализации теоретических конструктов «ведущая деятельность», «система деятельности», «иерархия деятельности» и разработать эмпирический метод изучения системы деятельности путем выделения основных занятий личности и ранжирования их по важности, эмоциям, интересу и желаемому времени на их реализацию. Описанная процедура реализовывалась нами в двух вариантах. В проведенном нами исследовании системы деятельности студентов [4] мы использовали этот метод в виде формализованной анкеты для группового варианта сбора данных, предполагающей количественный анализ. В нашем текущем исследовании системы деятельности профессиональных психологов (2014 г) мы использовали метод в виде структурированного интервью для индивидуального проведения, предполагающего качественный и количественный анализ.

Критерии оценки развивающего потенциала системы деятельности личности

Для разработки критериев и методов оценки развивающего потенциала системы деятельности личности зададим требования к методам – обеспечение по возможности, комплексной оценки оптимального функционирования и развития личности, а также компактности методов, так как метод изучения системы деятельности довольно объемный.

Комплексный набор критериев оценки оптимального функционирования и развития личности предполагает сочетание объективных и субъективных, внешних и внутренних критериев.

В качестве первого критерия оптимального функционирования личности мы предлагаем использовать показатели самоактуализации личности.

А. Маслоу связывал самоактуализацию со стремлением человека реализовать свой внутренний потенциал, стать всем, чем он способен стать. Самоактуализацию, как «полноценное развитие человека» А. Маслоу противопоставляет термину «психическое здоровье», так как она в меньшей мере культурно обусловлена и, следовательно, более универсальна. Самоактуализация, по его мнению, соответствует вершине в предложенной им пирамиде потребностей. «Здоровые люди уже в достаточной степени удовлетворили свои основные потребности в безопасности, сопричастности, любви, уважении и самоуважении и потому могут руководствоваться, прежде всего, стремлением к самоактуализации (понимаемой как непрерывная реализация потенциальных возможностей, способностей и талантов, как свершение своей миссии, или призвания, судьбы и т. п., как более полное познание и, стало быть, приятие

своей собственной изначальной природы, как неустанное стремление к единству, интеграции, или внутренней синергии личности) [7, с. 49]. А. Маслоу описывает здоровых людей посредством их клинически наблюдаемых характеристик. Среди них: более развитая способность принимать себя, других и мир в целом такими, какими они есть на самом деле; повышенная спонтанность; более развитая способность сосредотачиваться на проблеме; более высокая автономность; большая свежесть восприятия и богатство эмоциональных реакций; высокие творческие способности [7, с. 49]. А. Маслоу использует слова «самоактуализация» и «зрелость», как синонимы, указывая, что это переход от дефицитарного типа мотивации к метамотивации развития. По оценкам А. Маслоу, самоактуализации достигает 1 % взрослого населения. Причиной этому служит социальное и культурное окружение, которое часто препятствует самоактуализации, помещая людей в рамки определенных норм.

По нашему мнению, интеграция деятельностей и соответствующих мотивов в единую систему путем их иерархического соподчинения, ведущая к указанной А. Маслоу «синергии личности», – задача, обусловленная переходом от детства к взрослости, впервые возникает в юношеском возрасте (хотя ее частные варианты – «борьба мотивов» и решение задачи на смысл – доступны и детям). Это и означает возможность и стремление стать «субъектом жизнедеятельности», словами К. В. Карпинского [3].

Главным спорным моментом в А. Маслоу (и одновременно самым известным) является идея иерархии потребностей, так называемая «пирамида потребностей» А. Маслоу. А. Маслоу делит потребности на дефицитарные, которые можно удовлетворить, и потребности развития, связанные со стремлением к самоактуализации. Предполагается, что высшие в иерархии потребности не реализуются, пока не удовлетворены низшие.

Д. А. Леонтьев, рассматривая идеи другого представителя гуманистической психологии К. Роджерса, пишет: «Развитие личности происходит путем разворачивания, прорастания того, что уже в нее потенциально заложено. Ничего принципиально нового личность в процессе своей жизни не приобретает извне. Основная задача социума таким образом – поддержать это развитие» [7, с. 155]. Далее, он описывает подход Л. С. Выготского к данной проблеме: формирование личности – это овладение своими психологическими процессами. Овладение осуществляется через опосредствование – использование культурно выработанных средств, психологических орудий, ценностей. В результате переход, обусловленный развитием опосредствования, означает овладение мотивацией, переход от мотивированности к самомотивации или самодетерминации личности [7, с. 158]. Таким образом, общество не только не мешает самоактуализироваться, оно единственное может дать возможность и источники для развития этого процесса.

Обычно профессиональную подготовку в «студенческом» возрасте и профессиональную деятельность у взрослых считают социально заданной ве-

дущей деятельностью, то есть ожидается, что именно она будет определять основную линию развития. Но следуя полидеятельностному подходу, личностное развитие как овладение собственным поведением через опосредствование не обязательно должно происходить именно в этой деятельности. Эти процессы – социально-экономическое включение в общество, и личностное включение в культуру могут идти параллельно, происходить в различных сферах активности. Мы предполагаем, что полноценное развитие должно происходить сразу в двух этих линиях развития, а ущемление одной из них приведет к негативным психологическим последствиям.

Таким образом, мы считаем возможным использовать уровень самоактуализации в качестве критерия развития личности. На основании положений о ведущей деятельности, системе деятельностей и их иерархии, а также предположения о том, что показатель самоактуализации может быть критерием развития личности, мы выдвинули гипотезу о том, что структура системы деятельностей различается в группах с разным уровнем самоактуализации. Эта гипотеза была проверена нами с использованием описанной выше методики анализа системы деятельностей и теста САМОАЛ (адаптации опросника POI/Personal Orientation Inventory by Everett Shostrom, проведенной Н. Ф. Калиной, А. В. Лазукиным [7]). В исследовании приняли участие 64 студента различных факультетов Северо-Восточного государственного университета (СВГУ), из них 19 мужчин и 45 женщин.

Проведенное нами исследование [4] показало, что важнейшей характеристикой деятельности студентов с высоким показателем самоактуализации является ее продуктивность. Студенты с высоким уровнем самоактуализации значимо чаще обозначают самым важным занятием творчество или работу. Они продуктивны в учебе и творчестве, а также больше времени хотели бы заниматься спортом. Общая согласованность по важности, интересу и эмоциям в сфере занятий творчеством или работой у них выше, чем у низкоактуализирующихся студентов. Студенты с низким уровнем самоактуализации больше переживают по поводу учебы, больше ориентированы на общение, а не продуктивную деятельность, и считают, что именно в общении получают знания, умения и навыки. Такие приоритеты в большей степени соответствуют задачам и, главное, способам их решения, характерным для подросткового возраста. Сочетание факторов: согласованности деятельностей по важности, интересу и эмоциям, большего или равного количества времени, желаемого для наиболее важных занятий, наличия когнитивных и личностных изменений у испытуемого в процессе занятия, а также продуктивных достижений при условии гармоничного соотношения социально-заданной деятельности и увлечения. Интересно отметить, что студенты с высоким уровнем самоактуализации обозначают чтение (как увлечение) более важным занятием, чем студенты с низким уровнем самоактуализации.

Таким образом, проведенное исследование позволило показать эмпирическую валидность предложенного нами метода исследования системы деятельностей, а также показало адекватность использования уровня самоактуализации в качестве критерия оптимального развития личности и гармоничности системы деятельности.

В качестве субъективных критериев оптимального функционирования личности мы предлагаем использовать общую оценку субъективного благополучия личности, а поскольку нас интересует личность профессионала и его профессиональная деятельность в контексте системы деятельностей, также удовлетворенность трудом.

Субъективное благополучие и удовлетворенность трудом, по нашему мнению, взаимодополняют друг друга, и при необходимости могут быть допол-

нены критериями удовлетворенности другими сферами жизни, например, семейной.

Итак, предлагаемый нами комплекс критериев оценки развивающего потенциала системы деятельностей содержит объективные критерии, такие как уровень самоактуализации личности, и субъективные критерии, такие как уровень субъективного благополучия и удовлетворенность трудом. Эти параметры возможно оценить при помощи существующих валидных компактных методов. Другие дополнительные объективные критерии оптимального функционирования и развития личности профессионала, которые возможно использовать в нашем исследовании, – это успешность в профессии, определенные достижения в труде на данном этапе профессионализации.

Литература

1. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. 528 с.
2. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4: Детская психология. М.: Педагогика, 1984. 432 с.
3. Карпинский К. В. Жизненный смысл профессионала как детерминанта деятельности и становления личности // Социальная психология труда: теория и практика. Т. 1. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 161 – 185.
4. Кузнецов И. Ю., Кузнецов Д. И. Система деятельностей как основа самореализации личности // Личность как предмет классической и неклассической психологии: материалы XIII Международных чтений памяти Л. С. Выготского: в 2 т. Т. I. М.: РГГУ, 2012. С. 30 – 35.
5. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. II. М.: Педагогика, 1983. 320 с.
6. Леонтьев Д. А. Личностная зрелость как опосредствование личностного роста. Культурно-историческая психология развития // Материалы первых чтений памяти Л. С. Выготского, Москва, 15 – 17 ноября 2000 / под ред. И. А. Петуховой. М.: Смысл, 2001. С. 154 – 16.
7. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл-бук, 1997.
8. Насиновская Е. Е. Деятельностная парадигма в изучении мотивации личности // Психологическая теория деятельности: вчера, сегодня, завтра; под. ред. А. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2006. 389 с.
9. Эльконин Б. Д. Психология развития: учеб. пособие для вузов. М.: Академия. 2005. 144 с.
10. Эльконин Д. Б. Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1989. 560 с.

Информация об авторе:

Кузнецов Даниил Игоревич – аспирант факультета психологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Dan-smith@yandex.ru.

Daniil I. Kuznetsov – post-graduate student at the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Статья поступила в редколлегию 09.07.2014 г.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МЕТОДОВ ПСИХОКОРРЕКЦИИ С ЦЕЛЬЮ ОПТИМИЗАЦИИ ПРОЦЕССА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПРОХОДЯЩИХ СЛУЖБУ ПО ПРИЗЫВУ

М. В. Кулакова

SPECIAL ASPECTS OF USING PSYCHO-CORRECTIONAL METHODS TO OPTIMIZE THE PROCESS OF CONSCRIPTS' ADAPTATION

M. V. Kulakova

Статья посвящена проблеме использования психокоррекционных методов с целью оптимизации процесса адаптации военнослужащих срочной службы. Проанализирован опыт использования методов психокоррекции отечественными специалистами с военными различных категорий. В работе обсуждаются особенности использования методов психокоррекции с целью оптимизации процесса адаптации военнослужащих, проходящих службу по призыву.

The paper analyzes of problem of using psycho-correctional methods to optimize the process of conscripts' adaptation. The experience of Russian psychologists' using of psycho-correctional methods of with different categories of military men is analyzed. The paper examines the special aspects of using psycho-correctional methods to optimize the process of conscripts' adaptation.

Ключевые слова: процесс адаптации; методы психокоррекции; военнослужащие, проходящие военную службу по призыву.

Keywords: adaptation process; psycho-correctional methods; conscripts.

Механизмы и закономерности изменений физиологической, эмоциональной, познавательной и поведенческой сфер военнослужащих при попадании их в специфические условия несения службы привлекают внимание представителей многих научных областей, например, социологии, физиологии, медицины, а также психологии.

В психологии особое внимание уделяется процессу психофизиологической и социально-психологической адаптации военнослужащих к условиям военно-профессиональной деятельности. Это и экстремальные условия несения службы (вооруженные конфликты, контртеррористические операции); неблагоприятные климатические условия (полярные зимовки, космические полеты (А. В. Попов, 1996; И. В. Соловьев, 1999; А. В. Бабиц, 2003; Н. Н. Белозерова, 2005; В. В. Хан, 2006) и т. д.; социально-профессиональная адаптация военнослужащих, призванных на военную службу по контракту (А. Ф. Фомин, 2007; Ю. Р. Дорфман, 2008; К. В. Романов, 2009), а также социально-психологическая адаптация военнослужащих, проходящих военную службу по призыву (О. Н. Тузова, 2006; А. С. Кислицына, 2010; Д. А. Ситмбетов, 2011; В. А. Корытков, 2013) и т. д.

По мнению В. В. Пепелева (2001) военная служба по призыву, в пределах военных частей, проходит в экстремальных условиях т. к. рядовые попадают в условия, где предъявляются повышенные требования к их психологической устойчивости, и главными причинами этого выступают: переход людей из свободного состояния на военную службу; расставание с привычной средой, семьей; отказ от привычек, приобретенных ранее; отвращение и неприязнь к военной службе. Однако автор отмечает, что экстремальность данных условий не связана с риском для жизни и здоровья, а возникает вследствие перехода в непривычные условия.

А. С. Кислицына (2010) имеет несколько иную точку зрения по этому поводу, и определяет условия срочной службы в армии как модель трудной жизненной ситуации. Основывается при этом на выделении стресс-факторов, которые воздействуют на личность солдата в процессе службы, главные из них – ограничение свободы; беззащитность; напряженная и опасная деятельность; дискомфортные условия проживания, учебы и деятельности. Данные условия требуют от военнослужащих мобилизации физиологических и психических сил организма, в том числе и актуализации адаптационного потенциала личности, в состав которого, в ряде работ, относится адаптивность, нервно-психическая устойчивость, коммуникативные способности, моральная нормативность личности, самооценка, различные формы агрессии [3; 11] и т. д.

Адаптационный потенциал личности является психологической характеристикой адаптации наряду со стрессоустойчивостью, жизнестойкостью и т. д. [2]. В определении рассматриваемого понятия можно выделить несколько подходов. С одной стороны адаптационный потенциал трактуется как описательный термин, характеризующий адаптационные способности, связанные с реализацией реакций психологической адаптации личности. Другая точка зрения на понимание адаптационного потенциала применима к анализу поведения личности в различных классах жизненных ситуаций в условиях воздействия разнообразных адаптогенных факторов [2].

В современных научных исследованиях вопрос адаптационного потенциала рассматривается по отношению к анализу свойств личности, которые определяют успешность процесса адаптации в различных видах деятельности. Это профессиональная деятельность, социокультурная среда, экстремальные условия, в том числе и военная служба.

В отечественных психологических исследованиях выделяются неодинаковые компоненты адаптационного потенциала, но при этом данная характеристика всегда понимается как сложная согласованная система разноуровневых индивидуально-психологических качеств [2].

Д. А. Ситмбетов (2011), проанализировав работу А. С. Кислицыной (2010), делает вывод о том, что возможно частичное вмешательство в ситуацию жизнедеятельности военнослужащих путем специальной психологической подготовки их к преодолению выявленных конкретных психологических трудностей (стресс-факторов), а также путем целенаправленного развития у военнослужащих личностных свойств, в том числе и адаптационного потенциала, которые, безусловно, способствуют процессу адаптации и обеспечивают его успешность. Это подтверждает и мнение А. М. Богомолова (2008) о том, что адаптационные навыки динамичны, способны развиваться в условиях различных жизненных ситуаций.

Как известно, любой адаптационный процесс характеризуется определенной стадийностью (В. П. Казначеев, 1980; В. И. Лебедев, 1989; Г. Селье, 1996; В. И. Медведев, 1998; С. В. Марунок 2005 и др.), так и процесс адаптации военнослужащих срочной службы не является уникальным и проходит следующие этапы:

- начальный (дестабилизация) – 3 – 5 месяцев службы в армии;
- формирование адаптации – до 12 месяцев военной службы;
- завершение адаптации – до 1,5 лет службы;
- стадия стабильной адаптации – до конца службы [7].

В сложившихся социально-экономических условиях страны был проведен ряд мероприятий по реформированию Вооруженных сил РФ, одним из которых является сокращение срока службы до 1 года. Вследствие чего, выделенные стадии адаптации военнослужащих, не могут быть перенесены на солдат последних лет, и применены для понимания механизмов адаптационных трудностей в условиях срочной службы в течение одного года. Это доказывает Д. А. Ситмбетов (2011) в своем исследовании функционального состояния организма и заболеваемости солдат срочной службы, отмечая, что военнослужащие двух лет службы проходили все четыре стадии адаптации, достигая стабильного уровня за $9,3 \pm 0,3$ месяца. Относительно военнослужащих одного года службы такой четкой стадийности не наблюдается и стадия дестабилизации затягивается до 9 месяцев службы [7], возможно это связано с тем, что теперь военные срочной службы за более короткое время должны усвоить программу боевой подготовки в прежнем объеме.

Кроме того, в научной литературе, встречаются данные о целесообразности продления срока службы минимум до 18 месяцев т. к. стадия стабильной адаптации наступает только к полугоду годам службы, а в настоящих условиях служба по призыву в течение одного года не позволяет рядовым использовать сформировавшийся психофизиологический потенциал в полной мере для достижения стабильности адаптации [10]. Но продление срока службы повлечет за собой пересмотр закона о военной службе, финансо-

вые затраты, общественные недовольства и многое другое. Гораздо целесообразнее вариант оптимизации процесса адаптации военных срочной службы в течение одного года.

Д. А. Ситмбетов (2011), путем теоретического анализа научной литературы доказывает, что эффективность военно-профессиональной деятельности военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, во многом определяется успешностью их адаптации к новым условиям жизнедеятельности. Этот процесс характеризуется формированием социально-психологических отношений, изменениями состояния здоровья, функционального состояния организма. Опираясь на взгляды В. А. Бодрова (1983), Д. А. Ситмбетов указывает на два основных направления, по которым можно управлять функциональным состоянием организма военнослужащих, проходящих военную службу по призыву, и вследствие этого оптимизировать процесс адаптации. Первое связано с оптимизацией объекта, содержания, условий и организации профессиональной деятельности. Второе направление включает в себя средства и методы непосредственного, прямого воздействия на человека: индивидуальная регламентация деятельности; активный отдых (общая и специальная физическая подготовка); физиолого-гигиенические средства и методы (закаливание организма и т. д.); психогенные средства и методы (психосоматическая саморегуляция; гипноз, функциональная музыка и т. д.); электрофизиологические методы (электростимуляция нервно-мышечного аппарата, воздействие на биологически активные точки); фармакологические средства, физические средства (массаж и т. д.).

При этом Д. А. Ситмбетов ссылается в своей работе на необходимость системного подхода, называя его самым перспективным в вопросе оптимизации процесса адаптации военных срочной службы. Необходимо комплексное рассмотрение и медицинского, и физиологического, и социального, и психологического аспектов адаптации [7], т. е., для продуктивного решения проблемы предполагается учет сложного сочетания факторов силами специалистов разных профилей и каждому из них важно выделить те аспекты проблемы, которые соответствуют его компетенции [4; 6].

Условия и оптимизация процесса адаптации военнослужащих широко исследуется в отечественной науке (А. Е. Попов, 1996; И. Г. Скороходова, 1998; И. В. Соловьев, 1999; И. И. Дорофеев, 2005; О. Н. Тузова, 2006; Ю. Р. Дорфман, 2008; А. С. Кислицина, 2010; Д. А. Ситмбетов, 2011; В. А. Корытков, 2013 и др.). Основная часть исследовательских работ данного профиля направлена на изучение особенностей и оптимизацию процесса адаптации военнослужащих, уволенных в запас (В. В. Березовец, 1997; И. Г. Скороходова, 1998; И. В. Дмитриев, 1999; А. Ю. Деркач, 2000; М. Г. Мелконян, 2001; В. Ф. Паршаков, 2004; А. Ю. Белова, 2004; Ю. Я. Михайлов, 2005; В. Г. Обертенюк, 2007; Ю. Я. Таран, 2007; Е. И. Бирюля, 2007 и др.).

Например, в работе коллектива авторов Н. Г. Осуховой, И. П. Лотовой, А. Ф. Шадура и др. (2001) уделяется особое внимание психотерапии и психокор-

рекции, как методам, способствующим преодолению трудностей на пути к успешной адаптации [6].

С помощью методов групповой работы (психодрама и ролевое моделирование; гештальт-ориентированный подход: человек в социуме, работа с незавершенными ситуациями и т. д.; метод НЛП; технологии самопроектирования; групповое консультирование и т. д.) специалисты пытаются ослабить действие негативных социальных установок и стереотипов, сформировать у уволенных из армии офицеров стремление успешно перестроить свой образ жизни и занять в новых условиях активную жизненную позицию [6; 8]. После проведения работы с офицерами, специалисты отмечают положительную динамику в эмоциональном и моральном состоянии своих подопечных, т. е. развитие компонентов их адаптационного потенциала.

В связи с приведенным выше примером, стоит обратить внимание на работу А. Ю. Беловой (2004), направленной на изучение процесса адаптации военнослужащих, уволенных в запас. Автор отмечает, что процесс социально-психологической адаптации к условиям гражданской жизни у военнослужащих, можно оптимизировать путем изменения приоритета некоторых существующих ценностей, т. к. некоторые доминирующие мотивы являются препятствием в процессе профессионального личностного роста. В связи с этим предлагает следующие психокоррекционные мероприятия: психологическое консультирование (индивидуальное и групповое) и социально-психологический тренинг, в частности, обучение специальным психотехническим упражнениям, способствующим ресурсной психологической поддержке, сохранению психической уравновешенности и т. д.

О. Н. Тузова (2006) проанализировала в своей работе зависимость успешности адаптации к деятельности в условиях срочной службы от социально-психологических характеристик личности военнослужащего. Определяя понятие адаптации как приспособление личности к существующим общественным отношениям; становление личности, усвоение личностью социального опыта, овладение новыми социальными ролями и осуществление активно-преобразующей деятельности в социальной сфере [11] О. Н. Тузова выделяет субъективные и объективные показатели адаптированности в условиях военной службы по призыву. К объективным показателям отнесены степень успешности деятельности и уровень групповой сплоченности, субъективными показателями адаптированности в данном исследовании выступили: удовлетворенность воинской службой; уровень развития необходимых социально-психологических личностных качеств; уровень адаптивных способностей [11]. В результате выделения данных компонентов автор посчитал, что методами, способствующими развитию и коррекции социально-психологических характеристик личности, должны выступать как психологические, так и социально-психологические и педагогические методы [11]. Центральным элементом данной работы является психологическая коррекция, которое отделяется от понятия психотерапия, и обосновывается это мнением Р. С. Немова, который указывал следующую разницу между понятиями «психотерапия» и «психокоррек-

ция»: психотерапия – это система медико-психологических средств, применяемых врачом для лечения различных заболеваний, психокоррекция – совокупность психологических приемов, используемых психологом для исправления недостатков поведения психически здорового человека. В качестве методов психологической коррекции в данной работе были выделены: групповая игротерапия, психогимнастика, психодрама, психотехники саморегуляции [11].

Игровая терапия применяется при работе, как с детьми, так и с взрослыми. Началом использования данного метода являются двадцатые годы XX века, и отражено это в работах М. Кляйн (1922), А. Фрейда (1921), Г. Гуг-Гельмут (1926) и исторически связано с истоками психоанализа [5].

Психогимнастика – метод, при котором участники проявляют себя и общаются без помощи слов. Это эффективное средство оптимизации социально-перспективной сферы личности, так как позволяет обратить внимание на «язык тела» и пространственно-временные характеристики общения [5]. Психодрама – метод групповой работы, представляющий ролевую игру, в ходе которой используются драматическая импровизация как способ изучения внутреннего мира участников группы и создаются условия для спонтанного выражения чувств, связанных с наиболее важными для клиента проблемами. Психодрама основана на игровом принципе [5].

Психотехника саморегуляции включает в себя психотехническую тренировку, аутогенную тренировку, психорегулирующую тренировку, психомышечную тренировку и т. д. [4; 9].

Имеется успешный опыт применения данных методов в различных сферах деятельности, например, в спорте, медицине, военной и управленческой сферах [4].

Все эти методы психокоррекции были применены в исследовании О. Н. Тузовой и отмечено, что адаптированность, как результат процесса адаптации в условиях военной службы по призыву, зависит от таких социально-психологических характеристик личности, как коммуникативность, уверенность в себе, адекватная самооценка, степень удовлетворенности службой и т. д. Развитие данных социально-психологических характеристик у военнослужащих рядового состава, можно осуществить с помощью формирования навыков саморегуляции и самоконтроля. А реализация программы психологической поддержки, которая предполагает использование методов психокоррекции, значительно повышает адаптированность военных краткосрочной службы.

В процессе использования психокоррекционных методов необходимо учитывать основные принципы работы психолога, выделенные К. Роджерсом:

- полное принятие, или безусловное положительное отношение к клиенту;
- адекватное эмпатическое понимание чувств клиента и того смысла, который они имеют для него;
- конгруэнтность психолога.

Кроме принципов работы психолога необходимо принять во внимание и некоторые иные условия, например, доверие к специалисту (которое устанавливается не сразу), добровольность участия и т. д. Все эти

принципы и условия должны быть соблюдены психологом в работе с любой категорией участников психокоррекции, не составляют исключение и военнослужащие, проходящие военную службу по призыву.

Подход к процессу психологической помощи военнослужащим рядового состава в целом и использование методов психокоррекции с целью оптимизации процесса адаптации в частности должны основываться не только на профессиональном мастерстве специалистов, но и на понимании теоретической сущности данного процесса, и очевидно, что сталкиваясь с различными проблемами нарушений процесса адаптации каждый специалист, как уже отмечалось, должен выделить те аспекты для воздействия, которые соответствуют его компетенции.

Также, вскрывая особенности использования методов психокоррекции, необходимо отметить, что не

следует бессистемно использовать зарубежные технологии в работе по повышению адаптационных способностей военнослужащих срочной службы, без учета социальных и культурных особенностей несения службы т.к. это может оказаться неэффективно, а иногда может и навредить.

В целом, проанализировав опыт использования психокоррекционной работы отечественных специалистов с целью оптимизации процесса адаптации военнослужащих, можно отметить, что адекватные методы психокоррекции достаточно эффективны в развитии адаптационного потенциала личности, что способствует более высокой адаптированности военнослужащих, следовательно, более широкое применение их в работе достаточно целесообразно.

Литература

1. Белова А. Ю. Психологическое сопровождение социальной адаптации военнослужащих, уволенных в запас, и членов их семей: дис. ... канд. психол. наук. Тверь, 2004.
2. Богомолов А. М. Структурно-функциональный подход к оценке адаптационного потенциала личности // Сибирский психологический журнал. 2008. Вып. 28. С. 53 – 59.
3. Кислицына А. С. Особенности личностного адаптационного потенциала военнослужащих по призыву: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2010.
4. Леонова А. Б., Кузнецова А. С. Психопрофилактика стрессов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. 123 с.
5. Осипова А. А. Общая психокоррекция: учебное пособие для студентов вузов. М.: Сфера, 2005. 512 с.
6. Осухова Н. Г., Лотова И. П., Калиничева В. Л. Социально-психологическая адаптация кадровых военнослужащих, уволенных в запас или отставку: теория и практика. М., 2001. 357 с.
7. Ситмбетов Д. А. Исследование и оптимизация адаптации военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в течение одного года, к условиям военно-профессиональной деятельности: дис. ... канд. мед. наук. Саратов, 2011.
8. Скороходова И. Г. Социально-педагогические условия адаптации бывших военнослужащих и членов их семей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1998.
9. Столяренко А. М. Экстремальная психодиагностика: учеб. пос. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. 607 с.
10. Сюрис Н. А., Дукальская О. Ю. Психофизиологическая адаптация военнослужащих по призыву к условиям военного труда с позиций восточной философии и медицины // Ученые записки. 2009. № 12. С. 108 – 111.
11. Тузова О. Н. Зависимость успешности адаптации к деятельности в особых условиях от социально-психологических характеристик личности военнослужащих: дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2006.

Информация об авторе:

Кулакова Марина Викторовна – аспирант кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Медико-психолого-социальный институт, г. Абакан, mpsi.khsu@gmail.com.

Marina V. Kulakova – post-graduate student at the Department Psychology, Medical, Psychological and Social Institute, N. F. Katanov Khakas State University.

Статья поступила в редколлегию 19.05.2014 г.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДОШКОЛЬНИКОВ С ОСОБЫМИ ПОТРЕБНОСТЯМИ

И. С. Морозова, К. Н. Белогай, Т. О. Отт

PSYCHOLOGICAL SUPPORT FOR FAMILIES RAISING PRE-SCHOOL CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS

I. S. Morozova, K. N. Belogay, T. O. Ott

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, в рамках научно-исследовательского проекта №14-16-42007а (р) – «Социально-психологическая поддержка семей, воспитывающих родных, приемных и усыновленных детей с особыми потребностями, в условиях промышленного региона (на примере Кемеровской области)», 2014 – 2015.

Авторами представлены конкретные рекомендации о том, как интегрируя традиционные и инновационные формы работы с детьми, на практике усовершенствовать воспитательно-образовательный процесс в дошкольном образовательном учреждении. Представлен комплексный подход к моделированию отношений с родителями и семьями дошкольников, имеющих особые потребности.

The authors provide specific recommendations on integrating traditional and innovative forms of work with children, in practice, to improve the educational and learning process in pre-school educational institutions. The paper presents a comprehensive approach to modeling relationships with parents and families of pre-school children with special needs.

Ключевые слова: социально-психологическая поддержка, дошкольник с особыми потребностями, дошкольное образовательное учреждение, группы неполного пребывания.

Keywords: psychosocial support, pre-schooler with special needs, pre-school educational institution, incomplete group stay.

Семья, воспитывающая ребенка с особыми потребностями, стала объектом изучения специалистов-психологов, дефектологов, медиков – сравнительно недавно, в последние несколько десятилетий. Такая семья изучается, с одной стороны, как требующая психологической помощи из-за стресса, вызванного появлением в семье особого ребенка. С другой стороны, семью рассматривают как среду, в которой растет и развивается особый ребенок, помогающую или препятствующую его адаптации и социализации. Именно в психологически благополучной семье ребенок с особыми потребностями может получить то, что ему необходимо для вхождения в социум и дальнейшей более полноценной жизни. Как отмечают многие авторы, наиболее адекватным подходом для изучения и организации помощи таким семьям является системный подход [1; 3].

Анализ проблем, с которыми сталкивается семья особого ребенка, и путей их преодоления, показывает, что участие других институтов и учреждений в воспитании ребенка существенно облегчает проблемы таких семей [3].

Рассматривая условия социализации ребенка с особыми потребностями на различных возрастных этапах, мы определяем дошкольное образовательное учреждение как часть сложной организационно-педагогической системы социального института образования, направляющей свои усилия на совершенствование деятельности социально-образовательных структур, имеющих отношение к ребенку с особыми потребностями. Как социально-педагогическая система, учреждение дошкольного образования может быть описано через раскрытие взаимосвязанных и

взаимообусловленных компонентов, образующих диалектическое единство [2]. Мы считаем, что управление качеством образовательного процесса становится возможным только в условиях развивающего взаимодействия между всеми участниками воспитательно-образовательного процесса. В образовательном учреждении это взаимодействие осуществляется по нескольким направлениям.

В качестве первого направления мы предлагаем рассмотреть совершенствование процесса взаимодействия между педагогами, детьми и родителями. Анализ специфики процесса социализации в дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) возможен через определение структуры взаимоотношений всех субъектов воспитательно-образовательного процесса в дошкольном образовательном учреждении: от детей (сверстников) до администрации и родителей. Качество воспитательно-образовательного процесса в этом случае складывается из суммы качеств всех его составляющих. Для этого нужно провести экспертизу по каждому из перечисленных векторов взаимодействия. Изменения взаимоотношений между всеми компонентами структуры зависят от целенаправленности и согласованности действий всех субъектов воспитательно-образовательного процесса, в первую очередь, от действий педагогов и администрации ДОУ.

Оптимизацию результатов воспитательно-образовательного процесса посредством организации системы методической работы мы рассматриваем в качестве следующего направления взаимодействия [2; 4]. Воспитательно-образовательный процесс в ДОУ – это целостная педагогическая система. Управление им также требует системного подхода. Для этого, на наш

взгляд, всем субъектам данного процесса необходим глубокий теоретический и практический анализ сущности образовательного процесса как системы, закономерностей его функционирования и развития. Также воспитательно-образовательный процесс ДОУ – это целенаправленная воспитательно-образовательная, научно-методическая деятельность педагогов в единстве с экспериментально-поисковой, самообразовательной деятельностью детей. Этот процесс не только управляется, но и самоуправляется. Причем такая система в обязательной мере обладает свойством целостности и добавление, либо изъятие какого-либо компонента преобразует её уже в иную, новую систему, а иногда и разрушает её.

Совершенствование системы отношений между компонентами воспитательно-образовательного процесса определяется нами в качестве третьего направления взаимодействия и рассматривается как единство информационного, коммуникативного и организационно-деятельностного компонентов.

Результаты проведенного анализа свидетельствуют о необходимости обеспечения следующих условий эффективности функционирования системы:

- эффективность совместного взаимодействия администрации, воспитателей и родителей в процессе достижения целей образовательного процесса;
- согласованность критериев оценки целей и результатов образовательного процесса с детьми, методической и управленческой деятельности в ДОУ;
- комплексный подход к ранжированию приоритетных направлений, стратегий образовательной работы и технологий управления качеством деятельности всех субъектов образовательного процесса;
- оценка результативности деятельности педагогов и наличие постоянной обратной связи, которая позволяет педагогу своевременно получать информацию о соответствии полученных результатов поставленным задачам, выявлять факторы, негативно влияющие на качество образовательного процесса в ДОУ;
- удовлетворенность всех субъектов образования (воспитанников, педагогов, родителей, общественности) результатами работы.

Попробуем проанализировать реальные возможности современной семьи и дошкольного образовательного учреждения выступать в роли взаимодополняющих друг друга полноценных субъектов воспитания ребенка с особыми потребностями, чтобы лучше увидеть их сильные и слабые места.

По общему признанию специалистов, семейное воспитание неповторимо по своему воздействию и эта уникальность определяется следующими причинами:

- первичностью семейного окружения в силу биологической и психологической зависимости ребенка от родителей;
- максимальной возрастной чувствительностью (сензитивностью) в период раннего и дошкольного детства к общению со значимым взрослым, которая возникает раньше потребности в общении со сверстником;
- длительностью и постоянством пребывания в семье, интимно-эмоциональной атмосферой семей-

ных отношений: кровным родством, любовью, привязанностью, индивидуализацией общения членов семьи с ребенком.

Таким образом, в эмоционально насыщенной атмосфере кровнородственных отношений, аналогов которой нет в социуме, заложен важнейший резерв для обогащения чувственного и социально-нравственного опыта дошкольника. Семья – это среда, в которой удовлетворяется фундаментальная потребность маленького ребенка быть принятым всерьез и быть уважаемым в каждый текущий момент времени. В семье дети с первых дней жизни получают ценный опыт прощения, уступчивости, обожания, поддержки от близких, чувствуют внимание, восхищение и преданность со стороны значимых людей, ощущают себя любимыми и желанными. Семья является для малыша институтом эмоциональных отношений, который неосознанно воспринимается им как своеобразный «эмоциональный тыл».

С приходом в дошкольное образовательное учреждение ребенок сталкивается с новым социальным опытом. И уже не ему потакают, а он учится уступать, считаться с требованиями окружающих и согласовывать свои потребности и интересы с другими детьми и взрослыми. Таким образом, семья и детский сад начинают одновременно выступать для ребенка своеобразной школой социального поведения. Но и в этом случае семья остается для него первой опорой, где он рассчитывает всегда найти поддержку своим душевным и эмоциональным силам. Каждый институт воспитания – семья и детский сад – обладает своим особым содержанием, которого нет у другого. У каждого есть свои изъёмы и преимущества. Каждый из них дает ребенку свой уникальный опыт социальных переживаний, связей и отношений. Предлагаем познакомиться с обобщенной схемой преимуществ и недостатков этих институтов (таблица).

Таким образом, социальный опыт, обретаемый дошкольником в детском саду и семье, разный: в семье ребенок – объект уступчивости и прощения, в детском саду – равноправный член социальной группы. В этой непохожести заложен главный смысл сотрудничества и взаимодействия. Отсюда следует, что только в гармоничном взаимодополнении детский сад и семья, признавая свои различия и сходства, недостатки и преимущества, могут компенсировать или смягчать несовершенство друг друга.

Судя по данным нашего опроса (2014 год) родители дошкольников, не умеют выделять приоритеты в семейном воспитании, но за помощью к педагогам детского сада они не обращаются, потому что не придают особого значения этим трудностям (11,5 %); считают это неудобным (36,5 %); испытывают затруднения в общении с педагогом (13 %); считают, что справятся сами (10 %); сомневаются в профессиональной компетентности педагогов и не придают дошкольному образованию должного значения (11 %).

Данные проведенных опросов свидетельствуют о необходимости организации индивидуального подхода к работе с семьями воспитанников в рамках новой философии работы с семьей.

Сопоставительный анализ параметров воспитания дошкольника в условиях ДОУ и семьи

<i>Детский сад – недостатки</i>	<i>Семья – преимущества</i>
Деловая форма общения воспитателей с детьми, сниженная интимность и эмоциональная включенность	Эмоциональная насыщенность отношений между родителем и ребенком, «общение ради общения», кровнородственная близость и теплота
Наличие сменяющих друг друга воспитателей с разными программами поведения, методами воздействий на ребенка	Постоянство и длительность общения, переплетение частных жизней, сопричастность ребенка с общими планами отца и матери, других членов семьи
Обращение воспитателя ко всем детям, дозированность индивидуального общения с каждым ребенком	Индивидуальная обращенность педагогических воздействий на ребенка
Преимущественное общение с детьми одного возраста	Возможность общаться с родственниками разных возрастов: детьми, родными разных поколений
<i>Детский сад – преимущества</i>	<i>Семья – недостатки</i>
Наличие и использование программ воспитания дошкольников, научно-методических знаний у педагогов, методических пособий	Отсутствие программы воспитания, наличие отрывочных представлений о воспитании, использование случайной педагогической литературы
Целенаправленный характер воспитания и обучения детей	Стихийный характер воспитания и обучения ребенка, использование отдельных традиций и элементов целенаправленного воспитания
Условия жизни, быта, воспитания и обучения научно разработаны для детей, их потребностей	Тенденция создавать условия для себя, непонимание их важности для ребенка
Применение методов воспитания, обучения, адекватных возрастным особенностям и возможностям дошкольников, понимание их психических и духовных потребностей	Непонимание возрастных особенностей дошкольников; представление о них как об уменьшенной копии взрослых; инертность в поисках методов воспитания; стремление воспитывать как получится, непонимание духовных потребностей ребенка
Умелое применение оценки деятельности и поведения детей как стимула их развития	Непонимание роли оценки в воспитании и обучении ребенка, стремление оценивать не поведение и деятельность ребенка, а его личность
Разнообразная содержательная деятельность детей в обществе сверстников; возможность играть и общаться с широким кругом ровесников	Однообразие и малосодержательность деятельности ребенка; недостаток игрового общения взрослого и детей в семье
Наличие профессиональных умений для изучения личности ребенка в процессе деятельности	Неумение дать своему ребенку объективную характеристику, проанализировать свои методы воспитания
Защищенность ребенка от травмирующей стороны личной жизни взрослых, их плохого настроения	Беззащитность ребенка перед травмирующими фактами личной жизни родителей, перед их плохим настроением

Мы считаем, что организация групп неполного пребывания в ДОУ способствует максимальной индивидуализации подобного взаимодействия и интеграции воспитательных воздействий в ДОУ и семье в отношении ребенка с особыми потребностями.

Попытаемся выстроить перспективы реализации интегративного подхода в работе ДОУ, в том числе в группах неполного пребывания: дать возможность каждому ребенку выработать чувство уверенности в себе; развить комфортные, эмпатические и толерантные взаимоотношения с социальным окружением; сформировать критическое мышление и способность защищать себя и других перед лицом несправедливости.

В рамках апробации проекта мы предлагаем следующую классификацию групп неполного пребывания детей в ДОУ:

- адаптационные группы кратковременного пребывания детей раннего возраста, которые затем будут посещать детский сад;
- семейные группы кратковременного пребывания (для детей 1 – 3 лет и их родителей) в специально организованных семейных комнатах;
- кратковременное пребывание детей дошкольного возраста в обычной группе детского сада (например, только на время занятий, праздника, экскурсии или прогулки);
- кратковременное пребывание детей дошкольного возраста в специально выделенном групповом помещении в выходные и праздничные дни;
- группы кратковременного пребывания по обслуживанию детей 2 – 7 лет разными специалистами дошкольного образования и медицинским персоналом ДОУ в специально оборудованных комнатах, кабинетах;

- группы кратковременного пребывания детей 5 – 7-летнего возраста по подготовке их к школе (чаще всего организуются в вечернее время, после работы родителей);

- включение «приходящих» детей в состав недоукомплектованных групп (дети могут принимать участие в занятиях либо прогулке, играх, а перед обедом их забирают домой).

Приведенная классификация групп позволяет достаточно полно обеспечивать запросы родителей, максимально использовать кадровый потенциал и «свободные» помещения детского сада.

Преимущества новой философии взаимодействия педагогов с родителями в адаптационных группах неоспоримы и многочисленны:

- положительный эмоциональный настрой педагогов и родителей на совместную работу по воспитанию детей. Родители уверены в том, что ДОУ всегда поможет им в решении педагогических проблем и в то же время не навредит, т. к. будет учитываться мнение семьи и предложения по взаимодействию с ребенком. Педагоги в свою очередь находят понимание со стороны родителей в большинстве проблем. А в самом большом выигрыше находятся дети, ради которых и осуществляется данное взаимодействие;

- учет индивидуальности ребенка. Педагог, постоянно поддерживая контакт с семьей, знает особенности, привычки своего воспитанника и учитывает их

при работе. Что, в свою очередь, ведет к повышению эффективности педагогического процесса;

- возможность родителям самостоятельно выбирать и формировать уже в дошкольном возрасте то направление в развитии и воспитании ребенка, которое они считают нужным. Таким образом, родители начинают понимать ответственность, которую они несут за воспитание детей;

- укрепление внутрисемейных связей, что тоже, к сожалению, является проблемным вопросом в педагогике и психологии на протяжении всех времен;

- возможность реализации единой программы воспитания и развития ребенка в ДОУ и семье.

Критериями оценки деятельности ДОУ могут выступать следующие моменты: взаимодействие сотрудников с детьми; личностное развитие детей; развитие детей в игре; физическое развитие и здоровье, речевое развитие ребенка; развитие ребенка в игровой деятельности; развитие ребенка в музыкальной деятельности; развитие ребенка в театрализованной деятельности, в конструктивной деятельности; развитие элементарных математических представлений, развитие элементарных естественнонаучных представлений, развитие экологической культуры дошкольников; развитие представлений о человеке в истории и культуре.

Литература

1. Бурк О. А., Зарецкая Н. Ю. Ребенок с особыми потребностями в семье: системный семейный подход. URL: <http://childpsy.ru/lib/articles/id/10296.php>.
2. Григорьева О. Ф., Морозова И. С. Организация методической работы в дошкольном образовательном учреждении в условиях введения ФГОС дошкольного образования // Перспективы реализации ФГОС дошкольного образования как условие формирования социального опыта детей: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Кемерово, 19 – 20 февраля 2014 г.: в 2 ч. Ч. 1. Кемерово, 2014. С. 8 – 14.
3. Дарлинг Р., Селигман М. Обычные семьи, особые дети. М.: Теревинф», 2007. 368 с.
4. Морозова И. С. Особенности психолого-педагогического сопровождения развития детей дошкольного возраста // Возрастно-психологические и организационно-методические детерминанты развития дошкольников: сборник научных статей. Кемерово, 2013. С. 85 – 97.

Информация об авторах:

Морозова Ирина Станиславовна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии и психологии развития КемГУ, ishmorozova@yandex.ru.

Irina S. Morozova – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Developmental Psychology, Kemerovo State University.

Белогай Ксения Николаевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, belogi@mail.ru.

Kseniya N. Belogay – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General and Developmental Psychology, Kemerovo State University.

Отт Татьяна Олеговна – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии развития КемГУ, Olegovna5555@ya.ru.

Tatiana O. Ott – Candidate of Psychology, Assistant Professor at the Department of General and Developmental Psychology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.05.2014 г.

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЛИЧНОСТНЫХ РЕСУРСОВ И СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ (на примере осмысленности жизни и жизнестойкости)

Ю. Ю. Неяскина

PERSONAL RESOURCES AND SUBJECTIVE LIFE QUALITY APPRECIATION INTERRELATION RESEARCH (on the example of life conciseness and hardiness)

Yu. Yu. Neyaskina

В статье представлен анализ эмпирически выявленной специфики взаимосвязи субъективной оценки качества жизни с параметрами осмысленности жизни и жизнестойкости. Показано, что данные ресурсы по-разному связаны с оценкой удовлетворенности жизнью у представителей различных возрастных и профессиональных групп. Исследование дополняет картину представлений о факторах, определяющих субъективное качество жизни личности.

The paper provides the analysis of the empirically found interrelation between life quality subjective appreciation and hardiness. It is revealed that such resources are differently connected according to person's age or profession. So the research complements the subjective life quality determinant conception.

Ключевые слова: качество жизни, удовлетворенность жизнью, осмысленность жизни, жизнестойкость, временная перспектива личности.

Keywords: life quality, satisfaction from life, life conciseness, hardiness, personality's time perspective.

В условиях современного мира способность человека выполнять задуманное вне зависимости от внешних условий, в том числе и неблагоприятных, является неоспоримой ценностью как во многих областях профессиональной деятельности, так и в повседневной жизни. В русле позитивной психологии личностные ресурсы – позитивные черты личности, способствующие успешному приспособлению человека к окружающему миру и практическому овладению им – несомненно, являются предикторами показателей благополучия личности, предпосылками достижения позитивных эмоциональных состояний (счастья, удовлетворенности жизнью и др.) и, как следствие, повышения качества жизни.

Целью исследования стало описание специфики субъективной оценки качества жизни у респондентов различной возрастной и профессиональной принадлежности с разной степенью выраженности «ресурсных» параметров личности – осмысленности жизни и жизнестойкости. Многочисленные теоретические и эмпирические исследования свидетельствуют о том, что и осмысленность жизни, и жизнестойкость можно рассматривать в качестве ядерных компонентов личностного потенциала [3; 5]. Результаты исследований Д. А. Леонтьева с соавторами показывают, что жизнестойкость и осмысленность жизни значимо положительно коррелируют между собой, хотя и не совпадают.

В данном исследовании проверялась гипотеза о том, что само по себе сочетание высоких показателей жизнестойкости и осмысленности жизни не обязательно влечет за собой повышение субъективной оценки личностью своей жизни (равно как сочетание низких не всегда однозначно влечет за собой снижение этой оценки): характер взаимосвязи не однозначен, изменяется в зависимости от возрастной и профессиональной специфики.

Формирование совокупной выборки осуществлялось на основании двух базовых оснований:

- 1) возраст респондентов;
- 2) профессиональная принадлежность.

В контексте второго параметра нас интересовали «особые» профессиональные выборки, предполагающие, что жизнестойкость, будучи профессионально значимым качеством, является одним из базовых «ресурсных» параметров личности. Таким образом, выборка общим объемом 280 человек объединила в себе следующие группы (*Прим. автора: Эмпирические данные собраны в ходе совместных исследований с Е. А. Некрасовой, В. В. Тесленко, Г. С. Фесенко, Н. А. Пак в течение 2013 г.*):

- 1) 60 человек разного социального статуса, пола, профессиональной принадлежности в возрасте от 25 до 35 лет;
- 2) 60 человек разного социального статуса, пола, профессиональной принадлежности в возрасте от 35 до 45 лет;
- 3) 80 человек – сотрудники полиции в возрасте от 20 до 50 лет;
- 4) 80 человек – молодые люди в возрасте от 18 до 21 года, проходящие службу по призыву в рядах вооруженных сил Российской Армии.

В качестве **методов сбора эмпирических данных** использовались: Тест смысловых ориентаций (СЖО) Дж. Крамбо в адаптации Д. А. Леонтьева [1]; Опросник по временной перспективе Ф. Зимбардо (ZTPI) в адаптации А. Сырцовой, Е. В. Соколовой, О. В. Митиной [6]; Тест жизнестойкости С. Maddi в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. И. Рассказовой [2]; Методика оценки качества жизни и удовлетворенности (Q – Les – Q) в адаптации Е. И. Рассказовой [4]; Исследование качества жизни (Quality of Life Inventory, Frisch M. [7]) в переводе и адаптации Е. И. Рассказовой (в настоящее время русскоязычная адаптация методики продолжается).

Результаты исследования

I. В исследовании, направленном на изучение особенностей качества жизни у молодых людей 25 – 35 лет с разным уровнем осмысленности жизни и жизнестойкости, кластеризация данных 60-ти респондентов по совокупности всех параметров (осмысленность жизни, жизнестойкость, временная перспектива) не дала четко выраженных кластеров. Наилучшее решение было получено по показателям методик временной перспективы личности и смысловых ориентаций. В результате респонденты распределились в два четко выраженных кластера. В первый кластер вошли 39 человек – экспериментальная группа 1, во второй – 20 – экспериментальная группа 2. На этапе поиска оснований, по которым разделились респонденты, нами были подсчитаны средние значения по всем шкалам методик СЖО и шкалам опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. По методике СЖО все шкалы (цели, процесс, результат, локус-контроля – жизнь, локус контроля – я) показали значимые различия ($p \leq 0,01$).

Несмотря на то, что кластеризация по совокупной матрице показателей «СЖО+Жизнестойкость» не дала четкого деления на группы, сравнение полученных групп по методике жизнестойкости показало значимые различия по всем шкалам. В первой группе показатели по шкалам вовлеченности, контроля, принятия риска, а также общий показатель жизнестойкости оказались выше, чем у респондентов второй группы. Таким образом, первую экспериментальную группу (ЭГ 1) составили респонденты с более высокими показателями осмысленности жизни и параметрами жизнестойкости, во вторую (ЭГ 2) – с низкими показателями по указанным позициям.

По результатам методики Ф. Зимбардо были получены значимые различия между группами по трем шкалам из пяти (негативное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее). Экспериментальная группа 2 (с низкими показателями осмысленности и жизнестойкости) характеризуется более негативным отношением к прошлому, ориентацией на беззаботное и беспечное отношение ко времени и жизни, неспособностью отказаться от получения удовольствия сегодня ради завтрашней награды, беспомощным и безнадёжным отношением к будущему и жизни в целом.

Далее выявлялось соотношение между значимостью и доступностью ценностей (методика М. Фриша), а также специфика оценки качества жизни по ряду параметров (методика Е. И. Рассказовой) у респондентов полученных групп.

В группе с высокими показателями жизнестойкости и осмысленности жизни (ЭГ 1) практически отсутствуют параметры, по которым респонденты демонстрируют низкую (ниже, чем значимость) удовлетворенность (таблица 1).

Параметры «Самооценка» и «Друзья» реализованы в жизни респондентов «с избытком», больше, чем требуются. Единственный параметр – «Дом» – имеет более высокие показатели по значимости, чем по удовлетворенности. Для респондентов первой экспериментальной группы дом имеет большое значение, но люди не удовлетворены местом, где они живут.

Во второй экспериментальной группе велико число показателей, по которым удовлетворенность ниже, чем значимость (здоровье, деньги, работа, любовь, дом, город). Респонденты не удовлетворены реализованностью в своей жизни указанных ценностей (таблица 2).

Таблица 1

Сравнение значимости ценностей (сфер) и удовлетворенности ими у респондентов с высокими показателями осмысленности и жизнестойкости

ЭГ 1	Значимость	Удовлетворенность	t критерий
Самооценка	1,51	1,94	3,28**
Друзья	1,45	2,27	4,43**
Дом	1,86	1,21	2,54*

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Таблица 2

Сравнение значимости ценностей (сфер) и удовлетворенности ими у респондентов с низкими показателями осмысленности и жизнестойкости

ЭГ 2	Значимость	Удовлетворенность	t критерий
Здоровье	1,7	0,35	3,00**
Деньги	1,65	-0,25	4,54**
Работа	1,2	0,05	2,44*
Любовь	1,75	0,65	2,42*
Дом	1,6	0,1	3,21**
Город	1,15	-0,35	2,72**

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Далее мы сопоставляли показатели значимости ценностей в группах по методике «Качество жизни» (таблица 3).

Таблица 3

Результаты сравнения субъективной значимости ценностей у респондентов с высокими (ЭГ 1) и низкими (ЭГ 2) показателями осмысленности и жизнестойкости

<i>Шкалы</i>	<i>ЭГ 1 (высокие)</i>	<i>ЭГ 2 (низкие)</i>	<i>t-критерий</i>
<i>Значимость</i>			
Самооценка	1,51	1,1	2,12*
Деньги	1,18	1,65	3,19**
Обучение	1,40	0,8	3,28**
Дети	1,67	1,2	2,23*
Дом	1,86	1,6	2,10*
Район	1,24	0,7	2,70**

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Для респондентов первой экспериментальной группы (высокие показатели осмысленности, жизнестойкости) более важно, как они оценивают себя, существенно возможность получения новых умений или информации, которая их интересует, большое значение имеют взаимоотношения с детьми, значимо место проживания и территория вокруг. Для респондентов

второй экспериментальной группы большее значение имеют деньги, которые они зарабатывают, вещи, которыми владеют.

Далее мы сопоставляли степень удовлетворенности ценностями, определяющими качество жизни, у респондентов с разными показателями осмысленности жизни и жизнестойкости (таблица 4).

Таблица 4

Результаты сравнения субъективной удовлетворенности ценностями у респондентов с высокими (ЭГ 1) и низкими (ЭГ 2) показателями осмысленности и жизнестойкости

<i>Шкалы</i>	<i>ЭГ 1 (высокие)</i>	<i>ЭГ 2 (низкие)</i>	<i>t критерий</i>
<i>Удовлетворенность</i>			
Здоровье	1,45	0,35	2,29*
Самооценка	1,94	1,05	2,54*
Цели и ценности	1,89	1,05	2,68**
Деньги	0,86	-0,25	2,39*
Обучение	1,64	0,6	2,76**
Любовь	2,05	0,65	2,85**
Друзья	2,27	1,2	3,29**
Родственники	2,02	0,9	2,40*
Дом	1,21	0,1	2,16*

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Таблица 5

Результаты сравнения групп по оценке качества жизни (аспект: удовлетворенность за прошедшую неделю)

<i>Шкалы</i>	<i>ЭГ 1</i>	<i>ЭГ 2</i>	<i>t критерий</i>
Эмоциональные переживания	21,76	18,15	3,91**
Сфера общения	20,43	17,3	2,70**
Отношения с другими людьми	4,28	3,5	3,01**
Материальное состояние	3,20	2,45	2,67**
Благополучие	3,94	2,9	3,62**
Удовлетворенность жизнью	4,07	3,25	3,47**

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Группа с высокими показателями осмысленности и жизнестойкости превосходит вторую экспериментальную группу по значительному числу параметров. Респонденты первой экспериментальной группы в большей степени удовлетворены такими аспектами, как: здоровье, самооценка, цели и ценности, деньги, обучение, любовь, друзья, родственники, дом.

На следующем этапе мы сопоставили удовлетворенность жизнью за прошедшую неделю у представителей разных групп (методика Е. И. Рассказовой). Вы-

явлены значимые различия по всем шкалам: эмоциональные переживания, сфера общения, отношения с другими людьми, материальное состояние, благополучие, удовлетворенность жизнью (таблица 5).

У респондентов, имеющих более высокие показатели по критериям осмысленности жизни и жизнестойкости, выявлен более высокий уровень субъективного качества жизни. Данный результат представляется в определенной степени ожидаемым: очевидно, что наличие личностных ресурсов (мы полагаем, что осмыс-

ленность жизни, равно как жизнестойкость и сбалансированная временная перспектива выступают внутренними ресурсами для личности) способствует более позитивной оценке собственной жизни. Вместе с тем, нас интересовала возрастная специфика, соотношение значимости различных сфер и ценностей жизни и субъективная оценка удовлетворенности данными аспектами у молодых людей в сравнении с более зрелой выборкой. В этой связи на следующем этапе было предпринято исследование, аналогичное описанному, но проведенное на выборке респондентов 35–45 лет.

II. На следующем этапе при разделении 60 респондентов 35 – 45 лет на группы по совокупности показателей осмысленности жизни, жизнестойкости и временной перспективы была получена аналогичная описанной в предыдущем исследовании закономерность: кластеризация сводной матрицы, включающей показатели всех трех методик, не позволила получить «хорошего» решения. После исключения из матрицы кластеризации параметров жизнестойкости и проведения кластерного анализа по данным СЖО и методики временной перспективы личности, респонденты распределились на два четко выраженных кластера.

В первую экспериментальную группу (ЭГ 1а) попали 30 человек (16 женщин и 14 мужчин). Во вторую экспериментальную группу (ЭГ 2а) – 26 человек (14 женщин и 12 мужчин). Сформированные группы можно считать эквивалентными по параметрам возраста, пола и образования и не вполне эквивалентными по параметрам брачно-семейного статуса.

В первую экспериментальную группу (ЭГ 1а) попали респонденты с более высокими показателями осмысленности жизни и параметрами жизнестойкости (выявлены различия по всем шкалам обеих методик), во вторую (ЭГ 2а) – с более низкими показателями по

указанным позициям (4 человека первоначальной выборки не вошли ни в один кластер и их результаты не учитывались в дальнейшем исследовании). Отметим, что полученные экспериментальные группы не характеризуются полярными (высокими и низкими) показателями по параметрам осмысленности и жизнестойкости. Данный факт отчасти может объяснять полученную картину различий и сходства по оценке качества жизни.

Можно констатировать, что эмпирическая картина, полученная нами на выборке молодых людей (25–35 лет), воспроизводится и на более зрелой выборке: группы различаются по всем шкалам методик осмысленности жизни и жизнестойкости, несмотря на то, что кластеризация совокупности этих показателей («СЖО+жизнестойкость») не дает «хорошего» кластерного решения. Данный факт представляется нам заслуживающим внимания, однако пока ограничимся лишь его упоминанием без попытки интерпретации.

Показатели по методике временной перспективы личности свидетельствуют о различиях лишь по двум шкалам из пяти (в ЭГ 1а выше показатель по шкале «будущее», $p \leq 0,05$; ниже – по шкале «негативное прошлое», $p \leq 0,01$). Видится существенным, что различия во временной ориентации лиц с разными уровнями осмысленности жизни и жизнестойкости в группах молодых и зрелых людей были выявлены по различным шкалам.

Далее группы с более и менее высокими показателями осмысленности жизни и жизнестойкости сопоставлялись по уровню субъективной оценки качества жизни и удовлетворенности жизнью. По важности ценностей и субъективной удовлетворенности жизнью в различных сферах в первой и второй экспериментальных группах были выявлены следующие значимые различия (таблица 6).

Таблица 6

Субъективная оценка важности ценностей и удовлетворенности их реализацией респондентами с разными уровнями осмысленности жизни и жизнестойкости (35 – 45 лет)

<i>Параметры</i>	<i>ЭГ 1а</i>	<i>ЭГ 2а</i>	<i>t- критерий</i>
Здоровье (важно)	1,7	1,4	2,44*
Деньги (удовлетворены)	0,63	0,46	3,3**
Творчество (удовлетворены)	1,6	0,8	3,15**
Любовь (удовлетворены)	1,87	0,96	2,4*
Дети (удовлетворены)	1,93	0,65	3,07**

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Очевидно, что число значимо различающихся параметров существенно меньше, чем было получено при аналогичном сопоставлении данных респондентов другой возрастной категории: одно различие в контексте значимости (против пяти – в группе молодых людей 25 – 35 лет), четыре различия в контексте удовлетворенности (против девяти – соответственно).

Существенно, что оценка респондентами обеих групп качества жизни за последнюю неделю значимо не различалась ни по одному из параметров (физическое здоровье, эмоциональные переживания, активность в свободное время, сфера общения, отношения с другими людьми, функциональность в течение дня,

материальное состояние, общее благополучие). Последний эмпирический факт согласуется с отсутствием различий по шкалам настоящего (методика Ф. Зимбардо). Отсутствие различий в субъективной оценке настоящего у лиц 35 – 45 лет с разным уровнем осмысленности жизни и жизнестойкости может быть следствием своего рода «операционализации» настоящего периода жизни через осуществляемую деятельность (трудовую, учебную, бытовую и пр.): даже в ситуации недостаточности внутреннего ресурса человек оказывается необходимо вовлеченным в повседневный спектр разноплановой деятельности и, тем самым, в каком-то смысле нейтрализует, нивелирует отсутствие

ресурса, «заполняя» свое настоящее (вероятно, возможна и обратная ситуация, когда человек с высоким уровнем ресурсов, будучи поглощенным сиюминутными «заботами настоящего», пренебрегает ресурсом, не обращая к нему «здесь и сейчас»).

Таким образом, можно говорить о том, что в зрелом возрасте более высокие показатели осмысленности жизни и жизнестойкости не так однозначно определяют различия в субъективной оценке собственной жизни по совокупности параметров, как в молодости. Возможно, в период зрелости спектр «ресурсных» параметров расширяется, удовлетворенность различными аспектами жизни начинает достигаться за счет каких-либо иных слагаемых личностного потенциала.

III. Следующий блок исследовательских процедур был осуществлен на выборках молодых и зрелых респондентов, которые, кроме того, отличались от описанных выше групп по параметру профессиональной принадлежности. Дальнейшее исследование проводилось на «особых» в аспекте профессиональной включенности группах – представителях силовых структур (в том числе – военнослужащих срочной службы).

На первом этапе базу исследования составили сотрудники полиции – 80 человек: 40 офицеров и 40 сотрудников младшего начальствующего состава. Следует отметить, что возрастной диапазон в выборке оказался представленным очень широко – от 20 до 50 лет. Средний возраст респондентов – 33 года.

Данные по шкалам методик смысловых ориентаций, жизнестойкости, временной перспективы были подвергнуты кластерному анализу. На основании внутригруппового сходства объединенная выборка поделилась на два кластера. В первую экспериментальную группу вошло 37 сотрудников полиции, а во вторую – 40 сотрудников. Три респондента не вошли ни в один из кластеров.

На этапе поиска оснований для объединения в группы мы столкнулись с отличной от описанных выше исследований закономерностью: из трех методик именно тест жизнестойкости оказался главным основанием для деления респондентов на группы. Различия по всем шкалам методики жизнестойкости оказались статистически значимыми (вовлеченность, принятие риска, общий показатель жизнестойкости – при $p \leq 0,01$; контроль – при $p \leq 0,05$), в то время как методика СЖО дала лишь одно значимое различие (шкала «локус контроля – я»), методика Зимбардо значимых различий не показала. Выявленный эмпирический факт представляется нам свидетельством того, что жизнестойкость выступает особо важным параметром, предстает базовым личностным ресурсом именно для данной категории респондентов в силу специфики их профессиональной деятельности и следующей из этого специфики образа мира и образа жизни.

При более детальном анализе качественного состава полученных групп был выявлен следующий факт: в первую группу вошли исключительно лица младшего начальствующего состава, вторую (с более высокими показателями по всем шкалам жизнестойкости) преимущественно составили представители офицерского состава (37 человек из 40). Следует отметить, что проводя процедуру кластеризации, мы осуществляли

пошаговое сравнение групп, сформированных именно по признаку профессионального статуса (звания), однако значимых различий не было получено ни по одной из шкал. Таким образом, незначительное «движение» в качественном составе групп (исключение из рассмотрения результатов 3-х человек и «перевод» еще 3-х человек из одной группы в другую) позволило сформировать отличающиеся по параметрам жизнестойкости группы. Следует отметить, что группы оказались практически эквивалентными по гендерному признаку (не более 25 % женщин в каждой выборке), радикально отличающимися по профессиональному статусу. Кроме того, представляет интерес тот факт, что возрастной диапазон респондентов второй группы (с более высокими показателями жизнестойкости) оказался значимо ниже ($29 \pm 7,4$ против $36 \pm 7,6$; $t = 3,97^{**}$). Таким образом, первую экспериментальную группу составили лица младшего начальствующего состава, преимущественно мужчины в возрасте от 30 до 42 лет, с более низкими показателями по параметрам жизнестойкости (жизнестойкость, вовлеченность, контроль, принятие риска) и более низкими показателями по шкале «локус контроля – я» (в меньшей степени считающие себя способными выступать в роли хозяина собственной жизни). Во вторую экспериментальную группу вошли преимущественно офицеры в возрасте от 22 до 36 лет, имеющие высокие показатели по параметрам жизнестойкости и чувствующие себя способными контролировать свою жизнь.

Очевидно, что при таком распределении респондентов в группы мы имеем дело с априори отличающимися категориями лиц. Молодые люди, выбирающие для себя траекторию получения военного образования, и мужчины, приходящие в профессию на контрактной основе, по совокупности параметров представляют собой различные типы военнослужащих. Вместе с тем, чаще всего сознательно приходящий в военную профессию молодой человек имеет представления о потенциально способствующей повышению качества жизни системе социальных и материальных льгот, которую военнослужащий получает «в комплекте» с выбранной специальностью. Таким образом, можно говорить о том, что одним из мотивов (а в случае контрактной службы чаще всего ведущим мотивом) прихода в военную профессию является сознательная ориентация человека на повышение качества жизни (его объективных параметров). Данный факт в некоторой степени нивелирует так называемые «различия на входе», связанные с качественным составом полученных групп.

Сравнительный анализ групп по позициям субъективной оценки качества жизни дал следующие результаты.

При оценке важности различных жизненных сфер (ценностей) респонденты обеих экспериментальных групп практически не продемонстрировали различий. Исключение составил параметр «деньги», значимости которого оказалась существенно выше для респондентов с более низкими показателями жизнестойкости (и с более низким профессиональным рангом). Параметров, которые дали различия в аспекте удовлетворенности достигнутым, также оказалось довольно мало (таблица 7).

Результаты сравнения субъективного качества жизни между группами военнослужащих с высокими и низкими показателями жизнестойкости

	ЭГ 1 (II) (низкая жизнестойкость)	ЭГ 2 (II) (высокая жизнестойкость)	t-кр Стьюдента
Деньги (значимость)	1,56	1,3	2,20**
Игра (удовлетворенность)	1,4	1,85	2,01**
Помощь другим (удовлетворенность)	0,86	1,45	2,76**
Активность в свободное время (за последнюю неделю)	10,86	11,9	2,44**

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$

Респонденты с более высокими показателями жизнестойкости демонстрируют большую удовлетворенность такими аспектами, как «игра», «помощь другим», «активность в свободное время» (совокупный параметр, оценка своего состояния за последнюю неделю). Учитывая, что «помощь другим» в контексте используемой методики (методика М. Фриша в переводе Е. И. Рассказовой) предполагает помощь людям вообще (не близким родственникам, то есть не адресная помощь), а «игра» – то, что респондент делает в свободное время, чтобы отдохнуть, развлечься или самосовершенствоваться, можно предположить, что респонденты второй экспериментальной группы, с одной стороны, имеют ресурсы, позволяющие проявлять активность в отношении как других, так и себя лично, и, с другой стороны, определенным образом восполняют свои внутренние ресурсы через эту активность. Респонденты с низким уровнем жизнестойкости, возможно, рассматривают материальный аспект жизни как своего рода внешний ресурс, позволяющий достичь более высокой оценки качества жизни.

Для большей обоснованности выводов о наличии взаимосвязи между параметрами жизнестойкости и качества жизни (а также осмысленности и качества жизни), был осуществлен корреляционный анализ между данными соответствующих методик.

Количество выявленных корреляционных связей между параметрами жизнестойкости и различными показателями качества жизни в обеих группах оказалось существенно различающимся. В первой экспериментальной группе было выявлено 8, во второй – 38 значимых корреляционных связей. Данный эмпирический факт представляется свидетельством того, что при наличии внутреннего ресурса (в данном случае – при высоком уровне выраженности жизнестойкости) субъективная оценка личностью качества жизни осуществляется с опорой на данный ресурс.

Анализ согласованности между показателями качества жизни и параметрами осмысленности жизни свидетельствует об иной картине взаимосвязи: в экспериментальной группе с более низкими показателями жизнестойкости было выявлено 25, в группе с высокими показателями – лишь 13 значимых корреляционных связей. Можно предполагать, что осмысленность жизни и жизнестойкость определяют специфику качества жизни сотрудников полиции, при этом параметры жизнестойкости в большей степени взаимосвязаны с различными аспектами субъективного качества жизни при высоком уровне выраженности, в то время как при

слабой степени выраженности жизнестойкости как личностного ресурса в качестве определяющего фактора выступает осмысленность жизни.

Можно предположить, что если профессионально значимый личностный ресурс (в данном случае жизнестойкость) развит, то уже этого человеку достаточно, чтобы получать удовольствие от процесса профессиональной деятельности. Если ресурс дефицитен, то важным становится внешняя (социальная) оценка достижений, обеспечивающих социальную успешность. Гипотетически, при низком уровне личностного ресурса более значимой становится внешняя оценка в материальной форме (не обязательно сугубо денежная, это может быть любой маркер признания и социальной успешности – знаки отличия, награды и т. п.).

IV. На следующем этапе исследования экспериментальной базой выступили молодые люди, в возрасте от 18 лет до 21 года, проходящие службу по призыву в рядах вооруженных сил Российской Армии – всего 80 человек. Все респонденты призывались на службу из Камчатского региона, были призывниками одногруппного призыва (призыв «Весна-2012») и находились в одинаковых условиях прохождения службы.

Распределение респондентов на группы осуществлялось на основе кластеризации матрицы, включающей показатели всех шкал методики жизнестойкости. Было получено два основных кластера. В первый вошло 28 респондентов с высоким уровнем жизнестойкости (ЭГ 1). Во второй кластер (ЭГ 2) – 38 респондентов, показавшие более низкий уровень жизнестойкости (по всем шкалам, включая интегральный показатель, различия при $p \leq 0,01$). 14 респондентов не вошли ни в одну группу.

Критериальный анализ показал, что группы различаются и по большинству показателей методики СЖО. Исключение составила лишь шкала «Процесс».

Таким образом, дальнейшее сравнение по показателям субъективной оценки значимости ценностей и качества жизни проводилось в группах, эквивалентных по возрастному, гендерному и профессиональному признаку и различающихся по уровню осмысленности жизни и выраженности жизнестойкости. В первую экспериментальную группу вошли молодые люди с более высокими, во вторую – с более низкими показателями по обозначенным параметрам.

Методика временной перспективы показала различие групп по шкалам «негативное прошлое», «пози-

тивное прошлое», «фаталистическое настоящее» ($p \leq 0,01$).

Заметим, что отсутствие различий именно по тем шкалам, которые характеризуют «настоящее» военнослужащих по призыву («процесс», «гедонистическое настоящее»), видится вполне закономерным в контексте пребывания респондентов обеих групп в особых условиях, жестко регламентирующих и структурирующих именно «настоящее» время жизни респондентов (при этом шкала «фаталистическое настоящее» оказывается, вероятно, в большей степени обусловленной личностными особенностями, нежели внешними условиями жизнедеятельности респондентов).

Сопоставление оценок респондентов обеих групп в отношении значимости отдельных жизненных сфер и ценностей по методике качества жизни не показало достоверных различий. Вместе с тем, оценка субъективной удовлетворенности различными аспектами жизни существенно различается по ряду параметров.

Молодые люди с высокими показателями жизнестойкости и осмысленности жизни более удовлетворены состоянием своего здоровья, имеют в жизни более структурированные цели (что подтверждается результатами методики СЖО) и ценности, которые придают жизни смысл. Кроме этого, у респондентов первой группы выше удовлетворенность жизнью в сферах работы и творчества, что говорит о гармоничном развитии личности и умении получать удовольствие от повседневных дел, а также выше удовлетворенность материальным благосостоянием. Также представители первой экспериментальной группы более удовлетворены такими личными отношениями, как любовь, и подчеркивают умение выстраивать межличностные связи. Результаты представлены в таблице 8.

При оценке удовлетворенности жизнью за последнюю неделю молодые люди с более высокими показателями осмысленности жизни и жизнестойкости также продемонстрировали тенденцию более позитивной субъективной оценки различных аспектов жизни (таблица 9).

Анализ корреляционных связей между параметрами качества жизни, с одной стороны, и шкалами методик СЖО, жизнестойкости и временной перспективы, с другой, дает нам возможность сделать следующие выводы: высокая удовлетворенность качеством жизни у респондентов первой группы тесно взаимосвязана с получением удовлетворения от собственной деятельности, с активной вовлеченностью в происходящие события. И чем выше удовлетворенность деятельностью и вовлеченность, тем более человек удовлетворен своим творчеством и местом жительства, более важными для него становятся личные отношения (любовь) и осознание собственной роли в обществе, что дает возможность личности найти для себя много значимого и интересного. Кроме этого, высокое субъективное качество жизни у респондентов этой группы поддерживается удовлетворенностью прожитой частью жизни и ориентацией на будущее (с гедонистическим акцентом в настоящем). Чем выше показатели личностных ресурсов, тем сильнее возрастает удовлетворенность такими составляющими субъективного качества жизни, как здоровье, творчество, отношения с окружающими, удовлетворенность городом проживания. Одновременно возрастает важность наличия в жизни респондентов таких составляющих качества жизни, как любовь, обучение, цели в жизни и наличие работы, и менее значимым становится район проживания, что свидетельствует о гибкости в отношениях с окружающим миром, т. е. о способности приспосабливаться.

Таблица 8

Различия в группах военнослужащих срочной службы с разным уровнем жизнестойкости по параметрам качества жизни

Шкалы	Важность			Удовлетворенность		
	ЭГ 1	ЭГ 2	<i>t эмп.</i>	ЭГ 1	ЭГ 2	<i>t эмп.</i>
Здоровье	1,75	1,63	0,9	2,18	1,4	3,3**
Самооценка	1,29	1,55	1,7	1,75	1,69	0,4
Цели и ценности	1,57	1,26	1,7	2,14	1,37	3,7**
Деньги	1,14	1,03	0,9	1,32	0,47	2,8**
Работа	1,5	1,63	1	1,5	0,21	3,4**
Игра	1,4	1,21	0,5	2	1,84	0,7
Обучение	1,32	1,42	0,8	1,82	1,42	1,5
Творчество	1,18	1,03	1	1,79	1,29	2,1*
Помощь другим	1,29	1,37	0,6	1,82	1,68	0,7
Любовь	1,86	1,68	1,6	1,93	0,97	3**
Друзья	1,75	1,71	0,4	2,14	2,21	0,4
Дети	1,68	1,55	0,9	1,04	0,82	0,6
Родственники	1,36	1,57	1,8	2,11	2,08	0,1
Дом	1,43	1,63	1,6	2	1,63	1,4
Район	1,21	1,05	1	1,57	1,5	0,2
Город	1,14	1,24	0,7	1,5	1,18	1,5

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$

Различия в субъективной оценке важности ценностей и удовлетворенности их реализацией у военнослужащих срочной службы с разным уровнем жизнестойкости

<i>Шкалы</i>	<i>ЭГ 1 (группа с высоким уровнем жизнестойкости)</i>	<i>ЭГ 2 (группа с низким уровнем жизнестойкости)</i>	<i>t эмп.</i>
Сфера физического здоровья	17,68	15,97	2,9**
Сфера эмоций	22,36	21,05	2,1*
Сфера активности в свободное время	13,18	11,79	3,2**
Социальная сфера	21,18	19,97	1,9
Отношения с людьми	4,46	4,16	1,8
Деятельность в течение дня	4,04	3,95	0,5
Материальное состояние	4,04	3,5	2,7**
Благополучие в целом	4,36	3,89	2,4*

Примечание: * для $p \leq 0,05$; ** для $p \leq 0,01$.

Рассмотрение корреляций во второй группе (респонденты с низкими ресурсными показателями) показывает, что субъективные оценки слагаемых качества жизни у этих молодых людей взаимосвязаны с убежденностью в том, что риск способствует развитию, при этом не важно, какой будет результат, они действуют даже в отсутствии гарантий успеха. И чем более респонденты принимают этот риск, тем менее они удовлетворены своей самооценкой, работой, отношениями с друзьями. Так же субъективное качество жизни в этой группе коррелирует с беспомощным и безнадежным отношением к жизни и к будущему, и чем более выражено такое отношение, тем менее удовлетворены респонденты своим обучением, материальным состоянием, отношениями с родственниками и местом проживания (домом и районом). Кроме этого, удовлетворенность прожитой частью жизни не подкреплена ни удовлетворенностью материальным аспектом жизни, ни удовлетворенностью в сферах творчества и любви.

Выводы

I. Обобщение данных, полученных в результате сопоставления субъективной оценки качества жизни при разных уровнях осмысленности жизни и жизнестойкости в разных возрастных группах, позволяет прийти к следующим заключениям:

- в различных возрастных категориях (молодость и средняя зрелость) группы респондентов с высокими и более низкими показателями по методикам смысловых ориентаций и жизнестойкости дают неодинаковую качественную картину различий по параметрам субъективной оценки качества жизни;

- можно предположить, что в период молодости осмысленность жизни и жизнестойкость выступают в большей степени определяющими субъективное качество жизни личностными ресурсами, нежели в зрелом возрасте;

- остается неясным, почему картина кластеризации данных по методике СЖО и тесту жизнестойкости не дает «хорошего» деления выборки на 2 класса, в то время как деление на основании данных методик СЖО и Зимбардо позволяет сформировать группы, которые оказываются различающимися по всем параметрам жизнестойкости. Данный эмпирический факт требует дальнейшего исследования.

II. Обобщение результатов на выборках, включенных в особые условия профессиональной деятельности (работники полиции, военнослужащие срочной службы), позволяет установить следующие закономерности:

- в отличие от «неспецифических» в контексте профессиональной принадлежности выборок, выборки военнослужащих и представителей силовых структур (на примере сотрудников полиции) характеризуются особым характером взаимосвязи субъективного качества жизни с жизнестойкостью и осмысленностью жизни;

- при достаточной степени выраженности жизнестойкости данный параметр выступает у военнослужащих одним из условий, оказывающих влияние на субъективную оценку качества жизни. Низкий уровень жизнестойкости сам по себе не оказывает прямого влияния на субъективную удовлетворенность жизнью, а лишь побуждает личность задействовать иные личностные ресурсы для повышения субъективного качества жизни (происходит поиск путей компенсации; при этом можно предположить, что либо личность находит эти пути и остается в профессии, либо вынужденно меняет сферу деятельности);

- как и в случае неспецифических в плане профессиональной включенности разновозрастных выборок, внутренние ресурсы оказываются наиболее значимыми для военнослужащих именно в молодом возрасте. Более того, жесткая регламентация жизни «в настоящем» становится фактором, существенно ограничивающим поле внешних ресурсов, ввиду чего роль внутренних ресурсов для молодых людей возрастает еще сильнее;

- включенность в особые условия жизнедеятельности в юном возрасте оказывается для личности фактором, существенно снижающим качество жизни, в том случае, если жизнестойкость и осмысленность жизни как личностные ресурсы недостаточно сформированы. В случае, если молодой человек в период прохождения воинской службы способен опираться на данные ресурсы, ситуация срочной службы не только не воспринимается личностью как критическая, но и способствует детальному осмыслению жизненного пути, работает на гармонизацию временной перспективы, актуализирует комплекс внутренних ресурсов личности и повышает эффективность жизнедеятельности молодых людей в период прохождения службы.

Таким образом, обобщение данных проведенных исследований позволяет говорить о том, что в зрелом возрасте более высокие показатели осмысленности жизни и жизнестойкости не так однозначно определяют различия в субъективной оценке собственной жизни по совокупности параметров, как в молодости. В период зрелости для поддержания качества жизни важна деятельность, направленная на преобразование мира. При этом если внутренние ресурсы (осмысленность жизни,

жизнестойкость) достаточно развиты, то сама по себе удовлетворенность от собственно процесса деятельности работает на повышение показателей субъективного качества жизни. Если же внутренних личностных ресурсов недостаточно, то личности необходима социальная поддержка, социальное одобрение, подтверждение, «правильности» ее образа жизни и одобрение результатов ее жизнедеятельности (в том числе материальное стимулирование).

Литература

1. Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М., 2000. 18 с.
2. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
3. Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. 680 с.
4. Рассказова Е. И. Методика оценки качества жизни и удовлетворенности: психометрические характеристики русскоязычной версии // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2012. Т. 9. С. 81 – 90.
5. Серый А. В. Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность: коллективная монография. Томск, 2008. С. 71 – 93.
6. Сырцова А. А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29. № 3. С. 101 – 109.
7. Frisch M. Quality of Life Inventory. Complementary Trial Package. Pearson. 2007.
8. Frisch M. Quality of Life Therapy. Applying a Life Satisfaction Approach to Positive Psychology and Cognitive Therapy. Wiley: New-Jersey. 2006.

Информация об авторе:

Неяскина Юлия Юрьевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной психологии Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга, nevasknaju@yandex.ru.

Yulia Yu. Neyaskina – Candidate of Psychology, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Theoretical and Applied Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University, Petropavlovsk-Kamchatskiy.

Статья поступила в редколлегию 28.07.2014 г.

УДК 159.923

ЛИЧНОСТЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ КАК МОДЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА *М. В. Сокольская, О. О. Олифер*

LECTURER'S PERSONALITY AS A MODEL OF PROFESSIONAL FORMATION OF STUDENT'S PERSONALITY *M. V. Sokolskaya, O. O. Olfier*

В статье представлены результаты исследования влияния личности преподавателя на профессиональное становление будущих железнодорожников и педагогов. Раскрыта и обоснована на примере современных исследований роль личности преподавателя не только как носителя и передатчика профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для подготовки профессионала, но и как наставника, воспитателя будущего профессионала, и в тоже время как «модели» профессионала, как представителя передовой части профессионалов – мастеров своего дела.

Исследование опирается на изучение субъективного благополучия студентов первокурсников и выпускников – представителей типов профессий «человек-техника» и «человек-человек» как интегративного показателя качества профессионального становления. Результаты исследования позволяют рассмотреть особенности профессионального становления по таким критериям, как: мотивация выбора профессии, адаптация к условиям учебно-профессиональной деятельности, специфика формирования профессионально важных качеств, особенности взаимодействия в системе преподаватель-студент и отношение к профессии. Основной вывод, подтверждающий результаты многочисленных исследований, заключается в том, что личность педагога, осуществляющего профессиональную подготовку, как модель профессионала для студента играет в процессе становления личности профессионала значимую роль. Обсуждение результатов исследования включает практические рекомендации по организации психологического сопровождения профессионального становления личности студента, учитывающие специфику их профессиональной подготовки.

The paper presents the results of a research of the impact of lecturer's personality on professional development of future railwaymen and lecturers. It opens and justifies as exemplified by modern research the role of the lecturer's personality not only as a carrier and transmitter of professional knowledge and skills that are necessary for training professionals, but as a mentor, tutor of the future professional and at the same time as a "model" of a professional, as a representative of the advanced part of professionals – masters in their field.

The research is based on the study of subjective well-being of first-year students and graduate students as representatives of "human-technology" and "human-human" types of professions, as an integrative indicator of the quality of professional formation. Results of the study allow to consider special aspects of professional formation in such criteria as: motivation for choice of profession, adaptation to educational activity, specifics of formation of professionally important qualities, special aspects of interaction in the lecturer-student system and attitude to occupation. The main conclusion confirming the results of numerous studies is that the lecturer's personality as model of a professional providing vocational training plays a significant role in the process of formation of a professional's personality. Discussion of research results includes practical advice about the organization of psychological support for professional formation of student's personality taking into account the specificity of professional distinctiveness.

Ключевые слова: личность, преподаватель, студент, профессионал, педагогическая деятельность, профессиональная деятельность, субъективное благополучие, профессиональное становление.

Keywords: personality, lecturer, student, professional, educational activities, professional activities, subjective well-being, professional formation.

Социальная значимость педагогической деятельности предъявляет особые требования к личности преподавателя, его интеллектуальному потенциалу, моральному и нравственному облику. Исторически каждая теория обучения и воспитания выдвигает свои собственные требования к личности и деятельности педагога. Так, для современного этапа образования важно не столько передавать определенное количество знаний, сколько развивать желание и умение приобретать эти знания и пользоваться ими самостоятельно. Педагогу в процессе учебно-профессиональной деятельности необходимо раскрыть потенциал человека, формировать мотивацию успеха, самостоятельную деятельность, что предъявляет к личности и профессиональной деятельности педагога, учителя, преподавателя очень высокие требования.

Как носитель и «передатчик» информации преподаватель значительно уступает многим другим источникам информации, таким, к примеру, как книги и компьютеры. Специалиста как представителя определенной профессиональной культуры характеризуют не только специфический набор знаний и умений, но и определенное мировоззрение, жизненные установки и ценности, особенности профессионального поведения и т. д. Поэтому педагог не только и не столько передает студенту профессиональные знания, умения и навыки, а приобщает его к определенной культуре, для развития и воспроизведения которой необходимо живое человеческое общение между педагогом и студентом.

Известно, что формирование личности человека происходит на протяжении всей жизни, но именно в вузе закладываются основы тех качеств будущего профессионала, с которыми он затем вступит в новую для него атмосферу деятельности, в условиях которой будет осуществляться его дальнейшее развитие и как профессионала, и как личности.

Нередко преподаватели руководствуются представлениями о студентах как об устройствах по переработке информации, которые слушают лекции, читают учебники, выполняют задания и, когда это требуется, демонстрируют эти знания на экзаменах. Иногда это приводит к безличным и неадекватным требованиям, с которыми студенты просто не могут справиться.

Результаты современных исследований фиксируют изменения в представлениях студентов об идеале преподавателя, авторитетном преподавателе и источниках этого авторитета. В настоящее время актуализировалась значимость личностных свойств педагога и соответственно уменьшился вклад «инструментальных» качеств, необходимых для деятельности преподавателя. Студенты высоко ценят такие качества педагога, как доброжелательность, чувство такта, широкий кругозор, глубокое знание и увлеченность преподаваемым предметом, интерес к личности студента, уважение, терпимость, понимание, общительность, справедливость [2; 6].

Личность преподавателя в создании системы развития духовно-нравственных отношений и духовных ценностей играет ключевую роль, а, следовательно, определяет успешность ее развития. Выступая носителем и проводником определенного социального опыта, педагог оказывает наибольшее влияние на результативность развития этого процесса. Участвуя с педагогом в совместной учебной деятельности, студент попадает в определенную ценностную «систему координат», он, по сути, «вынужден» усваивать систему ценностей преподавателя, так как сама по себе социальная роль педагога наделяет ее носителя властью и авторитетом.

Осуществляя связь времён, связь поколений, педагог передаёт и распространяет достижения общечеловеческой и профессиональной культуры, создаёт условия для становления и развития личности будущих профессионалов. Наследуя опыт работы передовых педагогов, мастеров своего дела, педагоги выступают как творческая, преобразующая сила и в современном реформируемом обществе. Педагог, по сути дела, стоит у истоков развития производительных сил страны, её социального прогресса и творческого потенциала. Такое высокое предназначение педагога предъявляет к нему столь же высокие требования.

Многочисленными исследованиями доказано, что личность педагога как человека, находящегося в постоянном контакте с учащимся, студентами преобразует личность последних, так как в присутствии преподавателя, обладающего качествами высокоразвитой

педагогической культуры, у ребят, длительное время взаимодействующих с ним, повышаются критерии самопринятия, увеличивается потребность в знании, что свидетельствует о их личностном развитии [7].

В качестве критерия влияния личности преподавателя на формирование личности будущего профессионала мы приняли субъективное благополучие студентов, которое рассматривается как интегральный психологический показатель жизни человека и представляет собой многомерную многоуровневую динамическую систему субъективных отношений личности к различным аспектам своей жизни [4].

Как психологическое понятие субъективное благополучие выделяет, прежде всего, ценностные аспекты отношения человека к различным сферам его жизни, а также уровень адаптации к ним. При этом главной составляющей его психологического измерения становятся переживания, чувственно-эмоциональная и когнитивная сферы, обусловленные как объективными обстоятельствами жизнедеятельности, так и личностными свойствами.

Субъективное благополучие взаимосвязано с психологическим и социальным здоровьем человека, его верой, надеждой, оптимизмом и уверенностью в завтрашнем дне. Оно является той питательной средой, которая обеспечивает все необходимое для полноценного существования личности, ее внутренней силы и оптимистичного настроения.

Одна из основных функций субъективного благополучия – создание устойчивого равновесия между личностью и личностью, личностью и окружающим ее миром, позволяющее высвобождать потребности более высокого порядка – общественные по своей природе [4].

Удовлетворенность жизнью является необходимым звеном в структуре активности личности, образуя механизм обратной связи между разными составляющими и этапами жизненной активности личности, влияя на её последующий уровень и способы реализации.

Как считает К. А. Абульханова-Славская, «удовлетворённость или неудовлетворённость жизнью – сложное, но всегда обобщённое чувство состоявшейся или несостоявшейся, удачной или неудачной жизни». «Удовлетворённость – чувство верности, подлинности своей жизни – это порой едва ли не единственный источник наших жизненных сил, жизненной стойкости, жизненной инициативы, нашей способности идти вперёд» [1, с. 12].

Субъективное благополучие можно рассматривать и как оптимальную саморегуляцию, выражающуюся в переживании внутренней гармонии (верность себе, соответствие желаний и возможностей, ощущение соответствия целей и средств, свобода от тревоги, психоэнергетический баланс).

Высокий уровень субъективного благополучия определяет выбор эффективных стратегий решения жизненных проблем.

Факторы, влияющие на субъективное благополучие, являются детерминантами разного рода, уровня и обобщенности. Их анализ позволяет сделать вывод, что ни одна переменная, будь то демографические данные или особенности личности, не определяет целиком уровень субъективного благополучия, а лишь вносит свой более или менее выраженный вклад [4].

Всё вышесказанное позволило предположить, что на уровень и структуру субъективного благополучия студентов – будущих профессионалов – в существенной степени оказывает влияние не только психологическое содержание выполняемой ими деятельности, но и личность педагога.

В эмпирическом исследовании приняли участие представители профессиональных сообществ типа «человек – техника» – поездные диспетчеры и «человек – человек» – педагоги-филологи и студенты названных специальностей первых и выпускных курсов.

Для решения поставленных задач использовался комплекс методов психологической диагностики: «Ценностные ориентации» М. Рокича; Всемирный опросник здравоохранения «Качество жизни» (ВОЗ КЖ-100); «Тест-опросник уровня субъективного контроля» (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткин); «Мотивация к успеху» и «Мотивация к избеганию неудач» (Т. Элерс); «Готовность к риску» (Шуберт); «Шкалы самооценки Спилберга-Ханина»; «Самоактуализационный тест» (Э. Шостром); «Многофакторный личностный опросник Р. Б. Кеттелла»; Тест «Удовлетворенность работой», Частный семантический дифференциал.

В данной статье представлены результаты исследования субъективного благополучия студентов, анализ которых позволил сформулировать несколько парадоксальных на первый взгляд выводов, отражающих определённые закономерности специфики профессиональной подготовки [5].

Студенты-железнодорожники адаптируются к условиям обучения в вузе, в первую очередь, за счёт неустойчивости ценностной структуры, которая обеспечивает возможность гибкого, быстрого принятия новой ситуации. Студенты-педагоги – за счёт цельности, продуманного плана личностного развития, «осторожного» стремления к успеху.

Благополучие выпускников-железнодорожников обеспечивается за счёт устойчивости ценностной структуры, ориентированности на профессиональную деятельность, семью, благополучие. Благополучие выпускников-педагогов – за счёт властности, самоуверенности, жёсткости.

Студенты железнодорожного вуза ориентированы на получение конкретной профессии, а студенты педагогического вуза – на получение образования.

В связи с этим психологическое сопровождение должно быть качественно различным: у железнодорожников – ориентированным на личность студента, а у педагогов – на мотивационную составляющую будущей педагогической деятельности, т. к. ни одна из участвовавших в исследовании студенток-выпускниц не связывает свою будущую профессиональную деятельность со школой.

В процессе профессиональной подготовки педагога достаточно высок авторитаризм в среде преподавателей, недостаточно кооперативного сотрудничества со студентами. Поэтому, несмотря на то, что вся специфика педагогического образования, его сущность направлены на формирование рефлексии, на стремление к саморазвитию, самосовершенствованию, в структуре личности субъективно благополучных студентов, как первокурсников, так и выпускников, доминируют властность, самоуверенность, расчётливость.

В процессе подготовки инженеров-железнодорожников высок уровень кооперативного, партнёрского сотрудничества между педагогами и студентами, но специфика подготовки данного специалиста такова, что развиваются не личностные образования, а формируются операциональные умения и навыки, способствующие эффективной деятельности в системе железнодорожного транспорта, т. е. человек в такую структуру включается как инструмент, как средство осуществления деятельности.

Таким образом, подавление личности студентов происходит в обоих случаях, в первом – оно осуществляется за счёт «веса», авторитета педагога (насаждаемого им самим), во втором – за счёт приоритетного развития необходимых для профессиональной деятельности операциональных качеств человека.

Сделанные выводы идут вразрез с принципиальными особенностями учебно-профессиональной деятельности [2]. Во-первых, в процессе учебной деятельности поступательно изменяется уровень развития человека, осуществляется становление личности профессионала, закладывается фундамент профессионализма. Во-вторых, образование должно быть основано на принципе равенства возможностей, на создании благоприятных условий для развития личности всех учащихся. Очевидно, что обеспечение реализации этих принципов – важнейшая задача и цель педагогической деятельности.

В связи с этим в контексте данной проблематики следует учитывать исследования изучения и оценки потенциала самореализации личности в процессе обучения, осуществляемые под руководством профессора М. С. Яницкого [2; 8; 9]. Усилия ученых направлены на поиск возможностей повышения мотивации обучения, чему в наибольшей степени, по их мнению, может способствовать положительная оценка объективно низких, но субъективно высоких достижений учащихся. Очевидно, что реализация подобного гуманистического принципа в обучении должна предполагать оценку индивидуальных достижений с одновременным учетом индивидуального уровня развития. Однако этот принцип, представляющийся достаточно тривиальным, на практике не реализуется в силу ряда серьезных методологических проблем, связанных с адекватностью критериев оценки, как уровня развития личности, так и ее самореализации [2].

В качестве базового ученые используют понятие личностной зрелости П. М. Якобсона, в наибольшей степени отражающее характеристику уровня развития системы отношений человека, применительно также и к проблеме роли личности преподавателя в профессиональном становлении студента [10]. Именно в таком значении наиболее четко определяются основные элементы этого свойства личности: наличие мировоззрения и философии, которой руководствуется человек в поведении, адекватность понимания человеком своего места в обществе, широта интересов [2].

Сравнение показателей качества жизни студентов-педагогов и студентов-железнодорожников показало, что у железнодорожников оценки качества жизни существенно выше. Причиной этому может быть ряд факторов: материальный достаток родительских семей и их состав (полные – не полные). Более 50 % студентов-

железнодорожников являются представителями железнодорожных династий, а материальный уровень железнодорожников один из самых высоких на Дальнем Востоке, и традиционны в системе железнодорожного транспорта полные семьи (85 – 90 % железнодорожников женаты или замужем).

Анализ механизмов субъективного благополучия во всех группах респондентов показал, что общим механизмом является «Качество жизни». Наличие также дополнительных различных механизмов формирования субъективного благополучия подтверждает влияние профессиональной деятельности, этапа профессионализации и особенностей социокультурной среды на профессиональное становление личности.

В связи с тем, что структура субъективного благополучия личности зависит от психологического содержания выполняемой ею деятельности, и, учитывая важность адекватного психологического сопровождения профессионала, а также влияние условий, содержания и профиля профессиональной деятельности на профессиональное становление, полагаем необходимым осуществлять психологическое сопровождение непосредственно в процессе подготовки специалиста, т. к. именно на этом этапе формируется отношение и к профессии, и к себе как к специалисту.

Анализ результатов исследования показал, что педагогическая деятельность в современной высшей школе осуществляется преимущественно на основе субъективного взаимодействия, а педагог, соответственно, выступает в качестве директивного, контролирующего органа по отношению к студенту.

Исследование также показало, что неблагополучие профессионала в тех видах профессий, деятельность в которых в большей степени осуществляется персонально (в данном исследовании это профессии машиниста локомотива и педагога), связано с чрезмерной индивидуализацией профессионалов, с акцентированностью на себе как на определяющем субъекте деятельности.

Семантический анализ отношения к профессии и к здоровью [3] показал:

- выраженную однородность отношения к профессии и здоровью у студентов-первокурсников и профессионалов – независимо от уровня их субъективного благополучия, которая свидетельствует о приобщённости, защищённости первых семейной родительской средой, а вторых – профессиональной;

- разноразнонаправленность отношений к профессии и здоровью студентов-выпускников в зависимости от уровня их субъективного благополучия, которую можно объяснить тем, что от семейной среды они уже практически оторвались, а в профессиональную пока ещё не вошли. Т. е. за время обучения в вузе не формируется профессиональное единение, профессиональная причастность, представление о себе как представителе определённого профессионального сообщества.

Указанные факты требуют особенно пристального внимания со стороны руководителей предприятий и педагогов сферы государственного профессионального образования, поскольку социальный заказ на подготовку специалистов не может считаться выполненным, если этот специалист приходит на производство тревожным, неустойчивым, «разрушаемый» внутренними конфликтами. Особо следует отметить, что в современной эко-

номике, промышленности, профессиональной социальной сфере времени на адаптацию молодого специалиста к условиям и специфике деятельности не предусмотрено, не существует как такового и самого понятия «*молодой специалист*» со всеми присущими ему правами и обязанностями. Ключевым требованием, предъявляемым к выпускнику, является наличие профессионализма – качества, формирующегося исключительно в процессе профессиональной деятельности [6].

Наибольшее количество характеристик личности, имеющих значимые различия, выявлены у студентов-выпускников всех изучаемых профессий, изменения эти касаются мотивационно-ценностной сферы личности и её направленности. На этом же этапе профессионализации обнаружен и наиболее высокий уровень субъективного благополучия. Это позволяет сделать вывод, что личность будущего профессионала претерпевает существенные изменения, прежде всего, в период учебно-профессиональной подготовки, и именно эти изменения обеспечивают высокий уровень становления и развития его профессионализма.

На формирование профессионализма оказывают непосредственное влияние особенности, присущие определённому типу профессиональной деятельности, который отражается:

– в уровне субъективного благополучия (наиболее высокий – в профессиональной группе машинистов ло-

коматива, а наиболее низкий – в профессиональной группе педагогов);

– в количественной и качественной динамике уровней субъективного благополучия в процессе профессионализации (в профессиональной группе поездных диспетчеров с ростом профессионализации прямо пропорционально растёт количество сфер жизни, состоянием которых удовлетворены респонденты;

– в группе машинистов локомотива аналогичные количественные изменения колеблются в пределах одного уровня;

– в группе педагогов динамика обратная поездным диспетчерам).

Таким образом, результаты нашего исследования углубляют и расширяют выводы психологов, педагогов и других учёных, изучающих проблемы высшей школы, проблемы качества подготовки современных специалистов о том, что личность педагога, осуществляющего профессиональную подготовку, оказывает существенное влияние на профессиональное становление личности.

Полученные результаты исследования обогащают научные представления о личности современного профессионала, расширяют арсенал средств, обеспечивающих психологическую готовность личности к профессиональной деятельности, способствуют развитию психологической теории и практики к конкретным условиям подготовки профессионала.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Иванов М. С., Яницкий М. С. К проблеме оценки потенциала самореализации личности в процессе обучения // Философия образования. 2004. № 3(11). С. 233 – 241.
3. Сокольская М. В. Психосемантический анализ отношения к профессии операторов – поездных диспетчеров // Психологическая наука и образование. 2007. № 4. С. 52 – 61.
4. Сокольская М. В. Личностное здоровье профессионала. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2008. 303 с.
5. Сокольская М. В. Субъективное благополучие студентов – парадоксы особенностей профессионального образования // Гуманитарность современного образования: психолого-педагогические парадоксы: сб. науч. тр.. Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2009. С. 139 – 150.
6. Сокольская М. В. Личностное здоровье профессионала: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Хабаровск, 2012. 50 с.
7. Сыманюк Э. Э. Психология профессионально-обусловленных кризисов. М.: Воронеж, 2004. 319 с.
8. Яницкий М. С. Основные психологические механизмы адаптации студентов к учебной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Кемерово, 1995. 144 с.
9. Яницкий М. С. Модификация методики Р. Инглхарта для изучения ценностной структуры массового сознания // Сибирская психология сегодня: сб. тр. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 189 – 195.
10. Якобсон П. М. Психологические компоненты и критерии становления зрелой личности // Психологический журнал. 1981. № 4.

Информация об авторах:

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, заведующая кафедрой Общей, юридической и инженерной психологии, профессор Дальневосточного государственного университета путей сообщения, г. Хабаровск, mvsokolskaya@mail.ru.

Marina V. Sokolskaya – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head the Department of General, Legal and Engineering Psychology, Professor at Far Eastern State Transport University, Khabarovsk.

Олифер Ольга Олеговна – соискатель ученой степени кандидата наук, директор КГБОУ для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи «Краевой центр психолого-медико-социального сопровождения», г. Хабаровск, oluw@yandex.ru.

Olga O. Olifer – post-graduate student; Director of Regional Center of Psychological, Medical and Social Support for children in need of psychological, educational, medical and social assistance, Khabarovsk.

Статья поступила в редколлегию 05.06.2014 г.

САМОРАЗВИТИЕ КАК ФОРМА ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

М. А. Фризен

SELF-DEVELOPMENT AS A FORM OF PERSONALITY'S EXISTENTIAL RESPONSIBILITY

М. А. Frizen

В статье описываются теоретические основания рассмотрения саморазвития как формы экзистенциальной ответственности личности, анализируются внешние и внутренние факторы, определяющие значимость саморазвития для личности.

The paper refers to the theoretical basis of self-development category as a form of personality's existential responsibility; internal and external factors which determine the significance of self-development for personality are analyzed.

Ключевые слова: саморазвитие, жизненный путь личности, экзистенциальная ответственность личности.

Keywords: self-development, personality course of life, personality's existential responsibility.

В контексте современной психологии личность предстает как вероятностная, самоорганизующаяся, самодетерминированная система; человек рассматривается как носитель сознания, активно конструирующего реальность; понятие гомеостаза личности со средой сменяется понятиями гомеореа и гетеростаза (А. Г. Асмолов, Э. В. Галажинский, В. В. Знаков, К. В. Карпинский, Д. А. Леонтьев, И. О. Логинова, О. В. Лукьянов, Р. С. Немов, В. А. Петровский, Е. В. Четошников, Э. Деси, Р. Райан и др.).

Вместе с тем опыт практической психологии, анализ реальных жизненных ситуаций показывает, что разрабатываемые теоретические модели личности, ее функционирования неприменимы к целому ряду реальных случаев из жизни конкретных людей, а часто и противоречат им [9]. В связи с этим крайне актуальными для современной психологической науки являются исследования, направленные на описание разных стратегий выстраивания личностью жизненного пути, специфических ценностно-смысловых и социальных оснований ее самоосуществления и саморазвития. Идея «обязательности» для каждого индивида линий развития (органического, социального, личностного) переосмысливается: личностное развитие как самодетерминация, самотрансценденция, саморазвитие присущи не каждому конкретному человеку, утверждает Д. А. Леонтьев [4].

Теоретический анализ научных источников по проблеме субъектности личности в плане выстраивания жизненного пути позволил выделить ряд точек зрения по данному вопросу. Жизненный путь рассматривается сквозь призму понятия «возраст» (Б. Г. Ананьев, Н. А. Логинова, И. С. Кон), через описание «событий» (Ш. Бюлер, П. Жане), через систему пространственно-временных характеристик жизни, позволяющих изучать жизненный путь в качестве единого целого (А. Адлер, В. Франкл, Л. И. Анцыферова, Е. И. Головаха, А. А. Кроник). В психологической науке разработаны концепции, рассматривающие жизненный путь как «жизненную и личностную перспективу» (С. Л. Рубинштейн, К. А. Абульханова-Славская), теории, связывающие жизненный путь личности с идеями самодетерминации личности, осуществляемой ею смысловой работой (Р. Райан, Э. Деси, Д. А. Леонтьев и др.). На детерминанты жизненного пути личности, определяющие его факторы,

существуют полярные точки зрения. В частности, Д. А. Леонтьев рассматривает классический психоанализ и бихевиоризм как формы жесткого детерминизма в рассмотрении функционирования личности – глубинными влечениями и социумом, соответственно. В концепции К. Г. Юнга жизненный путь личности детерминирован прошлым, в том числе коллективным опытом, в теории Э. Берна – настоящим, рефлексией опыта жизни; Б. Г. Ананьев указывает, что жизненный путь личности детерминирован настоящим и исторической эпохой, а также феноменом самодетерминации. Далее мы находим целый ряд теоретических позиций, в рамках которых основной детерминантой жизненного пути является автономия личности (Р. Харе); детерминация жизненного пути связана с наращиванием индивидуальности – «усиление во времени», постоянно обновляемая «превращенная форма» (М. К. Мамардашвили); в качестве основной детерминанты жизненного пути рассматривается субъектность личности (Н. А. Логинова, К. А. Абульханова-Славская, Е. И. Головаха, А. А. Кроник); жизнь рассматривается как некий экзистенциальный конструктор (В. М. Дружинин, Д. А. Леонтьев – жизнотворчество), соотносится с метафорами – «активная лепка судьбы», «поэма жизни» (М. В. Розин), «творческий жизненный путь» (В. А. Петровский). Люди, активно выстраивающие жизненный путь, рассматриваются как субъекты с доминирующей «тенденцией преобразования» (Л. И. Анцыферова), как эксперты своего жизненного пути (нарративный подход: Дж. Брунер, Дж. Фридман, Дж. Комбс, Э. К. Мергенталер), их жизненный путь детерминирован выбором (Ж.-П. Сартр, А. Камю, В. Франкл, Р. Мэй и другие представители экзистенциальной традиции), причем сам выбор описывается по-разному: как соотношение двух стратегий выбора – «свобода воли от» и «свобода воли для» (Э. Фромм); как выбор в пользу прошлого или выбор смысла в пользу будущего (С. Мадди); как сочетание экзистенциальной свободы (свободы действия) и – более главного компонента – сущностной свободы (свободы в выборе идей, смыслов) (Р. Мэй). Построение жизненного пути описывается как действие в «зоне свободной детерминации» (В. Е. Клочко, О. М. Краснорядцева). О. В. Лукьянов исследует соотношение уникальности и устойчивости «Я» личности, их обратную связь: чем выше ус-

тойчивость личности (ее стабильность, социальная приемлемость поведения и деятельности), тем меньше мера ее уникальности – личность, стремясь соответствовать социальным стереотипам, теряет свою уникальность; и напротив, если личности присуща выраженная уникальность, она становится неустойчивой, пластичной, склонной к самоизменению, самопреобразованию [7].

Авторство человека в плане построения жизни связывается с кристаллизацией ее смысла как некоего буферного механизма, не допускающего одностороннего подчинения человека как обстоятельствам, так и непосредственным, сиюминутным интересам и влечениям (В. Э. Чудновский); К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн рассматривают следование по пути собственно «личностного» (внутреннего) развития личности, а не только по пути «событийного» развития; субъектность личности рассматривается как ее способность определять свою жизнь (К. А. Абульханова-Славская, Л. В. Алексеева, О. А. Конопкин, А. К. Осницкий, В. А. Петровский, С. Л. Рубинштейн) [3].

Таким образом, личность стоит перед экзистенциальным выбором: воспользоваться правом авторства в плане выстраивания жизненного пути или следовать некому руслу, предлагаемому социумом. Безусловно, у человека не существует абсолютного выбора, поскольку на этапе первичной социализации мы находимся в ситуации воздействия на нас разного рода моделей, которые мы некритично усваиваем (в первую очередь, это родительские модели (родительское программирование, по Э. Берну), жизненные сценарии (В. П. Серкин)). Вместе с тем при определенных условиях начинают функционировать процессы самотрансценденции, самодетерминации, личность начинает выступать фактором собственного развития, то есть способна осуществлять осознанное и целенаправленное саморазвитие [5; 12]. Вопрос заключается лишь в том, сделает ли выбор человек в пользу самоизменения или дальнейшего развития не будет представлять для него ценности? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в плоскости экзистенциальной ответственности личности, которая может выбрать путь постоянного самосовершенствования или добровольно отказаться от дальнейшего развития. Невозможно не согласиться с Д. А. Леонтьевым в том, что далеко не каждый человек в период взрослости имеет индивидуальные цели развития, индивидуальную ситуацию развития; таким образом, личностное развитие, саморазвитие в период взрослости могут практически не осуществляться.

Итак, мы полагаем, что сам факт возможности человека строить самого себя не означает, что каждый этой возможностью воспользуется. Следовательно, перед нами встает не только проблема ресурсных, процессуальных, технологических аспектов субъектности личности в плане собственного развития, но и проблема ответственности личности за его осуществление, его результаты, по сути, экзистенциальная ответственность как ответственность за свое подлинное бытие, свой рост в соответствии с осмыслением внешней и внутренней действительности.

Таким образом, саморазвитие рассматривается нами как форма экзистенциальной ответственности личности в соотношении с идеей о подлинности ее бытия. Этот вопрос имеет давнюю традицию исследования как в философии, так и в психологии. Гуманитарное знание предоставляет широкий спектр точек зрения на критерии подлинности бытия. Должна ли личность, обладающая определенными потенциалами, стремиться в результате их реализации к некому завершению или такого рода завершение будет означать конец личностного развития? Смысл личностного развития в том, чтобы соответствовать неким социокультурным критериям, или в том, чтобы идти принципиально своим путем? За непрестанное развитие человека отвечает общество, от его специфики зависит: развивается ли личность или принципиально ответственность за саморазвитие лежит на самом человеке – если для него эта идея значима, то он будет осуществлять ее в любом социальном контексте? С одной стороны, в рамках целого ряда психологических теорий дается совершенно однозначный ответ о существовании двух типов выстраивания человеком жизненного пути, которые в целом сводятся к типам, описанным Э. Фроммом – стратегии бытия и обладания. Вместе с тем в момент, когда такого рода теоретическая модель прилагается к реальной жизни, оказывается, что целый ряд жизненных ситуаций, примеров в нее не вписывается. Скорее, разные примеры жизненных стратегий можно расположить в континууме, на одном полюсе которого все действия человека будут определяться стратегией «иметь», а на другом – стратегией «быть». Между полюсами будут располагаться бесконечные частные случаи конкретных людей, представляющие собой разные сочетания этих стратегий в самых разных областях жизнедеятельности. Перед нами встает вопрос, какие именно элементы социальной ситуации развития, какие внешние и внутренние факторы, специфические личностные черты ведут к появлению того или иного индивидуального варианта жизненной стратегии личности в плане саморазвития.

Целый ряд исследователей рассматривает самоактуализацию личности как ее базовое стремление, а самоосуществление – как процессуальный контекст самоактуализации (А. Маслоу; Э. В. Галажинский, Л. А. Коростылева и др.); к самоосуществлению логично добавить и саморазвитие, поскольку осознанное самоизменение, вероятно, выступает одним из деятельностных контекстов самоактуализации. Е. Ф. Яценко обращает внимание на такие значимые черты саморазвития, как трансцендирование личности за собственные пределы, приобретение ею целостности, обеспечение в ходе истинного саморазвития подлинности бытия человека – в соответствии с его потенциалами, стремлениями, ценностями и смыслами [13]. Возникает некоторое противопоставление между личностью как результатом интериоризации неких социальных рамок, когда рамки ограничивают человека уже не извне, а изнутри, и подлинным бытием человека без социальных, как бы навязанных рамок, но с выстроенными самим человеком внутри самого себя рамками (нравственными императивами, личной религией (Б. С. Братусь), ценностями и смыслами – не

принципиально, как эти внутренние, порожденные самой личностью границы назвать – здесь важна не дискурсивная, а смысловая характеристика затронутого феномена). Саморазвитие в таком случае будет представлять собой культивирование истинного, подлинного бытия личности, по словам А. В. Серого, определяющего «отношение человека к себе, как субъекту жизни, за которую он принимает и несет ответственность» [8], соответственно, выступать формой экзистенциальной ответственности личности.

Анализ саморазвития в соотношении с тремя экзистенциалами человеческого существования – духовностью, свободой и ответственностью – показал, что его сущность может быть понята следующим образом. Человек становится уникальной смысловой вселенной лишь в том случае, если он выходит за пределы биологического и социального существования (*свобода*). *Ответственность* представляет собой управление этими выходами за пределы – они должны быть направлены на благо и самого человека, и окружающих людей, и человеческого сообщества в целом. На пересечении свободы и ответственности рождается *духовность*. Формирование системы нравственных ориентиров является одной из важнейших задач осознанного самоизменения личности. Посредством деяний индивидуальность осуществляет личные вклады в культуру (А. В. Петровский, В. А. Петровский), неся, таким образом, ответственность и за характер своего бытия, и за содержание культуры в целом.

П. Тиллих пишет: «Человек старается актуализировать все свои потенции, а эти потенции неисчерпаемы. Человек призван сформировать свой мир и самого себя в соответствии с данными ему созидательными силами. Само-бытие созидательно по своей сути» [10]. Здесь Тиллих исходит из положения о том, что саморазвитие всегда созидательно, при этом абсолютная позитивность его результатов требует серьезных размышлений, ведь приложение этой модели к реальной жизни снова показывает относительность такого теоретического построения. Что, если человек понимает подлинность своего бытия неким образом, противоречащим видению другого человека, даже общества в целом? Может ли быть, что у этого человека представления «более подлинны», чем у общества? Каким будет решение задачи о соотношении мнения меньшинства и большинства в самых разных реальных случаях? Вопрос, безусловно, требует рассмотрения.

Самодетерминационная природа личности, по мнению исследователей, в первую очередь связана со свободой и ответственностью. Личность в ответе за то, как она существует и существует ли вообще. Выбор осознанного, целенаправленного существования автоматически накладывает на личность ответственность за совершаемые (или не совершаемые) действия, поступки.

Человечество на протяжении поколений продвигалось к идее экзистенциальной ответственности. Долгое время ответственность за бытие возлагалась на некие высшие силы (божество, природа, судьба и др.). С одной стороны, это ограничивало человека, с другой стороны – снимало с него груз необходимости

принимать те или иные смысложизненные решения. Во многих религиях человеку запрещено распоряжаться собственной жизнью и смертью, существуют предписания по поводу того, как принимать решения в самых разнообразных ситуациях. В современном мире, с одной стороны, существуют такие явления, как суицид, прерывание беременности, эвтаназия, экстракорпоральное оплодотворение (ребенок может родиться у двух женщин или двух мужчин, состоящих в однополном браке), когда человек распоряжается самой жизнью – своей или другого человека; с другой стороны, есть и ситуации отказа от права принимать жизненно важные решения (конформизм, уход в секту, социальная пассивность и др.). В обществе, признающем ценность самосовершенствования, саморазвития, закладывающем эту ценность, например, в основу образовательных систем, многие его представители добровольно отказываются от идеи непрерывного развития, выбирая стратегию обладания. В ряде случаев можно говорить о псевдосаморазвитии, когда человек усиленно работает над собой не потому, что это его внутренняя необходимость, а потому, что это является средством реализации стратегии "иметь" (например, модно знать языки, заниматься спортом, положено иметь диплом об образовании, участвовать в меценатстве и др.). Из практики: на курсах повышения квалификации всегда есть слушатели, которым приходится их посещать (предстоит аттестация, так предписано), и люди, которые чувствуют дефицит знаний, хотя совершенствоваться. В самых разных профессиональных коллективах, внедряющих инновации, всегда есть консерваторы, которым приходится "во всем этом участвовать", и новаторы, которые экспериментировали бы и в том случае, если бы учреждение не вступило на путь инновирования.

Мы полагаем, что если осознанное самоизменение, саморазвитие соответствует ответственному отношению личности к своему бытию, то отказ от развития, самореализации можно условно обозначить как «экзистенциальный суицид» – форму экзистенциальной безответственности, игнорирование неподлинности бытия, конформности его характера. Такой случай С. Л. Рубинштейн описывает как умирание личности до физической смерти человека – ее носителя.

Безусловно, важно обратиться к вопросу о том, какие факторы определяют принятие или непринятие личностью на себя ответственности за собственное развитие. Генетически первым проявляет свое действие социальный фактор – фактор социального окружения, фактор культуры, традиций, ценностей, в пространстве которых формируется и развивается личность. В целом ряде исследований показано, как воспитание инициативности, активности ребенка родителями влияет на его отношение к собственной активности, в том числе, к развитию. Е. Р. Калитеевская, Д. А. Леонтьев в исследовании, посвященном связи стиля родительского воспитания и черт, связанных с самодетерминацией личности, показывают, что кроме всего прочего локус контроля (косвенно связанный с ответственностью) на высоком уровне достоверности связан с воспитательным стилем: только стиль, основанный на принятии, позволяет заложиться будущей

автономности личности, в том числе и в плане собственного развития [2].

С одной стороны, логично предположить, что любя личность как автономная система стремится уйти от давления смыслов, заложенных в социокультурном контексте, сохранить свою индивидуальность. С другой стороны, как показывает реальная жизнь, многим людям психологически, да и в других планах, гораздо комфортнее существовать в понятной реальности, где все определено, нет полутонов, неочевидностей, не ощущается напряжение, определяющее характер самореализации личности [1]. Смещение такой ясной смысловой разметки мира может вызывать у человека дискомфорт, поскольку наше сознание всегда стремится сделать непонятное понятным, неизвестность пугает. Если у человека, существующего в просторном, понятном пространстве присутствуют доказательства его состоятельности, завершенности (стратегия обладания, по Э. Фромму), то ощущение неподлинности бытия, его внешней детерминированности может быть притуплено или вовсе отсутствовать. Необходимость делать выбор может быть мучительной для такого человека, в этом случае он будет осуществлять поиск некой инстанции, на которую этот выбор можно переложить (религия, мода, общественное мнение и мн. др.). Вместе с тем для личности, стремящейся к подлинному бытию, в частности, к саморазвитию, мучительным является отсутствие альтернативы, невозможность сделать собственный, внутренне детерминированный выбор. Такие люди ощущают себя некомфортно в пространстве абсолютов, однозначной смысловой разметки, некой смысловой линейности.

На наш взгляд, комфортность/некомфортность в пространстве альтернатив закладывается для личности еще на этапе первичной социализации такими социальными институтами, как семья, образовательные учреждения, религия, мода и др. В процессе социализации закладываются черты личности, значимые для ее саморазвития, закладывается психологическая база для ответа на главный вопрос: будет ли человек ответственен за собственное развитие или альтернативы в данном плане будут для него мучительны?

Наряду с социальными факторами существенное, а на этапе зрелости определяющее влияние на субъектность личности в плане саморазвития оказывают внутренние факторы, черты личности как системы.

Безусловно, саморазвитие личности тесным образом связано с ее рефлексивной работой, дающей возможность увидеть разнообразные альтернативы развития. Вместе с тем только рефлексивного компонента недостаточно: личность может быть способна увидеть новые пути развития, при этом важно, пойдет ли она по одному из них. Осмысление жизни должно стать основой жизнетворчества (Д. А. Леонтьев). Рефлексия в совокупности с мировоззренческой активностью, связанной, кроме всего прочего, со стремлением человека по всякому поводу иметь собственное мнение, также выступают формами бытийной ответственности.

В. Г. Кротов в предисловии к книге А. Локтева «Конденсат смысла» пишет: «Если человек соберет

вместе свои понимания важных для него вещей, свои определения для них, получится словарь его мировосприятия. Не так важно, велик или мал будет такой словарь. Важно, что он является сгустком отношения к миру. Конденсатом смысла. Для получения такого конденсата основным технологическим условием является творческая жизнь» [6]. Творческая жизнь должна быть связана с креативностью выстраивания жизненного пути, социально-ролевым экспериментированием, когда личность не просто комфортно чувствует себя в пространстве альтернатив, она сама его создает.

Свобода характеризуется через самоопределение человека по отношению к границам своих виртуальных возможностей на основе рефлексии этих границ. Ценность процесса саморазвития, вообще, продвижения личности в данном направлении влечет за собой поисковую активность, основанную на рефлексивной, смыслопорождающей работе, самотрансценденции, поскольку изменение себя требует способности личности покинуть актуальный уровень развития и продвигаться к некому на данный момент не существующему, но предпочитаемому личностью образу самой себя. Чем более человек погружен в это иное, предпочитаемое, «тем в большей степени он является человеком и тем в большей степени он становится самим собой» [11, с. 29].

Саморазвитие, безусловно, представляет собой одну из форм самотрансценденции. С выходом субъекта за пределы текущего жизненного опыта связана концепция «зазоров дышащего опыта» (В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили). Только при условии открытости личности выходам за пределы потока жизненного опыта, предполагают авторы концепции, может быть получен совершенно новый опыт. Экзистенциальная ответственность заключается в том, чтобы не избегать таких зазоров, не защищаться от них, а искать или даже осознанно создавать их.

Для саморазвития как стремления к воплощению сущности человека стабильная смысловая разметка, созданная на ранних этапах социализации, должна быть смещена, дестабилизирована. Для движения вперед нужна вероятность, неопределенность, свобода от жесткой детерминированности.

Ситуация неопределенности может осмысливаться личностью как точка роста, как возможность управлять жизнью на основе новых алгоритмов. Сама по себе ситуация смысловой неочевидности становится точкой бифуркации, когда человек может ориентироваться на адаптивную стратегию, но может и начать искать новые решения. В основе выбора, на наш взгляд, лежит смысловое ядро личности, общие представления человека об управляемости жизни.

Говоря о других внутренних критериях формирования саморазвития как экзистенциальной ответственности, помимо рефлексивности, инициативности как некой свободы, нужно сказать и об ответственности как саморегуляционном ресурсе. Возможно, экзистенциальная ответственность вырастает из ответственности как личностного (волевого) качества. Таким образом, мы выходим на проблему конкретных эмпирических критериев, позволяющих «измерить» нацеленность на саморазвитие, ответственность за него

личности. Исследование такого рода критериев может одновременно стать основой практических подходов к созданию деятельностных контекстов (творческих, образовательных, профессиональных и др.), выступающих

оптимальными для реализации экзистенциальной ответственности личности в форме осознанного и целенаправленного саморазвития.

Литература

1. Иванов М. С., Яницкий М. С. Модель напряжений самореализации и ее эмпирическая валидизация // Сибирский психологический журнал. 2007. № 25. С. 20 – 28.
2. Калитевская Е. Р., Леонтьев Д. А. Пути становления самодетерминации личности в подростковом возрасте // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 49 – 55.
3. Купченко В. Е. Особенности характеристик жизненного пути у лиц с различным типом ответственности: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.01. Омск, 2004. 180 с.
4. Леонтьев Д. А. Личностное измерение человеческого развития // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 67 – 80.
5. Логинова И. О. Жизненное самоосуществление человека: системно-антропологический контекст: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2010. 42 с.
6. Локтев А. Конденсат смысла. М.: Путь, 1999. 68 с.
7. Лукьянов О. В. Самоидентичность как условие устойчивости человека в меняющемся мире: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Томск, 2009. 43 с.
8. Серый А. В. Структурно-содержательные характеристики системы личностных смыслов // Сибирская психология сегодня: сб. науч. тр. Вып. 2. Кемерово, 2004. С. 4 – 13.
9. Серый А. В., Яницкий М. С. Ценностно-смысловая парадигма как методологическая основа оценки и прогнозирования развития личности: монография // Личностное развитие: прогностические модели, факторы, вариативность. Томск: ТГПУ, 2008. С. 71 – 93.
10. Тиллих П. Мужество быть / пер. Т. И. Вевюрко // Избранное. N.Y., 1952
11. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 210 с.
12. Четошников Е. В. Эмоционально-ценностные основания рефлексивной оценки жизненного самоосуществления: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Томск, 2008. 23 с.
13. Яценко Е. Ф. Ценностно-смысловая концепция самоактуализации: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ярославль, 2006. 48 с.

Информация об авторе:

Фризен Марина Александровна – кандидат психологических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего кафедрой теоретической и прикладной психологии КамГУ им. Витуса Беринга, frizenm@yandex.ru.

Marina A. Frizen – Candidate of Psychology, Associate Professor, Acting Head of the Department of Theoretical and Applied Psychology, Vitus Bering Kamchatka State University.

Статья поступила в редколлегию 16.07.2014 г.

ФИЗИКА

УДК 537.311.33

ВКЛАД РЕЗОНАНСНОГО РАССЕЯНИЯ КВАЗИДВУХ- И ТРЕХМЕРНЫХ НОСИТЕЛЕЙ ЗАРЯДА В УШИРЕНИЕ КРИВОЙ КЛАССИЧЕСКОГО ЦИКЛОТРОННОГО РЕЗОНАНСА

Т. Т. Муратов

CONTRIBUTION OF RESONANCE SCATTERING OF QUASI-TWO- AND THREE-DIMENSIONAL MOBILE CARRIERS TO DISSIPATION OF CLASSICAL CYCLOTRON RESONANCE CURVE

T. T. Muratov

Получены асимптотические формулы для уширения кривой поглощения классического циклотронного резонанса (ЦР) в условиях резонансного рассеяния электронов на атомах примеси. Расчеты проведены с учетом распределения Максвелла. Оценки показывают, что возможный виртуальный уровень ($\sim 0,4$ мэВ) в квазидвухмерных полупроводниках на порядок меньше чем в объемных (порядка мэВ), это указывает на то, что область температур соответствующих резонансному рассеянию электронов в квазидвухмерных полупроводниках менее 1 К. 2D полуширина линии поглощения достигает максимума при 0,2 К. Зафиксирована температурная щель ($0,2 \div 0,62$) К в спектре поглощения, это указывает на то, что более совершенная теория уширения требует учета рассеяния электронов на приповерхностных акустических фононах, 2D ионах примеси и квантовых поправок.

Asymptotic formulas are received for dissipation of absorption curve of classical cyclotron resonance (CR) in the conditions of the resonance scattering of electrons on atomic impurities. The calculations were done with provision for Maxwell's distribution. The estimations show that possible virtual level ($\sim 0,4$ meV) in quasi-two-dimensional semiconductors is significantly lower than in three-dimensional (of meV scale), which indicates that the range of temperatures corresponding to resonance scattering of electrons in quasi-two-dimensional semiconductors is less than 1 K. 2D middle-width of the dissipation absorption curve reaches its maximum at 0,2 K. The temperature slot of ($0,2 \div 0,62$) K was observed in the spectrum of absorption, which indicates that the more developed dissipation theory requires the account of scattering of electrons on surface acoustic phonons, 2D impurity ions and quantum adjustments to electron conductivity.

Ключевые слова: циклотронный резонанс, уширение, резонансное рассеяние, асимптотические формулы.

Keywords: cyclotron resonance, dissipation, resonance scattering, asymptotic formulas.

Введение

При очень низких ($T < 10$ К) температурах в полупроводниках часто реализуются условия, когда основным механизмом рассеяния свободных электронов (дырок) становится рассеяние на нейтральных атомах примеси. Мелкая примесь имеет целый спектр возбужденных S — состояний и если один отщепленный S — уровень примыкает к дну зоны проводимости E_C , то возможно резонансное рассеяние носителей тока [1]. В принципе это позволяет заменить атом мелкой примеси некоторым модельным потенциалом. Для объемных полупроводников таким модельным потенциалом может быть сферическая прямоугольная потенциальная яма, для квазидвухмерных — круговая прямоугольная яма.

S -резонансный уровень, локализованный вблизи E_C , оказывает существенное влияние на процессы переноса энергии и заряда носителями при различных внешних условиях [2], например, при наличии слабого магнитного поля электронная проводимость невырожденного полупроводника достигает максимума ($T > 1$ К, $N \sim 200$ Э), причем слабое H — поле учитывается своеобразно — как приращение радиуса резонансного центра [3]. Подход, развитый в работе [3],

в принципе позволяет исследовать влияние резонансного рассеяния носителей тока на электронные явления переноса и при условиях классического предела циклотронного резонанса (ЦР). Однако в работах [2; 3] S — резонансный уровень строго фиксирован и имеет статичный характер, что затрудняет зондирование резонансных глубин в условиях классического ЦР. Эта трудность устранена в работе [4], в которой получены формулы для полуширины кривой поглощения ЦР, причем они выражены через длину рассеяния и, следовательно, справедливы для произвольного потенциала примеси конечного радиуса действия. Формулы для времени релаксации также выражены через длины 2- и 3D рассеяния.

В невырожденных полупроводниках длина волны электрона $\lambda \sim 1/\sqrt{T}$ и при сверхнизких температурах существенны квантово-статистические поправки. В той области температур соответствующих резонансным глубинам примесного потенциала можно конечно ограничиться квазиклассическим рассмотрением, но и здесь следует учесть статистику. Дело в том, что время релаксации τ есть среднее время свободного пробега, т. е. время между двумя актами рассеяния. Оно определяется длиной свободного пробега и полной скоростью электрона.

трона, но не скоростью дрейфа в магнитном поле. Полная скорость зависит от E — кинетической энергии электрона. Тем самым $\tau = \tau(E)$. Эта зависимость усложняется в том случае, когда длина свободного пробега также зависит от E . Поэтому для нахождения $\delta\omega = |\omega - \omega_c|$ — уширения линии ЦР, как и множества других параметров, необходимо усреднять как $\tau(E)$, так и $1/\tau(E)$, а также и другие величины с учетом функции распределения электронов по энергии. Однако в работе [4] время релаксации, а вслед за этим и полуширина линии поглощения

$$\delta\omega = 1/\tau_{2d,3d}(E) \text{ лишь оцениваются харак-}$$

терным параметром $\tilde{k} = \frac{\sqrt{2m^*k_B T}}{\hbar}$ (m^* — эффективная масса электрона). Такой подход на наш взгляд является не вполне корректным и требует проведения более детального расчета.

Как следует из классической статистики, нет необходимости, чтобы энергия электрона была близка к резонансному уровню модельного потенциала. Игнорирование этого факта может привести к неверным выводам. Вывод о том что $\delta\omega_{3d} \sim T^{-1/2}$ [4], сомнителен и требует тщательного анализа. Замена волнового числа тепловым параметром не позволяет учесть более быстрые и более медленные электроны, а ведь именно они формируют хвост распределения Максвелла в области очень низких и высоких температур. Представление о невзаимодействующих электронах также крайне упрощенное [4]. При таком подходе утрачивает сам смысл перераспределения энергии между степенями свободы при различных механизмах рассеяния носителей.

В предлагаемой работе производится расчет полуширины кривой поглощения при резонансном рассеянии электронов на 2- и 3D — примесях путем усреднения с максвелловским весом. Получаются точные аналитические (асимптотические) формулы для электропроводности 2- и 3D полупроводников. Формулы выражены через вариацию ΔU глубины ямы. Частота внешнего электрического поля весьма близка к циклотронной частоте, так что влияние нейтральных примесей, ионов примеси и акустических фононов сводится как правило к нарушению (размытию) спектра поглощения, т. е. как если бы не было заряженных и нейтральных примесей, фононов и т. д., то и не было бы уширения. Ясно, что в рамках вычислений, проводимых с использованием формулы Эргинсона [5], нельзя получить формулу для уширения ($\tau = \text{const}$). Рассматривается область ультранизких температур, где существенны квантовые поправки.

Расчет асимптотики уширения линии циклотронного резонанса

Циклотронный резонанс имеет простой физический смысл. Электрон в $\mathbf{H}$ — поле движется по окружности с циклотронной частотой ω_c . Если в плоскости этой окружности включить электрическое поле, причем изме-

нять его направление так, чтобы оно совпадало с направлением движения электрона, то электрон все время будет забирать энергию от поля. В этом случае, как и при движении в постоянном $\mathbf{E}$ — поле, электрон ускоряется до тех пор, пока не столкнется с атомом примеси. Поэтому в обоих случаях частота соударения электрона с атомом порядка $1/\tau$. Если $\omega \neq \omega_c$, т. е. оптимальные условия резонанса с полем не выполняются, проводимость значительно ниже. При точном резонансе с полем проводимость достигает статического режима. Именно в этом режиме существенно влияние резонансного рассеяния носителей на электропроводность. Электроны, выбывшие из резонанса с $\mathbf{E}_{\text{res}}$ — полем, уже резонируют на примесных атомах.

Рассмотрим 2- и 3D — полупроводник, находящийся в скрещенных однородном магнитном $\mathbf{H}$ и резонансном электрическом поле

$$\mathbf{E}(t) = \mathbf{E}_0(t) \exp(i\omega t).$$

Пусть невырожденный газ слабовзаимодействующих между собой электронов рассеивается на хаотически расположенных нейтральных центрах в условиях классического ЦР. Концентрацию примесей считаем малой, т. е. одновременное рассеяние носителей на двух и более центрах не учитываем, что соответствует обычному газовому приближению [6]. Амплитуды и сечения резонансного 2- и 3D — рассеяния медленного электрона ($kr \ll 1$) определяются стандартно [7, с. 638 — 639]:

$$f_{2d}^{m=0}(k) = -\sqrt{\frac{\pi}{2k}} \frac{1}{\ln\left(\frac{2i}{\gamma k a_{2d}}\right)},$$

$$\sigma_{2d}(k) = 2\pi \left| f_{2d}^{m=0}(k) \right|^2 = \frac{\pi^2}{k} \frac{1}{\frac{\pi^2}{4} + \ln^2 \frac{2}{\gamma k a_{2d}}}, \quad (1)$$

$$f_{3d}^{l=0}(k) = -\frac{1}{ik + \frac{1}{a_{3d}}},$$

$$\sigma_{3d}(k) = 4\pi \left| f_{3d}^{l=0}(k) \right|^2 = \frac{4\pi}{k^2 + (1/a_{3d})^2}. \quad (2)$$

Здесь $\gamma = e^C$, C — постоянная Эйлера,

$k = \sqrt{2m^*E}/\hbar$, a_{2d} и a_{3d} — длины двух- и

трехмерного рассеяния. В области температур соответствующих резонансным глубинам: $a_{2d}^{\text{res}} = r_0 \times$

$$\times \exp\left(-\frac{2U_0}{\Delta U}\right), \quad a_{3d}^{\text{res}} = r_0 \frac{2U_0}{\Delta U}$$

(это и есть размеры волновых функции резонансных уровней) [4], где r_0 – радиус 2- и 3D модельного потенциала примеси,

$$U_0 = U_{\min} = \frac{\hbar^2}{2m^*r_0^2}; \quad \Delta U \Rightarrow = U - U_{\text{res}} -$$

расстройка потенциала от U_{res} , U – глубина сфери-

ческой (или круговой) ямы. Если $\Delta U > 0$, рассеяние происходит на резонансном уровне, при $\Delta U < 0$ – на виртуальном уровне.

Тогда на основе формул (1) и (2) для полуширины линии поглощения $\delta\omega \Rightarrow = |\omega - \omega_c| \ll \omega_c$ имеем:

$$\begin{aligned} \langle \delta\omega(k) \rangle_{3d} &= \left\langle \frac{1}{\tau_{3d}(k)} \right\rangle = \frac{n_i^{3d} \hbar}{m^*} \langle k \sigma_{3d}^{\text{tr}}(k) \rangle = \frac{n_i^{3d} \hbar}{m^*} \cdot \left\langle \frac{4\pi \sqrt{2m^*E}}{\left(\frac{\sqrt{2m^*E}}{\hbar} \right)^2 + \left(\frac{\Delta U}{r_0 2U_0} \right)^2} \right\rangle_E \Rightarrow \\ &\Rightarrow \left[\varepsilon_{3d} = \frac{(\Delta U)^2}{4U_0} \right] = \frac{2\sqrt{2}\pi \hbar^2 n_i^{3d}}{(m^*)^{3/2}} \left\langle \frac{\sqrt{E}}{E + \varepsilon_{3d}} \right\rangle \Rightarrow \\ &= \frac{2\sqrt{2}\pi \hbar^2 n_i^{3d}}{(m^*)^{3/2}} \frac{\int_0^\infty \frac{E^2}{E + \varepsilon_{3d}} \exp\left(-\frac{E}{k_B T}\right) dE}{\int_0^\infty E \exp\left(-\frac{E}{k_B T}\right) \sqrt{E} dE} = \frac{2\sqrt{2}\pi \hbar^2 n_i^{3d}}{(m^*)^{3/2}} \frac{4}{3\sqrt{\pi} \sqrt{k_B T}} \times \\ &\times \int_0^\infty \frac{x^2 \exp(-x)}{x + \varepsilon_0} dx = \frac{8\sqrt{2}\pi \hbar^2 n_i^{3d}}{3(m^*)^{3/2}} \frac{1}{\sqrt{k_B T}} [1 - \varepsilon_0 L(\varepsilon_0)]. \end{aligned} \quad (3)$$

Здесь n_i^{3d} – концентрация атомов примеси, обычно $n_i^{3d} \approx 2 \times 10^{15} \text{ см}^{-3}$, $\varepsilon_0 = \varepsilon_{3d} / k_B T$,

k_B – константа Больцмана.

$$L(\varepsilon_0) = 1 - \varepsilon_0 \exp(\varepsilon_0) [-\text{Ei}(-\varepsilon_0)],$$

$$\text{Ei}(-\varepsilon_0) = - \int_0^\infty \frac{\exp(-x)}{x} dx.$$

Пользуясь разложением в ряд и асимптотическим выражением для $\text{Ei}(-\varepsilon_0)$ можно показать, что [1]

$$L(\varepsilon_0) \approx 1/\varepsilon_0 - 2/\varepsilon_0^2 + \dots \quad (\varepsilon_0 \gg 1), \quad (4)$$

$$L(\varepsilon_0) \approx 1 + \varepsilon_0 \ln \varepsilon_0 + \dots \quad (\varepsilon_0 \ll 1). \quad (5)$$

Подставляя (4) и (5) в точную формулу (3) получаем предельные формулы:

$$\begin{aligned} \langle \delta\omega(k) \rangle_{T \rightarrow 0}^{3d} &\approx \\ &\approx \frac{8\sqrt{2}\pi \hbar^2 n_i^{3d}}{3(m^*)^{3/2}} \frac{1}{\sqrt{k_B T}} \frac{2k_B T}{\varepsilon_{3d}} \sim \sqrt{T}, \end{aligned} \quad (6)$$

$$\langle \delta\omega(k) \rangle_{T \rightarrow 0}^{3d} \sim (\Delta U)^{-2}, \quad (6a)$$

$$\begin{aligned} \langle \delta\omega(k) \rangle_{T \rightarrow \infty}^{3d} &\approx \\ &\approx \frac{8\sqrt{2}\pi \hbar^2 n_i^{3d}}{3(m^*)^{3/2}} \frac{1}{\sqrt{k_B T}} \sim 1/\sqrt{T}. \end{aligned} \quad (7)$$

Как и следовало ожидать в области «высоких температур» ($\varepsilon_0 \ll 1$), влияние резонансных центров на уширение кривой поглощения ЦР исчезающе мало.

Следует отметить, что под «высокими температурами» мы здесь понимаем область выше области температур соответствующих резонансным глубинам. Таким образом, профиль полуширины линии поглощения: $\langle \delta\omega \rangle_{T \rightarrow 0} \sim T^{1/2}$. Эту асимптотику можно

интерпретировать так: кривая поглощения резонансно уширяется за счет слишком «быстрых» или слишком «медленных» электронов из-за распределения Максвелла. Из (6) следует, что окрестность абсолютного нуля идеально соответствует ЦР. Именно из-за распределения Максвелла и учета слабого взаимодействия между электронами не происходит разогрева электронов. Они успевают резонировать, т.е. выбывать из резонанса только путем рассеяния друг на друге, до нарушения закона Ома. Ясно, что в промежутке между двумя ветвями:

$$\langle \delta\omega(k) \rangle_{T \rightarrow 0}^{3d} \sim \sqrt{T} \quad \text{и}$$

$$\langle \delta\omega(k) \rangle_{T \rightarrow \infty}^{3d} \sim 1/\sqrt{T} \quad \text{где-то должен быть мак-}$$

симум, в противном случае мы просто не получим кривую, характерную для ЦР (рис. 1). В области температур $T \geq 100$ К начинает также давать вклад рассеяние на акустических фононах $\langle \delta \omega \rangle_{AL} \sim T^{3/2}$ [1], также начиная с $T \geq 30$ К необходим учет рассеяния на ионах примеси, так что полное уширение:

$$\langle \delta \omega(k) \rangle_{3d} = \sum_i \left\langle \frac{1}{\tau_i} \right\rangle_E = \sum_i \left\langle \frac{1}{\tau_i(E)} \right\rangle = \frac{1}{\tau_N} + \frac{1}{\tau_{AL}} + \frac{1}{\tau_I} + \dots$$

Здесь следует уточнить, что подразумевается под слагаемыми: первый член соответствует уширению за счет остатка резонансного рассеяния на нейтральных примесях (асимптотика (7)), второй – за счет рассеяния на акустических фононах, третий обусловлен ионами примеси. При очень низких температурах достаточно ограничиться (в нашем случае) резонансным рассеянием электронов.

Учет акустических фононов (в рамках модели деформационного потенциала) вблизи абсолютного нуля не имеет смысла, так как формула для длины свободного пробега $l_{AL} = A/k_B T$ [1] при температурах близких к абсолютному нулю неприменима. Соответствующий расчет [6] дает для $\langle \delta \omega(k) \rangle_I$ две ветви:

асимптотика (7):

$$\langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow \infty}^{3d} \sim c_1 T^{-1/2} + c_2 T^{3/2} + c_3 T^{-3/2}, \quad (7a)$$

$$\langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow \infty}^{3d} \sim c_1 T^{-1/2} + c_2 T^{3/2} + c_3 T^{1/2}. \quad (7b)$$

Оценки показывают, что 3D уширение линии можно наблюдать в ИК диапазоне частот (субмиллиметровый диапазон, $T_{\max} \approx 6$ К).

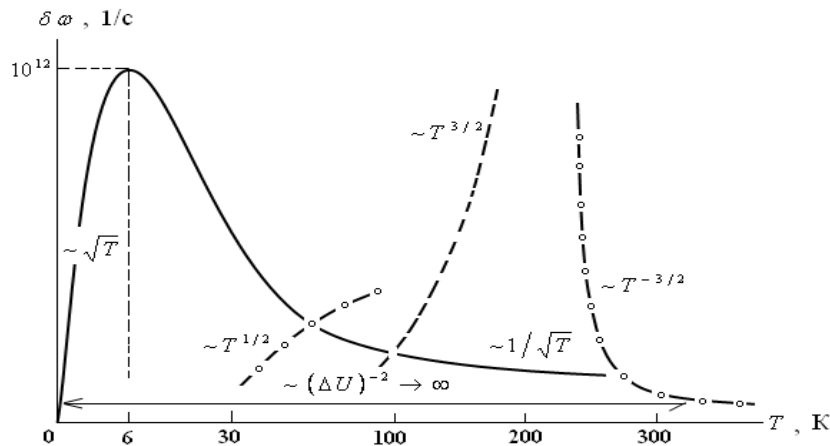

Рис. 1. Температурный ход полуширины линии поглощения ЦР при различных механизмах рассеяния. Сплошной кривой соответствует резонансное рассеяние на нейтральных примесях, штрихам и кружочкам соответственно рассеяние на тепловых колебаниях решетки и на ионах примеси

В двумерном случае (q2D)

$$\begin{aligned} \langle \delta \omega(k) \rangle_{2d} &= \left\langle \frac{1}{\tau_{2d}(k)} \right\rangle = \frac{n_i^{2d} \hbar}{m^*} \langle k \sigma_{2d}^{tr}(k) \rangle = \frac{n_i^{2d} \hbar}{m^*} \left\langle k \frac{\pi^2}{k} \frac{1}{\frac{\pi^2}{4} + \ln^2 \frac{2}{\gamma k a_{2d}}} \right\rangle_E \Rightarrow \\ &= \frac{n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \left\langle \frac{1}{\frac{\pi^2}{4} + \ln^2 \frac{2}{\gamma k a_{2d}}} \right\rangle = \frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \frac{1}{(k_B T)^2} \int_0^\infty \frac{E \exp(-E/k_B T) dE}{\pi^2 + \ln^2 \left(\gamma^2 m^* a_{2d}^{\text{res}2} E / 2 \hbar^2 \right)} \Rightarrow \\ &\Rightarrow \left[\varepsilon_{2d} = \frac{2 \hbar^2 \exp(4U_0/\Delta U)}{\gamma^2 m^* r_0^2} \right] = \frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \frac{1}{(k_B T)^2} \int_0^\infty \frac{E \exp(-E/k_B T) dE}{\pi^2 + \ln^2(E/\varepsilon_{2d})}. \quad (8) \end{aligned}$$

Здесь E — энергия движения в плоскости (ρ, φ) , n_i^{2d} — поверхностная концентрация примесей, обычно $n_i^{2d} \approx 2 \times 10^{13} \text{ см}^{-2}$. В формуле (8) под ε_{2d} подразумевается эффективный виртуальный и/или резонансный уровень в зависимости от знака расстройки потенциала. Интеграл в (8) выражается через специальные функции [8, с. 588]:

$$\langle \delta \omega(k) \rangle_{2d} = \frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \left(\frac{\varepsilon_{2d}}{k_B T} \right)^2 \cdot \left[\exp \left(\frac{\varepsilon_{2d}}{k_B T} \right) - \nu'' \left(\frac{\varepsilon_{2d}}{k_B T} \right) \right], \quad (9)$$

$$\text{где } \nu(\mu) = \int_0^\infty \frac{\mu^x dx}{\Gamma(x+1)}.$$

Исследуем наиболее крайний и интересный случай — уширение в окрестности абсолютного нуля. Для этого выделим в $\nu''(\mu)$ асимптотическую экспоненту:

$$\begin{aligned} \nu''(\mu) &= \int_0^\infty \frac{\mu^{x-2} dx}{\Gamma(x-1)} = \int_1^\infty \frac{\mu^{x-1} dx}{\Gamma(x)} + \\ &+ \int_0^2 \frac{\mu^{x-2} dx}{\Gamma(x-1)} \sim \exp(\mu) + \int_0^2 \frac{\mu^{x-2} dx}{\Gamma(x-1)}, \\ &(\mu = \frac{\varepsilon_{2d}}{k_B T}; \mu \rightarrow \infty), [9, \text{с. 117}]. \end{aligned}$$

Тогда разность (с учетом множителя μ^2) в формуле (9) равна:

$$\begin{aligned} \int_0^2 \frac{(-\mu^x) dx}{\Gamma(x-1)}, \text{ тогда} \\ \langle \delta \omega(k) \rangle_{2d} \sim \frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \int_0^2 \frac{(-\mu^x) dx}{\Gamma(x-1)}. \end{aligned}$$

Оценку последнего интеграла нетрудно найти, предварительно сведя его к виду $\mu \cdot \int_{-1}^{+1} \frac{(-\mu^x) dx}{\Gamma(x)}$.

Вблизи точки $x = +0$ $\Gamma(x) \sim 1/x$,

$$\left| \frac{1}{\Gamma(x)} \right| \leq 1,$$

тогда

$$\mu \cdot \int_{-1}^{+1} \frac{(-\mu^x) dx}{\Gamma(x)} \sim \left(\frac{\mu}{\ln \mu} \right)^2 (1 - \ln \mu) \sim -\frac{\mu^2}{\ln \mu}$$

(см. приложение 1). Таким образом, асимптотика (оценка) основного уширения:

$$\begin{aligned} \delta \omega_0 &\stackrel{\text{def}}{=} \langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow 0}^{2d} \sim \\ &\sim \frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \left(\frac{\varepsilon_{2d}/k_B T}{\ln(\varepsilon_{2d}/k_B T)} \right)^2 \left(1 - \ln \frac{\varepsilon_{2d}}{k_B T} \right) \Rightarrow \\ &\sim \frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar}{m^*} \frac{(\varepsilon_{2d}/k_B T)^2}{\ln(k_B T / \varepsilon_{2d})}. \end{aligned} \quad (10)$$

Асимптотика (10) требует корректировки: учитывая, что $\varepsilon_{2d} = \frac{2 \hbar^2 \exp(4U_0/\Delta U)}{\gamma^2 m^* r_0^2}$, нетрудно по-

нять, что при $\Delta U > 0$ формула (10) будет при $\Delta U \rightarrow +0$ нарастающей асимптотой, другими словами профиль кривой поглощения при ультранизких температурах за счет рассеяния на резонансном уровне не имеет максимума и монотонно возрастает (или убывает).

Ситуация резко меняется при $\Delta U \rightarrow -0$; под-

$$\text{ставив } \varepsilon_{2d} = \frac{2}{m^*} \left(\frac{\hbar}{r_0 \gamma} \right)^2 \exp(-4U_0/\Delta U)$$

[7, с. 201] в формулу (10), приводим его к виду:

$$\begin{aligned} \langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow 0}^{2d} &\sim \\ &\sim \frac{4 n_i^{2d} \hbar}{m^*} \left(\frac{2\pi}{\gamma} \right)^2 \frac{U_0 \Delta U}{(k_B T)^2} e^{-8U_0/\Delta U} \sim T^{-2}, \\ &(T \geq 0,62 \text{ К}). \end{aligned} \quad (10a)$$

Аналогично для высокотемпературной асимптотики уширения (см. приложение 2):

$$\begin{aligned} \langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow \infty}^{2d} &\sim -\frac{4 n_i^{2d} \pi^2 \hbar \ln \mu + 1}{m^* \ln^2 \mu} \sim \\ &\sim \frac{4 n_i^{2d} \hbar \pi^2}{m^* \ln \mu} \Rightarrow \\ &\sim \frac{4 n_i^{2d} \hbar}{m^*} \frac{\pi^2}{\ln(4U_0/\gamma^2 k_B T) + 4U_0/\Delta U}; \end{aligned} \quad (11)$$

$$\langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow \infty}^{2d} \sim \Delta U \rightarrow +0,$$

$$\mu = \frac{\varepsilon_{2d}}{k_B T}, \quad (\mu \ll 1). \quad (11a)$$

Если формально выделить из (11) $\frac{1}{\ln^2 \mu}$, то приходим к оценке из работы [4]:

$$\langle \delta \omega(k) \rangle_{2d} \sim \frac{4 n_i^{2d} \hbar}{m^*} \left(\frac{\pi}{\ln \mu} \right)^2. \quad (11b)$$

Из асимптотики (11б) следует ограничение на высоту пика уширения:

$$\langle \delta \omega \rangle_{2d}^{\text{нр}} = \frac{4 n_i^{2d} \hbar}{m^*} \Rightarrow \approx 10^{14} \text{ с}^{-1} \text{ (рис. 2)}$$

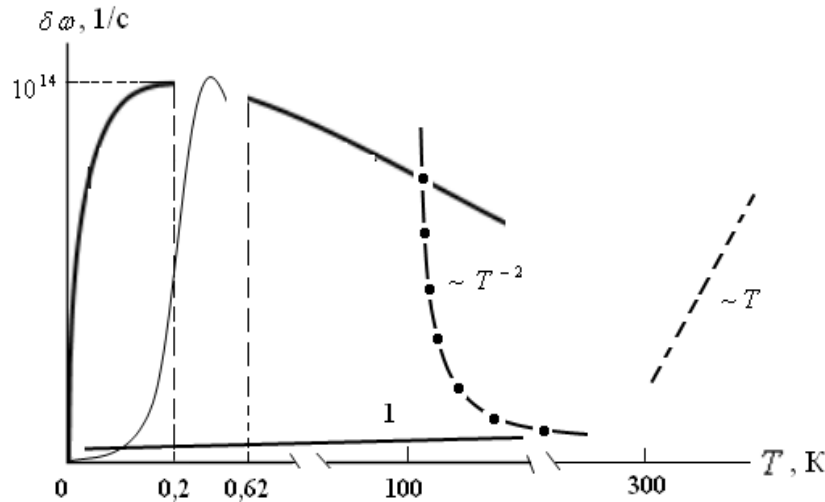

Рис. 2. Температурный ход полуширины линии поглощения ЦР при различных механизмах рассеяния. Сплошной линии соответствует резонансное рассеяние на нейтральных примесях [4], точкам и штрихам соответственно рассеяние на ионах примеси и тепловым колебаниям 2D решетки. Температурная щель (0,2 ÷ 0,62) К – область доминирования поправки (12а)

На основании вышеизложенного целесообразно сделать одно важное замечание: оценка уширения, данная в [4], относится, как теперь выяснилось, к высокотемпературной области; при низких, а тем более ультранизких температурах, надо использовать асимптотику (10а). Ограничение на частотный спектр позволяет при определенном виртуальном не ε_{2d} определить верхний температурный предел (12), а для определения ε_{2d} можно, например, применить методику, развитую в работе [2].

Вблизи абсолютного нуля следует учесть квантовые поправки: переходы с нулевого уровня Ландау на возбужденные уровни приводят к уширению (для короткодействующих потенциалов)

$$\Gamma = \sqrt{\frac{2}{\pi}} \hbar \omega_c \frac{\hbar}{\langle \tau \rangle} - \text{гауссова полуширина}$$

(коэффициент затухания), где $\langle \tau \rangle$ – время релаксации при $\mathbf{H} = 0$,

$$\begin{aligned} \delta \omega_1 &\sim \frac{\Gamma}{\hbar} = \sqrt{\frac{2\omega_c}{\langle \tau \rangle}} \sim \sqrt{2\omega_c \delta \omega_0} \sim \\ &\sim \frac{1}{(k_B T / \varepsilon_{2d}) \sqrt{\ln(k_B T / \varepsilon_{2d})}}. \end{aligned} \quad (12a)$$

Оценка (12а) показывает, что контур уширения типа гауссового (рис. 2) и диффузионное приближение в общем случае здесь не применимо (см. примечание).

(видимый диапазон), соответственно чему предельное уширение налагает снизу ограничение на величину возможного виртуального уровня:

$$\varepsilon_{2d}^{\text{vir}} / k_B T \geq \exp(\pi) = 23,14. \quad (12)$$

Электропроводность и подвижность

На основе формулы (2) получается формула для объемной электронной проводимости в виде:

$$\sigma_{3d} = \frac{4 e^2 n_e \sqrt{m^*}}{3 \sqrt{2} \pi^{3/2} \hbar^2 n_i^{3d}} \frac{(\varepsilon_{3d} + 2 k_B T)}{\sqrt{k_B T}}, \quad (\mu = \sigma / e n). \quad (13)$$

Соответственно асимптотики:

$$\begin{aligned} \sigma_{T \rightarrow 0}^{3d} &\approx \\ &\approx \frac{4 e^2 n_e \sqrt{m^*}}{3 \sqrt{2} \pi^{3/2} \hbar^2 n_i^{3d}} \frac{\varepsilon_{3d}}{\sqrt{k_B T}} \sim T^{-1/2}, \end{aligned} \quad (13a)$$

$$\begin{aligned} \sigma_{T \rightarrow \infty}^{3d} &\approx \\ &\approx \frac{8 e^2 n_e \sqrt{m^*}}{3 \sqrt{2} \pi^{3/2} \hbar^2 n_i^{3d}} \sqrt{k_B T} \sim T^{1/2}. \end{aligned} \quad (13b)$$

Температурная зависимость

$$u = \frac{4 e \sqrt{m^*}}{3 \sqrt{2} \pi^{3/2} \hbar^2 n_i^{3d}} \frac{(\varepsilon_{3d} + 2 k_B T)}{\sqrt{k_B T}} \quad (13)$$

имеет минимум при $T = \varepsilon_{3d} / 2 k_B$. Её значение в этом случае определяется формулой:

$$u_{\min} = \frac{8 e \sqrt{k_B m^*}}{3 \pi^{3/2} \hbar^2 n_i^{3d}} \sqrt{\varepsilon_{3d}}. \quad (14)$$

С учетом того, что $\varepsilon_{3d} = \frac{(\Delta U)^2}{4U_0}$, получим

$u_{\min} \sim |\Delta U|$. Оценим $\Delta U = U - U_{\text{res}}$, где U глубина мелкого донора ($U \sim 10$ мэВ), постоянная U_0 порядка 2 мэВ ($r_0 \sim 40 \text{ \AA}$ для мелкой примеси в Ge [6]), резонансный уровень ε_{3d} порядка мэВ [1; 2],

В квазидвумерной ситуации $\sigma_{2d} = e^2 n_e \frac{\langle \tau_{2d} \rangle}{m^*}$, ($n_e \ll 10^{12} \text{ см}^{-3}$) [10, с. 40]

$$\begin{aligned} \langle \tau_{2d} \rangle &= \frac{m^*}{n_i^{2d} \hbar} \left\langle \frac{(\pi/2)^2 + \ln^2 \left(2/\gamma a_{2d} \sqrt{2m^* E} \right)}{\pi^2} \right\rangle_E = \frac{m^*}{4 n_i^{2d} \hbar} \frac{1}{(k_B T)^2} \times \\ &\times \int_0^\infty \left[1 + \frac{1}{\pi^2} \ln^2 \left(\frac{\gamma^2 m^* E a_{2d}^2}{2 \hbar^2} \right) \right] \exp \left(-\frac{E}{k_B T} \right) E dE \Rightarrow \\ &= \frac{m^*}{4 n_i^{2d} \hbar} \left[1 + \frac{1}{\pi^2} \left(\ln^2 \frac{k_B T}{\varepsilon_{2d}} + 2(1-\gamma) \ln \frac{k_B T}{\varepsilon_{2d}} + (1-\gamma)^2 - \frac{\pi^2 - 6}{6} \right) \right], \\ \mu_{2d} &= \frac{e}{4 n_i^{2d} \hbar} \left[1 + \frac{1}{\pi^2} \left(\ln \frac{k_B T}{\varepsilon_{2d}} + (1-\gamma) \right)^2 - \frac{\pi^2 - 6}{6 \pi^2} \right], \end{aligned} \quad (15)$$

$$\text{при } T \rightarrow 0 \quad u_{2d} \sim u_0 \ln^2 \frac{k_B T}{\varepsilon_{2d}}, \quad u_{2d} \sim (\Delta U)^{-2}. \quad (16)$$

Температурная зависимость подвижности (15) имеет суперслабый минимум при:

$$\begin{aligned} T_{\min} &= \frac{\varepsilon_{2d} \exp[-(1-\gamma)]}{k_B} \approx \frac{2 \varepsilon_{2d}}{3 k_B}, \\ u_{\min} &= \frac{e}{4 n_i^{2d} \hbar} \frac{5 \pi^2 + 6}{6 \pi^2} = 5,33 \times 10^3 \text{ см}^2/\text{В} \cdot \text{с}. \end{aligned} \quad (17)$$

В отличие от объемного случая (14), минимум u_{2d} не зависит от резонансного уровня а, следовательно, и от расстройки потенциала. Это дает возможность манипулировать знаком в экспоненте $\frac{2 \hbar^2 \exp(\pm 4 U_0 / |\Delta U|)}{\gamma^2 m^* r_0^2}$, выбор знака в показателе связан с выбором одного корня из двух $\pm \sqrt{\varepsilon_{3d} U_0}$, при рассеянии на виртуальном уровне следует выбрать знак минус:

$$\varepsilon_{2d} \sim \sim U_0 \exp(-4 U_0 / |\Delta U|).$$

Оценим порядок ε_{2d} , с учетом того, что

$$\begin{aligned} U_0 &\approx 2 \text{ мэВ}, \quad \Delta U \approx 1,414 \text{ мэВ}, \\ \left(\frac{2}{\gamma} \right)^2 U_0 &\approx 24 \text{ мэВ}, \text{ имеем } \varepsilon_{2d} \approx 0,4 \text{ мэВ, т. е. на} \end{aligned}$$

тогда $\Delta U = \pm \sqrt{\varepsilon_{3d} U_0} \approx \pm 1,414$ мэВ. Это качественно согласуется с общей картиной континуума резонансных глубин, а именно расстройка потенциала на порядок и два меньше глубины потенциала мелкого донора: $\Delta U \approx \pm 0,5 U_0$ [4].

порядок ниже, чем в объемном образце. Из (17) определяем $T_{\min} \approx 0,7 \text{ К}$ (рис. 3).

Минимум (максимум) температуры не удовлетворяют условию (12). Однако это и не требуется, так как ограничение (12) при определенном виртуальном уровне ($\varepsilon_{2d} \approx 0,4$ мэВ) дает верхний температурный предел $T \leq 0,2 \text{ К}$ (рис. 2).

Как видно, подвижность квазидвухмерного невырожденного электронного газа в области $(0,01 \div 1) \text{ К}$ весьма слабо зависит от температуры, напротив, в окрестности абсолютного нуля имеет место резко выраженный рост (16). Следует иметь в виду, что, начиная с 30К (на фоне резонансного рассеяния), могут давать вклад и ионы примеси, при более высоких температурах в процесс рассеяния электронов вовлекутся и приповерхностные акустические фононы вплоть до комнатных температур [10, с. 58].

Как было показано (12а), диффузионное приближение не приемлемо, и в рамках этого приближения нельзя рассчитать квантовые поправки к проводимости 2D невырожденного электронного газа. При определенных условиях квантовые поправки можно учесть методом квантовой интерференции. В 3D случае соответствующий расчет приводит к формуле:

$$\sigma(H) = \sigma(0) \left[1 - \frac{\hbar \omega_c}{2k_B T} \ln \left(2\sqrt{2} \pi \gamma \frac{\hbar \omega_c}{k_B T} \right) \right], \quad (\gamma = e^C).$$

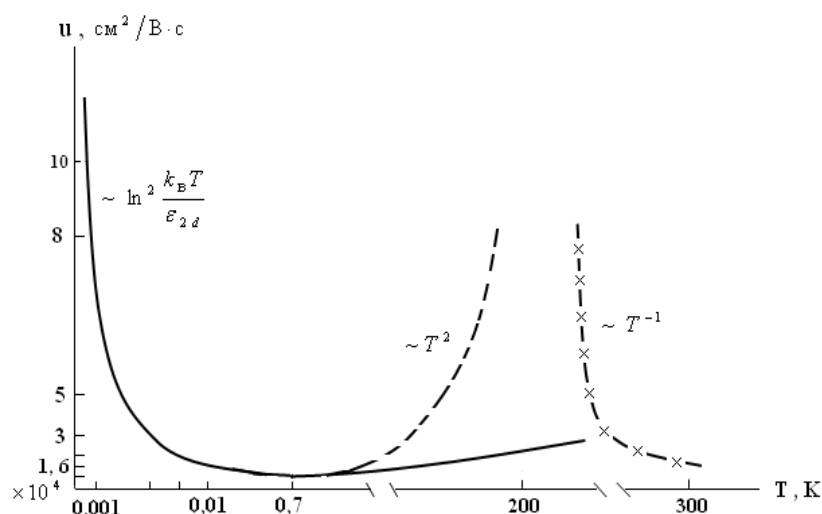

Рис. 3. Температурная зависимость 2D подвижности. Сплошной линией указана теоретическая зависимость (15). Штрихам соответствует рассеяние на ионах примеси, крестикам – рассеяние на акустических фононах [10]

Заключение

В объемных образцах при очень низких температурах вдали от области температур соответствующих резонансному рассеянию электронов (левое крыло) кривая поглощения резонансно уширяется $\sim \sqrt{T}$, а при «высоких температурах» (правое крыло) $\sim 1/\sqrt{T}$. В окрестности абсолютного нуля 2D подвижность резонансно возрастает $\sim \ln^2 \frac{k_B T}{\epsilon_{2d}}$.

Ограничение на профиль уширения указывают на то, что асимптотика (10) работает до предела $T \geq 0,62$ К и далее не проникает вглубь окрестности абсолютного нуля. В этом отношении оценка (11а) более плавна и начинает проявляться с $T < 0,2$ К. Оптимальная область температур преобладания резонансного рассеяния 2D электронов $(0,62 \div 1)$ К. Применение статистики приводит к существованию температурной щели $(0,2 \div 0,62)$ К в спектре поглощения (рис. 2), проявление которой, по-видимому, связано с квантовыми эффектами перехода.

Асимптотика (10а) сильно ограничивает окрестность абсолютного нуля, однако, по-видимому, до этого $\langle \delta \omega(k) \rangle_{T \rightarrow 0}^{2d} \rightarrow 0$ из-за $\exp(-8 U_0 / \Delta U)$. При высоких температурах уширение слабо зависит от температуры (11).

Приложение 1

Применяя формулу $\frac{1}{\Gamma(x+1)} = \sum_{n=0}^{\infty} d_n x^n$, где d_n – коэффициенты степенного ряда, выражаемые через ζ – функцию Римана [8, с. 950]; можно показать, что

Примечания при корректуре

В условиях применимости классической статистики невырожденные носители заряда расположены на нулевом уровне Ландау. Если на нулевом уровне Ландау есть «свободные места», то рассеяние электронов возможно в пределах данного уровня, без существенного изменения энергии электрона. Если уровень заполнен полностью, то возможны переходы на $n > 1$ – уровни. Вероятность таких переходов при очень низких температурах обычно

весьма мала: $\sim \exp\left(-\frac{\Delta E}{k_B T}\right)$, где ΔE – расстояние

между уровнями Ландау. Энергия электрического поля предполагается недостаточной для перехода электронов с нулевого уровня Ландау на первый уровень. Параметр $\Gamma \approx 5$ мэВ, $(\epsilon_{2d} \approx 0,4$ мэВ) на порядок выше возможного двухмерного резонансного уровня, так что приближение двухмерного S – рассеяния здесь вполне приемлемо. Необходимо также отметить, что в основное уширение (10) кроме поправки (12а) могут в принципе давать вклады эффекты вырывания S – электрона ($m = 0$) резонансным электрическим полем из потенциальной ямы короткодействующих сил:

$$\delta \omega_2 \sim \exp\left(-\frac{2\epsilon_{2d}}{\hbar \omega_c}\right).$$

$$\mu \times \int_{-1}^{+1} \frac{(-\mu^x) dx}{\Gamma(x)} = -\frac{\mu}{2} \sqrt{\frac{\pi}{2 \ln \mu}} \sum_{n=0}^{\infty} d_n I_{n+3/2}(\ln \mu)$$

(I_n – функция Бесселя мнимого аргумента), а при

$$\mu \gg 1 \quad I_{n+3/2}(\ln \mu) \sim \frac{\exp(\ln \mu)}{\sqrt{2 \pi \ln \mu}} = \frac{\mu}{\sqrt{2 \pi \ln \mu}},$$

$$\begin{aligned} \text{т. е. } \mu \int_{-1}^{+1} \frac{(-\mu^x) dx}{\Gamma(x)} \Rightarrow \\ \sim -\frac{\mu}{2} \sqrt{\frac{\pi}{2 \ln \mu}} \frac{\mu}{\sqrt{2 \pi \ln \mu}} \sum_{n=0}^{\infty} d_n \sim \frac{-\mu^2}{\ln \mu}. \end{aligned}$$

Приложение 2

$$\begin{aligned} \mu^2 [\exp(\mu) - \nu''(\mu)] &= \mu^2 \exp(\mu) - \mu^2 \int_0^{\infty} \frac{\mu^{x-2} dx}{\Gamma(x-1)} = \mu^2 \exp(\mu) - \int_0^{\infty} \frac{\mu^x dx}{\Gamma(x-1)} \Rightarrow \\ &= \mu^2 \exp(\mu) - \int_{-1}^{\infty} \frac{\mu^{x+1}}{\Gamma(x)} dx = \mu^2 \exp(\mu) - \mu \cdot \left(\int_0^{\infty} \frac{\mu^x}{\Gamma(x)} dx + \int_{-1}^0 \frac{\mu^x}{\Gamma(x)} dx \right)_{(\mu < 1)} \Rightarrow \\ &\stackrel{[9, \text{с. 117}]}{\sim} \mu^2 \exp(\mu) - \mu \cdot \left[\frac{\text{Rg}'(0)}{\ln^2 \mu} + \int_{-1}^0 x \exp(x \ln \mu) dx \right] = \mu^2 \exp(\mu) - \frac{\ln \mu + 1}{\ln^2 \mu}, \end{aligned}$$

где $\text{Rg}(x) = \frac{1}{\Gamma(x)}$, $\text{Rg}'(0) = -\frac{\Gamma'(x)}{\Gamma^2(x)} \Big|_{x \rightarrow 0} \sim -\frac{(1/x)'}{(1/x)^2} = 1$, с учетом того что

$$\mu^2 \exp(\mu) \sim 0 \text{ при } \mu \rightarrow 0 \text{ имеем } \mu^2 \exp(\mu) - \frac{\ln \mu + 1}{\ln^2 \mu} \sim \frac{1}{\ln \mu}, \quad (\ln \mu > 0).$$

Литература

1. Ансельм А. И. Влияние резонансного рассеяния носителей тока на центрах примесей на электрические свойства атомных полупроводников // ЖЭТФ. 1953. Т. 24. Вып. 1. С. 83 – 89.
2. Имамов Э. З., Колчанова Н. М., Крещук Л. Н., Ясиевич И. Н. // ФТТ. 1985. Т. 27. Вып. 1. С. 69 – 76.
3. Муратов Т. Т. Формализм «магнетосечений» D – (A +)-центров при резонансном рассеянии носителей заряда в невырожденных полупроводниках // Вестник НГУ. 2013. Вып. 3. Т. 8. С. 142 – 158. (Серия: Физика).
4. Андреев С. П., Павлова Т. В., Небогатов В. А. Уширение кривой классического циклотронного резонанса нейтральными примесями в двух- и трехмерных полупроводниках // Труды научной сессии НИЯУ МИФИ. 2010. Т. 3: Современные проблемы физики конденсированного состояния. С. 89 – 92.
5. Erginsoy C. Neutral Impurity Scattering in Semiconductors // Phys. Rev. 1950. Vol. 79. P. 1013 – 1014.
6. Блатт Ф. Физика электронной проводимости в твердых телах. М.: Мир, 1971. 470 с.
7. Ландау Л. Д., Лифшиц Е. М. Квантовая механика: нерелятивистская теория. М.: Наука, 1989. 767 с.
8. Градштейн И. С., Рыжик И. М. Таблицы интегралов, сумм, рядов и произведений. М.: Наука, 1971. 1108 с.
9. Олвер Ф. Введение в асимптотические методы и специальные функции. М.: Наука, 1978. 375 с.
10. Неверов В. Н., Титов А. Н. Физика низкоразмерных систем. Екатеринбург, 2008. 232 с.

Информация об авторе:

Муратов Темур Ташкабаевич – старший преподаватель кафедры методики преподавания физики Ташкентского государственного педагогического университета им. Низами, temur-muratov@yandex.ru, tgpu_info@edu.uz.

Temur T. Muratov – Senior Lecturer at the Department of Methodology of Teaching Physics, Nizami Tashkent State Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 22.05.2014 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 821.161.1

ТРУД ДУШИ ЧЕЛОВЕКА КАК СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОДА В РОМАНАХ В. ШАРОВА *И. В. Ащеулова*

WORK OF PERSON'S SOUL AS PRESERVATION OF FAMILY'S HISTORICAL MEMORY IN V. SHAROV'S NOVELS *I. V. Asheulova*

В статье на примере псевдоисторических постмодернистских романов современного писателя В. Шарова рассматривается интеллектуально-духовный личностный процесс по собиранию и сохранению свидетельств и документов существования отдельно взятого рода в бесконечно-хаотическом движении русской истории. Анализ поэтики романов обнаруживает в художественной картине мира Шарова развитие мотива обретения человеком памяти о прошлом как важнейшем духовном импульсе движения истории.

The paper addresses the example of pseudo-historical postmodern novels by the modern writer V. Sharov to consider the intellectual and spiritual personality process of collecting and preserving evidence and documents the existence of a particular family in the infinite chaotic movement of Russian history. What the analysis of the novels' poetics discovers in the Sharov's artistic world picture is the development of the motive of a person's gaining memory of the past as the most important spiritual momentum of the movement of history.

Ключевые слова: труд, мотив памяти, постмодернизм, псевдоистория, В. Шаров.

Keywords: work, motive of memory, postmodernism, pseudohistory, V. Sharov.

Труд как деятельность человека занимает особое место в структуре любого социума, будь то общество XVIII, XIX века или современное общество XXI века. Труд наряду со здоровьем, семьей входит в число главных социальных и ценностных приоритетов человека. Труд неразрывно связан с историей и традициями того или иного государства, что позволяет последнему определять сущностно-необходимые жизненные приоритеты: социальную и экономическую структуры, механизмы власти, ценностную шкалу. «Труд выступает как универсальная категория, охватывающая все стороны сугубо человеческой деятельности, являясь фактором самосозидания личности. Поэтому философское осмысление процесса труда и включение его в систему антропосоциального происхождения и существования человека позволяет рассматривать его не только как предметную деятельность, отождествленную с вещественностью, но и как процесс творения субъектом своей социальной и индивидуальной субъектности» [3, с. 3]. Труд как философская и этическая категория воспринята человеком в нескольких аспектах. В различного рода философских словарях первый аспект отношения человека к труду связывается с преобразованием им природы посредством труда. Об этом писали К. Маркс и Ф. Энгельс. С другой стороны, труд – это и целесообразная деятельность, и предмет труда, и средства труда, и результат. С третьей стороны, труд – исторический процесс [9, с. 490]. Философский аспект категории «труд» впервые выявил Г. В. Ф. Гегель, рассмотрев его как предметную деятельность сознания. Труд выступает условием самосовершенствования человека на протяжении всей его жизнедеятельности, т. е. по Гегелю, тру-

довая деятельность связана с умственными, интеллектуальными процессами в сознании человека, это не столько грубое физическое усилие, сколько сознательный «мозговой штурм», позволяющий индивиду саморазвиваться. Особенно важна в этом отношении незавершенная работа «Система нравственности» (1802 – 1803). Здесь Гегель говорит о труде как о сфере совпадения противоположностей, тождества субъекта и объекта, в работе философ выдвигает нравственное содержание труда, «реальную разумность труда», «...целокупность труда есть совершенная индивидуальность и тем самым равенство противоположений, в котором отношение полагается и снимается, происходит во времени, являя все мгновения, и, согласно сказанному выше, обращается в противоположное; всеобщее взаимодействие и образование людей; их абсолютное равенство находится здесь также во внутреннем...» [2].

В дальнейшем философия приходит к мысли о труде как ежедневной потребности человека ради самого труда, в этом случае человек переходит на новую ступень развития. Разделение труда на физический и умственный обусловлено сознательным выбором цели и программы своей индивидуальной деятельности, который делает сам человек. В марксистско-ленинской философии разделение труда на физический и умственный непосредственно связывалось с расслоением общества на классы, отчасти это верно и закономерно, но в дальнейшем развитии производительных сил общества высоко квалифицированный физический труд связан и с умственной деятельностью, что сближает две разновидности труда и позволяет индивиду гордиться своим трудом.

В более поздней философии второй половины XX века понятие труда разрастается и получает новую смысловую направленность. Так, немецкий философ, специалист по политической философии, ученица К. Ясперса, Ханна Арендт считала, что активность человеческой жизни зависит от четырех категорий, входящих в понятие *труд*. Во-первых, труд и работа; во-вторых, создание и изготовление; в-третьих, поступок и действие и, в-четвертых, мышление, чистое теоретизирование, через слово воплощающееся в художественном произведении. В подобном членении можно заметить широту понимания человеческой жизни и человеческой деятельности. Например, Арендт разграничивает мысль и познание. «Мысль, составляющая для художественного творчества внеположенный ему источник, проявляется непосредственно во всякой великой философии, тогда как познание, добывающее знание, собирающее и упорядочивающее все познанное, оседает в науках. Познание преследует всегда определенную цель, <...> с достижением цели процесс познания приходит к концу. Напротив, мысль не имеет ни цели, ни назначения вне самой себя, от нее нельзя дожидаться результатов» [1, с. 221]. Но при всем различии и мысль, и познание есть разновидности интеллектуального труда, в результате которого создается некий духовный продукт, потребляемый наукой, историей, обществом. В этом смысле особой разновидностью умственного труда может быть труд сознания индивида, труд памяти, души по восстановлению исторической истины, преемственности, связи поколений. Труд как исторический процесс, т. е. категория, развивающаяся в истории-времени, преобразует не только природу и человека, но и историю. Процесс формирования истории, собирания ее фактов, событий, очевидцев, исторического архива также может быть воспринят в качестве интеллектуально-духовного труда. Об этом писал другой философ и историк второй половины XX века Л. Февр в статье «Труд: эволюция слова и понятия» [8]. Являясь основателем (наряду с М. Блоком) журнала «Анналы», Февр предлагал пересмотреть методологические подходы к изучению истории и рассматривать не только документы, но многообразный контекст: свидетельства, мемуары, торговые счета, экономические, политические, религиозные факторы, заметки и записки очевидцев. Труд в этом смысле становится элементом контекста, частью исторической жизни. В статье Февр исследовал этимологию слова труд в разных языках, отмечая семантику «мучение, унижение, забота», и исторически процесс труда связан только с тяжелейшим физическим трудом. Но уже в XIX веке Февр отмечает существенные изменения, большое значение приобретает труд интеллектуальный, душевный, труд писателя, артиста, ученого, художника. Историк в этом ряду занимает не последнее место. Его функция состоит в фиксации, собирании, объяснении элементов и фрагментов истории, его задача написать «благодетельную историю труда».

Задачей данной статьи, таким образом, становится рассмотрение проблемы душевного труда, труда человека по собиранию родового, семейного архива как возможности сохранения человеческой памяти и об-

наружения исторической истины. Заявленная проблематика может быть рассмотрена гораздо шире – если понимать всю историю как большой нарратив, то сама история есть архив, состоящий из огромного количества текстов, как официальных (вошедших в учебники, источники), так и возможных, потенциальных (записи, дневники, устные рассказы, мемуары). Автор исторической прозы становится архивистом, работающим с нарративами, создающим свой текст и сохраняющим память (следы) прошлого в настоящем. Труд писателя-историка заключается в актуализации исторических текстов в современной жизни. В качестве примера вспомним интеллектуальную историческую прозу конца 1960 – 1970-х годов. Практически все писатели в этом контексте обратились к исторической проблематике из-за цензурных барьеров. История как тема позволяла Ю. Трифонову, Б. Окуджаве, Ю. Давыдову, В. Аксенову, Д. Балашову писать о насущных проблемах современности: поиске настоящего героя, нравственности, поступке или его отсутствии, предательстве, долге, истине. Разбирая архивы, документы, записи и дневники декабристов, народников, первых революционеров-террористов, жандармского управления, революционеров-большевиков, писатели-историки 1960 – 1970-х годов трудились над обнаружением и пониманием истины истории, ее нравственного, прогрессивного начала.

Мы попытаемся обнаружить и исследовать данную проблему на материале романов современного русского писателя Владимира Шарова, пишущего интеллектуальную псевдоисторическую постмодернистскую прозу. Историк по образованию, кандидат исторических наук, специалист по истории Смутного времени, глубоко разбирающийся в русской истории, Шаров создает в восьми опубликованных романах индивидуальную историософию. Историософская проблематика реализуется в мотиве воскрешения, который непосредственным образом связан с трудом восстановления, разбора, открытия, розыска, формирования родового архива.

В первом романе «След в след» сюжетные события предстают как движение след в след за исчезнувшими в хаосе русской истории представителями одного рода, постепенно из отдельных предположений, записок и свидетельств вырисовывается летопись рода, становящаяся и летописью XX века. Во втором романе «Репетиции» (1992) историк Сергей собирает архив исчезнувшей в недрах истории религиозной секты, просуществовавшей 300 лет в ожидании скорого пришествия Христа и репетирующей это пришествие. Романы «До и во время» (1993) и «Будьте как дети» (2007) разворачиваются как записи безымянных рассказчиков, фиксирующих историю русской революции и русской веры. Роман «Мне ли не пожалеть...» (1995) предстает как мемуары краеведа Алексея Леонидовича Трепта, описавшего создание, бытование и распад хора «Большая Волга», во многом подготовившего русскую революцию. Роман «Старая девочка» (1998) представляет собой дневниковые записи Веры Радостинной, свидетельницы создания социалистического государства, дневник Веры – это своеобразный архив русской революции и первых десятилетий советской системы. Романы «Воскреше-

ние Лазаря» (2003) и «Возвращение в Египет» (2013) актуализируют поэтику эпистолярного романа, переписка персонажей не только раскрывает их внутренний мир и переживания, но и выстраивает историю идей, определяющих исторический процесс XX века. Как видим, романы Шарова могут восприниматься как многоуровневый нарратив, повествующий о сложностях, обстоятельствах, тайнах русской революции, о русской подпольной духовной культуре, определяющей, по мнению писателя, многие векторы развития русской истории. Основная художественная стратегия Шарова строится на фантазмагорическом переосмыслении какого-либо события русской истории. Чаще всего, это событие русской революции 1917 года и ее последствия (гражданская война и политические репрессии 1930-х годов). Обратимся к рассмотрению двух из перечисленных романов писателя, в которых наиболее ярко и показательно реализуется проблема интеллектуального труда по собиранию родового архива, речь идет о романе «След в след» и «Воскрешение Лазаря».

Первый роман Шарова «След в след» писался в конце 1980-х годов и был опубликован в 1989 году в журнале «Урал». Роман «След в след» имеет подзаголовок, отсылающий к определенной жанровой традиции в мировой литературе: «Хроника одного рода в мыслях, комментариях и основных датах». Хроника (греч. *chroniká* – летопись, от *chronikós* – относящийся ко времени, к летосчислению), литературный жанр, содержащий изложение исторически достопамятных событий в их временной последовательности. В центре хроники – время как субъект исторического процесса, и судьбы и действия людей подчинены ходу времени [10]. Как художественный прием в романе, создание хроники рода Шейкеман-Крейцвальдов позволяет проследить судьбу четырех поколений одной семьи в историческом времени XX века и раскрывает: с одной стороны, проблему подчинения/сопротивления человека-индивида истории-времени; с другой стороны, проблему ценностных отношений между поколениями. Три составляющих элемента хроники (мысли, комментарии, основные даты) формируют два уровня сопричастности рода и человека историческому времени: это горизонтальный уровень (хроника событий, *основные даты* жизни членов рода) – вписанность рода в историко-социальный контекст русской жизни, проявление физической реальности истории в развитии рода; вертикальный уровень (*мысли и комментарии*) – вписанность рода в метаисторический контекст, проявление метафизичности истории, формирующей связи рода с бытием, Богом, памятью и прапамятью, определяющей историческое и экзистенциальное самосознание, родовую и индивидуальную ответственность. Данный уровень формирует и авторскую концепцию восприятия истории и места человека в ней.

Роман имеет сложную метатекстовую структуру, строится как ряд разнообразных текстов представителей рода, процесс собирания которых осуществляет последний представитель рода Федор Николаевич Голосов (Крейцвальд). Развитие проблемы душевного труда в романе обнаруживается в мотивах писания и чтения текстов как собирания следов рода, памяти о

нем. Писание и чтение текстов – продуктов человеческой индивидуальной мысли – создают прерывистую, искажаемую духовную преемственность, формируют избирательную человеческую память, свидетельствующую и о тупиках мысли, и о забытых в прошлом ценностях. Обнаружить исчезающие ценности, пройти по следу рода, сформировать историческую память как личностное самознание – задача душевного труда повествователя романа, автора и читателя.

С одной стороны, архив Федора Голосова-Крейцвальда представляет собой собранные свидетельства о жизни и личности того или иного представителя рода, это горизонтальный уровень присутствия отдельного человека и семьи в историческом времени, собственно хроника. С другой стороны, в архиве есть тексты, созданные членами рода, это тексты-следы, по которым движется Федор Николаевич, а за ним и повествователь Сергей, в них зафиксированы мысли, комментарии, оценки, внутренний мир прадеда, бабушки, брата. В текстах обнаруживается вертикальный или метафизический уровень существования человека во времени, когда в мыслях и текстах проявляются отношения человека с Богом, историей, бытием. В контексте метафизического мышления меняется восприятие истории как линейного прогрессивного процесса и обнаруживаются тупики, загадки, повторы. Индивидуальные тексты не отменяют историческое событие-факт, но заменяют его собой, дают иную версию, иной смысл, иное толкование, предполагают иной ход события. Например, так происходит со старшим братом Сергеем, который, изучая историю народолюбческого движения, попытался использовать полученные знания и смоделировал «нечаевский сюжет» в быденных реалиях психиатрической больницы 1960-х годов.

Авторская стратегия обнаруживает постмодернистский скепсис по отношению к логике развития истории и попытку обнаружения доли исторической истины в свидетельствах людей, оставшихся за пределами официальной истории. Таким свидетельством времени и является хроника одного рода Крейцвальдов, на себе испытавшего разрушительную силу исторических событий XX века. Федор Николаевич Голосов (Федор Федорович Крейцвальд) становится единственным «звеном» рода, способным найти родовой след в истории. Во-первых, Федор Николаевич, ощущая невольную вину перед родителями и одиночество, попытался восстановить историю, опыт, знания, мысли рода в документально-хроникальных записках, где каждому представителю рода отводится своя папка, свое место. Во-вторых, Федор попытался вступить в диалог с предками, прадедом и отцом, сочиняя роман о семье, повторяющей судьбу Крейцвальдов во времени и истории XX века. Федор как писатель проявил редкую изобретательность, создавая, достраивая в сознании и тексте свои отношения с родными, которых он не знал и не помнил. Его тексты (рассказ «Важное задание», роман «Путешествие Джона Крафта», глава «История моего рода», эссе «Семейная революция») часто заменяют или подменяют обстоятельства жизни реальных родных, позволяют обрести ощущение памяти, понимание себя частью большого рода. «Его близкие все гуще окружают и защищают

его, и он перестает быть тем одиноким и ото всех отошедшим человеком, каким был в жизни. Он становится частью длинной-длинной семьи, такой большой и сильной, что пресечь ее не могут ни гонения, ни смерти» [4, № 7, с. 59]. Таким образом, занимаясь писательским трудом, моделируя художественный мир своих текстов, выстраивая схемы, каркасы, острова, народы своего мира, Федор создает новую реальность своего рода, преодолевающего смерть, исчезновение, обретающего слово. Так проявляется авторская стратегия, исходящая из постмодернистского ризоматического письма. Тексты Федора не только заменяют ему утраченную реальность («мир как текст»), но и позволяют восстановить память, обрести духовный опыт, открыть часть истины, скрываемую историей. Текст предстает комментарием реальности, в котором проявляется понимание человеком своего места в истории и бытии. Жизнь представителя рода как индивида, взятая отдельно, по мысли автора, пропадает в беге времени, не оставляя после себя видимого следа (можно не найти могилу, потерять документы). Отдельную жизнь не поймешь, так как она слишком коротка. Но жизнь всех членов рода и на горизонтальном, и на вертикальном уровне присутствия человека в истории формирует понимание русской истории, где общеисторические события приобретают смысл через интерпретацию тех же событий в жизни рода.

Роман «Воскрешение Лазаря» строится не как изложение развивающихся событий, а как ряд текстов, писем, написанных отцом к дочери в течение 1994 года. Автор писем безымяннен и выступает не только как свидетель, но и как посредник, рассказывая о ставших ему известными событиях. Можно утверждать, что именно он восстанавливает сюжет жизни и мысли братьев Кульбарсовых, чуть не повторивших, по его мнению, судьбу Каина и Авеля в XX веке. Как читатель и интерпретатор чужих текстов повествователь совершает огромный труд, воскрешая остальных действующих лиц, воссоздавая в тексте другие жизни с правом на собственный голос. В романе создается многоуровневая структура «тексты в тексте»: повествователь цитирует найденные письма Николая Кульбарсова – философа-самоучки, стремившегося воскресить Россию; воспроизводит устные рассказы своей тетки Галины – келейницы отца Феофоста (Федора Кульбарсова) и её предшественницы – Катерины Колпиной; приводятся письма самой Кати Колпиной к своей двоюродной сестре и жене Николая Кульбарсова – Наталье Колпиной; переписка Натальи Колпиной с подругой Ниной Лемниковой; повествователь записывает рассказы встреченной на кладбище Ирины об её отце, Серегине; приводятся конспекты найденных работ Серегина; упоминается книга рассказов писателя Моршанского, ученика Серегина и друга отца повествователя; в интерпретации Николая Кульбарсова пересказываются тексты Библии, Федорова, Толстого; приводится в финале письмо Халюпина, последователя Толстого и Кульбарсова. В соединении текстов обнаруживается не только связь судеб разделенных во времени людей, возникает образ исторической связи идей, восстанавливающейся усилиями людей, ищущих смысл своего времени и

вынужденных обращаться к духовным авторитетам прошлого. Анонимный повествователь пытается представить историю как общение между людьми разных поколений и опирается на иудейскую концепцию истории рода как исполнения высшего предназначения, которое не может исполнить один человек. Повествователь ссылается на Пятикнижие Моисеево, где пятую часть занимают родословные таблицы, и по ним видно, что откровение Господне открывалось и передавалось от отца к сыну, от деда к внуку. «Богу приходилось терпеливо ждать, когда человек, услышав благую весть, хотя бы отчасти поймет её правильно, когда из его слов будет толк, а не море крови, пролитой с верой, что Господу она угодна» [5, с. 7]. История предстает как процесс постижения Слова Господнего, обретение человеком ответственности и нравственных ориентиров. Передача этих знаний ведется в координатах рода, отступление одного звена ведет за собой распад всей цепочки. Сам повествователь пытается восстановить звено связи с отцом, но затем, посредством интерпретации писем, рассказов, текстов других людей, он выходит к мысли о труде воскрешения как о выстраивании памяти, как об обретенном знании о многих людях, что гораздо осуществимее, нежели познание и сохранение абсолютной истины Бога: хотя тексты людей свидетельствуют о множественности истин, ни одна из них не может претендовать на якобы сохранённую абсолютную истину Бога, что и позволит бесконечно искать истину, а не имитировать владение ею. Сошлемся на несколько примеров, позволяющих показать, как повествователем осуществляется процесс духовного воскрешения человека и памяти о нем.

Являясь последователем учения Н. Федорова, повествователь предполагает воскресить своего отца (Лазаря), восстановить жизнь отца с помощью текстов, хранящих свидетельства о его жизни. Но это намерение корректируется после знакомства повествователя с архивом своего отца, его письмами, неопубликованными художественными текстами и незаконченными набросками, материалами к истории генетики в России, над которой отец работал в 1972 году и куда отдельными конспектами входят рукописи толстовца Халюпина. Кроме того, в саквояже сестры отца, тетки Галины, повествователь обнаруживает письма Николая и Федора Кульбарсовых, письма Кати и Наты Колпиных, Нины Лемниковой, дневник Коли, рукопись книги Давида Моршанского и конспекты статей Серегина. Эти люди прожили свои жизни не так, как хотели, поэтому тексты, оставшиеся от них, необходимо воспринимать как воплощение их планов и мыслей, как воплощение возможной жизни. Читая чужие тексты, идя по их следам, повествователь не только выстраивает возможную историю идей в России XX века (от утопических проектов Федорова, Толстого до практических опытов большевиков, попытавшихся без теистического руководства построить Царство Небесное на земле), но и восстанавливает память о людях, возвращает им жизнь. Это касается найденных философских работ приват-доцента Серегина, без следа сгинувшего в лагерях Колымы, найденной рукописи книги Давида Моршанского, в 58 главах которой он воскрешает

судьбы многих исчезнувших людей, найденного трактата мичуринца и толстовца Хаюпина, селекционировавшего райское древо познания добра и зла. Так в романе моделируется сюжет о безграничных возможностях душевной и духовной работы по возвращению памяти как неперемного элемента человеческого бессмертия.

Итак, переходя к выводам, отметим, что В. Шаров вводит в романы постмодернистский дискурс восприятия реальности и истории как незавершенного текста, предполагающего множественную интерпретацию. Чтение и восприятие текстов дает толчок индивидуальной душевной работе индивида, который обнаруживает скрытые тексты-следы, чтобы вернуть образы безвозвратно потерянных людей и их судьбы. Как указывает сам писатель в интервью: «В рамках рода идет наследование – и удач, и неудач, и какого-то опыта жизненного. Это внутренний диалог, некая вертикальная жизнь. Она очень ярко была выражена в свое время у дворянства, которое знало всех своих предков. <...> они знали, что на них жизнь не кончается, они оставят детей, племянников, род будет длиться, и они соединяли времена и пронизывали, для них история была живая. Никто из них не прожил

жизнь так, как хотел, но это была история конкретных людей. <...> Жизнь в роде была одной из самых основных составляющих отношения человека к этому миру» [6, с. 196]. История XX века уничтожила целые роды, судьбы, следы о людях. Шаров в своих произведениях пытается смоделировать возможные нарративы исчезнувших жизней и сознаний. Поэтому герои романов трудятся, обнаруживая тексты и записки, читают и воскрешают, восстанавливают уничтоженные слова. Столкновение в индивидуальном сознании множественных точек зрения на мир, на целесообразность и способы сохранения прошлого, обнаруженные в документах, позволяет прийти к пониманию, что процесс воскрешения имени человека, его жизни и места в истории связан с бесконечным духовным процессом обретения памяти о прошлом («история, по моему мнению, движется духовными импульсами») [7]. В этом смысле авторский постмодернистский скепсис размыкается в романах в сюжет воскрешения слова, судьбы, имени. Так, по мнению писателя, появляется субъективный комментарий к обширному документально-историческому нарративу, обнаруживающему глубинную народную духовную историю.

Литература

1. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В. В. Бибикина. СПб.: Алетейя, 2000.
2. Гегель Г.-В.-Ф. Система нравственности. URL: <http://hegel.rhga.ru/filosof/estet/> (дата обращения: 10.06.2014).
3. Матиенко Е. А. Труд как диалектическое единство свободы и творчества в формировании социальной и индивидуальной субъектности человека: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11. – Горно-Алтайск, 2004.
4. Шаров, В. След в след (Хроника рода в мыслях, комментариях, основных датах): роман // Урал. 1991. № 6 – 8.
5. Шаров В. Воскрешение Лазаря: роман. М.: Вагриус, 2003. 336 с.
6. Шаров В. «Я не чувствую себя ни учителем, ни пророком». Беседу ведет Н. Игрунова // Дружба народов. 2004. № 8.
7. Шаров В. «Что случилось с историей? Она утонула». Беседа с Д. Быковым // Русская жизнь. 2007. № 3 (8 июня). URL: http://www.intelros.ru/readroom/rulife/080607/772dmitriij_bykov_chno_sluchilos_s_istoriej_ona_utonula.html (дата обращения: 10.06.2014).
8. Февр Л. Труд: эволюция слова и понятия // Бои за историю. М., 1991. С. 364 – 371.
9. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1987.
10. Эпштейн М. Хроника // БСЭ. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/bse> (дата обращения: 10.06.2014).

Информация об авторе:

Ащеулова Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, asheulova@mail.ru.

Irina V. Ashcheulova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 11.06.2014 г.

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ СИНОНИМИЯ В ДИСКУРСЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНИЧЕСКИХ БЛОГОВ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КЛЮЧЕВЫХ КОНЦЕПТОВ

Е. К. Ковалева

CONTEXTUAL SYNONYMY OF INFORMATION TECHNOLOGY BLOGS DISCOURSE AS A WAY OF CONCEPT REPRESENTATION

Е. К. Kovaleva

Работа написана в рамках разработки темы «Контекстуальная синонимия в дискурсе информационно-технических блогов как средство реализации ключевых концептов» с позиции когнитивного подхода. Автор пытается выяснить роль контекстуальных синонимов при описании концептов в информационно-технических блогах сотрудников корпорации Microsoft, выявить особенности значения и функционирования данных контекстуальных синонимов, проследить, как структуры знания (концепты) репрезентуются в виртуальном дискурсе. Материалом исследования послужили 1500 синонимов подязыка информационно-технических блогов. Изучение специфики функционирования контекстуальных синонимов в информационно-техническом дискурсе позволяет выявить скрытые механизмы интерпретации и репрезентации знаний, рассмотреть особенности виртуального дискурса, внести определённый вклад в дальнейшее развитие теории номинации. Для проведения инвентаризации синонимов был использован метод сплошной выборки, при анализе материала – метод компонентного анализа, дефиниционный метод, описательный метод, сравнение как универсальный лингвистический приём, приёмы контекстного анализа и количественной обработки материала. Несмотря на огромное количество устойчивых синонимических рядов в дискурсе информационно-технических блогов, роль контекстуальных синонимов нельзя недооценивать. Контекстуальные синонимы представляют особый интерес для исследования, поскольку позволяют вскрыть глубинные когнитивные механизмы, механизмы познания отдельной области знания, например, информационных технологий. При возникновении синонимических отношений разница в объеме денотатов контекстуальных синонимов оказывается не существенной, а на первый план выходят общие признаки, наиболее важные для описания концепта. Таким образом, в дискурсе информационно-технических блогов контекстуальные синонимы служат для наиболее полного описания существенных черт и признаков концептов виртуального дискурса, а также выполняют ряд важных функций, таких как функция замещения, функция уточнения и экспрессивно-стилистическая функция. Контекстуальные синонимы увеличивают количество вербального материала для описания определенного концепта, тем самым расширяя границы языковой картины мира.

The paper aims at contributing to the topic of «Contextual synonymy of Information Technology blogs discourse as a way of concept representation» based on cognitive approach. The author tries to find out the role of contextual synonyms describing the content of a concept in a definite field of knowledge, identify some peculiarities of contextual synonyms meaning and functioning, and observe concept representation in particular discourse. 1500 synonyms of Information Technology blogs discourse were studied. It provides better understanding of cognitive mechanisms, shows the way knowledge interpretation and representation takes place, highlights some virtual discourse peculiarities and contributes to the further development of nomination theory. Continuous sampling approach, component analysis method, definitional method, descriptive method, comparison, contextual analysis techniques were used. The author proves that despite widely recognized role of synonyms in conceptual model of the world representation, the impact of contextual synonyms cannot be overestimated as they are of particular interest for studying. They allow observe the underlying cognitive mechanisms. The difference between contextual synonyms denotations becomes unimportant while describing a concept. Thus, contextual synonyms of Information Technology blogs discourse serve for the most complete concept description and perform some important functions.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, информационно-технические блоги, контекстуальные синонимы, концепт.

Keywords: virtual discourse, Information Technology blogs, contextual synonyms, concept.

Синонимия не просто лингвистическое явление, берущее начало на поверхностном уровне языка. Оно является отражением когнитивного процесса творческого характера. В научно-техническом дискурсе существует огромное количество синонимов. Долгое время синонимия внутри одной области знания считалась явлением вредным и свидетельствующем о неупорядоченности узкоспециальной лексики. Но в последнее время точка зрения большинства лингвистов изменилась на прямо противоположную, согласно которой

однозначность является скорее желательной, нежели реальной характеристикой [7]. Любой научно-технический дискурс представляет собой незамкнутую развивающуюся систему, в которой происходит постоянное возникновение и развитие узкоспециальной лексики, и поэтому возникновение синонимии внутри него неизбежно. При рассмотрении синонимии с когнитивных позиций становится очевидным, что употребление двух и более синонимов позволяет описать концепт с разных сторон и делает профес-

сиональную коммуникацию более эффективной. В. Е. Бригиневич считает, что употребление синонимов в узкоспециальной области знания оправдано, поскольку: «если рассматривать термин как когнитивно-дискурсивную единицу языка, то можно воспринимать вариативность термина совершенно по-другому – не как нарушение нормы, а как свидетельство развития терминологии» [2].

Явление синонимии отражает концептуальную модель мира, а синонимы передают информацию об объекте или явлении, характеризуя его с разных сторон. Синонимия – это одно из средств концептуальной системы человека, с помощью которой он воспринимает и понимает один тип объектов в его многогранности. Наиболее очевидным основанием для синонимии является сходство. Но с другой стороны, синонимия предполагает и некоторые различия между свойствами семантических референтов, т. к. она призвана создавать некоторый новый смысл. В отечественной и зарубежной лингвистике существует большое количество противоречивых определений синонимии. В данной работе под синонимией понимается «...тип семантических отношений языковых единиц, заключающихся в полном или частичном совпадении их значений...» [5, с. 607 – 632]. Похожими определениями пользуется D. Chitoran [8, с. 106], И. В. Арнольд [1], А. А. Уфимцева [6], хотя последние указывают на схематизм определения.

Синонимия отражает в языке свойства объективного мира. Синонимами же называют слова одой и той же части речи, с полностью или частично совпадающим значением. К синонимам Н. Г. Головин, Р. Ю. Кобрин предъявляют следующие требования:

- принадлежность к одной части речи;
- обозначение одного понятия;
- наличие различий в оттенках значений или стилистической окраски или/и в том, и в другом;
- способность к взаимозаменяемости в контексте [4, с. 53];
- принадлежность слов к одному понятию Р. А. Будагов [3] и др.

С. Ульман считает способность к взаимозаменяемости в контексте основой синонимических отношений [9, с. 108].

В ходе работы над темой было исследовано 1500 синонимов. Опираясь на степень сходства и различия синонимов, описывающих один концепт, были выделены основные разновидности терминов-синонимов: семантические, стилистические, контекстуальные. При этом важно отметить, что их вклад в описание концепта различен. Особый интерес для исследования представляют контекстуальные синонимы, слова, выступающие в качестве синонимов только в определенном контексте.

Контекстуальными синонимами часто становятся квазисинонимы, их значения на первый взгляд, достаточно близки, но имеющиеся различия, затрагивают денотативный и сигнификативный слои. Квазисинонимами являются слова, близкие по значению, но не взаимозаменяемые во всех контекстах. Ярким примером квазисинонимических отношений, в которых

слова с различными значениями в определенном контексте описывают один концепт, могут служить следующие предложения: «The solution is deleting this registry key and importing the msiserver registry key from another working machine. Restart computer then issue will be gone» [13]. Контекстуальные синонимы «machine» и «computer» служат для вербализации концепта «компьютер», при этом значением лексической единицы «computer» является: an electronic device for storing and processing data, typically in binary form, according to instructions given to it in a variable program [12].

Лексическое значение «machine» толкуется как: any mechanical or electrical device that automatically performs tasks or assists in performing tasks [9].

Значение слова «machine» является более широким и может подразумевать в данном контексте также и «computer». Но в других контекстах такая замена не всегда правомерна, поскольку под словом «machine» могут подразумеваться и другие устройства помимо компьютера в зависимости от описываемой ситуации.

Следует отметить, что слово «machine» может употребляться в значении «computer», то есть конкретизировать свое широкое значение, но лексема «computer» не зафиксирована в значении «machine» в исследуемых текстах.

Исследование показало, что к основным видам контекстуальных синонимов относят:

- 1) синонимы с частично совпадающими значениями, например, customer – recipient (40 %);
- 2) синонимы, у которых значение и область применения одного из них покрывает значение и область применения другого, как в случае гипонимических отношений. В отличие от традиционной синонимии отношение подобных контекстуальных синонимов несимметрично: денотат гиперонима включает в себя денотат гипонима, например, programmer – developer (56 %);
- 3) слова с абсолютно разными значениями в определенном контексте выступают в роли контекстуальных синонимов, например, activation bypass – activation key (4 %).

При возникновении синонимических отношений разница в объеме денотатов контекстуальных синонимов оказывается несущественной, а на первый план выходят общие признаки, наиболее важные для описания концепта, так контекстуальные синонимы в дискурсе информационно-технических блогов сотрудников корпорации Microsoft акцентируют внимание читателя на наиболее важных в данный момент чертах описываемого объекта или явления. Например, в предложениях «The information in this section of the *Microsoft Security Intelligence Report* is compiled from telemetry data provided by Exchange Online Protection, which provides spam, phishing, and malware filtering services for thousands of Microsoft enterprise customers that process tens of billions of messages each month.» и «In 2H12, about 1 in 4 email messages were delivered to recipients' inboxes without being blocked or filtered, compared to just 1 in 33 messages in 2010» [11] лексические единицы «customer» и «recipient» являются

квазисинонимами с частично совпадающим компонентом значений.

Лексические единицы «customer» и «recipient» имеют сходные компоненты значений: «a person that one has to deal with» [12] и «the person to whom anything is given or communicated» [15]. В приведенных выше предложениях при описании концепта «клиенты корпорации Microsoft, использующие её продукцию», на первый план выходит общий для обоих контекстуальных синонимов компонент, тем самым позволяя говорить о данных словах как о контекстуальных синонимах, которые позволяют разнообразить речь, расширить диапазон языковых единиц для вербализации концепта, а также варьировать средства в языковой картине мира, при этом уточняя её, что в свою очередь ведет к уточнению концептуальной картины мира информационно-технологической области знания.

Иногда, помимо несхожего лексического компонента, контекстуальные синонимы могут иметь различную стилистическую окраску. Так, в примере «That's the topic of today's article in our "VMware or Microsoft?" series. My buddy Matt Hester gives you all the interesting details. ... Written by experienced virtualization professionals, these little books pack a lot of value into a few pages, offering a lean read with lots of real-world insights and best practices for Hyper-V optimization in Windows Server 2012» [13] лексические единицы «buddy» и «professional» имеют сходный компонент значений «a working person», поскольку «buddy» означает: a working companion with whom close cooperation is required [12].

А «professional» подразумевает:

- a person working in a profession [10];
- someone who works in a particular field [17].

Помимо этого в словаре указано, что «professional» принадлежит к нейтральному стилю, в то время как «buddy» относится к разговорному.

Употребление контекстуальных синонимов с разной стилистической окраской при описании концепта «информационно-технический специалист» может быть объяснено стремлением автора сделать подачу материала внутри своего блога менее официальной и привлечь внимание читателей.

Использование разговорной речи допустимо в корпоративных информационно-технических блогах, поскольку такого рода блоги являются промежуточными жанрами между официальными статьями и отчётами, опубликованных компанией, и личными блогами сотрудников.

Лексические единицы «research study» и «survey» в следующих предложениях также выступают в роли контекстуальных синонимов: «This week, we will be releasing three installments of our new "Trust in Computing" research study. In late 2012, Microsoft Trustworthy Computing commissioned comScore to conduct a survey to help uncover current attitudes and perceptions related to security and privacy» [13].

Значение контекстуального синонима «survey» подчеркивает, что основным методом исследования был опрос: «Investigate the opinions or experience of (a group of people) by asking them questions; Investigate

(behavior or opinions) by questioning a group of people» [12], а значение «research study» говорит о том, что проблема была тщательно исследована и проанализирована с возможным применением разных методов: «A detailed investigation and analysis of a subject or situation» [12]. Таким образом, денотат гиперонима «research study» охватывает денотат гипонима «survey». В данном предложении разница в объеме значений лексических единиц нивелируется, поскольку важен не метод проведения исследования, а сам факт получения информации об отношении пользователей к мерам предпринятым корпорацией Microsoft для защиты персональных данных.

Примером лексических единиц с абсолютно разными значениями, выступающих в роли контекстуальных синонимов, служат языковые единицы «activation bypass» и «activation key» в предложениях «AN INFECTIOUS ENVIRONMENT. Our lab tests map the minefield users must traverse when they obtain and try to use counterfeit software. Consider the following: Most of the installable CD/DVD-based programs offered either some kind of activation bypass; however, 14 % required a trip to the Internet to obtain illegal activation keys. That extra trip drives the infection rate of installable programs to 20 %» [16]. Значения словосочетаний «activation bypass» и «activation key» трактуются через значение слово «key», что объединяет их в своей семантике. Отличие проявляется в компонентах «illegal» у «activation bypass» [12] и «specific», «to certify», «original» у словосочетания «activation key» [12].

В приведенных выше предложениях определение «illegal», относящееся к словосочетанию «activation keys», полностью меняет его смысл, и обе лексические единицы, выступая в роли контекстуальных синонимов, служат для реализации в дискурсе концепта «ключ активации, полученный нелегально».

Рассмотрев вышеприведённые контекстуальные синонимы, можно прийти к выводу, что, несмотря на огромное количество устойчивых синонимических рядов в дискурсе информационно-технических блогов, роль контекстуальных синонимов нельзя недооценивать.

В дискурсе информационно-технических блогов контекстуальные синонимы выполняют следующие функции: функцию замещения, функцию уточнения и экспрессивно-стилистическую функцию.

Функция замещения связана, с формальной точки зрения, с желанием автора избежать нежелательных повторов, а с когнитивных позиций – позволяет привлечь внимание к наиболее важным в данной ситуации свойствам и характеристикам концепта путем использования несинонимичных вне языкового контекста лексических единиц, расширяя границы языковой картины мира данной области знания.

Функция уточнения связана с использованием пары «гипоним-гипероним» и отражает стремление автора более чётко передать мысль, уточнить концептуальную картину мира данной области знания.

Экспрессивно-стилистическая функция позволяет автору сделать язык блога живым и приближенным к неформальной беседе с читателем, изложить материал

в доступной и понятной форме, тем самым привести процесс коммуникации к желаемому результату, т. е. добиться успеха отправки информации через пра-

вильно подобранный языковой материал и его прагматический эффект на читателя.

Литература

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. 376 с.
2. Бригинева В. Е. Синонимия в терминологии альпинизма (на материале английского языка) // Филологические науки. 2013. URL: <http://research-journal.org/featured/languages/sinonimiya-v-terminologii-alpinizma-na-materiale-anglijskogo-yazyka/>
3. Будагов Р. А. Слово и его значение. М.: Добросвет, 2003. 64 с.
4. Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987. 105 с.
5. Новиков Л. А. Авторский сборник. Труды ученых филологического факультета. М.: Издательство Российского Университета дружбы народов, 2001. Т. 1. 676 с.
6. Уфимцева А. А. Некоторые вопросы синонимии // Лексическая синонимия: сб. науч. тр. М.: Наука, 1967. С. 26 – 38.
7. Федина Е. А. Синонимические отношения в немецкой медицинской терминологии: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2013. 199 с.
8. Chitoran D. The erosion of the boundaries between theoretical and applied linguistics: evidence from speech act theory', in Tomic, O. and Shuy, R. (eds.), The Relation of Theoretical and Applied Linguistics. New York: Plenum Press, 1987.
9. Collins dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 1.07.2014).
10. Macmillan Dictionary: электрон. словарь. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/american/professional> (дата обращения: 1.07.2014).
11. Microsoft Security Intelligence Report. Worldwide Threat Assessment. 2012. Vol. 14. 78 p.
12. Oxford Dictionaries: электрон. словарь. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 1.07.2014).
13. TechNet Blogs: блог. URL: <http://blogs.technet.com> (дата обращения: 1.07.2014).
14. Ullmann S. The Principles of Semantics. New York: Philosophical Library, 1957. 352 p.
15. Webster's Revised Unabridged Dictionary: электрон. словарь. URL: <http://machaut.uchicago.edu> (дата обращения: 1.07.2014).
16. White Paper. The Dangerous World of Counterfeit and Pirated Software How Pirated Software Can Compromise the Cybersecurity of Consumers, Enterprises, and Nations ... and the Resultant Costs in Time and Money, 2013. 29 p. URL: <http://www.microsoft.com/en-us/news/download/presskits/antipiracy/docs/idc030513.pdf> (дата обращения: 1.07.2014).
17. Your Dictionary: электрон. словарь. URL: <http://www.yourdictionary.com/professional> (дата обращения: 1.07.2014).

Информация об авторе:

Ковалева Елена Константиновна – соискатель кафедры теории и практики перевода факультета романо-германской филологии КемГУ, kovaleva.ek@mail.ru.

Elena K. Kovaleva – post-graduate student at the Department of Theory and Practice of Translation and Interpretation, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ПОЭТИКА ДЕСТРУКЦИИ В ПРОЗЕ М. ШИШКИНА

О. А. Колмакова

POETICS OF DESTRUCTION IN M. SHISHKIN'S PROSE

О. А. Kolmakova

В статье рассматривается специфика функционирования сквозных для литературного процесса конца XX века образов и мотивов болезни, боли, деформации, безумия, смерти и др. в прозе современного русского писателя Михаила Шишкина. Поэтика деструкции становится в произведениях Шишкина одним из основополагающих принципов организации событийной стороны текста и ведущей стратегией авторской антропологии и гносеологии.

The paper focuses on specific features of functioning of images and motives of disease, pain, deformation, madness, death, etc., which are common for the literary process of the late 20th century, in modern Russian writer Mikhail Shishkin's prose. In Shishkin's art works poetics of destruction becomes one of the fundamental principles of organizing the event side of the text and the leading strategy of the author's anthropology and gnoseology.

Ключевые слова: современная русская проза, М. Шишкин, поэтика деструкции, мотив смерти, мотив безумия.

Keywords: modern Russian prose, M. Shishkin, poetics of destruction, motive of madness, motive of death.

Разрушение базовой аксиологической модели становится фактором различных девиаций в культурном сознании рубежа XX – XXI вв., что находит свое отражение в современном искусстве. В произведениях М. П. Шишкина реализуется сквозная для современной прозы идея деструкции человека и мира, которая воплощается в мотивах внутреннего разлада, отчуждения, безумия, смерти, разного рода деформаций. Принцип деструкции в прозе Шишкина является кросс-уровневым, подчиняющим себе все «ярусы» поэтики текста. С точки зрения «языка», произведения этого автора, представляющие собой коллаж различных дискурсов, полны чувства разрушения целостности бытия. Приемы поэтики деструкции обнаруживаются в прозе М. Шишкина и на семантическом уровне, затрагивающем сюжетно-жанровую специфику.

Наиболее показательным в плане реализации деструктивного начала становится разрушение традиционного для русской литературы семейного сюжета, самой идеи семейственности, что служит отражением тотальной разобщенности людей в современном обществе, сигналом разрушения человеческих отношений во всех сферах индивидуального и общественного бытия.

Мотив распада семьи становится сквозным в «Уроке каллиграфии» (1993), одном из первых рассказов М. Шишкина. Центральный персонаж рассказа – Евгений Александрович, судебный секретарь и учитель чистописания. Имена его учениц очевидно литературны: Софья Павловна, Настасья Филипповна, Ольга и Татьяна, Ларочка и др. Героини разделены эпохами, и их «истории», вместе взятые, являют собой некую внеисторическую судьбу русской литературной героини, несчастливой, прежде всего, в семье.

Так, Оля, жена Евгения Александровича, вынуждена инсценировать свою смерть, чтобы уйти к другому. Ларочка, одна из учениц героя, рассказывает об измене как о чем-то тривиальном («ничего особенного не произошло»). Другая ученица, Настасья Филипповна, признается, что ненавидит мужа и что ей даже приходила в голову мысль убить собственного ребенка. Евгений Александрович приводит в ответ многочисленные подобные

случаи из своей судебной практики: «Один, например, поссорился с женой и зарезал хлебным ножом ее и двух детей <...> Другой принуждал к сожительству дочь, и та ночью убила его топором. Третий до смерти забил поленом брата» [7] и т. п.

Из всей массы «историй», рассказанных в «Уроках каллиграфии», особенно выделяется микроновелла о сумасшедшей девочке, соблазнившей троих мужчин «с положением», «у всех семьи, дети». В этой микроновелле мотив безумия, порождающий какую-то фантастическую реальность, обретает статус тотально деструктивного. Однако в целом мотив безумия в рассказе амбивалентен. По наблюдениям И. С. Скоропановой, повествование в постмодернистском тексте нередко «осуществляется от лица, страдающего шизофренией» [4, с. 326]. Евгений Александрович вполне может быть признан таким «лицом». В его бесконечной любви к буквам и письму сквозит одержимость: «И в эти удивительные минуты, когда хочется писать еще и еще, испытываешь какое-то странное, невыразимое ощущение. Верно, это и есть счастье!» [7].

Враждебной человеку реальности в рассказе противостоит прекрасный и гармоничный мир *письма*. Герой оказывается по-настоящему избранным, ведь в его уста вложены слова, которые становятся лейтмотивом всех основных произведений М. Шишкина: «попробуйте, напишите хоть слово, но так, чтобы оно было самой гармонией, чтобы одной своей правильностью и красотой уравнивало весь этот дикий мир, всю эту пещерность» [7].

В своем первом романе «Всех ожидает одна ночь» (1993) М. Шишкин так же, как и в «Уроках каллиграфии», стилизует русскую прозу XIX столетия. Повествование в романе представляет собой автобиографические «записки» симбирского дворянина Александра Львовича Ларионова. Организующими в повествовании являются исторический и неомифологический дискурсы. Циклическое время задает кольцевая композиция и сквозной мотив возвращения героя домой в критические моменты его жизни.

Согласно мифологической модели мироздания, «свой» мир человека окружен «чужим» – враждебным, аномальным. Пространство «чужого» мира создается автором посредством использования целой системы образов и мотивов деструкции. М. Шишкин наделяет своего героя, если можно так выразиться, утрированным зрением, заставляя его видеть исключительно деформирующие образ детали. Ср.: хромая тетка Елизавета, бельмо на глазу у истопника гимназии, ожог на лице и шее у солдата Устинкина, «мелкие гнилые зубки» девицы Панкратовой, «культяпка вместо руки» у сторожа канцелярии и др.

Болезнь является лейтмотивом романа. Мать Ларионова страдает нервной болезнью, неврастения отца постепенно переходит в буйное помешательство. Ощущение бессмысленности существования выливается у Ларионова в тяжелую апатию, усталость, превращающиеся затем в «*taedium vitae*» – отвращение к жизни. Свой закат автор мемуаров встретит «стариком, раздутым водянкой». Мотив болезни становится в романе диагнозом российского образа жизни. Так, Ларионов говорит о России как о «немой и слепой стране»; его друг доктор Шрайбер называет Москву «городом мочевых камней», а Казань – «столицей лихорадок».

«Чужой» мир в мифологическом универсуме – мир inferнальный. Тема смерти является в романе основной, что следует уже из названия – М. Шишкин назвал свой роман фразой, являющейся буквальным переводом строки Горация «*Omnes una manet pox*» («Оды»), означающей «Все смертны». Можно сказать, что все повествование представляет собой цепочку смертей. Ларионов подробно рассказывает, как умирали в детстве его старшие братья и сестры, как покончил собой солдат Устинкин, не выдержав издевательств сослуживцев, как жестоко был убит офицер Богомолов, как Шрайбер нечаянно отравил свою жену, перепутав лекарства, как нелепо, от шальной пули, погиб единственный сын Ларионова Саша и т. д. В финале романа герой видит в окно «занесенную снегом *дорогу* на Кудиновку и *черную* полосу *леса*» – сакральные символы смерти.

Тема физической смерти в тексте прочно связана с мотивом смерти разума. Персонажи романа словно охвачены эпидемией безумия. Душевной болезнью страдает отец Ларионова; у «плач-мучителя» кадетов Брайко оказывается слабоумной дочь; выясняется, что у сослуживца героя, чудака Пятова – сумасшедшая сестра, а у «карбонария» Ситникова – мать. Сам Ларионов с тревогой размышляет о том, что его нервная болезнь «близка к помешательству». Довершает картину образ сумасшедшего дома на Успенской, «откуда по ночам разносились по всей Казани истошные крики» [5].

Итак, в сознании персонажа построен трагический мир, который вполне может быть назван «больным». И дело здесь не только в воссоздании атмосферы драматичной русской истории (польского восстания 1830 г., аракчеевских поселений, холерных бунтов и т. д.). Исповедь для героя является способом избавления от болезненной фрустрации, ставшей следствием конкретного события из его прошлого – предательства друга.

На наш взгляд, художественное пространство романа Шишкина можно охарактеризовать как «сгущенное» в центре (бурная жизнь усадьбы Ларионовых, связанная с заготовками, сельскими работами, воспитанием ребен-

ка и т. д.) и «фразыженное» на периферии, переходящее в конце концов в пустоту. Л. Данилкин писал о конфликте романа как о «столкновениях персонажа с пустотой» [1]. Так, Ларионов ощущает в себе болезнь отца, с которой у того началось сумасшествие. Болезнь эту врач квалифицирует как *vacuum horrendum* – «пустота ужасающая». Попадающие к Ларионову на стол жалобы, доносы, прошения он называет «воззваниями к вселенской пустоте». Наконец, доктор, которому адресуются «записки» Ларионова, уехал, и переписка героя с ним превращается в диалог с пустотой.

Противоречия конкретной исторической эпохи выливаются в идею абсурда человеческого существования вообще. Герою-рассказчику важно передать открывшуюся ему трагическую истину о бессмысленности человеческой жизни, фатальной обреченности человека на смерть и забвение. Собственно, мемуары становятся последней попыткой Ларионова победить забвение, ведь со смертью единственного сына пресекался весь его род. Так в романе возникает сквозной для всего творчества М. Шишкина мотив письма как средства приобщения к Вечности.

Художественный опыт «Записок Ларионова» оказался во многом востребован в следующем романе М. Шишкина «Взятие Измаила» (1999). В романе пересекаются несколько исторических пластов: конец XIX в. изображается в сюжете адвоката Александра Васильевича; середина XX в. – в линии Евгения Борисовича (он же «Земец Д.») и Марии Дмитриевны; в конце XX столетия разворачиваются события жизни автобиографического персонажа, писателя Михаила Шишкина.

Эти основные сюжетные линии-истории представляют собой вариации типичного для русского классического романа «семейного сюжета», который у Шишкина традиционно подвергается деструкции посредством введения мотивов смерти, болезни и безумия. Так, в сюжете адвоката Александра Васильевича и его жены Кати героиня погружается «в сумеречную действительность» от того, что она, молодая здоровая женщина, родила больного ребенка. Света, героиня квазиавтобиографической линии романа, лишается рассудка, не вынесла нелепой смерти сына. В глухой деревне тихо сходит с ума «Земец Д.», раскрывший «заговор слов» против человека.

Все основные сюжетные линии романа объединяет образ пишущего персонажа. К примеру, автобиографию пишет Александр Васильевич; некто записывает протоколы судебных заседаний; «коллекцию» записанных «случаев из жизни» собирает Михаил Шишкин. Подзаголовков романа «Лекция 7-я» также вводит мотив записывания, фиксации «живой жизни» печатным словом. По словам М. Ремизовой, автор стремится «переместить средство художественного изображения (то есть язык) на место живого действующего лица, сделав из него предмет изображения...» [3, с. 192].

Именно язык, воплощающий Логос, способен упорядочить, гармонизировать жизнь, сделать ее прекрасной: «А я тогда, в ночном оглушительном поезде, кажется, впервые понял, зачем нужна коллекция. Зачем нужен вот этот гроб. Эта женщина в крематории. Этот лифт. Вот зачем: это – прекрасно. И именно поэтому, а ни почему другому, нужно сохранить гроб с выросшим за ночь отцом, и эту Хароншу с голосом Наташи Еро-

феевой, и этот лифт, зовущий к топору, ибо все это – прекрасно» [6, с. 370].

Как и во «Взятии Изаила», повествовательная ткань в романе «Венерин волос» (2004) состоит из чередующихся автономных сюжетных линий. Основными в романе являются сюжеты начала и конца XX столетия, зеркально отражающие кризисное социально-историческое время слома эпох и судьбу человека как персонажа исторической драмы, развернувшейся помимо его воли. Героиня начала XX века – певица Белла, прототипом которой стала знаменитая «белая цыганка» Изабелла Юрьева. Персонаж сюжета наших дней – «толмач» Андрей, русский писатель, уехавший, как и автор романа, в начале 1990-х в Швейцарию и служащий переводчиком при «беженской канцелярии». До отъезда из России Андрей получил задание от одного коммерческого издательства написать роман о Белле, используя ее дневники. Сюжетные линии Беллы и «толмача» объединяет опыт жизни в Европе. Композиционной рифмой обоих сюжетов является также мотив переписки с умершим человеком, которую ведут Белла и жена «толмача» Изольда. Позже этот мотив станет сюжетообразующим в романе «Письмовник» (2010).

Выбор «материала» для основных сюжетных линий «Венерин волос» отличается определенной тенденциозностью, связанной с интересующими нас мотивами и образами деструкции. Так, побочные сюжеты – «антинский» и «чеченский» – повествуют о войне, о бесмысленных жертвах и разрушениях. В центре сюжета Беллы – тоже война, Первая мировая, и революция 1917 г. Одним из ведущих в романе становится мотив апокалипсиса: светопредставлением веет от фотографий Паши с «изуродованными детскими лицами», сделанными в разграбленных большевиками калмыцких хотонах, или от видеозаписи об издевательствах чеченских боевиков над пленными.

«Намаявшаяся израненная душа» героев тоскует по гармонии, которую ищет в любви. Дневник Беллы состоит из описаний ее любовных переживаний, для кото-

рых судьбоносные события мировой истории служат лишь декорациями. Диалоги «толмача» с «девушкой» и его взаимоотношения с «Изольдой» продолжают тему любви в произведении. «Культурный слой» романа, начиная с заглавия и заканчивая упоминанием Тристана, Изольды, Дафниса и Хлои, связан с проблематикой любви и эроса. Говоря о любви, М. Шишкин обращается к замкнутому внеисторическому времени притчи. Вынесенный в заглавие образ цветка венеринного волоса обретает притчево-символическую природу, соединяя в себе мотив жизненной силы и мотив божественной, гармонизирующей сущности любви.

Основного персонажа М. Шишкина с полным правом можно квалифицировать как Homo Scribens – «Человека пишущего». Действительно, письмо становится смыслом и образом жизни для героя «Уроков каллиграфии», пишет свои «записки» помещик Ларионов («Всех ожидает одна ночь»), героями «Венеринного волоса» также являются пишущие персонажи: писатель Андрей («толмач»); певица Белла, ведущая дневник; историк Ксенофонт, создатель первых дошедших до нас мемуаров и т. д. Обращаясь к архетипу «Человека пишущего», М. Шишкин утверждает постмодернистскую идею власти нарратива над сюжетом человеческой жизни. Как отмечает С. Н. Лашова, «у Шишкина <...> концептуализирующие мотивы образуют метасюжет, общий для всех его романов: воскрешение через слово» [2, с. 11].

Итак, поэтика деструкции в прозе М. Шишкина воплощает разрушение вертикальной компоненты в душевно-духовной жизни современного человека, свидетельствует о его ценностной дезориентации. В произведениях Шишкина погружение в «метафизику танатоса» воплощает мысль о хрупкости и незащищенности человеческой жизни, призванной отвоевывать свое пространство у небытия. Основным способом противостояния тотальной дисгармонии современному писателю видится возвращение к традиционным ценностям: любви, семье, творчеству.

Литература

1. Данилкин Л. Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь: Рецензия. URL: // <http://www.afisha.ru/book/298/review/145850/>
2. Лашова С. Н. Поэтика Михаила Шишкина: система мотивов и повествовательные стратегии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Пермь, 2012. 20 с.
3. Ремизова М. Вниз по лестнице, ведущей вниз // Новый мир. 2000. № 5.
4. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература. М.: Флинта: Наука, 2001. 603 с.
5. Шишкин М. П. Всех ожидает одна ночь. Записки Ларионова. URL: // http://royallib.ru/read/shishkin_mihail/vseh_ogidaet_odna_noch
6. Шишкин М. П. Три прозы: Взятие Изаила. Венерин волос. Письмовник: [романы]. М.: Астрель, 2012. 1085 с.
7. Шишкин М. П. Урок каллиграфии. URL: // <http://lib.rus.ec/b/411100/read>

Информация об авторе:

Колмакова Оксана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и массовых коммуникаций Бурятского государственного университета, post-oxygen@mail.ru.

Oksana A. Kolmakova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Institute of Philology and Mass Communications, Buryat State University.

Статья поступила в редколлегию 26.05.2014 г.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МОДЕЛИ ОНИМИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

О. В. Косоногова, М. В. Малащенко

WORD-FORMATION MODELS OF PROPER NAME-BASED TERMS IN LEGAL ENGLISH

O. V. Kosonogova, M. V. Malashchenko

В статье имя собственное рассматривается как продуктивный терминообразующий элемент англо-американской юридической терминологии. Авторы описывают тенденции, характерные для развития языков в последние десятилетия, а именно процессы детерминализации и интерминализации на примере образования онимических терминов в англо-американском языке права. В статье анализируются и описываются модели образования онимических единиц в различных предметных областях права.

The paper describes proper names as a productive element of word-formation process in Legal English. The authors highlight the modern tendencies in linguistics, namely, determinalisation and interterminalisation, with the example of proper name-based terms in the Anglo-American terminology. The regular word-formation models of proper name-based terms in different spheres of law are described and analyzed.

Ключевые слова: англоязычная юридическая терминология, детерминализация, интерминализация, онимические термины.

Keywords: Legal English, determinalization, interterminalization, proper name-based terms.

Исследуя живые языки в развитии, невозможно не обращать особое внимание на то, как изменяются терминосистемы этих языков. Наблюдения современных лингвистов свидетельствуют о двух параллельных тенденциях, характерных для развития языков в последние десятилетия.

С ростом всеобщей образованности человечества и с продвижением научно-технического прогресса многие слова постепенно, естественно, с течением времени, утрачивают качественные характеристики термина и переходят из разряда терминов в разряд нейтральной общеупотребительной лексики. Таким образом, происходит ненасильственная детерминализация/determinalisation таких слов, как, к примеру, общеупотребительные слова наподобие слов «компьютер», «радио».

С другой стороны, все активнее развивается тенденция к интерминализации/interterminalisation слов, оригинально заимствованных из состава общеупотребительной лексики с целью употребления в составе терминологического корпуса определенной отрасли науки или техники [5, с. 132]. Примером могут служить слова «программа», «сеть». Это наиболее простое направление перехода слов из одного пласта лексики в другой, так называемое внутриязыковое заимствование, в нашем толковании «перенос/transfer».

В фокусе нашего исследования находятся те элементы терминосистемы отдельной отрасли науки (в нашем случае, юриспруденции), которые стали терминами в результате неких национально-культурных взаимодействий в конкретных сообществах людей и которые связаны с именами собственными в их наиболее широком толковании.

Нелишне вспомнить о том, как современная лингвистика трактует понятие «термин» и какое место отводится ему в исследовании, а затем рассмотреть конкретные лексико-семантические группы терминов, относящихся к нашему предмету исследования. Собирательный образ термина можно воспринимать как

слово или словосочетание специального языка для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов. В узкой трактовке термин – это слово, не допускающее модуляции. Более широкое восприятие термина предполагает, что термин – это слово, наделенное качеством обозначать научное понятие, составляющее вместе с другими понятиями данной отрасли науки или техники одну семантическую систему (терминосистему науки). В нашем исследовании мы привержены последней изложенной трактовке термина, и в качестве одного из наиболее продуктивных компонентов образования термина рассматриваем имя собственное, призванное полноценно входить в терминосистему той или иной отрасли знаний со всеми его культурно-специфическими наслоениями.

Рассмотрим некоторые точки зрения на юридические термины. Юридические термины определяются как «...слова (или сочетание слов), которые являются наименованиями определенных юридических понятий» [8, с. 21], или как «...слово или словосочетание, которое употреблено в законодательстве, являясь обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, и отличающееся смысловой однозначностью, функциональной устойчивостью» [11, с. 65]. Для правоведов это «...словесное обозначение государственно-правового понятия, с помощью которого выражается и закрепляется содержание нормативно-правового предписания государства» [9].

Как было замечено выше, имена собственные, рассматриваемые нами в качестве компонента образования юридических терминов, обладают национально-культурной спецификой. Наиболее активно они превращаются в термины (или начинают выступать составной частью термина) и инкорпорируются в состав терминологии юридического языка стран с прецедентной системой права – США, Великобритании, Канады, Новой Зеландии, Австралии. Это объяс-

няется существующей в странах с прецедентной системой права традицией названия судебных прецедентов, которые часто переходят в названия законов, правовых норм и понятий по именам участников процессов, судей, принимавших прецедентные решения, по названиям городов, улиц и т. п., где эти преступления были совершены.

Таким образом, перенос имени собственного с его превращением в термин в данном случае обусловлен историческими и национально-культурными факторами. Имя собственное становится «носителем информации» исторического, политического, экономического, религиозного и культурного наследия общества, оно аккумулирует те правовые традиции, которые создавало это общество на протяжении всей истории своего развития.

Поскольку отобранный нами фактический материал содержит не только термины, но и ряд лексических единиц, функционирование которых выходит за рамки терминологии, мы посчитали целесообразным рассмотреть систему этих единиц в их дискурсивной проекции, анализируя способность данных единиц обозначать специальные понятия и маркировать конкретный тип дискурса, а именно юридический. Рассмотрев различные точки зрения на изучение дискурса как сложного коммуникативного явления (Фуко, 2001; Серио, 1985; Дейк, 1989; Белл, 1980) и учитывая природу развития юридической науки в целом, мы рассматриваем юридический дискурс как особый тип институционального дискурса. Семиотическое пространство этого дискурса характеризуется совокупностью вербальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект/объект, адресат/адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции [2, с. 189].

Имена собственные, являясь национально детерминированными элементами языковой системы, образуют ономастическое пространство внутри юридического дискурса, которое ограничивается рамками данного дискурса, в первую очередь, лингвистическими. Тип дискурса определяет набор онимов, что позволяет говорить о дискурсивной проекции ономастического пространства, специфика репрезентации которого в юридическом дискурсе обусловлена лингво-правовой культурой [3, с. 4]. Совокупность онимов, выражающих юридические понятия, можно рассматривать «...как систему сложных лингво-правовых знаков, имеющих культурную и национально-правовую специфику» [1, с. 10].

Поскольку термины в большей степени отражают национально-культурные особенности терминосистемы, чем другие типы терминов (так, В. А. Татаринов различает «термины, номены, термины и профессионализмы» [7, с. 7]), вопрос о специфике онимов и особенностях их функционирования в рамках дискурса до сих пор остается дискуссионным. Исследователи предлагают рассматривать термины как имена собственные, употребляемые в специальном тексте, которые выполняют терминологические функции или являются терминообразующими лексическими единицами, например, «Lombroso's theory», «Miranda warning». В таких случаях имена

собственные могут подвергаться процессу деонимизации (Кравченко, 2004; Исакова, 2004). При этом они либо становятся собственно терминами, либо существенно расширяют сферу функционирования, выходят за пределы конкретного типа дискурса. Терминоиды и термины частью исследователей не включаются в состав терминологии.

Однако данное разграничение значимо при описании терминологии. Если рассматривать специальную лексику и терминологическую систему в их дискурсивной проекции, более важной является способность данных единиц обозначать специальные понятия и маркировать конкретный тип дискурса. В связи с этим возникает необходимость рассмотрения имени собственного как элемента ономастического пространства в рамках дискурсивного подхода.

Подобный подход позволяет рассматривать социокультурные и прагматические особенности употребления онимов как в собственно юридическом дискурсе, так и в случаях его пересечения с другими видами дискурса. Будучи заимствованным и став термином (например, в результате процесса деонимизации) или выступая в качестве онимической составляющей юридического термина, имя собственное приобретает новое значение, понимание которого в большой степени зависит от осведомленности участников юридического дискурса о денотатах, обозначаемых этим именем собственным [6, с. 101].

В ходе исследования мы установили, что онимы активно используются в следующих предметных областях: это источники права, правовые учреждения, правовые отношения, неправовые феномены (реалии), актуализирующиеся в юридическом дискурсе.

Поскольку прецедентные дела становятся основой для изменения определенных правовых принципов, а в США – основой для внесения поправок в Конституцию, названия этих дел приобретают статус терминов для наименования новых правовых понятий и установлений, и, поскольку названия дел включают в себя имена участников судебного процесса, они образуют проприальные термины. Эти проприальные термины состоят из антропонимов и топонимов или одних антропонимов или топонимов, например, *Marbury v. Madison*, *Furman v. Georgia*, *Mapp v. Ohio* и др. Мы характеризуем эту группу как *прецедентные судебные термины*. В соответствии с источником терминологизации *прецедентные судебные термины* подразделяются по следующим показателям:

1) по имени участников судебного процесса, среди которых различают: а) эпонимические, например, *Plessy v. Ferguson* (дело в Верховном суде [Supreme Court, U.S.], в решении по которому (1896) была подтверждена конституционность закона штата, который требовал сегрегации [segregation] в общественном транспорте); б) эпонимо-топонимические, например, *Mallory v. United States* (дело в Верховном суде США, решение по которому (1957) определило, что признание обвиняемого, полученное в результате задержки в предъявлении обвинения, не может быть предъявлено суду как фактор, влияющий на рассматриваемое дело) и с) топонимические, например, *US States v. US* (дела по спорам американских штатов с США о праве пользования природными ресурсами). Этот проприальный

термин формирует целую таксономическую структуру, в которой константой является название государства, а переменной – название штата, выступающего в качестве второй стороны процесса. Это такие дела, как, например, *U.S. v. Alaska, Utah v. U.S.* и др.;

2) по названию места совершения преступления, например, *Darhmouth College Case* (1819) – дело попечителей Дартмутского колледжа против Вудварда, возникшее в 1819 в связи с решением властей штата Нью-Хэмпшир превратить колледж из частного в государственный [4, с. 103].

Рассматривая систему терминов прецедентного права, необходимо отметить, что прецедент является источником правовой нормы, которая также получает проприальное наименование, в основе которого лежит имя одной из сторон процесса. Эта группа проприальных терминов включает характеристику типа правовой нормы, выражаемую лексемами *order, rule, right* и т. п. Например, *Miranda rights* – права, которыми обладает задержанный по подозрению в совершении преступления, включая право сохранять молчание во время допроса, право на помощь адвоката и присутствие адвоката при допросе (США). Это правовое понятие названо по имени Эрнесто Артуро Миранда, уроженца штата Аризона, который в марте 1963 года был арестован за грабёж, а затем, во время допроса признан в изнасиловании.

Существует целая таксономическая структура для обозначения этой нормы с родовым термином *Miranda v. Arizona*, которая включает термин *Miranda rule* и термин *Miranda hearings*. В практику правоприменения вошло так называемое «предупреждение Миранды» – *Miranda warning*, которое зачитывается при аресте, и в котором задержанному разъясняются его права. В юридических текстах встречается и усеченный вариант этого терминома, например:

Whether police advised the suspect of his or her rights to remain silent and to consult an attorney, as required by Miranda (1996), is simply one of the factors (J. T. Tabner Thayer The Exclusionary Suggestion. ABA Journal/December 1997).

Примером использования имени собственного в качестве средства вторичной номинации может послужить название принятого в 1539 году при Генрихе VIII статута о прямом введении прокламаций – *Statute of Proclamations 1539*, приравнивающего указы короля в совете к постановлениям парламента, то есть дающего право королю вносить поправки в парламентские акты посредством прямых прокламаций. Хотя этот статут был формально отменен парламентом в 1549, впоследствии он породил термин «поправки (оговорки) Генриха VIII» – *"Henry VIII clauses"*, обобщающий положения, которые дают право исполнительной власти вносить поправки в законопроект, принятый парламентом.

The provision enables the amendment of primary legislation using delegated (or secondary) legislation. Such provisions are known as "Henry VIII clauses". The House of Lords Select Committee on the Scrutiny of Delegated Powers in its first report of 1992 – 93 defined a Henry VIII clause as: a provision in a Bill which enables primary legislation to be amended or repealed by subordinate legislation, with or without further Parliamentary scruti-

ny. The clauses were so named from the Statute of Proclamations 1539, which gave King Henry VIII power to legislate by proclamation (www.parliament.uk).

В то же время в некоторых лексикографических источниках эпонимические термины такого рода не рассматриваются как самостоятельные термины, а маркируются как профессионализмы, разговорные синонимы официальных наименований законов. Ср.: *The Lanham Act* – разговорное название «Федерального закона о торговых марках» 1946 г. по имени Ф. Дж. Лэнхэма, члена Палаты представителей, внесшего законопроект на рассмотрение. Подобные случаи характерны для юридической терминосистемы США, правовая система которой характеризуется высокой степенью кодифицированности.

Анализ оттопонимических проприальных терминов в англоязычном юридическом дискурсе позволяет выделить в составе данной группы две разновидности терминомов. Они выделяются в соответствии с лингвокультурологической спецификой: это национально-маркированные термины, например, *Scotland Act 1998* – принятый парламентом Великобритании 17 ноября 1998 г. закон о создании парламента Шотландии, и национально-немаркированные, например, *York-Antwerpen Rules, Washington Rules* (по названию места принятия международного документа), которые рассматриваются в качестве общепризнанных норм международного права [10].

В процессе своего развития юридическая терминология всегда испытывает сильное влияние неязыковой действительности, поэтому состав юридической терминологии отражает присущий только ей особый путь развития. Наряду с группой онимических терминов, использующихся в прецедентном праве, можно выделить группу онимических терминов, использующихся в системе статутного права (*Habeas Corpus Act, Magna Carta / Great Charter, Constitution of the USA*).

Названия всех этих правовых документов представляют собой непроприальные термины, в которых отсутствует так называемый мотивирующий оним. Однако по причине того, что они используются в качестве номинаций уникальных документов, они функционируют в качестве имен собственных, что дает основания отнести эти единицы к числу терминов-онимов. Нередко подобные аллюзивные термины выступают в качестве правового эталона:

In 1914 Congress passed the Clayton Act with provisions to exempt unions from the 1890 Sherman Anti-Trust Act, restrict the use of court injunctions in labor disputes, and declare picketing and similar union tactics as not unlawful. Samuel Gompers hailed the Clayton Act as labor's "Magna Carta" but subsequent court interpretations neutered the pro-union provisions. (A History of Labor Unions From Colonial Times to 2009 by Morgan Reynolds, professor of economics at Texas A&M University and former Chief Economist at the U.S. Department of Labor 2001 – 2 <http://www.lewrockwell.com/reynolds/reynolds21.1.html>).

Комплексный анализ англоязычного юридического дискурса позволяет отметить, что система онимов объединяет единицы терминологии и широкий круг других единиц номинации, репрезентирующих реалии

правовой сферы. Так, наряду с терминологией, в правовых документах в качестве наименования источников права в англоязычном юридическом дискурсе фигурируют названия научных работ, исторических документов, сборников отчетов и нормативных актов и т. п. текстов. Система номен – названий источников права в англоязычном дискурсе – представлена рядом наименований весьма разнообразных феноменов: исторические источники права, работы правоведов, судебные отчеты, общественно-политические концепции, источники кодифицированного права, например, ‘*Hansard*’ – официальный стенографический отчет о заседаниях обеих палат парламента; в период работы парламента выпускается ежедневно Издательством Her Majesty’s Stationery Office; впервые такие отчеты были напечатаны Л. Хансардом (*Luke Hansard*) в 1803 г. Все примеры подобного типа, когда онимическое обозначение, образованное в результате метонимического переноса (автор/его труд), вытесняет официальное наименование, мы характеризуем как случаи дискурсивно обусловленной онимизации.

Особую группу номен составляют названия сборников судебных отчетов, которые могут быть охарактеризованы как квази-оттопонимические. Это такие номинации, как *American and English Corporation Cases*; *American Bankruptcy Reports – A.B.R.*; *American Jurisprudence* (сборник решений американских судов). Они включают в свой состав оттопонимическое прилагательное, обозначающее принадлежность этих документов к правовым системам США и Великобритании.

Онимы активно функционируют и в такой предметной области, как правовые отношения, представленные терминами, в состав которых входят топонимы и оттопонимические прилагательные – *American clause*, *Scotch marriage/Gretta Green marriage*.

Система онимов в предметной области «правовые учреждения» представлена преимущественно номенами. Это наименования пенитенциарных учрежде-

ний и неофициальные названия судебных и полицейских учреждений, юридических организаций. Эти единицы могут быть однословными или составными. Названия тюрем строятся по тем же моделям, что и единицы других предметных областей – эпоним/топоним + суц., называющее тип учреждения (*prison, centre*): *John Morony Correctional Centre, Newgate Prison*. В эту группу включаются и наименования исторических объектов, которые использовались для лишения свободы (*Tower*).

Что касается неофициальных наименований судебных и подобных учреждений, то они не только активно функционируют в разных типах дискурса (в художественном, публицистическом), но и в самом юридическом дискурсе вытесняют полные официальные наименования (*Scotland Yard – Metropolitan Police Force, Dabs – «Отпечатки»* – прозвище отдела дактилоскопии в Нью-Скотленд-Ярде).

Ономастическое пространство предметной области «неправовые реалии, актуализирующиеся в юридическом дискурсе» представлено терминологией, обозначающими специальные понятия других наук и сфер деятельности (медицина, психология, баллистика, искусствоведение). Методы и результаты научных изысканий в этих областях привлекаются для проведения различного рода экспертиз в юридической практике, а, следовательно, специальные неюридические термины используются в юридическом дискурсе. Это терминология: *Griess test, Eysenck Personality Test, Art history research method of Velflin*. Как правило, они включают эпоним – имя автора методики.

Проведенный анализ показал, что процесс переноса и употребления онимов в рамках дискурсивного подхода позволяет рассматривать данное лингвистическое явление в качестве продуктивного способа пополнения ономастического корпуса терминологии юридического языка в странах с прецедентной системой права. В ходе исследования были выявлены регулярные модели образования онимических терминологических единиц, представленные в таблице.

Таблица

Словообразовательные модели онимических англоязычных терминов

Предметные области функционирования онимических моделей	Онимическая модель	Расшифровка модели	Примеры
1. Источники права:			
1.1. Прецедентные судебные терминологии	<i>E + law(s), case</i>	эпоним (имя ответчика) + суц. <i>law(s), case</i>	Masha Allen law Jim Crow laws Dred Scott case
	<i>E + order, rule(s), rights</i>	эпоним (имя ответчика) + суц. <i>order, rule (s), rights</i>	Sunderson order McNaghten rules Miranda rights/rule
	<i>E + v. + E</i>	эпоним (имя истца) + v. + эпоним (имя ответчика)	Plessy v. Ferguson Thomas v. Thomas
	<i>E + v. + T</i>	эпоним (имя истца) + v. + топоним (название территориальной единицы)	Miranda v. Arizona Mallory v. United States
	<i>T + v. + E</i>	топоним (название территориальной единицы) + v. + эпоним (имя ответчика)	United States v. Caldwell

	<i>T + v. + T</i>	топоним (название территориальной единицы) + <i>v.</i> + топоним (название территориальной единицы)	Ireland v United Kingdom U.S. v. Alaska
	<i>E + v. + The King/The Queen</i>	эпоним (имя истца) + <i>v.</i> + <i>The King/The Queen</i>	Ibrahim v. The King Lam Chiming v. The Queen
	<i>E + v. + Co, Board</i>	эпоним (имя истца) + <i>v.</i> + название компании, учреждения и т. п.	Salomon v. Salomon Co. Ltd. Brown v. Board of Education
	<i>Co, Board + v. + E</i>	название компании, учреждения и т. п. + <i>v.</i> + эпоним (имя ответчика)	United Mine Workers v. Pennington British Railways Board v. Harrington
	<i>Co, Board + v. + T</i>	название компании, учреждения и т.п. + <i>v.</i> + топоним (название территориальной единицы)	Northern Securities Company v. United States
1.2. Наименования правовых документов	<i>E (-E) + Act, Doctrine, clause</i>	эпоним (– эпоним) + сущ. <i>Act, Doctrine, clause</i>	Voorhis Act Celler-Kefauver Act Wilson Doctrine Henry VIII clause
	<i>Queen, King, Princess + E' + SA + Act (+year)</i>	<i>Queen, King, Princess</i> + эпоним + апостроф + предмет акта + сущ. <i>Act</i> (+ год принятия)	Queen Anne's Bounty Act 1714 Princess Sophia's Precedence Act 1711
	<i>Statute + of + E</i>	сущ. <i>Statute</i> + <i>of</i> + эпоним	Statute of Anne
1.2.1. Национально-маркированные	<i>T + (SA) + law, act, statute (+ year)</i>	топоним (+ предмет акта) + сущ. <i>law, act, statute</i> (+год принятия)	Scotland Act 1998 Quebec Act Alabama Dog Law
1.2.2. Национально-немаркированные	<i>T (-T) + Rules, Law</i>	топоним (– топоним) + сущ. <i>Rules, Law</i>	Washington Rules Rhodian Sea Law York-Antwerpen Rules
	<i>T + Convention, Protocol, Treaty</i>	Топоним + сущ. <i>Convention, Protocol, Treaty</i>	Brussels Convention Montreal Protocol Maastricht Treaty
	<i>Treaty + of + T</i>	<i>Treaty</i> + <i>of</i> + топоним	Treaty of San Lorenzo
1.3. Наименования исторических источников права	<i>E' + Code, Digests</i>	Эпоним + апостроф + сущ. <i>Code, Digests</i>	Justinian's Digest Justinian's Code
	<i>Institutes + of + E</i>	сущ. <i>Institutes</i> + <i>of</i> + эпоним	Institutes of Gaius
	<i>E + ian + law, action</i>	Эпоним + <i>ian</i> + сущ. <i>law, action</i>	Falcidian law Publician Action
1.4. Названия судебных отчетов и сборников судебных решений	<i>E' + C + Reports</i>	эпоним (имя судьи) + апостроф + название суда + сущ. <i>Reports</i>	Thomas Jones' King's Bench Reports
	<i>American/English + FL + Cases, Report, Jurisprudence</i>	<i>American/English</i> + сфера права + сущ. <i>Cases/Reports/Jurisprudence</i>	American and English Corporation Cases American Bankruptcy Reports American Judisprudence
2. Наименования правовых отношений	<i>T-adj. + rule, clause, option, marriage</i>	оттопонимическое прилаг. + сущ. <i>rule, clause, option, marriage</i>	American rule American clause American option Scotch marriage
	<i>T (T-adj.) + Exclusion, Warranty</i>	Топоним (оттопоним. прилаг.) + сущ. <i>Exclusion, Warranty</i>	North America Exclusion North American Warranty

3. Наименования правовых учреждений	<i>T + Prison, Correctional Institute, Hospital, Detention Camp, Colony</i>	<i>Топоним + сущ. Prison, Correctional Institute, Hospital, Detention Camp, Colony</i>	Brixton Prison Danbury Federal Correctional Institute Broadmoor Hospital Guantanamo Bay detention camp Hollisley Bay Colony
	<i>E + (Correctional) Center</i>	<i>эпоним + сущ. (Correctional) Center</i>	Alexander Maconochie Centre John Morony Correctional Centre
4. Наименования в специальных прикладных юридических науках:			
4.1. Судебно-медицинская, психолого-психиатрическая экспертиза	<i>E + ism</i>	<i>эпоним + ism</i>	masochism
	<i>E' + theory</i>	<i>эпоним + апостроф + сущ. theory</i>	Lombroso' theory
	<i>T + syndrome</i>	<i>топоним + сущ. syndrome</i>	Stockholm syndrome
	<i>E + complex</i>	<i>эпоним + сущ. complex</i>	Oedipus complex
	<i>T + crime</i>	<i>топоним + сущ. crime</i>	Sodomy crime
	<i>E+(SE) + Test, Inventory, Rating Scale, Standards</i>	<i>Эпоним + (предмет исследования) + сущ. Test, Inventory, Rating Scale, Standards</i>	Eysenck Personality Test Hamilton Rating Scale Maresh growth standards
	<i>T + (SE) + Test, Inventory, Questionary</i>	<i>Топоним + (предмет исследования) + сущ. Test, Inventory, Questionary</i>	Maudsley Medical Questionnaire California Personality Inventory
	<i>E(-E) + test, effect, lines, autopsy</i>	<i>эпоним (-эпоним) + сущ. test, effect, line(s), autopsy</i>	Griess test Simmons – Williams test Bokarius lines Shore autopsy
	<i>E' + ecchymoses</i>	<i>Эпоним + апостроф + сущ. ecchymoses</i>	Tardieu's ecchymoses
	<i>E + (Classification) System</i>	<i>эпоним+сущ. (Classification) System</i>	Bertillon system Henry Classification System
4.2. Криминологическая экспертиза	<i>E + effect, line</i>	<i>Эпоним (автор метода) + сущ. effect, line</i>	Vinogradov effect Galton line
	<i>E</i>	<i>Эпоним (имя изобретателя оружия)</i>	Colt
4.3. Криминалистическая экспертиза	<i>E + and + E</i>	<i>Эпоним + and + эпоним (имена изобретателей оружия)</i>	Smith and Wesson
	<i>E + Rifle, Gun</i>	<i>Эпоним (имя изобретателя оружия) + сущ. Rifle, Gun</i>	Berdan rifle Gatling gun
	<i>E + knife</i>	<i>эпоним (имя изобретателя оружия) + knife</i>	Bowie knife
	<i>Tadj. + knife, gun</i>	<i>оттопонимическое прилагательное + сущ. knife/puokko, gun</i>	Finnish puokko/ knife Bren gun
	<i>E + T</i>	<i>Эпоним (имя изобретателя оружия) + топоним (место изобретения/производства)</i>	Lee Enfield
	<i>T</i>	<i>Топоним (место изобретения/производства)</i>	Enfield
	<i>E+ salt, fuse, explosives, cocktail</i>	<i>эпоним (имя изобретателя взрывчатого вещества/политика) + сущ. salt, fuse, explosives, cocktail</i>	Berthollet salt Molotov cocktail
	<i>E (and/-E) + coin, cent, dollar, roll</i>	<i>Эпоним (and/-эпоним) + сущ. coin, cent, dollar, roll</i>	King Edward VII Coin Lincoln Cent James Buchanan dollar George Washington Roll

4.4. Экспертиза денежных знаков	<i>T-adj. + dollar, cent</i>	<i>оттопонимическое прилаг. + dollar, cent</i>	Australian dollar Canadian cent
	<i>T</i>	<i>топоним</i>	Britania
4.5. Искусствоведческая экспертиза	<i>Art history research method + of + E</i>	<i>Art history research method + of + эпоним (имя искусствоведа)</i>	Art history research method of Velflin

Условные обозначения: E – эпоним, E' – эпоним в притяжательном падеже, T – топоним, T-adj. – оттопонимическое прилагательное, SA (subject of act) – предмет правового акта, FL (field of law) – сфера права.

Литература

1. Иконникова В. А. Особенности семантики английских юридических терминов в текстах международного контрактного права: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. М.: Моск. гос. пед. ун-т, 2005. 193 с.
2. Косоногова О. В. Юридический дискурс: лингвопрагматика имени собственного // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2.
3. Косоногова О. В. Онимы в юридическом дискурсе: система и функционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Ростов н/Д: Изд-во ПИ ЮФУ, 2011. 17 с.
4. Максименко Е. С. Национально-культурная специфика отраслевых терминосистем. Саратов: Научная книга, 2004. 133 с.
5. Малащенко М. В., Косоногова О. В. Англо-американский дискурс как среда интерминализации онимов и порождения национально-культурных заимствований // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2013. № 5.
6. Малащенко М. В. Имя в парадигмах лингвопрагматики: монография. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2003. 312 с.
7. Татаринов В. А. Лексико-семантическое варьирование терминологических единиц и проблемы терминографии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М.: МГУ, 1988. 16 с.
8. Ткачева Л. Б. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 198 с.
9. Фридмэн Л. Введение в американское право. М.: Прогресс «Универс», 1993. 527 с.
10. Хайд Ч. Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. М.: Изд-во иностр. лит., 1952. Т. 4, ч. 6, разд. 1, §§ 562 – 565. 532 с.
11. Язык закона / под ред. А. С. Пиголкина. М.: Юридическая литература, 1990. 200 с.

Информация об авторах:

Косоногова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка ИФЖИМКК, Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), olgakosonogova@yandex.ru.

Olga V. Kosonogova – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of the English Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Малащенко Марина Валентиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка ИФЖИМКК, Южного федерального университета (Ростов-на-Дону), mari_m57@mail.ru.

Marina V. Malashchenko – Doctor of Philology, Professor at the Department of the English Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Статья поступила в редколлегию 04.06.2014 г.

СПЕЦИФИКА ИНИЦИИ В МОНОДРАМЕ Е. ГРИШКОВЦА «КАК Я СЪЕЛ СОБАКУ»

К. В. Синегубова

SPECIFICITY OF INITIATION IN E. GRISHKOVETS'S MONODRAMA

«HOW I ATE A DOG»

K. V. Sinegubova

Статья посвящена выявлению инициальных мотивов в монодраме Е. Гришковца «Как я съел собаку». Наряду с ритуальной составляющей в авторском изображении армейской службы присутствует абсурд, который не только разрушает прошлое героя и его память о детстве, но и не позволяет сформироваться новому, взрослому человеку. Особое внимание в статье уделяется приобщению к культурной традиции, которая является одной из главных целей инициации и которая в пьесе Е. Гришковца становится основным способом нивелирования личности. Центральная ситуация пьесы – поедание собаки – показывает, как попытка приобщения к чужой культуре оборачивается уничтожением части собственного детства.

Таким образом, инициация в пьесе Е. Гришковца предстает как незавершенная, задерживающая человека в «антимире». Вместо того, чтобы сделать героя полноценным и уважаемым членом мира взрослых мужчин, инициация разрушает личность.

The paper is devoted to revealing initial motives in E. Grishkovets's monodrama «How I Ate a Dog». Along with the ritual component, the author's representation of military service includes absurdity that not only destroys the past of the hero and his memory of childhood, but also does not allow to form a new person, adult. Particular attention is given to access to cultural tradition, which is one of the main purposes of initiation and which becomes the main way of personality leveling in Grishkovets's play. Central situation of the play – eating a dog – shows how the attempt to join an alien culture turns into destruction of the one's own childhood. Thus, the initiation in E. Grishkovets's play appears as a stub detaining a person in the “anti-world”. Instead of making a full-fledged hero and a respected member of the adult male, the world initiation destroys his personality.

Ключевые слова: драма, инициация, Е. Гришковец.

Keywords: drama, initiation, E. Grishkovets.

Название монодрамы Е. Гришковца «Как я съел собаку» соотносится с фразеологизмом «съесть собаку», который в словарях трактуется следующим образом: «иметь, приобрести большой опыт, навык, основательные знания в чем-либо» [5, с. 467], «хорошо разбираться, быть особенно искусным, сведущим в чем-либо» [6, с. 390]. Перед нами действительно рассказ об определенном жизненном опыте, герой Гришковца рассказывает о своей службе на флоте, которую можно понимать как своеобразную инициацию – обряд перехода юноши из группы детей в группу взрослых мужчин. Согласно Е. М. Мелетинскому, «этот переход включает физические испытания на выносливость, мучительную посвященческую операцию и овладение основами племенной мудрости в форме мифов, инсценируемых перед посвящаемым. Инициация включает также временную смерть и контакт с духами, открывающий путь для... рождения в новом качестве» [3, с. 226]. В монодраме Е. Гришковца служба в армии выполняет функцию возрастной инициации, будучи связана с совершеннолетием и традиционно воспринимаемая как способ превращения мальчика в мужчину. Это не единственное совпадение: служба в армии, как ее изображает Гришковец, не только включает тяжелую работу, голод, разлуку с родными, изоляцию на острове Русском, но также усвоение издавна сложившейся традиции и участие в предельно ритуализованных действиях: «там, на Русском острове (во, название), все было – ритуал. Все было продумано, и во всем была видна традиция. Издавна. Всегда!» [1, с. 179]. В традиции укоренены бессмысленные внешне действия: пересыск («самое грандиозное действо»), стихи на фотографиях,

часто непонятные самим пишущим, подготовка к возвращению домой, дембельский альбом, который составляется с большим усердием и который потом никому не интересно рассматривать. Бессмысленность действий, которые постоянно совершают герой и его товарищи по службе, позволяют воспринимать армию как антимир, где «предметы могут иметь совершенно иное предназначение» [1, с. 192]: посуда нужна не для того, чтобы из нее есть, а для того, чтобы ее мыть. Палуба нужна не для того, чтобы по ней ходить, а для того, чтобы ее мыть. Удивляясь поначалу столь странному назначению предметов, герой со временем сам начинает видеть, что палуба помыта плохо, и делает замечание более молодым матросам. Одной из важнейших функций обряда инициации является приобщение неофитов к священному, ранее недоступному знанию, однако в данном случае знание о состоянии палубы не является сакральным. Рассказчик в монодраме Е. Гришковца дистанцирован от собственной службы, он рассказывает о том, что имело место быть в прошлом, и именно эта дистанция со всей очевидностью выявляет пустоту и бессмысленность армейских ритуалов: «Мы делали очень много всякой фигни» [1, с. 187].

Инициация предполагает, что пребывание в антимире и участие в ритуалах преобразует человека, наделяет его новым опытом и новыми способностями, которые не могут быть получены никаким другим путем. Однако в монодраме Е. Гришковца эти новые способности предстают в сниженном контексте: по сути, герой научился за три года службы двум вещам: видеть, что палуба помыта плохо, и носить бескозырку на за-

тылке так, чтобы она не падала. Рассказчик подчеркивает разрыв между ожиданиями призывников и реальным полученным им опытом. Каждый молодой матрос, в том числе и герой, рассчитывает, что служба изменит его, поднимет его статус: «Он же надеялся, что Родина ему будет благодарна. Что все будут смотреть на него, как когда-то я смотрел на тех людей, выходящих из кинотеатра. В смысле, уважать будут, будут любить» [1, с. 191]. Излишне говорить, что надежды эти не оправдались.

В результате инициации человек должен стать полноценным членом общества взрослых: ребенок символически умирает, а вместо него появляется взрослый, в данном случае – всеми уважаемый и любимый человек. Однако фактически процесс инициации не завершен: ребенок умирает («Мама, меня нет», – хочет написать герой в письме, имея в виду, что он изменился, и того мальчика, которого помнит его мама, больше не существует), а взрослый не появляется. Выхода из «мира мертвых», который представляет собой армия, не происходит. М. Липовецкий говорит о травме, оставившей «незарастающую зону смерти внутри героя» [2, с. 132].

Действительным результатом службы в армии становится социальное отчуждение – явление прямо противоположное предполагаемому результату инициации. Герой, вернувшись домой, не знает как жить. Всю жизнь он жил ожиданием будущего или страхом перед будущим: «И жизнь была раньше какая? Вот такая: надо закончить школу – это значит впереди экзамены, сложный выбор института и пр. Потом ожидание армии, от которой никуда не деться, потом, на службе, постоянная мысль о доме.... В смысле, вся жизнь была накануне чего-то.... А...а...а теперь все,... впереди никаких канунов.... Живи и живи..., а не хочется..., а как....» [1, с. 196]. Здесь имеет смысл обратить внимание на два момента: герою не хочется жить, и герой не знает, как жить. Апатия, подавленное состояние, неспособность радоваться являются результатом того, что личность разрушается, происходит символическое умирание, но отсутствует символическое воскрешение. Неспособность выбрать свой жизненный путь становится следствием разрушения системы ценностей, представлений о мире и о себе. Отсутствие четких представлений о себе самом отражаются в сбивчивой речи героя, многочисленных паузах, частой смене предмета речи. Особенно ясно эта растерянность и неспособность выразить собственный опыт в словах проявлена в финале пьесы: «Просто... ну, нужно как-то понять, разобраться... Ведь что получается или... Хотя, конечно, ничего не попишешь... оно все так... конечно. Да! Да, да, да, я и сам так думаю... Не стоит... это ведь... Я бы не стал так однозначно... Я же не настаиваю... Это уж – как хотите....» [1, с. 200]. В этом фрагменте отсутствует предмет разговора, мы можем предположить, что речь идет о полученном в армии опыте или какой-то его части. Более четко проявлена позиция рассказчика, который в чем-то соглашается с невидимым оппонентом («да, я и сам так думаю...»), но в то же время пытается сказать и свое слово, скорректировать оценку, которую, судя по всему, высказывает его воображаемый собеседник («я бы не стал так однозначно»). По репликам рассказчика мы видим, что он делает робкую попытку высказать свое особое мнение и тут же от него

отказывается. В контексте всего произведения это можно расценивать как прямое следствие армейского опыта, когда человек воспринимался как рядовой, как один из многих, но никому не был интересен как личность, соответственно не имел или боялся высказать свою точку зрения.

В силу нивелирования личности в период службы на флоте опыт героя в монодраме Е. Гришкова представлен не как уникальный личный, а как универсальный. Если говорить о товарищах героя, то разрушающий характер армейской службы выражается, в первую очередь, в том, что стираются национальные черты. Из эстонцев выбивают акцент, мусульмане несут на себе отпечаток чуждого им мира: «забавно смотрелись чайки на мусульманских плечах и грудях». Гришковец подчеркивает, что лишаясь своей национальной, культурной идентичности, военнослужащие не приобщаются к другой культуре, в данном случае русской. Символично, что службу герой и его товарищи проходят на острове Русский. Однако все, что связано с культурой, носит ритуальный, симулятивный характер: «Я помню, как эти ребята, родившиеся где-то в Ферганской долине, шли в строю с нами и пели... громко....

Россия, любимая моя,

Поля родные, березки, тополя...» [1, с. 186].

Уроженцы Ферганской долины поют о мире, который не знают, потому что ни их малая родина, ни остров, где проходит их служба, не соотносятся с песенным, идеализированным образом России. Для рассказчика очевидно, что «наказание искусством» (многократный просмотр фильма «Жестокий романс») гораздо тяжелее переносится людьми, принадлежащими к другой культуре: «Ну, мы-то еще ладно, но каково было узбекам или ну... другим ребятам? Для кого Волга – не матушка-река» [1, с. 186].

В связи с проблемой утраты культурной идентичности особую роль играет центральный эпизод с поеданием собаки. Кореец, Коля И., убивает собаку, потому что хочет всех «обрадовать корейским блюдом...», объединив таким образом людей. Однако матросы шокированы зрелищем мертвой собаки и отказываются ее есть. Коля И. является гражданином Советского Союза, у него корейская фамилия и комично сочетающееся с ней русское имя, он вынужден продолжать приобщение к русским традициям, но не может познакомить людей со своей культурой, которую знает очень хорошо: «собаку он зарезал по всем правилам» [1, с. 194].

Только рассказчик соглашается разделить трапезу, и мы полагаем, что это ключевой момент. Не только потому, что данная ситуация вынесена в заглавие пьесы, но и потому, что герой, который в армии теряет свою индивидуальность и сливается с массой, именно в этот момент совершает осознанный выбор и ведет себя не как все. Вероятно, этот поступок является следствием постоянного осознания героем, что представители других национальностей в армии страдают еще больше, чем русские.

Так как несчастный кореец, в первый раз за все время отпущенный в увольнение, страшно обиделся, что никто не понял его добрых намерений, герой Гришкова переступает через свои культурные стереотипы и соглашается съесть блюдо из собачьего мяса. Можно было бы интерпретировать этот поступок как

проявление доброты и сострадания и утверждать, что армия все-таки раскрыла в человеке какие-то положительные качества. Однако необходимо обратить внимание на то, о чем герой думает, пока ест собаку.

Он представляет себе хозяйку собаки: маленькую девочку или старушку. Бабушка и ребенок – это ключевые фигуры детства, от которого в армии окончательно приходится отказаться. Для матроса круг близких людей – это мама ("Тока мама никогда не предаст, тока мама, ... тока мамочка..." [1, с. 185]), девушка, которая не дождалась своего моряка и вышла замуж за студента, товарищи, чьи фотографии хранятся потом в дембельском альбоме, но бабушка уже не актуальна, она не упоминается никем из матросов.

Для ребенка бабушка близкий человек, она присутствует в самые лучшие моменты его жизни, например, в момент счастливого(!) пробуждения: «Или ты такой маленький, ты спишь, воскресенье, зима. Уже половина двенадцатого, скоро полдень, а ты спишь и не спишь – слушаешь, бабушка говорит: «Нет, пора его будить уже». Она идет, отдергивает одеяло и гладит тебя по спине, а у бабушки рука шершавая – ты весь извиваешься. Ведь у тебя такая спина..., такая спина..., и руки такие, и весь ты такой..., сам понимаешь – красивый то есть, все родственники восхищаются...» [1, с. 183]. Образ бабушки связан с атмосферой любви, покоя, в которой блаженствует маленький герой. Этот момент можно противопоставить другому пробуждению, рано утром, перед школой, когда родители даже не посмотрели на ангельское личико своего сына, «просто свет включили и ушли».

Также бабушка появляется в момент, когда отправляют в первый класс «еще не школьника, еще... маленького такого мальчика». Бабушка плачет, и эти слезы совпадают с эмоциями взрослого рассказчика: «Я не могу смотреть, как ведут в школу 1 сентября первоклассников. Это просто ужасное зрелище» [1, с. 177]. Начало учебы в школе оценивается негативно, поскольку ребенок попадает в мир, где его никто не любит и где он должен подчиняться жестким требованиям. Многочисленные параллели, которые Гришковец проводит между школой и армией, показывают, что школа – это начало нивелирования личности и уничтожения индивидуальности. И плачущая при виде внука-первоклассника бабушка связана именно с дошкольным детством, самой счастливой порой в жизни человека. В воображении героя, поедающего собаку, бабушка тоже плачет.

Вторая предполагаемая хозяйка убитой собаки – это девочка, ребенок: «Может быть, сейчас какая-нибудь девочка, устав от рыданий, всхлипывая, только-только задремала, а до этого они с папой, с фонариком, обшарили все дворы, сараи, опросили и обзвонили всех знакомых – где любимая собачка. Завтра поиски продолжатся, будут написаны детской рукой объявления, а над кроватью долго еще будет висеть фотография щечочка с ленточкой на шее» [1, с. 194]. Не имея возможности видеть настоящего хозяина собаки, герой конструирует образы, основываясь на собственном опыте, на своих детских переживаниях и впечатлениях.

Поедая собаку, герой очень отчетливо, с подробностями, представляет себе образы, связанные с детством. И в данной ситуации он выступает как разрушитель

счастья и покоя, как тот, кто приносит горе девочке или бабушке. В этот момент в сознании героя уже не фигурирует несчастный кореец, ради которого он решился съесть собаку. И после этого события кореец не возникает как некая значимая фигура, можно с уверенностью утверждать, что никакого приобщения к корейской культуре не происходит, а происходит разрыв с той системой ценностей, которая была у героя до службы. Когда герой Гришкова ест собаку, он пожирает, уничтожает собственное детство.

Согласно представлениям многих народов, попадая в мир мертвых, герой не должен есть тамошнюю пищу: «приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших» [4, с. 67]. В данном случае, собака – это и есть потусторонняя пища, неприемлемая для живых. Если рассматривать службу в армии как пребывание в мире мертвых, то герой совершает ошибку (поешь – останешься в этом мире навсегда). Он съедает собственное детство, окончательно уничтожая себя маленького, но не ощущает какой-то судьбоносности этого момента: «Ел, пытался ощутить бунт в себе, а мне... было вкусно. Коля вкусно приготовил. Я думал, до последнего, что не смогу есть, а смог. И с аппетитом» [1, с. 194]. Герой совершает действие, которого в детстве совершить не мог бы, и при этом поражается тому, что не чувствует никакого внутреннего сопротивления. Момент поедания собаки, который автором осознается как ключевой (вынесен в заглавие), героем не особо ощущается. Поэтому в финале этот эпизод встраивается в длинный перечень абсурдных ритуальных действий, из которых и состояла служба: «Меня благодарили за все. И за то, что меня так сильно..., за то, что я писал в море, за японского летчика, за все три года..., за собаку..., за все» [1, с. 198].

Необходимо отметить, что герой в данном случае не равен рассказчику, это несовпадение подчеркивается в начале пьесы: «Я расскажу о человеке, которого уже нет...» [1, с. 170]. Герой, который служил на Тихоокеанском флоте и съел собаку, не равен рассказчику, который утверждает, что не смог бы съесть собаку. Герой, который приобретает некий опыт в ходе предельно ритуализированной службы в армии, не сохраняется, он меняется настолько, что становится в прямом смысле слова другим человеком. Тем не менее очевидно, что между героем и рассказчиком существует очень тесная связь: рассказчик одет в морскую форму, его окружают морские атрибуты, канаты, которые метафорически привязывают рассказчика к его прошлому, а опыт трехлетнего бессмысленного существования отражается в отсутствии устойчивых представлений о мире и о себе самом. Монодрама Е. Гришкова представляет собой попытку разобраться в самом себе, неудачную попытку, поскольку в финале рассказчик теряется, путается и отказывается от собственного мнения.

Служба в армии в монодраме Е. Гришкова предстает как незавершенная инициация, которая разрушает человека как личность, уничтожает в нем ребенка, но не позволяет человеку обрести себя в новом качестве. Мир армии – абсурдный мир, пребывая в котором, человек теряет способность ориентироваться в настоящем мире, поэтому после долгожданного возвращения домой он чувствует себя потерянным и не имеет жела-

ния жить. Но благодаря игровому совмещению устойчивого выражения «съесть собаку» и реального поедания блюда из мяса собаки, Гришковец маскирует этот

трагический смысл, делая разрушение личности, к которому приводит служба на флоте, такой же неожиданной для читателя, какой она была для героя.

Литература

1. Гришковец Е. Как я съел собаку // Зима. Все пьесы. М.: Эксом, 2005.
2. Липовецкий М., Боймерс Б. «Как я съел собаку»: вокруг травмы // Перформансы насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». М.: Новое литературное обозрение, 2012.
3. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
4. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.
5. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / сост. Л. А. Войнова и др.; под ред. А. И. Молоткова. М., 1987.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / под ред. проф. А. Н. Тихонова; сост. А. Н. Тихонов и др. Справочное издание: в 2 т. М.: Флинта: Наука, 2004.

Информация об авторе:

Синегубова Капиталина Валерьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и русской литературы XX века КемГУ, sinegubova@nextmail.ru.

Kapitalina V. Sinegubova – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Journalism and Russian Literature of the 20th Century, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28.07.2014 г.

УДК 811.161.1

ИССЛЕДОВАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ СПОСОБНОСТИ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. А. Хованская

STUDY OF THE LANGUAGE ABILITY: PSYCHO-PEDAGOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

E. A. Khovanskaya

Изучение языковой способности играет важную роль для определения методических предпосылок успешного обучения, определения ключевых моментов в формировании языковой личности. Реализация коммуникативных потребностей личности строится посредством иерархически организованного конструкта (собственно языковой способности), состоящего из фонетического, лексического, морфологического, синтаксического, семантического компонентов.

The study of the language ability plays an important role for determining the methodical prerequisites for successful teaching by identifying the key moments in the formation of a linguistic personality. The implementation of the communicative needs of the individual is built through a hierarchically organized construct (the actual language ability), consisting of phonetic, lexical, morphological, syntactic, semantic components.

Ключевые слова: обучение, природа языковой способности, ее структура, компоненты, речевая способность.

Keywords: teaching, nature, structure and components of language ability, speech ability.

Занимаясь исследованием вопросов, касающихся процессов обучения русскому языку, методического обеспечения и реализации перспектив практического применения полученных знаний и умений, мы обратили внимание на важность изучения способности, в целом, и языковой способности, в частности. Анализ теоретических источников показал, что многие ученые (Н. Хомский, Е. Ленненберг, А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, С. Л. Рубинштейн, Б. М. Теплов и другие) изучали человеческие способности, структурные и функциональные особенности их функционирования, развития, что, несомненно, представляет интерес для нашей работы. Таким образом, целью нашей статьи стало выявление особенностей формирования, структуры и развития языковой способности.

Существуют две противоположные точки зрения относительно понимания языковой способности.

1. Языковая способность – наследуемое человеком образование (Н. Хомский, Е. Ленненберг и другие). Человек уже рождается с заложенным в него языковым материалом, но в течение жизни, развития человека он обогащается и расширяется.

2. Будучи социально обусловленным образованием, языковая способность формируется на основе нейрофизиологических предпосылок, которые в процессе реализации коммуникативных потребностей личности развиваются и обогащаются (А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович и другие). Данная точка зрения восходит к трудам Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурии, С. Л. Рубинштейна и содержит важнейшие положения о сущности (форми-

ровании, развитии, взаимодействии) языка и мышления у детей. В ходе практической деятельности, социокультурного взаимодействия с другими людьми посредством речевой деятельности, человек овладевает языковыми механизмами, развивается и совершенствуется его языковая способность.

Природа языковой способности интересовала также другую плеяду психологов (Л. Ф. Бурлачук, Л. А. Вагнера, И. Н. Горелова, А. В. Запорожца, В. А. Крутецкого, А. И. Мещерякова, Б. М. Теплова и других), которые экспериментально доказали, что:

- 1) ребенок овладевает языком в ходе предметной деятельности;
- 2) источником языкового развития является не врожденная схема, а деятельность и правила деятельности;
- 3) языковая способность детерминирована практической деятельностью ребенка, а не врожденными структурами;
- 4) языковая способность имеет социальный, а не врожденный характер;
- 5) в формировании языковой способности природные факторы играют определенную роль.

В советской психолингвистике понятие «языковая способность» трактовалось как «совокупность психологических и физиологических условий, обеспечивающих усвоение, производство, воспроизводство и адекватное восприятие языковых знаков членом языкового коллектива» [2, с. 54].

Концептуальные основы собственно «языковой личности», её «языковой способности» раскрываются в трудах Ю. Д. Апресяна, А. А. Леонтьева, А. М. Шахнаровича. «Понятие языковой личности весьма ограничено и может служить объяснением только части проблем, связанных с тем, как человек мыслит и говорит. Большой объяснительной силой в широком круге проблем речевой деятельности, в особенности в онтогенетическом аспекте обладает... понятие языковой способности» [9, с. 32]. Это понятие возникло как часть триады система-процесс-механизм и может рассматриваться только в связях и отношениях с другими компонентами системы. Включение механизма в эту систему определяет его как динамическое образование, что принципиально важно при анализе совокупности психолингвистических правил пользования языком с целью реализации коммуникативных задач [8, с. 16].

Совокупность функциональных правил существует в тесной связи с формированием системы компонентов, составляющих «ярусы», «этажи» языковой способности и соотносимых с единицами разных уровней языка. В структуре языковой личности это лишено динамизма [9, с. 32].

Акцентируя внимание на психофизиологической сущности языковой способности, А. М. Шахнарович предлагает следующее определение языковой способности – «это некая функциональная система, являющаяся средством отражения (и генерализации) элементов системы родного языка, функционирующая по определенным правилам» [9, с. 182].

Таким образом, языковая способность – это «многоуровневая, иерархически организованная функциональная система, формирующаяся в психике носителя

языка в процессе онтогенетического развития» [3, с. 617].

Под компонентным составом языковой способности А. М. Шахнарович понимает некий иерархически организованный конструкт, состоящий из фонетического, лексического, морфологического, синтаксического, семантического компонентов, связанных определенными правилами, которые позволяют осуществлять выбор функциональных элементов для реализации коммуникативных потребностей. Особая роль отводится семантическому компоненту языковой способности, формирующемуся в ходе овладения ребенком предметным миром.

С. Ф. Жуikov, Л. П. Калининский, И. С. Якиманская языковые способности делят на речевые (коммуникативные) и собственно языковые, которые в соответствии с уровнем строением языка подразделяются на фонетические, лексические, грамматические, имеющие сложную структуру, состоящую из общего (интеллектуального) и специального (языкового) компонентов.

Структура языковой способности в русле данного подхода вбирает в себя интеллектуальный (общий) и специальный – лингвистический (состоящий из языковой и речевой частей) – компоненты. Ядром языковой способности является «чувство языка», языковая интуиция [6, с. 13].

Каждый компонент языковой способности представлен определенной структурой из умений и способностей (схема 1).

Интеллектуальный компонент составляют:

- 1) умения, связанные с логическим мышлением: владение логико-языковыми операциями анализа, синтеза, обобщения, абстрагирования, классификации, дифференциации;
- 2) умения, связанные с образным мышлением: умения сопоставлять словесные, живописные, музыкальные образы.

Языковой компонент образуют:

- 1) осмысление языковой теории (семантики языковых понятий, смысла лингвистических текстов); восприимчивость к семантике языковых единиц (к лексическим значениям (эмоционально окрашенной лексике, тропам, фигурам речи, комическому в языке), к грамматическим значениям (владение лексико-семантическими группами частей речи, учет морфемной семантики при грамматическом анализе, использование грамматических значений при дифференциации грамматических категорий)).

В речевой компонент входят:

- 1) способность к звуко- и словотворчеству;
- 2) владение умением построения связного лингвистического высказывания;
- 3) умение строить художественный текст, насыщенный тропами, фигурами речи;
- 4) владение средствами интонационной выразительности устной речи (тоном, тембром, темпом, мелодикой, логическим ударением);
- 5) владение средствами эмоциональной выразительности письменной речи.

Е. Н. Пузанкова представляет структуру языковой способности через показатели языковой способности (схема 2) [5, с. 7].

Способность имеет существенное значение при выполнении определенной деятельности и оценивается в зависимости от требований, которые предъявляются конкретным видом деятельности к психофизиологиче-

ским особенностям личности. В русле данного определения «речевые способности следует рассматривать как общие, поскольку речь является универсальным орудием познания и человеческого общения» [7, с. 15].

Схема 1.

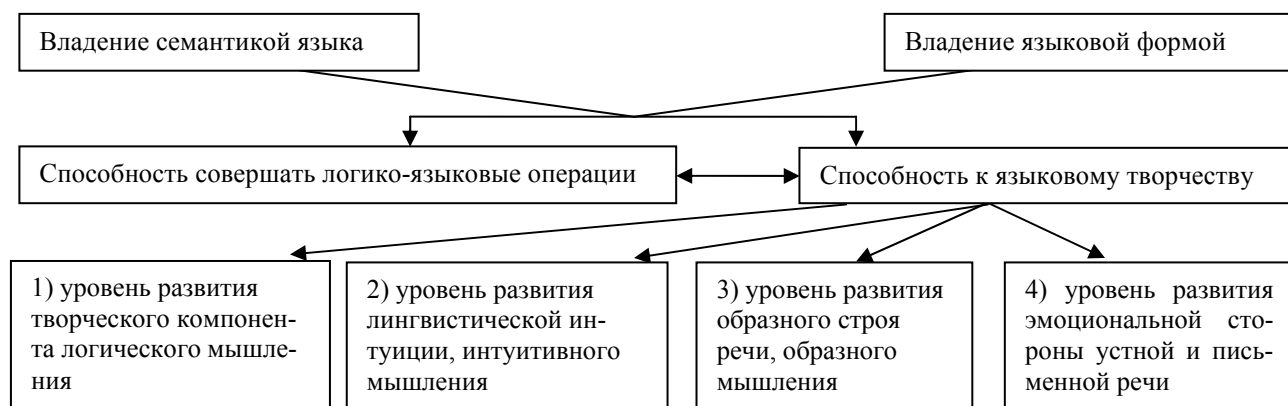

Схема 2.

Речевая деятельность предполагает наличие целого комплекса разнообразных способностей:

1. Способность адекватно воспринимать и оценивать вербально выраженное содержание и выражать в

слове собственные мысли в соответствии с темой и замыслом высказывания.

Восприятие художественного текста личностью предполагает работу мысли; анализ произведения; оп-

ределенного уровня развития эстетической культуры, творческого воспроизведения текста в своем сознании. Важно, чтобы восприятие соответствовало замыслу автора. В этой связи хочется отметить, что специфика продуктивной текстовой деятельности школьников направлена на умение и желание школьников воплотить собственные мысли в тексте. Речевые произведения учащихся требуют соблюдения и определенных норм культуры речи, и отражения индивидуального видения предмета.

Понимание сущности литературного искусства, особенностей художественного образа, роли слова в его создании, речевого опыта детей необходимо для полноценного речевого развития учащихся 5 – 9 классов [7, с. 16].

2. Способность к оценочному восприятию чужих и собственных речевых произведений и корректировке плана содержания и плана выражения своего речевого произведения.

Идейно-эстетическое содержание текста будет понятно в том случае, если читатель сумеет уловить авторскую позицию, проникнуть в тайну художественной формы, уловить и оценить искусство слова, создающего художественный образ. Воспитание читателя зависит от умения почувствовать «художественность» текста, оценить и перенести его словарное богатство в собственную речь.

Умение видеть изобразительно-выразительные средства в тексте, оценивать их функцию в тексте, понимать их языковую природу и использовать в собственной речи способствуют литературному и речевому развитию школьников, формированию их языковой личности [7, с. 17].

3. Способность эмоционального сопереживания и самовыражения при общении с текстом.

Эстетическая ценность присуща художественному тексту. Осмысление текста помогает выявить существенные для себя элементы текста. Такая особенность связана с индивидуальными особенностями психики субъекта, а также мотивирована особенностями текста.

«Особенности процессов восприятия и создания текста обуславливают особую значимость способности эмоционального сопереживания и самовыражения при общении с ним для формирования эстетической позиции личности, т.е. формирования индивидуального видения мира» [7, с. 18].

4. Способность к вероятностному прогнозированию, к планированию своих речевых действий при восприятии и создании текста.

Эффективность речевой деятельности во многом зависит от способности человека к вероятностному прогнозированию, т.е. способности предвидеть появление возможной ситуации, реагировать на нее, что позволит предугадать автором и читателем развитие сюжета.

В подростковом возрасте появляется гипотетико-дедуктивное мышление, появляется способность к решению интеллектуальных задач, стремление испытать свое творческое воображение (В. А. Крутецкий, И. Ю. Кулагина, Л. Ф. Обухова). Подростковый период наиболее сенситивен для развития способности к вероятностному прогнозированию и планированию речевых действий.

5. Способность к обогащению своего жизненного и речевого опыта, а также к его сознательному использованию при общении с текстом.

Текстовая деятельность является для школьников источником накопления жизненного и языкового опыта, способом усвоения духовных и интеллектуальных ценностей. Одно из приоритетных мест занимало чтение, по мнению Ф. И. Буслаева, И. И. Срезневского, К. Д. Ушинского и других, для методики преподавания русского языка. На современном этапе остается актуальным значение чтения школьниками произведений художественной литературы.

При создании собственных речевых высказываний важно, чтобы ребенок опирался не только на собственный опыт, интуицию, но и на понимание специфики текста и текстовой деятельности, знание и умение пользоваться изобразительно-выразительными средствами языка.

Перечисленные речевые способности составляют «единый творческий процесс восприятия или создания текста, и тесно взаимосвязаны как по своей функции, так и по своему содержанию» [7, с. 21].

Таким образом, языковая способность – это многоуровневая, иерархически организованная функциональная система, включающая интеллектуальный (общий) и специальный – лингвистический (состоящий из языковой и речевой частей) – компоненты, которые позволяют осуществлять выбор функциональных элементов для реализации коммуникативных потребностей. Каждый компонент языковой способности обладает определенной структурой из умений и способностей, без которых становится невозможным создание эффективных моделей обучения. Речевая способность является компонентом языковой способности и оказывает значительное воздействие на формирование личности в целом.

Литература

1. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология: развитие человека от рождения до поздней зрелости: учеб. пособие для студ. вузов. М.: Сфера, 2001. 464 с.
2. Леонтьев А. А. Слово в речевой деятельности. Некоторые проблемы общей теории речевой. М.: Наука, 1965. 245 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. Обухова Л. Ф. Детская психология: теории, факты, проблемы. М.: Тривола, 1995. 360 с.
5. Пузанкова Е. Н. Методика развития языковой способности учащихся 5 – 7 классов средней школы. Орёл: ОГУ, 1998. 107 с.
6. Пузанкова Е. Н. Формирование языковой способности учащихся при обучении русскому языку: монография. Орёл: Каргуш, 2004. 347 с.

7. Суворова Е. П. Периоды речевого развития школьников (5 – 9 классы): монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. 104 с.
8. Хованская Е. А. Развитие речевой способности учащихся 2 – 5 классов общеобразовательной школы на уроках русского языка при изучении имени прилагательного: дис. ... канд. пед. наук. Орел, 2008. 278 с.
9. Хомский Н. О. Язык и мышление / пер. с англ. Б. Ю. Городецкого. М.: Изд-во МУ, 1972. 122 с.
10. Шахнарович А. М. Проблемы формирования языковой личности учителя-русиста // Тез. докл и сообщ. IV Междунар. конф. 12 – 14 мая 1993; ВГПУ. Волгоград: Перемена, 1993. С. 39 – 42.
11. Шахнарович А. М. Семантический компонент языковой способности // Психолингвистические проблемы семантики. 1983. № 4.

Информация об авторе:

Хованская Елена Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета, l.hovanskaja@yandex.ru.

Elena A. Khovanskaya – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Theory and Methods of Teaching Russian Language and Literature, Orel State University.

Статья поступила в редколлегию 12.05.2014 г.

УДК 882-04

**«ЮНЫЕ И НЕВИННЫЕ...»
(ребенок как устойчивый тип героя в лондонском тексте английской литературы)**

О. С. Шурупова, Г. И. Коротина

**'THE INNOCENT AND YOUNG...'
(a child as a certain type of character in London text of English literature)**

O. S. Shurupova, G. I. Korotina

Данная статья посвящена анализу Лондонского текста английской литературы, который является одним из ключевых городских свертхтекстов англосаксонской культуры и до этого практически не подвергался систематическому исследованию. Цель статьи – выявить особенности типа ребенка как устойчивого для Лондонского текста типа героя, в котором воплощается свойственное данному свертхтексту миропонимание. Автор исследует особенности репрезентации и интерпретации ключевого концепта *child*. Анализ проводится на материале произведений Д. Дефо, Ч. Диккенса, Дж. Гринвуда, Ф. Бернетт и др. В пределах данного свертхтекста концепт *child* часто реализует признак «одинокый, несчастный», а смерть маленького героя становится одним из центральных событий Лондонского текста английской литературы. Данный концепт способствует созданию смыслового пространства города, в котором соседствуют добро и зло, невинность и порок. Результаты данного исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего анализа Лондонского текста английской литературы, а также других городских свертхтекстов.

The paper is devoted to the analysis of the London text of English literature that is one of the main super-texts in Anglo-Saxon culture. London text of English literature almost has almost never been analyzed before. The paper aims at analyzing the peculiarities of a child as one of the certain types of characters in London text of English literature, which shows the worldview of this super-text. The author researches interpretation and representation of the key concept *child* in novels by D. Defoe, Ch. Dickens, J. Greenwood, F. Burnett, etc. This concept often gains meaning of 'desolated' in London text of English literature, and the death of the young characters is often one of the main events in the super-text. This concept helps to create the urban space where kindness and innocence are almost confused with evil and sin. The results of this research can be used in further analysis of London text of English literature, and other urban super-texts.

Ключевые слова: свертхтекст, концепт, концептосфера, свертхтекстовая картина мира, Лондонский текст английской литературы.

Keywords: super-text, concept, concept sphere, super-text world picture, London text of English literature.

В настоящее время развитие лингвистики осуществляется в русле антропоцентрической парадигмы, которая ставит перед учеными новые цели исследования языка, предполагает появление новых принципов и методов языкознания. Так, важнейшим принципом современной лингвистики становится текстоцентризм. Можно с уверенностью утверждать, что естественный человеческий язык представляет собой со-

вокупность текстов и ни одна единица языка не используется его носителями вне текста, где они и получают возможность реализовать свое значение и выполнить свои функции. Однако в последнее время появляется все больше исследований, посвященных свертхтекстам, то есть «открытым системам текстов, характеризующимся единой свертхтекстовой картиной мира и представляющим собой мифотектонические

парадигмы» [5, с. 213]. Системы текстов, в основе которых лежат устойчивые схемы, представляются важной частью большинства культур, ключевые особенности которых они отражают. Однако до сих пор нет единого определения сверхтекста и, несмотря на существование нескольких типологий сверхтекстов, предложенных различными учеными, нет единого мнения о том, на какие группы данные системы текстов могут подразделяться. Тем не менее нет сомнений в существовании группы городских сверхтекстов, связанных с изображением нескольких крупных городов, сыгравших в развитии отечественной культуры значимую роль: Петербурга, Москвы и т. д.

Явление сверхтекста не является специфичным для русской культуры: в рамках других культур тоже создаются сверхтекстовые системы. Характерным для европейских культур является создание городских сверхтекстов, которые, как правило, организуются вокруг значимого топонима. Так, определенную роль в развитии англосаксонской культуры сыграл Лондонский текст английской литературы, который составляют произведения различных авторов: Т. Филдинга, Д. Дефо, У. Блейка, Ч. Диккенса, У. Теккерея, Р. Л. Стивенсона, Дж. Гринвуда, Э. Л. Войнич. В современный Лондонский текст входят произведения С. Кинзеллы, С. Уотерс, Дж. Фаулза, Х. Филдинг и т. д. Нередко, говоря об этом сверхтексте, исследователи ограничиваются анализом образа викторианского Лондона, который создается прежде всего в произведениях Ч. Диккенса «Очерки Боза», «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Крошка Доррит», «Домби и сын», «Большие надежды», «Наш общий друг» и т. д. Однако, по нашим наблюдениям, основные мифологемы Лондона, нашедшие отражение в данном сверхтексте, сложились уже к XVIII в. и получили отражение в пьесе Дж. Гея «Опера нищих», романах Т. Филдинга «История приключений Джозефа Эндрюса и его друга Абрама Адамса», «История Тома Джонса, найденыша», «История жизни покойного Джонатана Уайлда Великого» и Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс...».

Благодаря анализу особенностей репрезентации и интерпретации ключевых художественных концептов сверхтекста, а также отношений между ними, возможно становится сделать вывод о существовании Лондонского текста английской литературы и возможности включения в него того или иного произведения, которое обнаруживает сходные особенности. Благодаря концептосфере Лондонского текста образуется единая сверхтекстовая картина мира, которая проявляет себя во всех его составляющих, хотя сверхтекст и претерпел достаточно глубокие изменения на протяжении нескольких веков, связанные с увеличением роли одних концептов и уменьшением значения других. Все тексты, которые можно признать единицами данного сверхтекста, составляют мифотектоническую парадигму, поскольку в них создается образ Лондона, которого, возможно, не существует в реальности, но каким он представляется английскому культурному сознанию и отразился в культурно-языковом феномене Лондонского текста английской литературы.

Подвергая исследованию тот или иной городской сверхтекст, нельзя пройти мимо его героев, которые, как правило, составляют несколько устойчивых типов. Так, среди героев Петербургского текста русской литературы выделяются устойчивые типы чиновника, сумасшедшего, самоубийцы [2], среди героев Московского текста – типы девы, матери, молодого человека [4]. Это, разумеется, не значит, что все, кто появляется в той или иной составляющей сверхтекста, непременно будут членами той или иной группы. Однако практически во всех его единицах можно встретить одного или нескольких представителей устойчивого типа личности, характерного и для других текстов, нередко созданных в иную эпоху, и объединяющего весьма различные произведения.

Разумеется, заслуживают пристального внимания устойчивые типы героев, свойственные Лондонскому тексту английской литературы. Одним из них можно признать тип ребенка. В книге Дж. Гринвуда «Семь язв Лондона» [6] упоминаются такие проблемы столицы, как нищета, проституция, преступность и огромное количество уличных детей, которые вынуждены сами зарабатывать себе на хлеб или воровать. Думается, одним из свойственных Лондонскому тексту английской литературы типов героя можно признать тип ребенка, который встречается и в некоторых других городских сверхтекстах, хотя и не является очень распространенным. Так, например, он не играет важной роли в организации Петербургского или Московского текстов, однако явно участвует в смысловой организации Киевского текста русской литературы. Однако если там ребенок обычно предстает как чистое, невинное существо, открывающее для себя мир, пусть сложный и полный противоречий, но прекрасный и чарующий своей новизной, то маленький герой Лондонского текста сталкивается, как правило, с самыми страшными и неприглядными явлениями столичной жизни. Концепт *child* получает в данном сверхтексте репрезентацию с помощью имен существительных *child (children), baby, toddler, boy, girl*, а также имени прилагательного *little*, которое нередко присутствует в названии той или иной составляющей Лондонского текста, где идет речь о детях: 'The True History of a *Little Ragamuffin*', '*Little Dorrit*', '*A Little Princess*' и т. д. Иногда в названиях составляющих данного сверхтекста встречаются и другие репрезентанты этого концепта: '*About a Boy*', '*Shopaholic and Baby*', '*Mini Shopaholic*': 'Had this been the custom in our country, I had not been left a poor desolated *girl* without friends, without clothes, without help or helper in the world' / «Будь такой обычай заведен и в нашей стране, не осталась бы я несчастной, брошенной девочкой без друзей, без одежды, без помощи или помощника» (Прим. автора: здесь и далее перевод автора) (Defoe. *Moll Flanders*); 'She had a *child* in her arms... There was no mistaking her – she was my stepmother; and the *child* in her arms – a poor *little* dirty-faced *thing* in an old bedgown, and with a rag of a shawl wrapped about her – was my own sister Polly' / «У нее на руках был ребенок... Тут не могло быть ошибки – это была моя мачеха, а ребенок, которого она держала, – бедная чумаза крошка в старой ночной сорочке, завернутая в рваную шаль – это была моя сестричка Полли» (Greenwood.

The True History of a Little Ragamuffin); 'She was such a *little girl* that one did not expect to see such a look on her small face. It would have been an old look for a *child* of twelve, and Sarah Crewe was only seven' / «Она была так мала, что выражение ее личика могло показаться странным. Оно было бы слишком взрослым даже для ребенка лет двенадцати, а Сара Крю сравнялось только семь» (Burnett. A Little Princess); 'It's a *girl*. It is a *little girl*, with scrunched-up-petal lips and a tuft of dark hair and hands in tiny fists, up by her ears' / «Это девочка. Это маленькая девочка, с губками как крошечные лепестки, и с пушком темных волос, и с маленькими кулачками, которые она подняла вверх» (Kinsella. Shopaholic and Baby).

Данный концепт реализует в Лондонском тексте английской литературы не только присущие ему в стандартных языковой и когнитивной картинах мира признаки 'a young person', 'someone's son or daughter', 'boy or girl', 'a baby' / «невзрослый», «чей-то сын или чья-то дочь», «мальчик или девочка», «младенец», но и — достаточно часто — семантический компонент 'desolated' / «одинокый, брошенный, несчастный» [7, с. 231; 8, с. 248; 9, с. 116; 10, с. 192]. Нередко он связан с концептом *homeless*. Кроме того, в пределах романа Н. Хорнби «Про одного мальчика» концепт реализует признак 'an adult who behaves in ways that are not reasonable or sensible' / «взрослый, который ведет себя неразумно».

Как утверждает П. Акройд, «история детей в Лондоне дает очень много пищи для размышления. В их смертности, в их жестокости, в их игровом инстинкте проявляются могучие силы города» [1, с. 720]. К данному типу относятся, например, Оливер Твист из одноименного романа Ч. Диккенса, маленькая Нелл из романа «Лавка древностей», Поль и Фрэнсис Домби из романа «Домби и сын», а также героиня его другого произведения крошка Доррит, которая выросла и получила воспитание в лондонской долговой тюрьме, Джим, герой повести Дж. Гринвуда «Подлинная история маленького оборвыша», и его друзья Рипстон и Моулди, Сара Крю из повести Ф. Бернетт «Маленькая принцесса». Роман Ч. Диккенса «Домби и сын» не случайно начинается со сцены появления на свет маленького Поля, которому, однако, суждено умереть ребенком. Смерть ребенка становится одним из центральных событий целого ряда составляющих Лондонского текста английской литературы. Погибают Моулди («Маленький оборвыш» Дж. Гринвуда), маленькая Нелл («Лавка древностей» Ч. Диккенса), узнает о смерти лучшего друга Оливер Твист из одноименного романа Ч. Диккенса и т. д.

Многие из представителей данного типа являются сиротами, потерявшими одного или обоих родителей и вынужденными самостоятельно преодолевать нелегкие преграды на жизненном пути. Практически ко всем маленьким героям данного сверттекста относятся слова, которые произносит герой романа Ч. Диккенса «Лавка древностей»: 'It always grieves me to contemplate the initiation of children into the ways of life... It checks their confidence and simplicity — two of the best qualities that heaven gives them — and demands that they share our sorrows before they are capable of entering into our enjoyments' / «Мне всегда печально

думать о том, как дети сталкиваются с жизненными невзгодами... Это убивает в них доверчивость и простоту — лучшие качества, дарованные им Богом, — и заставляет их разделить невзгоды взрослых, радости которых им еще недоступны». Исключением являются, пожалуй, дети из сказочной повести П. Трэверс «Мэри Поппинс», Флер Форсайт, а также ее сын Кит Монт из «Саги о Форсайтах» Дж. Голсуорси и маленькая Минни из романа С. Кинзеллы «Минишопголик», однако и на их долю выпадают различные горести. Так, например, на судьбе маленького Кита не могут не отражаться моральные страдания его матери, на долю Минни выпадают непонимание и недоверие окружающих, даже родного отца, который, считая ее чрезмерно избалованной, хочет отправить девочку в исправительный лагерь для непослушных детей, а маленькие Бэнксы в конце концов теряют любимую няню и тоже проливают немало слез. Лондонская действительность страшна и безжалостна, и этих детей ожидает много горя. Как пишет П. Акройд, «все слезы лондонцев по поводу смерти маленькой Нелл, вся жалость читателей к невинно умирающей провоцировались окружением — городом, который викторианцы создали своими руками. Они плакали над судьбами всех..., с которыми исполинская столица обошлась предательски» [1, с. 715].

Думается, в полной мере отношение Лондона к представителям данного типа героев выражено в произведении Р. Л. Стивенсона «Странная история Доктора Джекиля и мистера Хайда», зловещий герой которого сбивает с ног девочку восьми-девяти лет и спокойно проходит по ее распростертому на земле телу, направляясь по своим делам. '...The man trampled calmly over the *child's* body and left her screaming on the ground. It seems nothing to hear but it was hellish to see. It wasn't like a man; it was like some damned Juggernaut' / «Человек спокойно перешагнул через тело малышки, оставив ее плачущей на земле. На слух это не кажется ничем особенным, но видеть это зрелище было ужасно. Он был словно не человек, а какой-то проклятый Джаггернаут». Ребенок встречается нам и в единице Лондонского текста XVIII в. — романе Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс...», главная героиня которого остается на улицах Лондона одна еще совсем маленькой девочкой (возможно, память о собственных несчастьях удерживает ее впоследствии от убийства ограбленного ею на улице ребенка), и в современной его составляющей — романе Дж. Фаулза «Любовница французского лейтенанта», герой которого, оставшись один в жилище павшей женщины, находит там ее крошечную дочь. 'The *little girl* had evidently awakened... She was one of those pudgy-faced Victorian *children* with little black beads for eyes' / «Малютка явно проснулась... Это был типично викторианский ребенок, с пухлыми щечками и крохотными черными бусинками глаз». Эту девочку, пока еще крошечную и не понимающую, что происходит вокруг, вряд ли ожидает что-то доброе. Лишенная отца, рожденная во грехе и позоре, дочь несчастной павшей женщины, эта героиня Лондонского текста, почти несомненно, пойдет по стопам своей матери. Ребенок в Лондонском тексте всегда олицетворяет чистоту, невинность, всегда противопостав-

лен жестокому и суровому окружающему миру. Так, в романе современного автора Н. Хорнби «Про одного мальчика» перед читателем предстает школьник Маркус, не понятый окружающими, чужой для всех, даже – в определенной мере – для собственных родителей и глубоко несчастный. Он пытается вести себя как взрослый, продолжая, таким образом, галерею маленьких героев Лондонского текста, преждевременно повзрослевших и ставших серьезными: Дженни («Наш общий друг» Ч. Диккенса), Эмми Доррит («Крошка Доррит» Ч. Диккенса), Сара («Маленькая принцесса» Ф. Бернетт).

Концептосфера Лондонского текста отличается достаточным разнообразием, и благодаря ей формируется особая свертхтекстовая картина мира, исследуя особенности которой, можно сделать вывод, что в Лондонском тексте английской литературы отразились мифологемы города, связанные с его восприятием как великой столицы, но в большей степени опасного, преступного места, двойственного пространства, в котором соседствуют богатство и нищета; хрупкая невинность и порок; теплые семейные гнезда и холодные, мрачные улицы, по которым одинаково одетые служащие каждый день отправляются на ра-

боту в Сити. Это пространство, существование которого определяется вечным конфликтом между однообразным и разнообразным, яркими возможностями, которые предоставляет жизнь, и мертвенным стилем жизни, свойственным Сити.

В Лондонском тексте отражается миропонимание англичанина, чувства человека, который не представляет своей жизни без Лондона, противоречивого города, которому «по самой природе его свойственно содержать в себе все» [1, с. 878]. Думается, исследование данного свертхтекста приобретает особую важность в наше время, в ситуации культурного самоопределения народов, когда под влиянием процессов глобализации может происходить нивелирование национальных культур, превращение их в некий усредненный общечеловеческий суррогат, лишенный национальных особенностей видения мира [3, с. 255]. Анализ особенностей Лондонского текста английской литературы, воссоздание свертхтекстовой картины мира, которая создается в многочисленных произведениях, входящих в него, дает возможность постичь сходство и различия между столичными свертхтекстами разных культур и ощутить их уникальность и неповторимое богатство.

Литература

1. Акройд П. Лондон: биография / пер. с англ. В. Бабкова, Л. Мотылева. М.: Издательство Ольги Морозовой, 2005. 896 с.
2. Йэн К. Лилли. Ростовщики «Петербургского текста» // Известия Академии наук. 1997. Т. 56. № 1. С. 36 – 42. (Серия: Литературы и языка)
3. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации: учеб. пособие. М.: АСТ: Астрель: Хранитель, 2007. 286 с.
4. Шурупова О. С. Московский текст русской литературы и его герои // Русская речь. 2011. № 1. С. 97 – 102.
5. Шурупова О. С. Текстовая и свертхтекстовая картины мира как объект филологического изучения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 3(21). Ч. 2.
6. Greenwood J. The Seven Curses of London. URL: <http://www.onread.com> (дата обращения: 08.05.2013).
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. Third Edition. Great Britain: Pearson Education Limited, 2005. 1620 p.
8. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Second Edition. Oxford: Macmillan Edition, 2007. 1748 p.
9. Manser M. H., Turton N. D. The Wordsworth Advanced Learner's Dictionary // Wordsworth Reference. 1998. 839 p.
10. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Fifth Edition. Oxford: Oxford University Press, 1995. 1428 p.

Информация об авторах:

Шурупова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), shurupova2011@mail.ru.

Olga S. Shurupova – Candidate of Philology, Senior Lecturer at the Department of Humanities and Natural Sciences, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (Lipetsk branch).

Коротина Галина Ивановна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), aekk@mail.ru.

Galina I. Korotina – Senior Lecturer at the Department of Humanities and Natural Sciences, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation (Lipetsk branch).

Статья поступила в редколлегию 18.02.2014 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 2: 23.294

ПОНЯТИЕ ДУХОВНОГО СЕРДЦА В ФИЛОСОФИИ ШРИ ЧИНМОЯ

М. В. Воронина

THE CONCEPT OF SPIRITUAL HEART IN SRI CHINMOY'S PHILOSOPHY

M. V. Voronina

Статья раскрывает смысловое содержание понятия духовного сердца в философии выдающегося представителя индийской культуры, крупнейшего мыслителя, йога и духовного мастера Шри Чинмоя (1931 – 2007). На первый план выведена проблема онтологического статуса духовного сердца, которая в настоящее время философской наукой изучена мало. Автор анализирует идеи Шри Чинмоя о роли данной антропологической структуры в дальнейшем эволюционном движении человека в контексте всеединого существования.

The paper is devoted to discovering the semantic content of the concept of spiritual heart in the philosophy of the outstanding representative of the Indian culture, the largest thinker, the yogi and spiritual master Sri Chinmoy (1931 – 2007). The problem of the ontological status of spiritual heart, which has little been studied in philosophy so far, is brought to the fore. The author analyzes Sri Chinmoy's ideas about the role of this anthropological structure in the further evolutionary movement of a human being in the context of universal oneness existence.

Ключевые слова: ведическая традиция, Шри Чинмой, духовное сердце, онтология, вселенское всеединство, эволюция.

Keywords: Vedic tradition, Sri Chinmoy, spiritual heart, ontology, universal oneness, evolution.

Понятие духовного сердца звучит в человеческой культуре с незапамятных времен, занимая, как указывают исследователи, центральное место в религии, мистике и поэзии всех народов [4, с. 271]. Оно встречается во многих Священных Писаниях разных религий, начиная с наиболее ранних – Вед [Ригведа, т. 1: I, 67.3-4; I, 73. 10; I, 105.15; II, 35.2; III, 26.8; Ригведа, т. 2: V, 1.10; VI, 16.47; Ригведа, т. 3: X, 5.1; X, 25.2; X, 90.13-14; X, 119.5; X, 123.2; X, 191.4; Атхарваведа, т. 1: IV, 2.10; V, 29.4; VI, 9.3; VI, 18. 1,3]. Хорошо известным является также факт широкого присутствия этого понятия и в библейских текстах, в обоих Заветах – Ветхом и Новом. В них мы находим первичные смысловые структуры содержания символа сердца и указание на их бытование в антропологической реальности. Феномен сердца здесь осмысливается не в качестве физического органа, а как неотделимая, а то и ведущая часть тонких духовно-душевных и психологических процессов, обретая значение некоего духовного органа. Как пишет исследователь В. Н. Бабина [15, с. 157], в христианской философии сердцу придается значение не только центрального органа чувств, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. Сердце есть орган воли, из него исходит любовь, в сердце помещается такая интимная скрытая функция сознания, как совесть, за сердцем закрепляется также эмоциональная сфера. То обстоятельство, что современные исследователи особо обращают внимание на факт единодушного признания различными религиозными и религиозно-философскими традициями (суфизма, буддизма, даосизма, исихазма, индуизма) наличия у человека особого органа познания – сердца [26, с. 4, 35], в значительной мере продиктовано сложившейся

в мировой культуре (особенно в ее западном варианте) ситуацией, когда встает вопрос о глобальной значимости смены типа рациональности.

В разные времена различные аспекты феномена сердца исследовались как в религиозных, богословских, философских трудах, так и в области гуманитарных наук широкого профиля (история, филология, лингвистика, культурология, психология). В двадцатом же веке, как пишет исследователь Ф. Н. Юсупова, «сердечная» проблематика стала объектом концептуальной рефлексии, узловой темой философско-культурологических и философско-антропологических изысканий, приобретая качественно новый метафизический статус [38, с. 3]. Вместе с тем целый ряд авторов диссертационных исследований последних лет прямо указывают на крайнюю недостаточность в изучении темы духовного сердца [13, с. 4 – 5; 25, с. 2 – 3, 9; 26, с. 4]. Также говорится о том, что на данный момент не существует целостной концепции сердца [13, с. 6] и что наличествует необходимость для философии поставить «своеобразный кантовский вопрос: как возможно... сердечное познание, единодушно признаваемое сторонниками различных религиозных учений?» [13, с. 4].

Обращает на себя внимание противоречивое положение вещей и в другом отношении. Есть исследователи (правда, их совсем немного: здесь мы можем назвать только двоих – Б. П. Вышеславцева и Ю. В. Хвастунову – и их к тому же разделяет большой промежуток времени), которые указывают как на совершенно непререкаемый факт, что сердцу принадлежит центральное место в религиозной системе индуизма. Но мы при этом вынуждены констатировать, что нет ни одного самостоятельного исследования

феномена сердца как явления индуистской, т. е. ведической, религиозно-философской традиции, кроме тех немногочисленных страниц, которые посвящают этой теме сами названные выше исследователи [26, с. 35 – 44; 16, с. 275 – 279].

В данной работе сделана попытка восполнить пробел в исследованиях на эту тему, обратившись к наследию выдающегося представителя индийской культуры, крупнейшего мыслителя, йога и духовного мастера Шри Чинмоя (1931 – 2007). В системе его взглядов понятие духовного сердца является центральным. Шри Чинмой сам называет предлагаемый им путь путем сердца, понимая под сердцем не физический орган, а некую тонкую, духовную структуру, которая тем не менее имеет свою локализацию в теле человека – середина грудной клетки [35, с. 127 – 128] – и которая составляет, согласно Шри Чинмою, центр личности.

В кардиоцентричном учении Шри Чинмоя выражена антропология, вбирающая в себя древний опыт: своим источником она имеет Священные Писания индуизма – Веды, Упанишады, Бхагавад-Гиту. Одновременно он преемственным образом развивает достижения представителей реформационного движения в индуизме, его современной модификации, получившей название неоиндуизма (в первую очередь Шри Рамакришны, Вивекананды, Шри Ауробиндо). Вся эта линия, которая существует более ста лет, была изначально сориентирована на интеграцию мировых культур Востока и Запада как инструмент единения человечества. Ее представители намеренно создавали свои тексты на английском языке, стараясь передать ведическое знание в предельно универсальной форме и обеспечить необходимые предпосылки осуществления интеграционных процессов на земле. Основопологающие принципы ведической традиции (монизм, космизм, эволюционизм, теизм, праксиологизм) являются базой развития неоиндуизма и присутствуют во взглядах его представителей. Учение Шри Чинмоя несет многовековую традицию в будущее, включая его вселенское и глобальное измерения. (Прим. автора: *в этом своем изложении взглядов Шри Чинмоя мы сохраним его орфографию в отношении использования заглавных букв в словах, которые, как правило, обозначают либо высшую вселенскую инстанцию (Брахмана, Творца, Бога, Всевышнего, Абсолюта), либо его атрибутивные свойства*).

В задаваемой традицией схеме интерпретаций можно увидеть, как понятие духовного сердца развивалось от кажущейся достаточно простой лексемы, лишь эпизодически появлявшейся на страницах Вед, до центрального понятия всеобъемлющей метафизической концепции, как мы это видим в учении Шри Чинмоя. Необходимо в первую очередь отметить, что данное учение передает концепцию вписанности человека в космический контекст и конкретизирующим образом разрабатывает глубинные и принципиально важные аспекты процесса дальнейшего исторического развития на земле. У Шри Чинмоя мы найдем все уровни подхода к проблеме – от самых фундаментальных, затрагивающих онтологические аспекты, до сугубо практических, служащих реальному процессу осознания феномена духовного сердца и овладения

им. Мы намерены в нашей работе уделить внимание в первую очередь онтологическому аспекту феномена в силу, во-первых, крайней неразработанности в науке этой стороны в постижении сердца, а во-вторых, в силу значимости онтологического основания в представлении любого феномена вообще, а сердца в особенности. Как пишет Е. С. Титаренко, исследование реального жизненного функционирования религиозного символа сердца в антропологической реальности теоретически опирается на онтологическое понимание природы символа [25, с. 16]. Именно онтологические основания сердца таковы, что, как это явствует из написанного Шри Чинмоя, делают его главной опорой трансформационных процессов на земле и ключом к будущему человеку. Но поскольку феномен сердца является исключительно сложным объектом философского исследования, что признается учеными, исследовавшими этот феномен [26, с. 19; 16, с. 271], и при его анализе постоянно пересекаются онтологические, гносеологические, антропологические, аскиологические, психологические и прочие предпосылки, а в целом, практически ориентированном учении Шри Чинмоя это проявляется в наибольшей мере, то мы неизбежно будем касаться и других аспектов.

Онтология духовного сердца, как она представлена у Шри Чинмоя, такова, что она неизбежно должна повлечь расширение контекста рассмотрения антропологической реальности со всеми вытекающими отсюда последствиями, и в первую очередь – необходимостью пересмотра и развития представлений о космологическом характере земного существования. В своих подходах к данной проблематике учение Шри Чинмоя вступает в плодотворный диалог с некоторыми весьма значимыми течениями и направлениями мысли в мировой философии, и в первую очередь с метафизикой всеединства, а также с космизмом – не только русским, но и западным, предложившим в лице христианского теолога Тейяра де Шардена основывающуюся на научных изысканиях ноосферную парадигму развития жизни на земле, раскрывающую ее, жизнь, как гигантскую психобиологическую операцию – своего рода «мегасинтез», «суперкомбинацию», как выражается Шарден [27, с. 194].

Максимально расширяя контекст рассмотрения сущности человека – до космического и вселенского, как мы уже сказали, Шри Чинмой включает в него вектор эволюционной перспективы, в основание которой он кладет идею структурного единства бытия, или, выражаясь языком самого мыслителя, идею вселенского всеединства, инструментом и своего рода прообразом которого на антропологическом уровне у него служит понятие духовного сердца. Концепция эволюции на земле Шри Чинмоя синтезирует некоторые идеи биологической эволюции, представленной в учениях Ламарка и Дарвина, и идеи тех, кто развивал взгляд на эволюцию на земле как эволюцию духа, или сознания (Анри Бергсон, Тейяр де Шарден, представители русской религиозной философии и др.). Наиболее близким ему является учение об эволюции на Земле в виде двуединого процесса инволюции духа и эволюции материи, которое представлено у Шри Ауробиндо и в котором идея конечной цели вырисовы-

вается как причина трансформации антропологической реальности. Об учении Шри Чинмоя можно говорить как об эволюционизме, базирующемся на пластичности, подвижности соотношения материи и духа в составе единой целостности. Яркой выразительной чертой учения Шри Чинмоя является беспрецедентная детализация каналов социализации знания, накопленного традицией, и акцент на творческом характере современного этапа эволюции на земле, в силу чего это учение можно было бы определить также как искусство интегральной динамической духовной трансформации.

Для учения Шри Чинмоя характерным является положение, логически связанное со сказанным выше – он никогда не рассматривает человека в отрыве от отношений внутри системы «человек-вселенная\космос-Бог». Несмотря на доминирование здесь праксеологической составляющей, принцип монизма, пронизывающий всю философию Шри Чинмоя, служит основанием онтологизации согласованности бытия человека, космоса и Бога внутри их общего бытия. Философия Шри Чинмоя обнаруживает, что тип связи внутри этой системы таков, что она становится вместилищем всех возможных для человека императивов, которые предполагают в качестве своих коррелятов определенные духовно-нравственные качества, носителем и основой (субстратом) которых служит духовное сердце. Здесь утверждается не статичное, а живое единство человека, космоса и Бога (а вместе с ним – и идея богоподобия человека). С одной стороны, космос выступает главным фактором формирования нового человека, а вовсе не пассивным фоном для его деятельности. Но с другой стороны, согласно концепции Шри Чинмоя, человек вовлечен в проектирование вселенной столь радикальным способом, что он может выступать в роли властно-волевого оператора, результаты функционирования которого обладают неизмеримым потенциалом экстраполяции. Он – человек – призван стать субъектом космической эволюции. Отсюда мы получаем предельную насыщенность монистического учения Шри Чинмоя антропологическим содержанием как одну из его сущностных характеристик.

Хотя свои идеи Шри Чинмой часто выражает с преобладанием образной и поэтической компоненты (как это свойственно традиции в целом), это несколько не умаляет глубины его текстов, а напротив – делает их необычайно емкими. Приведем несколько строк Шри Чинмоя, в которых представлено описание синтетической природы космоса как метафизической и антропологической реальностей, раскрывающее в свободной художественной манере принципы высокой степени общности человека, космоса (вселенной) и Бога. В одном из своих эссе, которое так и называется – «Вселенная», – Шри Чинмой пишет:

Вселенная – это Творение Бога и осознание человека.

Вселенная – это Сострадание Бога и освобождение человека.

Вселенная – это Концентрация Бога и преобразование человека.

Вселенная – это Медитация Бога и раскрытие человека.

Вселенная – это Созерцание Бога и проявление человека [30, с. 53].

В своей интерпретации этих строк мы хотели бы обратить внимание на следующее. Во-первых, данные строки являются одной из развернутых диспозиций тезиса Шри Чинмоя – единства и тождества творения и Творца, человека и Бога, Атмана и Брахмана, их неразрывности. Этот тезис, чрезвычайно важный, как известно, в системе ведических взглядов, в разных вариациях постоянно присутствует в работах мыслителя. Существует множество высказываний Шри Чинмоя, где он этот фундаментальный тезис утверждает, развивает и конкретизирует:

– «Бог и человек едины и тождественны» [11, р. 126];

– «...человек сам есть Бог» [35, с. 43];

– «Человек – это завтрашний Бог и Бог – это завтрашний человек» [2, р. 37]. «Бог находится глубоко внутри нас» [11, р. 33];

– «...Бог и мы – одно и навсегда останемся одним. Человек и Бог – устремленный в человеке и спаситель в Боге – полностью одно» [34];

– «Бог – это человек, еще не осуществленный в Его бесконечности, а человек – это Бог, но ему еще предстоит это осознать» [11, р. 126];

– «Он (человек) и Бог не только вечно есть одно, но они также равны, они все пронизывают и всему несут осуществление» [35, с. 29].

Во-вторых, эти строки могут быть расценены как краткий способ передачи очень глубокой и масштабной мысли о бытии человека в мире как экзистенциальной драме преодоления разъединения с Богом. Поле, где осуществляется воссоединение, называемое в традиции Лилой (Божественной Игрой, или Драмой), и служит, как подчеркивает Шри Чинмой, космос, представляемый им в качестве Бесконечности, которая тем не менее определенным образом структурирована, что также коррелирует с сущностными характеристиками сердца (что будет показано ниже). Во всех аспектах рассмотрения этой проблемы в качестве руководящего принципа ее решения может и должна выступать метафизика всеединства. Эта онтологическая целостность Творца и творения, которую постулирует Шри Чинмой, важна для его этики и гносеологии. Органическое единство человека и мира означает нравственную ответственность человека в космическом масштабе: создавая такой образ живой, эволюционирующей и, как особо подчеркивает Шри Чинмой, подлинной Вселенной, он в этом же эссе как к условиям такой Вселенной отсылает к качествам, которые описывает в своей философии как качества сердца – устремленности, восприимчивости, служения и т. д. [36, с. 53 – 55].

Философия Шри Чинмоя не оставляет сомнения, что глубинная связь человека с космосом реализуется в человеке на уровне развития в нем этических основ. По сути, своей его философия может быть представлена как всестороннее раскрытие отношений личности (единичного) и Бога (Единобожия), разворачивающихся в сакральном пространстве духовного сердца, становящегося вместилищем божественных сущностей и сил и формирующегося путем обмена субстанций и движений (содержащиеся в символе сердца

первичные смысловые структуры выступают в качестве проекций содержаний духовной реальности).

Чем объясняется столь высокий статус духовного сердца? В порядке его обоснования Шри Чинмой указывает на ряд положений, онтологически характеризующих феномен духовного сердца, и в первую очередь – на существующий порядок онтологической последовательности и места духовного сердца в ней. Он говорит, что духовное сердце начало существовать до того, как возникла «Жизнь – Звук Бога» (термин Шри Чинмой), оно пришло к существованию «внутри трансцендентного источника абсолютного безмолвия Бога» [12, р. 59]. Здесь же мы найдем сущностную характеристику феномена, выраженную в простой и краткой форме: Шри Чинмой называет духовное сердце измерением универсальности. И здесь же Шри Чинмой говорит о том, что это самое духовное сердце, которое, как мы понимаем из сказанного им здесь, имело место быть до начала процесса творения, было вложено в человека, находящегося в предельно удаленной от Источника творения точке, каковой является наша планета Земля. Таким образом, духовное сердце предстает у Шри Чинмой как локализованный аспект Всевышнего, помещенный в наше, человеческое, сознание.

Представляется очевидным (и весь контекст философии Шри Чинмой это доказывает), что фраза о возникновении «Жизни – Звука Бога» в философии Шри Чинмой означает то же, что тезис о зарождении «Божественной речи» (Вак, или Вач – Вас) в Ведах (и там, и там имеется ввиду священный звук Аум, который в обоих случаях характеризуется как первая ступень отделения от Творца, еще несущая на себе печать Его Трансцендентального Безмолвия и потому парадоксально называемая беззвучным звуком). Фраза Шри Чинмой о возникновении «Жизни – Звука Бога» подразумевает начало космогонического процесса творения мира, в сути своей означающей дифференциацию Единого Творца на множество различных форм – процесса, который, проходя через ряд последовательных фаз, в конце концов составил ту часть творения, которая столь непосредственно известна нам – т. е. земную реальность со всем ее бесконечным разнообразием материальных форм.

Как пишет в предисловии к книге Шри Чинмой «Комментарии к Ведам, Упанишад и Бхагавад-Гите» профессор философии и религиовед из США Кушумита Педерсен, Священная речь воплощала в звуке-форме фундамент реальности – существования [26, р. X – XI]. Шри Чинмой говорит, что в предельно сокровенных глубинах своего сердца человек может услышать послание голоса Безмолвия [10, р. 277] – т. е. воспринять этот беззвучный звук, который, как подчеркивает Шри Чинмой, несет в себе всю Вселенную [14, с. 52].

Этим онтологическим положением неопровержимо обосновывается закон подобия человека божественному источнику и вносятся существенные определения в масштаб и характер деятельности духовного сердца. В результате чего мы видим представленность мира через фундаментальные категории системности, процессуальности и энергетизма, а сердца – через аспекты сверхпространственности, сверхвременности

и вездесущности. Сердце предстает психическим центром, обладающим основной энергией, по отношению к которой все другие являются побочными и которая является пружиной эволюции. Принимая на себя функции измерения универсальности в масштабах вселенной, сердце становится специфическим телом эволюционно значимых духовных процессов, в ходе которых снимается субъект-объектный дуализм и реализуется принцип «все во всем», известный в западной философии еще с античных времен.

Чтобы увидеть, как в учении Шри Чинмой главные смысловые векторы холистической модели преобразования воплощаются в дискурсе сердца, необходимо продолжить знакомиться с концепцией процесса творения у Шри Чинмой.

Этот процесс, протекавший как поэтапная дифференциация Единого Творца на множество разнообразных форм, Шри Чинмой объясняет Его определенной внутренней потребностью: Бог захотел наслаждаться собой во множестве различных форм [31, с. 114].

Основанием для развиваемых Шри Чинмой метафизических концепций являются древнейшие источники традиции, и в первую очередь Ригведа. Согласно текстам Ригведы, замысел получил осуществление через жертву верховного космического существа, называемого здесь (в Ведах) Пурушей [24, X, 90]. И Шри Чинмой также опирается на этот тезис, который можно считать доктринальным. Пуруша – феномен многозначный, и за ним закрепилось огромное семантическое поле, в котором имеют место и очень противоречивые толкования [18, с. 342 – 343]. Выделим здесь два толкования, которые важны с точки зрения предмета нашего внимания: как Первочеловека, Человека Вселенского, универсального и как космической силы сознания, чистого духа. Оба они отражают классическое ведическое понимание и разделяются точкой зрения Шри Чинмой [2, р. 226 – 229]. Заметим при этом, что в некоторых случаях он может называться другим именем – Праджapati, что стало иметь место со времен поздневедийской литературы, хотя в то же время Праджapati выступает и как самостоятельное Божество [2, с. 342, 333 – 334]. Но здесь мы не будем касаться Праджapati в этом втором качестве.

Но дезинтеграция, которая является сутью жертвоприношения Пуруши, не представляет космогонический процесс в его исчерпывающей полноте. В текстах, принадлежащих ведической традиции (в частности, в учении такой ортодоксальной даршаны, как уттарамиманса, или у Шанкары, вплоть до крупнейших представителей реформированного индуизма – Шри Ауробиндо, например), дается полная картина творения космоса как совокупности двух тенденций. Она включает не только дезинтеграцию, но и обратный процесс – реинтеграцию. Правда, здесь используется более точные, с нашей точки зрения, понятия центробежной и центростремительной тенденций. И при этом делается сильный акцент на их неразделимости. Шри Ауробиндо описывает центробежную тенденцию как распыление божественного Всеобщности в бесконечных Пространстве и Времени, а центростремительную – как сосредоточение этой Все-

общности в пределах Пространства и Времени [28, с. 55].

На Западе аналогичные идеи развивал Тейяр де Шарден. Он говорил о наличии двух главных типов процессов в нашей Вселенной – дивергентной, которую он трактует как падение во множественность, и конвергентной, определяемую им как подъем в необратимое объединение и напрямую соотносимую с сущностью эволюции на земле. Шарден обозначал ее как восхождение к сознанию, к некоему центру, называемому им Омегой [28, с. 214] и неизменно описываемому им как загадочный центр наших центров (т. е. нас как человеческих существ).

В текстах Шри Чинмой мы также имеем указание на эти две тенденции [4, р. 7]. Стоит обратить внимание на имеющиеся в цитируемых им идеях пояснения, что все пертурбации, происходящие в ходе этого величественного космического приключения, ничто иное, как разнообразные движения изначального единого абсолютного духа, понимаемого как чистое единое божественное сознание. Шри Чинмой также постулирует: «Бог – это универсальный Дух, но Он принимает разные формы» [9]. Из чего с неизбежностью следует вывод, что между Первопринципом (читай: Первоисточником) и всем проявленным существует постоянная связь. В качестве акцентирования такого положения вещей можно расценить следующую фразу Шри Чинмой: «Творение входит в несознательное (inconsience) и постепенно возвращается к Источнику» [5].

Вся эта онтология отразилась в трех принципиально важных для ведической традиции и тесно связанных друг с другом понятиях, на которые указывает Шри Чинмой: сатья (вечная истина) [2, р. 12], рита (космический закон, учрежденный в космосе порядок существования) [2, р. 12] и дхарма (внутренний закон, код жизни, смысл и долг человеческого существования) [35, с. 163; 37, ч. 1].

Дхарма человека и всего человечества в целом, разъясняет свою мысль Шри Чинмой, заключается в том, чтобы, опираясь на учрежденный свыше порядок (риту), единство бытия осознать и проявить и таким образом осуществить высочайшую истину (сатью) – которую он трактует как истину вселенского всеединства – в наиболее трудных условиях, в условиях наибольшей отдаленности от источника, так как Земля стала нижним пределом проявленного мира, или, как говорит Шри Чинмой, низшим из высших миров [2, р. 4]. Все значение творения Бога и существования Бога, говорит Шри Чинмой, сосредоточилось здесь, на Земле. В нас, в людях, живущих на этой планете, происходит прогресс эволюции, распространяющий свои результаты далеко за пределы Земли [5]. Мы не можем уклониться от своей роли в этой устроенной Богом Космической Игре, которая на языке традиции, как мы уже говорили, называется Лилой. Однако, согласно Шри Чинмоу, человечеством эта истина осознается далеко не в полной мере. Он говорит: «Мы пытаемся осуществить невыполнимую задачу – отвергнуть Волю Бога» [8].

Человек должен выполнить работу, которая вполне соотносима с деятельностью Творца по разворачиванию Вселенной, ибо является второй половиной

спроецированного Творцом процесса – обратной конвергенцией к себе всего универсума. Совершенно очевидна аналогия между гигантским конусом памяти Вселенной, образованным в результате дивергентного процесса, и работой человеческого сознания по собиранию многообразия в единство, то есть процесса конвергентного. И когда Шри Чинмой говорит, что Бог приготовил для человека свой Золотой Трон [7], то это больше не выглядит поэтическим преувеличением.

Это неизбежная судьба человека и его неотменимый долг – быть собирателем множества в единство. Шри Чинмой дает понять, что это «собрание» возможно не иначе, как осуществление союза духа и материи, которое означает одухотворение мира и влечет за собой преобразование мира (его трансформацию) в направлении, соответствующем замыслу Творца. Через материю на Земле совершается исследование Творцом самого себя в ипостаси духа. Говоря, что Дух – это сам Всевышний, Шри Чинмой так объясняет смысл Его пребывания внутри материи на Земле: «Он испытывает качества, рожденные в материи. Он переживает физическое существование. Приобретенные качества определяют его повторное рождение» [30, с. 116]. Сравним: в одном из текстов, принадлежащих Ригведе – «Пурушасукте» – говорится: Пуруша рождает Вират, Вират рождает Пурушу [24, X, 90]. Понятие Вират (вариант – Вирадж), как и многие другие понятия традиции, не является простым и однозначным. Одно из значений, в котором оно употребляется в традиции, – материальный мир. С. Радхакришнан в своем известном труде «Индийская философия» определяет Вират как всю совокупность вещей, сумму всего существующего [21, с. 142]. Мы используем здесь это понятие именно в этом смысле, т. к. в данном случае, на наш взгляд, именно этот смысл лучшим образом проясняет картину.

Необходимо заметить, что указанная выше аналогия между двумя тенденциями бытия носит конститутивный характер, что означает, что вторая тенденция в основе своей определяется принципами, заложенными в самом истоке первой. В полной мере эта аналогия отражается через два кардинальных качества сердца, которые выделяет Шри Чинмой (о них речь пойдет ниже) и которые могут быть атрибутированы как функции эволюционного процесса.

Жертва, принесенная на Небесах, была необходимым условием для начала центробежной тенденции Творения; аналогично: чтобы стало возможным обратное движение, чтобы стартовала центростремительная тенденция, тоже требуется жертва – жертва, осуществленная на другом полюсе Творения – на Земле. Совершенно не случаен тот факт, на который указывает Шри Чинмой – что Веды изобилуют идеей жертвенности [2, р. 27]. В контексте всего сказанного Шри Чинмоу явно прослеживается мысль, что измерение универсальности может реализоваться только через жертвенность. Шри Чинмой прямо утверждает, что сердце призвано нести миру послание жертвенности. И еще: «Когда твоя жизнь превращается в спонтанную жертву, ты становишься уникальным инструментом Бога, Его несравненным представителем здесь, на Земле» [6].

Градациями жертвенности здесь, в философии Шри Чинмоя, являются самоотдача, бескорыстие, отречение, служение и еще целый ряд близких понятий. Среди них своей явной приоритетностью выделяется чувство единства, которое в философии Шри Чинмоя трактуется как высшая ипостась любви, понимаемой в наиболее возвышенном, духовном, смысле как великий принцип космической связи и как способность человека этот принцип реализовать в пространстве своей жизни. Шри Чинмой прямо заявляет, что по сути нет такой вещи как жертвенность, а есть лишь единство [34, с. 25]. Жертвенность и единство нельзя разделить, Они – как две стороны одной монеты: «Жертва – это безошибочное чувство единства», – говорит Шри Чинмой [3]. Жертвенность становится еще одним именем духовного сердца.

Жертвенность устанавливает единство, тогда как еще одно особым образом выделяемое Шри Чинмоем качество – устремленность, чрезвычайно динамичный аспект сердца – постоянно ищет пути расширения единства вширь и вглубь и поэтому связан с культивированием качеств, благодаря которым это движение будет реализовываться. И здесь вновь уместно обращение к картине связи микро- и макрокосма – для проведения сравнения с характером взаимосвязи Пуруши с Пракрити – силой, благодаря которой, согласно ведической традиции, после жертвоприношения Пуруши происходило поэтапное разворачивание космоса. Поэтому понятие устремления в философии Шри Чинмоя по своей важности вполне сопоставимо с понятием жертвенности. Истинная устремленность всегда будет нести в себе элемент жертвенности, как и наоборот. Обратившись к текстам Шри Чинмоя, мы читаем: «Устремление основывается на самопожертвовании, внутреннем и внешнем» [35, с. 98], а также: «Не может быть жертвоприношения без устремления» [2, р. 63]. Указанная выше аналогия позволяет также лучше уяснить идею, что устремление – это одновременно и источник энергии, и энергия источника в нас.

С этими двумя стержневыми качествами духовное сердце становится и незыблемой точкой опоры, центром движения в параметрах земной реальности, и животворным принципом в его отношении к космическому порядку, что делает его адекватным его первородным истокам и самому Первопринципу. Вокруг этих двух качеств и должен выстраиваться мир человека в единстве внутреннего и внешнего, духовного и материального – с постоянным осознанным расширением сознания единства. За счет своей универсальности духовное сердце может привести в движение все связи, существующие в мире – как в измерении широты Творения, так и его Глубины. На эти измерения постоянно указывает Шри Чинмой с акцентом на том, что в первую очередь должна быть измерена Глубина Творения. Широта соответствует многообразию материальной проявленности, горизонтальной плоскости бытия, которую Шри Чинмой иногда обозначает как универсальный аспект бытия, подразумевая узкий смысл термина (в широком смысле слова понятие «универсальный» используется им для обозначения масштаба всей Вселенной), Глубина (она же – Высота), по определению Шри Чинмоя, – скрытой сущно-

сти мира, которой на поверку оказывается чистый дух совершенного единства мира – единства первоосновы мира. Аспект Глубины/Высоты в философии Шри Чинмоя отражает трансцендентальный аспект бытия.

Как измерение универсальности духовное сердце одновременно обращено к диаметрально противоположным планам существования – к центру и периферии, внутреннему и внешнему, материальному и идеальному, имманентному и трансцендентному, к расширяющему и возвышающему. Оно действует как непогрешимая воля в космосе и способно вмещать любые противоположности, находить возможности гармоничного сочетания любых полярностей и совершать всеобъемлющий синтез мира и человека.

Шри Чинмой дает понять, что первый этап овладения принципом единства многообразия протекает как восстановление человеком целостности внутри себя – когда силой сердца к взаимному посвящению приводятся высшие и низшие уровни его существа и между ними устанавливается гармоническая согласованность, позволяющая достигать божественности внутри, касаться разумной Бесконечности в самом себе. И дальше, продолжая опираться на духовное сердце, человек восходит выше самого себя, постепенно охватывая весь мир. В кругооборот жизни с неизбежностью вовлекается вся материя, включая ее неорганические формы, вовлекается и преобразовывается в ней. И оказывается, что личная реализация и одухотворение мира являются тесно переплетающимися линиями единого процесса трансформации.

На всех этапах движения продолжает играть свою роль факт наличия веспронизывающего духовного начала, на котором Шри Чинмой заостряет наше внимание [4, р. 7; 35, с. 111]. Опора – на Пурушу, который, как пишет Шри Чинмой, является обитателем и в теле, и в душе, и в материи, и в духе [37, ч. 1, #12]. Как говорит Шри Чинмой, Всевышний во все вселил божественность – оставил след исходного единства в сердце каждого без исключения элемента. Тем самым Он дал человеку спасительную ниточку, способную вывести его из лабиринта бесконечного многообразия форм и помочь ему обрести высочайшие ценности, которыми владеет Единый – Восторг, Покой, Блаженство. С этой частичкой духа, с этой порцией бытия в каждой земной форме – живой и неживой – нужно научиться отождествляться в своем полном любви сердце. Умея на базе достигнутого в отождествлении переживания единства собрать целую цепочку универсальной проявленности, соответствующей данному переживанию – нанизать однопорядковые явления на это переживание как бусинки на нить, а затем подняться к переживанию более высокому, человек осуществляет в себе мечту Бога – раскрывает себя как Универсальное сознание Трансцендентальной Реальности, или как личность, пронизывающая все и всему предлагающая свое служение.

Таким образом, мы можем видеть, как в философии Шри Чинмоя проводится важная мысль о месте и роли человека в космосе, о его духовной трансформации как фундаментальной необходимости бытия на всех его уровнях, и о великой роли в этом духовного сердца.

Литература

1. Pedersen K., Pedersen K. Introduction // Sri Chinmoy. Commentaries on the Vedas, the Upanishads and the Bhagavad-Gita. N.Y., 1996. P. IX – XV.
2. Sri Chinmoy. Commentaries on the Vedas, the Upanishads and the Bhagavad-Gita. N.Y., 1996.
3. Sri Chinmoy. Meditations: Food For The Soul. N.Y., 1970.
4. Sri Chinmoy. My Ivy League Leaves. N.Y., 1972.
5. Sri Chinmoy. My Maple Tree. N.Y., 1974. URL: <http://www.srichinmoylibrary.com/my-maple-tree/bliss>; <http://www.srichinmoylibrary.com/my-maple-tree/spiritual-seekers>
6. Sri Chinmoy. Rainbow-Flowers. Part 1. N.Y., 1973.
7. Sri Chinmoy. Rainbow-Flowers. Part 2. N.Y., 1999.
8. Sri Chinmoy. Seventy-Seven Thousand Service-Trees. Part 46. N.Y., 2006.
9. Sri Chinmoy. The Avatars And The Masters. N.Y., 1979.
10. Sri Chinmoy. The Garland of Nation-Souls: Complete talks at the United Nations. US: Florida, 1995.
11. Sri Chinmoy. The wisdom of Sri Chinmoy. US.: San Diego, 2000.
12. Sri Chinmoy. Canada aspires, Canada receives, Canada achieves. Part 2. N.Y., 1974.
13. Апенешева Л. Г. Концепция сердца в системной философии: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2005.
14. Атхарваведа (Шаунака): в 3-х т. Т. 1 / пер., вступ. ст., комм. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М., 2005.
15. Бабина В. Н. «Метафизика сердца» в русской философии второй половины XIX века: П. Д. Юркевич: дис. ... канд. филос. наук. М., 2005.
16. Вышеславцев Б. П. Этика преображенного Эроса. М., 1994.
17. Вышеславцев Б. П. Сердце в христианской и индийской мистике // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 62 – 87.
18. Индуизм. Джайнизм. Сикхизм: словарь / под общ. ред. М. Ф. Альбедиль, А. М. Дубянского. М., 1996.
19. Sri Chinmoy Library. URL: <http://www.srichinmoylibrary.com>
20. Костюченко В. С. Классическая веданта и неоведантизм. М., 1983.
21. Радхакришнан С. Индийская философия: в 2-х т. Т. 1/ пер с англ. 3-е изд. М., 1993.
22. Ригведа: в 3 т. Т. 1. / пер. Т. Я. Елизаренковой. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1989.
23. Ригведа: в 3 т. Т. 2. / пер. Т. Я. Елизаренковой. 2-е изд., испр. М.: Наука, 1995.
24. Ригведа: в 3 т. Т. 3. / пер. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1999.
25. Титаренко Е. С. Символ сердца: от древнегреческой и библейской традиции к ранней восточной патристике: дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2010.
26. Хвастунова Ю. В. Познавательные способности сердца: религиозно-философская традиция и современные интерпретации: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2005.
27. Шарден Т. Феномен человека / пер. с фр. Н. А. Садовского. М., 1987.
28. Шри Ауробиндо. Собрание сочинений. Т. 14: Жизнь Божественная / пер. с англ. А. Климова. СПб.: Адити, 2005.
29. Шри Чинмой отвечает / пер. с англ. Харьков, 2002. Ч. 11
30. Шри Чинмой. Материя и Дух / пер. с англ. Донецк, 2009
31. Шри Чинмой. Единство восточного сердца и западного ума: в 3-х т. Т. 1. / пер. с англ. 2-е изд., испр. Донецк, 2006.
32. Шри Чинмой. Единство восточного сердца и западного ума: в 3-х т. Т. 2. / пер. с англ. Донецк, 2005.
33. Шри Чинмой. Единство восточного сердца и западного ума: в 3-х т. Т. 3. / пер. с англ. Донецк, 2005.
34. Шри Чинмой. Ежедневные цветы моего сердца / пер. с англ. М., 1992.
35. Шри Чинмой. Йога и духовная жизнь / пер. с англ. 2-е изд., испр. М., 2001.
36. Шри Чинмой. Лепестки моей розы / пер. с англ. М. ИП «Васильев А. В.», 2012.
37. Шри Чинмой. Суть света Индии / пер. с англ. Центр Шри Чинмоя, 1998. Ч. 1 – 2.
38. Юсупова Ф. Н. Метафизика сердца в европейской и русской философии и культуре XX в.: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижневартонск, 2009.

Информация об авторе:

Воронина Марианелла Вениаминовна – соискатель кафедры философии религии и религиоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, voronina.marianella2010@yandex.ru.

Marianella V. Voronina – post-graduate student at the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies, Lomonosov Moscow State University.

Статья поступила в редколлегию 27.12.2013 г.

УПРАВЛЯЕМОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ: ВОЗМОЖНОСТИ РЕФОРМИРОВАНИЯ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ

Т. И. Грицкевич

CONTROLLABILITY IN SOCIAL CHANGES: POSSIBILITIES OF REFORMING AND UNCERTAINTY

T. I. Gritskevich

Анализируются особенности управления в процессах социальных изменений, высокая возможность управляемости реформированием, существенные признаки модели реформы как способа достижения цели общественных изменений и снижения степени неопределенности результатов.

The paper analyzes features of management in the processes of social changes are analyzed and high possibility of controllability reforming, essential signs of model of reform as way of achievement of the purpose of public changes and decrease in degree of uncertainty of results.

Ключевые слова: управляемость социальными изменениями, реформирование, модель и механизм преобразования социального объекта, неопределенность и управление реформой.

Keywords: management of social changes, reforming, model and mechanism of transformation of social object, control by reform.

Введение

Достижение целей реформирования общественных институтов или отношений напрямую зависит от анализа возможных причин, формирующих непредсказуемость результатов управления и организации реформационного процесса. Общественный процесс предполагает определенную «институциональную матрицу» как общую основу, некую исходную модель или форму, порождающую последующее воспроизведение институтов общества в политической, экономической, социальной и других его подсистемах. В описании феномена самосохранения и воспроизводства системы общества в трансформационных процессах с позиций социологии С. Кирдиной было сформулировано понятие предела как точки сопротивления социальной системы разрушительным факторам [6, с. 23]. Целенаправленное воздействие субъекта власти, владеющего административными, силовыми и финансовыми ресурсами, на объект (социальные институты, отношения, связи и способы взаимодействия человека с объектами социальной реальности, имеющие свойство быть положенными в экономической, политической, правовой, социально-культурной и экологической сферах жизнедеятельности социума) через технологии реформирования приводит целостную систему взаимодействующих институтов общества к нестабильности. Анализ причин данных процессов ведет к необходимости изучения явления управления реформой в его социально-философском смысле.

Реформирование как процесс социальных изменений

Реформационный процесс, по сути, включает в себя динамику и взаимодействие всех компонентов преобразовательной деятельности человека как субъекта деятельности по видоизменению избранного объекта. Реформаторство влечет в реформационный процесс изменений социального объекта и обуславливает своей специфической активностью успешность всего процесса реформирования. В общекультурном смысле реформаторство – это специфический вид социальной деятельности обладающего особыми властными полномочиями субъекта, направленной на целевое видоизменение объ-

екта (института, отношений, структурно-функциональных и социальных связей), расположенного в конкретных сферах социума на основе специально подготовленного механизма реформирования с возможностью управления и контроля за преобразованием. В понятии реформационного процесса акцентирование на деятельности субъекта не случайно. Именно она является основным звеном, обеспечивающим осознанную процессуальность реформирования. И эта особенность делает реформирование уникальным процессом социальных изменений.

Возможность непосредственного видоизменения социально-политических, экономических или правовых институтов общества на основе организованной деятельности человека всегда привлекала внимание не только с исследовательской точки зрения, но и с позиций выявления прикладных технологий управления сложными процессами организации воздействия субъекта на социальную систему. Это интерес не только к способам и механизмам коллективной деятельности, это сосредоточение на проблемах осознанной планируемой преобразовательной деятельности, реализованной определенной группой в соответствии с поставленной целью, используя ресурсы власти. Тонкости политики и социально-политические разногласия лидеров, которые должны реформирование делать неэффективным способом преобразования, нивелируются принципами властного подчинения и централизованной иерархичностью деятельности субъектов реформационного процесса, который, по сути, представляет собой организованную субъектом систему взаимодействия всех участников в связи с осуществлением реформы [4, с. 148 – 154].

Понимание механизма осуществления реформы сквозь призму сложных аспектов межсубъектного взаимодействия, бесспорно, отражает всю полноту влияния человеческих потребностей и мотивации на поведение субъектов в организованном на отношениях власти-подчинения реформационном процессе. Анализ данных отношений не теряет своей актуальности, поскольку интерес к феномену власти, выступающему организующим принципом взаимодействия людей в изменении

моделей взаимодействия друг с другом и общественными институтами, не угасает со времен эпохи великих революций. Оценивая социально-экономические потери, вызванные изменениями общественных отношений в посткоммунистических странах, большинство обществоведов наиболее значимой в начале XXI в. выделяют проблему управляемости социальными изменениями. В связи с этим существенное отличие процессов реформирования как наиболее управляемых, чем другие формы социальных изменений, показывает ценность эффективности именно осуществления реформ как механизма, позволяющего реализовать наиболее контролируемые изменения.

Управляемость реформированием

В настоящее время теория управления является достаточно молодой наукой, многие положения которой формировались исключительно из потребности решать функциональные задачи в пределах своих предметно-научных областей. Поэтому методологические, математические, системно-структурные, психологические и др. аспекты этой теоретической системы основоположены на специфической особенности умения человека управлять. Изначально это умение представляет собой интеллектуальный труд, способность анализировать информацию и принимать управленческое решение, нацеленное на оптимальность результата. Как справедливо подчеркнул В. А. Мирзоян, наука об управлении – менеджмент – является теоретико-содержательным отражением практического регулирования взаимоотношений субъекта и объекта через осуществление деятельности [9, с. 37].

На наш взгляд, раскрытию взаимосвязи процессов управления и познания способствует методология анализа субъект-объектных взаимодействий, которые присущи как процессу познания, так и процессу управления. Еще в середине XX в. учеными-психологами Л. С. Выготским, А. Н. Леонтьевым, А. Р. Лурия [2; 7; 8] была разработана теория исторического формирования психических функций, которая указывала на необходимость решения проблемы субъект-объектных отношений в системной взаимосвязи трех компонентов – «субъект-деятельность-объект», роль посредника в которых выполняет человеческая деятельность.

Введение понятия предметной деятельности в качестве посредника между субъектом и объектом методологически позволило сформулировать фундаментальные выводы, в том числе вывод о том, что психическое отражение предметного мира вызвано не примитивным воздействием непосредственной внешней объективной реальности на субъект, а именно теми процессами, через которые субъект практически взаимодействует с окружающим предметным миром. Таким образом, субъект в своем сознании отражает ту часть объективной реальности, которая непосредственно вовлечена в его жизнедеятельность, проявляется в ней. Разумеется, деятельность индивида, являясь включенной в коллективную, общественную деятельность, подчинена изначально общественным связям и отношениям предметного мира. Такая подчиненность, в первую очередь, общественным, а не естественным связям и отношениям реального мира, по существу и формирует специфическую форму отражения действительности – сознание человека. Поэтому система субъект-объектных отношений учитывает опо-

средующую роль человеческой деятельности в процессах управления, поскольку деятельность человека по организации управления определенным процессом является разновидностью социальной деятельности.

Управление есть особая человеческая деятельность определенной группы людей в организационном единстве по достижению конкретной цели, конкретных средств её достижения, возможностями данных ресурсов здесь и сейчас для достижения результата. Соответственно, все это согласуется со сложной внутренней структурой понятия цель реформы. Фактически необходимо исходить из скрытых, неявных знаний об объекте, которым предполагается управлять, его онтогенезе, об участниках как субъектах, подлежащих управлению, о возможностях – ресурсах, средствах, механизмах в достижении заданной цели.

Вопрос о том, какие функции будут управленческими в создании механизма реформы и структуры её управления, будет оставаться долгое время открытым, поскольку в теории управления до сих пор не решена проблема определения управленческих функций как таковых. А. Файол как родоначальник классического менеджмента столетие назад выделил функции планирования, координации, мотивации и контроля как управленческие. Несмотря на то, что некоторые исследователи современности опираются на эту классификацию, узость сведения управления только к исполнению данных функций очевидна, ибо военные специалисты различают в управлении тактику и стратегию, а топ-менеджмент выделяет экономическую политику и администрирование. М. С. Солодкая, анализируя процедуры управления, предлагает понимать, что «управление, социальное по своей природе, развивается и оформляется как социотехническая деятельность. Сущность управления состоит в разработке целерациональных регулятивов жизнедеятельности людей» [11, с. 369].

Процедурами управления выступают процесс принятия управленческих решений и коммуникация участников.

Процессы коммуникации участников реформационного процесса во многом обусловлены механизмом формулирования цели реформы как принятия единого решения изменить социальный объект в ситуации столкновения интересов и политической борьбы различных активных социальных групп. Эти явления во многом усиливают сложность процесса управления реформированием и подтверждают факт уникальности, креативности сущности личности реформатора как субъекта управляющего реформированием.

Многослойная, многоуровневая иерархическая конструкция управления имеет неоднородный характер, причем на каждом уровне может использоваться сетевая система связей, при этом в зависимости от конкретных условий целесообразно применять линейный, нелинейный, темпоральный подходы в качестве основы системы управления социумом и поведением человека. Управление как процесс есть распространение управляющих решений в неоднородных слоях созданной реформатором команды как организации по реализации механизма реформы. В силу гетерогенного характера на каждом уровне социальной лестницы данной организации возможно применение принципа взаимодействия уровней – гетерархия, в соответствии с которым ни за одним из уровней не закреплена постоянная роль ведущего и до-

пускается коалиционное объединение высших и низших уровней в единую систему действия.

Нельзя исключать тот факт, что для информационного общества специфическим является особое воздействие знания и «сетевой культуры». Культура как совокупность символических форм, порожденная в ходе человеческой деятельности, дает человеку сеть смыслов, набор контрольных механизмов – планов, правил, инструкций, управляющих поведением [3, с. 127]. В определенном аспекте субкультуры возникают на основе коммуникационных процессов.

Управление реформированием как реализация целей специально созданной организации с необходимостью предполагает координацию, ориентацию и управление взаимодействием индивидов, групп и находящихся на разных уровнях различных социальных, политических или экономических структур. Эффективность современного общества, его способность функционировать зависит от эффективности людей, занятых управленческой деятельностью. Отсюда само общество сейчас стало сегодня чаще именоваться «обществом риска» [5, с. 7].

Анализ различных исторических моделей управления развитием и изменением социума И. Пригожина позволил выделить два характерных параметра функционирования общественной системы: меры сложности, которая определяется посредством числа действующих элементов, и величины социального давления, интенсивность внешнего управляющего воздействия на индивида. По мнению ученого, наиболее устойчивыми моделями социального управления являются линейные модели [10, с. 48 – 49]. Однако XX век показывает, что социально-гуманитарные науки успешно пользуются новым методом синергетики в описании социальной динамики, имеющей стохастический характер и характеризующейся сложностью, неопределенностью, нелинейностью. К параметрам синергетической парадигмы управления относятся: во-первых, условия для проявления каждым субъектом деятельности (актором) своей индивидуальности; во-вторых, в обществе существует свободное социальное поле, позволяющее проявлять индивидуальные, групповые, классовые интересы и действия. Часто нелинейная модель управления общественными процессами, используя слабые воздействия, минимальные затраты политико-правовых, экономических и других средств, свидетельствует о достижении значительных результатов (оранжевые революции, протесты, организованные через интернет-сообщества). И наоборот, результат многих политических, экономических, правовых управленческих действий оказывается обратно пропорциональным приложенным усилиям правящей элиты.

Анализ проблем управления реформированием очень тесно связан с развитием современных теорий управления администрированием. Несмотря на молодость науки, на становление философии управления как новой области знания, мы можем с уверенностью определить понятие управления реформированием.

Управление реформированием – это процесс воздействия субъекта на объект, направленный на упорядочение, сохранение, разрушение или изменение системы объекта в соответствии с поставленной целью. Сами принципы и нормы реформационного процесса, конструирование механизма осуществления реформы как способа видоизменения общественных отношений,

институтов, социальных связей представляют собой максимальную эффективность в управлении процессом постепенного изменения общественных отношений, социально-политических, экономических, правовых институтов и способов взаимодействия людей в обществе и с окружающей средой. Стратегия осуществления реформы во многом будет зависеть от принятых коммуникативных моделей и сетевых взаимодействий внутри тех или иных стратификационных групп, которые владеют реформационной инициативой.

Управление и неопределенность в реформировании

Прогнозирование альтернатив социального развития очень тесно связано с анализом таких понятий, как управляемость и неопределенность. Феномен неопределенности в деятельности человека в конце 90-х годов XX в. становится предметом пристального внимания исследователей многих общественных наук. В теории государственного управления начинают активно проникать идеи менеджмента, утверждая новые ценности в стабильности социального развития благодаря новым подходам в развитии теорий и механизмов управления. На смену рассуждениям о преимуществах демократии и самоуправляемости рыночного механизма в экономике страны приходят активные дискуссии о ценности социального государства и понятия социальной защищенности. Неопределенность становится основным явлением, нарушающим запланированность и социальную стабильность в процессах развития общества, особенно ярко проявляющее себя в периоды активных изменений в экономической, политической и социальной сферах. В. Банс отмечал: «если происходят быстрые перемены во всех сферах жизни общества, если направление таких перемен вступает в непримиримое противоречие с прошлым и порывает с ним, если основные институты нового политического, экономического, социального устройства находятся в процессе становления, тогда результаты по определению явления крайне непредсказуемые» [1, с. 47]. Непредсказуемость и неуправляемость, вызванные экономическими кризисами, модернизацией, процессами реформирования ведут к тяжелым социальным последствиям.

Несомненно, опыт перехода от модели плановой экономики к рыночной в каждой из посткоммунистических стран был исторически уникален, но социальные последствия, вызванные процессами быстрых экономических и социально-политических изменений были во многом идентичны. Это рост преступности, падение рождаемости, рост смертности, нивелиция духовных ценностей, снижение показателей образованности молодежи, обнищание основной массы населения и резкий рост богатства политической и хозяйствующей элиты. Несоответствие поставленных политической элитой целей преобразований с достигнутыми результатами указывает на существование достаточно серьезной проблемы в анализе социальных изменений – проблемы неопределенности управления реформированием в преобразуемых сферах общества, общественных отношениях или социальных институтах и проблемы открытых возможностей реализации двойных стандартов в реформировании.

В чем же причина, порождающая неопределенность и непредсказуемость в осуществлении реформы – единственной формы социального изменения, позволяющей

человеку сформировать модель изменения социального объекта и осуществить механизм преобразования с максимальной степенью контроля. На наш взгляд, это ряд социальных явлений, являющихся неотъемлемыми характеристиками процессов осуществления деятельности человека в социуме. Именно они обуславливают различную степень неопределенности в процессах реформирования и указывают на значимость эффективности разработанных механизмов управления.

Анализ неопределенности в управлении реформированием выявил следующие явления, характеризующие в целом процессы осуществления коллективной деятельности человека в социуме как неопределенные в различной степени:

– во-первых, от процессов информационного обмена между участниками, осуществляющими разработку и реализацию модели реформы. Процедуры согласования цели реформирования есть сложный механизм принятия единого решения в ситуации конфликта. Кулуарные переговоры, двойные решения «для себя» и «для других» участников процесса, устные договоренности об уступках и решениях в коридорах власти и между лидирующими политическими силами о целях и ожидаемых результатах несут в своей деятельности двойные цели – принятые публично по соглашению и цели реально преследуемые. Действия таких участников в едином реформационном процессе становятся крайне непредсказуемыми, что ведет к неопределенности в достижении результата и снижает управляемость реформированием;

– во-вторых, зависимость всего реформационного процесса от действий, принципов и нравственности лиц, осуществляющих руководство как в центре по вертикали власти, так и на периферии. Все реформы санкционируются исполнительной властью в государстве. Чем сильнее и авторитарнее личность, возглавляющая реформирование, тем больше проявлен представительно-обязывающий характер отношений к исполнителям, реализующим изменения на местах. Неэффективное

управление через представительно-обязывающий характер взаимодействия участников реформационного процесса ведет к высокой степени неопределенности, поскольку отсутствие предписаний дает право региональным властям действовать на свое усмотрение, порождая противоречивые действия;

– в-третьих, зависимость от наличия адекватной информации об объекте реформирования. Заблуждения ученых, погрешности в сборе данных социологических исследований и отсутствие полной информации о системно-функциональных связях объекта с другими объектами социальной реальности формируют гносеологическую неопределенность в реформировании, которая порождает собой самую большую степень неуправляемости процессом;

– в-четвертых, зависимость неопределенности реформирования от самого факта социального действия личности. Мы сталкиваемся с парадоксальной ситуацией: несмотря на выявление детерминант поведения реформатора и его команды, в реальности принципиально невозможно предсказать, логически вывести в конкретном случае ни поведение реформатора, ни поведение участников реформационного процесса. Социальное творчество реформатора само по себе характеризуется непредсказуемостью, синергетичностью и нелинейностью.

Заключение

Высокая возможность управляемости реформированием благодаря контролю за осуществлением этапов реализации реформы, наличие системы мониторинга процессов на уровне региональном и федеральном, инициирование преобразований властью и обеспечение реализации принудительно-карательными функциями государственного механизма позволяют в реформировании снизить степень неопределенности и непредсказуемости результатов социальных преобразований.

Литература

1. Банс В. Элементы неопределенности в переходный период // Полис. М., 1993. № 1.
2. Выготский Л. С. Мышление и речь. 5-е изд., испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1.
4. Грицкевич Т. И. Реформационный процесс: анализ взаимодействия субъекта-объекта реформирования: научная монография. Томск: Изд-во ТГПУ, 2010. 368 с.
5. Друкер П. Эффективный управляющий. М.: Бук Чембер Интернейшнл, 1994. 266 с.
6. Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: Олма-пресс, 2000. 158 с.
7. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
8. Лурия А. Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006. 320 с.
9. Мирзоян В. А. Теории управления // Вопросы философии. 2010. № 4.
10. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6.
11. Солодка М. С. Необходимость различения функций и процедур управления // Наука. Философия. Общество: мат-лы V философского конгресса. Т. 1. Новосибирск: Паралель, 2009.

Информация об авторе:

Грицкевич Татьяна Игоревна – доктор философских наук, доцент кафедры философии КемГУ, taigree@yandex.ru.

Tatiana I. Gritskevich – Doctor of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 19.05.2014 г.

АНТИНОМИЧНЫЙ ХАРАКТЕР НАУКИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

О. И. Жукова, В. Д. Жуков

ANTINOMIC NATURE OF SCIENCE IN PRESENT-DAY SOCIETY

O. I. Zhukova, V. D. Zhukov

Данная статья рассматривает роль и место науки в обществе и мышлении современного человека. Подчеркивается противоречивость, крайность суждений и восприятий разных феноменов социальности, в том числе и отношения человека к науке и той роли, которую она играет в обществе. Авторы исходят из того, что антиномичность восприятия определяется тем, что, с одной стороны, современная цивилизация, в качестве главенствующего критерия берет именно научно-технический фактор, показывающий состояние общественного и культурного развития. Подобная ситуация непререкаемой веры в науку и в научно-технический прогресс была достаточна типична для индустриального общества вплоть до середины XX века, правда в тенденции убывающей стабильности. С другой стороны, уже к середине XX столетия, когда осязаемые свидетельства научной значимости достигают своего наивысшего пика развития, начинаются прямо противоположные процессы по пересмотру прежней безоговорочной веры в науку и ее достижений. В работе анализируются причины данного феномена

The paper examines the role and position of science in the society and present-day person mentality. Contradictoriness, consideration and perception extremity of different sociality phenomena are stressed, including person's attitude to the science and its role in the society. The antinomy of perception is determined, on the one hand, by scientific and technical factor, which is the topping criterion of contemporary civilization indicating the public and cultural development. Absolute faith in science and sci-tech progress was common for industrial society till the mid-twentieth century but with tendency of decrescent stability. On the other hand by the turn of the century when the practical scientific advances take on special significance, quite the reverse tendency appeared and prior absolute faith was reviewed. The reasons of this phenomenon are analyzed in the given research.

Ключевые слова: антиномичный характер науки, трансформирующее общество.

Keywords: antinomic character of science, transform society.

Современное общество с позиции социально-гуманитарного знания имеет самые разные онтологические характеристики, раскрывающие его сущность. Оно определяется как постиндустриальное (Д. Белл), надиндустриальное (Р. Арон), электронное (М. Мори-сима), программируемое (А. Турен), телепатическое (Дж. Мартин), цивилизацией третьей волны (О. Тоф-флер), общество риска (У. Бек), общество постмодерна (Ж. Лиотар). С одной стороны, подобная многовариантность дефиниций свидетельствует о невозможности максимально всеохватывающе определить современную социальность и найти удовлетворяющую всех главенствующую ее черту. С другой – она позволяет выбрать определенную систему координат, то есть такую точку отчета, исходя из которой, столь сложный феномен как современное общество может исследоваться наиболее глубоко.

Нам представляется, что наиболее точной константой современного общества является его обозначение как общества трансформирующегося. Само понятие трансформации предполагает преобразование, превращение, изменение вида, формы, свойства чего-либо. Если исходить из концептуально-теоретических параметров, раскрывающих феномен социального, то в рассмотрении общества как трансформирующегося можно увидеть комплиментарность позиций многих мыслителей, описывающих самые разные черты социальности. Это свидетельствует не о своеобразной эклектике, а о желании избежать какого-либо абсолютистского, соответственно, догматического представления о социальном мире и месте в нем человека. Если же исходить из онтологической сущности социального, то трансфор-

мированность современного общества проявляет себя в практическом отсутствии таких сфер, в которых бы преобладали устойчивые, неизменные структуры. Как следствие подобное онтологическое перманентное состояние обновления, изменчивости, релятивности социальных процессов не может не находить своего отражения в сознании индивида, логично приводя его к определенной стратегии личностного поведения. Человек привыкает жить в обществе перемен, в состоянии «кризиса доверия» (Ф. Фукуяма) к большинству социальных институтов.

Состояние трансформации затрагивает ведущие сферы общества, подрывая и серьезно видоизменяя важнейшие социальные основания, порождая вместе с этими изменениями состояния страха, неуверенности, всеобщей опасности и всеобщего равенства всех людей перед данными состояниями. Если раньше человек сталкивался с опасностями, обусловленными извне, существующими в объективно признаваемой им природной реальности, то теперь те опасности, которые его поджидают, носят качественно новый характер, сконструированный внутри социального и научного мира.

Восприятие социального бытия, в котором находится человек, и то, каким образом оно отражается в его мышлении, содержит в себе глубинное противоречие. Особенно наглядно подобная раздвоенность сознания проявляется в аксиологических основаниях видения социореальности, когда индивиду оказывается крайне сложно дать оценку многим явлениям в обществе в силу отсутствия устойчивости и непротиворечивости в самом социальном бытии. Подобная раздвоен-

ность сознания, крайности суждений касаются самых разных феноменов социальности, в том числе и отношения человека к науке и той роли, которую она играет в обществе. В рамках данной работы мы и остановимся на этой интересующей нас проблеме, а именно: рассмотрим, какой образ науки присутствует в сознании современного человека и каковы причины именно подобного восприятия.

Анализируя сложившийся образ науки в мышлении современного человека, следует обратить внимание на его ярко выраженный амбивалентный характер. С одной стороны, наука и ее познавательный статус продолжает сохранять свои незыблемые и господствующие позиции над современным мышлением. Принесенные наукой плоды, реализовавшиеся на практике в форме технического прогресса в самых разных сферах социокультурной реальности, показали всю значимость и абсолютную необходимость научного знания. Современное мировое сообщество невозможно представить существующим вне научных достижений. Мир, который окружает человека, представляет собой искусственно смоделированное пространство, в котором любой имеющийся объект (как ни парадоксально, включая самого человека, его психосоматическое состояние) демонстрирует серьезную зависимость от развития наук, связывая и в дальнейшем существование человеческого общества с новыми научно-техническими достижениями. Благодаря наукам техническое мышление и технические понятия самым естественным образом присутствуют в обыденной практике индивида, определяя его жизненный уклад и процесс самоидентификации в современном обществе. Поэтому, каким бы образом не определялась современная цивилизация, в качестве главенствующего критерия берется именно научно-технический фактор, показывающий состояние общественного и культурного развития. Подобная ситуация непререкаемой веры в науку и в научно-технический прогресс была достаточна типична для индустриального общества вплоть до середины XX века, правда, в тенденции убывающей стабильности.

С другой стороны, уже к середине XX столетия, когда ощутимые свидетельства научной значимости достигают своего наивысшего пика развития, начинаются прямо противоположные процессы по пересмотру прежней безоговорочной веры в науку и ее достижений.

Во многом подобный критический пересмотр был инициирован изнутри самого научного знания, в котором происходит распространение методической силы сомнения на свои собственные основы и практические последствия. Критика изнутри науки параметров, методов, природы научного знания, как известно, получила свое озвучивание в концепциях К. Поппера, Н. Хэнсона, М. Поланьи, Т. Куна, И. Лакатоса, С. Тулмина, П. Фейерабенда и многих других философов и ученых. Можно даже говорить о том, что именно критическая настроенность философии науки и спровоцировала переоценку взглядов на научное знание в общественном сознании. Здесь с очевидностью «сработал» известный гносеологический принцип «знаю – вижу». Получив критическую информацию о внутренних противоречиях научного знания, общественное сознание

стало находить подтверждение данного кризиса в практике общественного бытия.

Гуманистическая критика начинает обращать внимание на следующие важные факты, что техника уменьшает и дегуманизирует человека, окружая его только артефактами, тем самым отнимая его у природы, ввергая в унифицированную реальность, где цель поглощает средства, где решение всех проблем видится в дальнейших научно-технических достижениях, а не в жизненном, личностном их разрешении. Человеком отмечается, что под воздействием нескончаемого потока технических новинок современная жизнь начинает меняться с неслыханной быстротой и он становится рабом вещей, зачастую сам этого не замечая.

Еще в XIX веке американский философ и писатель Р. Эмерсон пророчески предупреждал о том, что технические достижения не обязательно несут с собой несомненную пользу: «Вещи оседлали человечество и гонят его вперед». Сегодня можно наблюдать рождение, рост и смерть вещей, в отличие от предшествующих обществ, в которых вещи переживали людей и передавались последующему поколению.

К гуманистической критике вскоре присоединились более тревожные конкретные факты неблагоприятных последствий научных достижений. Опасное загрязнение воды, воздуха и почвы планеты, вымирание бесчисленных видов, исчезновение лесов, избыточное накопление токсичных отходов, разрушение озонового слоя в атмосфере и т. д. Человек начинает осознавать, что особую роль здесь играет наука, которая оказывается одновременно и сопричиной главных цивилизационных рисков, и социально признанным (легитимным) их диагностом. Лишь наука в силах «увидеть» риски пестицидов, холестерина, сахара, нитратов и т. д. Она же оказывается социально-экономическим агентом, призванным разрабатывать новые, более совершенные средства защиты от новых угроз. Об этой ситуации совершенно точно пишет У. Бек в своей работе «Общество риска»: «Можно сказать, наука тройко участвует в возникновении и углублении цивилизационных опасностей и соответствующего кризисного сознания: промышленное использование научных результатов создает не только проблемы, наука обеспечивает и средства – категории и инструменты познания, – для того чтобы вообще распознать в проблемах проблемы и представить их как таковые и наоборот. В конечном итоге наука создает и предпосылки для «преодоления» угроз, возникших по ее же вине» [1, с. 246].

В трансформирующемся обществе человек оказывается в прямой зависимости от научного знания. Он понимает, что без науки его способность объективно осознавать различного рода риски крайне минимизирована, хотя во многом эти риски детерминированы деятельностью самих ученых. Как следствие, деятельность науки воспринимается амбивалентно: с одной стороны, в науке видят реальную опасность, поэтому возникает подозрение, что наука ведет человечество по ложному пути; с другой – признают все возрастающее влияние науки. Но, как ни парадоксально, этот рост не способствует усилению влияния научной рациональности, а скорее приводит к порождению разнообразных мифологем относительно ценностных аспектов научного знания. Одним из таких сложно воспринимаемых

для сознания человека феноменов, приводящих к мифологическим конструкциям, является признание следующего объективного противоречия: не несостоятельность, а именно прагматически успешная деятельность наук привела их к тому кризису, в котором они находятся. Можно даже сказать, что успешность и практическая востребованность наук одновременно порождает релятивные установки относительно их значимости. Если вплоть до 60-х гг. наука еще могла рассчитывать на неоспоримое, верящее в ее ценности отношение человека, то сегодняшний индивид смотрит на ее усилия и успехи с явным недоверием (что, в том числе, находит свое отражение в сфере искусства – литературе, кинематографе). Человек привыкает видеть в социальном феномене наук наличие определенных недоговоренностей, приплюсовывать побочные эффекты от научных достижений и готовиться к худшему варианту развития ситуации.

В любом обществе наука выполняет когнитивные и социальные функции, но если когнитивные функции во многом универсальны, то социальные достаточно вариативны и зависят от особенностей общества. Изменения, произошедшие в современном обществе, во многом и отразились на представлениях человека о ценностях науки и ее практическом значении.

В данном контексте можно выделить два ведущих и определяющих образа науки в сознании человека трансформирующегося общества. Первый образ можно определить как «идеализированный сциентизм», доминировавший в представлениях человека первой половины двадцатого столетия. Личностное сознание, следующее данной парадигме, видит в науке могущественную по своим возможностям силу, способную к разрешению большинства социальных и индивидуальных проблем. Подобное умонстроение окрашивает научную деятельность в романтический ореол и ожидает от науки воплощение всех надежд человечества. И сегодня, безусловно, есть те, кто продолжает придерживаться подобного взгляда на науку. Однако такая романтическая идеализация науки сегодня скорее исключение, чем правило.

Наиболее распространенным является второй образ науки, обозначаемый как «прагматический сциентизм», в котором от науки ожидают практических,

конкретных результатов и несомненной сиюминутной пользы для индивида. В рамках прагматической оценки науки интеллектуальный труд превратился в сознании современного человека в весьма непопулярный и противоречивый. Здесь во многом важную роль играет ведущий тип человека современного общества, который можно определить как «homo ludens», (Й. Хейзинга). То, что нидерландский мыслитель называл «перманентным отрочеством» и которое отличает «недостаток чутья к тому, что уместно и что неуместно, недостаток личного достоинства, уважения к другим и чужому мнению, гипертрофированное сосредоточение на собственной личности. Почву для этого подготавливает всеобщий упадок способности суждения и критической потребности» [4, с. 333]. Современный человек, достигший стадии homo ludens, во многом свою жизнь хочет построить вне ответственности и вне всякого напряжения. Отсюда непопулярность научной деятельности, вызванная не только тем, что она не дает хорошего заработка, а тем, что она требует колоссальных личностных, интеллектуальных усилий (в свое время еще Маркс говорил о том, что творческий труд – адски тяжелое дело). А это для современного ведущего типа личности оказывается крайне тяжелым и неблагоприятным занятием.

Итак, науку сегодня по-прежнему высоко ценят, ее по-прежнему во многих отношениях чтят. Однако в сознании современной личности она безвозвратно утратила свой прежний высокий образ освободительницы человечества. Еще Хайдеггер не случайно замечал, что наука не может раскрыть тайны человеческого бытия, коль скоро она не способна понять пределы и смысл своего собственного развития. Наука утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Духовные корни науки оказались отсеченными. Она во много потеряла свое метафизическое, нравственное измерение. Поэтому и возникает недоверие к современному научному постижению человека, к тем перспективам, которые оно открывает. Совершенно очевидно, что функциональный кризис науки во многом связан с нравственно-этическими параметрами, вне решения которых наука не может вернуть свой подлинно аутентичный образ.

Литература

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
2. Жукова О. И. Проблема сохранения личности в условиях современного социума // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 2(70)
3. Козловски П. Культура постмодерна: общественно-культурные последствия технического развития. М.: Республика, 1997. 240 с.
4. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс-Академия, 1992.
5. Юревич А. В., Цапенко И. П. Функциональный кризис науки // Вопросы философии. 1998. № 1.

Информация об авторах:

Жукова Ольга Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ, oizh@list. ru.
Olga I. Zhukova – Doctor of Philosophy, Professor at the Deptament of Philosophy, Kemerovo State University.

Жуков Владимир Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Кемеровской государственной медицинской академии, oizh@list. ru

Vladimir D. Zhukov – Candidate of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Kemerovo State Medical Academy.

Статья поступила в редколлегию 26.07.2014г.

ОБРАЗ БОГОРОДИЦЫ КАК АРХЕТИП РУССКОЙ ДУШИ

Е. Ф. Казаков

THEOTOKOS AS THE ARCHETYPE OF THE RUSSIAN SOUL

E. F. Kazakov

В статье на основании исследования произведений русской литературы и искусства анализируется образ Богородицы как важнейший архетип русской души. Показана доминанта женского (материнского), мессианского, жертвенного начала в душе. Образ Богородицы представлен многоуровневым, выражающим различные состояния души: от высших духовных до несакральных, земных. Через образ Богородицы происходит поиск самоидентификации русской души.

On the basis of research works of Russian literature and art, the paper analyzes Theotokos as an archetype of the Russian soul. The dominance of female (maternal), Messianic, sacrificial beginning in the soul is shown. The image of the virgin is presented as layered and denoting different states of the soul: from the highest spiritual to neutral and secular. Through the image of Theotokos the search for the self-identity of the Russian soul is performed.

Ключевые слова: русская душа, образ, архетип, Богородица, телесное, духовное, душевное, искусство, человек, первоизданное, отчуждённое.

Keywords: soul, medieval people, fine art, natural, physical, spiritual, mental, image of a human, Church, icon, pristine, alienated.

Наиболее проработанным в философии понятием для обозначения внутренней нематериальной жизни человека и народа является понятие «душа». Душа – это внутреннее «чувствилище» (Аристотель), совокупность религиозных, нравственных, эстетических переживаний. Она в сконцентрированном виде несет в себе своеобразие человеческой жизни, основоположения которой задаются архетипами – первообразами, определяющими характер и направленность мироощущения. Одним из таких глубинных первообразов для русской души является образ Богородицы.

«Русская душа» – понятие русской философии, заключающее в себе своеобразие русского мировосприятия. О женственности («бабском характере») (Н. А. Бердяев) русской души писали многие русские мыслители, отмечая её нерациональность, эмоциональность, спонтанность, терпение, смирение, покорность, жертвенность... Всё самое важное в жизни русского человека соотносится, прежде всего, с образом Матери: Мать-Родина, Мать-Природа, Мать-Сыра-Земля, Матушка-Церковь, Матка-Правда, и, наконец, Богородица. Именно Богородица считается Хранительницей, Заступницей и главным Упованием России. В русском религиозном народном сознании, по мысли Г. П. Федотова, Богородица «остаётся связанной с человечеством, страждущей матерью и заступницей... В образе Её, не юном, не старом, словно безвременном, как на православной иконе, народ чтит небесную красоту материнства... Однако красота Её подернута дымкой слез» [23, с. 49]. «Царицей Руси» называл Богородицу С. Есенин. Её образ в русской ментальности универсален, в нём выражаются главные интенции и порывы души. Через Него как важнейший архетип осуществляется **самоидентификация русской души**.

«Даже у тех русских, которые не только не имеют православной веры, но и даже воздвигают гонения на православную церковь, остаётся в глубине души слой, сформированный православием», – пишет Н. А. Бер-

дяев [5, с. 266]. В русском народе Богородица пользуется особым почитанием и любовью. В. В. Розанов пишет: «Народы, особенно наш глубокий русский, поклонились, свели всё почти христианство в поклонение «Скорбящей Божией Матери» [17, с. 558]. Образ Богородицы является глубинным в русской душе, устойчивым на протяжении тысячелетия. Он является важной «системой координат», по которой русский человек измеряет своё бытие, осуществляя самопознание.

Одной из основных особенностей русской религиозности является почитание Богородицы, равное и даже большее, чем почитание Христа. Такая любовь к Богородице в народном сердце объясняется, с одной стороны, религиозным страхом перед Христом, а с другой – большей связностью Богородицы с человечеством, её сущностью страждущей Матери и Заступницы. «Христос – Царь Небесный, земной образ его мало выражен», – отмечает Н. А. Бердяев [5, с. 48]. С. Стратановский приходит к выводу, что образ Богородицы – это не только образ Матери Христа, но ещё и символ человеческой души, символ соединения ветхозаветного и новозаветного мира [21].

Рассмотрим, как трактуется образ Богородицы на примере некоторых произведений русской поэзии и живописи XIX – XX веков. Вера в то, что никогда Богородица не покидала и не покинет Землю Русскую, присутствует неотъемлемой чертой в русской богородичной поэзии. У С. Есенина в цикле «Пришествие» **образ Богородицы сливается с образом Руси**: «О, Русь, приснодева, Поправшая смерть!». Это «родство» почувствовал и Д. Андреев: «Тихо Печальница русского края рядом с тобой шла. Если прошел ты, не умирая, сквозь этот строй зла» [1, с. 29]. То же чувствует и Т. Зульфикаров: «А ведь Русь Златая изба-дом приют Ея! И Руси Владычица! И Она – Руси Мать. А разве может быть дитя-сирота у Вечной Матери?» [13, с. 227]. В его стихотворении «Богородица» Дева Мария – «Хозяйка Руси» [13, с. 331].

Образ Божией Матери в отечественной культуре приобретает черты, характерные для русского мироощущения. Поэты переносят Евангельские сюжеты, связанные с Богородицей, в Россию, морозную, лесную, близкую (И. Бунин, Т. Зульфикаров). Прекрасный облик Божией Матери соотносится с типичными образами русской природы, ее тихой, целомудренной красотой (И. Бунин, А. Кондратьев, Т. Зульфикаров). Особую окрашенность в черты русской национальной культуры приобретает образ Божией Матери, когда он переносится в фольклорную среду народных сказок и песен (С. Есенин). Происходит сопоставление образа Богоматери с образом страдающей Руси (С. Есенин). На метафизическом уровне лик Божией Матери сливается с ликом Святой Руси (М. Волошин).

Через образ Богоматери Н. Клюев создает портрет России, а забвение Её для поэта равноценно потере души России. *Россия без Богородицы становится страной без души*. В эмигрантской поэзии главной идеей, связанной с образом Богоматери становится идея Покрова Богоматери, идея Защиты, Небесного Покровительства. Образ Богоматери сближается с образом утерянной России. Поэты, потерявшие земное Отечество, ищут Отечество Небесное. Идея Покрова характерна и для современной российской поэзии. Но здесь образ Покрова вызван обостренным ощущением человеком собственного сиротства, осознанием несовершенства и иллюзорности окружающего мира (Т. Зульфикаров, В. Креков, Л. Никитина).

В иконописном образе Богородицы присутствуют черты русской женственности, например, в иконе XII века «Ярославская Оранта (Богоматерь Великая Панагия)». «Сам иконописный тип Марии – квинтэссенция русской женственности, смиренной кротости и открытости одновременно. Богоматерь, пришедшая на Русь... и начавшая сливаться с Навной – языческой душой русского народа, – полна загадочности, медленного преображения; в Ней начинается планетарный Логос...» [18, с. 8]. Вся картина О. Кандаурова «Литургия» (написанная под влиянием этой иконы) представляется как внутренний, душевный образ – видение лика Святой Руси, в котором проступают и Великая Панагия и церковь Покрова на Нерли. Образ Святой Руси – Богородичен.

В образе Богоматери с младенцем (особенно, в иконе «Умиление») «отпечатались все характерные черты русского православного сознания, с его склонностью к созерцательности, душевной умильности, мягкости, простоте и скромности» [22, с. 152]. А. И. Языкова пишет: «Здесь Богородица явлена нам не только как Мать, ласкающая Сына, но и как символ души, находящейся в близком общении с Богом» [24, с. 96]. А вот как это выразил Ф. Тютчев: «Душа готова как Мария к ногам Христа навек припасть».

Через образ Богородицы выражаются высшие духовные планы русской души. Одним из самых значительных образов, запечатлевающих духовное бытие, предстает чудотворная икона Владимирской Божьей Матери (наиболее чтимая в русской культуре), для которой все человечество – дитя («под ферулой церкви верующий всю жизнь оставался ребенком» [10, с. 549]). Идея вселенского единства, исхо-

дящая от иконы Владимирской Богоматери, так велика еще и потому, что два ее образа – Матери и Сына – сплавлены воедино, совершенно неотторжимы друг от друга, слиты в новый образ Сыне-Матери. (Биполярное земное бытие получает небесный ориентир для своего преодоления). Два лика, написанные на иконе, заключают в себе полноту, завершенность, потому что все остальные Божественные ипостаси (Бог-Дух и Бог-Отец) также незримо присутствуют здесь в неземном сиянии. Данный образ – всесовершенен, завершен, но не замкнут на себе, не отстранен от нас. Младенец глядит на Мать, Она – смотрит на нас, передавая, передоверяя нам и взгляд Сына, и взор своей Души, соединяя им взгляды человеческие воедино. Здесь соединяются такие важные для русской ментальности идеи соборности, жертвенности и мессианства.

Сюжет Богоматери чаще всего встречается в русской религиозной живописи. Несмотря на взросление человеческой души, относительно Духа Божия, она всегда будет душой-младенцем. Христос-младенец на руках Божьей Матери соизмерим с возрастным состоянием первозданного плана человеческой души. Это портрет душевной жизни, имеющий непреходящую актуальность; всегда соответствующий оригиналу автопортрет младенческой души человеческой. Этим можно объяснить то, что на иконах именно образ Богоматери несет основную эмоциональную смысловую нагрузку, являясь композиционным центром; воплощая в себе бесконечность родительского трансцендентного начала.

В стихотворении «Владимирская Богоматерь» М. Волошина перед иконописным ликом Богоматери проходит вся история России, в том числе её последние страницы. «А когда кумашные помосты / Подняли перед церквами крик, / – Из-под риз и набожной коросты / Ты явила подлинный свой Лик. / Светлый Лик Премудрости – Софии, / Заскорузлый в скаредной Москве, / А в грядущем – Лик самой России...» [8, с. 256 – 257]. Лик Софии, Лик Богородицы и образ святой Руси сливаются здесь в один Лик Владимирской Божией Матери.

В. Иванов называл Божию Матерь «центром и средоточием Рая», «Древом жизни», то есть сутью, основанием, столпом вечной истинной жизни, ибо Божия Матерь дала земную жизнь Христу-Спасителю и Подателю жизни вечной всему человечеству. Это откровение духовидческое, наполненное пасхальной радостью: «Там бегут мои чистые воды. / Там поют мои райские птицы; / Посреди же меня Древо Жизни / Древо Жизни – Пречистая Дева» [14, с. 135 – 136]. Посреди Рая – не Христос, не Бог Отец, не Дух Святой, а Царица Небесная.

Так же видится Она и Ф. Сологубу в стихотворении «Милая мать, ты – Мадонна». Поэт подчеркивает, что сама жертвенная, самоотреченная, посвященная Богу жизнь Богородицы является, в определенной мере, прообразом жизни Христа, Его жертвы. «Учи его умирать без стоны, / Учи его страдать без слез... / Завидишь сени Гефсиманского сада – / Сама вонзи себе в сердце нож» [20, с. 364]. Поэт усиливает здесь момент добровольности, собственного соизволения на жертву Христа и Богородицы. Но у Божией Матери –

своя жертва. Она должна была выстрадать смерть Христа, быть с Ним и стать потом Матерью тому человечеству, которое убило Её Сына. Это соотносится с мессианской жертвенностью, так органично присущей русской душе.

«Мария у Бродского, – отмечает С. Стратановский, – символ человеческой души. С приходом в мир Христа душа будет ранена, но тем самым обретет новый опыт и приблизится к Богу» [21, с. 149]. «И тем же оружием, Мария, которым / Терзаема плоть его будет, твоя / Душа будет ранена. Рана сия / Даст видеть тебе, что сокрыто глубоко / В сердцах веков, как некое око» [7, с. 233 – 235]. Поэт проникает в самую сокровенную суть пророчества: рана в душе Марии будет оком, через которое Божия Мать увидит всё сокрытое в сердцах русских, сердцах человеческих. Образ Божией Матери, вобравший в себя все самое чистое и возвышенное, противостоит злу мира сего. Именно через постижение образа Богоматери русский человек возвращается в райское состояние до грехопадения.

В образе Богородицы находят выражение не только высшие духовные, но и иные, например, **грезящие планы русской души**. Так, у поэтов "серебряного века" образ Божией Матери нередко подёрнут туманной пеленой. Богородица часто является во сне, сходит эфемерным расплывчатым миражом. «Будет лелеять, / Будет нам ваять / Сном над глубокой водой / О, Мария, в зимы злые / Радость моя голубая! / Сердцу мира – сны златые, / Панагия – Всевсвятая!» [2, с. 410]. Богородица представляется блаженным успокоением после утомительного дня жизни. В образе Богородицы у А. Белого также присутствует мотив сна. «Она ко мне сходила снами / Из миротворной глубины. / И голубила глубинами / Моей застенчивой весны» [3, с. 440]. Это ещё и сон души, не проснувшейся для духовного бодрствования.

Через образ Богородицы, трансформирующийся в образ Небесной Девы, находят выражение и до (не)христианские интенции русской души. С. М. Соловьев отмечал, что в образе Девы у А. Блока – не Богоматерь, а Афродита Небесная [9, с. 101]. «Белая Ты, в глубине несмутима, / В жизни строга и гневна. / Тайно тревожна и тайно любима, / Дева, Заря, Купина» [4, с. 57]. Ю. Верховский (триптих «Дева-Птица») описывает крылатую Небесную Деву. Образ этот по символике приближен к образу Божией Матери («трепет лилий», «невестный взор так тихо нелегко», «лазурью жаркой и нетленной»), но в то же время отдален от расплывчатого образа Прекрасной Святой Девы. Поэт описывает «Богоявленный лик Девы-Птицы»: «павлиний блеск крыльев – всецветный рай», «гордый побледневший лик», «истомную поволоку глаз из-под ревнивых ресниц».

Небесная Дева в поэзии "серебряного века" предстает снежною, холодною, грустною Девушкой Космоса. «Чистый день Мадонны Снежной / Кроткий символ тайны Нежной... / Что загадочней, грустней...» [15, с. 94]. Она выступает в образе Владычицы Вселенной, Космической Стихии. «О Мария, ты стихия, / Ты – волна с венцом из пены!» [2, с. 410]. Неотъемлемый эпитет Богородицы у К. Бальмонта – "Стихия". Дева Мария «горит как Звезда», «светит в пропасти вод».

Её Образ далек от образа Божией Матери в его традиционном религиозном сознании, Она – холодна, в ней не проявлено материнское начало.

Через образ Богородицы находят выражение и несакрытые, земные, природные интенции русской души. Эротическое чувствование Девы Марии особенно выражено в творчестве С. Есенина. «Не стану никакую / Я девушку ласкать. / Ах лишь одну люблю я, / Забыв любовь земную, / На небе божью мать». Поэт не ограничивается только «небесной любовью». «Ах, часто в келье темной / Я звал ее с иконы / К себе на ложе сна» [12, с. 111]. В восприятии Богородицы нередки народные, крестьянские мотивы, где «Русь – телица, русские люди – телята». «О том, как богородица, / Накинув синий плат, / У облачной околицы / Скликает в рай телят» [11, с. 23]. С. Есенин рисует Богородицу в виде народной сказочной героини, где Она выступает как Царица земли, птиц и зверей. «Собрала Пречистая / Журавлей с синицами... / А маленький боженька / Подобралши ноженьки / ест кашу» [12, с. 90 – 93].

В образе Богоматери присутствует несколько начал: божественное и человеческое, девства и материнства. Наибольшее выражение и в поэзии, и в живописи получает материнское начало. На большинстве икон и картин Богородица запечатлена с Младенцем-Христом. Отображение материнского начала в образе Богородицы в поэзии имеет ряд аспектов. Богородица представляется не только как Мать Христа, но в определенной мере приближается к образу матери поэта (Н. Клюев, Р. Ивнев), поэт называет Её своей Матерью (А. Ибрагимов, Т. Зульфикаров, Н. Тряпкин). Анна Ахматова постигает своё материнство через образ Божией Матери, Т. Зульфикаров называет Богородицу «Матерью Руси». В поэзии «серебряного века» Она предстаёт как «Снежная», «Космическая» Дева (в живописи подобный образ запечатлен в произведениях Н. К. Рериха). В поэзии этого периода образ Богоматери обретает черты католической Девы Марии (непроявленность материнского начала, большая чувственность образа); в иконописи и живописи также присутствуют эти черты (чувственность, эмпиричность образа, корона, пышные одеяния – в западной манере).

В восприятии и художественном воплощении образа Богородицы присутствует и традиционные, и новые черты. Традиционное заключается в восприятии Богоматери как Милосердной Заступницы перед Строгим Судией Христом, как последней Надежды и Уповании (М. Волошин, М. Кузмин). Именно Богородица в народном сознании уводит людей в Рай, спасает их (С. Есенин, Н. К. Рерих «Труды Мадонны»). Новые черты в восприятии образа Богоматери особенно проявляются в период «серебряного века». Это определённая десакрализация образа Богоматери, проявляющаяся в эротическом чувствовании образа, в рыцарском католическом характере почитания Богоматери. К новым чертам относятся попытки экзистенциального вчувствования в образ (И. Бродский, А. Ахматова), привносящее в него определённый психологизм и несовершенство собственной души (А. Блок, С. Кекова).

Образ Богородицы в русской поэзии и живописи конца XIX – XX вв. приобретает черты русского мировосприятия, окрашивается в оттенки русской культуры, сопоставляется с образами русской природы, русской Земли-Матушки (И. Бунин переносит Евангельские события в зимнюю Россию) и Земли-планеты (О. Кандауров), проступает в образах русских матерей-крестьянок (К. Петров-Водкин), с Ним соотносится образ страдающей России (Н. Клюев, С. Есенин). Богородицу называют «Владычицей и Хозяйкой» Руси (Т. Зильфиаров, Л. Никонова), именно Её молят о спасении России (русская эмигрантская поэзия). И как высшая ступень – Лик Божией Матери сливается с ликом Святой Руси (М. Волошин). «Россия превращается в Богородицу» [6, с. 10]. В постижении образа Богородицы проявляются черты

ментальности русского человека, его обострённое чувство несовершенства земного мира. Образ Богородицы противопоставляется злу «мира сего», Она выступает средоточием Света, Милости, Любви, «Древом Жизни», «Средоточием Рая» (В. Иванов). Через Её Образ выражается обострённое чувство сиротства, осознание своей сыновности. Это проявляется в живописи, в распространении сюжета Покрова Богородицы и иконографического типа «умиления». Ещё одна особенность русской ментальности – ощущение духовной близости к Богородице, постоянное богообщение. Образ Богородицы предстаёт для русского человека не только как нечто непостижимое, трансцендентное, а как близкое, родное, как важнейший архетип его души.

Литература

1. Андреев Д. Стихи. М., 1990. № 8.
2. Бальмонт К. Д. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. М.: Можайск-Терра, 1994. 704 с.
3. Белый А. Стихотворения. М.: Книга, 1988. 575 с.
4. Блок А. Стихотворения и поэмы. М.: Правда, 1978. 480 с.
5. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. 528 с.
6. Бердяев Н. А. Судьба России. М.: АСТ, 2005. 336 с.
7. Бродский И. А. Избранные стихотворения. М.: Панорама, 1994. 496 с.
8. Волошин М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников. М.: Правда, 1991. 480 с.
9. Гайденок П. Соблазн «Святой плоти» (Сергей Соловьев и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996, июль – август.
10. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
11. Есенин С. Соч. в 2-х т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы. М.: Советская Россия. Современник, 1990. 480 с.
12. Есенин С. Соч. в 2-х т. Т. 2: Стихотворения. Проза. Статьи. Письма. М.: Советская Россия. Современник., 1990. 384 с.
13. Зильфиаров Т. Поэмы. Стихотворения. Притчи. Песни. М.: Московский писатель, 1999. 494 с.
14. Ковчег: Поэзия первой эмиграции. М.: Политиздат, 1991. 511 с.
15. Новикова Т. «Прекрасная Дама» в культуре серебряного века // Вестник МГУ. 1998. № 1 (Серия: Филология).
16. Православная икона. Канон и стиль к богословскому рассмотрению образа. М.: Православный паломник, 1998. 495 с.
17. Розанов В. В. Темный лик. Метафизика христианства // Религия и культура. Т. 1. М.: Директмедиа Паблишинг, 2002. 638 с.
18. Русь и христианство. Альбом. М.: Терра, 1991. С. 182.
19. Семёнова С. Г. Тайны Царствия Небесного. М.: Школа-Пресс, 1994. 415 с.
20. Сологуб Ф. Избранное. М.: Диамант, 1997. 448 с.
21. Стратановский С. Религиозные мотивы в современной русской поэзии // Волга. 1993. № 4.
22. Тарабукин Н. М. Смысл иконы. М.: Издательство православного Братства Святителя Филарета Московского, 1999. 223 с.
23. Федотов Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам). М.: Прогресс, Гнозис, 1991. 198 с.
24. Языкова И. К. Богословие иконы. М.: Издательство общедоступного православного университета, 1995. 212 с.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Eugene F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 05.05.2014 г.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ЛИНГВОФИЛОСОФИИ АЛЬ-ФАРАБИ

Б. Д. Нуриев

TERMINOLOGICAL TOOLS OF AL-FARABI'S LINGUOPHILOSOPHY

B. D. Nuriev

В статье рассматриваются основные термины, использованные аль-Фараби в построении собственной модели языка. Автор анализируется роль и место каждого термина в концепции языка восточного мыслителя, акцентируется внимание на знаковом характере его лингвофилософской теории, доказывается лексический характер системы знаковости. Автор отмечает особенности подхода аль-Фараби к терминологическому инструментарию и подчеркивается актуальность исследуемой темы для современной российской лингвофилософии.

The paper examines the main terms used by al-Farabi in constructing of his own language model. The author analyzes the role and place of each term in the Eastern thinker's concept of the language, focuses on the symbolic nature of his linguophilosophical theory, and proves the lexical character of the system of symbolism. The author considers the features of al-Farabi's approach to terminological tools and emphasizes the relevance of the mentioned theme for the modern Russian linguophilosophy.

Ключевые слова: аль-Фараби, арабо-мусульманская философия, Аристотель, античная философия, термин, язык, слово, звук, модель языка.

Keywords: al-Farabi, Arab-Muslim philosophy, Aristotle, ancient philosophy, term, language, word, sound, linguistic model.

Философия языка – сравнительно молодая отрасль гуманитарного знания. Согласно устоявшейся в российской науке традиции, зарождение лингвофилософии связывается с творчеством выдающегося австрийского ученого Л. Витгенштейна, а также с деятельностью так называемого Венского кружка, актив которого состоял из известных имен в области лингвистики и философии. Формирование философии языка в данный период означает, что именно в этот отрезок времени были оформлены *модели* понимания языка в его сугубо философской ипостаси. Язык стал рассматриваться как средство познания, сбора, хранения, кодирования и трансляции информации, а также как феномен, присущий существу разумному, способному к формированию мысли. Думается, что понятие *модель* достаточно гармонично вписывается в контекст данного исследования. Это объясняется тем, что у каждой лингвофилософской школы, которые стали оформляться в философии начиная с 20-х гг. прошлого столетия, было свое видение той сложной конструкции, которую представляет естественный язык. Более того, в рамках каждой школы был оформлен свой терминологический инструментариум, благодаря которому данные модели конструировались, а также обосновывалась их научная состоятельность. Так, например, благодаря герменевтике, основы которой, как известно, были заложены В. Дильтеем (1833 – 1911) и Х. Г. Гадамером (1900 – 2002), в широкий оборот вошли термины «диалектика речи» и «диалог». Благодаря оформившейся в первой половине прошлого столетия феноменологии стал вполне привычным для современной философии языка термин «модус сознания» [2, с. 22]. Во французском постструктурализме, который, как известно, в лингвофилософии апеллировал к социальным вопросам и поэтому был представлен преимущественно философами левых взглядов, в качестве инструментов конструирования модели языка были развиты такие термины, как «текст», «интертекстуальность» и «языковая деконструкция» [8, с. 136 – 146].

Однако, как справедливо констатируют многие российские исследователи, феномен языка в сугубо философской своей ипостаси так или иначе затрагивался в работах философов античности и Нового времени. Именно плеядой общеизвестных европейских мыслителей прошлого, среди которых, как правило, выделяют имена Платона (427 – 347 до н. э.) и Аристотеля (384 – 322 до н. э.), И. Канта (1724 – 1804) и Ж. Ж. Руссо (1712 – 1778), Дж. Буля (1815 – 1864) и Дж. Милля (1806 – 1873), был заложен тот самый тренд, в русле которого в конце XIX – начале XX вв. оформилась современная лингвофилософия. В целом российскими исследователями достаточно ярко и отчетливо выделен общеевропейский стержень, который и определил ход развития данной области знания [2, с. 5].

Как известно, уже в VIII в. передовая интеллектуальная мысль сместилась на несколько столетий на Восток. Арабский халифат, образно говоря, перенявший эстафету у античного мира, стал родиной новых идей и открытий как в области философии, так и в гуманитарном знании в целом.

Одним из ярких мыслителей средневекового Востока был известный ученый аль-Фараби (872 – 951). Этому выдающемуся философу посвящены монографии в российской науке и гуманитарном знании ближнего зарубежья [6], издаются сборники его трудов [1], его имя носит крупнейшее высшее учебное заведение в Республике Казахстан – Казахский государственный университет, расположенный в г. Алматы. Известно, что восточный мыслитель ряд своих работ посвятил проблемам языка и языкознания. Так, например, исследователи жизни и творчества великого восточного мыслителя выделяют примерно 20 – 22 трактата, в которых автор так или иначе затрагивал тему языка, его происхождения и сущности [10, с. 25].

Исследователи философии аль-Фараби выделяют несколько терминов, которые активно использовал мыслитель в ходе изложения своих воззрений в об-

ласти лингвофилософии. Замечу, что в формировании взглядов аль-Фараби большую роль сыграла античная философия, особенно наследие Платона и Аристотеля. Данное обстоятельство, безусловно, оказало соответствующее влияние на терминологический инструментарий восточного философа.

Лисан (естественный язык)

Одним из наиболее часто встречающихся понятий в философских трактатах аль-Фараби был термин «лисан», который по своей семантической нагруженности почти полностью соответствовал слову «язык» в современном его понимании. Эта же лексема транслирует идентичное значение и в современном арабском языке. Однако считается, что понятие *язык* в сугубо лингвистическом значении впервые было концептуализировано и развито основоположниками арабского языкознания Абдуллой ибн Берри (ум. 1054) и Мухкемом ибн Сиде (ум. 1066), жившими позднее аль-Фараби и многое перенявшими у восточного философа. Добавлю, что данное же слово встречается в двадцати пяти аятах Корана, причем хоть и в близких, но все же в разных значениях.

Исследователи лингвофилософии аль-Фараби выделяют две особенности его подхода к проблеме языка, обозначавшемся в его трактатах словом «лисан». Во-первых, мыслитель, используя данное понятие, апеллировал к так называемому разговорному языку. Несмотря на то, что в его работах невозможно найти точное определение того, что означает в его понимании «лисан», во взглядах философа отчетливо прослеживается мысль, что это «разговорный язык, отличающий одну общность от другой» [10, с. 31]. В данном контексте восточный мыслитель пишет: «Люди разделяются на общности. Один город отличается от другого. Каждый город имеет свой естественный облик и свой естественный характер. Более того, у каждого города свой разговорный язык, способ общения и самовыражения» [10, с. 36]. Добавлю, что в рассматриваемый отрезок времени арабо-мусульманские мыслители в географических и политических науках, как правило, апеллировали к термину «город», а не «страна» или «государство», что связано с особенностью понимания правовых норм на Ближнем Востоке [7, с. 3 – 8]. Как видно, «лисан» для аль-Фараби – это не только разговорный арабский язык, это язык «каждого города».

Второй особенностью лингвофилософских взглядов аль-Фараби является то, что мыслитель нередко рассматривал «лисан» в привязке к логике. Современной философской науке хорошо известен его «Трактат о логике», в котором автор, опираясь на арабский язык, попытался рассмотреть вопрос о соотношении логической конструкции языка с его лексической системой. «Точно также, как языкознание опирается на язык народа, логика выстраивается на основе правильного мышления» – писал восточный ученый [10, с. 37]. Необходимо заметить, что аль-Фараби является, пожалуй, одним из самых известных арабо-мусульманских философов, представляющих так называемый аристотелизм, оформившийся на Ближнем Востоке в рассматриваемый отрезок времени. Достижения Аристотеля в области логики, безусловно, оказали непосредственное воздействие на взгляды аль-Фараби в области лингво-

философии. Как известно, еще в 752 г. арабские интеллектуалы перевели на свой язык «Органон» Аристотеля. После ознакомления с данным трактатом, считавшимся своего рода учебником логики в Древней Греции, начались споры между языковедами, которые были сконцентрированы на изучении собственно арабского языка, и так называемыми логистами, говорящими на арамейском языке и признававшими за логикой статус универсального языка. Известно, что аль-Фараби, также почитавший творчество Аристотеля, старался так или иначе примирить позиции языковедов и логистов.

Итак, термин «лисан», занимавший центральное положение в модели языка, предложенной восточным мыслителем, был во многом созвучен концепту *естественный язык* в том понимании, которое свойственно устоявшейся современной научной традиции.

Люгат (язык-понимание)

Наряду с термином «лисан» в целях трансляции понятия *язык* аль-Фараби использовал также слово «люгат». Понимание данного термина осложнено особенностями конструкций современных естественных языков. Дело в том, что концепт *язык* в силу целого ряда причин в ходе эволюции естественного языка вытеснил близкие по своей семантической содержательности слова. Законы данного процесса пока не совсем ясны современной науке. Все попытки объяснить процесс «выживания» отдельных слов и «угасания» конкурирующих понятий, которые были начаты, как известно, Л. Витгенштейном, вызвали много вопросов у научного сообщества, на которые не удавалось найти ответ. Добавлю, что слово «люгат» не обнаруживается в Коране и в других важнейших первых источниках арабской письменности.

Особенностью данного понятия является то, что в нем отчетливо прослеживается гносеологический контекст. В древнеарабском языке корень данного слова так или иначе соотносился с понятиями «неправильно понять», «вести бессмысленный разговор», «ошибаться, разговаривая». Несмотря на явный отрицательный оттенок в той информации, которая транслировалась данным словом в древнеарабском языке, аль-Фараби активно использовал данный термин в ходе изложения своих мыслей. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что, согласно дошедшим до наших дней источникам, словом «люгат» впервые стали оперировать также лингвисты, один из которых, «представитель Багдадской лингвистической школы Ибн Джинни писал в своих трактатах, что «люгат – это язык, это поток звуков, благодаря которому выражается мысль» [10, с. 37]. Думается, рассматриваемый нами термин более близко к тому значению, которое придавал ему восточный философ, можно перевести как «язык-понимание» или «язык-осознание». Аль-Фараби неразрывно связывал «люгат» с вопросами гносеологического характера, использовал данный термин при рассмотрении проблем адекватного восприятия человеком внешнего мира. «Люгат» для него это тоже язык, но язык-посредник между человеком и тем, что его окружает. Принципиальное различие между двумя понятиями – «лисан» и «люгат» – заключается в следующем. Восточный философ использо-

вал слово «лисан» в тех случаях, когда излагал свои мысли о языке национальном, например, арабском, персидском, арамейском и т. д., присущим определенному «городу», а также в ходе анализа языка наднационального, то есть общего, характерного для человеческого общества в целом. Безусловно, апеллирование к понятию национальный в данном случае не совсем уместно, в силу того, что, как известно, национальность – продукт Нового времени. Для эпохи раннего средневековья, возможно, было бы уместнее использовать понятия «этнический» и «надэтнический». Как бы там ни было, сама суть вопроса от этого не меняется. «Люгат» же в воззрениях аль-Фараби – это рефлексивный язык, язык познания и формирования мысли. Добавлю, что возможно, вопрос о более четком разделении концепта *язык* на две части – лингвистическую и гносеологическую – со временем снова найдет свое достойное место в повестке дня отечественной лингвофилософии.

Кавль (слово)

Пожалуй, одним из самых широко употребляемых в лингвофилософских изысканиях аль-Фараби было понятие *слово*, которое, как виделось ученому, представляет собой основу языка. Для обозначения данного понятия мыслитель использовал термин «кавль». Аль-Фараби разработал оригинальную теорию словообразования, согласно которой, в процессе создания слова задействованы три фактора. Во-первых, это воздух, который человек пропускает сквозь речевой аппарат при артикуляции звуков. Замечу, что вопрос о самом речевом аппарате мыслитель не затрагивал. Во-вторых, это звуки, подразделяющиеся на гласные и согласные, образующиеся благодаря выдыханию этого воздуха. И в-третьих, это осмысливание *слова*, придание ему того или иного значения. Аль-Фараби считал, что каждое *слово* содержательно и несет в себе особую смысловую нагрузку.

Как говорилось выше, исследователи творчества аль-Фараби констатируют о наличии множества параллелей между воззрениями восточного ученого и взглядами Аристотеля. Также как и Аристотель, восточный философ признавал необходимость в систематизации и упорядочивании лексической базы языка для более эффективного его использования в науке. Также как и древнегреческий мыслитель, аль-Фараби исходил из того, что в процессе упорядочивания словарного запаса естественного языка необходимо отталкиваться от частного к общему вплоть до достижения непересекаемых по своей смысловой нагруженности понятий. Как известно, такого же принципа в вопросе концептуализации «категорий» придерживался и Аристотель. Система классификации «категорий» у Аристотеля и «кавль» у аль-Фараби также имела много общего. Например, выделение в «категориях» и в «кавль» таких групп, как «сущность», «количество», «обладание», присутствует в концепциях обоих ученых.

Включение в лингвофилософский терминологический инструментарий понятия «кавль», безусловно, имеет принципиальное значение для философии языка Ближнего Востока периода раннего средневековья. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что лингвофилософская мысль, оформившаяся в рамках

арабо-мусульманской философии, продолжила традиции античности. Как констатируют исследователи, важная особенность лингвофилософских воззрений аль-Фараби заключалась в том, что восточный мыслитель во многом перенял у Аристотеля и адаптировал к ближневосточным реалиям идею *знаковости* естественного языка. Более того, аль-Фараби также поддерживал античных мыслителей и в том, что знаковость языка проявляется прежде всего на уровне *лексемы*. Напомню, что апеллирование к *слову* как к исходной единице естественного языка было характерно для всех философов, поднимающих тему языка, вплоть до так называемого языкового переворота позднего Л. Витгенштейна, после которого тождественность *слова* и его *значения* стала подвергаться сомнениям в научном сообществе. Добавлю, что рассматриваемая тенденция была характерна и для русской лингвофилософской мысли, которая оформилась в отдельное направление в отечественной философии языка – словологию [3, с. 4].

Лафыз (звук)

Заслуживает внимания еще один термин, получивший в трактатах аль-Фараби название «лафыз». «Лафыз» – это звук, который человек произносит посредством выдыхания воздуха. Необходимо заметить, что *звук*, или говоря сугубо лингвистическим языком, *фонема*, будучи предметом исследования лингвистов, вплоть до настоящего времени не занимала центральное место в философии языка. Это объясняется тем, что знаковость языка связать со звуком и даже их сочетаниями подавляющему большинству специалистов в области философии языка видится невозможным. Нужно признать, что в Советском Союзе, а потом и в России предпринимались попытки исследовать феномен *языка* именно с данного ракурса, однако исследования специалистов не получили ожидаемого признания в научном сообществе [4]. Что касается западноевропейской и американской философии, то в лингвофилософских исследованиях западных ученых *фонема* рассматривалась, как правило, сквозь призму проблем, имеющих непосредственное отношение к психологии и сопредельным дисциплинам.

Звук, будучи одним из широко используемых аль-Фараби понятий в его лингвофилософских трактатах, тем не менее не занимал ключевую позицию. Считается, что рассматриваемое понятие аль-Фараби значительно чаще задействовал в тех работах, где описывал языки других народов, населяющих как Арабский халифат, так и другие сопредельные государства. Восточный мыслитель писал, что «как отличаются друг от друга языки по способам написания, также они различаются и по звукам. Если бы в каждом языке звуки были идентичными, то и слова были бы во многом схожими, и люди бы понимали друг друга лучше» [10, с. 35]. В целом, несмотря на то, что *звук*, как писал мыслитель, мог бы стать тем базовым инструментом, который определял конструкцию естественного языка, данный термин выполнял большее вспомогательные функции в модели естественного языка аль-Фараби.

Келам (божественное слово)

Безусловно, правы российские философы-востоковеды, утверждающие, что философия Ближнего Востока в период раннего средневековья взвалила на свои плечи ответственную ношу – сохранить и по мере возможностей развить ту традицию вольного философствования, которая сложилась в Древней Греции. Известно, что пытавшиеся реанимировать античную мысль византийские вольнодумцы на протяжении столетий были гонимы у себя на родине и находили не только прибежище, но достаточно благоприятные условия для интеллектуального труда в Арабском халифате [9, с. 19 – 28]. Однако необходимо признать, что арабо-мусульманская философия, в отличие от античной мысли, во многом опиралась на религию, что, безусловно, отразилось и на эволюции интеллектуальной мысли на Ближнем Востоке. Влияние религии достаточно ощутимо прослеживалось и в трудах аль-Фараби, в том числе и в тех его трактатах, в которых затрагивалась проблема языка. Так, аль-Фараби ввел в ближневосточную лингвофилософию понятие «келам», суть которого можно транслировать на русский язык в форме выражения «божественное слово». Как видно, термин «келам» созвучен с хорошо изученным в российской философской науке интеллектуальным течением «калам», которое нередко именуют «мусульманской схоластикой» или «служанкой богословия» на Ближнем Востоке [5, с. 176]. Аль-Фараби использовал данный термин, как правило, в той части своих сочинений, в которых речь шла о сакральных понятиях, например, о сущности Бога и Священной книги. Как констатируют исследователи, «аль-Фараби называл келамом те слова и выражения, из которых состояли божественные откровения, ниспосланные Мухаммаду» [10, с. 33]. «Келамом» также именовались в сочинениях восточного мыслителя слова, предложения и целые фрагменты хадисов, из которых, как известно, сложена Сунна. Мыслитель полагал, что «божественное слово» свято, оно является

образцом для совершенствования в области сочинительства и стихосложения. Тем не менее сфера применения данного понятия в концепции языка аль-Фараби была значительно уже, нежели чем у вышеперечисленных терминов. Замечу, что потребность в изучении разновидностей «келамов» интеллектуалами Ближнего Востока была вызвана и тем, что язык написания важнейших правовых источников был затруднен для понимания, некоторые слова и выражения Корана и Сунны нередко могли интерпретироваться двояко. Более того, экспансионистская политика халифов в VIII – IX вв., нацеленная на арабизацию и исламизацию покоренных территорий, требовала открытия многочисленных курсов преподавания арабского языка и изучения религиозных текстов, а также развития переводческого дела. Все это, безусловно, актуализировало значение религиозного языка в среде образованных членов общины.

В качестве заключения хочется сказать следующее. Учитывая тот факт, что в России философия языка стала изучаться сравнительно недавно, отечественная философская наука оставила за бортом своего исследования достаточно важный для понимания актуальных вопросов современной лингвофилософии срез – восточный интеллектуальный мир. Говоря другими словами, средневековая арабо-мусульманская лингвофилософия в современном отечественном гуманитарном знании пока еще не стала объектом пристального изучения. В результате чего в отечественной истории философии языка прослеживается отсутствие преемственности между античностью и Новым временем, существующая брешь не заполнена, она зияет словно темное, неизведанное пятно. Хотя в действительности и в данную эпоху осмысление языка, его природы, а также всего комплекса общелингвистических вопросов не затормозилось. Оно эволюционировало по своим законам на Ближнем Востоке, и творчество аль-Фараби в области философии языка служит тому наглядным подтверждением.

Литература

1. Аль-Фараби. Трактаты об искусстве управления. М.: Бизнеском, 2011. 264 с.
2. Бажутина Н. С. Философия языка. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2001. 40 с.
3. Безлепкина Н. И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 272 с.
4. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 244 с.
5. Гриненко Г. В. История философии: учебник. М.: Юрайт, 2010. 689 с.
6. Курмангалиева В. К. Наследие аль-Фараби и формирование нового интегрального мировоззрения. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2012. 322 с.
7. Миннихметов Р. А., Нуриев Б. Д. Государство и право в исламской правовой доктрине. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 148 с.
8. Нуриев Б. Д. Интертекстуальность в постструктурализме и языковая реальность: сравнительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 10
9. Фролова Е. А. История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. М., 2006. 199 с.
10. Altunya H. Farabi'de dil felsefesi. Yüksek lisans tezi. Istarta: Süleyman Demirel Üniversitesi, 2003. 216 с.

Информация об авторе:

Нуриев Булат Дамирович – кандидат философских наук, докторант кафедры философии и истории науки Башкирского государственного университета (г. Уфа), nurievbd@mail.ru.

Bulat D. Nuriev – Candidate of Philosophy, doctoral student at the Department of Philosophy and History of Science, Bashkir State University (Ufa).

Статья поступила в редколлегию 14.04.2014 г.

**ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА «ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА»
В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ**

Чжан Фань

**UNDERSTANDING THE CONCEPT OF "SPIRITUAL CULTURE"
IN CONTEMPORARY CHINESE PHILOSOPHICAL THOUGHT**

Zhang Fan

В данной статье отражены взгляды и мнения современных китайских философов о духовной культуре. Ученые Китая анализируют духовную культуру как часть культуры общества. Они включают в структуру культуры материальную, институциональную и духовную культуру. Материальная и институциональная являются внешним проявлением духовной культуры, она существует внутри них. Материальная культура создает условия для жизни общества. Институциональная культура обеспечивает общение человека и общества. Китайские ученые считают, что духовная культура – это механизм, который управляет всей деятельностью общества. Она формирует национальную идентичность, поддерживает национальное единство. Она создает условия для свободного развития общества и человека. Китайские ученые объясняют духовную культуру как видимое и невидимое начало. Видимое начало духовной культуры реализуется через материальную культуру. Невидимое начало духовной культуры создает условия человеку, который стремится к свободе. Автор показывает позиции китайских философов, работы которых не переводились на русский язык.

The paper reflects the views and opinions of modern Chinese philosophers of spiritual culture. Scientists in China analyze spiritual culture as a part of the society's culture. They include material, institutional and spiritual cultures in the structure of the culture. Material culture and institutional culture are the outward manifestation of spiritual culture. It exists inside them. Material culture creates the conditions for the life of the society. Institutional culture provides fellowship of individuals and the society. Chinese scientists believe that spiritual culture is the mechanism controlling the entire operation of the society. It forms the national identity and supports the national unity. It creates the conditions for the free development of society and the individual. Chinese scientists explain spiritual culture as visible and invisible bases. The visible basis of spiritual culture is realized through material culture. The invisible basis of spiritual culture creates the conditions for a person who wants to be free. The author shows the position of Chinese philosophers whose works were not translated into Russian.

Ключевые слова: китайская философия, культура Китая, материальная и институциональная культура, духовная культура, национальное самосознание, национальный характер.

Keywords: Chinese philosophy, Chinese culture, material and institutional culture, spiritual culture, national identity, national character.

Сегодня многие российские философы обращаются к исследованиям духовной культуры Китая. В 2006 г. выходит в свет многотомное издание, энциклопедия «Духовная культура Китая», подготовленная научными сотрудниками ИДВ РАН, под редакцией академика М. Л. Титаренко [2]. Российские специалисты обращаются к работам китайских ученых, отмечая особенности их философской рефлексии, специфике методологии исследований культуры [5, с. 114]. Но достаточно сложно найти работы, которые были бы посвящены вопросам анализа философских концепций китайских ученых в области исследований духовной культуры. Можно предполагать, что это обусловлено следующими причинами. Российские ученые исследуют, анализируют классические работы китайских мудрецов. Мы используем именно понятие «мудрецы», так как исторически в китайской общественной мысли не было понятия философ, которое пришло в научный оборот из западной философии в последнее тысячелетие. И сегодня в работах китайских исследователей, ученых понятие «философ» используется при обращении к западным философам, но при анализе работ Конфуция и представителей других школ используется понятие «мудрец», так же как при обращении к работам современников используется

понятие «ученый». Вторая причина, возможно, состоит в том, что сегодня в российском научном обороте отсутствуют переводные работы китайских ученых (философов) конца XX – начала XXI вв. Стоит заметить и такой факт, что в китайской научной практике существует пересказ позиций, которые по научным, идеологическим, мировоззренческим, ментальным и пр. факторам близки ученым. Это не повод для плагиата, а возможность поддержать научного коллегу в его взглядах. И чем больше ученый находит в других работах свои мысли и идеи, тем его позиция «крепче» в науке. Третья причина, возможно, состоит в том, что философская мысль Китая, которая является формирующей общественное сознание, идеологию, по своей сути – материалистична. В Китае развивается марксистская концепция. Это видно и в трактовке понятия «культура», которая исследуется в Китае как материальная, институциональная и духовная. Четвертая причина, возможно, состоит в том, что развитие философской мысли в Китае имеет свою специфику. Прежде всего, философия политична по своей сути и практически ориентирована. Исследованиями культуры занимается культурология. Если в российской и в западной философии развиваются такие научные направления, как «культурная антропология», «филосо-

фия культуры», «культурология», то в китайской научной практике, как отмечает Дун ВэйУ [1, с. 31], понятие «культурная философия» аналогично понятию «культурология». Это говорит о том, что понятие «теория культуры» синонимично «культурной политике», которая направлена на строительство гармоничного китайского общества. Учитывая сказанное, автор не ставит себе задачу критического анализа работ китайских ученых. Автор обращается к ним, преследуя цель: представить российским специалистам мнения и позиции китайских коллег о духовной культуре, которая предполагает следующие задачи: объяснить специфику понимания и трактовки духовной культуры, раскрыть особенности объяснения уровней структуры духовной культуры.

Современная философская мысль Китая имеет свою специфику, которая характеризуется тем, что ею учитывается традиционализм (*традиционные философские системы*), формирующий ментальность; марксизм, отражающий идеологию; культурный национализм, составляющий суть государственной политики строительства нового общества. Учитывая это, автор анализирует работы китайских ученых (Дун ВэйУ, И Цзюньцин, Ли Чжиган, Хэ Фан, Цзэн Лия), которые посвящены очень сложной для китайской философии проблеме: формированию духовной культуры в современном китайском обществе. Для китайской философии эта проблема актуальна настолько, насколько актуальна проблема культурного национализма.

Духовная культура Китая, характеризуясь богатым содержанием, является не только душой народа и воплощается в материальной культуре, но и сущностью национального характера. Она отражает способ мышления, ценностные ориентации, душевное состояние, эстетический вкус, этические нормы. Как отмечает Цзэн Лия [7, с. 142], это позволяет судить о духовных характеристиках китайского народа. По мнению Цзэн Лия, начиная с династии Цинь (*первая императорская династия Цинь – с 221 до н. э. до 206 до н. э.*), имея очень богатое содержание, она начала оформляться как система ценностей; заложила основы традиционной культуры, которая в последующем будет представлена конфуцианством и даосизмом в IV–V вв. до н. э. как этическая, эстетическая, философская, политическая, правовая система. Конфуцианское мышление в качестве ядра китайской культуры представляет собой не только концепцию, но и системы древней общественной мысли, культуры, этики и социальной политики. Поэтому в китайской философии осмысление культуры в целом и духовной, в частности, имеет свою специфику, которая заключается в ее трактовке через видимое и невидимое начало, в приоритете общественного над индивидуальным началом. Как отмечает Дун ВэйУ [1, с. 31], в китайской культурной философии оформилось объяснение структуры культуры и ее деление на три слоя: поверхностный (предмет), промежуточный (режим) и внутренний (идея) (*Здесь автор использует понятие, которые присутствуют в оригинальном источнике, т. е. в работе Дун ВэйУ [1, с. 31]. Автор не ставит себе цель поиска им аналогов в российской/европейской философии, так как это может*

изменить интерпретацию понятия или термина). Дун ВэйУ, ссылаясь на работу И Цзюньцин [3], соотносит это деление с восприятием конкретного образа – груши.

Если образно принять эту трактовку, можно сказать, что культура очень напоминает грушу. Ее кожура является первым слоем, что олицетворяет предмет. Мякоть представляет второй слой – режим, а косточка груши олицетворяет собой идею (*поэтический, иносказательный язык, свойственный даосизму, и сегодня присутствует в работах китайских ученых*). Согласно этому, китайские ученые разделили культуру на материальную, институциональную и духовную [3, с. 72]. В сравнении с материальной, которая имеет явные внешние характеристики, по мнению И Цзюньцин, институциональная представляет собой более глубокий слой культуры. Развиваясь на основе материальной, она удовлетворяет коммуникативные потребности человечества, к которым относятся: общение, отношения между человеком и коллективом (политические, социальные, экономические, правовые и т. п.). Эта позиция, как отмечает Дун ВэйУ [1, с. 31 – 32], ссылаясь на И Цзюньцин, получила поддержку всех китайских ученых культурологов, так как она отразила аналогичные представления о культуре в мировой научной практике [3, с. 75].

Согласно данной позиции, культура не только подразделяется на три слоя (предмет, режим, идея), но и представляет собой нечто единое, сочетая материальную, институциональную и духовную. И Цзюньцин считает, что, прежде всего, материальная культура – основная и самая обычная часть структуры человеческой культуры, так как к ней относятся непосредственные необходимые культурные продукты для жизни человечества [2, с. 74]. Поэтому ее основная функция сводится к тому, чтобы поддерживать существование, способствовать продолжению и воспроизводству как индивидуальной жизни, так и общества в целом. По его мнению, область материальной культуры выражает типичные характерные черты очеловеченной природы, которая включает в себя как все естественные (преобразованная природа), так и искусственные (произведенные человеком) предметы, которые нацелены на удовлетворение физиологических и жизненных потребностей человечества. Учитывая природу человека, материальная культура может быть представлена через средства существования и средства производства. В свою очередь первая представляет собой культуру питания, одежды и украшений, строительства, транспорта, в целом – окружающую среду. Культуру средств производства можно представить как сельскохозяйственную, промышленную и т. д. Как отмечает Дун ВэйУ, в мире культуры и истории человечества материальная культура подвержена быстрому развитию и изменению, так как она представляет собой мир жизни человека и общества. Поэтому, по замечанию Дун ВэйУ, люди, которые в своей жизни пережили реформы, понимают этот мир и принимают его открытым [1, с. 31].

Дун ВэйУ отводит особое место духовной культуре, когда утверждает, что в структуре культуры, материальная и институциональная являются внешним проявлением и видом материализации духовной

культуры [1, с. 32]. Эта позиция объясняется тем, что духовная культура не может быть независимой от материальной и институциональной, так как она существует внутри них. Ее можно рассматривать как механизм, который не только управляет всей деятельностью человечества, но и создает экономическую, политическую, правовую систему, систему образования и брака. Поэтому Дун ВэйУ, вслед за И Цзиньцзин, отмечает, что в представленной структуре духовная культура является выражением не только трансцендентности и творчества человека, но и показателем его духовного мира.

Рассуждая о необходимости потребностей в жизни человека, И Цзиньцзин, ссылаясь на учение К. Маркса и Ф. Энгельса, говорит о том, что именно материальное производство, порожденное увеличением численности населения, положило основу не только личностному знакомству, но и общению [3, с. 70]. Межличностные отношения явились фактором организационного поведения конкретного человека в конкретной группе (обществе), что представляет собой одну из единиц культуры.

Свое размышление о структуре И Цзюньцин завершает рассуждением о духовной культуре, которую он воспринимает как выражение культурной трансцендентности (*можно предположить, учитывая контекст его статьи, что понятие «культурная трансцендентность» предполагает выражение «духа» в культуре, неслучайно и И Цзюньцин, и Дун ВэйУ о культурной трансцендентности говорят в «паре» с творчеством*) и творчества, что и отличает человечество от животных [3, с. 71]. Его мнение поддерживает Ли Чжиган, который утверждает, что духовная культура является ядром национальной идентичности [4, с. 4]. Ученый отмечает, что она включает в себя не только все виды и результаты духовной деятельности индивида, общества и этнических групп, но и является главным показателем человеческого начала в человеке, так как воплощает в себе культуру его существования (в форме проявления психологии, сознания, идей, теорий). Она обеспечивает единство процессам становления национальной идентичности и национального исторического развития. Благодаря духовной культуре национальный дух и культурные, духовные системы (религия, философия, наука, искусство) поддерживают национальное единство.

Завершая свою мысль, Ли Чжиган подытоживает, что только духовная культура может наиболее глубоко отражать свободную природу национального непрерывного самовозрождения самотворчества [4, с. 5]. Неслучайно, что идея национального самовыражения в работе Хэ Фан [6, с. 20] обоснована через духовную культуру, которая является душой и сущностью национальной культуры, важной опорой выживания, продолжения и развития одной нации (*это соответствует политике культурного национализма*). Эта мысль проходит не только через всю его работу, но и системно выражена в обосновании духовной культуры, под которой он понимает мыслительную идеальную область, формирующуюся под влиянием этнической ментальности, отражающей образ мышления, ценности, этические идеи, психическое

состояние, честь, эстетику и духовные достижения [6, с. 21].

Цзэн Лия [8, с. 57] построение современной китайской национальной духовной культуры связывает с решением проблемы единства народа, который может быть объединен научным духом и гуманитарным духом, о которых было сказано Хэ Фан.

Научный дух через исследование отношения человека к природе, к науке формирует разумную, моральную и этическую систему, в которой сочетаются стремление к правде (где разум выступает как предварительное условие), моральное совершенствование индивида (как внутреннее ядро), этическое совершенство общества (как внешнее начало).

Гуманитарный дух проявляется в поисках, в стремлениях, в обретении ценностей в процессе деятельности. Он возникает в результате разумного поиска основ человеческого существования и включает в себя моральное убеждение и честь, стремление к свободе, равенству, справедливости и другим основным ценностям; уважение к человеку и человеческой субъективности, осмысление жизни и смерти, веры, счастья, смысла существования. Таким образом, как заключает Цзэн Лия, гуманитарный дух обращает внимание на цель, ценность, значение развития человечества. Он формирует любовь к жизни и к судьбе человечества, стремится к доброте, красоте и свободе.

Рассуждение о духовной культуре Цзэн Лия завершает тем, что стремление к истине, доброте, красоте и к другим идеалам он относит к благородным ценностям, которые являются ее ядром, а свободу и всестороннее развитие – к конечной цели становления человека. Это позволяет заключить, что Цзэн Лия относит гуманитарному духу большое значение, так как он реализует всестороннее и свободное развитие, освобождение человечества.

Размышляя в данном контексте, Дун ВэйУ отмечает, что трудно абсолютно точно определить духовную культуру, так как мы только можем подойти к ее познанию, к ее истине. По мнению Дун ВэйУ, она не только объективно существует, удовлетворяя творческие и свободные потребности человека, являясь результатом его практической деятельности, но и выражается в различных формах сознания, в психологии, в идеях и теориях, воплощаясь в материальных и нематериальных формах, обеспечивая стремление человека к свободе. На этом основании Дун ВэйУ формирует концепт духовной культуры, который представлен следующим образом [1, с. 32 – 33]:

– духовная культура является продуктом практической деятельности человечества. Это значит, во-первых, что она создавалась человечеством и не является естественной сущностью предметов; во-вторых, она является результатом практической деятельности и вне практики невозможна;

– духовная культура является результатом развития человеческого общества, поэтому она возникла, развивается вместе с человечеством, что говорит о ее социальности;

– духовная культура является объективной потребностью развития человеческого общества. Реализовав первую потребность (производство материальных благ), человечество нацелено на духовную, кото-

рая является объективной необходимостью развития истории и общества;

– духовная культура выражается через сознание, идеи, психологию, теорию и другие видимые и невидимые образы, где видимый способ проявления духовной культуры реализуется через систему символов, а невидимый выражается как синтезированное объективное существование, которое обеспечивает существование видимого (культурное поле, национальная психология и другие);

– духовную культуру характеризует открытость и стремление к свободе. Если рассмотреть культуру через три ее характеристики (материальная, институциональная и духовная), то в понятии «духовная культура» слово «культура» является центральным, а «духовная» выделяет ее из ряда характеристик. «Дух» сам по себе не выражает какой-то определенный предмет, но он позволяет выделить духовную культуру из ряда существующих. Это говорит о том, что духовная культура даже в негативных условиях сохраняет свою сущность. Это говорит о том, что свобода – ее основная характеристика, что является подтверждением сути духовной культуры, а также объектным требованием для ее развития;

– духовная культура характеризуется своим объективным существованием, даже если выражена в

видимом или невидимом образе. Это не предмет для абстрагирования, не пассивный придаток для материальной или институциональной культур. Несмотря на то, что духовное значение приобретает деятельность, в которой человечество отражает собственную общественную практику, духовная культура обладает независимым объективным существованием, воздействуя как на деятельность человечества, так и на общественную практику. Возникая в результате проявления личного духа, она выше его, так как, возвышаясь, становится достоянием социального духа.

Данный концепт представляет собой синтез взглядов китайских философов о духовной культуре. Это позволяет заключить, что Дун ВэйУ выразил в нем доминирующие подходы к осмыслению феномена духовной культуры, которые приняты в китайской культурной философии.

Таким образом, в современной китайской философии уделяется очень большое внимание исследованиям духовной культуры общества. Китайские философы, периодически ссылаясь друг на друга, подтверждают главное – духовная культура отражает не только особенности и специфику проявления психологии, мировоззрения китайцев, но, в большей степени, она формирует национальное самосознание.

Литература

1. Дун ВэйУ. Первоначальное обсуждение понятия духовная культура // Теоретические наблюдения. 2011. № 3. С. 30 – 33 (Dong Wei Wu. Jing Shen Wen Hua Gai Nian Chu Yi. Li Lun guan Cha. 2011 Nian Di 3. Qi 30-33 Ye).
2. Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. М.: Восточная литература, 2006.
3. И Цзиньцзин. Культурная философия: критика культуры на месте слияния теоретического разума и практического разума. Куньмин: Юньаньский издательский дом Жэньминь, 2005. 72 с. (YiJ un Qin. Wen Hua Zhe Xue. Lilun Li Xing He Shi Jian Li Xing Jiao Hui Chu De Wen Hua Pi Pan, Kun Ming: Yun Nan Ren Min Chu BanShe, 2005. 72 Ye).
4. Ли Чжиган. Понятия духовной культуры и национальной идентичности // Нации в мире. 2010. № 2. С. 4 – 5 (Li Zhi Gang. Min Zu Ren Tong De Jing Shen Wen Hua Nei Han. Shi Jie Min Zu. 2010 Nian Di 2. Qi, 4-5 Ye).
5. Фомина М. Н. Культура: логико-методологическое обоснование // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 12. С. 111 – 116.
6. Хэ Фан. Два духа и размышление о построении современной национальной духовной культуры КНР // Журнал научного исследования. 2003. № 7. С. 20 – 21 (He Fang. Liang Zhong Jing Shen Yu Jian Gou Zhong Hua Min Zu Dang Dai Jing Shen Wen Hua De Si Kao. Xue Shi Tan Tao, 2003 Nian Diю Qi 20 -21 Ye).
7. Цзэн Лия. Размышление о традиционной духовной культуре КНР // Общество и науки. 2003. № 11. С. 141 – 145 (Zeng Li Ya. Zhong Hua Min Zu Jing Shen Wen Hua Lun Shu. Jiang Xi She Hui Ke Xue. 2003. Nian Di 11. Qi, 141-145 Ye).
8. Цзэн Лия. Размышление о построении современной духовной культуры китайской нации // Общество и наука. 2002. С. 57 (Zeng Li Ya. Guan Yu Jian Gou Zhong Hua Min Zu Dang Dai Jing Shen Wen Hua De Si Kao. Jiang Xi She Hui Ke Xue, 2002 Nian, Qi 57).

Информация об авторе:

Чжан Фань – аспирантка очного обучения кафедры философии Забайкальского государственного университета, marf_05@mail.ru.

Zhang Fan – post-graduate student at the Department of Philosophy, Transbaikal State University, Chita.

Статья поступила в редколлегию 30.07.2014 г.

ХИМИЯ

УДК 662.249

СПЕКТРАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ КРИТИЧЕСКОЙ ПЛОТНОСТИ ЭНЕРГИИ ИНИЦИИРОВАНИЯ ТЭНА, СОДЕРЖАЩЕГО НАНОЧАСТИЦЫ ЗОЛОТА

А. В. Каленский, И. Ю. Зыков, В. Г. Кригер, А. П. Никитин, Б. П. Адуев

SPECTRAL DEPENDENCE OF CRITICAL DENSITY OF ENERGY FOR INITIATION OF PETN (PENTAERYTHRITYL TETRANITRATE) CONTAINING NANO-PARTICLES OF GOLD

A. V. Kalenskiy, I. Yu. Zykov, V. G. Krieger, A. P. Nikitin, B. P. Aduiev

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки РФ (госзадание № 2014/64) и Российского Фонда Фундаментальных Исследований (№ 14-03-00534 А).

Работа посвящена расчету основных параметров инициирования взрывного разложения пентаэритритатетранитрата (тэна), содержащего наночастицы золота: зависимостей коэффициентов эффективности поглощения от размера наночастиц в матрице тэна, критической (минимальной) плотности энергии инициирования взрывного разложения системы тэн – золото, для первой (1064 нм) и второй (532 нм) гармоник неодимового лазера. При переходе от первой ко второй гармонике неодимового лазера наблюдается сдвиг максимума эффективности поглощения в сторону малых радиусов включений от 99 нм для первой гармоники, до 22 нм – для второй. Величина максимального коэффициента эффективности поглощения при этом возрастает от 0.100 до 4.878. Рассчитанные значения критической плотности энергии инициирования тэна, содержащего наночастицы золота, составили: для первой гармоники 552 мДж/см²; для второй – 15 мДж/см², при радиусах металлических включений 94 и 26 нм соответственно. Сделан вывод, что композит тэн-золото является перспективным материалом для использования его в качестве капсуля оптического детонатора, который может быть создан на базе второй гармоники неодимового лазера.

The paper focuses on calculation of the basic parameters of initiation of the explosive decomposition of pentaerythrityl tetranitrate (PETN) containing nano-particles of gold: the dependences of the ratios of absorption effectiveness on the size of nano-particles in the matrix of PETN, critical (minimum) energy density of initiation of explosive decomposition of PETN – gold system, for the first (1064 nm) and second (532 nm) harmonics of neodymium laser. Upon transfer from the first to the second harmonic of neodymium laser the authors observed the shift of the maximum of effectiveness of absorption to the side of small radii of metal inclusions from 99 nm for the first harmonic to 22 nm – for the second. The value of the maximum ratio of absorption effectiveness in this case grows from 0.100 to 4.878. The calculated values of critical density of energy for initiation of PETN containing nano-particles of gold is: 552 mJ/cm² for the first harmonic; 15 mJ/cm² for the second, with radii of metal inclusions of 94 and 26 nm respectively. The authors conclude that the PETN – gold composite is a promising material for use as percussion cap of the optical detonator, which can be created on the base of the second harmonic of neodymium laser.

Ключевые слова: наночастицы золота, коэффициент эффективности поглощения, моделирование, энергетические материалы, безопасные взрывчатые вещества.

Keywords: gold nanoparticles, absorptivity, simulation, energetic materials, safety explosives.

Введение

Создание энергетических материалов, селективно чувствительных к лазерному излучению с целью получения капсульных составов для оптических детонаторов ведется уже более двух десятилетий. Разработаны оптические детонаторы на основе различных инициирующих взрывчатых веществ: азидов серебра и свинца, перхлоратов меди, железа, кобальта и др. Недостатком использования таких веществ является их низкая селективность к внешним воздействиям. Высокая чувствительность оптических детонаторов на основе инициирующих взрывчатых веществ к удару, трению, нагреву, радиации и т. д. может приводить к их несанкционированному срабатыванию. Поэтому они не получили широкого применения. Одним из основных на-

правлений создания рабочего тела оптических детонаторов в настоящее время является введение в существующие взрывчатые вещества (ВВ) светочувствительных добавок [1].

В качестве добавок в данной работе предлагается использовать наночастицы золота. Золото является химически инертным металлом, поэтому можно утверждать, что золото не взаимодействует с ВВ, а также не покрывается оксидной пленкой. Это упрощает механизм химической реакции, приводящей к взрывному разложению ВВ, и уменьшает число неизвестных факторов, влияющих на поведение системы. Благодаря инертным свойствам золота композиты на основе ВВ-золото могут являться модельным объектом для изучения процессов взрывного разложения.

Для возникновения взрывного разложения необходимо наличие механизмов положительной обратной связи, которые могут приводить к самоускорению химической реакции. Существует два основных механизма положительной обратной связи: увеличение температуры, приводящее к экспоненциальному росту скорости реакции [1 – 4], и лавинообразное увеличение неравновесной концентрации реагентов, также приводящее к росту скорости реакции [5 – 7]. Во втором случае выделяющаяся в элементарном акте энергия частично расходуется на образование активных частиц, что может приводить к развитию реакции по цепному механизму [8; 9].

В работе [10] было показано, что добавки сильнопоглощающих свет наночастиц позволяют снизить критическую плотность энергии лазерного инициирования пентаэритритатетранитрата (тэна). Показана принципиальная возможность использования вторичных ВВ содержащих сильнопоглощающие свет наночастицы в качестве капсуля оптического детонатора. Доказана роль малых включений как центров поглощения световой энергии в объеме вторичных взрывчатых веществ. Поглощение энергии излучения наночастицами приводит к быстрому переходу в тепло за времена порядка пикосекунды. Из этого следует, что действие излучения на такие системы может приводить к появлению малых очагов разогрева, которые становятся центрами инициирования взрывного разложения. К данным системам применима микроочаговая модель теплового взрыва.

Микроочаговая модель инициирования взрывного разложения лазерным излучением основывается на предположении, что в объеме прозрачного энергетического материала находятся включения, эффективно поглощающие лазерное излучение. Предполагается, что основным следствием поглощения света включениями является их нагрев, приводящий к увеличению температуры окружающего энергетического материала и образованию очага самоподдерживающейся экзотермической реакции. В микроочаговой модели предполагается, что коэффициент эффективности поглощения света металлическими наночастицами не зависит от длины волны излучения, размеров и природы поглощающей частицы (значение коэффициента эффективности поглощения Q_{abs} принимается равным единице).

Целью настоящей работы является оценка в рамках теории Ми спектральной зависимости коэффициентов эффективности поглощения наночастиц золота в матрице тэна, расчет минимального значения плотности энергии взрывного разложения тэна, содержащего наночастицы золота для первой и второй гармоники неодимового лазера.

В прессованных таблетках тэна коэффициент диффузного отражения света на длине волны 1064 нм составляет 0.88, поэтому попадающий в образец свет претерпевает многократные отражения на границах зерен прессованных порошков. В силу хаотичности актов отражения происходит усреднение освещенности по направлениям, что позволяет использовать (как и в работах [1; 11 – 14]) при рас-

четах сферическую симметрию, считая включение также сферическим. Основные процессы, учитываемые в модели, – нагрев наночастицы лазерным излучением, отвод тепла в энергетический материал и химическая реакция экзотермического разложения взрывчатого вещества. Данные процессы описываются системой уравнений:

$$\begin{aligned}\frac{\partial T}{\partial t} &= \alpha \cdot \left(\frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{2}{x} \cdot \frac{\partial T}{\partial x} \right) + k_0 \frac{nQ}{c} \cdot \exp\left(-\frac{E}{k_B T}\right), x > R \\ \frac{\partial n}{\partial t} &= -k_0 n \cdot \exp\left(-\frac{E}{k_B T}\right), x > R, n = 1, \\ \frac{\partial T}{\partial t} &= \alpha_M \cdot \left(\frac{\partial^2 T}{\partial x^2} + \frac{2}{x} \cdot \frac{\partial T}{\partial x} \right), x < R.\end{aligned}\quad (1)$$

граничным условием при $x = R$:

$$J - c_M \alpha_M \cdot \frac{\partial T}{\partial x} \Big|_{x \rightarrow R-0} + c \alpha \cdot \frac{\partial T}{\partial x} \Big|_{x \rightarrow R+0} = 0, \quad (2)$$

где T – температура, E – энергия активации разложения, k_0 – предэкспонент, Q – тепловой эффект реакции, α и α_M – коэффициенты температуропроводности с материалов матрицы и включения R – радиус включения, c и c_M – объемная теплоемкость материалов матрицы и включения, n – доля неразложенного взрывчатого вещества, $J(t)$ – поглощаемая плотность мощности излучения лазерного импульса. При расчетах использованы значения параметров:

$c = 2.22$ Дж/(см³·К) [5], $c_M = 2.7$ Дж/(см³·К) [5],

$E = 165$ КДж/(моль·К) [5], $k_0 = 1.2 \cdot 10^{16}$ с⁻¹ [5],

$\alpha = 1.1 \cdot 10^{-3}$ см²·с⁻¹ [5],

$\alpha_M = 0.97$ см²·с⁻¹, $Q = 9.64$ КДж/см³ [5].

Для величины $J(t)$ использовалось выражение:

$$J(t) = \sqrt{\pi} \cdot Q_{abs} R^2 k_i H_0 \cdot \exp(-k_i^2 t^2), \quad (3)$$

где $k_i = 8.235 \cdot 10^7$ с⁻¹ – параметр, определяющий длительность импульса (соответствует длительности импульса на полувысоте 20 нс); H_0 – плотность энергии за импульс; Q_{abs} – коэффициент эффективности поглощения, который равен отношению интенсивностей поглощенного и падающего на включение потоков излучения. Величина Q_{abs} зависит как от радиуса включения, так и от длины волны излучения. Множители уравнения (3) нормируют интеграл от $J(t)$ по времени на H_0 .

Коэффициент эффективности поглощения (Q_{abs}) сферическим включением радиуса R в рамках теории Ми рассчитывался по методике, приведенной в работах [15; 16]. При расчетах коэффициента эффективности поглощения необходим комплексный показатель преломления, который в свою очередь также зависит от длины волны падающего излучения [17].

Необходимо либо экспериментально определить комплексный показатель преломления включений при данной длине волны, либо интерполировать по имеющимся в литературе значениям на интересующую нас длину волны. В работе [18] реализована методика интерполяции имеющихся экспериментальных данных методом наименьших квадратов. Так как показатель преломления состоит из двух частей (действительной n и мнимой m), то при заданной длине волны λ каждая часть определяется отдельно. Интерполяция комплексного показателя преломления проведена методом наименьших квадратов. В результате получен следующий показатель преломления золота для длины волны 1064 нм: $m_i = 0.1877 - 6.438i$, для длины волны 532 нм: $m_i = 0.4231 - 2.322i$ [18].

Используя данные показатели преломления в рамках теории Ми, рассчитаны зависимости коэффициентов эффективности поглощения Q_{abs} от радиуса наночастиц золота в матрице тэна для длин волн света 1064 и 532 нм включений. Они приведены на рис. 1 и 2 (зависимости обладают различным масштабом, что делает невозможным их наглядное представление в одной координатной сетке). При расчетах полагали, что коэффициент преломления ТЭНа составляет $m_0 = 1.54$ и не зависит от длины волны света.

Кривые имеют максимум, положение которого определяется, в основном, длиной волны света. При меньших радиусах кривая спадает до нуля, причем в пределе $r \rightarrow 0$ выполняется закон Рэлея. При

больших радиусах происходит выход на плато с осцилляциями. Влияние длины волны в рамках теории Ми связано с тем, что аргументами специальных функций, по которым ведется разложение, являются величины $\rho = 2\pi R m_0 / \lambda$ и $m_i \rho / m_0$. Если бы величина m_i не зависела от длины волны, то зависимости $Q_{abs}(\rho)$ совпали бы. Действительная и мнимая части m_i могут изменяться в несколько раз при изменении длины волны, что делает ситуацию сложнее, что и продемонстрировано на рисунках 1 и 2.

Значение коэффициента эффективности поглощения для длины волны 1064 составляет 0.100 ± 0.001 при радиусе включения 99 нм, в то время как для длины волны 532 составляет 4.878 ± 0.001 при радиусе включения 22 нм.

Отношение коэффициентов эффективности поглощения между первой и второй гармоникой неодимового лазера составляет почти 50 раз.

Построены спектральные зависимости коэффициента эффективности поглощения (Q_{abs}) и радиуса включения, обладающего максимальной эффективностью поглощения (R_{max}). Данные зависимости приведены на рисунках 3 и 4 соответственно.

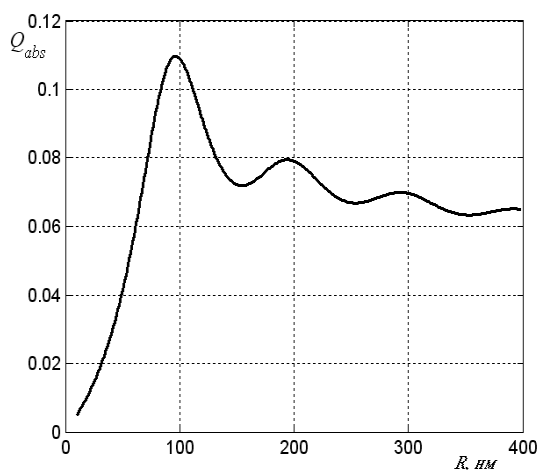

Рис. 1. Зависимость значения коэффициента эффективности поглощения от радиуса включения R . Длина волны 1064 нм, $m_i = 0.1877 - 6.438i$

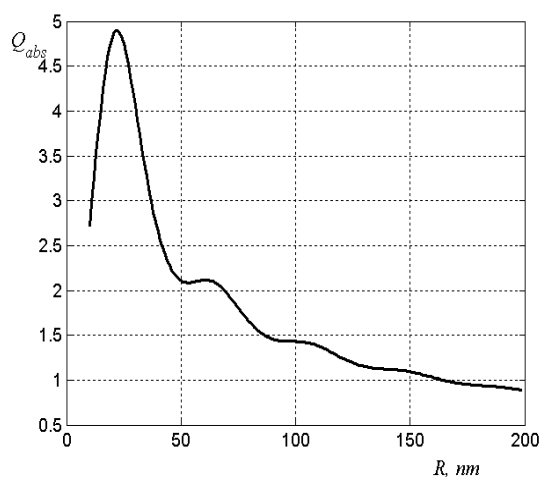

Рис. 2. Зависимость значения коэффициента эффективности поглощения от радиуса включения R . Длина волны 532 нм, $m_i = 0.4231 - 2.322i$

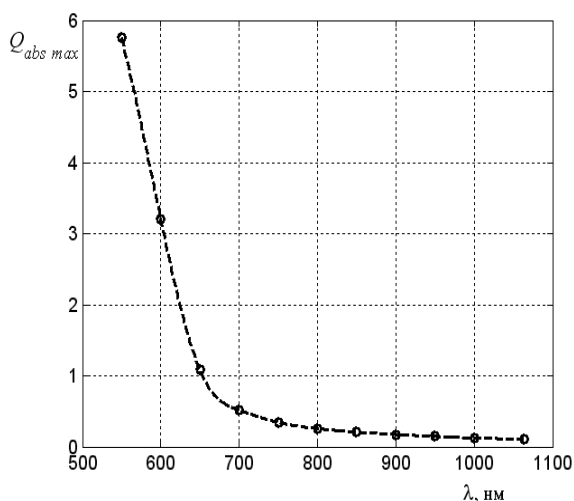

Рис. 3. Зависимость радиуса включения золота в тэне обладающего максимальной эффективностью поглощения (R_{max}) от длины волны

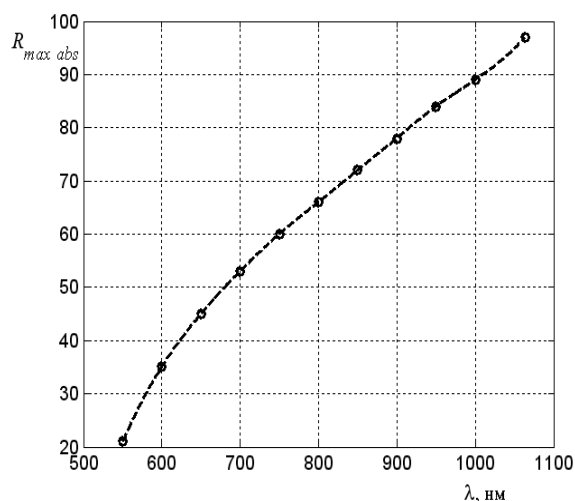

Рис. 4. Спектральная зависимость коэффициента эффективности поглощения (Q_{abs}) наночастиц золота в тэне

Также как для наночастиц алюминия [13], радиус наиболее поглощающего включения увеличивается с ростом длины волны, для золота зависимость практически линейна. Коэффициент эффективности поглощения, напротив, уменьшается при сдвиге в длинноволновую область, причем после длины волны 550 нм падение значительно. Для длин волн более 700 нм значение коэффициента эффективности поглощения не превышает 0.5, в то время как для 550 нм около 5.

Для расчета критической (минимальной) плотности энергии инициирования взрывного разложения тэна, содержащего наночастицы золота численно, решались уравнения модели (1) – (3) на сетке с переменным шагом по координате. Для размеров включений $R \geq 30$ нм шаг в окрестностях включения составлял не более 1/20 толщины прогретого за время импульса инертного вещества ($\sqrt{2\alpha/k_i}$), далее размер ячейки увеличивался по закону геометрической прогрессии таким образом, чтобы слой окружающего материала имел суммарную толщину не менее $8R$. При использованной длительности импульса длина прогрева составляла ≈ 50 нм, размер ячеек около включения ≈ 2.5 нм. Соответственно характерное время выравнивания температуры между двумя соседними ячейками составляло $t_1 = 57$ пс. Поэтому используемая сетка достоверно описывает теплофизические процессы вплоть до температуры

$$\frac{E}{k_B \ln(k_0 t_1)} \approx 1500 \text{ К.}$$

Формирование очага реакции происходит при значительно меньших температурах, что позволяет использовать настоящую методику для численного решения уравнений модели (1) – (3). Шаг сетки внутри включения превышал шаг снаружи в $\sqrt{\alpha_M/\alpha}$ раз. Ячейка с границей раздела включение-матрица

содержала как слой материалов матрицы, так и включения толщиной в половину шага сетки для каждого вещества. При использованных параметрах размер ячейки во включении составлял ~ 10 нм, что близко к толщине слоя поглощения света, составляющую для большинства металлов менее 10 нм. Для размеров включений $20 \geq R > 10$ нм использовалась одна ячейка (10 нм) внутри включения и далее ячейка с границей раздела включение-матрица. Для размеров включений $R \leq 10$ нм использовалась ячейка с включением и границей раздела включение-матрица. Данная методика позволяет корректно учитывать поглощение света при помощи граничного условия (2) [19].

Полученная после разбиения пространства на ячейки система обыкновенных дифференциальных уравнений решалась методом Рунге-Кутты 1 – 5 порядка с переменным шагом по времени. Относительная погрешность на шаге интегрирования не превышала 10^{-9} , при этом интегральная относительная погрешность, оцениваемая по точности выполнения закона сохранения энергии, не превышала $2.5 \cdot 10^{-5}$.

Определение минимальной плотности энергии инициирования взрывного разложения (критической плотности энергии) ТЭНа, содержащего наночастицы хрома, проводилось следующим образом [20 – 21]:

1. Рассчитывалась зависимость коэффициента эффективности поглощения от радиуса частицы, определялся размер частицы, имеющий максимальный коэффициент эффективности поглощения.

2. По уравнениям (1-3) рассчитывалась минимальная для данного радиуса наночастицы плотность энергии импульса, инициирующего взрывное разложение ($H(R)$). Расчет проводился до тех пор, пока минимальная плотность энергии, приводящая к взрыву ($H_{min e}$), отличалась от максимальной плотности энергии, не приводящей к взрыву ($H_{max d}$), не более чем на 0.01 % ($1 - H_{max d}/H_{min e} < 0.0001$).

3. Значения радиусов частицы, при которых производился расчет $H(R)$, выбирались до тех пор, пока рассчитанные для этих размеров H не образуют ряд с выраженным минимумом. Далее по рассчитанным значениям критических плотностей энергии инициирования $H(R)$ проводилась интерполяция квадратичной функцией для определения положения минимума. После этого рассчитывалась критическая плотность энергии в точке минимума. Процедура шага 1 – 3 повторялась, пока точность определения критического радиуса частицы с минимальной плотностью энергии инициирования взрывного разложения (H_c) не достигала 1 нм.

Рассчитанная зависимость критической плотности энергии инициирования взрывного разложения композита тэн-золото от радиуса наночастицы металла для первой гармоники неодимового лазера при длительности импульса 20 нс представлена на рис. 5.

Значение критической плотности энергии инициирования велико (552 мДж/см² при радиусе наночастицы 94 нм) и превосходит аналогичную величину для алюминия в 3 раза [12-13]. Из этого можно сделать вывод, что наночастицы золота в матрице тэна являются недостаточно чувствительными для лазерного излучения первой гармоники неодимового лазера (1064 нм). Однако рассчитанные спектральные зависимости коэффициента эффективности поглощения и радиуса наночастицы, обладающей максимальной эффективностью поглощения, позволяют утверждать, что включения золота в тэне должны обладать низкой критической плотностью энергии инициирования для излучения второй гармоники неодимового лазера (532 нм). Величина максимального коэффициента эффективности поглощения возрастает при переходе от первой ко второй гармонике неодимового лазера почти в 50 раз от 0.100 (для 1064 нм) до 4.9 (для 532 нм). Рассчитанное значение критической плотности энергии инициирования тэна, содержащего нано-

частицы золота, составили для второй гармонике 15 мДж/см² при радиусе металлического включения 26 нм. Значения критической плотности энергии в единицы и десятки мДж/см² характерны для низкорогового инициирования взрывного разложения иницирующих ВВ импульсом неодимового лазера. В данном случае столь низкие значения критической плотности энергии получены на вторичных (бризантных) ВВ, имеющих крайне низкую чувствительность к удару и спонтанным электрическим наводкам. Следовательно, композит тэн-золото является перспективным материалом для использования его в качестве капсуля оптического детонатора, который может быть создан на базе второй гармоники неодимового лазера.

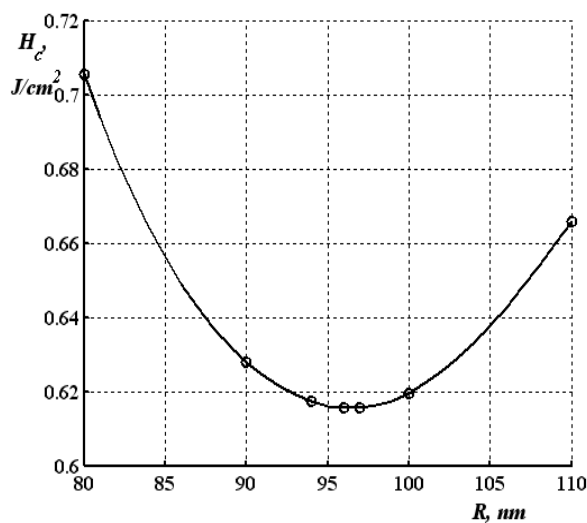

Рис. 5. Зависимость критической плотности энергии инициирования тэна от радиуса наночастицы золота для длины волны 1064 нм

Литература

1. Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р., Фурега Р. И., Звеков А. А., Каленский А. В. Взрывчатое разложение ТЭНа с нанодобавками алюминия при воздействии импульсного лазерного излучения различной длины волны // Химическая физика. 2013. Т. 32. № 8. С. 39 – 42.
2. Чумаков Ю. А., Князева А. Г. Иницирование реакции в окрестности одиночной частицы, нагреваемой СВЧ излучением // Физика горения и взрыва. 2012. Т. 28. № 2. С. 24 – 30.
3. Гришаева Е. А., Каленский А. В., Ананьева М. В., Звеков А. А. Неизотермическая модель разветвленной цепной реакции взрывного разложения энергетических материалов // Фундаментальные проблемы современного материаловедения. 2013. Т. 10. № 1. С. 44.
4. Каленский А. В., Ананьева М. В., Гришаева Е. А., Звеков А. А., Кригер В. Г. Условия реализации режимов цепного и теплового взрывов энергетических материалов // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). Т. 1. С. 201 – 206.
5. Кригер В. Г., Каленский А. В., Звеков А. А. Релаксация электронно-возбужденных продуктов твердофазной реакции в кристаллической решетке // Химическая физика. 2012. Т. 31. № 1. С. 18 – 22.
6. Кригер В. Г., Каленский А. В., Звеков А. А., Боровикова А. П., Гришаева Е. А. Определение ширины фронта волны реакции взрывного разложения азида серебра // Физика горения и взрыва. 2012. Т. 48. № 4. С. 129 – 136.
7. Каленский А. В., Ананьева М. В., Кригер В. Г., Звеков А. А. Коэффициент захвата электронных носителей заряда на экранированном отталкивающем центре // Химическая физика. 2014. Т. 33. № 4. С. 11 – 16.

8. Каленский А. В., Булушева Л. Г., Кригер В. Г., Мазалов Л. Н. Моделирование граничных условий при квантово-химических расчетах азидов металлов в кластерном приближении // Журнал структурной химии. 2000. Т. 41. № 3. С. 605 – 608.
9. Кригер В. Г., Каленский А. В., Звеков А. А., Ананьева М. В., Боровикова А. П. Диффузионная модель разветвленной цепной реакции взрывного разложения азидов тяжелых металлов // Химическая физика. 2009. Т. 28. № 8. С. 67 – 71.
10. Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р., Пузынин А. В. Влияние добавок частиц монокарбида никеля на чувствительность тетранитропентаэритрита к лазерному инициированию // Химическая физика. 2009. Т. 28. № 11. – С. 45 – 48.
11. Кригер В. Г., Каленский А. В., Коньков В. В. Пороговая энергия инициирования азидов серебра эксимерным лазером // Материаловедение. 2003. № 7. С. 2 – 8.
12. Ананьева М. В., Каленский А. В., Гришаева Е. А., Зыков И. Ю., Никитин А. П. Кинетические закономерности взрывного разложения ТЭНа, содержащего наноразмерные включения алюминия, кобальта и никеля // Вестник КемГУ. 2014. № 1 (57). Т. 1. С. 194 – 200.
13. Каленский А. В., Звеков А. А., Ананьева М. В., Зыков И. Ю., Кригер В. Г., Адуев Б. П. Влияние длины волны лазерного излучения на критическую плотность энергии инициирования энергетических материалов // Физика горения и взрыва. 2014. Т. 50. № 3. С. 98 – 104.
14. Ananyeva M. V., Kriger V. G., Kalenskii A. V., Zvekov A. A., Borovicova A. P., Grishaeva E. A., Zycov I. Yu. Comparative analysis of energetic materials explosion chain and thermal mechanisms // Известия вузов. Физика. 2012. Т. 55. № 11/3. С. 13 – 17.
15. Кригер В. Г., Каленский А. В., Звеков А. А., Зыков И. Ю., Адуев Б. П. Влияние эффективности поглощения лазерного излучения на температуру разогрева включения в прозрачных средах // Физика горения и взрыва. 2012. Т. 48. № 6. С. 54 – 58.
16. Kalenskii A. V., Kriger V. G., Zvekov A. A., Grishaeva E. A., Zycov I. Yu., Nikitin A. P. The Microcenter Heat Explosion Model Modernization // Известия вузов. Физика. 2012. Т. 55. № 11/3. С. 62 – 66.
17. Золотарев В. М., Морозов В. Н., Смирнова Е. В. Оптические постоянные природных и технических сред. Л.: Химия, 1984. С. 216.
18. Лукатова С. Г. Расчет коэффициентов эффективности поглощения для композитов золото-тэн на второй гармонике неодимового лазера // Международное научное издание Современные фундаментальные и прикладные исследования. 2014. № 1(12). С. 95 – 98.
19. Кригер В. Г., Каленский А. В., Звеков А. А., Зыков И. Ю., Никитин А. П. Процессы теплопереноса при лазерном разогреве включений в инертной матрице // Теплофизика и аэромеханика. 2013. Т. 20. № 3. – С. 375 – 382.
20. Ананьева М. В., Звеков А. А., Зыков И. Ю., Каленский А. В., Никитин А. П. Перспективные составы для капсуля оптического детонатора // Перспективные материалы. 2014. № 7. С. 5 – 12.
21. Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р., Белокуров Г. М., Звеков А. А., Каленский А. В., Никитин А. П., Лисков И. Ю. Исследование оптических свойств наночастиц алюминия в тетранитропентаэритрите с использованием фотометрического шара // Журнал технической физики. 2014. Т. 84. № 9. С. 126 – 131.

Информация об авторах:

Каленский Александр Васильевич – профессор кафедры химии твердого тела КемГУ, kriger@kemsu.ru.
Alexandr V. Kalenskii – professor Department of Solid State Chemistry Kemerovo State University.

Зыков Игорь Юрьевич – аспирант кафедры химии твердого тела КемГУ, kriger@kemsu.ru.
Igor J. Zykov – postgraduate Department of Solid State Chemistry Kemerovo State University.

Кригер Вадим Германович – доктор химических наук, профессор кафедры химии твердого тела КемГУ, kriger@kemsu.ru.
Vadim G. Kriger – professor Department of Solid State Chemistry, Kemerovo State University.

Никитин Андрей Павлович – аспирант Института углехимии и химического материаловедения СО РАН.
Andrey P. Nikitin – postgraduate of Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS.

Адуев Борис Петрович – доктор физико-математических наук, заместитель директора по научной работе Института углехимии и химического материаловедения СО РАН, lesinko-iuxm@yandex.ru.

Boris P. Aduев – Doctor of Physics and Mathematics, Vice-Director for Science at the Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г.

ВЛИЯНИЕ РАЗМЕРА ВКЛЮЧЕНИЙ НА ПОРОГ ВЗРЫВЧАТОГО РАЗЛОЖЕНИЯ СМЕСЕВЫХ СОСТАВОВ НА ОСНОВЕ ТЭНА И ВКЛЮЧЕНИЙ Ni И Al ПРИ ЛАЗЕРНОМ ВОЗДЕЙСТВИИ

И. Ю. Лисков, Б. П. Адуев, Д. Р. Нурмухаметов, А. П. Никитин, Р. И. Ковалев

INFLUENCE OF THE SIZE OF INCLUSIONS ON THE THRESHOLD OF EXPLOSIVE DECOMPOSITION OF MIXTURE COMPOSITIONS ON THE BASIS OF PETN (PENTAERYTHRITYL TETRANITRATE) AND INCLUSIONS OF Ni AND Al UNDER LASER INFLUENCE

I. Yu. Liskov, B. P. Aduiev, D. R. Nurmukhametov, A. P. Nikitin, R. I. Kovalev

Работа выполнена на оборудовании ЦКП КемНЦ СО РАН. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (13-03-98032_r_sibir_a)

В работе получены зависимости вероятности взрыва тэна с включениями никеля и алюминия двух типов-размеров в образцах от плотности энергии инициирующего лазерного импульса (1064 нм, 14 нс). Показана возможность регулирования чувствительности тэна с помощью добавок наночастиц никеля к лазерному воздействию.

The paper reveals the dependence of the probability of explosion of PETN with inclusions of nickel and aluminum in two sizes in samples on the density of energy of the initiating laser impulse (1064 nm, 14 ns). The possibility of regulating the PETN sensitivity to laser action with additives of nickel nanoparticles is shown.

Ключевые слова: взрыв, тэн, наночастицы, лазер, импульс.

Keywords: explosion, PETN, nanoparticles, laser, impulse.

Повышение безопасности при проведении взрывных работ путем уменьшения несанкционированного срабатывания детонаторов, привод к необходимости разработки светодетонаторов и поиску новых материалов, имеющих низкий порог инициирования при воздействии лазерных импульсов. Одним из способов увеличения чувствительности взрывчатых веществ (ВВ) к лазерному воздействию является добавление к основному веществу различных материалов, поглощающих лазерное излучение. Ранее в наших работах была показана высокая эффективность добавок наноразмерных частиц [2 – 7] в пентаэритриттетранитрат (тэн) при воздействии импульсов лазера на стекле с неодимом.

Для подготовки образцов использовался синтезированный нами порошок тэна с размером зерен в максимуме распределения 1 – 2 мкм.

В порошок тэна добавлялся соответствующий вид наночастицы до получения нужной концентрации. Смесь помещалась в гексан и перемешивалась в ультразвуковой ванне для получения равномерного распределения наночастиц в объеме смеси. После этого проводили испарение гексана, сушку смеси и навеску образца, величина которой составляла 12 ± 0.3 мг.

Эксперименты проведены с использованием в качестве добавок порошка алюминия, изготовленного методом газофазного синтеза в Институте физики металлов УрО РАН. Количественное содержание окиси алюминия составило 23 % по массе [1]. Наночастицы никеля синтезированы в Кемеровском Государственном Университете. Количественное содержание окиси никеля составило 12 %.

Держателем образца являлась медная пластина толщиной 1 мм, в центре которой имелось отверстие диаметром 3 мм. Образцы прессовали с помощью гидравлического пресса и специальной пресс-формы в центре медной пластины. При прессовании давление поднималось в течение 30 минут до 1.8 ГПа. В результате полу-

чали образец диаметром 3 мм и толщиной 1 мм с плотностью, близкой к плотности монокристалла (1.73 ± 0.03 г/см³). Контроль плотности осуществлялся следующим образом. Проводилось измерение геометрических размеров образца с помощью оптического микроскопа и микрометра и измерение массы образца на аналитических весах с точностью до 0.1 мг. Далее вычислялась плотность образца. Образцы, не удовлетворявшие требованиям необходимой плотности, исключались из эксперимента.

Использовали YAG: Nd³⁺ – лазер, работающий в режиме модуляции добротности на основной частоте ($\lambda = 1064$ нм) и второй гармонике ($\lambda = 532$ нм) с длительностью импульса на полувысоте 14 нс, максимальной энергией импульса на основной частоте 1.5 Дж и распределением интенсивности по сечению пучка, близким к прямоугольному.

Исследовалась зависимость вероятности взрыва от плотности энергии импульса лазера. Схема эксперимента представлена на рис. 1.

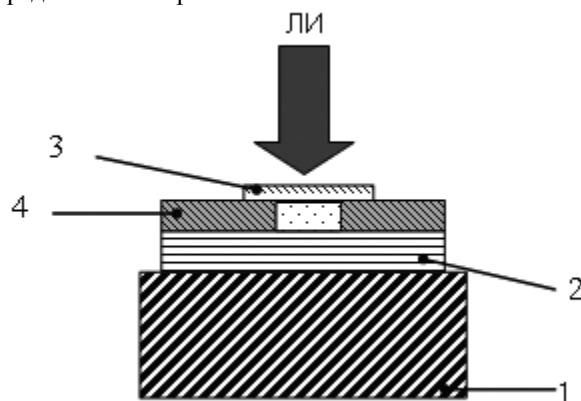

Рис. 1. Экспериментальная ячейка. 1 – массивная стальная подложка, 2 – дюралевая пластина-свидетель, 3 – стеклянная пластина толщиной 1 мм, 4 – медная пластина с образцом

Излучение фокусировалось на образец, запрессованный в медную пластину (4), с помощью двухлинзового телескопа в виде пятна диаметром 2.5 мм. Для контроля энергии лазера использовался калориметр ИМО – 2Н. Изменение энергии импульсов варьировали с помощью набора нейтральных светофильтров.

Образцы прижимали к алюминиевой подложке (2), которая являлась пластиной-свидетелем. Облучаемая поверхность была экранирована оптическим стеклом толщиной 1 мм (3), затрудняющим газодинамическую разгрузку зоны повышенного давления. За факт взрыва образца принимали громкий звуковой сигнал и наличие на пластине-свидетеле следа диаметром, равным диаметру образца.

В качестве критической энергии было решено использовать значение, соответствующее $H_{50\%}$.

На рис. 2 и рис. 3 приведены полученные вероятности взрыва тетранитропентаэритрита, содержащего 0.1 % по массе включения ультрадисперсных частиц никеля с размерами частиц в максимумах распределения (270 – 300) нм и (140 – 175) нм (первый и второй синтез соответственно) и частиц алюминия в максимумах распределения (100 – 120) нм и (120 – 170) нм (первый и второй синтез соответственно) в зависимости от плотности энергии иницирующего лазерного импульса.

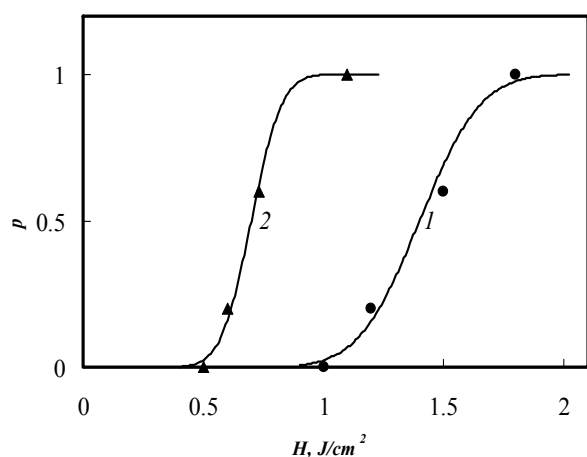

Рис. 2. Зависимости вероятности взрыва образцов от плотности энергии лазерного импульса.

Индексы 1 и 2 при содержании в образцах тэна 0.1 масс. % порошка никеля первого и второго синтеза соответственно

Литература

1. Yermakov A.Ye., Uimin M. A., Galakhov V. R., Mysik A. A., Koryakova O. V., Kharchuk V. G., Vykhodetz V. A., Gaviko V.S., Kuepper K., Robin S., Neumann M. Structure and Surface States of Cu-O Based Nanocrystalline Powders // Journal of Metastable and Nanocrystalline Materials. 2005. V. 24 – 25. P. 43 – 48.
2. Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р., Пузынин А. В. Влияние добавок наночастиц никеля монокарбида никеля на чувствительность тетранитропентаэритрита к лазерному воздействию // Химическая физика. 2008. Т. 28. № 11. С. 45 – 48.
3. Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р. Влияние добавок наночастиц алюминия на чувствительность тетранитропентаэритрита к лазерному воздействию // Химическая физика. 2011. Т. 30. № 3. С. 63.
4. Адуев Б. П., Нурмухаметов Д. Р., Фурега Р. И., Звеков А. А., Каленский А. В. Взрывчатое разложение тэна с нанодобавками алюминия и оксида алюминия при воздействии импульсного лазерного излучения различной длины волны // Химическая физика. 2013. Т. 32. № 8. С. 39 – 44.

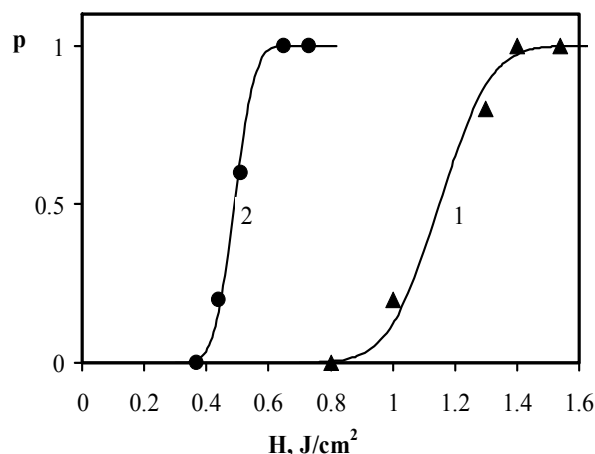

Рис. 3. Зависимости вероятности взрыва образцов от плотности энергии лазерного импульса. Индексы 1 и 2 при содержании в образцах тэна 0.1 масс. % порошка алюминия первого и второго синтеза соответственно

Критическая энергия, соответствующая 50 % вероятности взрыва, для образцов, содержащих никель первого синтеза составила величину

$$H_{cr}^{(1)} = 1.4 \text{ Дж/см}^2,$$

для образцов второго синтеза – $H_{cr}^{(2)} = 0.7 \text{ Дж/см}^2$.

Для образцов, содержащих наночастицы алюминия: первого синтеза составила величину

$$H_{cr}^{(1)} = 1.15 \text{ Дж/см}^2,$$

для образцов второго синтеза – $H_{cr}^{(2)} = 0.5 \text{ Дж/см}^2$.

Таким образом, в одинаковых условиях эксперимента обнаружена зависимость H_{cr} от размера включений в тэне.

Выводы:

1. Установлена критическая энергия, соответствующая 50 % вероятности взрыва, для образцов, содержащих

- никель первого синтеза $H_{cr}^{(1)} = 1.4 \text{ Дж/см}^2$,
- никель второго синтеза $H_{cr}^{(2)} = 0.7 \text{ Дж/см}^2$,
- алюминий первого синтеза $H_{cr}^{(1)} = 1.15 \text{ Дж/см}^2$,
- алюминий второго синтеза $H_{cr}^{(2)} = 0.5 \text{ Дж/см}^2$.

2. Экспериментально установлена зависимость порога иницирования от размера включений в тэне, что необходимо учитывать при выборе материала включений.

5. Адуев Б. П., Белокуров Г. М., Нурмухаметов Д. Р., Пузырин А. В. Давление продуктов взрывного разложения смеси тетранитропентаэритрита и наночастиц монокарбида никеля при импульсном лазерном инициировании // Химическая физика. 2010. Т. 29. № 1. С. 70 – 74.

6. Адуев Б. П., Белокуров Г. М., Кречетов А. Г., Нелюбина Н. В., Нурмухаметов Д. Р. Исследование чувствительности механической смеси тетранитропентаэритрита и наночастиц NI-C к инициированию взрыва импульсами лазера // Физика горения и взрыва. 2009. Т. 45. № 1. С. 68 – 72.

7. Адуев Б. П., Белокуров Г. М., Нурмухаметов Д. Р., Нелюбина Н. В. Светочувствительный материал на основе смеси тэна и наночастиц алюминия // Физика горения и взрыва. 2012. № 3. С. 127 – 132.

Информация об авторах:

Лисков Игорь Юрьевич – инженер Института углехимии и химического материаловедения СО РАН.

Igor Yu. Liskov – engineer at the Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS

Адуев Борис Петрович – доктор физико-математических наук, заместитель директора по научной работе Института углехимии и химического материаловедения СО РАН, lesinko-iuxm@yandex.ru.

Boris P. Aduев – Doctor of Physics and Mathematics, Vice-Director for Science at the Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS.

Нурмухаметов Денис Рамильевич – кандидат физико-математических наук, научный сотрудник Института углехимии и химического материаловедения СО РАН.

Denis R. Nurmukhametov – Candidate of Physics and Mathematics, Research Associate at the Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS

Никитин Андрей Павлович – аспирант Института углехимии и химического материаловедения СО РАН.

Andrey P. Nikitin – post-graduate student at the Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS.

Ковалев Родион Игоревич – магистрант Института углехимии и химического материаловедения СО РАН.

Rodion I. Kovalev – Master's Degree student at the Institute of Coal-chemistry and Material Science of the Siberian branch of the RAS.

Статья поступила в редколлегию 31.07.2014 г

ЭКОНОМИКА

УДК 338.43

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ВЛИЯНИЯ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА
НА СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА*Н. С. Бондарев*TO THE QUESTION OF ASSESSING THE INFLUENCE
OF PRODUCTION FACTORS ON AGRICULTURE IN AN INDUSTRIAL REGION*N. S. Bondarev*

В статье представлена оценка влияния факторов производства на деятельность сельского хозяйства промышленного региона. Анализ влияния факторов проведен на примере Кемеровской области. Автором сделан вывод, что при достаточном наличии таких факторов производства: трудовых, земельных, финансовых ресурсов, повышающейся предпринимательской активности, – они используются либо недостаточно, либо задействованы в других отраслях экономики промышленного региона.

The paper presents an assessment of the influence of production factors on agricultural activities in the industrial region. Impact analysis was conducted with the example of Kemerovo region. The authors concluded that when there are enough factors of production: labour, land, financial resources, entrepreneurial activity, they are either not used or engaged in other sectors of the industrial region's economy.

Ключевые слова: кризисные явления, сельское хозяйство, промышленный регион, факторы производства.

Keywords: crisis phenomena, agriculture, industrial region, factors of production.

Со времени проведения экономических реформ начала 90-х годов в агропромышленной отрасли сложилась достаточно сложная ситуация, особенно в промышленно-развитых регионах, к которым относится Кемеровская область. Анализ проведенных реформ в АПК Кемеровской области показал, что за период с 1992 по 2011 годы произошло не увеличение производства, как предполагалось, а его резкое сокращение, а именно: объем сельскохозяйственного производства снизился более чем на 50 %, поголовье крупного рогатого скота снизилось в 3,4 раза, поголовье коров – в 3,2 раза; посевная площадь сократилась на 160 тыс. га; основные фонды в сельском хозяйстве сократились в 5 раз; ценовой диспаритет между отраслями АПК, обусловленный отсутствием комплексного развития территории, составил 3 – 5 раз; уменьшилась государственная поддержка сельского хозяйства; уровень зарегистрированной безработицы в сельской местности составляет 6,7 %, что увеличило социальную напряженность в селе; крестьянин не почувствовал себя эффективным собственником средств производства, хозяином на земле [1, с. 12].

Целью данной статьи является выявление негативных тенденций и кризисных явлений в сельском хозяйстве для их дальнейшего всестороннего анализа и поиска путей выхода из сложившейся ситуации.

Среди основных факторов, оказывающих влияние на развитие сельского хозяйства Кемеровской области, можно выделить: существенные колебания рыночной конъюнктуры рынка, деградацию ресурсного потенциала области, технологическую отсталость сельскохозяйственных отраслей, незавершенность институциональных преобразований в аграрном секторе [4, с. 201].

Согласно классической экономической теории, любое производство формируется из основных составляющих факторов производства: труд, земля, капитал и предпринимательская активность. С точки зрения методологии исследования состояния сельского хозяйства как подотрасли экономики АПК как на региональном уровне, так и на федеральном уровнях, следует начинать с анализа состояния и динамики развития факторов производства, позволяющего выявить тенденции и закономерности, сделать выводы.

Информационной базой для анализа будут служить данные публичной статистической отчетности. Для исследования нами определен период, который позволит выявить сложившиеся тенденции и зависимости. Например, для нефинансовых показателей требуется более продолжительный период времени.

Для финансовых показателей менее продолжительный, так как в этом случае следует учитывать инфляцию, которая, как известно, проявляется в зависимости конъюнктуры рынка, изменения цен, других возможных явлений, например, денежной реформы. В нашем исследовании за временной период примем годы.

Определив основные параметры исследования, начнем с анализа первого фактора производства. Рассмотрим трудовые ресурсы, т. е. проанализируем численность занятых в сельском хозяйстве Кемеровской области, которые должны (в частности) обеспечивать продовольствием городское население (таблица 1). В контексте оценки развития факторов производства в дальнейшем можно использовать результаты анализа в построении макроэкономических многофакторных моделей.

Таблица 1
Динамика численности населения на начало года, тыс. чел.

Годы	Все население, в т. ч.:	городское	сельское
1989	3171	2769	402
1990	3102	2704	398
1994	3084	2689	395
1996	3063	2659	404
1998	3023	2624	399
2000	2987	2590	397
2002	2899	2513	386
2003	2893	2508	385
2004	2862	2483	379
2005	2832	2410	422
2006	2806	2389	417
2007	2786	2374	412
2008	2780	2370	410
2009	2776	2366	410
2010	2773	2364	409
2011	2761	2357	404
2012	2751	2350	401
2013	2742	2345	397
2014	2734	2340	394

Динамика показывает общее снижение численности населения области, которое обеспечивается в основном за счет городского населения, сельское население региона в целом остается достаточно стабильным и не имеет ярко выраженной тенденции к снижению или увеличению.

В целом Кемеровская область является регионом, обладающим одной из самых развитых городских систем за Уралом с высокой плотностью населения. По количеству постоянно проживающего населения на территории области Кемеровская область занимает второе место в Сибирском федеральном округе (2734 тыс. человек) после Красноярского края, первое место по численности городского населения (85,4 %) и шестое место по общей численности сельского населения [6].

При этом не все население, проживающее в сельской местности, является активным и занятым в сельском хозяйстве (таблица 2). Анализ таблицы 1 показал, что численность сельского населения остается неизменной, соответственно можно предположить,

что трудовых ресурсов вполне достаточно для сельского хозяйства. Следовательно, можно ограничить период исследования для анализа занятого населения в сельском хозяйстве и предположить, что уровень населения, занятого в сельском хозяйстве, на ближайший период останется стабильным.

Таблица 2
Среднегодовая численность населения, занятого в сельском хозяйстве

Годы	Численность, тыс. чел.	Доля экономически активного населения занятого в сельском хозяйстве, %
2007	57,2	13,88
2008	53,1	12,95
2009	52	12,68
2010	49,2	12,03
2011	48,4	11,98
2012	46,4	11,57

Если численность сельского населения показывает тенденцию к снижению, которая зависит как от демографических, так и от экономического выбора сферы деятельности, что влечет за собой неуклонное сокращение в общей численности сельского населения, необходимо отметить, что в области отмечается высокая нагрузка городского населения на сельского жителя и составляет 35 человек, тогда как в среднем по стране эта нагрузка составляет 10 человек [3, с. 280].

Исходя из анализа первого фактора производства, можем сделать следующий вывод: трудовые ресурсы в сфере сельского хозяйства в Кемеровской области минимальны и постоянно сокращаются, что свидетельствует о проявлениях кризиса в сфере фактора производства. Кроме того, достаточно весомая доля трудовых ресурсов сельского хозяйства используется в угольной отрасли. Предопределено это тем, что практически все предприятия угольной отрасли расположены на сельских территориях.

Как следствие, на фоне снижающейся численности населения, занятого в сельском хозяйстве, происходит снижение площади посевных площадей в области (рис. 1).

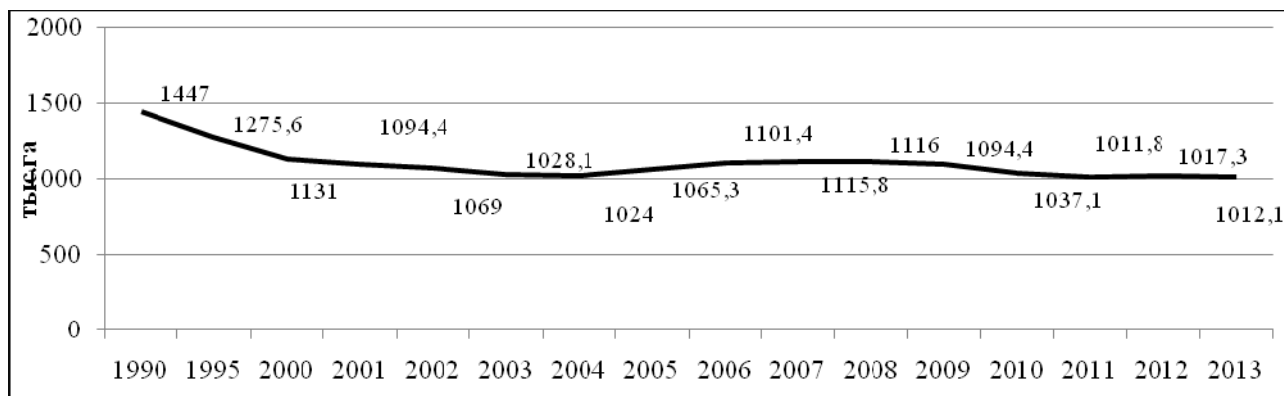

Рис. 1. Динамика посевных площадей всех сельскохозяйственных культур, тыс. га

Общая площадь Кемеровской области составляет 9572,5 тыс. га, из них земли сельскохозяйственного назначения составляют 2671,3 тыс. га, или 27,9 %, земли промышленности, транспорта, связи и иного назначения – 146,2 тыс. га, или 1,5 %, земли населенных пунктов – 391,5 тыс. га, или 4,08 %, земли лесного фонда – 5360,8 тыс. га, или 56 %, земли особо охраняемых территорий и объектов – 818,7 тыс. га, или 8,5 % [2].

Отметим, что процесс перераспределения земель за последний ряд лет имеет тенденцию в сторону увеличения земель населенных пунктов за счет изменения административных границ. Земли, занимаемые промышленностью, уменьшаются за счет сдачи рекультивированных земель и возврата неиспользуемых предприятиями земель в земли запаса.

Таким образом, с 1990 года произошло значительное сокращение посевных площадей – с 1447 тыс. га до 1012,1 тыс. га в 2013 году, то есть такой фактор производства, как земля, в регионе сократился на 30%. Некоторые изменения ситуации в 2005 – 2008-х годах произошли вследствие реализации региональной программы субсидирования тех сельскохозяйст-

венных предприятий, которые вводили в оборот брошенные и неиспользуемые земли. По окончании этой программы ситуация вновь вернулась в начальное русло.

Как свидетельствует проведенный анализ, второму фактору производства характерны признаки его кризисного состояния.

Капитал как фактор производства рассмотрим со стороны финансовых вложений и со стороны результативности деятельности предприятий отрасли. Финансовый результат деятельности отраслей сельского хозяйства в 2005 – 2012 гг. представлен в таблице 3.

Анализ показателей эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий показал, что рентабельность сельскохозяйственных организаций не высока, либо вообще отсутствует. Отметим, что сальдированный финансовый результат предприятий отрасли растениеводства по данным за 2012 год имеет отрицательное значение. Для повышения эффективности деятельности сельскохозяйственных предприятий следует активизировать привлечение инвестиций в основной капитал (таблица 4).

Таблица 3

Финансовый результат деятельности отраслей сельского хозяйства

Показатели	Сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) организаций, млн руб.						Рентабельность проданных товаров, продукции (работ, услуг) организаций, %					
	растениеводство			животноводство			растениеводство			животноводство		
	2005	2011	2012	2005	2011	2012	2005	2011	2012	2005	2011	2012
Кемеровская область	109	223	-268	234	668	660	6,2	9,7	-1,8	4,1	3,6	3,4

Таблица 4

Динамика инвестиций в сельское хозяйство в действующих ценах (без учета субъектов малого предпринимательства), млн руб.

Годы	Всего инвестиций	Инвестиции в сельское хозяйство	Доля инвестиций в сельское хозяйство к общему объему инвестиций, %
2008	91967,8	2614,6	2,84
2009	75771,5	1341,8	1,77
2010	93802,8	1681,9	1,79
2011	137175,7	2754,1	2,01
2012	176740,7	2670,0	1,51

Из таблицы 4 следует, что сумма и доля инвестиций в сельское хозяйство низка, особенно в сравнении с общим увеличением объемов инвестиций в другие отрасли региона. Исходя из этого, можно сделать вывод, что и третий фактор производства – капитал – также крайне низок для сельского хозяйства.

Оценивая предпринимательскую активность, которая отнесена нами к четвертому фактору производства, с целью выявления тенденций и закономерностей воспользуемся характеристикой численности субъектов предпринимательской деятельности в сельском хозяйстве (таблица 5).

Как видно из таблицы 5, за анализируемый период общая численность предприятий и организаций

Кемеровской области имела тенденцию к росту (прирост составил 6922 единицы), тогда как количество предприятий и организаций в сфере сельского хозяйства сократилась на 1124 единицы. Соответственно это повлекло сокращение их доли в общей численности предприятий до 3,2 % за 2012 год. При этом по данным Департамента сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности за последние пять лет доля прибыльных предприятий АПК повысилась более чем на 20 процентных пунктов [6, с. 20].

Территориальное размещение прибыльных сельскохозяйственных предприятий Кемеровской области в разрезе муниципальных районов показано на рисунке 2 [5, с. 18].

Динамика численности предприятий и организаций в сельском хозяйстве, ед.

Годы	Всего предприятий и организаций	Предприятий и организаций в сфере сельского хозяйства	Доля предприятий сельского хозяйства к общему количеству, %
2002	45031	2784	6,18
2003	47356	2920	6,17
2004	49793	2765	5,55
2005	51756	2639	5,10
2006	47048	2075	4,41
2007	48274	1923	3,98
2008	51312	1950	3,80
2009	51590	1838	3,56
2010	51888	1802	3,47
2011	51212	1702	3,32
2012	51953	1660	3,20

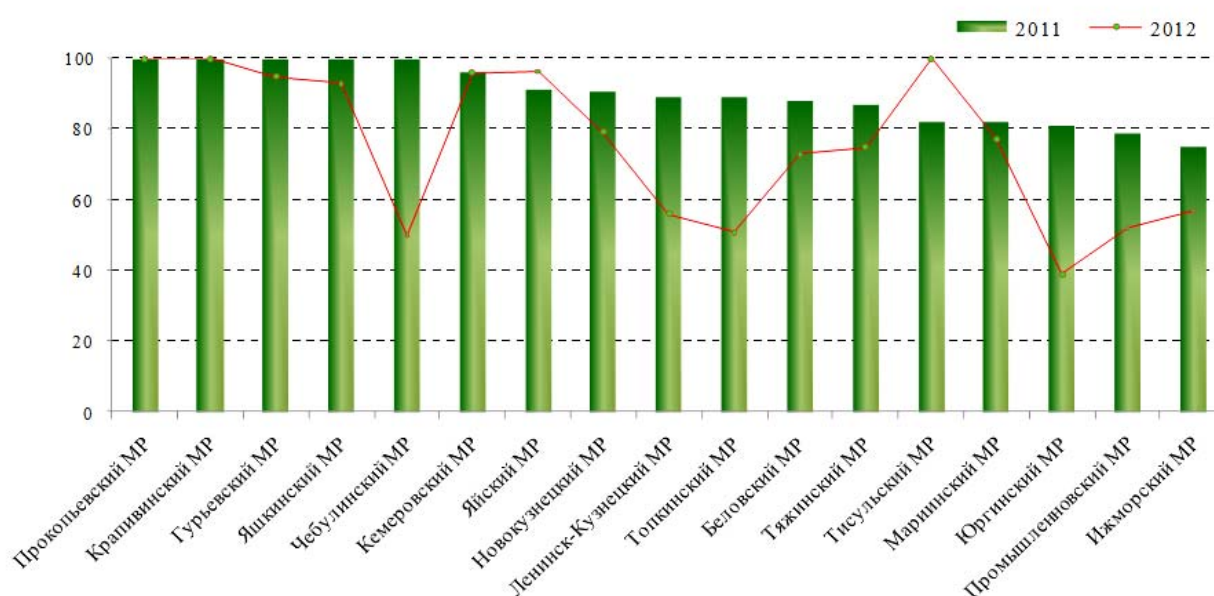

Рис. 2. Доля прибыльных сельскохозяйственных организаций в общем числе сельскохозяйственных организаций муниципального района, %

Промышленная специализация региона, рекреационные возможности природно-экономических зон предопределили территориальное размещение сельскохозяйственных предприятий. Наибольшая доля прибыльных и эффективно функционирующих агропредприятий сосредоточены в Яшкинском, Топкинском, Прокопьевском, Ижморском, Промышленновском и Ленинск-Кузнецком районах.

В Чебулинском, Тяжинском и Тисульском районах области сельское хозяйство в силу объективных и субъективных причин приходит в упадок, что пагубно сказывается на социально-экономическом развитии сельских территорий. В обозначенных районах доля убыточных предприятий колеблется на уровне 50 – 80 %. Данная негативная тенденция характеризуется следующими факторами: низкие закупочные цены на основные виды сельскохозяйственной продукции, отсутствие гарантированного рынка сбыта, низкая инвестиционная привлекательность/активность предприятий и отсутствие поддержки развития предприятий со стороны органов местного самоуправления.

За период экономических преобразований многие сельхозпредприятия изменили свою организационно-правовую форму, как следствие и организационно-правовой механизм хозяйствования. По состоянию на 01.01.2014 г. на территории области действует 433 с/х предприятий, из которых 11 – открытых акционерных обществ (ОАО), в том числе 1 предприятие на 100 % федеральная собственность; 6 предприятий в организационно-правовой форме закрытого акционерного общества (ЗАО); 124 – общества с ограниченной ответственностью (ООО); 29 – сельскохозяйственных производственных кооперативы; 3 – коллективных предприятия; 1 – государственное унитарное предприятие (ГУП) и 259 сельскохозяйственных потребительских кооперативов. По данным департамента сельского хозяйства и продовольствия Кемеровской области, в 2012 году на долю сельского хозяйства приходилось 31,1 % убыточных хозяйств от общего количества организаций. Средний уровень рентабельности сельскохозяйственных организаций в 2012 году с учетом субсидий составил 2,5 %, без учета субсидий – (- 4,5 %) [7].

Усиление конкуренции на продовольственном рынке, в том числе вследствие вступления России во Всемирную торговую организацию, рост цен и тарифов на энергоносители, влияние неблагоприятных погодных условий, дефицит квалифицированных кадров создают значительные риски в развитии сельского хозяйства муниципальных образований [5, с. 18].

За последние десять лет доля предпринимательской активности в сфере сельского хозяйства региона сократилась примерно в два раза, что является признаком кризиса четвертого фактора производства.

Динамика влияния всех факторов производства на сельское хозяйство региона представлена в таблице 6.

Таблица 6

Влияние факторов производства на сельское хозяйство промышленного региона

<i>Факторы</i>	<i>Труд</i>	<i>Земля</i>	<i>Капитал</i>	<i>Предпринимательская активность</i>
Характеристика	Доля занятого населения в сельском хозяйстве ко всему сельскому населению снизилась с 13,88 % в 2007 году до 11,57 % (с 57,2 тыс. чел до 46,4)	Посевные площади с 1990 г. сократились на 30 % – с 1447 тыс. га до 1012,1 тыс. га в 2013 году	Доля инвестиций в сельское хозяйство к общему объему инвестиций уменьшилась с 2,84 % в 2008 году до 1,51 % в 2012 году	Предприятий и организаций в сфере сельского хозяйства в 2002 году было 2784 единицы, в 2012 году – 1660 ед.
Тенденция (рост ↑, спад ↓)	↓	↓	↓	↓
Выводы по факторам	Влияние факторов производства на сельское хозяйство промышленного региона			

Таким образом, представленная оценка влияния факторов производства на развитие сельского хозяйства промышленного региона, позволяет определить степень воздействия каждого из них на состояние отрасли. Проведенный анализ выявил признаки кризисного состояния сельского хозяйства региона. При этом в Кемеровской области имеются в достаточной мере, трудовые, земельные, финансовые ресурсы, определенная предпринимательская активность, но они

используются либо ограниченно, либо задействованы в других отраслях экономики (например – угольной). Для того чтобы исправить сложившееся положение и вывести сельское хозяйство региона из кризисного состояния, требуется разработка и реализация комплекса мероприятий по государственной поддержке развития отрасли, которая позволит в последствии повысить конкурентоспособность и ее устойчивое развитие.

Литература

1. Бондарева Г. С. Совершенствование продовольственного обеспечения населения региона (на материалах Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. эк. наук: 08.00.05. Новосибирск, 2013. 24 с.
2. Земельный фонд Кемеровской области 2012 // Управление федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Кемеровской области. URL: http://www.to42.rosreestr.ru/-kadastr/zemlja_sfo/zfond (дата обращения: 30.05.2014).
3. Косинский П. Д., Бондарева Г. С. Кластерный подход к формированию продовольственной обеспеченности населения региона // Вестник КемГУ. 2012. № 3. С. 280 – 284.
4. Косинский П. Д., Медведев А. В., Бондарева Г. С. Оценка эффективности функционирования агропродовольственного кластера региона // Фундаментальные исследования. 2013. № 11-2. С. 261 – 265.
5. Постановление Коллегии Администрации Кемеровской области № 430 от 01 октября 2013 г. «Об утверждении сводного доклада о результатах мониторинга эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов Кемеровской области за 2012 год» / Администрация Кемеровской области. URL: www.ako.ru/Ekonomik/Pokazat/svod_mo.asp (дата обращения: 30.05.2014).
6. Социально-экономическое положение Сибирского федерального округа «РИА–Аналитика» // Центр экономических исследований. М., 2013. URL: vid1.rian.ru/ig/ratings/Siberian_FD.pdf (дата обращения: 06.05.2014).
7. Формы отчетности о финансово-экономическом состоянии товаропроизводителей агропромышленного комплекса Кемеровской области за 2012 год.

Информация об авторе:

Бондарев Николай Сергеевич – доцент кафедры теоретической экономики, экономического моделирования и права Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, 05bns09@mail.ru.

Nikolay S. Bondarev – Assistant Professor at the Department of Theoretical Economics, Economic Modeling and Law, Kemerovo State Agricultural Institute.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2014 г.

**НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ
ПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА***Л. Б. Васильева***COURSES OF INCREASING INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF INDUSTRIAL REGIONS***L. B. Vasilieva*

В статье рассмотрены направления инвестиционной привлекательности промышленного региона, которые позволяют обеспечивать ему устойчивое социально-экономическое развитие. На основе проведенного автором анализа сделан вывод, что консолидация интеллектуальных ресурсов, совершенствование организационного взаимодействия органов государственной власти и бизнеса позволят ему успешно конкурировать за привлечение инвестиций в регион.

The paper considers the courses of increasing investment attractiveness of industrial regions which would allow to ensure sustainable socio-economic development. On the basis of the author's analysis, it is concluded that the consolidation of intellectual resources, improvement of organizational cooperation between state authorities and business will allow competing for attracting investment to the region.

Ключевые слова: инвестиционная привлекательность; налоговая политика; инвестиции; институциональная среда; зоны экономического благоприятствования.

Keywords: investment attractiveness; tax policy; investment; institutional environment; favourable economic zone.

Состояние экономики в современных условиях характеризуется политической нестабильностью во многих регионах мира, экологическими и природными катаклизмами, сложностью в государственных и корпоративных финансах, ростом бюджетного дефицита. По оценкам Всемирного банка в 2013 году ожидается сдержанный рост мировой экономики, при этом основной вклад в рост будут вносить в прирост мирового ВВП развивающиеся страны: Китай, Индия, Россия. Однако ситуация показывает, что по итогам года Российская экономика демонстрирует замедление темпов роста. За 9 месяцев 2013 года ВВП в России вырос только на 1,3 %, что в три раза меньше чем за аналогичный период 2012 года [1].

В сложившихся условиях ключевой задачей экономического развития для регионов страны является формирование и реализация ими экономической политики. Современный этап экономического развития страны характерен тем, что основная тяжесть решения обозначенной задачи переносится в регионы. В этой связи существенно возрастает роль регионов в обеспечении устойчивого социально-экономического развития страны. Как следствие, происходят существенные качественные изменения статуса региональных и муниципальных органов власти, их функции и ответственность за развитие территорий. В этих условиях одной из важнейших и актуальнейших задач для регионов является привлечение инвестиций как фактора обеспечения комплексного и сбалансированного развития производительных сил на их территориях за счет повышения инвестиционной привлекательности.

Традиционно понятие «инвестиционная привлекательность» означает наличие таких условий инвестирования, которые влияют на предпочтения инвестора в выборе того или иного объекта инвестирования. Объектом инвестирования может выступать как отдельный проект, так и предприятие в целом, корпорация, город, регион, страна. Нетрудно выделить то общее, что ставит их в один ряд: наличие собственно-

го бюджета и собственной системы управления. Инвестиционная привлекательность каждого уровня может обладать своим особым набором свойств, которые придают объекту инвестирования специфические отличия от других. Регион в силу специфики своего развития в этом ряду отличается тем, что имеет целостную структуру и поэтому не является уникальным. Эта особенность позволяет сравнивать регионы между собой.

С позиции уровня развития инвестиционной инфраструктуры, возможности привлечения инвестиционных ресурсов, формирования институциональной среды в регионе привлечения инвестиций, оказывают существенное влияние конечную доходность инвестиций и инвестиционные риски. Оценка инвестиционной привлекательности региона осуществляется при разработке его инвестиционной стратегии.

Инвестиционная привлекательность региона является определяющим фактором эффективного социально-экономического развития его экономики. Одна из задач, сформулированных в региональной целевой программе «Стратегия социально-экономического развития Кемеровской области на период до 2025 года», заключается в создании благоприятных условий для обеспечения высоких и устойчивых темпов экономического роста и качества жизни населения. Решение обозначенной задачи невозможно без привлечения инвестиций в реальный сектор экономики. В то же время привлечение инвестиций напрямую зависит от инвестиционной привлекательности, которая во многом формируется под влиянием налоговой политики в стране и ее регионах.

Налоговая политика, характер и механизм функционирования налоговой системы являются одним из направлений, оказывающих влияние на макроэкономические показатели. Использование налоговых инструментов в процессе регулирования и социального выравнивания обеспечивают согласование различных

социально-экономических структур общества, государства и населения [2].

Для решения проблемы повышения инвестиционной привлекательности региона, наряду с налоговой составляющей, значительную роль играет институциональная среда как еще одно направление повышения инвестиционной привлекательности региона и основа реализации стратегии его развития.

Одним из инструментов реализации стратегии является принятый закон Кемеровской области от 26 ноября 2008 года «О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной деятельности в Кемеровской области», в котором были определены формы государственной поддержки инвестиционной деятельности: установление субъектам инвестиционной деятельности льгот по налогам и сборам в пределах полномочий субъектов Российской Федерации; изменение субъектам инвестиционной деятельности срока уплаты налогов и сборов, а также пеней и штрафов в форме отсрочки, рассрочки, инвестиционного налогового кредита в соответствии с налоговым законодательством Российской Федерации и Кемеровской области [3].

В редакции Закона Кемеровской области от 14.12.2010 № 134-ОЗ определено:

1) предоставление субъектам инвестиционной деятельности льгот по аренде имущества, являющегося государственной собственностью Кемеровской области и необходимого для реализации приоритетных инвестиционных проектов;

2) предоставление в соответствии с законодательством Российской Федерации и Кемеровской области государственных гарантий Кемеровской области в качестве обеспечения исполнения обязательств субъектами инвестиционной деятельности, возникающих в процессе реализации приоритетных инвестиционных проектов;

3) предоставление за счет средств областного бюджета субсидий для компенсации части процентной ставки по банковским кредитам, полученным субъектами инвестиционной деятельности;

4) предоставление субъектам инвестиционной деятельности нефинансовых мер государственной поддержки, в том числе оказание организационной, информационной и консультационной помощи;

5) предоставление субсидий из средств областного бюджета на возмещение затрат по разработке проектной документации, прохождению государственной экспертизы инвестиционных проектов [4].

Для включения в Перечень инвестиционные проекты должны соответствовать следующим условиям (критериям): осуществление инвестиций в приоритетные направления развития Кемеровской области; социальная значимость; увеличение количества рабочих мест.

Кемеровская область – высокоразвитый промышленный регион, экономика которого интегрирована в экономику 85 стран мира. Благодаря Кузбассу Россия занимает третье место в мире по экспорту угля (после Австрии и Индонезии). Доля угольной и металлургической продукции составляет 64 % от производимой в регионе. Кузбасс обеспечивает 84 % общероссийского экспорта угля. Динамика устойчивого роста макроэко-

номических показателей во второй половине 2008 года сменилась спадом в ключевых отраслях экономики региона. Снижение цен на внутреннем и внешнем рынках, сокращение инвестиций в основной капитал, сокращение количества заказов со стороны крупных потребителей, удорожание банковских кредитов обусловили снижение объемов отгруженных товаров, переход организаций на сокращенную рабочую неделю и отпавку работников в неоплачиваемые отпуска.

Объем производства в угледобыче сократился на 12 %, цены на уголь упали на 56 % за период с октября 2008 года по апрель 2009 года. Спрос на металлопродукцию на мировом рынке снизился на 40 – 50 %, цены на нее упали на 30 – 50 %, а на некоторые виды продукции в 2 – 2,5 раза. Это привело не только к снижению объемов производства на большинстве угольных и металлургических предприятий, но и замораживанию ряда значимых для региона инвестиционных проектов, социальной напряженности в трудовых коллективах [5].

В этих условиях администрацией Кемеровской области был предпринят ряд мер, направленных на привлечение инвестиций в регион.

1. Специфика региона состоит в том, что большинство городов области имеет монопрофильную структуру экономики: она значительно зависит от развития какой-либо отрасли (угольной, металлургической или транспортной). В этих городах проживает более 70 процентов населения Кузбасса. Поэтому для решения данной проблемы было принято решение укрепить экономику моногородов за счет создания новых отраслей. Для развития принятого решения были разработаны комплексные инвестиционные проекты развития производств и модернизации 17 моногородов Кузбасса и представлены в правительственную комиссию. Из них 3 моногорода – Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий и Таштагол – защитили в Правительстве РФ свои планы и в 2010 году получили 3,2 миллиарда рублей из федерального бюджета на строительство инфраструктуры, развитие новых производств и создание новых рабочих мест. В результате за 2010 – 2012 годы в вышеназванных городах было создано 11 тысяч новых рабочих мест в различных отраслях, в том числе в малом бизнесе.

2. В Кемеровской области принят ряд специальных законов, по которым инвестор может получить максимальные льготы в виде снижения налогов субсидий, грантов, суперльготные займы на развитие производства. К 2012 году такую поддержку получили 70 инвестиционных проектов.

3. В 2009 году в области был запущен совершенно новый механизм государственной поддержки инвесторов – создание региональных зон экономического благоприятствования, внутри которых действует особый, наиболее благоприятный режим для предпринимателей. Компании, которые организуют производство на территории такой зоны, получают налоговые льготы: полностью освобождаются от налога на имущество, налог на прибыль снижается с 18 до 13,5 %, а для тех, кто находится на упрощенной системе налогообложения, налог уменьшается в три раза: с 15 до 5 % [6].

В конце 2010 года в Кузбассе созданы три зоны экономического благоприятствования: в Таштагольском районе – туристско-рекреационная; в Ленинск-Кузнецком ведется работа по размещению предприятий по производству конвейерных лент, транспортных систем для предприятий угольной, машиностроительной отраслей, завода по переработке отработанных масел, утилизация аккумуляторов; в Юрге – промышленно-производственного типа. Основной инвестиционный проект – организация производства кровельных и теплоизоляционных материалов (ООО «Завод «Техно НИКОЛЬ-Сибирь»)), не имеющих аналогов в Сибири и Дальнем Востоке, которые используются для теплоизоляции фундаментов, полов, утепления фасадов.

В 2012 году образована еще одна региональная зона экономического благоприятствования в городе Прокопьевске. На ее площадке реализуется инвестиционный проект по сборке «БелАЗов, расширению завода «Новотранс», организация литейного производства, несколько инвестиционных проектов малого и среднего бизнеса.

Формирование зон экономического благоприятствования дают региону:

1. Создание новых рабочих мест.
2. Привлечение «внешних» инвестиций на территорию Кузбасса.
3. Развитие малого и среднего бизнеса.
4. Вовлечение в оборот неиспользуемых земельных ресурсов и производственных площадей.

В целом же создание зон экономического благоприятствования позволяет региону создавать новые рабочие места; привлекать «внешних» инвесторов; развивать малый и средний бизнес; вовлекать в оборот неиспользуемые земельные ресурсы и производственные площади; вести сбалансированное развитие территорий внутри области, обеспечить достойное качество жизни населения независимо от колебаний мировых рынков.

Основной экономический показатель социально-экономического развития региона – валовый региональный продукт – в 2012 году составил 758 млрд рублей. В 2013 году увеличение валового регионального продукта составило 191,1 млн рублей по сравнению 2008 годом (таблица).

Таблица

Некоторые показатели социально-экономического развития Кемеровской области в 2008 – 2013 гг.

<i>Показатели</i>	<i>2008</i>	<i>2010</i>	<i>2011</i>	<i>2012</i>	<i>2013</i>	<i>Темп роста, в % к 2008 г.</i>
Валовой региональный продукт (ВРП), млрд руб.	575,9	622,5	763,5	755,5	767,0	в 1,3 раза
ВРП на душу населения, тыс. руб.	207,3	224,9	277,6	273,3	279,6	в 1,3 раза
Индекс промышленного производства, цепной темп в %	99,2	106,1	103,9	98,1	100,1	100,9
Инвестиции в основной капитал, млрд руб. (в фактических ценах)	152,9	155,6	225,1	257,0	264,4*	в 1,7 раза
Численность населения на конец года, тыс. чел.	2776,4	2773,0	2761,3	2750,8	2742,4	98,7
Естественная убыль населения (на 1000 чел.)	3,4	3,0	2,8	1,4	1,1	32,3
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	1324,0	1294,7	1302,0	1372,4	1386,3	104,7
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в данном году, лет	64,42	65,42	66,18	66,76	66,85*	103,7
Уровень безработицы, %	2,0	2,1	1,7	1,6	1,5	75
Среднедушевые доходы в месяц, руб.	14670	15341	16666	18372	18861	128,5
Реальные денежные доходы, темп роста цепной, %	110,0	104,8	100,1	101,1	102,3	93
Среднемесячная номинальная заработная плата, руб.	15410	18028	20479	23403	25500	1,8 раза
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %	9,7	11,0	11,6	11,0	11,0	109,1

Примечание: *прогноз.

Объем привлеченных инвестиций за 2008 – 2012 годы составил 900 млрд рублей, в том числе в 2012 году – 257 миллиардов рублей (рекордный показатель за всю историю Кузбасса). Валовый региональный продукт в 2013 году составил 767,0 млрд рублей (темп роста 101,6 % в сопоставимых ценах к 2012 году). Объем инвестиций в основной капитал дос-

тиг 257,0 млрд рублей. Средняя заработная плата составила 25500 рублей, а среднедушевые денежные доходы – 18861 рублей за январь – октябрь 2013 года. В 2013 году в угольную отрасль вложено 65 млрд рублей инвестиций, что позволило создать 2685 новых рабочих мест; металлургическую отрасль – 5,4 млрд руб-

лей; машиностроительную отрасль более 1,0 млрд рублей [1].

Дополнительно к этому привлечено более 44 млрд рублей иностранных инвестиций. В результате доля инвестиций в валовом региональном продукте составляет 34 %. В Кемеровской области действует целый пакет специальных законов, по которым инвестор может получить максимальные льготы в виде снижения налогов, субсидии, гранты, суперльготные займы на развитие производства. В среднем ежегодно на 1 рубль государственной поддержки в идее налогов и сборов в консолидируемый бюджет Кемеровской области поступает около 4 рублей.

Поддержка инвестиционных проектов позволила активизировать привлечение частных инвестиций в экономику области. На каждый рубль областной поддержки было привлечено 63 рубля частных инвестиций и получено в бюджет 5 рублей налоговых доходов. Объем инвестиций в основной капитал достиг 257 млрд рублей в 2012 году.

По подсчетам специалистов, каждый миллиард рублей инвестиций, вложенный в экономику, создает минимум 250 новых постоянных рабочих мест и обеспечивает в среднем 200 миллионов рублей налогов во все уровни бюджета. В 2013 году в регионе сформирована база данных на 300 инвестиционных площадок и размещена в Интернете. Для информирования инвесторов о каждой из площадок запущен специальный интернет-портал.

Учитывая важность привлечения инвестиций в экономику региона, администрацией области в конце 2011 года принято решение ввести должность инвестиционного уполномоченного. Задачами инвестиционного уполномоченного являются содействие и оказание помощи инвесторам в реализации их проектов на территории области, минимизация бюрократических процедур при взаимодействии инвесторов с разного уровня чиновниками.

Литература

1. Тулеев А. М., Ващенко С. Н. Бюджет 2014 – 2016. С заботой о жителях Кузбасса. Кемерово: ГОУ «КРИПО»: ООО «ИНТ», 2013. – 134 с.
2. Косинский П. Д., Чупрякова А. Г. Налоговая составляющая деятельности местного самоуправления: региональный аспект // Региональная экономика и управление. 2012. № 4(32).
3. Закон Кемеровской области от 26 ноября 2008 года №102-ОЗ «О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной деятельности в Кемеровской области».
4. Закон Кемеровской области от 14 декабря 2010 года №134-ОЗ О внесении изменений в закон Кемеровской области «О государственной поддержке инвестиционной, инновационной и производственной деятельности в Кемеровской области».
5. Косинский П. Д. Управление посткризисным развитием региона // Региональная экономика: теория и практика. 2012. № 19 (250). С. 2 – 9.
6. Исламов Д. Кузбасс созидаящий: новое время. 4-е изд., перераб. и доп. Кемерово: Сибирская издательская группа, 2013. 220 с.
8. Закон Кемеровской области от 23 июля 2013 года № 90-ОЗ «Об инвестиционном фонде Кемеровской области».

Информация об авторе:

Васильева Людмила Борисовна – старший преподаватель кафедры Налогообложения, предпринимательства и права КемГУ, vasilevalb@yandex.ru.

Ludmila B. Vasilueva – Senior Lecturer at the Department of Taxation, Business and Law, Kemerovo State University

В дополнение к ранее принятым законам Кемеровской области по повышению инвестиционной привлекательности региона 23 июля 2013 года принят закон «Об инвестиционном фонде Кемеровской области», который направлен на создание условий для привлечения инвестиций в экономику Кемеровской области, используемых для реализации инвестиционных проектов, осуществляемых на принципах государственно-частного партнерства [7].

Предпринятые меры государственной властью Кемеровской области позволили добиться позитивных результатов, связанных со стабильным увеличением инвестиционных потоков и как следствие увеличение объемов производства в большинстве отраслей реального сектора экономики, рост доходов населения, обеспечивают определенную налоговую базу регионального бюджета, создают условия для динамичного развития региона.

Наработанный опыт, сформированная инвестиционная структура, выработанные в регионе эффективные технологии позволяют ему успешно конкурировать за привлечение как отечественных, так и иностранных инвестиций. Но вместе с тем, чтобы сохранить положительную динамику, требуется большая консолидация интеллектуальных ресурсов, постоянное совершенствование организационного взаимодействия органов государственной власти региона и бизнеса со всеми участниками инвестиционной деятельности в решении возникающих проблем.

Таким образом, формирование и развитие инвестиционной привлекательности региона в Кемеровской области свидетельствуют об эффективности и своевременности мер, предпринятых региональной властью, базирующихся на принятых законах и организации по их реализации. Это позволяют не только обеспечивать эффективное социально-экономическое развитие региона, но и способствовать повышению качества жизни его населения.

Статья поступила в редколлегию 10.06.2014 г.

СОВРЕМЕННАЯ АРХИТЕКТОНИКА ИССЛЕДОВАНИЯ КАТЕГОРИИ
«ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»

И. М. Глотина

MODERN ARCHITECTONICS OF STUDYING THE CATEGORY OF ECONOMIC SAFETY

I. M. Glotina

В статье проанализированы различные подходы к трактовке понятия «экономическая безопасность». Выделены структурные элементы категории «экономическая безопасность». Предложена авторская трактовка экономической безопасности.

Different approaches to defining the term of “economic safety” are analyzed in the paper. Structural units of this term are determined. The author suggests her own point of view on this term.

Ключевые слова: национальная безопасность, экономическая безопасность, категория, интересы, угрозы, опасность.

Keywords: national safety, economic safety, term, concern, threats, danger.

Существуют различные дефиниции для оценки и характеристики состояния экономики страны: стагнация, экономический бум, предкризисное состояние, экономический кризис, устойчивое развитие экономики и т. д. Однако для всех государств есть единое понятие, определяющее такое состояние экономики и институтов власти, которое обуславливает существование самого государства, – экономическая безопасность.

Экономическая безопасность зарождается с возникновением государства и является важнейшим элементом государственности. Как отмечает А. А. Пороховский, «историческая проблема национальной экономической безопасности возникает одновременно с формированием государственности и становлением государственных интересов вообще и экономических интересов в частности. Поэтому в истории любого государства можно встретить периоды, когда проблема экономической безопасности либо обострялась, либо уходила в тень, но она никогда не исчезала из поля зрения государственных мужей» [7, с. 26 – 27].

В российской экономической науке понятие «экономическая безопасность» вошло в научный язык в начале 90-х годов прошлого века, когда при переходе к рыночным отношениям остро заявили о себе противоречия во взаимодействии субъектов хозяйствования, разном направленности их экономических интересов внутри страны и утрата её самостоятельности, резко выросшая экономическая зависимость от иностранных государств. С тех пор категория «экономическая безопасность» получила широкое освещение в отечественной экономической науке. Исследования в этой области нашли отражение в работах таких учёных, как Л. И. Абалкин, В. К. Сенчагов, Е. А. Олейников, А. И. Илларионов, А. И. Татаркин и др. В настоящее время существует немало различных трактовок данного понятия. Однако содержание экономической безопасности и механизм ее обеспечения в условиях формирования правового государства, развития демократических отношений и рыночных институтов экономики меняются. Это вызвано, прежде всего, изменившейся ролью самого государства в производственных отношениях, превращении его из силы, господствующей над обществом, в орган, выражающий и закрепляющий интересы общества, социаль-

ных групп и отдельных граждан, гарантирующий и охраняющий конституционные права и свободы гражданского общества.

Следует определить ряд условий, выдвигающих основные предпосылки исследования категории экономической безопасности на первый план:

- различия в национальных интересах;
- ограниченность ресурсов государства;
- рост конкуренции в производстве и сбыте товаров, повышение конкурентоспособности отдельных стран, рассматриваемое другими как реальная угроза национальным интересам государства.

Актуальность исследования механизма обеспечения экономической безопасности состоит в том, что провозглашение перехода к рыночной экономике не сняло практических вопросов обеспечения устойчивости российской экономики и общества, безопасности их жизнедеятельности, которые зависят от большого количества факторов возможного их нарушения. В этом списке стоят факторы социально-экономического порядка, имеющие источники возникновения как внутри страны, так и за ее пределами, и оказывающие существенное влияние на состояние экономики и национальной безопасности государства. Именно это в начале 90-х годов XX века подтолкнуло целый ряд российских ученых к разработке нового направления экономической науки – теории экономической безопасности.

Понятие экономической безопасности – категория довольно сложная, полемичная и неоднозначная. В научной и специальной литературе единой точки зрения на проблему и определение экономической безопасности не сформировано.

Российское законодательство рассматривает экономическую безопасность как составную часть национальной безопасности государства.

Так, в государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации, одобренной Указом Президента РФ в 1996 г., отмечается, что экономическая безопасность является составной частью национальной безопасности государства. Без обеспечения экономической безопасности страна не в состоянии решать задачи, стоящие перед ней, как во внутригосударственном, так и в международном плане [9].

Согласно положениям Стратегии национальной безопасности России, «основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, политических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства. Силы и средства обеспечения национальной безопасности сосредоточивают свои усилия и ресурсы на обеспечении национальной безопасности во внутривнутриполитической, экономической, социальной сферах, в сфере науки и образования, в международной, духовной, информационной, военной, оборонно-промышленной и экологической сферах, а также в сфере общественной безопасности» [10].

В целом можно согласиться с данным определением, однако следует признать, что специальное определение категории "экономическая безопасность" в российском законодательстве отсутствует. Вероятно, по этой причине проблема экономической безопасности в современном научном дискурсе является одной из самых популярных. Спектр взглядов на понятие экономической безопасности отечественных ученых-экономистов оказался довольно широким.

Так, академик Л. И. Абалкин считает, что «экономическая безопасность – такое состояние экономики, при котором обеспечивается устойчивый экономический рост, эффективное удовлетворение общественных потребностей, высокое качество управления, защита экономических интересов на национальном и международном уровнях. Является фундаментом, материальной основой и составной частью национальной безопасности» [1].

Авторы сборника «Основы экономической безопасности. (Государство, регион, предприятие, личность)» под редакцией Е. А. Олейникова считают, что для определения экономической безопасности наряду с состоянием экономики следует говорить и о состоянии институтов власти, при котором обеспечивается гарантированная защита национальных интересов, гармоничное, социально направленное развитие страны в целом, достаточный экономический и оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов [6, с. 29].

Развернутое определение экономической безопасности через понятие «защищенность» дает академик В. К. Сенчагов, который полагает, что «это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества» [8].

По мнению К. Х. Ипполитова, «экономическая безопасность – это защищенность экономических отношений, определяющих прогрессивное развитие экономического потенциала страны и обеспечивающих повышение уровня благосостояния всех членов общества, его отдельных социальных групп и формирующих основы обороноспособности страны, от опасностей и угроз, источником зарождения и развития которых являются внутренние и внешние противоречия» [5, с. 30].

А. Н. Борисевич рассматривает экономическую безопасность России как «важнейшую характеристику экономической системы, которая определяет способность реализации государственных интересов независимо от «форс-мажорных» ситуаций, устойчивую, стабильно развивающуюся дееспособность хозяйствующих субъектов, достойные условия жизнедеятельности населения, устранение возникающих угроз их достижению» [2].

По мнению А. Н. Илларионова, «экономическая безопасность – сочетание экономических, политических и правовых условий, которое обеспечивает устойчивое в длительной перспективе производство максимального количества экономических ресурсов на душу населения наиболее эффективным способом» [4].

Как «состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором оно способно обеспечивать поступательное развитие общества, его экономическую и социально-политическую стабильность» определяет экономическую безопасность Д. В. Гордиенко [3].

Анализ точек зрения ученых на определение «экономической безопасности» позволяет автору выделить ряд структурных элементов, характеризующих объективную сторону данной категории (рис. 1). Среди них: наличие объекта и субъекта экономической безопасности; деструктивное воздействие внутренних и внешних угроз; использование средств, обеспечивающих безопасность объекта; деятельность, направленная на обеспечение безопасности.

Экономическая безопасность государства представляет собой сложное социально-экономическое понятие, отражающее меняющиеся условия материального производства, внешние и внутренние угрозы экономике страны. Экономическая безопасность определяется, согласно мнению большинства ученых, уровнем развития производственных сил, состоянием социально-экономических отношений, уровнем научно-технического развития, международной обстановкой. По своему смыслу экономическая безопасность рассматривается большинством авторов исходя из статического подхода, в то время как в обществе происходят многообразные социально-экономические трансформации.

В большинстве источников говорится о безопасности личности, общества и государства как о гармоничной триаде. Следует заметить, что это не полный перечень. В него должны быть включены также предприятия, отрасли и территории (регионы и муниципалитеты), выступающие как относительно самостоятельные акторы хозяйственной деятельности и, соответственно, объекты экономической безопасности. Их интересы не всегда и не во всем совпадают, и их безопасности в одних случаях взаимно дополняют друг друга, в других – оказываются в конфликте друг с другом. Так, низкому уровню экономической безопасности индивидов или предприятий может соответствовать как низкий, так и высокий уровень экономической безопасности государства. Аналогично и высокий уровень экономической безопасности хозяйствующего субъекта может быть реализован на фоне как низкого, так и высокого уровня экономической безопасности государства. Следует также учитывать, что невозможно обеспечить такие условия, при которых будет достигнута абсолютная безопасность.

Рис. 1. Элементы категории «экономическая безопасность»

На наш взгляд, к наиболее распространенным и существенным неточностям, допускаемым исследователями феномена экономической безопасности, следует отнести: трактовка понятия «безопасность» безотносительно к объекту безопасности; отсутствие диалектической связи понятий «безопасность» – «опасность»; отсутствие четкого разграничения понятий «риск», «угроза», «опасность»; игнорирование специфики современного информационного общества.

В связи с этим, на наш взгляд, определение экономической безопасности может иметь следующий вид: экономическая безопасность субъекта экономической деятельности – это ситуация, при которой ему, как экономическому актору, не может быть причинен существенный вред.

По мнению автора, в современных условиях экономическая безопасность перестает быть сугубо экономической категорией. Процессы глобальной информатизации, вхождение России в мировое информаци-

онное пространство привели к тому, что современное общество все более полно зависит от состояния информационной инфраструктуры. Это делает его весьма уязвимым, а также позволяет воздействовать на уровень экономической безопасности государства. Кроме того, в контексте безопасности есть ценности, такие, например, как жизнь человека, хозяйственная самостоятельность предприятия, суверенитет государства и т. д., которые в категориях стоимости не могут измеряться в принципе.

Проведенный анализ показывает, что существует много теоретических проблем при исследовании категории экономической безопасности, что позволяет сделать вывод о недостаточной степени концептуальной разработки категории экономической безопасности и делает актуальным обращение к более широкой теоретической перспективе рассмотрения соответствующих вопросов.

Литература

1. Абалкин Л. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. 1994. № 12. С. 4 – 13.
2. Борисевич Ф. Н. Таможенная составляющая экономической безопасности России // Социально-гуманитарные знания. 2002. № 1. С. 302 – 310.
3. Гордиенко Д. В. Основы экономической безопасности государства: курс лекций. М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2012. 224 с.
4. Илларионов А. Критерии экономической безопасности // Вопросы экономики. 1998. № 10. С. 35 – 58.
5. Ипполитов К. Х. Экономическая безопасность: стратегия возрождения России. М.: РСПБ, 1996.
6. Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е. А. Олейникова. М.: ЗАО "Бизнес-школа "Интел-Синтез", 1997.
7. Пороховский А. А. Рыночная экономика на рубеже нового века: место и роль России // Научные труды Международного союза экономистов и Вольного экономического общества. М.; СПб. 1995.
8. Сенчагов В. Экономическая безопасность как основа обеспечения национальной безопасности России // Вопросы экономики. 2001. № 8. С. 64 – 79.
9. Указ Президента РФ от 29.04.1996 № 608 «О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях)» // Российская газета. 1996. № 89. 14 мая.
10. Указ Президента РФ от 12.05.2009 № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. № 88. 19 мая

Информация об авторе:

Глотина Ирина Михайловна – кандидат экономических наук, доцент кафедры информационных технологий и автоматизированного проектирования Пермской государственной сельскохозяйственной академии им. акад. Д. Н. Прянишникова, glotina-i@yandex.ru.

Irina M. Glotina – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Information Technology and Computer Aided Design, Perm State Agricultural Academy.

Статья поступила в редколлегию 28.05.2014 г.

**ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧЕТА ГОТОВОЙ ПРОДУКЦИИ И ПУТИ ЕГО
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА МСФО**
Т. В. Долгих

**PRACTICALITIES OF ACCOUNTING OF FINISHED GOODS AND THE WAYS OF ITS IMPROVING
IN THE RUSSIAN PRACTICE UNDER THE CONDITIONS OF TRANSITION TO THE IFRS**
T. V. Dolgikh

Статья написана по результатам проведенного исследования на примере ООО «Итатский нефтеперерабатывающий завод». В данной статье рассмотрены практические аспекты учета готовой продукции в ООО «Итатский нефтеперерабатывающий завод». Выводы, сформулированные в статье, направлены на совершенствование учета выпуска, отгрузки и реализации готовой продукции в ООО «Итатский нефтеперерабатывающий завод» в условиях перехода на международные стандарты финансовой отчетности.

The paper is based on the results of researching the example of ООО "Itatsky refinery". The paper discusses the practicalities of accounting of finished goods in ООО "Itatsky refinery". The author's conclusions address improving the accounting of manufacturing process, shipment and selling goods in ООО "Itatsky refinery" under the conditions of transition to the International Financial Reporting Standards.

Ключевые слова: готовая продукция, международные стандарты финансовой отчетности, российские положения по бухгалтерскому учету.

Keywords: finished goods, International Financial Reporting Standards, Russian Accounting Standards.

Выпуск готовой продукции для организаций сферы материального производства является важным условием эффективной предпринимательской деятельности, направленной на получение прибыли. Правильно организованный учет готовой продукции является основой формирования информационно-аналитической базы управления производственной деятельностью предприятия, включающей информацию, необходимую для формирования финансовых результатов за отчетный период.

При переходе на международные стандарты финансовой отчетности (далее МСФО) одним из проблемных участков учета на производственных предприятиях является учет порядка выпуска и реализации готовой продукции, поскольку от правильной оценки готовой продукции во многом зависит себестоимость реализованной продукции и чистая прибыль предприятия.

Приказом Минфина России от 30.11.2011 г. № 440, в целях повышения качества и доступности информации, формируемой в бухгалтерском учете и отчетности, а также совершенствования системы регулирования бухгалтерского учета и контроля качества бухгалтерской (финансовой) отчетности утвержден План Министерства финансов РФ на 2012 – 2015 годы по развитию бухгалтерского учета и отчетности в РФ на основе Международных стандартов финансовой отчетности. Одним из первых шагов в реализации данного Плана стало принятие нового Федерального закона от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете», который вступил в силу 01.01.2013 г. Введение данного федерального закона обусловило трансформацию многих сфер учетной деятельности. Закон установил единые требования к документированию и систематизации учетной и отчетной информации и составлению бухгалтерской (финансовой) отчетности, а также регламентировал правовой механизм регулирования бухгалтерского учета. Новым Законом введены принципиально новые положения, посвященные регулированию бухгалтерского учета, так, по ст. 20 Закона № 402-ФЗ регулирование бухгалтерско-

го учета осуществляется согласно принципам: соответствия федеральных и отраслевых стандартов потребностям пользователей бухгалтерской (финансовой) отчетности; единства требований к бухгалтерскому учету; использования Международных стандартов как основы для разработки федеральных и отраслевых стандартов [5].

Однако в настоящее время указанные выше федеральные, отраслевые стандарты и другие нормативные документы, предусмотренные Законом № 402-ФЗ еще находятся в стадии разработки. Поэтому в этот переходный период действуют ранее утвержденные Положения по бухгалтерскому учету, методические рекомендации и указания и прочие нормативные документы, что является существенным затруднением в вопросах учета для организаций, которые уже приняли решение перейти на МСФО с 01.01.2013 г.

Практическая часть данного исследования (по материалам которого написана статья) была выполнена с использованием материалов организации, осуществляющей деятельность в сфере нефтеперерабатывающей промышленности, – ООО «Итатский НПЗ», основным видом деятельности которого является переработка сырой нефти, получение готовой продукции и дальнейшая ее реализация.

Производственный процесс в данной организации осуществляется на основании технологического регламента.

Технологический процесс установки атмосферной перегонки нефти состоит из следующих стадий: подача сырья из сырьевых резервуаров; смешение сырья с промывной водой; предварительный нагрев сырья в теплообменниках; обессоливание и обезвоживание нефти; нагрев обезвоженного сырья в теплообменниках; нагрев сырья в конвективном змеевике печи; перегонка нефти в колонне; нагрев нефти в радиантном змеевике печи в качестве горячей струи колонны; нагрев нефти в радиантном змеевике печи для процесса ректификации в

атмосферной колонне; перегонка нефти в атмосферной колонне; охлаждение и откачка продукции с установки.

Перегонка нефти осуществляется в две ступени с применением колонны. В результате перегонки нефти в колонне получают: дистиллят нефтяной легкий; дистиллят нефтяной средний; мазут М-100; углеводородные газы.

В бухгалтерию организации ежедневно передаются данные по переработке сырья и выпуску готовой продукции за предыдущий день: количество переработанной нефти, количество затраченных реагентов, объем выпущенной и отгруженной готовой продукции в разрезе номенклатуры и контрагентов.

Далее рассмотрим действующий в настоящее время порядок отражения в бухгалтерском учете ООО «Итатский НПЗ» операций по переработке сырья, выпуску и отгрузке готовой продукции.

При поступлении сырья железнодорожные цистерны подаются на эстакаду для слива нефти в товарно-сырьевой парк (ТСП).

Дебет 10.01 Кредит 60.01 – поступило сырье от поставщика.

Дебет 19.03 Кредит 60.01 – выделен НДС.

Далее сырье подается на установку по переработке нефти (УПН) для перегонки и выпуска готовой продукции.

Дебет 20.01 Кредит 10.01 – передача сырья в переработку.

Дебет 20.01 Кредит 10.06 (реагенты – дипроксамин-157, аммиак водный ГОСТ 9-92).

Готовая продукция из УПН перекачивается в ТСП, и уже с ТСП продукция отгружается покупателям через пункт налива автоцистерн или ж/д эстакаду вагонами перевозчиков. Но прежде чем продать, необходимо знать себестоимость продукции.

Затраты, относящиеся к производству, в ООО «Итатский НПЗ» ведутся на счете 25 «Общепроизводственные расходы» с дальнейшим списанием на счет 20 «Основное производство».

Дебет 25 Кредит 76.05 – услуги прочих дебиторов и кредиторов.

Дебет 19.04 Кредит 76.05 – выделен НДС.

В состав общепроизводственных затрат входят: аренда НПЗ, услуги перевозчиков по железной дороге, заработная плата, услуги по охране объекта, электроэнергия, налоги от ФОТ и др.

На счет 25 «Общепроизводственные расходы» также относятся прочие материалы, используемые при осуществлении деятельности, например, ремонт оборудования хозяйственным способом.

Дебет 25 Кредит 10 (по субсчетам) – списаны материалы.

В конце отчетного месяца счет 25 «Общепроизводственные расходы» закрывается путем отнесения на счет 20 «Основное производство».

Дебет 20 Кредит 25 – закрытие счета.

Для нагрева печей ООО «Итатский НПЗ» использует продукцию собственного производства – мазут М-100. После того, как сформируется себестоимость продукции на счете 43 «Выпуск продукции (работ, услуг)», затраченное количество мазута М-100 перемещается на счет 10.03.1 «Топливо на складе» с дальнейшим списанием на счет 25 «Общепроизводственные расходы».

Поэтому приходится делать закрытие счетов учета дважды.

Дебет 10.03.1 Кредит 43 – перемещение топлива на склад.

Дебет 25 Кредит 20 – списание мазута М-100.

При закрытии этих счетов затраты распределяются пропорционально объему выпущенной продукции по видам, т. е. себестоимость одной тонны ДНЛ, ДНС и мазута М-100 – практически одинаковая.

Далее счет 20 «Основное производство» относится на счет 40 «Выпуск продукции (работ, услуг)», на котором формируется фактическая, учетная (плановая) себестоимость и отклонения в стоимости.

Дебет 20 Кредит 40 – выпуск продукции.

Ежемесячно в ООО «Итатский НПЗ» делается закрытие месяца и счет 40 «Выпуск продукции (работ, услуг)» закрывается с отнесением себестоимости продукции на счет 43 «Готовая продукция».

Дебет 40 Кредит 43 – сформирована себестоимость продукции.

Списание готовой продукции (при отгрузке, отпуске и т. д.) производится по учетной стоимости. Одновременно на счета учета продаж списываются отклонения, относящиеся к проданной готовой продукции (определяется пропорционально ее учетной стоимости).

Общая стоимость готовой продукции (учетная стоимость плюс отклонения) равна фактической производственной себестоимости этой продукции.

В ООО «Итатский НПЗ» готовая продукция со склада отпускается на основании доверенности покупателя, выписывается товарная накладная (ТОРГ-12).

Все первичные документы на отгруженную продукцию передаются в бухгалтерию для выписки расчетных документов (платежных требований, счетов).

При предварительной оплате выписывается счет, на основании которого покупатель перечисляет аванс за предстоящую отгрузку продукции. Кроме перечисленных первичных документов на отгружаемую готовую продукцию, поставщик ООО «Итатский НПЗ» оформляет счет-фактуру, используемую продавцом и покупателем для исчисления налога на добавленную стоимость. Счета-фактуры выписываются в двух экземплярах, первый из которых не позднее 5 дней с даты отгрузки продукции (товара) высылается (передается) покупателю, а второй остается у организации-поставщика для отражения в книге продаж начисления налога на добавленную стоимость, обязательно регистрируется в Журнале учета выставленных счетов-фактур.

Отгрузка готовой продукции отражается в учете следующими записями:

Дебет 62.01 Кредит 90.01.1 – реализована продукция покупателю;

Дебет 90.03 Кредит 68.02 – начислен НДС;

Дебет 90.02.1 Кредит 43 – списана фактическая себестоимость реализованной продукции.

В соответствии с технологическим регламентом, в процессе переработки нефти и получения готовой продукции образуются технологические потери. Потери могут быть нормативными и сверхнормативными.

В соответствии с пп. 3 п. 7 ст. 254 Налогового кодекса РФ предприятие должно обосновать и документально подтвердить размер технологических потерь. Размер учитываемых при расчете налога на прибыль

технологических потерь ООО «Итатский НПЗ» обосновывает соответствующим расчетом, который составляется с учетом особенностей производственного процесса. В нем организация определяет норматив образования отходов каждого конкретного вида используемых в производстве сырья или материалов, используя для этого отраслевые нормативные акты, расчеты и исследования технологических служб предприятия или иные лимиты, которые регламентируют ход технологического процесса. Первичным документом для учета потерь является технологическая карта производства, составленная главным технологом предприятия.

Согласно отраслевым инструкциям по бухгалтерскому учету затрат на производство продукции на счетах бухгалтерского учета безвозвратные отходы (потери) учитываются вместе с образующим их сырьем. Суммы технологических потерь ООО «Итатский НПЗ» принимает в уменьшение налогооблагаемой прибыли только в пределах обоснованных и документально подтвержденных нормативов.

Аналитический учет продаж, как и выпуска готовой продукции, ведется в разрезе наименований продукции. По каждому наименованию продукции отражается фактическая производственная себестоимость, управленческие расходы, расходы на продажу, начисленные налоги, поступившая выручка. Аналитический учет ведется в ведомости аналитического учета по счету 90 «Продажи».

Для синтетического учета выручки от продажи продукции, ее себестоимости и выявления финансовых результатов по основной деятельности ООО «Итатский НПЗ» используется синтетический счет 90 «Продажи». К счету 90 «Продажи» открываются субсчета 90.01.1 «Выручка», 90.02.1 «Себестоимость продаж», 90.03 «Налог на добавленную стоимость», 90.09 «Прибыль/убыток от продаж»; сведения по каждому субсчету отражаются за каждый отчетный период в накопительном порядке, и, следовательно, в течение года они не закрываются.

В данной работе мы не упоминаем про акцизы, так как номенклатура продукции, выпускаемая на ООО «Итатский НПЗ», не является подакцизной.

Все записи по счетам 43, 62, 90 и 99 производятся в регистре синтетического учета продаж готовой продукции, которым является журнал – ордер (ведомость по счету). В конце каждого месяца формируется общая оборотно-сальдовая ведомость по всем счетам учета и данные заносятся в Главную книгу для формирования налоговой и бухгалтерской отчетности.

Как было отмечено выше, в ООО «Итатский НПЗ» производственный процесс является непрерывным и ввиду непродолжительности технологического процесса производства и стабильности остатков сырья и материалов, в соответствии с Инструкцией по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятиях, утвержденной Приказом Минтопэнерго России от 17 ноября 1998 г. № 371 (в ред. изм. и доп.), остатки сырья и реагентов на начало и конец месяца учитываются на материальных счетах [3].

Таким образом, в ООО «Итатский НПЗ» сальдо по счету 20 «Основное производство» отсутствует. Сырье и реагенты, находящиеся в установке и трубопроводе на

конец отчетного периода, учитываются на счете 10.01 «Сырье и материалы».

В январе 2014 г. учредитель ООО «Итатский НПЗ» принял решение о переходе предприятия на Международные стандарты учета и отчетности с 01.01.2013 г. В процессе планирования такого перехода был утвержден план, с которым были ознакомлены все сотрудники, имеющие отношение к учету и отчетности. Переход на самостоятельную подготовку финансовой отчетности по МСФО в ООО «Итатский НПЗ» начат с формирования отдела по МСФО.

Проанализировав решение о создании в ООО «Итатский НПЗ» отдела по МСФО, считаем необходимым отметить, что решение о создании данного отдела без привлечения сторонних консультантов, по нашему мнению, может оказаться ошибочным. Проблема в том, что время, необходимое бухгалтеру для выполнения той или иной задачи, невозможно мимоходом выделить из уже действующего рабочего распорядка.

Мы считаем, что на данном, переходном этапе, можно воспользоваться услугами аутсорсинга. Рассмотрим преимущества и недостатки применения аутсорсинга, т. е. передачи непрофильных функций внешним специализированным фирмам на договорной основе, которые специализируются в конкретной области и обладают знаниями, опытом и соответствующим техническим оснащением. По нашему мнению, в данной ситуации аутсорсинг позволит ООО «Итатский НПЗ» получить выгоду от использования опыта и знания поставщика ресурса (процесса) и таким образом достичь более высокого качества и сократить расходы по сравнению со стоимостью выполнения данных процессов самой организацией. При передаче функций (на этапе перехода на МСФО) на аутсорсинг ООО «Итатский НПЗ» сможет сэкономить на расходах.

Однако, несмотря на очевидный эффект от передачи таких работ на аутсорсинг, мы предлагаем рассмотреть комбинированный вариант. По нашему мнению, структура, при которой в организации создается отдел с сотрудниками, обладающими хорошими знаниями российского бухгалтерского учета и базовыми знаниями МСФО (а в ООО «Итатский НПЗ» есть специалисты необходимого уровня), а также привлечение на определенном этапе независимого консультанта будет более оптимально. Мы считаем, что независимый консультант должен привлекаться на этапе формирования отчетности из обработанных специалистами отдела МСФО ООО «Итатский НПЗ» данных и решения методологических вопросов. В предложенном нами варианте консультант отвечает за подготовку отчетности, но большая часть технической работы производится внутри компании, что значительно снижает затраты на ее подготовку и позволяет не допускать к конфиденциальной информации «посторонних» лиц.

Специфика деятельности ООО «Итатский НПЗ» – переработка сырья и выпуск готовой продукции, а это означает, что при планировании и создании отдела по МСФО необходимо учитывать соответствующие особенности: наличие сложных технологических процессов, которые, в свою очередь, могут быть задействованы в параллельных производственных цепочках; переменные характеристики состава сырья и свойств готовой

продукции; непрерывный характер основных технологических процессов и т. д.

При этом для всех предприятий данной отрасли критически важен процесс производственного планирования и внутреннего контроля за данными операциями. В настоящее время в ООО «Итатский НПЗ» вопросами планирования и бюджетирования занимается руководитель, а вопросами внутреннего контроля занимается главный бухгалтер. Считаем, что на предприятии необходимо внести изменения в распределение должностных обязанностей между специалистами, отвечающими за контроль данных процессов сотрудниками, а именно, в целях контроля вопросов планирования производственного процесса, соблюдения технологического регламента и правил. Мы предлагаем рассмотреть несколько вариантов: создание экономического отдела с привлечением специалистов не только с экономическим образованием, но и с химическим в области нефтепереработки, или произвести перераспределение обязанностей между руководителем организации, главным бухгалтером и специалистами инженерного и экономических отделов.

Проанализировав вышеперечисленные варианты, считаем, что перераспределение должностных обязанностей на этапе создания отдела МСФО является наиболее оптимальным решением, и позволит усовершенствовать систему управления данными процессами и усилить функции внутреннего контроля за вопросами контроля процессов закупки, производства готовой продукции и ее реализации.

В ООО «Итатский НПЗ» учет ведется с использованием программы «1С: Предприятие 8.2». В настоящее время ведется работа по внедрению программного продукта «1С: Управление производственным предприятием 8» («1С: УПП 8») именно с целью составления финансовой отчетности по МСФО.

Считаем это положительным моментом, поскольку использование программы «1С: Управление производственным предприятием 8» позволит решить проблему ведения учета (особенно в переходный период) по двум стандартам (РСБУ и МСФО) с минимальными трудозатратами, так как бухгалтерская служба и многие другие пользователи уже овладели навыками работы в «1С: Предприятие 8.2», специального обучения работы в новой программе не требуется.

В практике Российских производственных предприятий используются различные бухгалтерские программы, позволяющие вести учет согласно РСБУ и МСФО, такие как «Инталев: Корпоративный менеджмент», «ИТАН: Управленческий баланс», «БИТ: МСФО 8», «1С: Управление производственным предприятием». Сравнивая эти информационные системы по функциональным и архитектурным параметрам, а также стоимости и количеству успешных внедрений, мы выявили ряд недостатков, а именно:

- «Инталев: Корпоративный менеджмент» является наиболее дорогим из всех перечисленных и достаточно трудоемким в настройке и внедрении;

- «ИТАН: Управленческий баланс» не интегрируется с учетными системами. Это серьезно усложняет использование такого продукта в крупных и средних компаниях;

- «БИТ: МСФО 8» не является самостоятельным решением, для работы необходимо наличие установлен-

ной конфигурации «1С: Бухгалтерия предприятия» версий ПРОФ и КОРП ред. 2.0 на платформе «1С: Предприятие 8.2».

«1С: Управление производственным предприятием 8» является комплексным прикладным решением, охватывающим основные контуры управления и учета на производственном предприятии. Продукт позволяет организовать комплексную информационную систему, соответствующую корпоративным, российским и международным стандартам и обеспечивающую финансово-хозяйственную деятельность компании. В части учета именно готовой продукции в конфигурации «1С: УПП 8» предлагается определенная структура Плана счетов, которая позволяет сформировать основные финансовые отчеты по МСФО. В ООО «Итатский НПЗ» в соответствии с п. 6 стандарта IAS2 «Запасы» в статью «Запасы» включены статьи, являющиеся разделами Плана счетов РСБУ «Производственные запасы», «Затраты на производство» в виде статьи «Затраты в процессе производства» и «Готовая продукция и товары». Часть информации, необходимой для составления финансовой отчетности по МСФО, находится в регистрах бухгалтерского учета. Трансляция проводок по хозрасчетному Плану счетов в подсистему МСФО будет осуществляться в соответствии с правилами, определяемыми пользователем системы. Эти правила в ООО «Итатский НПЗ» разработаны в соответствии с учетной политикой бухгалтерского и международного учета, а также в зависимости от хозрасчетного и международного Планов счетов. В случае возникновения необходимости переноса данных из регистров бухгалтерского учета (БУ) в регистры международного учета с точностью до субконто или до значения реквизита бухгалтерского Плана счетов в программе «1С: УПП 8» предусмотрена возможность настройки трансляции проводок с детализацией до этих значений. Более того, здесь может осуществляться трансляция движений отдельно по дебету и кредиту активно-пассивных счетов. Таким образом, большая часть данных попадает в регистры международного учета путем передачи данных из регистров бухгалтерского учета. Однако необходимо отметить, что такой подход может быть оправдан только в том случае, если отсутствуют отличия в отражении событий хозяйственной деятельности по правилам ведения российского и международного учета.

Изучение основных положений по бухгалтерскому учету и МСФО показывает, что таких расхождений достаточно много. Например, операции, связанные с приобретением товарно-материальных ценностей (ТМЦ) у поставщика или поступлением ТМЦ из производства, в обоих видах учета отражаются одинаково, а операции перемещения или выбытия – по-разному. Поэтому в программе «1С: УПП 8» себестоимость и количество поступивших ТМЦ, направление их выбытия определяются по данным российского бухгалтерского учета, а себестоимость выбытия – в соответствии с учетной политикой международного учета. Этот принцип распространяется на все ТМЦ, за исключением оборудования, для которого поддерживается метод списания по цене приобретения независимо от настроек учетной политики.

Принимая во внимание тот факт, что суммы списания ТМЦ по данным российского и международного

учета могут не совпадать из-за разных методов списания себестоимости, в конфигурации «1С: УПП 8» также предусмотрена возможность настройки формирования проводок по дебету и кредиту счетов ТМЦ.

Себестоимость продукции и полуфабрикатов, поступивших из производства, отражается в подсистеме МСФО с помощью специального документа «Расчет себестоимости выпуска», который позволяет рассчитать себестоимость ТМЦ, выбывших в том же отчетном периоде, в котором они были произведены. При этом в себестоимость включаются материальные затраты, зарегистрированные документами, предназначенными для ведения учета в соответствии с МСФО.

Поскольку в подсистему МСФО передаются все первичные документы, регистрирующие выбытие товарно-материальных ценностей в российском бухгалтерском учете, то в международном учете количество и состав выбывших товаров и материалов, дата и направления выбытия определяются на основании данных первичных документов бухгалтерского учета, а стоимость выбывших ТМЦ рассчитывается на основании данных международного учета в соответствии с методом списания и остатками материально-производственных запасов на момент выбытия.

Далее считаем необходимым упомянуть, что существуют различия при расчете себестоимости выпущенной продукции в российском и международном учете.

Так, в п. 12 МСФО (IAS) 2 «Запасы» говорится о том, что в стоимость выпускаемой продукции включаются прямые расходы на производство, а также постоянные и переменные накладные расходы (например, амортизация, расходы по ремонту производственного оборудования и т. п.). Распределение накладных расходов, согласно п. 13 МСФО (IAS) 2, происходит исходя из нормальных объемов производства. Если происходит уменьшение объемов производства, то величина накладных расходов, приходящихся на единицу продукции, не увеличивается. Сверхнормативные расходы признаются расходами периода, в котором возникли, и на себестоимость продукции отнесены быть не могут. Пользуясь программой «1С: УПП 8» для расчета себестоимости

выпущенной продукции, необходимо помнить о том, что в международном учете помимо счетов учета производственных затрат имеются еще и регистры учета затрат на производство, по данным которых и производится расчет себестоимости выпускаемой продукции. Содержание этих регистров необходимо тщательно проверять, поскольку большая часть информации о затратах на производство попадает в регистры в процессе переноса данных из российского бухгалтерского учета, и лишь незначительная часть формируется документами международного учета.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что при ведении учета по МСФО с помощью программы «1С: УПП 8» пользователю не требуется тратить много времени на ввод информации в регистры, хранящие данные для построения отчетов по МСФО, поскольку большая часть данных попадает туда благодаря трансляции из регистров бухгалтерского учета. Правила, по которым осуществляется перенос данных, настраиваются пользователем и в любой момент могут быть изменены. В заключение необходимо сказать, что еще одним важным преимуществом программы «1С: УПП 8» для ООО «Итатский НПЗ» является то, что конфигурация «Управление производственным предприятием» позволяет полностью контролировать производственные процессы от момента передачи материалов в производство до выпуска готовой продукции. Оперативно отслеживается выполнение производственной программы, выраженной в планах производства различной детализации – от укрупненных планов до посменных планов производства, а также до отдельных производственных заказов.

Внедрение предложенных выше мероприятий, по нашему мнению, позволит усовершенствовать не только систему учета готовой продукции и ее реализации в ООО «Итатский НПЗ» (в условиях перехода на МСФО) но и формировать наиболее полную и достоверную информацию о деятельности организации, повысить ее конкурентоспособность, интерес у заказчиков к данному предприятию и инвестиционную привлекательность ООО «Итатский НПЗ».

Литература

1. Демина И. Д. Применение МСФО (IAS) 2 «Запасы» в отечественной практике бухгалтерского учета // И. Д. Демина // Международный бухгалтерский учет. 2013. № 17. URL: <http://www.consultant.ru>
2. План Минфина России на 2012 – 2015 гг. по развитию бухгалтерского учета и отчетности в РФ на основе Международных стандартов финансовой отчетности // Приказ Минфина России от 30.11.2011 г. № 440 (в ред. от 30.11.2012 г.). URL: <http://www.consultant.ru>
3. Приказ Минтопэнерго РФ от 17 ноября 1998 г. № 371 «Об утверждении инструкции по планированию, учету и калькулированию себестоимости продукции на нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятиях»: по состоянию на 12.10.1999 г. URL: <http://www.consultant.ru>
4. Приказ Минфина РФ от 09 июня 2001 г. № 44н «Об утверждении Положения по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» (ПБУ 5/01)»: по состоянию на 25.10.2010 г. URL: <http://www.consultant.ru>
5. Российская Федерация. Законы. Федеральный закон РФ «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 г. № 402-ФЗ: [с изм. и доп. от 28.12.2013 г.]. URL: <http://www.consultant.ru>

Информация об авторе:

Долгих Татьяна Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры Бухгалтерского учета, анализа и аудита РЭУ им. Г. В. Плеханова, Кемеровский институт (филиал), dad6586@mail.ru.

Tatiana V. Dolgikh – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Accounting, Analysis and Audit, Kemerovo Institute(branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 09.07.2014 г.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ СТРАТЕГИИ ОРГАНИЗАЦИИ С ПОЗИЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ РАЗЛИЧНЫХ ПОДХОДОВ И МЕТОДОВ ИХ ПРОВЕДЕНИЯ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ КОНКРЕТНОГО ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

В. Н. Дружкова

ANALYSIS AND ASSESSMENT OF AN ORGANIZATION'S FINANCIAL STRATEGY FROM THE POSITION OF APPLYING DIFFERENT APPROACHES AND METHODS OF THEIR CONDUCTING AS EXAMPLIFIED BY A PARTICULAR ECONOMIC SUBJECT

V. N. Druzhkova

Функционирование организации в рыночных условиях, характеризующихся высокой степенью неопределенности, требует разработки финансовой стратегии, анализа и оценки ее эффективности. Основой для разработки финансовой стратегии является финансовый анализ. Существует в настоящее время много методов и подходов для оценки финансовой стратегии. Каждый метод отвечает определенным целям и задачам и поэтому основан на использовании различных критериев. Для выработки эффективной стратегии целесообразно применить комплексный подход в анализе, предполагающий использование различных групп показателей, отражающих различные стороны финансово-хозяйственной деятельности организации и позволяющих ее объективно оценить.

The functioning of an organization under market conditions characterized by a high degree of uncertainty requires developing a financial strategy, its analysis and assessment of its efficiency. Financial analysis is the basis for the development of such a strategy. At present there are a number of methods and approaches to financial strategy assessment. Every method serves definite goals and purposes and is therefore based on the use of different criteria. For efficient strategy development it is useful to apply a complex analysis approach supposed to employ various indices which reflect different aspects of business and financial organization performance and allow its objective assessment.

Ключевые слова: анализ, финансовая стратегия, финансовое состояние, показатели, методы, кризисная ситуация.

Keywords: analysis, financial strategy, organization, indices, financial position, profit, crisis conditions.

Для организаций, функционирующих в рыночных условиях, характеризующихся высоким уровнем неопределенности, чрезвычайно важна необходимость разработки финансовой стратегии, анализ и оценка ее эффективности. Финансовая стратегия организации выступает в качестве генерального плана действий хозяйствующего субъекта, направленного на:

- реализацию стратегических целей организации, обеспечивающих возрастание ее рыночной стоимости в перспективе;
- формирование конкурентных преимуществ организации во внешней среде;
- определение наиболее рациональных направлений инвестиционных вложений, позволяющих повысить рост конкурентных преимуществ организации на рынке;
- снижение финансового риска в процессе принятия стратегических финансовых решений.

Разработка финансовой стратегии обеспечивает эффективное распределение и использование всех ресурсов организации: финансовых, трудовых, материальных – и направлена на достижение устойчивого положения в рыночной среде. Оптимизация финансовой стратегии для любой организации является важным фактором успешного выживания ее в усложняющихся рыночных условиях. Основой для разработки финансовой стратегии является проведение анализа финансово-экономической деятельности организации, анализ и оценка уровня эффективности ее управления, выявление сильных и слабых сторон,

возможностей и угроз. Особая роль при этом отводится анализу финансового состояния.

В условиях рыночных отношений интенсивно растет спрос участников рыночной экономики (акционеров, инвесторов, кредиторов, других заинтересованных лиц) на информацию, которая дает им возможность не только оценить финансовое состояние организации, но и выявить признаки неплатежеспособности и финансовой устойчивости. Кроме того, возрастает необходимость использования различных методов по прогнозированию риска банкротства, а следовательно оценить целесообразность выбранной стратегии управления организацией.

В настоящее время существует много методик и подходов в оценке финансового состояния организации и уровня целесообразности разработанной и принятой финансовой стратегии. Каждый метод отвечает определенным целям и задачам и поэтому основан на использовании различных критериев, которые можно разбить на два вида:

- стратегические финансовые показатели, характеризующие достижение конечных результатов деятельности организации;
- диагностические показатели, позволяющие оценить процесс реализации стратегических показателей, на основе чего затем разрабатываются и принимаются решения по корректировке действующей стратегии с целью снижения финансового риска и эффективного использования финансовых ресурсов.

В последнее время говорят о недостаточности использования финансовых показателей в анализе и

оценке существующей финансовой стратегии, в частности показателя прибыли, считая, что этот показатель отражает результат прошлой деятельности. Однако нельзя согласиться с такой точкой зрения, поскольку финансовый анализ в качестве информации в основном использует данные финансовой отчетности (данные по уже свершившимся финансовым событиям), естественно он отражает результат уже свершившейся финансовой деятельности. В то же время анализ, проведенный в динамике, позволяет определить складывающуюся тенденцию в состоянии того или иного направления деятельности организации, на основе чего многие хозяйствующие субъекты выстраивают прогноз своего развития. Вместе с тем представляется важным в процессе анализа, при разработке финансовой стратегии использовать более широкий набор индикаторов, отражающих деятельность организации, учитывая при этом как внутренние, так и внешние факторы, влияющие на их уровень. На сегодняшний момент нет единых нормативных оценок показателей деятельности организаций. Наличие многовариантности предлагаемых в литературе [1; 3] и используемых на практике показателей обусловлена разнообразием целей, задач, субъектов и объектов анализа и оценки деятельности организаций. Как показывает анализ, использование тех или иных показателей зависит от многих факторов: отраслевой и региональной принадлежности анализируемой организации, ее интересов, степени возможности использования всей учетно-аналитической информации, существующих принципов кредитования, сложившейся структуры формирования капитала и ряда других. Представляется целесообразным в ходе анализа и оценки финансового состояния и финансовой стратегии организации использовать не один интегральный показатель, а комплексную систему показателей, благодаря которой возможна достоверная оценка деятельности организации, результаты которой формируются под влиянием различных внешних и внутренних факторов. Необходимо отметить, что между многими финансовыми показателями прослеживается заметная связь и что они отражают одну и ту же сторону экономического процесса. Это можно проследить на результатах анализа конкретного хозяйствующего субъекта ОАО «Кемеровский молочный комбинат» (КМК).

Если рассматривать группы показателей, характеризующих финансово-экономическое состояние организации, то их можно разбить на ряд блоков.

Первый блок отражает результаты производственно-сбытовой деятельности организации (это объем выпуска и реализации продукции или объем предоставляемых услуг, их рост, ресурсные возможности организации, реализация модели достижимого роста предприятия). Анализ показывает, что за прошедшее пятилетие КМК увеличило выпуск и реализацию продукции на 66 %. Прослеживается положительная сбытовая политика (отсутствуют сверхнормативные запасы готовой продукции). Увеличение выпуска продукции произошло в основном за счет роста производительности труда. Однако отрицательное значение на выпуск продукции оказало повышение материало-

кости и снижение фондоотдачи. Несомненно, улучшение этих показателей способствовало бы увеличению выпуска продукции и ее реализации.

Второй блок отражает финансовые результаты деятельности организации и включает себестоимость и затраты на рубль продукции; прибыль и ее рост в динамике; уровень и направления использования прибыли (выбор политики капитализации или дивидендной политики); уровень рентабельности (продаж, капитала, моделирование которого возможно с помощью модели Дюпона, которая позволяет оценить эффективность деятельности организации не только с точки зрения рентабельности продаж, но и эффективного использования внеоборотных и оборотных активов, а кроме того, проследить влияние различных факторов на уровень этого показателя). Анализ порядка формирования рентабельности активов и рентабельности собственного капитала позволяет организации выявить направления повышения прибыли (снижение затрат на рубль продукции за счет опережающих темпов выпуска продукции по сравнению с темпами затрат, увеличения скорости оборота активов). Анализ показал, что организация резко снизила показатели чистой прибыли (убыток составил к концу анализируемого периода 45 млн руб.). Причиной такой ситуации явился резкий рост себестоимости продаж почти в 2,5 раза, тогда как выручка выросла только на 66 %. Причинами резкого роста себестоимости явился рост материальных затрат, а именно рост затрат на электроэнергию составил 2,13 раза, вследствие чего затраты на рубль продукции оказались выше критического уровня, выше 1-го рубля. Что касается показателя рентабельности продаж и рентабельности активов и собственного капитала, рассчитанных по чистой прибыли, то они имеют отрицательное значение. В этом случае говорить о капитализации прибыли и дивидендной политике не приходится. Скорее всего – это признак финансовой напряженности, надвигающегося финансового кризиса.

В третий блок целесообразно включить показатели, характеризующие имущественное состояние организации и эффективность его использования, показатели, характеризующие деловую активность организации, эффективность использования активов: фондоотдача, фондоемкость основных фондов; возможности их высвобождения в результате повышения фондоотдачи; возможности высвобождения оборотных средств в результате ускорения оборачиваемости, и на этой основе определение возможного получения прибыли. В основе формирования показателя фондоотдачи, как и коэффициента оборачиваемости оборотных средств и длительности их оборота, лежит выручка от реализации продукции. По данным анализа наблюдается спад фондоотдачи к концу анализируемого периода. Причиной такого состояния явились опережающие темпы роста стоимости основных фондов по сравнению с темпами выручки от реализации продукции. Та же причина заложена и в снижении коэффициента оборачиваемости и удлинении сроков длительности оборота оборотных средств, которые растут быстрее чем выручка от реализации. Выявлено, что в составе оборотных средств КМК наиболь-

ший удельный вес занимает дебиторская задолженность, которая увеличилась в конце анализируемого периода почти в два раза. Именно это обстоятельство явилось причиной увеличения сроков оборачиваемости оборотных средств, что свидетельствует о низкой политике управления оборотными средствами организации, в частности дебиторской задолженностью.

В четвертом блоке целесообразно сосредоточить показатели, характеризующие источники формирования имущества (достаточность собственных и целесообразность привлеченных, заемных источников, уровень эффекта финансового рычага (ЭФР), который показывает сумму процентов увеличения собственного капитала за счет привлечения организацией заемных средств. ЭФР состоит из трех элементов: дифференциала, определяемого как разность между рентабельностью совокупного капитала и ставкой процента за кредит; плеча заемного капитала ЗК/СК; налогового корректора, определяемого как разность между единицей и ставкой налога на прибыль. Необходимо учесть, что до тех пор, пока рентабельность вложений в активы будет превышать плату за заемные средства, т. е. дифференциал положителен, рентабельность собственного капитала будет расти быстрее, чем соотношение ЗК/СК, в противном случае будет расти риск неплатежеспособности организации, снижение которого может быть достигнуто регулированием финансовых издержек). Анализ источников формирования имущества КМК показал, что собственные источники организации к концу анализируемого периода снизились на 5,8 % и составили 18,2 %, тогда как заемные средства составляют 81,80 %, из них долгосрочные обязательства составляют 32,54 %, а краткосрочные – 49,46 %. Необходимо отметить, что оборотные активы полностью сформированы за счет краткосрочных пассивов. Коэффициент обеспеченности собственных оборотных средств имеет отрицательное значение. При этом на формирование внеоборотных активов полностью потрачен собственный капитал, долгосрочные пассивы и 15,6 % краткосрочных пассивов. Отсутствие собственных оборотных средств организации свидетельствует о критической ситуации в организации. Расчеты эффекта финансового рычага за весь отчетный период показали его отрицательное значение, что усугубляет финансовое состояние организации и свидетельствует о рискованной политике управления заемными средствами.

Пятый блок охватывает показатели, характеризующие финансовое состояние организации (определение ликвидности баланса через систему неравенств, расчет и оценка показателей платежеспособности, ликвидности и финансовой устойчивости). Коэффициентный анализ платежеспособности, ликвидности и финансовой устойчивости позволяет определить причины и факторы благополучного или кризисного состояния организации. Наиболее важна для организации, как показывают исследования, ее способность наиболее ликвидными активами погашать наиболее срочные обязательства, а также возможность постоянными пассивами покрывать трудно реализуемые активы. Ни одно из указанных условий на КМК к концу анализируемого периода не выполняется. Од-

ной из важных составляющих финансового состояния организации является анализ денежных потоков, их сбалансированность, способность организации генерировать чистый денежный поток, рост которого благоприятно сказывается на финансовой устойчивости организации. Результаты анализа свидетельствуют о дефиците чистого денежного потока организации, что также указывает на рискованный характер управления финансами. Для оценки финансового уровня безопасности организации используется интегральный метод анализа, расчет критерия Альтмана, выступающего в качестве инструмента, позволяющего прогнозировать возможности наступления банкротства.

Анализ ликвидности баланса КМК на основе составленной системы уравнений свидетельствует о его неликвидности и о его неудовлетворительной структуре к концу анализируемого периода. Рассчитанные показатели ликвидности и финансовой устойчивости к концу анализируемого периода показали низкие значения и несоответствие нормативным значениям. Определение вероятности наступления банкротства в КМК с помощью пятифакторной модели Альтмана указывает на высокую вероятность банкротства.

Для обеспечения большей объективности результатов анализа о наступлении кризисной ситуации в КМК было применено лингвистическое описание степени риска банкротства в анализируемой организации, осуществленное с помощью модели нечетких множеств (2). Нечетко-множественная модель описывает состояние предприятия с помощью количественных и качественных факторов финансового анализа. Нечеткое описание в структуре метода анализа риска появляется в связи с неуверенностью в ходе различного рода классификаций «0», когда сложно разграничить понятия «высокой» и «максимальной» вероятности или провести границу между средним и низким уровнем значения параметра. Формирование нечетко-множественной модели происходит следующим образом: на первом этапе вводятся три совокупности лингвистических переменных и соответствующие нечеткие множества, характеризующие «состояние предприятия», «риск банкротства», «уровень показателя»; на втором этапе вводится набор отдельных показателей, которые оценивают риск банкротства с одной стороны и показатели деловой активности организации с другой стороны; на третьем этапе определяется значимость показателей. Результаты анализа по модели нечетких множеств указывают на высокую степень банкротства КМК и подтверждают ранее сделанные расчеты и выводы.

Для оценки финансовой стратегии организации, сложившейся в 2013 г. на КМК, была использована матрица финансовых стратегий Франсона и Романа. В качестве параметров матрицы выступают три комплексных показателя. Первый финансовый показатель – Результат хозяйственной деятельности предприятия (РХД) = прибыли до уплаты налогов и процентов – изменение ФЭП (финансово эксплуатационные потребности) – Производственные инвестиции + Обычные продажи имущества. Финансово эксплуатационные потребности (ФЭП) = Запасы + Дебиторская задолженность – Кредиторская задолженность.

Второй комплексный финансовый показатель – Результат финансовой деятельности (РФД) = Изменение заемных средств – Финансовые издержки по заемным средствам – Налог на прибыль – (Дивиденды + Другие доходы финансовой деятельности).

Третий финансовый показатель – Результат финансово-хозяйственной деятельности:

$$(РФХД) = РФД + РХД.$$

По результатам расчета показателя РФХД построена матрица финансовых стратегий, сложившихся на КМК в 2013 г. Из матрицы, представленной на рис. 1, следует, что организация находится в квадран-

те «Кризис», свидетельствующем о проблемах организации.

Таким образом, все методы и подходы, используемые при анализе финансово-хозяйственной деятельности КМК, подтвердили неблагоприятное действие выбранного варианта финансовой стратегии на конец анализируемого периода и что организации следует выработать ряд корректирующих мероприятий по улучшению действующей финансовой стратегии с целью вывода организации хотя бы на первом этапе в состояние устойчивого равновесия.

	<i>РФД</i>	<i>РФД≈0</i>	<i>РФД</i>
<i>РХД</i>	1. «Отец семейства» $РФХД≈0$	4. «Рантье» $РФХД>0$	6. «Материнское общество» $РФХД>0$
$РХД≈0$	7. «Эпизодический дефицит» $РФХД<0$	2. «Устойчивое равновесие» $РФХД≈0$	5. «Атака» $РФХД>0$
<i>РХД</i>	9. «Кризис» $РФХД<<0$	8. «Дилемма» $РФХД<0$	3. «Неустойчивое равновесие» $РФХД≈0$

Рис. 1. Матрица финансовой стратегии ОАО «КМК»

Литература

1. Баканов М. И., Мельник Н. В., Шеремет А. Д. Теория анализа хозяйственной деятельности: учебник. 5-е изд. // Финансы и статистика. 2011. 565 с.
2. Недосекин О. А. Методологические основы моделирования финансовой деятельности с использованием нечетко-множественных описаний: автореф. ... д-ра экон. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/metodologicheskie-osnovy-modelirovaniya-finansovoi-deyatelnosti-s-ispolzovaniem-nechetko-mno>
3. Шеремет А. Д. Комплексный анализ хозяйственной деятельности. М.: ИНФРА-М, 2011. 352 с.

Информация об авторе:

Дружкова Валентина Николаевна – кандидат технических наук, доцент Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Кемеровский институт (филиал), kafedraba@mail.ru.

Valentina N. Druzhkova – Candidate of Technical Science, Assistant Professor at Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 05.07.2014 г.

ТРУДОВАЯ МОТИВАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАЧЕСТВО ЖИЗНИ РАБОТНИКОВ

Г. В. Скрипникова, Г. С. Ширманова

LABOUR MOTIVATION AS LIFE QUALITY ESTIMATION FACTOR

G. V. Skripnikova, G. S. Shirmanova

В статье рассматриваются теоретические и методические подходы к мотивации трудового поведения работников. Исследуются проблемы мотивации и стимулирования труда в контексте уровня и качества жизни населения. Определяется влияние трудовой мотивации на качество жизни работников.

The paper summarises theoretical and practical approaches to labour motivation as an aspect of life quality and its contextual review. Labour motivation impact on life quality is studied.

Ключевые слова: мотивация труда, механизмы мотивации трудового поведения работников, уровень жизни, качество жизни, качество трудовой жизни, удовлетворенность трудом, стимулирование труда и механизмы стимулирования.

Keywords: labour motivation, level of life, quality of life, quality of labour life, motivation and labour satisfaction, stimulation mechanisms.

Проблемы трудовой мотивации в любой социально-экономической системе являются актуальными, так как именно мотивация трудовой активности определяет конечные результаты деятельности экономических субъектов – как самих работников, так и предприятий.

Несмотря на большой интерес ученых к проблеме мотивации труда, не все его аспекты в достаточной степени изучены. Наиболее актуальными являются исследование проблем мотивации труда в контексте уровня и качества жизни населения, а также влияние мотивации на повышение качества трудовой жизни работников. В настоящее время недостаточное внимание уделяется изучению глубинных социальных последствий, к которым приводит общее снижение трудовой активности работников, вызываемое не только субъективными, но и объективными причинами.

Качество трудовой жизни (КТЖ) – это интегральное понятие, всесторонне характеризующее уровень и степень благосостояния, социального и духовного развития человека через его деятельность в организации [15, с. 115].

Модели мотивации повышения качества жизни и трудовой деятельности работников как в России, так и в других странах, строятся таким образом, чтобы максимально побудить индивида или коллектив к деятельности по достижению личных и коллективных целей. Современная практика показывает, что резервов для повышения качества жизни в ближайшей перспективе достаточно, но они используются не в полной мере. Это объясняется следующим:

- во-первых, на современном этапе развития экономики недостаточно четко обозначен механизм управления мотивацией трудовой деятельности, как следствие и повышением качества жизни работников;

- во-вторых, среди основных показателей качества трудовой жизни выделяют уровень заработной платы и ее дифференциацию по отраслям. На сегодняшний день в ряде отраслей до 40 % работающих получают заработную плату ниже прожиточного уровня, и наблюдается резкая дифференциация в

уровнях оплаты труда руководителей и рядовых работников;

- в-третьих, на качество жизни оказывают влияние условия труда и безопасность труда. На современных предприятиях это одна из насущных проблем, которым должно уделяться достаточное внимание со стороны руководства, однако в трудовой деятельности на предприятиях России практически не учитываются;

- в-четвертых, за последние годы на предприятиях резко возрос уровень производственного травматизма и профессиональных заболеваний, что также привело к снижению качества жизни;

- в-пятых, повышению уровня КТЖ способствует создание условий для развития личности работника, роста его профессиональной квалификации, самовыражения и самостоятельности в принятии решений.

Акцентируя внимание на необходимости разработки систем мотивации, в основу которых закладываются определенные процедуры и правила, с помощью которых достигается конечная цель мотивационной системы – повышение жизненного уровня работников, нельзя не замечать, что эффективность мотивации проявляется на каждом предприятии или фирме с учетом их специфических особенностей [4, с. 4].

Процесс формирования трудовой мотивации очень сложный и остается все еще до конца не изученным. Но это не мешает строить вполне работоспособные системы мотивации, исходящие из упрощенного понимания сути этого процесса. В отечественной экономической литературе бытовали различные подходы к трактовке трудовой мотивации. В широком смысле слова мотивация представляет собой побуждение к активности деятельности субъекта (личности, социальной группы, общности людей), связанное со стремлением удовлетворить определенные потребности [10, с. 27]. В условиях трудовой деятельности такое стремление в обязательном порядке осознается работником и заставляет действовать определенным образом, поэтому некоторыми учеными трудовая мотивация рассматривается как осознаваемая потреб-

ность в достижении определенных благ, желательных условий трудовой деятельности.

Необходимо отметить принципиальную многозначность термина «трудовая мотивация», в которой воплотились как разные методологические подходы, так и различные культурологические модели управления в организациях.

Большинство авторов в области экономики, социологии и менеджмента едины в понимании трудовой мотивации. Они определяют мотивацию как «процесс побуждения себя и других к деятельности для достижения личных целей или целей организации» [12, с. 85]. Ряд исследователей сущности понятия «мотивация» склоняются к ее трактовке как «определенной совокупности внешних и внутренних сил или побуждений к какой-либо деятельности» [2, с. 217]. Не менее развито и представление о трудовой мотивации как «о структурном элементе самосознания работника, как о системе мотивов» [3, с. 24].

Интересным, на наш взгляд, является подход к понятию «мотивация» И. П. Поварича и Б. Г. Прошкина. Они отмечают, что «мотивация – это сложный процесс смыслообразования поведения человека, представляющий собой взаимодействие объективных и субъективных моментов, в той или иной степени изменяющих и формирующих поведение» [9, с. 23].

По мнению В. И. Бовыкина, «мотивация – это создание таких регулирующих трудовые отношения условий, в рамках которых у работника появляется потребность самоотверженно трудиться» [1, с. 157].

В условиях рыночной экономики целесообразно выделить двух основных форм мотивации [13, с. 15]:

- активная форма: разнообразные формы денежного и неденежного материального стимулирования труда, тесно увязанные с конечными результатами труда каждого наемного работника, коллективов структурных подразделений, что дает согласованность и синхронность взаимодействия коллектива предприятия в целом в достижении высоких конечных результатов: объем производства, прибыль, себестоимость, качество продукции и ее конкурентоспособность;

- пассивная форма: создание условий для высокопроизводительного труда (спецодежда, специальное питание, инструмент, санитарно-гигиенические условия и т. д.).

Проанализировав содержание мотивации труда в условиях перехода к рыночной среде можно выделить следующие ее особенности [13, с. 13 – 24]:

- во-первых, с переходом к рыночной модели хозяйствования, в условиях многообразия форм собственности, происходит трансформация потребностей, изменяется состав мотивов, определяющих направление деятельности работника;

- во-вторых, от того, кому будут принадлежать средства производства, результаты труда работника, в чьих интересах и каким образом они реализуются, зависит степень мотивированности работника. Для создания эффективного мотивационного механизма необходимо, чтобы укрепление центральной власти опиралось на надежный экономический фундамент прав собственности с гарантией его защиты.

Формируя трудовую мотивацию в желательном направлении, субъект управления пользуется, как известно, двумя типами воздействий на работников: непосредственным и опосредованным. Непосредственное управленческое воздействие осуществляется двумя способами. Первый способ, который в научной литературе по управлению обозначается видом прямой мотивации, представляет собой непосредственное воздействие субъекта управления на личность работника, его систему ценностей и норм поведения методами убеждения, внушения и психологического заражения, агитации, увлечения собственным примером и пр. К числу достоинств данного метода мотивации можно отнести: улучшение отношений между руководителем и подчиненными; развитие в коллективе отношений сотрудничества, доверия, открытости, самостоятельности, самоконтроля [3, с. 36]. Кроме того, такая форма воздействия на трудовое поведение работников естественна, проста, не требует специальных научных методов.

Для оперативного управления характерен другой способ непосредственного воздействия на работников, который в литературе обозначается видом властной, или принудительной, мотивации. Ее сущность заключается в сознательном использовании субъектом управления формальных отношений в системе «руководства – подчинения», когда перед работником ставится угроза наказания в случае невыполнения требований, предъявляемых руководителем. Способы осуществления властных воздействий хорошо известны, это – приказы, распоряжения, требования, угрозы. Они широко применяются в управленческой практике из-за своих очевидных достоинств: простоты в использовании, оперативности и экономичности. Но также очевидны и недостатки использования властных методов управления: растет иерархичность и формальность отношений между руководителем и подчиненными, в коллективе начинает преобладать статусное деление, кастовость, развивается конфронтация, сдерживается инициатива и развитие подчиненных [10, с. 18].

Среди других методов мотивации стимулирование отличается тем, что оно формирует мотивы поведения объектов управления с помощью внешних к нему обстоятельств, способных удовлетворить те или иные потребности и которые контролируются субъектом управления. Стимулирование представляет собой тип опосредованного управленческого воздействия на трудовое поведение работников. Отличительной особенностью стимулирования по сравнению с методами и средствами прямой и властной мотивации является то, что при нем поведение человека регулируется посредством воздействия не на саму личность, а на условия ее жизнедеятельности, на внешние по отношению к личности обстоятельства, порождающие определенные интересы и потребности.

В современной социально-экономической литературе наблюдается неоднозначность подходов к исследованию стимулирования труда. Многие зарубежные авторы рассматривают вопросы стимулирования труда с позиции рыночных моделей формирования оптимальных размеров денежного поощрения (модель конкуренции, модель монополии одного покупателя,

модель с учетом действия профсоюзов, модель двусторонней монополии и др.) [14, с. 310]. Последователи такого подхода имеются и среди отечественных ученых, однако работы данных авторов по проблемам нестабильных условий и факторов стимулирования труда, на наш взгляд, встречаются крайне редко [7, с. 13].

Некоторые авторы полностью отождествляют стимулирование труда с трудовой мотивацией через аналогичные классификации трудовых мотивов и стимулов или через смешивание внутренней и внешней сторон воздействия на труд работника.

Нам думается, что изолированное изучение отдельных проблем стимулирования труда различными экономическими науками, ограниченная разработка теоретических и практических вопросов стимулирования производства и его влияния на трудовую деятельность работников не позволяют создать полного, комплексного и системного представления о стимулировании труда.

Системный подход к исследованию стимулирования наемного труда должен определить внутреннее содержание данного понятия в меняющихся социально-экономических условиях. Прежде всего система стимулирования труда должна обладать основными характерными признаками: целостностью и структурностью своих составляющих. Следовательно, авторы считают, что система представляет собой определенную совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимовлияющих элементов единого целого, которая при активном взаимодействии с внешней средой меняет свою структуру, не нарушая целостности. Именно в связи с этим представляется необходимым разработать теоретические основы, а затем и методологические подходы к построению системы стимулирования труда наемного персонала.

Среди отечественных экономистов отсутствует единая точка зрения на структуру системы стимулирования. Некоторые под стимулированием подразумевают [13, с. 32]:

– систему мер принуждения, реализуемую через прямое воздействие (планирование, директивные акты, санкции);

– условия (материально-техническое снабжение, наличие кадров необходимой квалификации, производственные мощности и т. д.);

– систему поощрения. При этом указанные виды воздействия существуют исключительно во взаимосвязи. Однако данная система ограничена системой трудовых стимулов и не дает представления об их взаимосвязях с другими элементами стимулирования.

На наш взгляд, разработка системы стимулирования труда требует учесть следующие характеристики:

1) механизм стимулирования трудовой деятельности, в том числе:

– уровни стимулирования труда; трудовая мотивация;

– система трудовых стимулов;

– критерии оценки результатов и затрат труда работника;

– зависимость между оценкой трудовой деятельностью и соответствующим поощрением;

2) факторы стимулирования труда (стимулирующей ситуации);

3) принципы стимулирования труда;

4) методику исследования и разработки системы стимулирования труда.

Современный подход к изучению проблемы трудового стимулирования представляется в выделении и взаимосвязи, с одной стороны, системы стимулов, с другой – системы мотивов и потребностей, на удовлетворение которых направляются эти стимулы. Стимулирование является эффективным в той степени, в какой эти две системы органично сочетаются, поэтому для предприятия основная задача состоит в таком воздействии стимулами на потребности работника, которое вызвало бы целесообразное для первого трудовое поведение [5, с. 46].

По нашему мнению, традиционный механизм стимулирования труда работника предприятия в отечественной экономической литературе был представлен довольно упрощенно по числу структурных элементов (рис. 1), что объясняется формальной ориентацией трудовых стимулов, применяемых предприятием, на трудовую мотивацию работника вплоть до 90-х годов.

Рис. 1. Традиционный механизм стимулирования труда работника на предприятии

Представление о стимулировании труда и трудовой мотивации возникает при попытке объяснения внутренней сущности и характера внутренних и внешних побудительных сил трудовой деятельности, а не только изучения ее внешнего проявления – трудового поведения работников.

Взгляд отечественных ученых на проблему стимулирования труда поднимает вопросы адекватности и оценки влияния внутренних и внешних побудительных сил. Так, И. М. Попова рассматривает стимулирование труда как «сознательное побуждение людей к определенным действиям, соответствующим целям субъекта управления» [4, с. 5].

И. Я. Обломская под стимулированием труда подразумевает «систему сознательно организуемых

форм и методов воздействия на коллективы и отдельных работников для обеспечения их заинтересованности в высокой производительности труда» [13, с. 34].

С точки зрения дальнейшего развития теории и практики стимулирования в рыночной экономике целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть выделение видов и форм организации стимулирования, обоснованное И. П. Поваричем и Б. Г. Прошкиным [10, с. 26].

По нашему мнению, в условиях рынка механизм стимулирования труда должен четко определять позиции и взаимосвязь субъектов собственности и труда в системе стимулирования, поэтому предлагаем увеличить число элементов и уровней традиционного механизма стимулирования труда (рис. 2).

Рис. 2. Механизм стимулирования труда наемного работника на предприятии в условиях рынка

В условиях рынка основной интерес наемного работника, на наш взгляд, – это достижение высокого уровня жизни за счет более выгодных условий реализации своего труда. Разумеется, что у собственника предприятия в условиях рынка имеются свои личные интересы насчет организации трудовой деятельности и ее конечных результатов – увеличения прибыли. Поэтому предлагаемый нами механизм стимулирования учитывает интересы собственника. Именно от владельца предприятия и проводимой им на предприятии политики стимулирования труда зависит успешное согласование и единение интересов различных субъектов, поскольку различные категории наемных работников имеют неравные возможности для достижения компромисса с собственником. Владелец предприятия самостоятельно определяет условия и содер-

жание системы стимулирования наемного работника, устанавливая разумное соотношение принуждения и поощрения в своих личных интересах и достигая через стимулирование труда единства всех интересов.

Система личных ценностей жизни и ценностных ориентаций наемного работника сугубо индивидуальна и формируется под влиянием различных причин. В условиях рынка на предприятии этими причинами, по нашему мнению, становятся:

- 1) юридические и социально-правовые нормативы, провозглашенные государством и обязательные для выполнения на предприятии его владельцем;
- 2) положения коллективно-трудовых соглашений различных уровней;
- 3) административные и нормативные документы и распоряжения, утвержденные владельцем предпри-

ятия (подразумевается их реализация в рамках государственных и коллективно-договорных норм);

4) основные направления проводимой владельцем политики социально-экономического развития коллектива работников сообразно финансовым возможностям предприятия.

Интересы, ценности и ценностные ориентации наемного работника могут меняться в результате сложившихся условий труда и обуславливают его реакцию на систему стимулов, используемую собственником предприятия.

Литература

1. Бовыкин В. И. Новый менеджмент. Решение проблем управления. Повышение в десятки раз темпов роста капитала. М.: Экономика, 2004. 368 с.
2. Виханский О. С., Наумов А. И. Менеджмент: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Экономистъ, 2006. 670 с.
3. Волгина О. Н. Мотивация труда персонала предприятия: учебное пособие. М.: Наука, 2007. 156 с.
4. Заказнов А. Система мотивации и оплаты труда как один из ключевых факторов успешной деятельности организаций // Мотивация и оплата труда. 2010. № 2. URL: <http://grebennikon.ru/article-w1f9.html> (дата обращения: 16.02.2014).
5. Кибанов А. Концепции мотивации и стимулирования трудовой деятельности // Кадровик. Кадровый менеджмент. 2008. № 5.
6. Кониная И. А. Мотивация персонала: привлечение, удержание и эффективный труд // Мотивация и оплата труда. 2007. № 2. URL: <http://grebennikon.ru/article-pjff.html> (дата обращения: 16.02.2014.)
7. Кузнецова Е. А. Мотивация работников сферы обслуживания как фактор повышения производительности труда: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Н. Новгород, 2005. 24 с.
8. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М.: Дело, 2009. 672 с.
9. Поварич И. П., Прошкин Б. Г. Основы теории и практики стимулирования труда: учебное пособие. Кемерово: КемГУ, 2005. 88 с.
10. Поварич И. П., Прошкин Б. Г. Стимулирование труда. Системный подход. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 2006. 193 с.
11. Социологический энциклопедический словарь: на русском, английском, немецком, французском и чешском языках / ред.-коорд. академик РАН Г. В. Осипов. М.: НОРМА, 2000. 488 с.
12. Сушкина А., Игнатов Н. Мотивация к труду // Человек и труд. 2006. № 5.
13. Фишук Г. В. Совершенствование материального стимулирования труда наемных работников: на примере угольных разрезов Кузбасса: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05. Кемерово, 2004. 195 с.
14. Шапиро С. А. Влияние удовлетворенности трудом на эффективную мотивацию персонала // Путеводитель предпринимателя. 2012. № 16.
15. Шлендер П. Э., Кокин Ю. П. Экономика труда: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Магистр, 2010. 686 с.

Информация об авторах:

Скрипникова Галина Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов Беловского института (филиала) КемГУ, fgv2003@mail.ru.

Galina V. Skripnikova – Candidate of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Finances, Belovo institute (branch) of Kemerovo State University.

Ширманова Гузаль Самигуллаевна – старший преподаватель кафедры финансов Беловского института (филиала) КемГУ, Minigulova_GS@mail.ru.

Guzyal S. Shirmanova – Senior Lecturer at the Department of Finances, Belovo institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.06.2014 г.

УДК 336.1:352(571.17)

ПРОБЛЕМЫ ФИНАНСОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНА: ПУТИ РЕШЕНИЯ

А. Г. Чупрякова

PROBLEMS OF FINANCIAL SECURITY OF THE REGION'S LOCAL GOVERNMENTS' ACTIVITIES: WAYS OF SOLUTION

A. G. Chupryakova

В статье исследованы проблемы финансового обеспечения деятельности местного самоуправления. На примере муниципальных образований сельских поселений Беловского района Кемеровской области показана возможность решения данной проблемы путем их объединения. Сделан вывод, что в рамках существующего законодательства это один из путей повышения финансового обеспечения деятельности местного самоуправления.

The paper investigates the problems of the financial security of local government activity. With the example of municipal rural settlements of Kemerovo Region's Belovo District, the author demonstrates the possibility of solving these problems by amalgamating. Conclusion is drawn that under existing legislation it is one of the ways of improving the financial security of local governments.

Ключевые слова: местное самоуправление; финансовое обеспечение; укрупнение муниципальных образований; бюджет муниципального образования; сельские поселения.

Keywords: local government; financial security; amalgamation of municipalities; municipal budget; rural settlements.

В Федеральный закон от 06 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» за прошедшее десятилетие в перечень местных вопросов, подлежащих решению органами местного самоуправления, было внесено ряд изменений и дополнений. Это должно было повлечь за собой изменения финансового обеспечения муниципальных образований для осуществления функций и полномочий местного самоуправления. На практике существенных изменений в области финансового обеспечения не только не последовало, но в некоторой части положение усугубилось.

Кроме вопросов местного значения, закрепленных вышеуказанным законом, муниципальные образования выполняют отдельные государственные полномочия. В этой связи наличие достаточной собственной финансовой базы для исполнения закрепленных полномочий и функций является обязательным условием эффективной деятельности органов местного самоуправления. Основными источниками формирования собственной финансовой базы являются местные налоги: земельный налог и налог на имущество физических лиц, на долю которых приходится около 3 % доходов местных бюджетов. Это налоги, имеющие низкую собираемость, что привело к значительным потерям налоговых поступлений и резкому снижению собственных доходов.

Очевидно, что обозначенных источников явно недостаточно для обеспечения расходных обязательств муниципальных образований. В результате многие полномочия муниципалитетов по вопросам местного значения остаются лишь формально декларированными и реально не могут быть профинансированы в сколь-нибудь полном объеме. По оценке Всероссийского совета муниципальных образований расходные обязательства органов местного самоуправления в России составляют 5,0 трлн руб., а фактические располагаемые финансовые ресурсы (2012 г.) – 3,2 трлн руб. [9, с. 16].

Вследствие этого реальные финансовые возможности муниципальных органов власти значительно ограничиваются, что в свою очередь является сдерживающим фактором развития и становления местного самоуправления и формирования доверия населения к самой идее местного самоуправления [3, с. 137].

Скептическую оценку прошедшего периода реформирования местного самоуправления и деятельности органов муниципальной власти в целом подтверждают социологические исследования, проводимые на территории Кемеровской области в течение ряда лет. Например, по результатам исследования, проведенного социологической лабораторией Кемеровского государственного университета в 2013 году, выявлено, что положительно оценивают деятельность местных администраций всего 5,2 %, деятельность местных депутатов – 4,8 % опрошенных жителей Кемеровской области [10].

В Послании Федеральному Собранию Российской Федерации В. В. Путин отметил: «Считаю важнейшей задачей уточнение общих принципов организации местного самоуправления, развития сильной, независимой, финансово-самостоятельной власти на местах» [8].

В связи с этим требуется переосмысление подходов, применяемых к реформированию и становлению местного самоуправления в Российской Федерации. В качестве примера приведем Кемеровскую область, которая характеризуется высоким неравенством экономических потенциалов муниципальных образований. Ряд муниципальных образований имеют профицитный бюджет (муниципальные образования, на территории которых идет интенсивное развитие угольных предприятий, и муниципальные образования, имеющие значительный дефицит бюджета). В 2012 году бюджетная обеспеченность собственными доходами в Крапивинском районе составила – 10,4 %; Ижморском районе – 9,7 %; Тяжинском районе – всего 7,4 % [7].

Следует отметить, что необходимость учета экономического потенциала и перспектив развития муниципальных образований в Федеральном законе № 131-ФЗ не предусматривалась. В качестве критерия определения границ поселения устанавливалась пешеходная доступность до его административного центра. Предполагалось, что такой подход в значительной степени отвечает необходимости обеспечения доступности муниципальных услуг. Вместе с тем бесперспективные с экономической точки зрения сельские поселения оказались не готовы осуществлять весь закрепленный за ним объем полномочий. Большинство муниципальных образований сельских поселений оказались не состоятельными в финансовом обеспечении. Сложившаяся практика формирования их бюджетов, когда дотации поступают из вышестоящего уровня бюджетов, не только ставит муниципальные образования в финансовую зависимость от регионального уровня власти, но и формирует искусственную административную подчиненность одного уровня местного самоуправления другому (муниципальное образование сельского поселения – муниципальному району) [4, с. 146].

По мнению Е. Бухвальда, с которым автор солидарен, командные формы взаимоотношений губернаторов с главами муниципальных образований стали управленческой нормой для российских регионов. Основа этого – не формальная «подчиненность» (это противоречило бы действующему законодательству), а полная экономическая зависимость большинства муниципалитетов от «руки дающего». Соответственно, главы муниципальных образований в своей деятельности ориентируются на благосклонное отношение регионального начальства, а не на поддержку со стороны населения [1, с. 132].

Сложившаяся на практике зависимость не позволяет развиваться местному самоуправлению на уровне муниципальных образований сельских и городских поселений, является сдерживающим фактором инициативы местного сообщества, формирует пассивное отношение населения к участию в решении вопросов местного значения и создает, как отмечено выше, искусственную низового уровня местного самоуправления (сельское, городское поселения) первому уровню (муниципальный район). П. Д. Косинский, А. Г. Чупрякова считают, что это обостряет отношения между областными и районными (городскими) администрациями, снижает уровень управляемости [5, с. 98]. Такая ситуация лишает органы местного самоуправления возможности реализовывать долговременную политику на местах в интересах избравшего их населения.

Поэтому вопросы повышения уровня финансовой обеспеченности и формирования доходной базы муниципальных образований являются актуальными, что предопределяет поиск новых возможных решений в рамках существующего законодательства.

Одним из путей решения проблемы финансового обеспечения деятельности органов местного самоуправления является укрупнение муниципальных образований, которое позволяет не только сократить количество муниципальных образований, но и получить при этом решение проблемных вопросов финансового обеспечения их деятельности и выбрать приемлемую структуру организации. Об этом свидетельствует опыт зарубежных стран, например, слияние муниципалитетов в Канаде.

Структура муниципальных образований Канады существует в двух организационных вариантах – одноуровневом и двухуровневом [12, с. 85 – 88].

Одноуровневый вариант представлен муниципалитетами, образованными в рамках отдельных поселений (деревень, поселков и городов) и оказывающими полный набор соответствующих услуг их жителям. По экономическим соображениям (для разделения бремени по оказанию отдельных видов услуг между соседними муниципалитетами, которое для каждого из них в отдельности является непосильным) законодательно допускается и широко практикуется *межмуниципальная кооперация* (например: распространены межмуниципальные соглашения по совместной организации пожарных и дорожных служб).

Двухуровневый вариант структуры муниципальных образований представлен муниципалитетами двух типов:

- во-первых, поселенческими (как в первом варианте);
- во-вторых, муниципалитетами, образованными в границах графств и районов, под юрисдикцией которых оказываются более обширные, чем отдельные поселения, территории.

Сосуществование муниципалитетов двух уровней основывается на принципах разделения труда и дополнительности. На муниципалитеты поселенческого уровня возлагается ответственность за оказание некоторых наборов услуг, которые не являются универсально-стандартными, а отличаются не только от провинции к провинции, но и в рамках одной и той же провинции. Муниципалитеты, образованные в границах графств и районов (надпоселенческие муниципалитеты), несут ответственность за оказание услуг, которые по тем или иным причинам не оказываются на поселенческом уровне. Муниципалитеты второго уровня выполняют функции, аналогичные тем, которые в первом варианте реализуются на основе межмуниципальных соглашений.

Реструктуризация муниципалитетов происходит либо по инициативе властей провинций, либо по добровольному согласию с надпоселенческими муниципальными образованиями. В результате в сфере местного самоуправления канадских провинций, наряду с двухуровневой структурой, стала формироваться одноуровневая система укрупненных муниципальных образований.

Укрупненные одноуровневые муниципалитеты образуются путем слияния (объединения) всех расположенных в пределах одного графства или района поселенческих муниципалитетов с образованием единой одноуровневой административно-территориальной единицы, в пределах которой действует единственный орган власти, полностью ответственный за предоставление всех видов услуг на соответствующей территории (графства, района).

В качестве преимуществ одноуровневой системы можно отметить: более высокую экономическую эффективность, обусловленную сокращением численности управленческого персонала и снижением соответствующих расходов; исключение дублирования в выполнении административных функций и устранением бюрократических барьеров; рационализацией процедур предоставления услуг; увеличение масштабов страхова-

ния; уменьшение закупочных цен в связи с большими объемами закупок; расширение возможностей применения сложного и специализированного технического оборудования. Расширение налоговой базы в новой структуре создает возможности для повышения уровня и более справедливой организации финансирования предоставляемых муниципальных услуг.

Таким образом, как показывает опыт Канады, укрупнение муниципальных образований позволяет достичь следующих результатов: снизить расходы; расширить номенклатуру и повысить качество муниципальных общественных услуг; расширить налогооблагаемую базу; обеспечить более справедливую налоговую нагрузку, распределяя затраты на предоставление услуг среди налогоплательщиков на большей чем ранее территории. Такой эффект особенно важен для территорий,

где жители пригородных и близ лежащих населенных пунктов бесплатно пользуются услугами городов и районных центров.

Возможность решения проблем финансового обеспечения деятельности местного самоуправления, с учетом опыта зарубежных стран, рассмотрим на примере Беловского района Кемеровской области.

Район отличителен тем, что на его территории размещаются более десятка угольных предприятий. Муниципальные образования сельских поселений, на территории которых осуществляют деятельность названные предприятия, оказались в более выгодном положении, имея профицитный бюджет, перед муниципальными образованиями, не имеющими такой возможности. Уровень бюджетной обеспеченности муниципальных образований представлен в таблице 1.

Таблица 1

**Показатели обеспеченности бюджетов муниципальных образований сельских поселений
Беловского района за 2013 год***

<i>Наименование муниципальных образований сельских поселений</i>	<i>Численность населения, человек на 01.01.12 г.</i>	<i>Доходы всего, тыс. руб.</i>	<i>Собственные доходы, тыс. руб.</i>	<i>Уровень бюджетной обеспеченности собственными доходами, %.</i>	<i>Уровень бюджетной обеспеченности собственными доходами на душу населения, тыс. руб.</i>
Бековское	1313	17979	17751	98,7	13,7
Вишнево-ское	2109	9332	3625	38,8	4,4
Евтинское	3744	40542	39895	98,4	10,8
Инюшенское	734	5492	304	5,5	7,5
Коневское	2269	10125	6364	62,9	4,5
Менчере-пское	2152	11869	9485	79,9	5,5
Моховское	2129	38687	38553	99,7	18,2
Новобачатское	1425	11137	6705	60,2	7,8
Пермяковское	2166	13487	5837	43,3	6,2
Старобачатское	5967	27757	17999	64,8	4,7
Старопестеревское	4950	79095	78326	99,0	15,9
Всего	24677	265502	224842	84,7	10,8

Примечание: *данные финансового управления Беловского района.

Из таблицы 1 видно, что существует явная диспропорция в бюджетной обеспеченности муниципальных образований сельских поселений собственными доходами, что влечет за собою разные возможности для их социально-экономического развития и различия в уровне качества жизни населения Беловского района. В то же время можно наблюдать некоторые «сепаратистские» настроения глав муниципальных образований сельских поселений, имеющих профицитный бюджет, которые иногда отказываются делиться «сверхдоходами» в пользу поселений, испытывающих финансовые затруднения. К сожалению, в настоящий период времени действенного механизма изъятия «сверхдоходов» у муниципальных образований не имеется.

Предполагалось, что механизм «отрицательных трансфертов», который предусматривает перераспределение части доходов муниципальных образований с высоким уровнем бюджетной обеспеченности для поддержки муниципальных образований с низким уровнем доходов, будет регулировать эти процессы. Но использование этого механизма сегодня абсолютно неэффективно по ряду причин: при расчете учитываются только

налоговые доходы; в виде «отрицательного трансферта» можно изъять не более 50 % налоговых доходов муниципального образования, превышающих их средний региональный уровень на душу населения; условием уплаты «отрицательного трансферта» является 2-кратный минимальный порог налоговых доходов муниципального образования, превышающий средний по региону (в связи с окончанием переходного периода на четырехуровневую бюджетную систему с 2009 года) [6, с. 248].

Таким образом, становится ясно, что требуется корректировка системы местного самоуправления через консолидацию финансовых ресурсов, через объединение экономически несостоятельных сельских поселений с более крупными, экономически развитыми территориями.

Объединение двух и более муниципальных образований, не влекущее изменения границ иных муниципальных образований, осуществляется с учетом мнения населения, выраженного представительными органами каждого из объединяемых муниципальных образований [11].

В качестве примера можно привести опыт объединения слабо обеспеченных муниципальных образований сельских поселений Беловского района с более обеспеченными в целях выравнивания их бюджетной обеспеченности. Преобразование было проведено на основе закона Кемеровской области «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав территории Беловского муниципального района, и внесении изменений в отдельные законы Кемеровской области» № 42-ОЗ от 04.04. 2013 г.

Законом определено: преобразовать путем объединения следующие муниципальные образования, входящие в состав территории Беловского муниципального района:

1) Вишневское сельское поселение и Евтинское сельское поселение во вновь образованное муниципаль-

ное образование Евтинское сельское поселение с административным центром в селе Евтино;

2) Коневское сельское поселение и Моховское сельское поселение во вновь образованное муниципальное образование Моховское сельское поселение с административным центром в селе Мохово;

3) Инюшинское сельское поселение и Старопестеревское сельское поселение во вновь образованное муниципальное образование Старопестеревское сельское поселение с административным центром в селе Старопестерево [2].

Характеристика действовавших до объединения и вновь образованных муниципальных образований представлена в таблице 2.

Таблица 2

**Характеристика действовавших и вновь образованных муниципальных образований
Беловского района Кемеровской области***

<i>Сельское поселение</i>	<i>Доходная часть на 2013 год, тыс. руб.</i>	<i>Численность населения на 01.01.2012 г., чел.</i>	<i>Доходы в сельском поселении на душу населения, тыс. руб.</i>	<i>Площадь сельского поселения, га.</i>
Действовавшие до объединения				
Вишневское	9332	2109	4,4	16,4
Евтинское	40542	3744	10,8	234,3
Инюшинское	5492	734	7,5	183,1
Коневское	10125	2269	4,5	127,8
Моховское	38687	2129	18,2	110,6
Старопестеревское	79095	4950	15,9	255,2
После объединения				
Евтинское	49874	5853	8,5	250,7
Моховское	48812	4398	11,1	238,4
Старопестеревское	84587	5684	14,9	438,3

Примечание: *данные финансового управления Беловского района.

Основной целью преобразования муниципальных образований сельских поселений является выравнивания их бюджетной обеспеченности в рамках существующего законодательства.

Формирование доходной и расходной части бюджетов, в том числе на реализацию муниципальных целевых программ, проводится с учетом мнения населения. Повысилась ответственность органов местного самоуправления в связи с полученной возможностью самостоятельно решать большую часть вопросов местного значения в соответствии с возложенными полномочиями на поселения Федеральным законом ФЗ-131.

При объединении сформировалась экономия бюджетных средств на аппарат управления с учетом увеличения денежного содержания и должностных окладов в связи с изменением группы, по которой устанавливаются расходы на оплату труда выборных должностей и муниципальных служащих. Годовая экономия бюджетных средств составила 3,7 млн рублей. Штатная численность муниципальных служащих в сельских поселениях сократилась на 19 человек.

Число глав в сельских поселениях сократилось с 6 до 3, депутатов – с 57 до 30 человек, и как следствие, потребовалось проведение 6 избирательных компаний вместо 12, что позволило сэкономить

расходы проведение выборов в поселениях на 1,0 млн рублей.

В целях сохранения доступности для населения органов местного самоуправления поселений реализуется:

– «электронное правительство», что позволяет населению решать вопросы без непосредственного присутствия в органах местного самоуправления;

– вновь образованные муниципальные образования сельских поселений обеспечиваются дополнительными транспортными маршрутами «населенные пункты» – «административный центр» (в Старопестеревском и Моховском поселениях).

В результате преобразования путем объединения бюджетная обеспеченность муниципальных образований выглядит следующим образом (таблица 3).

Сравнивая расчеты в таблице 3 можно сделать вывод, что при некотором снижении бюджетной обеспеченности до и после объединения (в Евтинском сельском поселении – с 10,8 до 8,5; Старопестеревском – с 16,0 до 14,9, Моховском – с 18,2 до 11,1 тыс. рублей на душу населения), в целом она оказалась достаточно высокой для более эффективного решения вопросов местного значения и реализации программ социально-экономического развития муниципальных образований.

Таким образом, проведенное укрупнение муниципальных образований с ликвидацией глубоко дотационных муниципальных образований сельских поселений (Вишневого, Инюшинского и Коневского) показывает как экономическую, так и организационную целесообразность такого объедине-

ния. Кроме того, весь процесс осуществлен в рамках законодательства, регулирующего деятельность органов местного самоуправления в Российской Федерации и ее регионах, что позволяет применять данный опыт в других регионах.

Таблица 3

Показатели выравнивания бюджетной обеспеченности муниципальных образований сельских поселений Беловского района*

<i>Сельские поселения</i>	<i>Доходная часть на 2012 год, тыс. руб.</i>	<i>Доходная часть на 2013 год, тыс. руб.</i>	<i>Численность населения, человек на 01.01.12., чел.</i>	<i>Уровень бюджетной обеспеченности собственными доходами на душу населения в 2012 году, тыс. руб./чел.</i>	<i>Уровень бюджетной обеспеченности собственными доходами на душу населения в 2013 году, тыс. руб./чел.</i>
Вишевское	9777	9332	2109	4,6	4,4
Евтинское	35706	40542	3744	9,5	10,8
Евтинское	45483	49874	5853	7,8	8,5
Инюшенское	6095	5492	734	8,3	7,5
Старопестеревское	85598	79095	4950	17,3	16,0
Старопестеревское	91693	84587	5684	16,1	14,9
Коневское	11137	10125	2269	4,9	4,5
Моховское	42369	38687	2129	19,9	18,2
Моховское	53506	48812	4398	12,2	11,1
Всего	190682	183273	15935	12,0	11,5

Примечание: *рассчитано автором по данным финансового управления Беловского района.

Литература

1. Бухвальд Е. Муниципальная реформа в России. Некоторые итоги прошедшего десятилетия // Федерализм. 2013. № 4.
2. Закон Кемеровской области «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав территории Беловского муниципального района, и внесении изменений в некоторые законодательные акты Кемеровской области № 42-ОЗ от 04.04.2013 г.
3. Косинский П. Д., Ашарат А. Г. Правовые и бюджетные отношения в практике формирования местных бюджетов Российской Федерации // Федерализм. 2013. № 4(72).
4. Косинский П. Д., Меркурьев В. В. Совершенствование местного самоуправления на основе формирования агломераций муниципальных образований: региональный аспект // Проблемы современной экономики. 2013. № 1(53).
5. Косинский П. Д., Чупрякова А. Г. Что сдерживает развитие местного самоуправления в России? // ЭКО. 2014. № 1.
6. Меркурьев В. В. Укрупнение муниципальных образований как способ выравнивания бюджетной обеспеченности // Вестник КемГУ. 2014. № 1(57). Т. 1.
7. Муниципальные образования Кузбасса: стат. сб. / Кемеровостат. Кемерово, 2013 185 с.
8. Путин В. В. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета от 13 декабря 2013 года. № 281(6257).
9. Российская Федерация сегодня. 2013. № 3.
10. Современная жизнь: Отчет Сибирского института социально-экономических и политических исследований. Кемерово, 2013.
11. Федеральный закон «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06 октября 2003 г.
12. Швецов А. Н. Экономическая рационализация выбора пространственных параметров муниципальных образований // Федерализм. 2007. № 3.

Информация об авторе:

Чупрякова Алена Григорьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга КемГУ, chupa.69@mail.ru.

Alena G. Chupryakova – Candidate of Economics, Assistant Professor at the Department of Marketing, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.05.2014 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 343.3

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕМ
И ПРЕВЫШЕНИЕМ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ*И. А. Гааг, Е. Н. Разыграева*PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMINAL OFFENCES
CONNECTED WITH ABUSE OF OFFICE AND EXCEEDING OFFICIAL POWER*I. A. Gaag, E. N. Razygraeva*

В статье рассматриваются некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ, разграничения преступлений между собой и отграничения от смежных составов преступлений с учетом правил квалификации при наличии конкуренции уголовно-правовых норм. Исследование проведено на основании результатов расследования уголовных дел следователями следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Кемеровской области в период с 2007 по 2012 гг.

The paper considers some issues of qualification of crimes under articles 285 and 286 of the criminal code, differentiates the offences between the two articles and distinguishes them from related crimes subject to the rules of qualification within criminal legal norms competition. The study was conducted on the basis of the results of criminal cases investigation by the Investigation Department of Kemerovo Region Division of the Investigative Committee of the Russian Federation in 2007 – 2012.

Ключевые слова: злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, интересы службы, полномочия должностного лица, идеальная совокупность преступлений, конкуренция уголовно-правовых норм.

Keywords: abuse of office, exceeding official power, interests of the service, powers of the official, ideal combination of crimes, criminal legal norms competition.

Уголовно-правовая охрана деятельности должностных лиц осуществляется в том числе и путем криминализации деяний, совершаемых должностными лицами. Это объясняется не только публичным характером деятельности должностных лиц, но всеобъемлемостью воздействия такой деятельности на осуществление прав и защиту законных интересов граждан и организаций, а в итоге общества и государства.

Как показывает анализ уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности, органы предварительного следствия сталкиваются с определенными проблемами при квалификации преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ. Достаточно сложной проблемой является разграничение указанных составов преступлений.

Принятие нового постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [1] не устранило имеющиеся в правоприменительной деятельности противоречия, которые сводятся к следующему.

Так, при злоупотреблении полномочиями должностное лицо незаконно, вопреки интересам службы использует предоставленные ему законом права и полномочия, также как и при одной из форм превышения полномочий (совершение должностным лицом действий при исполнении служебных обязанностей, в пределах своей компетенции, но при отсутствии осо-

бых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте). Если незаконность поведения должностного лица применительно к превышению полномочий очевидна, то при злоупотреблении такая очевидность отсутствует. Поэтому особое значение приобретает характеристика такого признака злоупотребления полномочиями, как «вопреки интересам службы». Кроме того, отсутствует легальное толкование «интересов службы». Определение этого понятия и указанного признака злоупотребления чрезвычайно важно.

Анализ практики показывает, что интересы службы, служебный долг, вопреки которым должностное лицо использует свои служебные полномочия, определяются объемом обязанностей лица, вытекающих из соответствующих нормативных актов и трудового договора с государственными и иными организациями, деятельность которых не противоречит действующему законодательству. Если должностное лицо действует вопреки интересам службы, то можно предположить, что данные действия могут сопровождаться нарушением особых обстоятельств их выполнения (что характерно для ст. 286 УК РФ), в связи с чем достаточно сложно отграничить ст. 285 УК РФ от ст. 286 УК РФ. В том случае, когда сотрудник правоохранительных органов укрывает преступление от учета путем фальсификации материалов доследственной проверки с последующим вынесением необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, либо списанием материалов в номенкла-

турное дело без принятия процессуального решения, в одних случаях действия виновного квалифицируются по ч. 1 ст. 285 УК РФ, в других – по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Так, Ленинским районным судом г. Кемерово признан виновным по ч. 1 ст. 286 УК РФ оперуполномоченный уголовного розыска Н., который укрыв от учета разбойное нападение на С., составив от имени потерпевшего объяснение, содержание которого не соответствует действительности и свидетельствующее об отсутствии преступления, выполнил от его имени ложную подпись. Материал впоследствии был списан без проведения проверки в номенклатурное дело.

Аналогичные действия участкового уполномоченного Заводского РОВД г. Кемерово Б., оперуполномоченного уголовного розыска Кировского РОВД г. Кемерово Я. квалифицированы следствием по ч. 1 ст. 285 УК РФ.

Во всех перечисленных случаях судами данная органами предварительного следствия квалификация действий виновных признана верной, по делам вынесены обвинительные приговоры.

При условии, что оперуполномоченный был наделен полномочиями на осуществление таких действий, его действия при такой законодательной конструкции могли быть квалифицированы как по ст. 285 УК РФ, так и по ст. 286 УК РФ.

В обоснование квалификации по ст. 285 УК РФ в указанных случаях необходимо отметить:

- совершение деяния в виде *бездействия*, т. е. непринятия мер, входящих в круг полномочий должностного лица, направленных на пресечение преступной деятельности, привлечение виновных к уголовной ответственности, восстановление прав потерпевших и т. д.;
- совершение деяния *вопреки интересам службы*.

В обоснование ст. 286 УК РФ можно отметить: совершение деяния *при отсутствии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте*. Например, виновный выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с целью укрывательства преступления при отсутствии законных оснований.

Как показывает анализ практики, при совпадении основных признаков составов квалификация по ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ зависит от установления или не установления такого факультативного признака субъективной стороны, характеризующей ст. 285 УК РФ, как мотив – корыстная или иная личная заинтересованность.

Так, выдача должностным лицом гражданину необоснованного разрешения на заготовку леса, охоту, рыбную ловлю, земельного участка в аренду под строительство и т. д. неоднозначно квалифицируется на практике по ст. 285 УК РФ или ст. 286 УК РФ. В данной ситуации правоприменители при квалификации ориентируются на наличие (отсутствие) у должностного лица корыстной или иной личной заинтересованности.

В любом случае при установлении составов преступлений, предусмотренных ст. 285, 286 УК РФ (ст. 290 УК РФ), требуется точное выяснение пределов полномочий должностного лица, а также определение конкретных нарушений этих полномочий.

Полномочия должностного лица определяются совокупностью определенных прав и обязанностей, которыми оно наделено законом, подзаконными актами, ведомственными нормативными документами в связи с занимаемой должностью.

Обязанности должностного лица можно подразделить на общие и специальные. Круг общих обязанностей независимо от занимаемой должности и ведомственной принадлежности определен в Федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. Федерального закона от 25.11.2013 № 317-ФЗ, с изменениями, внесенными Федеральным законом от 02.12.2013 № 350-ФЗ) [2]. Специальные обязанности обусловлены характером выполняемой работы и специализацией профессиональной деятельности. Специальные служебные полномочия, на основании которых должностное лицо функционально действует по службе, должны быть юридически оформлены надлежащим образом и с соблюдением установленного порядка (например, служебным контрактом, приказом и подпиской об ознакомлении с должностными и функциональными обязанностями и т. д.).

При этом преступные действия виновного должны быть связаны с его должностным положением, вытекать из него и быть совершены в процессе его служебной деятельности или в связи с ней.

Например, нельзя квалифицировать как должностное преступление, преступные действия субъекта, который использовал лишь авторитет занимаемой должности вне связи со служебной деятельностью. Например, сотрудник правоохранительных органов потребовал от гражданина предоставить личный автомобиль, ссылаясь на служебную необходимость, при отказе – применил к гражданину насилие. Установлено, что данные действия были совершены вне связи со служебной деятельностью.

Не образует состав должностного преступления и незаконные действия лица, совершенные им в период нахождения в отпуске, т. е. вне связи со служебной деятельностью.

Неоднозначно квалифицируются на практике действия должностных лиц, совершивших так называемые «общеуголовные» преступления, например, при хищении чужого имущества или предметов, изъятых из гражданского оборота.

В одних случаях квалификация осуществляется по совокупности статей – ст. 285 УК РФ и «общеуголовного» преступления, в других – по совокупности ст. 286 УК РФ и «общеуголовного» преступления.

Так, например, *действия оперуполномоченного межрайонного отдела в сфере пресечения незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ УВД по г. Кемерово Б., который, используя служебные полномочия вопреки интересам службы, незаконно предъявил П. требования передачи денежных средств под угрозой распространения сведений,*

позорящих потерпевшую о якобы осуществляемого ею незаконного сбыта наркотических средств, органами предварительного следствия были квалифицированы по ч. 1 ст. 285 УК РФ и ч. 1 ст. 163 УК РФ. По уголовному делу вынесен обвинительный приговор.

В то же время действия оперуполномоченного по особо важным делам отдела по борьбе с организованной преступностью с дислокацией в г. Ленинск-Кузнецком УБОП ГУВД по Кемеровской области Г., совершившего вымогательство в отношении К. в крупном размере группой лиц по предварительному сговору с Б., органами предварительного следствия были квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ и п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 163 УК РФ.

Таким образом, в первом случае наличие ст. 285 УК РФ следователем обосновывалось совершением деяния вопреки интересам службы из корыстной заинтересованности, во втором случае наличие ст. 286 УК РФ – совершением должностным лицом действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать, хотя и при наличии корыстной заинтересованности.

В данной ситуации представляется наиболее верной квалификация действий должностных лиц по ст. 286 УК РФ по совокупности с «общеуголовным» преступлением. Так, при злоупотреблении должностными полномочиями субъект использует полномочия, входящие в круг его компетенции, но вопреки интересам службы, преследуя при этом корыстную или иную личную заинтересованность. Если же должностное лицо в процессе выполнения служебных обязанностей совершает действия, образующие состав самостоятельного иного преступления, т. е. действия, которые никто не вправе был совершать, то необходимо говорить уже не о злоупотреблении, а о превышении должностных полномочий.

На практике также возникают проблемы при отграничении ст. 285, 286 УК РФ от иных преступлений, совершенных с использованием служебного положения, например, связанных с нарушением конституционных прав граждан, за которые предусмотрена самостоятельная уголовная ответственность по соответствующим статьям, входящих в главу 19 Уголовного кодекса РФ.

В данной ситуации речь идет не об идеальной совокупности преступлений как в предыдущем случае, когда ни одна из норм не охватывает преступное деяние полностью. Речь идет о ситуации, когда одно совершенное во вне деяние одновременно подпадает под признаки двух или нескольких уголовно-правовых норм, т. е. имеет место конкуренция уголовно-правовых норм, в данной ситуации – конкуренция общей и специальной норм.

При данном виде конкуренции предпочтение должно отдаваться специальной норме, т. е. норме, предусматривающей ответственность за совершение конкретного деяния лицом с использованием служебного положения. На данное обстоятельство было обращено внимание в ранее действующем постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превыше-

нии власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» (п. 18): если ответственность за допущенное должностным лицом нарушение служебных полномочий предусмотрена специальной уголовно-правовой нормой..., содеянное подлежит квалификации по этой норме, без совокупности со статьями, предусматривающими общие составы должностных преступлений [3].

Однако, если содеянное не охватывается как специальной, так и общей нормой, оно должно квалифицироваться по совокупности преступлений по обеим нормам. Либо если содеянное полностью охватывается только общей нормой, а специальной только частично, то необходимо квалифицировать по правилам конкуренции «части» и «целого» по норме, представляющей собой «целое».

Например, уголовное дело по обвинению старшего оперуполномоченного отдела уголовного розыска ОВД Кузнецкого района города Новокузнецка Г. по п.п. «а, б» ч. 3 ст. 286 УК РФ, который располагая полученными при исполнении должностных полномочий сведениями о совершении Ф. и привлеченными ею лиц Б., Ч., Г., П., С. и А. преступлений, предусмотренных ст. 228-1 УК и ст. 234 УК РФ, в доме по адресу: ул. К-кая, № 2 Новокузнецка, а также, сведениями о том, что в этом доме могут находиться деньги, получаемые от данной преступной деятельности, превышая свои должностные полномочия, действуя умышленно, из корыстной заинтересованности, с целью хищения чужого имущества, принадлежащего Ф. – денег и наркотических средств, прибыл к дому и, осознавая, что у него отсутствуют законные основания для проникновения в жилище Б. и Ч., применения оружия и насилия с целью изъятия имущества, принадлежащего Ф., при помощи металлического лома открыл входную дверь дома и, против воли Б. и Ч., проник в дом, где, угрожая Б., Ч. и Г. применением насилия, опасного для жизни и здоровья, продемонстрировал им имеющийся у него неустановленный органами предварительного следствия пистолет, произведя из него выстрел в потолок дома, высказал угрозу в адрес Б., Ч. и Г. ограничить их свободу – задержать и доставить в ОВД Кузнецкого района г. Новокузнецка, потребовав у Б., Ч. и Г. выдать ему все деньги и наркотические средства, имеющиеся в доме.

После того, как Б., Ч. и Г. не подчинились Г., последний, осознавая, что у него отсутствуют законные основания для обследования, осмотра либо обыска жилища без процессуального оформления, совершил действия, направленные на отыскание денег и наркотических средств в доме.

Незаконные действия Г. повлекли существенное нарушение прав и законных интересов граждан Б., Ч. и Г., выразившееся в нарушении конституционных прав граждан Б., Ч. и Г. на свободу и личную неприкосновенность, на защиту от насилия, в нарушении конституционных прав граждан Б. и Ч. на неприкосновенность жилища, а также охраняемых законом интересов общества и государства, выразившихся в подрыве авторитета правоохранительных органов в лице ОВД Кузнецкого района г. Новокузнецка, всех

органов внутренних дел Российской Федерации и его работников.

Таким образом, данное преступление выразилось не только в нарушении должностным лицом конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища, но и в совершении иных действий, которые никто не вправе совершать – в угрозе применения насилия, в фактическом применении оружия при отсутствии оснований и т. д. То есть преступление, предусмотренное ст. 286 УК, представляет собой «целое», т. к. с наибольшей полнотой охватывает признаки совершенного деяния, в том числе и нарушение конституционных прав граждан в виде неприкосновенности жилища (ст. 139 УК РФ – «часть»). Соответственно квалифицировать необходимо только по ст. 286 УК РФ.

На практике возникают сложности при разграничении должностных преступлений между собой. Например, ст. 285, 286, 293 УК РФ от ст. 285-1, 285-2, 290, 292 УК РФ. Здесь действуют те же правила квалификации: конкуренции общей и специальных норм, «части» и «целого».

Например, если злоупотребление должностными полномочиями выражается исключительно в служебном подлоге, то содеянное квалифицируется по пра-

вилу конкуренции общей и специальной норм лишь по ст. 292 УК РФ, а если оно последней не охватывается, но полностью охватывается ст. 285 УК РФ, то по правилу конкуренции «части» и «целого» только по ст. 285 УК РФ.

В связи с чем представляется не совсем верной позиция высшей судебной инстанции, сформулированная в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [1], в соответствии с которой, если наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст. 285 УК РФ, совершается служебный подлог, содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст. 292 УК РФ.

Предпринятая попытка разграничения преступлений, предусмотренных ст. 285 УК РФ и ст. 286 УК РФ, демонстрирует необходимость дальнейших фундаментальных теоретических исследований понятий, использованных законодателем, для их единообразного применения.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Рос. газета. 2009. 30 октября. № 5031.
2. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 25.11.2013, с изм. от 02.12.2013) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 30.03.1990 № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебным положением, превышении власти или служебных полномочий, халатности и должностном подлоге» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1990. № 3.

Информация об авторах:

Гааг Ирина Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, irinagaag1@mail.ru.

Irina A. Gaag – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Разыграева Елена Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова.

Elena N. Razygraeva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Статья поступила в редколлегию 27.05.2014 г.

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ЧЕСТИ, ДОСТОИНСТВА И РЕПУТАЦИИ
ОТ НЕЗАКОННОГО РАСПРОСТРАНЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ЛИЦА**
Н. Б. Гулиева

**CRIMINAL LAW PROTECTION OF HONOUR, DIGNITY AND REPUTATION FROM ILLICIT
DISSEMINATION OF INFORMATION ABOUT THE PRIVATE LIFE OF AN INDIVIDUAL**
N. B. Gulieva

Настоящая статья посвящена уголовно-правовой защите чести и достоинства от незаконного распространения сведений о частной жизни лица. неприкосновенность частной жизни гарантирована основным законом – Конституцией Российской Федерации. Распространение сведений о частной жизни лица без ведома или без согласия последнего может причинить вред его чести, достоинству, деловой репутации. Действующее уголовное законодательство не содержит специальной нормы, характеризующей преступные посягательства на честь, достоинство и репутацию посредством распространения в средствах массовой информации сведений о частной жизни лица. Цель настоящего исследования: указать на типичные и наиболее распространенные способы нарушения неприкосновенности частной жизни лица, умаляющие честь, достоинство и репутацию человека. Методы исследования: анализ, синтез, метод сравнительного правоведения. Настоящее исследование может быть использовано в правоприменительной и научной деятельности, в учебном процессе. По результатам исследования автор приходит к следующим выводам: законодателю следует предусмотреть частные случаи посягательств на честь, достоинство, репутацию лица посредством распространения сведений о его частной жизни.

The paper focuses on criminal law protection of honour and dignity from the illicit dissemination of information about the private life of an individual. Privacy is guaranteed by the fundamental law, the Constitution of the Russian Federation. The dissemination of information about an individual's private life without their knowledge or consent may harm their honour, dignity and business reputation. The current criminal law does not contain a norm that specifies a criminal attack on an individual's honour, dignity and reputation by spreading information about their private life in the media. This study aims to identify the most common ways of intruding privacy and thus disparaging the person's honour, dignity and reputation. The methods applied include analysis, synthesis and the method of comparative law. The study can be used in law enforcement, research and teaching. The author concludes that legislators should criminalize particular cases of infringement on honour, dignity and reputation of an individual through the dissemination of information about their private life.

Ключевые слова: распространение, частная жизнь, честь, достоинство, репутация.

Keywords: dissemination, private life (privacy), honour, dignity, reputation.

Действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Уголовный закон характеризует признаки двух самостоятельных составов преступлений, предусмотренных частями первой и третьей статьи 137 УК РФ.

Согласно диспозиции части первой ст. 137 УК РФ нарушение неприкосновенности частной жизни лица проявляется в незаконном собирании или распространении сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространении этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Часть третья ст. 137 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Такие нарушения проявляются посредством «распространения в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего по уголовному делу либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных

страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия».

Бесспорно, что государственная защита частной жизни лица является гарантом реализации конституционного положения о неприкосновенности частной жизни человека. Так, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени закреплено в статье 23 Конституции РФ. Право на неприкосновенность частной жизни закреплено и в международно-правовых актах, таких как Всеобщая декларация прав человека (ст. 12), Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (ст. 9), Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 8), Международный пакт о гражданских и политических правах (ст. 17). Иными словами, государство защищает частную жизнь человека, руководствуясь Основным законом и нормами международного права, образующие часть правовой системы Российской Федерации. Уголовно-правовая охрана является одним из способов такой защиты.

В литературе понятие частной жизни определяется по-разному. Ю. А. Замошкин выделяет несколько категорий частной жизни.

Во-первых, это внутренняя духовная жизнь, которая включает в себя, в частности, право самому решать, кому и в какой мере сообщать или не сообщать о своих мыслях, верованиях, эмоциях, делать или не делать их предметом гласного обсуждения, т. е. фактом общественной жизни.

Во-вторых, это сфера непосредственного межличностного общения. Здесь есть важный внешний аспект – защита тайны межличностных коммуникаций (переписки, телефонных разговоров, а сегодня и связей посредством компьютерной почты).

В-третьих, частная жизнь – это решения и действия, касающиеся личного и семейного потребления. Человек сам решает, какие предметы и услуги, когда, в каких пропорциях и количествах потреблять, а в условиях товарно-денежных и рыночных отношений – где, у кого и на каких условиях их покупать.

В-четвертых, понятие частной жизни распространяется и на имущественные отношения – человек вправе распоряжаться своим имуществом, всем тем, чем он непосредственно владеет, т. е. своей собственностью [2, с. 5].

Уголовный закон в понятие частной жизни включает личную и семейную тайну (в Конституции РФ личная и семейная тайна обозначены наряду с частной жизнью лица как самостоятельные объекты правовой защиты). В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова тайна определяется как нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет [3].

Личная тайна – это такая тайна, которая имеет отношение к конкретному человеку. Сведения личного характера могут сохраняться как от посторонних, так и от близких лиц. К ним можно отнести отдельные факты биографии человека, сведения о его здоровье, имущественном положении, связях, привычках, взглядах, встречах, сведения об интимной жизни, склонностях и т. п. [6].

Право определять, являются ли те или иные сведения тайной, принадлежит самому лицу. Характер сведений не влияет на квалификацию: это могут быть как позорящие сведения (о судимости, наличии заболеваний, которые не принято афишировать, например, венерических), так и иные сведения, которые лицо не хочет делать достоянием других (о состоянии здоровья, семейных и иных взаимоотношениях, имущественном положении, перспективах карьерного роста, отношении к религии и др.). Сведения могут быть как зафиксированными на материальных носителях (фотографиях, видеороликах, документах, электронных носителях информации), так и существующими в устной форме [7].

Сведения, составляющие личную тайну, зачастую распространяются в средствах массовой информации. Особенно актуальными представляются случаи распространения в средствах массовой информации сведений об уголовном преследовании конкретных лиц. Однако, можно ли отнести сведения, отображающие объективную хронику криминальных происшествий к частной жизни лица, в нашем случае, уголовно-преследуемого, неясно. Можно ли считать распространение таких сведений нарушением неприкосновенности частной жизни лица в уголовно-правовом смысле? В юридической литературе указанной про-

блеме уделялось много внимания. Большинство авторов, анализируя частные случаи распространения сведений об уголовном преследовании лица, акцентирует внимание на гражданско-правовых способах защиты его частной жизни, чести, достоинства, деловой репутации. Данное обстоятельство обусловлено тем, что судебная практика, к сожалению, придерживается гражданско-правовых способов защиты нарушенных прав.

Е. С. Пальцева, рассматривая пределы информационной прозрачности правосудия, отмечает, что «журналисты, освещающие уголовные процессы, часто в основе своих материалов используют информацию, полученную в ходе следствия, судебного разбирательства, из судебных приговоров, не вступивших в законную силу. В этом случае при распространении материалов, безусловно, затрагиваются честь и достоинство человека. Защитить свое доброе имя, ссылаясь на статью 152 Гражданского кодекса РФ, не удастся, так как эта статья применяется при условии, что сведения не соответствуют действительности. Однако, используя ссылку на нарушение конституционного права на презумпцию невиновности, истцы имеют возможность, не вникая в суть спора, по формальному признаку, что приговор не вступил в законную силу, взыскать с журналиста компенсацию морального вреда» [4].

Неправомерность таких действий (распространение сведений об уголовном преследовании) не вызывает сомнений. Невиновность человека презюмируется до вступления обвинительного приговора суда в законную силу. Отражение объективной истины, установленной лишь в последствии вступившим в законную силу приговором суда, не умаляет конституционного права человека быть признанным виновным только вступившим в законную силу приговором суда (право на презумпцию невиновности). Защита конституционных прав человека от таких неправомерных действий ограничивается, как было указано выше, лишь гражданско-правовыми способами защиты. Кроме того, в таких случаях распространения сведений закон защищает не честь и достоинство личности, которые, несомненно, претерпевают вред, а конституционное право на презумпцию невиновности.

К числу гражданско-правовых способов защиты законом также отнесено и опровержение сведений, порочащих честь, достоинство, репутацию оправданного судом лица.

Уголовно-правовая охрана чести, достоинства, репутации личности исчерпывается составом клеветы (ст. 128.1 УК РФ), а также частными случаями клеветы, обусловленные специальными признаками потерпевшего (представитель власти, судья, военнослужащий). Однако в случае придания огласке в средствах массовой информации сведений об уголовном преследовании лица признаки клеветы не усматриваются. Так, состав клеветы предполагает распространение заведомо ложных сведений о задержании лица, об уголовном преследовании, об обвинении в совершении преступления. При этом заведомость означает, что лицо достоверно знало о том, что распространяемые им сведения не соответствуют действительности. Утверждать о такой осведомленности в описанной

выше ситуации нельзя, так как виновность человека или его невиновность еще не доказана, а сообщение сведений о задержании, уголовном преследовании соответствует действительности. Даже последующее оправдание лица не позволяет констатировать признаки клеветы в виду отсутствия умысла на распространение *заведомо* (выделено нами – Н. Б. Гулиева) ложных сведений на момент придания сведений огласке. Таким образом, о клевете в данном случае речи не идет.

Возможность привлечения к уголовной ответственности за причинение вреда чести, достоинству и репутации лица путем распространения сведений о его частной жизни ограничена одной уголовно-правовой нормой, характеризующей признаки нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Однако, относятся ли сведения об уголовном преследовании лица к его частной жизни, не ясно. Учитывая то обстоятельство, что программы передач, посвященные событиям криминальной хроники, имеют явно популяризованный характер, можно предположить, что сведения об уголовном преследовании лица не относятся к его частной жизни. Особенно сложной представляется ситуация с такой категорией дел, которые имеют широкий общественный резонанс. Рассчитывать на неприкосновенность частной жизни преследуемым лицам, оказавшимся в такой ситуации, не приходится. При этом огласке предаются не только сведения о событиях преступления, истинно виновный, в совершении которого еще не установлен, но и информация, характеризующая человека, задержанного по подозрению в совершении преступления (обвиняемого в совершении преступления, подсудимого), с точки зрения его социально-ролевой и нравственно-психологической характеристики. Сведения, характеризующие личность подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, бесспорно, образуют частную жизнь лица. Несмотря на это, такие сведения зачастую предаются широкой огласке в средствах массовой информации на фоне деяний, инкриминируемых лицу.

С одной стороны, гласность судопроизводства предопределяет открытость деятельности судебных органов для всех, исключая возможность каких-либо ограничений для лиц, не имеющих отношения к делу. Средства массовой информации – не исключение (закон предусматривает возможность аккредитации журналистов средств массовой информации, что позволяет им присутствовать на заседаниях, совещаниях и других мероприятиях, проводимых аккредитованными его органами, организациями, учреждениями, за исключением случаев, когда приняты решения о проведении закрытого мероприятия) [5]. К тому же журналисты согласно ст. 47 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) "О средствах массовой информации" имеют право искать, запрашивать, получать и распространять информацию, посещать государственные органы и организации, предприятия и учреждения, органы общественных объединений либо их пресс-службы, копировать, публиковать, оглашать или иным способом воспроизводить документы и материалы, производить записи, в том числе с использованием средств аудио- и видеотехники, кино- и фотосъемки, излагать свои личные суждения и оценки в

сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью и т. д. [1]. С другой стороны, защита частной жизни лица гарантирована Основным законом государства.

На наш взгляд, сведения о фактах уголовного преследования как в настоящем, так и в прошлом, имеют сугубо частный характер. Такие сведения составляют частную жизнь лица. То обстоятельство, что лицо когда-то привлекалось к уголовной ответственности, не может умалять его права на неприкосновенность частной жизни. Факт незавершенного уголовного преследования в настоящем и вовсе не может служить основанием для распространения сведений, способных опорочить репутацию человека. Распространение информации о таких фактах умаляет не только неприкосновенность частной жизни, но и честь, достоинство и репутацию лица. В этой связи представляется противоречивой позиция правоприменителей, не усматривающих в действиях лица, предавшего огласке сведения об уголовном преследовании, признаков уголовно-наказуемого деяния.

Следует отметить, что огласке придаются не только сведения о преследуемом лице, но и о потерпевшем. Законодатель охраняет интересы отдельной категории лиц от незаконного распространения информации, например, интересы несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Уголовный закон запрещает распространять информацию, указывающую на личность несовершеннолетнего потерпевшего по уголовному делу либо информацию, содержащую описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекших причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, психическое расстройство несовершеннолетнего, иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 137 УК РФ). Законодатель традиционно дифференцирует уголовную ответственность в зависимости от возраста потерпевшего, что неудивительно. Такая категория граждан нуждается в повышенных гарантиях правовой защищенности. Этим обусловлено и наличие уголовно-правового запрета распространять сведения о несовершеннолетнем потерпевшем. Однако, интересы совершеннолетних лиц, независимо от процессуального статуса последних, также нуждаются в правовой защищенности от преступных посягательств. Так, согласно ст. 24 Конституции РФ сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются. На наш взгляд, информация о движении уголовного дела с преданием огласке сведений о его участниках, независимо от процессуального статуса последних, образует их частную жизнь. Такая информация может быть доведена до сведений общественности исключительно при согласии участников уголовного судопроизводства. Распространение же такой информации, помимо нарушения неприкосновенности частной жизни, может пагубно сказаться на репутации лица, причинить вред его чести и достоинству.

В этой связи представляется целесообразным предусмотреть в уголовно-правовой норме (например, в примечании), характеризующей признаки нарушения неприкосновенности частной жизни, разъяснения относительно частной жизни лица с конкретизацией

сведений об уголовном преследовании лица, о пребывании в процессуальном статусе потерпевшего, рас-

пространение которых без согласия преследуемого лица или потерпевшего не допускается.

Литература

1. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.09.2013 // Российская газета. № 32. 08.02.1992.
2. Замошкин Ю. А. Частная жизнь, частный интерес, частная собственность // Вопросы философии. 1991. № 1.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <http://www.ozhegov.org/words/35373.shtml>
4. Пальцева Е. С. Информационная прозрачность правосудия: пределы и ограничения // Информационное право. 2013. № 4. С. 26 – 29. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Ст. 48 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступившими в силу с 01.09.2013).
6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф. Р. Сундукова, М. В. Талан. М.: Статут, 2012. СПС «КонсультантПлюс».
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А. И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с. СПС «КонсультантПлюс».

Информация об авторе:

Гулиева Натаван Байрам кызы – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета КемГУ, natavan-1212@mail.ru.

Natavan B. Gulieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.05.2014 г.

УДК 343.1

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА *В. А. Терентьева*

HISTORICAL ASPECT OF EXEMPTION FROM CRIMINAL PUNISHMENT DURING THE RISING OF THE SOVIET STATE *V. A. Terentieva*

Настоящая статья посвящена исследованию исторического аспекта освобождения от наказания в советский период. Целью исследования является изучение истории возникновения и совершенствования таких оснований освобождения от уголовного наказания, как условно-досрочное освобождение, истечение срока давности и других.

The paper investigates the historical aspect of exemption from punishment in the Soviet period. The aim of the research is to study the history of the origin and enhancement of such grounds for exemption from criminal punishment as parole, lapse of time, and others

Ключевые слова: освобождение от уголовного наказания.

Keywords: exemption from criminal punishment.

Своеобразной вехой в развитии института освобождения от уголовного наказания становятся акты советского периода. Законотворчество данного этапа отрицало какое бы то ни было влияние дореволюционного права. Многими учеными советское право презюмируется как нечто совершенно отличное от прежнего нормотворчества. Опровержением такой позиции является восприимствование норм освобождения от уголовного наказания и от уголовной ответственности несовершеннолетних.

Декрет СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» и Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде» (Декрет № 2) устанавливают, что несовершеннолетние не подвергаются уголовному

преследованию. Именно Декрет «О суде» изменил подсудность дел с участием такой категории лиц и передал разрешение таких дел комиссиям по делам несовершеннолетних. Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних» в свою очередь указывал, что комиссии не применяют уголовного наказания, а лишь освобождают от него либо с направлением в воспитательное учреждение «убежище Народного комиссариата народного призрения».

Первые воспитательные и лечебно-воспитательные учреждения были созданы уже в 1918 году. Это были приемники-распределители, детские дома, школы-коммуны, институты трудового воспитания для особо трудных подростков, реформатории. Данные

учреждения по существу реализуемых ими функций являются прототипами специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

Остается и тенденция дальнейшего развития специальных видов освобождения от уголовного наказания. По аналогии с дореволюционным периодом советское уголовное право освобождает от уголовного наказания за взяточничество. Однако это уже случаи освобождения взяточника, связанные с его деятельным раскаянием либо с вымогательством таковой со стороны взяточполучателя – должностного лица. В начале правом на подобное освобождение пользовалась только ограниченная категория лиц, заявивших в течение 3-х месяцев со дня издания декрета о даче ими взятки (декрет «О взяточничестве»): «Настоящий документ имеет обратную силу с тем, однако, что от преследования за дачу взятки, если таковая была произведена до издания этого декрета, освобождаются те лица, кои в течении трех месяцев со дня издания настоящего декрета заявят судебным властям о даче ими взятки [1]. Однако следующий нормативно-правовой акт – декрет «О борьбе со взяточничеством» распространил это правило на всех лиц без ограничения срока заявления о факте даче взятки. Законодатель, закрепляя факт деятельного раскаяния виновного как основания для освобождения, указывал на необходимость следующих условий:

- добровольность сообщения властям о факте дачи взятки;
- своевременность сообщения о факте вымогательства взятки со стороны должностного лица;
- способствование раскрытию дела.

Еще одним примером развития специальных оснований освобождения от уголовного наказания было применение таких оснований к дезертирству. Это основание освобождения являлось разновидностью явки с повинной. Так дезертиры призывались явиться в ближайший волостной, уездный или городской комиссариат по военным делам. «Совет обороны постановляет:

1. Дать возможность всем уклонившимся от мобилизации и дезертировавшим из армии загладить свое преступление добровольной явкой в ближайший волостной, уездный или городской комиссариат по военным делам.

2. Явившиеся добровольно в течение 7 дней со дня опубликования настоящего постановления освобождаются от суда и наказания за уклонения от мобилизации и дезертирства» [5].

Критериями освобождения служили с одной стороны добровольность такой явки, а с другой – семидневный срок для явки после объявления постановления. Кроме собственно дезертировавших из армии, таким же правом пользовались и уклонившиеся от мобилизации.

Как и проанализированный выше декрет «О взяточничестве» постановление «О мерах к искоренению дезертирства» обладало обратной силой, следовательно, распространялось только на деяния, случившиеся до его опубликования. Воины, самовольно оставившие службу или уклоняющиеся от учета уже после опубликования, не освобождались от наказания.

Специальный вид освобождения от уголовного наказания предусматривался и Постановлением чрезвычайной комиссии Петрограда «О хранении и сдаче оружия» от 21 марта 1918 г. в отношении незаконного хранения оружия.

В Советский период развивается также и институт амнистии. Акты амнистии приурочивались к датам победы октябрьской революции. Так, например, Постановлением ВЦИК «Об амнистии ко 2-й годовщине Октябрьской революции» от 5 ноября 1919 г. применялось досрочное освобождение от отбывания уголовного наказания. Амнистии подлежали лица, совершившие уголовно-наказуемые преступления с любыми мотивами, кроме корыстных или политических. Политическими мотивами могли быть: заговор против советской власти, а также в содействие партиям и группам, которые поставили себе целью вооруженную борьбу против советской власти.

Амнистия применялась не только к осужденным, но также и к лицам, в отношении которых еще не вынесен обвинительный приговор, причем освобождению подлежали как лица, осужденные судебными органами, так и в административном порядке. Кроме собственно полного освобождения от уголовного наказания амнистией предписывалось и частичное освобождение. Так, осужденным на срок свыше пяти лет лишение свободы сокращалось до пяти лет.

Данный нормативный акт продолжает тенденцию освобождения от уголовного наказания дезертиров, которые должны были в срок до 25 ноября 1919 года встать на военный учет. В этой части акт дублирует положения ранее изданных документов. Однако, в дополнение к освобождению от отбывания наказания Постановлением ВЦИК «Об амнистии ко 2-й годовщине Октябрьской революции» от 5 ноября 1919 г. заменяло расстрел для указанной категории лишением свободы на срок до 5 лет, те же дезертиры, кому было назначено лишение свободы, направлялись в штрафные части, а оттуда – на фронт.

Следующим документом, который отразил развитие уголовной политики в области освобождения от уголовного наказания, стали «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», утвержденные Постановлением Наркомюста от 12 декабря 1919 года. Безусловной заслугой указанного акта являлось определение понятия уголовного наказания, которое заключалось в понимании его как «мер принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)». Именно благодаря такому определению и поставленным задачам (охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других лиц) стало возможным выделения общего условия освобождения от уголовного наказания. Таким условием по нашему мнению может служить отпадение общественной опасности либо виновного, либо преступления.

Еще одним существенным достижением указанного акта является появление такого вида освобождения от уголовного наказания, как условное осуждение в п. 26 Руководящих начал по уголовному праву

РСФСР 1919 г. Условное осуждение в данном нормативно-правовом акте рассматривалось как особый порядок исполнения обвинительного приговора. Данный вид освобождения приостанавливал исполнение приговора, которое возобновлялось при совершении повторного преступления. Основаниями применения условного осуждения являлось совершение преступления впервые, при влиянии неблагоприятных обстоятельств, а условием – пониженная общественная опасность лица. Единственным наказанием, осудить к которому можно было условно, являлось заключение под стражу.

Некоторые авторы, рассматривая исторический аспект развития освобождения от уголовного наказания, полагают, что закрепление в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР условного осуждения не являлось видом освобождения от уголовного наказания: «Положение раздела IV об условном осуждении мы относим к индивидуализации наказания...» [6, с. 72]

В данном нормативно-правовом акте также закреплялось основание освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних. К данной категории лиц применялось воспитательное воздействие. Примечательно, что данный акт унаследовал дореволюционную трактовку основания освобождения несовершеннолетних, а именно – отсутствие у них разума. Это основание освобождения охватывало категорию лиц в возрасте до 14 лет, при этом подобные воспитательные меры применялись и в отношении субъектов от 14 до 18 лет. Однако для применения воспитательного воздействия у упомянутой категории должно было отсутствовать «разумение». Особый подход к несовершеннолетним проявлялся не только в смягчении репрессий для лиц, совершивших преступление, но и в заботе о несовершеннолетних вообще. Например, декретом СНК РСФСР от 4 января 1919 года был создан Совет по защите детей, а декрет ВЦИК от 10 февраля 1921 года предусматривал создание Комиссии по улучшению жизни детей.

По декрету от 4 марта 1920 года «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» комиссии рассматривали дела о преступлениях, совершенных лицом до 18 лет. Несовершеннолетние подлежали уголовной ответственности, только если комиссии считали, что недостаточно одних только мер медико-педагогического воздействия для их исправления. Под эти случаи на практике попадали посягательства на жизнь, причинение тяжких ранений, изнасилование и другие опасные преступления [3, с. 179]. Формулировка: «если в отношении последних возможно медико-педагогическое воздействие» – была введена постановлением Наркомюста от 19 марта 1920 г. Она заменила собой дореволюционный термин «не имеющие разума». Произошло изменение политики в отношении несовершеннолетних, так как для применения оснований освобождения от уголовного наказания уже не требовалось отсутствие разума – то есть, по сути, отсутствие признаков субъекта.

В 1920 году была принята Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, утвержденная совместным постановлением Наркомпроса, Наркомздрава,

Наркомюста [4]. Она в п. 16 предусматривала следующие воспитательные меры для лиц, не достигших 18-ти лет: собеседование, замечание, разъяснение, внушение и оставление на свободе под присмотром родителей и родственников, определение на работу, помещение в школу, отправка на родину, помещение в детский дом, в лечебницу для трудновоспитуемых, в специальные психические лечебницы, в дома для морально-дефектных подростков.

В 1921 году происходит социально-обусловленное разделение двух институтов: освобождения от уголовной ответственности и от уголовного наказания. Документ, впервые использовавший термин «освобождение от уголовной ответственности» – Декрет СНК от 17 октября 1921 года «О порядке реквизиции и конфискации имущества частных лиц и обществ» – указывал, что такой вид освобождения применялся исключительно в качестве специального, а именно за хранение оружия, взрывчатых веществ, воинского снаряжения, телеграфного имущества, при условии их добровольной сдачи (примечание к п. 10 декрета СНК от 17 октября 1921 г.)

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. существенно изменил институт освобождения от наказания. Этому способствовала замена термина наказания понятием мер социальной защиты. Воспринимая опыт ранее изданных нормативно-правовых актов, УК РСФСР 1922 года предусмотрел как общие, так и специальные виды освобождения от наказания.

Несмотря на то, что институт давности (безгласности) был известен еще из дореволюционного права, именно УК РСФСР 1922 г. впервые в советском периоде предусмотрел неприменение наказания (уголовной ответственности) по истечении сроков давности (см: ст. 21 УК РСФСР 1922 г.) наряду с общей положительной тенденцией расширения перечня оснований освобождения от уголовного наказания, существовали и определенные ограничения применения этой нормы. В частности давность применялась только к преступлениям небольшой тяжести. Если максимальный размер санкции в виде лишения свободы не превышал 1 года, то уголовное преследование погасало по истечении 5 лет, если же максимальное наказание не было связано с лишением свободы – по истечении 3 лет.

Еще одним препятствием широкому применению служило то, что эта норма воспринимала дореволюционные положения о давности в части условий применения, так, для освобождения от уголовного наказания было необходимо отсутствие уголовного преследования лица (если за все это время не было никакого производства или следствия по данному делу), а также отсутствие новых преступлений. УК РСФСР не знал порядка прерывания течения сроков давности, поэтому в случае, если виновный скрылся или иным способом уклонился от уголовного преследования, давностные сроки удваивались.

Еще одним видом освобождения от уголовного наказания в УК РСФСР 1922 г. было условно-досрочное освобождение. Основанием его применения являлось предположение суда об исправлении лица. Как указывала ст. 52 УК РСФСР 1922 г., данный вид освобождения применялся к лицам, отбывающим

наказание в виде лишения свободы или принудительных работ. Одновременно анализируемая статья содержала и новеллу уголовного права – а именно освобождение от отбывания наказания с заменой неотбытой части принудительными работами без содержания под стражей на весь оставшийся срок наказания или частично.

Таким образом, исходя из анализа УК РСФСР 1922 года, к общим видам освобождения от уголовного наказания можно отнести: давность, условно-досрочное освобождение (полное и частичное), замену неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Помимо общих оснований освобождения от уголовного наказания в УК РСФСР 1922 г. существовали и специальные. В частности специальные основания освобождения от уголовного наказания присутствовали в законодательном регулировании составов взяточничества, ст. 114: «Лицо, давшее взятку, не наказывается лишь в том случае, если своевременно заявило о вымогательстве взятки или оказало содействие раскрытию дела о взяточничестве», убийства, ст. 143 УК: «убийство, совершенное по настоянию убитого из чувства сострадания, не карается», оскорбления, ст. 172 УК: «Не карается оскорбление, вызванное равным или более тяжким насилием или оскорблением со стороны потерпевшего». Последующие изменения законодательства расширило перечень лиц, к которым может быть применено освобождение за взяточничество, к ним отнесены: лица, получившие взятку, оказавшие посредничество во взяточничестве, какое-либо содействие или не принявшие меры по противодействию взяточничеству [2, ст. 147 – 148].

Отдельно в исследуемом нормативно-правовом акте следует выделить особенности правового регулирования положения несовершеннолетних. При общей тенденции к увеличению сферы применения и видов освобождения от уголовной ответственности УК РСФСР 1922 г., оставляя принцип неприменения к несовершеннолетним, не достигшим 14 лет, наказания

вследствие отсутствия у них разума, снизил максимальный возраст при котором возможно освобождение с применением воспитательных и медико-социальных мер. В силу применения ст. 18 УК РСФСР 1922 г. теперь подвергать таким мерам вместо наказания можно несовершеннолетних только до 16 лет. Ранее данная граница была 18 лет, и устанавливали ее Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. Данная категория подвергалась уголовной ответственности только в исключительных случаях, когда указанные меры не дали результата. В указанный период принудительными мерами воспитательного характера являлись: беседы, внушения, разъяснения, учреждение опеки комиссии по делам несовершеннолетних, передача в школу.

Дальнейшее совершенствование УК РСФСР 1922 г., осуществлявшееся Декретом ВЦИК от 27 июля 1922 г. «О дополнении ст. 33 Общей части УК», исключило применение к несовершеннолетним, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста, высшей меры репрессии. Впоследствии Постановление от 11 ноября 1922 года «Об изменениях и дополнениях уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» дополнило указанный акт ст. 18а и 18б: «18а. Для несовершеннолетних от 14 до 16 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на половину (1/2) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела»; «18б. Для несовершеннолетних от 16 до 18 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на одну треть (1/3) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела».

Такая ситуация, когда одно и то же обстоятельство (несовершеннолетние лица) рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, и в качестве основания для освобождения, характерна для начального этапа развития советского уголовного права.

Литература

1. Декрет «О взяточничестве» 1918 г. // СУ РСФСР. 1918. Сб. 35. Ст. 467, Декрет СНК РСФСР «О борьбе со взяточничеством» от 16 августа 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. Сб. 60. Ст. 421.
2. Декрет ВЦИК И СНК от 9 октября 1922 г. «Об изменении текста ст. 114 УК» // СУ РСФСР. 1922. Сб. 15.
3. Корнилов А. В. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних по дореволюционному и советскому уголовному законодательству // Актуальные вопросы формирования правовой системы России: сб. материалов научно-практической конференции. Томск: ТГУ, 2003.
4. Инструкция, утвержденная постановлением Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомюста // СУ РСФСР. 1920. № 68. Ст. 308.
5. Постановление Совета Рабочей и Крестьянской обороны «О мерах к искоренению дезертирства» от 3 июня 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. Сб. 25. Ст. 287.
6. Якоби, И. В. Развитие института уголовной ответственности и институтов освобождения от уголовной ответственности и уголовного наказания в российском государстве: теоретический и историко-правовой аспект: дис.... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.

Информация об авторе:

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, terent@list.ru.

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 21.05.2014 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в «Вестнике КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе и соответствующие тематике журнала. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением *.doc*, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородные авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. *Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры и рекомендации научного руководителя.*

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.

¹ Форма экспертного заключения в формате *.pdf* представлена на [сайте издания](#)

7. Список литературы.

8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.

2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем не менее 200 – 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5 – 7).

7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.

9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24 – 28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Подписано к печати 5.08.2014 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 29.09.2014 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 33,75. Уч.- изд. л. – 31,54.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ИП «Пермяков Сергей Александрович». 426006, Удмуртская республика, г. Ижевск,
ул. Баранова, 62 – 67.